

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

МЕЛЬНИКОВА Любовь Владимировна

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И ВОЙНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва – 2020

Оглавление

Введение	5–54
Глава 1. Позиция Русской Церкви по отношению к войне и воинской службе. Русская Церковь и государство в XIX веке.....	55–96
1.1. Отношение к войне и ратному служению в русской православной традиции.....	55–70
1.2. Положение Русской Церкви в Российской империи XIX века	70–84
1.3. Место и роль военного и морского духовенства в российской императорской армии и на флоте.....	84–96
Глава 2. Православная Россия против «безбожной» Франции: Русская Церковь и война 1812–1814 гг.....	97–258
2.1. Начало борьбы с Наполеоном. Вклад Церкви в антинаполеоновские пропагандистские кампании 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг.....	97–127
2.2. Духовенство и народная война.....	127–161
2.3. Русская Церковь в западных губерниях Российской империи. «Могилевская церковная смута».....	161–178
2.4. Военное духовенство в регулярной армии.....	178–198
2.5. Победа над наполеоновской Францией. Александр Благословенный	198–210
2.6. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года.....	210–258
Глава 3. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг.....	259–502
3.1. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно- политический фактор как одна из причин Крымской войны.....	259–288
3.2. Позиция иерархов Русской Православной Церкви и Католической Церкви Франции по отношению к Крымской войне	288–316

3.3. Военное и морское духовенство в регулярной армии и на флоте.....	316–344
3.4. Духовная жизнь осажденного Севастополя	344–373
3.5. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста.....	373–402
3.6. Оборона Соловецкого монастыря	402–432
3.7. Русская Церковь и государственное подвижное ополчение	432–470
3.8. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны.....	470–502
Глава 4. Русская Церковь и Русско-турецкая война	
1877–1878 гг.....	503–728
4.1. Православный фактор русской политики на Балканах: церковно-политические предпосылки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.....	503–532
4.2. Российское «славянское движение» 1875–1876 гг. и Русская Православная Церковь	533–565
4.3. Позиция Русской Церкви и российского общества по отношению к начавшейся войне 1877–1878 гг.	565–587
4.4. Общины сестер милосердия. Общество попечения о раненых и больных воинах.....	587–620
4.5. Православные монастыри России и помощь раненым	620–641
4.6. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне: испытание войной	641–647
4.7. Военное духовенство в регулярной армии. Война 1877–1878 гг. в записках полковых священников.....	648–687
4.8. Новый диалог МИДа и Синода с Константинопольским Патриархатом по греко-болгарскому вопросу.....	687–699
4.9. Освобождение Болгарии. Церковные памятники Русско- турецкой войны 1877–1878 гг.....	699–729
Заключение.....	730–741

Список источников и литературы.....	742–802

Приложение: Православные священнослужители, удостоенные наград за отличия, оказанные во время войны 1812–1814 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	803–886

Введение

Актуальность темы исследования

Диссертация посвящена исследованию роли Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. на примере трех крупнейших военных конфликтов: войны 1812–1814 гг. (в российской историографии она традиционно делится на Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.), Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Проблематика представляет интерес как с точки зрения научного исторического исследования, так и с точки зрения современных тенденций развития церковно-государственных отношений.

В XIX в. Российская империя, входившая в число великих мировых держав, занимала одно из ключевых мест на международной арене и имела там свои интересы и сферы влияния. К последним относились прежде всего поддержание системы европейского равновесия и усиление своего влияния на Балканах и Ближнем Востоке, где российские императоры традиционно оказывали покровительство православным народам Османской империи. В осуществлении этих задач российскому правительству существенную помощь оказывал Святейший Синод, который, по сути, сам являлся частью системы государственного управления. Особенно ярко это проявлялось на ближневосточном направлении российской внешней политики, где большая часть политических вопросов была неотделима от церковно-религиозных. Азиатский департамент МИД, созданный 19 апреля 1819 г., постоянно взаимодействовал со Святейшим Синодом. В христианской Европе политические противоречия тогда также зачастую были тесно связаны с межконфессиональными.

Последовательное проведение указанных принципов внешней политики вынудило Россию в XIX столетии принять участие в целом ряде

войн. Крупнейшие из них: война 1812–1814 гг., Крымская война 1853–1856 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – не только изменили политическую карту Европы и расстановку сил на международной арене, но и отразились на внутренней жизни России.

Во всех войнах Российской империи активное и разностороннее участие принимала Русская Православная Церковь, что определялось как исторической связью Церкви с монархической властью и центральным значением православия в духовной жизни страны, так и разной конфессиональной принадлежностью противников. Отечественная война 1812 года и Крымская война 1853–1856 гг. по сути были религиозно-цивилизационным противостоянием Российской империи и Западной Европы. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. воспринималась в российском обществе не иначе как священная война за освобождение единоверных славянских народов от турецкого исламского ига.

Все войны России XIX столетия не были обделены вниманием исследователей. При этом духовно-религиозная составляющая этих войн, без которой невозможно полно и объективно представить и понять происходившие события, не нашла цельного и всестороннего отражения в исторической литературе. Автором диссертационной работы впервые в историографии вскрыт новый пласт в истории военных конфликтов Российской империи.

Помимо научной значимости актуальность темы диссертационного исследования определяется также обращением современного российского общества к национальным традициям страны и поиском государственной и церковной властей новых путей взаимодействия. 21 июля 2009 г. по инициативе Русской Православной Церкви Президент Российской Федерации Д.А. Медведев принял решение о воссоздании в Вооруженных Силах России института военного духовенства. В «Положении о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации», принятом на заседании Священного Синода РПЦ 25–26 декабря 2013 г.,

подчеркивается, что «Церковь видит насущную необходимость в возрождении духовных основ воинского служения, призывая военнослужащих к подвигу и молитве»¹. С начала XXI в. по настоящее время Русская Православная Церковь сотрудничает с различными государственными учреждениями по вопросам обеспечения патриотического воспитания граждан России, что находит отражение в соответствующих программах, утверждаемых постановлениями Правительства Российской Федерации на каждые пять лет.

Таким образом, в настоящее время, в изменившихся условиях церковно-государственных отношений, представляется востребованным изучение места и роли Русской Православной Церкви в истории страны, особенно – в период тяжелых испытаний, когда функции и значение не только военного, но всего православного духовенства проявлялись наиболее рельефно.

Объектом исследования являются три крупнейших войны Российской империи в XIX в. – война 1812–1814 гг., Крымская война 1853–1856 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., а его **предметом** – роль в этих войнах Русской Православной Церкви, формы и степень ее влияния на характер, ход и результаты военных столкновений, а также церковно-политические вопросы в российской внешней политике, в той или иной мере повлиявшие на причины возникновения отдельных военных конфликтов.

Хронологические рамки исследования охватывают XIX век. Основное внимание, разумеется, уделено годам, когда проходили исследуемые в диссертации войны и православное духовенство принимало всестороннее участие в борьбе с врагом. Однако автор рассматривает и предпосылки этих военных конфликтов, в которых так или иначе была задействована Русская Церковь или затронуты церковно-политические

¹ Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации // <http://www.patriarchia.ru/db/print/3481010.html> (дата обращения: 10.03.2020).

вопросы российской внешней политики. Например, значительное место в работе отведено разбору дипломатического спора России и Франции из-за контроля православного и католического духовенства Палестины над святыми местами (конец 1840-х – начало 1850-х гг.). Этот спор, который в историографии часто недооценивают, считая лишь поводом к войне, на самом деле вскрыл глубину противоречий между Россией и Западной Европой по Восточному вопросу и вскоре вылился в международный кризис. Не менее внимательно автор исследует и попытки русской церковной и светской дипломатий урегулировать другой церковно-политический конфликт на Ближнем Востоке – греко-болгарскую церковную распрю (конец 1850-х – начало 1870-х гг.), а также показывает роль Русской Церкви в зарождении и развитии российского «славянского движения» в начале Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Таким образом, нижняя хронологическая граница относится к середине первого десятилетия XIX в., когда император Александр I начал борьбу с наполеоновской Францией (в 1805 г. Россия вступила в 3-ю, а в 1806 г. – в 4-ю антинаполеоновские коалиции), а Русская Церковь приняла участие в первой антинаполеоновской пропагандистской кампании, организованной императором с целью настроить против Наполеона общественное мнение как в России, так и в Западной Европе. Верхние временные рамки определяются концом 1870-х гг., когда завершившаяся Русско-турецкая война 1877–1878 гг., хотя и не решила всех намеченных российским правительством задач, но все же ознаменовала конец Восточного кризиса 1875–1878 гг. и стала значительным этапом в освобождении балканских народов, а также создала условия для их последующего прогрессивного развития.

Территориальные рамки исследования ограничиваются Российской империей и основными странами-противниками: Францией, Великобританией и Османской империей, на территории которых во время рассматриваемых в исследовании войн принимали участие в борьбе с

врагом или заботились о российских военнопленных русские православные священно- и церковнослужители.

Степень разработанности темы

В отечественной историографии роль Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. до настоящего времени не была предметом специального комплексного исследования, однако отдельные аспекты поднятой проблемы так или иначе неоднократно затрагивались. Все работы, имеющие отношение к тематике диссертационного исследования, можно условно разделить на четыре группы: 1) обобщающие труды по истории Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; 2) работы по истории военного духовенства России; 3) исследования, посвященные деятельности русского православного духовенства в целом или каких-либо отдельных его представителей в ходе того или иного военного конфликта; 4) труды по истории международных и межцерковных отношений. В каждой из выделенных групп развитие историографии прошло три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

В общих трудах по истории войн, выполненных в дореволюционный период А.И. Михайловским-Данилевским, М.И. Богдановичем, Н.Ф. Дубровиным, А.М. Зайончковским и другими военными историками, участие духовенства в рассматриваемых событиях затрагивалось лишь фрагментарно². Сам характер работ такого рода не позволял детально

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года: в 4 ч. СПб., 1840–1843; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 3 т. СПб., 1859–1860; он же. Восточная война 1853–1856 гг.: в 4 т. СПб., 1876; Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб., 1900; Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913; Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 9 т. СПб., 1899–1914; Домонтович М.А. Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900; Епанчин Н.А. Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902; Гейсман П.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции: в 2 вып. СПб., 1906; и др.

изучить все аспекты темы, поэтому основное внимание предсказуемо уделялось описанию военных действий. Среди указанных сочинений следует особо выделить монографию А.М. Зайончковского, где значительный интерес для поднятой нами проблемы представляет рассмотрение спора о святых местах, названного автором «прологом к великой исторической драме». Ученый справедливо подчеркнул, что за этим спором «во всей своей сложности вставал Восточный вопрос, который, по выражению одного дипломата, в сущности, являлся вопросом между Западной Европой и Россией»³.

В советский период создание обобщающих трудов по истории крупнейших войн Российской империи продолжалось. Тема рассматривалась, как правило, исключительно с военно-исторической точки зрения, с акцентом на таких вопросах, как вооружение сторон, их стратегия и тактика, оперативное искусство, и с меньшим, явно недостаточным вниманием к вопросам идеологии и культуры. Исследователей, стоявших на платформе исторического материализма и атеизма, роль Русской Церкви в изучаемых событиях, как правило, не интересовала⁴. Об этом либо молчали, либо писали нарочито негативно. Так, например, в фундаментальном труде академика Е.В. Тарле «Крымская война», не без основания называемом многими энциклопедическим, не нашлось места хотя бы для краткого упоминания деятельности в то время Русской Православной Церкви. Подробно рассмотрев экономические и политические причины войны, Е.В. Тарле оставил за скобками вызвавший ее религиозно-дипломатический вопрос. Спор о святых местах Палестины, лишь вскользь им упомянутый, он снабдил иронично-уничижительными комментариями («фантастическая по своей нелепости» «мнимо-

³ Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. СПб., 1908. С. 385–386.

⁴ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. М.-Л., 1941–1943; Фортунов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 г. М., 1956; Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; и др.

религиозная борьба двух императоров из-за каких-то предметов евангельской археологии»)⁵, низведя его тем самым до смехотворного повода, за который ухватились Николай I и Наполеон III для развязывания давно назревавшей войны. Однако при этом нельзя не обратить внимания на оговорку ученого, что вопрос этот «стал быстро приобретать значение борьбы французской и русской дипломатии за влияние на Турцию», и что «в Европе сразу заговорили... о пробе сил»⁶. Отсутствует Русская Церковь и в работе Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год».

Уже на исходе советского периода, в 1988 г., вышла монография Н.А. Троицкого «1812. Великий год России». Несмотря на поставленную перед собой задачу «исправить хотя бы наиболее характерные из накопившихся в литературе концепционных несообразностей и оценочных заблуждений», в рассматриваемом вопросе автор остался на прежних идеологических позициях. Почти не используя источники, свидетельствующие о деятельности духовенства во время войны, он тем не менее критически отметил, что оно помогало народной войне главным образом «божьим словом» и патриотическими молитвами во славу русского оружия, тем самым явно умалив вклад духовного сословия в общее дело борьбы с врагом. Основываясь на нескольких единичных случаях измены со стороны священнослужителей западных губерний и не сравнивая сложившуюся там ситуацию с обстановкой в центральных районах страны, где отношение к Наполеону было принципиально иным, Н.А. Троицкий отметил «сословную корысть» духовенства и сделал необоснованный и ошибочный вывод, что «Церковь в Отечественной войне 1812 года скомпрометировала себя перед Россией»⁷.

В обобщающих трудах по истории войн Российской империи, изданных в конце XX – начале XXI в., несмотря на отказ от советских

⁵ Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М.-Л., 1950. С. 135–136.

⁶ Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 1941. С. 125–127.

⁷ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 216.

идеологических установок, Русской Церкви, как правило, по-прежнему не отводился какого бы то ни было места⁸.

По истории военного духовенства специальные работы начали появляться со второй половины XIX в. Первой из них стал очерк Н. Невзорова, где представлен общий обзор истории появления священнослужителей в армии и на флоте, складывания их взаимоотношений с военным командованием и епархиальным начальством, формирования и развития органов управления армейским и флотским духовенством⁹. Т.В. Барсов, через четыре года опубликовавший работу по той же проблеме, во введении к ней критически оценил труд своего предшественника: «Этот очерк составлен очень коротко, чтобы не сказать бегло, так что он ни об одном органе управления военным духовенством не дает обстоятельного и полного представления в его последовательном, генетическом развитии. ... Автор, задавшись мыслью рассмотреть разные стороны военного духовенства, не выяснил ни одной из этих сторон с должною внимательностью»¹⁰. Используя документы четырех архивов (Святейшего Синода, канцелярии главного священника армии и флота, канцелярии главного священника Главного штаба гвардейского и гренадерского корпусов, Александро-Невской лавры), Т.В. Барсов, несомненно, расширил собранные Н. Невзоровым сведения по истории создания и развития ведомства военного духовенства, подробно охарактеризовал его структуру и выполняемые им задачи, исправил допущенные в предыдущей работе фактические ошибки. Однако оба автора не ставили своей целью рассмотрение непосредственной деятельности полковых священников в конкретно-исторической обстановке, поэтому все войны остались вне поля их зрения.

⁸ *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010; и др.

⁹ *Невзоров Н.* Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875.

¹⁰ *Барсов Т.В.* Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 2.

В начале XX в. дальнейшее развитие темы было стимулировано несколькими юбилеями. В 1900 г., к 100-летию обособления военного духовенства от епархиального (учреждения должности обер-священника армии и флота), были изданы работа А.А. Боголюбова, где на материалах архива канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства в форме биографических очерков были представлены сведения о жизнедеятельности всех обер-священников армии и флота¹¹, и книга священника лейб-гвардии Конного полка Ф.М. Ласкеева, основанная на трудах предшественников и предназначенная для популяризации содержащихся в них сведений среди военнослужащих¹².

В 1902 г., когда в стране отмечался 100-летний юбилей образования министерств и по распоряжению императора Николая II готовились многотомные книги об истории их деятельности, вышел в свет 13-й том «Столетия военного министерства» («Управление церквами и православным духовенством военного ведомства»), составленный протопресвитером А.А. Желобовским¹³. В нем кратко излагалась история возникновения и развития института военного духовенства, приводились очерки жизни и деятельности «высших военно-духовных начальников», рассматривалась «пастырская система религиозно-нравственного воздействия на войска», публиковались выдержки из наградных дел наиболее отличившихся полковых священников за минувшее столетие с кратким описанием их подвигов на полях сражений.

К 50-летию обороны Севастополя протоиерей Н. Каллистов на основе различных источников (главным образом, послужных списков и приказов о награждениях) собрал сведения о более чем 230 священнослужителях

¹¹ Боголюбов А.А. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 гг. СПб., 1901.

¹² Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб., 1900.

¹³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XIII: Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. Исторический очерк / Сост. А.А. Желобовский. СПб., 1902.

военного и морского ведомства, принимавших участие в защите города и удостоенных за это каких-либо знаков отличия¹⁴. Эта справочная по характеру работа, опубликованная в «Вестнике военного духовенства», представляет несомненный интерес, однако требует критического подхода, так как содержит немало фактических ошибок. К 100-летию Отечественной войны 1812 года в том же журнале были опубликованы «Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года», вышедшие затем отдельным изданием¹⁵. Составленные по тому же принципу, они также не избежали отдельных фактических ошибок и неточностей. Тогда же вышла брошюра протопресвитера Г.И. Шавельского «Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном», рассказывающая о подвигах наиболее отличившихся армейских пастырей¹⁶.

В первые десятилетия советского периода, в условиях установившейся в стране атеистической идеологии, немногочисленные работы по истории военного духовенства носили пропагандистский характер и были направлены на разрушение в обществе дореволюционных представлений о религии и взаимоотношениях армии и Церкви. Как правило, это были небольшие брошюры, которые наряду с критикой и необъективной оценкой деятельности армейских пастырей тем не менее содержали определенный фактический материал по проблеме. Таковы работы Б.П. Кандидова, М.М. Шеймана, В.О. Василенко и др.¹⁷

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда для поддержания в народе патриотических настроений были важны любые

¹⁴ *Каллистов Н., прот.* Историческая записка о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия // Вестник военного духовенства. 1904. № 14. С. 439–447; № 15. С. 469–480; № 16. С. 496–504; № 17. С. 529–540; № 18. С. 559–568.

¹⁵ Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. СПб., 1912.

¹⁶ *Шавельский Г.И.* Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912.

¹⁷ *Кандидов Б.П.* Религия в царской армии. М., 1929; *Шейман М.М.* Война и религия. М., 1929; *Василенко В.О.* Офицеры в рясах (Духовенство в царской армии). М., 1930; и др.

примеры героического прошлого страны и произошел поворот государственной власти в сторону Церкви, стало возможно появление более взвешенных работ о подвигах армейского духовенства в войнах России XIX в. В 1944 г. в «Журнале Московской Патриархии» на эту тему были опубликованы статьи М. Архангельского и И.Н. Шабатина, основанные в основном на дореволюционной литературе¹⁸.

В постсоветский период, на волне возросшего общественного интереса к истории религии и Церкви, вышли в свет несколько идеологически неангажированных трудов по истории военного духовенства. Среди них следует отметить довольно информативные статьи А. Смирнова, Е. Сергеевой, Ю.А. Бабинова, Н.С. Крылова, В.В. Крестьянникова, М.М. Фроловой, посвященные участию армейских священников в той или иной войне¹⁹. В 1999 г. была издана монография С.Ю. Чимарова «Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг.», где был исследован опыт формирования системы религиозно-нравственного воспитания в русской армии²⁰. Автор выделил три этапа в процессе формирования ведомства военного духовенства (начальный (1800–1815 гг.), «на пути к пресвитерианству» (1816–1890 гг.) и пресвитерианский (1890–1917 гг.)), систематизировал и рассмотрел формы религиозно-нравственного воспитания в войсках, выделив два

¹⁸ *Архангельский М.* Патриотизм православного духовенства // Журнал Московской патриархии. 1944. № 1. С. 23–26; *Шабатин И.Н.* Русское православное духовенство в Великой Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской патриархии. 1944. № 5. С. 32–36.

¹⁹ *Смирнов А.* С крестом в руке впереди полка // Наука и религия. 1991. № 9; *Сергеева Е.* С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. 1995. № 2. С. 118–120; *Бабинов Ю.А.* Героизм православных священников в обороне Севастополя // Крымский архив. 1997. № 3; *Крылов Н.С.* Армейское духовенство в войне 1812 г. // Бомбардир. 2000. № 10. С. 75–79; *Крестьянников В.В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь, 2006. С. 18–23; *Фролова М.М.* Военное духовенство в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (на Балканском фронте) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 85–101.

²⁰ *Чимаров С.Ю.* Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999.

основных компонента: богослужебный (совершение литургий и молебнов, проведение крестных ходов, осуществление церковных треб, чтение проповедей, освещение орудий и кораблей и др.) и специфический или внебогослужебный (проведение пастырских бесед, организация занятий по словесности, антиалкогольная пропаганда и др.), впервые в историографии рассмотрел миссионерскую деятельность военного духовенства по искоренению сектантства в армии и на флоте. Коснулся он и деятельности военного и морского духовенства во время войн России в XIX – начале XX в., однако сделал это очень бегло и выборочно. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вообще выпала из поля его зрения.

В 2004 г. вышла в свет двухтомная монография В.М. Коткова «Военное духовенство России. Страницы истории», где была сделана попытка обобщить имевшийся к тому времени в историографии материал по теме и дополнить его некоторыми новыми архивными материалами²¹. Обозначив широкий круг проблем, автор рассмотрел их с разной степенью подробности и глубины. Наиболее удачными представляются параграфы, посвященные истории армейской семинарии и военному духовенству неправославного вероисповедания. Что касается интересующих нас войн, то Русско-турецкая война 1877–1878 гг., как и в книге С.Ю. Чимарова, оставлена им без внимания, Крымская война 1853–1856 гг. рассмотрена очень поверхностно, сведения же об участии армейских священников в Отечественной войне 1812 года являются в основном прямым, часто дословным, заимствованием из работ автора настоящей диссертации²² с перенесением оттуда и ссылок на архивы, что свидетельствует о недобросовестности исследователя и нарушении им научной этики.

²¹ Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории: в 2 кн. СПб., 2004.

²² Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; она же. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38.

Значительный интерес представляют две справочные работы о военном и морском духовенстве, подготовленные К.Г. Капковым²³. Основанные на обширном архивном и опубликованном материале и снабженные добротными вступительными статьями, они могут служить хорошим подспорьем для дальнейших исследований этой темы.

Завершая анализ трудов по истории военного духовенства, следует отметить также недавно защищенную в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина кандидатскую диссертацию А.В. Дробышева «Православная Церковь и русская армия в XIX веке»²⁴. Поставив целью своей работы «системное изучение взаимодействия Русской Православной Церкви и российской армии в XIX веке», исследователь при рассмотрении войн вышел за пределы своей темы, коснувшись и некоторых направлений деятельности приходского духовенства в народе. Как и В.М. Котков, он активно, порой дословно, использует работы автора настоящей диссертации²⁵, при этом далеко не всегда добросовестно на них ссылается. Небольшой объем кандидатской диссертации и невнимательное изучение источников и историографии не позволили А.В. Дробышеву глубоко раскрыть заявленную им проблему. Имеют место и досадные фактические ошибки. Реальная научная новизна его работы заключается в основном в привлечении новых документов из двух региональных архивов (Государственного архива Воронежской области и Государственного архива Тамбовской области), однако и эти материалы касаются деятельности приходского духовенства, а отнюдь не военного.

²³ Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008; *он же*. Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белгород, 2012.

²⁴ Дробышев А.В. Православная Церковь и русская армия в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2018.

²⁵ Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38; *она же*. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.

Что касается трудов, посвященных непосредственно роли православного духовного сословия (или отдельных его представителей) в той или иной войне Российской империи, то в дореволюционный период они представлены небольшим количеством брошюр и статей. До 1917 г. сама сращенность государственного и церковного аппарата не позволяла увидеть в теме «Церковь и война» отдельного исторического содержания. Поэтому исследуемая проблематика не получила достаточной разработки и осмысления.

Несколько работ в это время было посвящено обороне Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. от нападения английской эскадры²⁶. Обстрел этой мирной обители в ходе Крымской войны, а также благополучный исход сражения немногочисленной инвалидной команды и монахов с превосходящими силами противника произвели глубокое впечатление на современников, объяснивших происшедшее заступничеством Божественного Провидения. Все эти работы носят научно-популярный характер и выполнены с религиозно-патриотических позиций. Из них наибольшим спросом в русском обществе пользовалась брошюра известного церковного историка А.Н. Муравьева «Подвиги Соловецкой обители», выдержавшая со временем 11 изданий. Конфликт, возникший в 1854 г. (в том числе из-за вопросов, связанных с укреплением Соловецкого монастыря), между Архангельским военным губернатором вице-адмиралом Р.П. Бойлем и епископом Архангельским и Холмогорским Варлаамом (Успенским) попытался разобрать в небольшой статье С. Артоболевский, однако поставленный им вопрос: «Кто же [из них был] прав, а кто виноват в этом деле?» так и остался без ответа²⁷.

²⁶ [Муравьев А.Н.] Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1855; Сырцов И., *прот.* Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. Исторический очерк. М., 1904; Описание обороны Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря от нападения 6 и 7 июля 1854 г. Архангельск, 1905; и др.

²⁷ Артоболевский С. Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. Кн. VI. С. 671–680.

В 1912 г., к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года, вышел целый ряд научно-популярных изданий и статей, посвященных участию в ней представителей духовного сословия²⁸. Н.П. Розанов, служивший в Московской духовной консистории, на материалах ее архива составил в это время очерк об ущербе, нанесенном наполеоновской армией церквям и монастырям Москвы²⁹. Подводя итоги освещения роли Церкви в войне 1812 года в юбилейной литературе, С.Н. Чернышев подчеркнул, что главная заслуга духовенства заключалась в том, что проповедями и личным примером оно способствовало подъему религиозно-патриотического настроения русского народа, результатом чего явилась активная борьба с врагом³⁰.

В дореволюционный период тема затрагивалась также в биографических описаниях участвовавших в войнах известных священнослужителей, главным образом архиереев. Например, И.М. Снегирев в жизнеописаниях митрополита Московского Платона (Левшина) и епископа Дмитровского (с 1818 г. – архиепископа Московского) Августина (Виноградского) показал деятельность этих иерархов и подведомственного им московского духовенства во время войны 1812 года, ярко представив при этом картину духовной жизни

²⁸ Никольский А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912 (В 1911–1912 гг. очерки Никольского были опубликованы также в виде отдельных статей в журнале «Московские церковные ведомости»); Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912; Студитский И.М. Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года. Кострома, 1912; Шингарев В. Русское духовенство в Отечественную войну // Рижские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 527–541, № 18. С. 568–581 (То же // Минские епархиальные ведомости. 1912. № 16. С. 570–587, № 17. С. 624–640); Орловский И. Дьячок-партизан 1812 года // Исторический Вестник. 1902. № 10; Левашев П. Историческое сказание о Смоленской иконе Божией Матери Одигитрии, шествовавшей в рядах русской армии в Отечественную нашу войну 1812 года // Душеполезное чтение. 1912. № 7–8; Каверзнев С. «С нами Бог!» Саратов, 1912; Маслов П. Участие русской церкви и духовенства в событиях Отечественной войны. Симферополь, 1913; и др.

²⁹ Розанов Н.П. Московские святые в 1812 году. М., 1912. См. также: Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч. 3. Кн. 2. М., 1871.

³⁰ Чернышев С.Н. Православно-русское духовенство в его служении церкви и государству в эпоху Отечественной войны. Киев, 1913.

России начала XIX в., которая в то время была неотделима от православия³¹. Патриотическая деятельность архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны кратко затрагивалась в различных посвященных ему биографических изданиях³². Пастырские труды протоиерея севастопольской Петропавловской церкви Арсения Лебединцева, направленные на поддержание морального духа защитников осажденного города, рассмотрел протоиерей С. Петровский в небольшом биографическом очерке, приуроченном к 10-летию со дня смерти отца Арсения³³.

Многочисленная литература в XIX в. была посвящена исключительному событию в истории Русской Церкви – государственной измене архиепископа Могилевского Варлаама (Шишацкого), присягнувшего Наполеону. Обзор историографии этого вопроса дал К.А. Военский в 3-м томе сборника «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года», где опубликованы все основные документы следственного дела Варлаама³⁴.

В советский период те немногие исследователи, которые в той или иной мере касались деятельности духовенства в годы войн Российской империи, давали ей крайне сдержанные или негативные оценки. Так, например, историки, писавшие об обороне Соловецкого монастыря, считали своим долгом опровергнуть «легенду о чудесном спасении»

³¹ *Снегирев И.М.* Очерки жизни Московского архиепископа Августина. М., 1848; *он же.* Жизнь Московского митрополита Платона. М., 1856.

³² *Макарий (Булгаков), еп.* Биографическая записка о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Ученые Записки второго отделения Императорской Академии Наук. Кн. V. СПб., 1859. С. XXXVIII–LIV; *Востоков Н.М.* Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1878. Т. 21. № 2. С. 193–204, Т. 21. № 4. С. 547–572, Т. 23. № 11. С. 367–398, 1879. Т. 24. № 1–4. С. 651–708; *Левитский Н.* Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Душеполезное чтение. 1902. Ч. II. С. 282–297, 575–583; Ч. III. С. 46–55, 307–319, 466–475; и др.

³³ *Петровский С., прот.* К 10-летию смерти кафедрального протоиерея Арсения Гавриловича Лебединцева. Биографический очерк с приложениями, составленный на основании новых документов. Одесса, 1908.

³⁴ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года / Под ред. К.А. Военского. Т. III. СПб., 1912. С. 167–269.

обители, созданную, по их мнению, монахами для того, чтобы увеличить популярность монастыря и повысить свои доходы за счет «одураченных паломников»³⁵. Монография Г.Г. Фруменкова о Соловецком монастыре в XVI–XIX вв.³⁶, основанная на многочисленных документах из центральных и региональных архивов, несомненно, содержит богатый фактический материал по проблеме, но при этом страдает излишней публицистичностью и тенденциозно-избирательным подходом к источникам. Автор намеренно умаляет роль монахов, делая упор на участии в обороне обители инвалидной команды и содержащихся там заключенных – «врагов самодержавия», гневно обличает создателей пресловутой легенды и, наконец, предвзято изображает деятельность в Беломорском крае военной и церковной властей.

О.А. Яковлев в кандидатской диссертации «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество» при рассмотрении российского общественного движения в годы Восточного кризиса уделил некоторое внимание и участию в нем Русской Церкви³⁷. Однако он ограничился в основном подсчетом пожертвований, сделанных духовенством на военные нужды. При этом исследователь пришел к выводу, что сумма этих пожертвований «оказалась не столь велика, как можно было предположить», ибо «Церковь в России располагала огромными материальными средствами»³⁸.

На исходе советского периода, в 1987 г., в «Богословских трудах» была опубликована обширная статья К.Е. Скурата, содержащая взвешенную характеристику роли Русской Церкви в освобождении

³⁵ См., например: *Давыдов А.Н.* Два колокола времен Крымской войны (К истории легенды о «чудесном» спасении Соловецкого монастыря) // *Русский Север и Россия в годы Крымской войны*. Вологда, 1979. С. 64–83.

³⁶ *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

³⁷ *Яковлев О.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

³⁸ *Яковлев О.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 13.

балканских народов от османского ига, а затем от фашистских оккупантов³⁹. В этой работе, основанной главным образом на материалах церковной периодики, значительное внимание уделено событиям Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В постсоветский период, когда 70-летняя «завеса молчания», закрывавшая церковно-историческую проблематику, отодвинулась окончательно, рассматриваемая тема стала привлекать внимание исследователей.

И.А. Курляндский в научной биографии митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) рассмотрел участие владыки в российском «славянском движении» 1870-х гг., а также меры, принятые им для оказания помощи раненым и больным воинам русской армии во время войны 1877–1878 гг.⁴⁰ Е.Б. Емченко в коллективной монографии «Женщина в православии» остановилась на благотворительной деятельности женских монастырей, направленной в годы Русско-турецкой войны на военные нужды⁴¹.

С.А. Кочуков в своих исследованиях, посвященных восприятию войны 1877–1878 гг. российским обществом, Русской Церкви отвел совсем немного места⁴². Он повторил данные О.А. Яковлева о пожертвованиях духовенства, а также констатировал, что, помимо этого, «представители Церкви участвовали непосредственно в войне в качестве полковых священников» и нередко работали в госпиталях и лазаретах, «оказывая помощь врачебному и сестринскому персоналу», но в подтверждение и развитие этих положений привел очень мало фактического материала и не

³⁹ Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 120–174.

⁴⁰ Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 241–266.

⁴¹ Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 290–294.

⁴² Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2012; он же. «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

представил практически никакой статистики. При этом исследователь отметил, что участие Церкви в войне 1877–1878 гг. было «самым активным», а ее служители в это время «вливали на формирование русского общественного мнения не меньше, чем пресса»⁴³.

Специальной работой о роли Церкви в событиях Восточного кризиса 1875–1878 гг. стала недавно защищенная кандидатская диссертация С.В. Архипова⁴⁴. Автор ввел в научный оборот довольно значительное количество новых архивных документов, однако ограничился рассмотрением сравнительно узкого круга вопросов. Ими стали в основном благотворительная деятельность православного духовенства в 1875–1878 гг. (традиционно понимаемая им главным образом как пожертвования в пользу славян и раненых русских воинов), освещение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в газете «Московские епархиальные ведомости» и история сооружения Памятника героям Плевны. Целый ряд важных вопросов, имеющих непосредственное отношение к теме исследования, он либо оставил в стороне, либо затронул мимоходом. Кроме того, существенными недостатками работы являются, на наш взгляд, ее поверхностный характер, достаточно сумбурное и слишком эмоциональное изложение материала, а также слабое понимание автором церковно-политических реалий рассматриваемого исторического периода (отметим, в частности, его утверждение, что ради «помощи страдающему болгарскому народу» Русская Церковь якобы готова была разорвать отношения с Константинопольским Патриархатом)⁴⁵.

Комплексным изучением роли Русской Православной Церкви в Отечественной войне 1812 года, Крымской войне 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стали четыре монографии автора настоящей

⁴³ Кочуков С.А. «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. С. 325–335.

⁴⁴ Архипов С.В. Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

⁴⁵ Архипов С.В. Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 21.

диссертации, выполненные в процессе многолетней работы над данной научной проблематикой⁴⁶.

В трудах по истории международных и межцерковных отношений неоднократно затрагивались церковно-политические вопросы, предшествовавшие Крымской и Русско-турецкой войнам. Этими вопросами были соответственно спор о святых местах и греко-болгарская церковная распря.

Спор вокруг святых мест Палестины в дореволюционной историографии считался главной, едва ли не единственной, причиной Восточного кризиса 1853 г. Вмешательство российского императора Николая I в этот спор признавалось вынужденным и отвечавшим национальным интересам страны, в орбиту которых входила защита восточного православия. Ответственность за развязывание войны возлагалась на Францию и, главным образом, на Великобританию. Эти положения, в частности, были развиты в работах А.Г. Жомини⁴⁷ и С.А. Жигарева⁴⁸, где давался обстоятельный разбор российской внешней политики накануне Крымской войны.

Советская историография практически игнорировала проблему святых мест, низводя ее до формального повода для развязывания военных действий, о чем уже говорилось выше в связи с монографией Е.В. Тарле. Ситуация начала меняться после выхода работ В.Н. Виноградова,

⁴⁶ Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; она же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; она же. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012; она же. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 2020.

⁴⁷ [Jomini A.] Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856). Par un ancien diplomate. 2 vol. SPb., 1878; Jomini A. Diplomatic Study on the Crimean war (1852 to 1856): Russian official publication. London, 1882; Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 2–10.

⁴⁸ Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические этюды: в 2 т. М., 1896.

придавшего этой проблеме гораздо большее значение⁴⁹. В 1999–2010-х гг. вышло несколько работ, в которых спор о святых местах стал предметом внимательного, объективного изучения⁵⁰. Среди них следует особо выделить монографию О.В. Анисимова «Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины», где рассматривается в основном роль Франции в возникновении Восточного кризиса 1853 г.⁵¹ Автор прослеживает место святых мест во внешней политике Наполеона III на протяжении всего периода его правления (1848–1870). Несомненным достоинством работы является широкое привлечение документов из Архива Министерства иностранных дел Франции (Ministère des Affaires Étrangères, Archives Diplomatiques). Исследователь приходит к выводу, что «франко-русские отношения 1848–1853 гг. – это преимущественно столкновение личностных амбиций Луи-Наполеона и Николая I», которые «в палестинские осложнения вкладывали соображения престижа». Он считает, что спор о святых местах стал причиной кризиса 1853 г. и «детонатором» Крымской войны⁵².

Греко-болгарская церковная распря и решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы вызвали активный интерес российских современников, которые не могли оставаться равнодушными к ссоре своих единомышленников и проблемам Вселенской Православной Церкви.

⁴⁹ Виноградов В.Н. «Святые места» и земные дела (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 136–152; № 6. С. 129–144; и др.

⁵⁰ Бушуева С.В. Проблема святых мест в ближневосточной политике Российской империи XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999; Якушев М.И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245–288; он же. Конфликт из-за Святых мест Палестины как казус белли Крымской (Восточной) войны // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. С. 437–487; Фомин А.М. Европейские державы в борьбе за «Святую землю»: религиозный аспект ближневосточной политики России и Франции от Крымской войны до начала XX века // Вестник Московского государственного университета. Серия «История». 2006. № 3. С. 72–91.

⁵¹ Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014.

⁵² Там же. С. 299, 304.

«По горячим следам» вышло немало публикаций, из которых наиболее основательными являются работы Т.И. Филиппова и В.А. Теплова⁵³. Указанные авторы, занимавшие соответственно прогреческую и проболгарскую позиции, внимательно анализировали развитие греко-болгарского церковного спора, однако попыткам российской светской и церковной дипломатии урегулировать данный конфликт уделяли гораздо меньшее внимание. Деятельность на этом поприще российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева кратко затронул А.А. Дмитриевский в начале XX в.⁵⁴ Через столетие эта тема была развита В.М. Хевролиной в научной биографии Н.П. Игнатьева⁵⁵. Изучением греко-болгарского церковного вопроса в рамках исследования русской церковной политики на православном Востоке занималась Л.А. Герд, однако ее интересовал в основном более поздний период: с 1878 г. по 1914 г.⁵⁶

Все указанные авторы, как правило, не прослеживали связь церковно-политических событий, происходивших на Балканах и Ближнем Востоке в конце 1850-х – начале 1870-х гг., с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Между тем борьба болгарского народа за церковную независимость и решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы способствовали росту в российском обществе панславистских настроений, особенно усилившихся в годы Восточного кризиса, а позиция российского Святейшего Синода по поводу греко-болгарской распри оказала существенное влияние на взаимоотношения Русской Церкви,

⁵³ *Филиппов Т.И.* Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря. СПб., 1870; *Теплов В.А.* Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889.

⁵⁴ *Дмитриевский А.А.* Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архим. Антонину Капустину). СПб., 1909.

⁵⁵ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009.

⁵⁶ *Герд Л.А.* Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 80–90-е годы XIX века // Религии мира: История и современность. М., 2004. С. 304–375; *она же.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006; *она же.* Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 1901–1914 гг. // Исторические записки. 2010. Т. 13 (131). С. 225–273.

Константинопольского Патриархата и Болгарского экзархата во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Среди работ по истории международных и межцерковных отношений особое место занимают труды Н.Н. Лисового и И.Ю. Смирновой. В них не рассматриваются непосредственно изучаемые в диссертационном исследовании вопросы, но представлена широкая картина русского присутствия и конкретной деятельности в Святой Земле и на Ближнем Востоке российских государственных и церковных учреждений, показаны церковно-дипломатические отношения великих держав в контексте их взаимодействия и противостояния в данном регионе⁵⁷.

В зарубежной историографии роль Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. отражения практически не нашла. Одним из редких исключений является монография английского ученого Д. Ливена «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814», где рассматриваемая проблема затронута фрагментарно⁵⁸. В целом же данный вопрос не входит в сферу интересов иностранных коллег, чего нельзя сказать о религиозной политике держав в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Спор о святых местах рассматривается западноевропейскими учеными практически во всех работах, посвященных Восточному вопросу и Крымской войне. Французские исследователи (П. де ля Горс, Э. Бапст, А. Мале, А. Дебидур и др.), как правило, оправдывают действия Наполеона III, добивавшегося, по их мнению, восстановления престижа Франции, и критикуют политику Николая I, который, как они полагают, мог, но не захотел принять компромисс, предлагаемый ему французским

⁵⁷ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке. М., СПб., 2015; Смирнова И.Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М., 2016.

⁵⁸ Lieven D. Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009; Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 / Пер. с англ. М., 2012.

императором⁵⁹. Английские и американские историки оценивают происходившие события по-разному. Одни (А.Дж. Тэйлор, Дж.Ш. Кёртис, Н. Рич и др.) признают важность для России сохранения status quo в вопросе о святых местах Палестины и возлагают ответственность за разжигание конфликта на западные державы⁶⁰. Другие (Д. Голдфрэнк и др.) считают религиозно-дипломатический спор несущественным и главную роль в развитии международного кризиса отводят России⁶¹.

В изучение греко-болгарского церковного вопроса среди зарубежных коллег наибольший вклад внесли болгарские исследователи. Среди них следует особо выделить В.П. Боневу, З. Маркову и патриарха Болгарского Кирилла, чьи труды основаны на богатой источниковой базе и отличаются глубокой проработкой проблемы⁶². В число востребованных тем болгарской историографии входит и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., однако исследователи концентрируют свое внимание в основном на рассмотрении военных событий на Балканах 1877–1878 гг. и гораздо в меньшей степени затрагивают вклад в освобождение Болгарии различных представителей русского общества. Определенный интерес для рассматриваемой проблемы представляют работы Ц. Генова и Й. Митева,

⁵⁹ *Gorce, de la P.* Histoire du Second Empire. 7 vol. Paris, 1894–1905. Т. 3; *Bapst E.* Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854. Paris, 1912; *Мале А.* Восточный вопрос // История XIX века: в 8 т. / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо / Пер. с франц. 2-е изд. Т. 5. М., 1938. С. 200–256; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): в 2 т. / Пер. с франц. М., 1947; и др.

⁶⁰ *Тейлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / Пер. с англ. М., 1958; *Curtiss J.Sh.* Russia's Crimean War. Durham, 1979; *Rich N.* Why the Crimean war? A Cautionary tale. Hanover, 1985; и др.

⁶¹ *Goldfrank D.M.* The Origins of the Crimean War. London, 1994; и др.

⁶² *Кирил, патр. Български.* Паисий, митрополит Пловдивски в църковно-народната борба. Пловдив, 1948; *он же.* Панарет, митрополит Пловдивски (1805–1883). София, 1950; *он же.* Екзарх Антим (1816–1888). София, 1956; *он же.* Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958; *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; *она же.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Бонева В.П.* Българското църковнонационално движение. 1856–1870. Велико Търново, 2010.

посвященные истории знаменитого Самарского знамени – священного символа единства и духовности двух славянских народов⁶³.

Цель диссертационной работы заключается в подробном, комплексном исследовании и объективной оценке роли Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. (на примере войны 1812–1814 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), а также места религиозно-дипломатических вопросов в российской внешней политике во время церковно-политических конфликтов на Ближнем Востоке, предшествовавших Крымской и Русско-турецкой войнам.

Задачи исследования, которые потребовалось решить для достижения поставленной цели, заключаются в следующем:

1. Прояснить каноническую и практическую позицию Русской Православной Церкви по отношению к войне и воинской службе.
2. Определить положение Русской Церкви в Российской империи XIX в. (ее взаимоотношения с государственной властью, армией и обществом).
3. Проанализировать церковную проповедь периода войны 1812–1814 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: выявить основные положения этой проповеди, показывающие восприятие Церковью противника и происходившего противостояния; определить степень обоснованности проводимой таким образом пропаганды и ее влияния на народные массы.
4. Рассмотреть меры, принимавшиеся Святейшим Синодом во время войн в связи с военными нуждами.
5. Показать место и роль военного и морского духовенства в регулярной армии и на флоте во время исследуемых военных конфликтов.

⁶³ *Генов Ц.* Осветяването на Самарското знаме в гр. Пловдив през 1877 г. 6 май и славата на българските опълченци и поборници. София, 1958; *Митев Й.* Пътят на Самарското знаме. София, 1962.

Уточнить список армейских священников и флотских иеромонахов, удостоенных наград за отличия, проявленные на театре военных действий.

6. Выявить случаи участия приходского духовенства и монашества в отражении вооруженного нападения противника или его мародерских отрядов во время Отечественной войны 1812 года и Крымской войны.

7. Показать ущерб, нанесенный в 1812 г. наполеоновской армией российским православным храмам и монастырям. Определить причины вандализма завоевателей и степень его влияния на русское общество.

8. Рассмотреть «Могилевскую церковную смуту» 1812 г. Определить ее специфику и причины возникновения.

9. Изучить становление и развитие во второй половине XIX в. частной медицинской помощи на театре военных действий, показать роль Церкви в организации общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. – Российское Общество Красного Креста). Исследовать участие общин сестер милосердия в Крымской и Русско-турецкой войнах. Показать роль духовников Крестовоздвиженской общины в сплочении этого учреждения.

10. Исследовать попечение настоятелей русских посольских церквей в Париже и Лондоне о судьбе пленных соотечественников, содержавшихся во время Крымской войны во Франции и в Великобритании.

11. Рассмотреть дипломатический спор Франции и России о святых местах Палестины, определить его место и характер в предыстории Крымской войны.

12. Показать сущность греко-болгарского церковного спора, а также попытки русской церковной и светской дипломатии урегулировать этот конфликт.

13. Определить место и роль духовного сословия в российском «славянском движении» на начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876 гг.).

14. Исследовать новый диалог между Константинопольской Патриархией и российским Святейшим Синодом по поводу болгарской схизмы, возникший в 1878–1879 гг. в связи с совместными богослужениями, проводимыми русскими армейскими священниками с болгарским духовенством во время Русско-турецкой войны.

15. Выявить и охарактеризовать церковные памятники, установленные в честь Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Источниковая база исследования

Исследование основано на широком комплексе разнообразных исторических источников, которые можно условно поделить на две большие группы: архивные материалы и опубликованные документы.

Первая группа включает в себя около 300 документов, выявленных в 32 фондах девяти российских и одного зарубежного архивохранилищ. В число последних входят: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы), Архив города Севастополя (АГС), Библиотека Императорского Православного Палестинского Общества (Библиотека ИППО), Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (АРДМ; Израиль, Иерусалим). Значительная часть выявленных источников впервые вводится в научный оборот.

Основными источниками, отражающими сущность и развитие церковно-политических конфликтов на Ближнем Востоке, вошедших в число причин Крымской и предпосылок Русско-турецкой войн, являются документы АВПРИ, отложившиеся в фондах: «Отчеты МИД России» (ф. 137), «Канцелярия министра иностранных дел» (ф. 133), «Посольство в

Константинополе» (ф. 180), «Политические донесения по Ближнему и Среднему Востоку. Санкт-Петербургский Главный архив, V-A 2», (ф. 161/1), «Политический отдел Санкт-Петербургского Главного архива» (ф. 161/3). В них содержатся годовые отчеты Министерства иностранных дел, доклады государственного канцлера императору, переписка российских дипломатов по «Иерусалимскому делу» (спору о святых местах) и греко-болгарской церковной распри, материалы о чрезвычайном посольстве князя А.С. Меншикова в Константинополь в 1853 г., взаимные послания Константинопольской Патриархии и российского Святейшего Синода по греко-болгарскому вопросу, переписка А.Н. Муравьева с восточными иерархами, жалобы греческого духовенства на притеснения со стороны болгар во время войны 1877–1878 гг. и ответы на них представителей русской администрации.

Ряд документов АВПРИ, хранящихся в фондах: «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (ф. 159), «Российское посольство в Париже» (ф. 187) и «Российское посольство в Лондоне» (ф. 184) содержат информацию о жизни и деятельности настоятелей русских посольских церквей во Франции и Великобритании протоиереев И.В. Васильева и Е.И. Попова, которые в годы Крымской войны, оставшись единственными представителями России в странах-противниках, по поручению российского МИД занимались судьбой русских военнопленных.

Основной комплекс документов, касающихся непосредственной деятельности Русской Православной Церкви в войне 1812–1814 гг., Крымской войне 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., сосредоточен в РГИА в фондах: «Канцелярия Святейшего Синода» (ф. 796), «Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода» (ф. 797), «Хозяйственное управление Святейшего Синода» (ф. 799), «Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства» (ф. 806). Это указы Святейшего Синода, годовые отчеты обер-прокурора Святейшего Синода императору, всеподданнейшие доклады обер-

прокурора Синода по различным вопросам, рапорты епархиальных архиереев Святейшему Синоду об обнародовании правительственных материалов и о положении дел на местах, послужные списки военного духовенства, приказы о награждениях священнослужителей за отличия, проявленные во время военных действий, материалы о сборе духовенством денежных средств на военные нужды и др. Значительный интерес представляют документы, отражающие многостороннюю патриотическую деятельность в годы Крымской войны архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), оборону Соловецкого монастыря от нападения английской эскадры в 1854 г., а также конфликт, возникший в 1878–1879 гг. между Константинопольской Патриархией и российским Святейшим Синодом по поводу совместных богослужений русских армейских священников с болгарским духовенством на Балканском полуострове.

В РГИА проработан также фонд «Комитет по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 гг., при Синоде» (ф. 819), содержащий отчеты и протоколы заседаний Комитета, переписку его членов с разными лицами и организациями по вопросу о постройке храма-памятника Рождества Христова на Шипке. Материалы о сооружении церковных памятников в честь победы в Отечественной войне 1812 года отложились, в частности, в фонде «Рукописи Святейшего Синода. Коллекция» (ф. 834). Масштаб ущерба, нанесенного в 1812 г. наполеоновской армией московским монастырям, в значительной мере установлен по документам, хранящимся в личном фонде Филарета (Дроздова В.М.), митрополита Московского и Коломенского (ф. 832).

Существенный пласт документов по всем войнам Российской империи содержится в РГВИА в фонде «Военно-ученый архив» (ф. 846. ВУА). Особый интерес представляет хранящийся в этом фонде архив А.И. Михайловского-Данилевского, содержащий документы, собранные

исследователем во время написания истории войны 1812 года. Значительная часть этих материалов не вошла в его труд. Найденные историком документы о деятельности духовенства в 1812 г. и состоянии церквей после наполеоновского нашествия частично дублируют, но в целом значительно дополняют документы РГИА. (Часть материалов из архива А.И. Михайловского-Данилевского в 1990-е гг. была опубликована С.А. Малышкиным⁶⁴). В личном фонде А.М. Зайончковского (ф. 69) находятся собранные ученым материалы по Крымской войне, значительная часть которых также не вошла в его труд.

В РГВИА изучен также практически не востребовавшийся ранее исследователями фонд «Южная и Крымская армии» (ф. 9196, оп. 11/270 – Управление обер-священника 3, 4 и 5 корпусов Южной армии), в котором представлены документы о деятельности военного и морского духовенства, находившегося на Крымском театре военных действий во время Восточной войны 1853–1856 гг. Фонд «Главное управление Российского общества Красного Креста» (ф. 12651) содержит делопроизводственную документацию (протоколы, отчеты и др.) Общества попечения о раненых и больных воинах и общин сестер милосердия, а также переписку этих организаций с различными властными структурами (в том числе Военным министерством и Святейшим Синодом) во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В ГА РФ были использованы документы из личного фонда Н.П. Игнатьева (ф. 730), которые существенно дополняют дипломатическую корреспонденцию российского посла в

⁶⁴ Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года. Публикация С.А. Малышкина и В.И. Цвиркуна. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. V. М., 1994. С. 85–96; *Малышкин С.А.* Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского. // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С. 57–97; *он же.* Отечественная война 1812 года в воспоминаниях духовенства Смоленской губернии. // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 39–49.

Константинополе, хранящуюся в АВПРИ. Материалы фондов «Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» (ф. 109) и «Московский славянский благотворительный комитет» (ф. 1750) отражают роль духовенства в российском «славянском движении» середины 1870-х гг.

В ГА РФ хранится также личный фонд великой княгини Елены Павловны (ф. 647), основательницы Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых в Крыму воинах. В нем содержатся важные для изучаемой темы учредительные документы этой общины, ставшей прообразом Красного Креста, а также переписка по различным вопросам ее деятельности между великой княгиней Еленой Павловной, главным врачом общины хирургом Н.И. Пироговым, главной начальницей (с октября 1855 г.) общины Е.А. Хитрово и другими лицами.

Документы о Крестовоздвиженской общине дополняются хранящимся в Библиотеке ИППО собранием писем разных лиц к иеромонаху (впоследствии – игумену) Вениамину (Лукьянову), члену Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, выполнявшему в 1854–1856 гг., по личному выбору великой княгини Елены Павловны, обязанности духовника общины. Практически все послания снабжены примечаниями адресата. Общую информацию о жизненном пути этого интереснейшего представителя Русской Палестины, впоследствии основавшего в Святом Граде Вениаминовское подворье, дают документы, хранящиеся в АРДМ в Иерусалиме.

В ОР РНБ находится личный фонд Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического (ф. 313), в котором хранится обширное (9-томное) собрание писем, полученных преосвященным в 1820–1850-х гг. Письма нередко снабжены разнообразными замечаниями, пометами и резолюциями Иннокентия. Более 500 писем относится к периоду Крымской войны. Корреспондентами архиепископа было множество духовных, светских и военных лиц. Круг обсуждаемых

вопросов очень широк: военные операции, состояние госпиталей, религиозное утешение раненых, снабжение их продовольствием и др. Этот великолепный источник, к сожалению, очень слабо используемый исследователями, нередко приоткрывает неофициальную (закулисную) сторону Восточной войны, о которой был прекрасно осведомлен архиепископ: всевозможные злоупотребления, ошибки действующих лиц, их характеры, степень умственного и нравственного достоинства. Значительный интерес для исследуемой темы представляет также сборник документов, писем и статей о Крымской войне, находящийся в фонде «Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии» (ф. 573) ОР РНБ. В него входят, главным образом, копии различных документов и материалов. Особенно важны – послание Парижского архиепископа Мари-Доминика Огюста Сибура, в котором излагается религиозное толкование Католической Церковью Франции причин, целей и смысла Восточной войны, а также записка некоего анонимного автора, содержащая критический анализ высказанных Сибуром умозаключений.

Материалы, отражающие меры, принятые духовенством Московской епархии в связи с военными нуждами во время всех трех рассматриваемых войн, представлены в фонде «Московская духовная консистория» (ф. 203) ЦГА Москвы.

В фондах «Троице-Сергиева лавра» (ф. 1204) и «Николаевский Угрешский мужской монастырь» (ф. 1205) РГАДА отложились документы, показывающие устройство и работу военно-временных госпиталей, учрежденных в этих обителях по их инициативе и на их средства во время войны 1877–1878 гг. Фонд «Чудов мужской монастырь» (ф. 1207) того же архива содержит материалы о пожертвованиях на нужды славян и раненых русских воинов со стороны московских монастырей и благочиний во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. (их сбором, по поручению митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова), занимался наместник обители архимандрит Вениамин).

Наконец, в работе были использованы материалы из фонда «Коллекция документов по истории г. Севастополя» (ф. Р-567) АГС, характеризующие участие в Севастопольской обороне иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря.

Вторую группу источников составляют многочисленные опубликованные материалы. Изучение внешней политики и войн Российской империи невозможно без обращения к законодательным актам страны⁶⁵ и международным договорам, заключенным после окончания вооруженных столкновений⁶⁶. Для выяснения отношения к исследуемым войнам Русской Церкви автор использовал, в частности, речи и проповеди церковных иерархов по поводу военных событий, из которых в наиболее полном виде опубликованы произведения епископа Дмитровского Августина (Виноградского)⁶⁷ и архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова)⁶⁸.

Важное место среди опубликованных источников занимают крупные (часто многотомные) сборники документов, посвященные исследуемым в диссертационной работе войнам⁶⁹. Среди огромного количества

⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884.

⁶⁶ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952.

⁶⁷ [Августин (Виноградский)]. Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. СПб., 1856.

⁶⁸ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим: в 2 т. Одесса, 1855–1856; [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. СПб.-М., 1874.

⁶⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I: в 21 т. СПб., 1900–1914; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным: в 10 ч. М., 1897–1908; Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым: в 33 кн. СПб., 1854–1859; Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея: в 5 вып. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1871–1874; Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 97 вып. СПб., 1898–1911; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. / Под ред. С.И. Никитина и др. М., 1961–1967; Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 / Отв. ред. А.Д. Нарочницкий. М., 1978; и др.

представленных в них материалов, извлеченных как из архивов, так и из периодических изданий, встречаются, хотя и далеко не в массовом порядке, документы, раскрывающие православную составляющую рассматриваемых военных конфликтов.

Среди тематических сборников документов, посвященных церковно-политическим проблемам на Ближнем Востоке, тесно связанным с исследуемой темой, важное значение имеют двухтомное издание «Вопрос о святых местах Иерусалима в российской дипломатической переписке XIX века», осуществленное в начале XX в. на языке оригинала (французском) по материалам архива российского МИД настоятелем собора Святого Андрея в Кронштадте протоиереем Александром Поповым⁷⁰, а также сборники материалов по истории Болгарского экзархата в 1870-е гг., изданные в Болгарии⁷¹.

Ценнейшим комплексом опубликованных источников являются документы личного происхождения – письма, воспоминания, дневники очевидцев и участников событий. Разумеется, сам характер источников такого рода предполагает известную долю субъективности и требует критического отношения к ним, однако данный вид документов не просто существенно дополняет сведения, содержащиеся в делопроизводственной документации, но и подчас содержит данные, которые просто не могли отложиться в официальных бумагах. Среди этого вида источников довольно содержательны личные материалы русских дипломатов и государственных деятелей (записки Н.П. Игнатьева, дневник Д.А. Милютина и др.)⁷², еще более информативны мемуары и

⁷⁰ Popoff A., *prot.* La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXe siècle. 2 vol. SPb., 1910–1911.

⁷¹ Българската Православна Църква и освобождението на България от османско робство. Документален сборник по случай 110-години от Освобождението. София, 1989; Българската екзархия: сборник документи от архивните фондове на Народна библиотека «Иван Вазов». Пловдив, 2003.

⁷² Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Издание

эпистолярное наследие непосредственных участников военных событий: полковых священников, офицеров русской армии, врачей, медицинских сестер, лиц, находившихся в районе боевых действий, на оккупированной территории или в плену.

К первостепенным опубликованным источникам личного происхождения относятся записки представителей Русской Церкви. Прежде всего следует отметить письма и дневники полковых священников Евфимия Левитского, Вакха Гурьева, Александра Цитовича, Анатолия Лебедева, Иоанна Софронова и Григория Лапшина⁷³. В них нашли отражение не только непосредственная деятельность армейского духовенства и религиозные настроения в русской армии, но также восприятие и оценка авторами противника, освобождаемых «братьев-славян» (последнее характерно для участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., каковыми являются пять последних из перечисленных священников), а также происходивших военных противостояний в целом.

Ценным источником сведений о ключевом событии Крымской войны – обороне Севастополя – являются дневник протоиерея севастопольской Петропавловской церкви Арсения Лебединцева⁷⁴, а также его письма,

подготовили О.В. Анисимов, К.А. Вах; отв. ред. П.В. Стегний. М., 2015; *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009; и др.

⁷³ Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского. М., 2015; *Гурьев В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007; *Цитович А.* Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 7. С. 125–129, № 8. С. 147–151; [*Лебедев А.*] Путевые наблюдения и заметки во время последней турецкой войны. Из походного дневника полкового священника Анатолия Лебедева. СПб., 1878; *Софронов И.* Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–78 гг. // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 20. СПб., 1901. С. 77–93; *Лапшин Г., прот.* Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. № 13. С. 397–412.

⁷⁴ *Лебединцев А.Г., прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908.

написанные во время осады города архиепископу Иннокентию⁷⁵. В них содержится подробная информация как о происходивших событиях, так и о царивших в городе настроениях, о распространявшихся там слухах, о состоянии госпиталей, о деятельности военных священников и флотских иеромонахов, о сохранности церквей и других зданий, а также дается подчас очень меткая характеристика основным действующим лицам. Записки протоиерея Петра Лебединцева (родного брата отца Арсения) и воспоминания некоторых других священников являются информативными источниками по истории так называемой «киевской казатчины» – крестьянских выступлений, имевших место весной 1855 г. в ряде уездов Киевской губернии в связи с неправильным истолкованием крестьянами манифеста о народном ополчении⁷⁶.

Важны для исследуемой темы письма протоиерея И.В. Васильева, настоятеля Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже, дающие возможность выяснить сущность и значение попечения, оказываемого во время Крымской войны посольскими священнослужителями пленным соотечественникам⁷⁷. Информация из писем И.В. Васильева дополняется сведениями из воспоминаний русских военнопленных, содержавшихся во Франции и в Великобритании⁷⁸.

⁷⁵ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время одиннадцатимесячной осады Севастополя. Киев, 1896.

⁷⁶ [Лебединцев П.Г., *прот.*] Записки протоиерея П.Г. Лебединцева о «козацине» 1855 г. // Киевская старина. 1900. Т. 70. № 7–8. С. 1–50; Посмертный рассказ отца Антония Ковальского. (К истории крестьянских волнений в Киевской губернии 1855 г.) // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1. С. 174–192, № 2. С. 386–396; Сикорский В., *прот.* Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 4. С. 85–105.

⁷⁷ Васильев И.В., *прот.* Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 гг., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л.К. Бродским. Пг., 1915.

⁷⁸ Жуков И. Рассказы русского офицера, бывшего в плену во Франции // Отечественные записки. 1856. Т. 106. № 6. С. 467–520; Содержание русских в плену. Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок // Современник.

Многочисленные воспоминания (как духовенства, так и светских лиц) о пребывании наполеоновской армии в Москве дают прекрасную возможность увидеть разницу менталитетов представителей противоборствующих сторон, свидетельствующую о наличии в 1812 г. не только политического, но и религиозно-цивилизационного противостояния⁷⁹. Весьма информативны в этом отношении и воспоминания наполеоновских офицеров, а также дневник и переписка французского аббата А. Сюрюга, который, эмигрировав из Франции после революции 1789 г. и проживая в Москве, стал свидетелем оккупации первопрестольной своими соотечественниками⁸⁰. Оккупация Смоленска во

1856. Т. 55. № 1. С. 1–17; Записки севастопольца 21-го пехотного Муромского Его Императорского Высочества великого князя Вячеслава Константиновича полка, капитана Дещинского, бывшего у французов в плену // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I. СПб., 1872; *Загородников И.* Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде, в 1854 году // Русская старина. 1893. № 10. С. 185–212; Воспоминание русского военнопленного о почившем протоиерее Е.И. Попове // Странник. 1875. Т. 4. № 11. С. 94–97; и др.

⁷⁹ Рассказ священника Успенского собора И.С. Божанова // Русский архив. 1899. Кн. 3. № 10. С. 256–267; Записки иеромонаха Ионы о пребывании французов в Москве в 1812 году // Старина и новизна. 1905. Кн. 10. С. 268–273; Московский Новодевичий монастырь в 1812 г. Рассказ очевидца – штатного служителя Семена Климыча. Сообщ. Н.П. Гилярова-Платонова // Русский архив. 1864. № 4. С. 416–434; Из записок, веденных в Москве 1812 года, при занятии оной врагами. Протоиерея Петра Симеонова // Исторический, статистический и географический журнал. 1826. Ч. II. С. 101–107; *Лаврентий*. Записка очевидца о сохранении драгоценностей Николаевского Перервинского монастыря и о достопамятных событиях в сей обители в 1812 году // Маяк. 1842. Т. 2. Кн. 4. С. 53–67; Рассказ Смоленского дьякона о нашествии 1812 года // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002. С. 118–125; *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912; *Рязанов А.* Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862; *Тихомиров Н.И.* О 1812 годе. (Воспоминания из рассказов современников и очевидцев). М., 1899; [*Шаховской А.А.*] Двенадцатый год. Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. Кн. 3. № 11. С. 372–402; и др.

⁸⁰ *Röder von Bomsdorff O.W.* Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Leipzig, 1816; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 3 ч. М., 1912; *Brett-James A.* 1812. Eyewitness accounts of Napoleon's Defeat in Russia. L.; N.Y., 1966; *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991; *Сюрюг А.* Москва во время пожара. Журнал священника церкви святого Людовика Французского // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1892. Т. 7. № 5. С. 80–84; Письмо аббата Сюрюга, настоятеля Московской Римско-Католической церкви, к своему другу аббату Николу, от 10 ноября 1812 г. // Русский архив. 1882. Кн. 2. С. 191–204; и др.

время Отечественной войны 1812 года нашла отражение в дневнике священника смоленской Одигитриевской церкви Никифора Мурзакевича⁸¹.

Важным источником сведений о становлении и развитии во второй половине XIX в. частной медицинской помощи на театре военных действий, духовно-нравственном влиянии на раненых воинов со стороны священников и сестер Крестовоздвиженской и других общин служат письма и воспоминания врачей (прежде всего, Н.И. Пирогова) и сестер милосердия⁸².

Наконец, изучение православной составляющей войн Российской империи было бы неполным без обращения к письмам и воспоминаниям русских офицеров и различных представителей российского общества. Эти многочисленные источники были опубликованы как отдельными изданиями, так и в составе тематических сборников⁸³.

Значительный массив материала по различным аспектам исследуемой темы содержится также в периодической печати XIX в. Автор широко

⁸¹ Мурзакевич Н.А. Дневник // Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Юбилейное издание Смоленского губернского статистического комитета / Под ред. И.И. Орловского. Смоленск, 1903.

⁸² [Пирогов Н.И.] Севастопольские письма Н.И. Пирогова 1854–1855 гг. СПб., 1907; Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950; Крупская А. Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины // Военный сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 417–448; Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860 гг.) // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 132–176, № 4. С. 511–556, № 5. С. 55–105, № 6. С. 578–617; Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных. СПб., 1865; [Боткин С.П.] Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893; Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. // Русский вестник. 1879. Т. 139. № 2. С. 553–601; Арендт С.А. Воспоминания сестры милосердия. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7. С. 85–122, № 8. С. 377–418; Духонина Е.В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. М., 1894; и др.

⁸³ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882; Харкевич В. 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников: в 4 ч. Вильно, 1900–1907; 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991; 1812–1814: Реляции, письма, дневники. М., 1992; Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. СПб., 1872–1873; Не смолкнет эхо над Балканами. Воспоминания. Письма. Публицистика. Статьи. М., 1988; Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001; и др.

использовал как церковные периодические издания («Церковный вестник», «Церковные ведомости», региональные епархиальные ведомости, «Православное обозрение» и др.), так и светские («Северная почта», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и др.).

Широкий круг источников официального и личного происхождения обеспечил надежную историко-документальную базу для исследования роли Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в., что позволяет делать обоснованные выводы по указанной проблематике.

Методологические подходы и методы исследования

Диссертационная работа базируется, прежде всего, на основополагающих для исторической науки принципах историзма, научной объективности и системности. Первый из этих принципов предполагает изучение явлений и процессов в их развитии и в связи с историческим контекстом эпохи. Принцип научной объективности требует от исследователя отказа от идеологической ангажированности и проведения непредвзятого анализа всей полноты источников независимо от их соответствия или несоответствия его научной концепции. Наконец, принцип системности предполагает рассмотрение исторических явлений в их взаимной связи, с учетом разносторонних причинно-следственных связей, что дает возможность реконструировать целостную картину прошлого. Применительно к исследуемой проблематике это означает, что роль Русской Церкви в ходе рассматриваемых военных конфликтов изучена на основе критического анализа многочисленных и разнообразных источников, исходя из конкретных условий той или иной эпохи и с учетом происходивших изменений как на международной арене, так и во внутренней жизни страны.

В диссертационной работе нашли применение как общенаучные методы исследования (описательный, статистический, анализ и синтез), так и специально-исторические методы. Из последних

использовались историко-генетический метод (исследование исторических изменений рассматриваемых процессов, установление причинно-следственных связей) и историко-сравнительный (применялся для сопоставления как однотипных явлений, так и источников, повествующих об одном и том же событии). Широко использовались также историко-биографический и микроисторический методы. Обращение к жизни как «главных», так и «рядовых» действующих лиц исторического исследования позволило не только показать роль личностного фактора в рассматриваемых событиях, но и представить изучаемую реальность во всем ее многообразии и полноте.

Работа построена по проблемно-хронологическому принципу, что позволило показать исследуемую историческую проблему в ее целостности и динамическом развитии.

Автор использует не установившееся окончательно в историографии понятие «война 1812–1814 гг.». Дело в том, что военные действия 1812–1814 гг. современники рассматривали как одну большую войну, состоявшую из нескольких кампаний: 1812, 1813 и 1814 гг. В дальнейшем российская историография искусственно разделила одно противостояние на Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. Кампания 1812 г. получила почетное название Отечественной войны в силу своей особой значимости для нашей истории (Россия на своей территории в одиночку сражалась с непревзойденным военным гением мира и полностью истребила его Великую армию), а также наличия целого ряда специфических особенностей, прежде всего – феномена народной и священной войны; однако завершилось противостояние после подписания Парижского мирного договора 18 (30) мая 1814 г. Сейчас многие исследователи признают, что разделение одного военного конфликта на Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. искусственно и условно. В то же время автор диссертации оставляет за собой право использовать и термин

«Отечественная война 1812 года» для обозначения военных действий, проходивших в 1812 г. на территории России.

Научная новизна исследования:

1. Диссертация представляет собой первое в отечественной и мировой историографии комплексное исследование роли Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в.

2. В процессе работы над темой было выявлено около 300 архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

3. Многие аспекты исследуемой в диссертации научной проблемы являются первым опытом их разработки в историографии. К ним относятся: вклад Русской Церкви в создание «черной легенды» о Наполеоне; участие духовенства в формировании народных ополчений 1812 г. и 1855 г.; деятельность настоятелей русских посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереев И. Васильева и Е. Попова, направленная в годы Крымской войны на попечение о российских военнопленных; участие в Крымской войне духовников Крестовоздвиженской общины, их функции и значение в данном учреждении; проповедническая деятельность русских православных и французских католических иерархов в годы Крымской войны; духовная жизнь осажденного Севастополя; роль Русской Церкви в создании и функционировании Общества попечения о раненых и больных воинах, ставшего главным центром частной помощи во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и др.

4. Автором диссертации расширен и уточнен составленный дореволюционными исследователями список армейских священников и флотских иеромонахов, награжденных за отличия во время военных действий в ходе войны 1812–1814 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг.; на основе архивных материалов впервые составлен список представителей военного и морского духовенства, получивших награды за отличия в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

5. В диссертации впервые прослеживается связь между российской политикой в греко-болгарском церковном вопросе конца 1850-х – начала 1870-х гг. и событиями Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

6. Проведенное комплексное исследование и введение в научный оборот большого массива разнообразных источников сделало возможным расширить и углубить имевшиеся в историографии научные знания практически по всем аспектам рассматриваемой проблемы, внести фактические уточнения по ряду вопросов.

7. Полученные выводы позволяют под новым углом зрения взглянуть на войны Российской империи XIX в., которые, по мнению автора диссертации, были не только политической борьбой государств, но и духовно-религиозным противостоянием разных цивилизаций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская Православная Церковь, в соответствии с христианским вероучением, считает войну несомненным злом (физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти). При этом Русская Церковь не запрещает своим чадам участвовать в войнах в защиту православной веры, Отечества и единоверцев; более того, признает такие противостояния священными, а погибающих в них воинов – совершающими подвиг жертвенной христианской любви.

2. Роль Русской Церкви в войнах Российской империи XIX в. определялась тем положением, которое она занимала в государстве. Святейший Синод, фактически включенный в систему государственного управления, был тесно связан с монархической властью общими задачами и приоритетами. Как институт основного вероисповедания страны Русская Православная Церковь в той или иной мере была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности: социально-политическую, культурно-просветительскую, внешнеполитическую и военную. Православие являлось идеологической и духовной основой империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение

русского народа. Церковь оказывала существенное влияние на формирование общественного мнения, а военное духовенство выполняло задачи как духовного окормления, так и религиозно-патриотического воспитания российского воинства.

3. Война 1812–1814 гг. (особенно – Отечественная война 1812 года) была не только военно-политическим столкновением государств, но также конфликтом двух цивилизаций, имевшим ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Многие современники воспринимали происходившее как противостояние православной России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. В немалой степени подобному восприятию способствовала активная позиция Русской Церкви. В воззваниях Синода, проповедях иерархов и приходских священников отмечался освободительный, священный характер войны, подчеркивалась безбожная, а порой даже «демоническая» сущность Наполеона и проводилась мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь французского императора, спасти от него Россию и освободить Европу. Религиозная риторика активно использовалась также государственными деятелями, поэтами и публицистами. Церковная и светская пропаганда, формировавшая негативный образ врага, или «черную легенду» о Наполеоне, несмотря на имевшие место преувеличения, опиралась на реальные исторические факты и представляла собой довольно мощное идеологическое оружие.

4. Справедливость антинаполеоновской церковной проповеди о безбожии противника и необходимости защиты святой веры была подтверждена в глазах народа поведением солдат Великой армии, грабивших и осквернявших православные храмы и монастыри. Особое впечатление на русское общество произвела судьба московских святынь. Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения народного сопротивления, имевшего

огромный размах на территории центральных губерний Российской империи.

5. Ситуация в западных районах (Литве, Белоруссии и Польской Украине), вошедших в состав России за 20–40 лет до войны 1812 года в результате разделов Польши, имела свою специфику. Последствиями четырехвекового «ополячивания» и «окатоличивания» местного населения, а также сложной политики Александра I и Наполеона I в польском вопросе стали практическое отсутствие в западном крае движения народного сопротивления и даже открытый переход на сторону противника части местных духовных и светских властей. Тем не менее массовой поддержки со стороны народных масс и приходских священников Великая армия Наполеона там не получила.

6. Среди большого комплекса причин Крымской войны 1853–1856 гг. важное место занимает церковно-политический фактор. Спор о святых местах Палестины, переросший в международный кризис, который, в свою очередь, вылился в войну, был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Для императора Николая I участие в этой религиозно-дипломатической дуэли определялось не только геополитическими интересами страны, но и убеждением в предназначении православной империи как гаранта прав Вселенской Православной Церкви.

7. Крымская война 1853–1856 гг. была религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы. Религиозный характер войны постоянно подчеркивался в проповедях как русских православных, так и французских католических иерархов. Одним из проявлений противостояния такого рода стала, в частности, политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством (особенно – польского происхождения) среди российских военнопленных с целью заставить их изменить веру и перейти на службу противнику, а

также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов.

8. В годы военных конфликтов русское духовенство, находившееся на территории стран-противников, старалось по возможности сохранить там свое физическое и духовное присутствие: настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереи И. Васильев и Е. Попов во время Крымской войны остались во Франции и Англии, где оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным; иноки Русского Свято-Пантелеймонова монастыря, находившегося в юрисдикции Константинопольского Патриархата, но считавшегося российской дипломатией одной из важных опорных точек политики России на Ближнем Востоке, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. не покинули Святую Гору.

9. Военное и морское духовенство являлось духовной опорой и неотъемлемой частью российской армии и флота. Во время всех войн армейские священники и флотские иеромонахи, помимо исполнения своих прямых обязанностей (отправления богослужений, исполнения духовных треб, проведения пастырских бесед), принимали участие в сражениях, где нередко, вставая впереди с крестом в руке, подавали своей пастве примеры героизма и самоотверженности, а также оказывали помощь раненым на перевязочных пунктах. Деятельность военного духовенства восстанавливала душевное равновесие офицеров, солдат и матросов, укрепляла их боевой дух.

10. Во время Отечественной войны 1812 года и Крымской войны священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на территории, охваченной военными действиями, оказывали духовную помощь русским войскам и нередко принимали непосредственное участие в отражении неприятеля (наиболее яркий пример – оборона Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. от нападения английской эскадры).

11. Во время всех войн Русская Церковь выступала в тесном единстве с государственной властью и обществом. Важным вкладом духовенства в общее дело борьбы с врагом становились различные меры, направленные на военные нужды: участие в организации народных ополчений 1812 г. и 1855 г., сотрудничество в 1877–1878 гг. с Обществом попечения о раненых и больных воинах (сбор денежных средств, изготовление корпии и других госпитальных принадлежностей, пополнение рядов сестер и братьев Красного Креста монашествующими и послушниками, предоставление под лазареты монастырских зданий, организация госпиталей в обителях) и др.

12. Задачей духовенства в годы войн становилось также поддержание спокойствия в помещичьих имениях, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в районах, населенных мусульманами. Иногда действия духовенства в данном направлении не венчались успехом: весной 1855 г. в некоторых губерниях (главным образом – в Киевской) в связи с неправильным истолкованием царского манифеста об ополчении прошли крестьянские волнения, в ходе которых пострадали десятки священников.

13. Церковь сыграла определенную роль в создании общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах. Присутствие священников на перевязочных пунктах и в госпиталях оказывало существенную помощь врачам и сестрам и благотворно действовало на раненых. Становление в России частной медицинской помощи на театре военных действий было тесно связано с религиозными вопросами, о чем ярко свидетельствует опыт Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых, ставшей прообразом Красного Креста.

14. Греко-болгарская церковная распря, являвшаяся первым этапом борьбы болгарского народа за независимость, создала определенные предпосылки для Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: болгарская схизма 1872 г., вызвав противоположные мнения в российском обществе, в целом обеспечила в нем рост панславистских настроений, пик которых пришелся

на время Восточного кризиса 1875–1878 гг., вылившись в так называемое российское «славянское движение», ставшее одним из факторов, склонивших императора Александра II к вооруженному вмешательству в балканские события.

15. В греко-болгарском церковном споре Россия, исходя из принципа единства православия на Востоке, не могла «выбрать» какую-то одну из конфликтовавших сторон. Поэтому и светская, и церковная дипломатии с помощью ряда довольно осторожных шагов старались сначала примирить противников путем взаимных уступок и достижения компромисса, а затем – добиться канонического признания независимости Болгарской Церкви. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русская Церковь оказала духовную поддержку болгарам, что вызвало напряженность в ее отношениях с Константинопольским Патриархатом. В 1879 г. российский Святейший Синод впервые был вынужден официально заявить Вселенскому патриарху, что не признает болгар схизматиками, но, опасаясь дальнейшего осложнения межцерковных отношений с Константинополем, все же не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения.

16. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. воспринималась Русской Церковью и российским обществом как священная борьба за освобождение единоверных славян Балканского полуострова от турецкого исламского ига. На начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876 гг.) русское духовенство наряду со Славянскими комитетами фактически встало во главе российского «славянского движения».

17. В соответствии с русской православной традицией для увековечения памяти воинов, павших в рассмотренных войнах России, а в ряде случаев – главным образом, для выражения благодарности Богу за помощь в одержании победы были сооружены многочисленные храмы-памятники, крупнейшими из которых стали храм Христа Спасителя в Москве, храм Святого Николая в Севастополе и храм Рождества Христова

на Шипке. Наибольшее количество церковных памятников было воздвигнуто в честь Отечественной войны 1812 года, занявшей особое место в исторической и культурной памяти русского народа.

18. Роль Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. была очень важной. Она не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в основных военных событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего русского общества.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов, учебных пособий и лекционных курсов по истории России и Русской Православной Церкви, а также специальных исследований по проблеме «Армия и Церковь». Результаты диссертационной работы должны способствовать более глубокому изучению войн Российской империи в XIX в.

Достоверность и апробация результатов исследования

Достоверность результатов диссертационного исследования определяется широтой использованных источников, которые включают в себя материалы 32 фондов девяти российских и одного зарубежного архивохранилищ (всего около 300 единиц хранения), а также большое количество опубликованных документов.

Основные результаты исследования нашли отражение в 4 индивидуальных монографиях (общим объемом 97,6 п.л.), 1 коллективной монографии (авторский вклад 8 п.л.), 60 научных статьях (общим объемом 55,4 п.л.) на русском, французском, английском и португальском языках (из которых 16 статей вышли в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, 12 из них входят также в международные базы научного цитирования Web of Science и Scopus).

На монографии автора диссертации были опубликованы шесть положительных рецензий, в том числе в ведущих научных исторических журналах⁸⁴. Монография «Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн» (М., 2007) в 2007 г. была удостоена премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) в номинации «История Русской Православной Церкви».

Выводы и положения, выносимые на защиту, были представлены автором в докладах на всероссийских и международных научных конференциях, проводимых в Институте российской истории РАН (2011–2014), Институте всеобщей истории РАН (2012), Университете Кан-Нормандия (Франция; 2012), Университете Париж I Пантеон Сорбонна (Франция; 2014, 2019), Российском центре науки и культуры в Париже (Франция; 2012), г. Межотне (Латвия; организаторы – Кембриджский университет и Лондонская школа экономики; 2014), Институте истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь; 2012), Санкт-Петербургском институте истории РАН (2018), Институте славяноведения РАН (2017), Российском университете дружбы народов (2015), Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (2002), Калужском государственном университете им.

⁸⁴ *Безотосный В.М.* Рец. на: Л.В. Мельникова. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с. // Отечественная история. 2007. № 5. С. 204–205; *Бессонов В.А.* Рец. на: Л.В. Мельникова. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 167–170; *Савельев А.* Душа воина. Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007 // История. Первое сентября. 2012. № 6. С. 42–43; *Орлов А.А.* Рец. на: Л.В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с. // Российская история. 2015. № 4. С. 158–161; *Герд Л.А.* Рец. на: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 2 (14). С. 284–289; *Ивченко Л.Л., Майорова А.С.* Рец. на: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / Л.В. Мельникова, С.С. Секиринский, А.А. Подмазо, А.В. Голубев, Н.А. Аурова. М., 2012 // Российская история. 2015. № 6. С. 192–199.

К.Э. Циолковского (2019), Московской Духовной академии (2012), Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (2012), Новгородском духовном училище (Великий Новгород; 2008), Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина (Санкт-Петербург; 2018), Государственной публичной исторической библиотеке (2019), Центральной универсальной научной библиотеке им. Н.А. Некрасова (2016), Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике (1999, 2000, 2002, 2003, 2007), Музее-панораме «Бородинская битва» (2001, 2004, 2013), Багратионовском музее истории края (Багратионовск Калининградской обл.; 2012), Государственном Эрмитаже (2019), Государственном музее-усадьбе «Остафьево» – «Русский Парнас» (2019).

Диссертация обсуждена в Центре истории религии и Церкви Института российской истории РАН и рекомендована к защите.

Глава 1

Позиция Русской Церкви по отношению к войне и воинской службе.

Русская Церковь и государство в XIX веке

1.1. Отношение к войне и ратному служению в русской православной традиции

В истории России на протяжении столетий Церковь в той или иной форме принимала активное участие во всех проводимых государством военных столкновениях, а церковные вопросы занимали важное место во внешней политике страны и неоднократно оказывались в ряду причин, вызвавших начало военных конфликтов. Это определялось исторической связью церковной и монархической властей и центральным значением православия в духовной жизни народа: как институт основного вероисповедания страны Русская Православная Церковь так или иначе всегда была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности: социально-политическую, культурно-просветительскую, внешнеполитическую и военную. Прежде всего это относится к синодальному периоду, когда церковное ведомство фактически представляло собой одно из министерств, тесно связанное с другими государственными институтами общими задачами и приоритетами.

Православная вера традиционно являлась основой национальных особенностей ратного служения. Она санкционировала и определяла правомерность и праведность применения вооруженной силы, а также нормы поведения и духовный облик российского воинства. Наиболее тесными взаимоотношения Церкви и армии стали с конца XVII – начала XVIII в., когда возникло ведомство военного и морского духовенства, принявшее на себя задачи не только духовного окормления, но и религиозно-патриотического воспитания воинских чинов. Для того чтобы конкретно прояснить каноническую и практическую позицию

Православной Церкви по вопросам войны и воинской службы, сделаем небольшой исторический и историко-богословский экскурс.

С христианской точки зрения, война – это зло, следствие греха, физическое проявление скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти (Быт. 4, 3-12). Согласно Ветхому Завету, войны сопровождают историю человечества с момента убийства Авеля его братом Каином (Быт. 4, 8), и, согласно Евангелию, будут сопровождать ее и далее. Так, Христос дал понять своим ученикам, что будет пролито еще много крови до осуществления Царства Божия: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10, 34). «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам» (Мф. 24, 6-7).

Разумеется, Библия и христианство учат не вражде и войне, а миру и любви. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», – говорит Христос в Нагорной проповеди (Мф. 5, 9). Широко известны слова Спасителя: «Не убий!», «Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...» (Мф. 5, 39-40), «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Мф. 5, 44). На приведенных положениях Нагорной проповеди основано, в частности, учение «О непротивлении злу насилием» Л.Н. Толстого. Однако, критикуя это учение, И.А. Ильин справедливо обратил внимание на то, что в своей проповеди Христос определил отношение человека к его *личным* врагам, *личным* обидам и *личному* имуществу⁸⁵. «Истолковывать этот призыв к кротости и щедрости в

⁸⁵ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 79, 81.

личных делах как призыв к безвольному созерцанию насилий и несправедливостей или подчинению злодеям в вопросах добра и духа, – пишет философ, – было бы противосмысленно и противоестественно. Разве предать слабого злодею – значит проявить кротость? Или человек волен подставлять нападающему и *чужую* щеку? ...Или предоставлять злодеям свободу надругиваться над храмами, насаждать безбожие и губить родину – значит быть кротким и щедрым? И Христос призывал к *такой* кротости и к *такой* щедрости, которые равносильны лицемерной праведности и соучастию со злодеями?»⁸⁶. «Христос никогда не призывал любить врагов *Божиих*, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, ... заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству. Напротив, для таких людей, и даже для несравненно менее виновных, Он имел и огненное слово обличения, и угрозу суровым возмездием»⁸⁷ (Мф. 23, 13; Мф. 18, 34-35).

Христос снес терновый венец, относившийся к нему лично. Однако, увидев торгашей, оскверняющих храм, он свил бич из веревок и выгнал их вон (Мф. 21, 12-13; Лк. 19, 45-46). Следовательно, по Евангелию, человек не должен противиться злобствованиям ближнего, если это относится лично к нему. Но если этот ближний посягает на высшие ценности – воспротивиться ему не только можно, но и должно.

Когда Петр, защищая своего Учителя в Гефсиманском саду, извлек меч и отсек правое ухо одному из архиерейских слуг, Христос сказал ему: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Христос не захотел для себя воинствующей обороны и дал понять апостолам, что меч не их дело. (Спаситель должен был принести добровольную искупительную жертву, а не утвердить свою власть на земле принудительными средствами). Однако на суде у Понтия Пилата Христос произнес слова: «Если бы от мира сего было Царство Мое, то

⁸⁶ Там же. С. 81.

⁸⁷ Там же. С. 79.

служители Мои подвизались бы за Меня» (Ин. 18, 36). Несомненно, речь здесь идет о том, что противление силой, военное выступление «служителей» за своего «царя» – явление абсолютно нормальное для «царств мира сего», то есть для земных царств.

Ни в Евангелии, ни в апостольских посланиях не содержится категорического запрещения войны и военной службы для христиан. Напротив, когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, – он заповедал им «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лк. 3, 14). Предтеча не указал им бросить военную службу, как негодную Богу, не запретил ее и не отнесся к ней с порицанием. Христос, заочно исцеливший слугу капернаумского сотника по его просьбе и восхитившийся его верой, не сделал ему замечания, что его военные занятия служат препятствием к дальнейшему нравственному совершенствованию (Мт. 8, 5-13). Следовательно, Спаситель не считал, что сотник стоит на ложном пути. А заповедь апостола Павла «каждый оставайся в том звании, в котором призван» (1 Кор. 7, 20) предполагает указание христианам-воинам оставаться в своем воинском звании и исполнять боевые обязанности.

А. Карашев отмечает, что «Священное Писание, требуя от последователей новозаветного учения любовного, братского отношения ко всем людям, не заповедует мира во что бы то ни стало», но говорит устами апостола Павла: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12, 18), «то есть будьте мирны, но не в ущерб истине и благочестию»⁸⁸.

Дело в том, что христианство – это духовный идеал. Его требования неограниченны и ведут к постепенному внутреннему самосовершенствованию человека. Конечно, если бы все люди стали истинными христианами, проникнутыми всеобъемлющей любовью к

⁸⁸ Карашев А. Отношение христиан первых трех веков (до Константина Великого) к военной службе // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 17. С. 608.

ближним, на земле наступила бы идеальная жизнь, в которой не было бы места войне. Тогда исполнились бы слова пророка Исаии: «Люди перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2, 4). Но такой идеал не существовал во времена Христа, не был достигнут он и впоследствии, несмотря на распространение нового учения у многих народов. Поэтому христианство, будучи чисто духовной религией, хотя прямо и не решает государственных вопросов, но все же не отстраняется полностью от реальной земной жизни. Оно не предписывает своим последователям войны, но и прямо, безусловно ее не запрещает. Считая войну несомненным бедствием и злом, христианство все же допускает ее как вынужденное, крайнее средство защиты добра (в том числе во имя защиты мира и спасения людей). Ради этой высокой цели можно брать в руки оружие и рисковать собственной жизнью, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Однако, убийство противника на войне вступает при этом в противоречие с одной из главных заповедей христианства: «Не убий!». Поэтому с первых веков своего существования христианская Церковь старалась разрешить сложившееся противоречие. Церковные каноны – Постановления Вселенских и Поместных Соборов, правила святых апостолов и святых отцов, – признавая убийство одним из главных грехов и осуждая совершивших его на отлучение от причастия от 10 до 20 лет, делали все же существенные исключения для воинов, убивших противника на войне.

Среди церковных канонов непосредственное отношение к убийству на войне имеют главным образом 8-е и 13-е правила святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, изложенные в его канонических посланиях к Амфилохию, епископу Иконийскому (IV в.).

В 8-м правиле Василий Великий, характеризуя вольные (преднамеренные) и невольные (непреднамеренные) убийства, относит

убийство на войне к вольным убийствам: «Совершенно такожде вольное, и в сем никакому сомнению не подлежащее есть то, что делается разбойниками и в неприятельских нашествиях: ибо разбойники убивают ради денег, избегая обличения в злодеянии, а находящиеся на войне идут на поражение сопротивных, с явным намерением не утратить, ниже вразумити, но истребити оных»⁸⁹.

13-е правило гласит: «Убиение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо Святых тайн»⁹⁰. Византийские толкователи XII в. Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон обращают внимание на то, что данное правило предлагается святым «не в виде обязательного предписания, а в виде совета». Более того, они считают, что предложение это «никогда не действовало», так как в случае его выполнения воины, «находясь постоянно на войне и убивая неприятелей», вообще «никогда не будут причащаться», что для христианина невыносимо⁹¹. Зонара в своем толковании даже подвергает сомнению правильность фразы Василия Великого о «нечистых руках» воинов: «Зачем считать имеющими нечистые руки тех, которые подвизаются за государство и за братьев, чтобы они не были захвачены неприятелями, или чтобы освободить тех, которые находятся в плену? Ибо если они будут бояться убивать варваров, чтобы чрез это не осквернить своих рук, то все погибнет, и варвары всем овладеют. В виду этого и древние отцы, как свидетельствует сам Василий Великий, не причисляли к убийцам тех, которые убивают на войне, извиняя их как поборников целомудрия и благочестия; ибо если будут господствовать варвары, то не будет ни благочестия, ни целомудрия: благочестие они отвергнут, чтобы

⁸⁹ Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями. (Репринт с издания 1876 г.) М., 2000. С. 185.

⁹⁰ Там же. С. 211.

⁹¹ Там же. С. 211–212.

утвердить собственную религию; а в целомудрии никому не будет дозволено подвизаться, так как все будут принуждены жить так, как они живут»⁹². В подтверждение правоты своих слов Зонара ссылается на «Послание святого Афанасия Великого (архиепископа Александрийского) к Аммуну монаху». Об убийстве на войне в этом послании говорится следующее: «Ибо и в других случаях жизни обретаем различие, бывающее по некоторым обстоятельствам, например, не позволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные во брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния»⁹³.

Впоследствии к 13-му правилу Василия Великого было сделано примечание: «См. послание Св. Афанасия к Аммуну монаху. Валсамон и Зонар согласно замечают, что предполагаемый Св. Василием совет вообще не был употребляем в действие, как по неудобности, так и по уважениям, в начале сего же правила изложенным»⁹⁴. Текст этого примечания, безусловно, снижает строгость правила и дает негласное разрешение на необязательность его применения на практике.

83-е правило святых апостолов запрещало дьяконам, священникам и епископам заниматься воинскими делами: «Епископ, или пресвитер, или дьякон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть Римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина. Ибо Кесарева Кесареви, и Божия Богови»⁹⁵.

Толкователи Зонара и Вальсамон отмечают, что под «воинским делом» данное правило подразумевает не непосредственное ношение и употребление оружия, что «совершенно запрещено» 7-м правилом Халкидонского Собора, а выполнение в армии каких-либо административных полномочий (например, осуществление набора в

⁹² Там же. С. 211.

⁹³ Там же. С. 114–115.

⁹⁴ Там же. С. 210.

⁹⁵ Там же. С. 166.

войска, раздачу воинам жалованья или провианта и т.д.), поскольку священники не должны заниматься мирскими делами. Кроме того, толкователи указывают, что «извержению из священного чина» занимающийся воинскими делами подлежит не в любом случае, а «если после вразумления не перестанет»⁹⁶.

Вышеупомянутое 7-е правило IV Вселенского (Халкидонского) Собора (451 г.) грозило проклятием священникам и монахам, которые поступают на воинскую службу: «Вчиненным единожды в клир, и монахам, определили мы не вступати ни в воинскую службу, ни в мирский чин: иначе дерзнувших на сие, и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавати анафеме»⁹⁷. Наличие в правиле оговорки «не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога» неоспоримо указывает на то, что анафеме подлежат только те священники и монахи, вступившие в военную службу, которые отказались раскаяться в этом и вернуться к прежней жизни. Обратим также внимание на то, что ни в тексте правила, ни в толкованиях на него речь не идет о том, что священник, ставший воином, совершил (или мог совершить) убийство. Более того, Вальсамон отмечает, что в данном случае анафеме посвященный предается за то, что «сложил священную одежду и воинствовал из желания мирского достоинства»⁹⁸. Правильность толкования Вальсамона подтверждают слова самого правила о запрещении священникам и монахам вступать не только в воинскую службу, но и в мирской чин.

Таким образом, 83-е правило святых апостолов и 7-е правило Халкидонского Собора не содержат какого-либо осуждения войны или воинской службы. Они просто запрещают священникам заниматься

⁹⁶ Там же. С. 167.

⁹⁷ Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. (Репринт с издания 1877 г.) М., 2000. С. 174–175.

⁹⁸ Там же. С. 176.

воинскими делами, которые входят в категорию мирских дел, запрещенных священнослужителям и другими апостольскими правилами.

Е.В. Белякова отмечает, что в Византии известны случаи отлучения священников за участие в вооруженном сопротивлении мусульманам⁹⁹. Однако необходимо сказать, что существовали и противоположные случаи. Такой пример мы находим в толковании Вальсамона к 13-му правилу Василия Великого. Здесь рассказывается о попытке императора Никифора II Фоки в 963 г. провести закон, по которому убитые на войне солдаты объявлялись бы мучениками. (Этот вопрос возник в связи со столкновением Византии с мусульманами. Учение ислама о «священной войне» и о том, что убитые воины попадают прямо в рай, оказывало воздействие и на христиан). Архиереи отказали императору, сославшись на данное правило: «Каким образом мы причислим к мученикам павших на войне, которых Василий Великий на трехлетие устранил от таинств, как имеющих нечистые руки?». «Когда же, – пишет Вальсамон, – по царскому приказанию, предстали пред собором различные священники, а также и некоторые епископы, и признались, что они участвовали в битве с неприятелями и убили многих из них, то божественный и священный собор, следуя настоящему правилу и другим божественным постановлениям, хотел, чтобы они более не священнодействовали; но большинство и особенно те, которые были более воинственны, настояли на том, что они даже достойны наград»¹⁰⁰.

Впоследствии были приняты каноны, прямо запрещающие священникам, убившим на войне, священнодействовать, а также лицам, совершавшим прежде убийства, становиться священниками. Так, определение Владимирского собора 1274 г. предписывало о кандидате в священники узнавать при свидетелях, хорошо знающих претендента,

⁹⁹ *Белякова Е.В.* Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // *Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий* / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М., 2003. С. 54.

¹⁰⁰ *Правила Святых Апостол и святых отец с толкованиями.* С. 212–213.

насколько безгрешной была его прежняя жизнь. Убийство, вольное или невольное, наряду с другими грехами (содомским блудом, прелюбодеянием, участием в разбое, в колдовстве, в издевательствах над челядью), являлось препятствием к поставлению. Виновный хотя бы в одном из вышеперечисленных грехов не мог стать ни попом, ни дьяконом, ни причетником¹⁰¹. А в ответах Константинопольского собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста (1276 г.) говорится о том, что убивший на войне священник не может продолжать службу: «Вопрос. Аще поп на рати человека убьет, лзе ли ему потом служити? Ответ. Се удержано есть святыми каноны»¹⁰².

На Руси с принятием православия были приняты Священное Писание и основные каноны, вошедшие в Кормчие книги. Русская Православная Церковь относилась к рассмотренным выше канонам с большим уважением, но, как показывает история России, на практике они применялись не всегда. 13-е правило Василия Великого фактически не действовало (за убийство противника на войне воины от причастия не отлучались). Что касается духовенства, то ему, разумеется, запрещалось брать в руки оружие. Однако в суровых условиях войн иногда бывали и исключения. Так, например, Сергей Радонежский не только благословил Дмитрия Донского на битву с Мамаем, но дал князю двух лучших своих монахов (кстати, в прошлом – воинов) – Пересвета и Ослябю. В 1608–1610 гг. монахи Троице-Сергиевой Лавры «безнаказанно» оборонялись от польских войск, выдержав 16-месячную осаду. А во время Отечественной войны 1812 года, как будет показано ниже, некоторые священники принимали участие в движении сопротивления на оккупированной французами территории, возглавляя даже отряды самообороны. После войны никто из них не был лишен священного чина. Наконец, история

¹⁰¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. Т. 6. (Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1.). СПб., 1908. Стб. 89–91.

¹⁰² Там же. Стб. 138.

России знает случаи, когда бывшие военные становились затем священниками. Это архимандрит Леонид (Кавелин), настоятель Иоанно-Предтеченского скита Оптиной Пустыни старец Варсонофий (Плеханков), преподобный Силуан Афонский (Семен Иванович Антонов), митрополит Серафим (Чичагов), епископ Александр (Толстопятов) и др.

Конечно, приведенные примеры единичны. Священники не могли сражаться с врагом при помощи оружия. Однако участие Церкви во внешней политике и войнах России было достаточно активным. Церковь давала идеологическое обоснование проводимым войнам и обеспечивала духовное окормление солдат. В русской православной традиции воинское служение считалось святым и праведным, обязанность защиты веры и Отечества признавалась священной, а гибель за Родину приравнивалась к пролитию мученической крови. Эти положения не были утверждены на Поместном соборе в качестве канонов, однако неоднократно проводились в летописях и трудах церковных иерархов. Они нашли также отражение в русской иконографии и агиографии. Таким образом, по справедливому замечанию Е.В. Беляковой, «в отношении к войне мы можем говорить не о воспроизведении “византийской модели”, а о создании новой идеологии “священной войны”, чуждой Византии»¹⁰³.

Например, особый чин святых Русской Церкви составляют святые благоверные князья. Среди них отдельную группу занимают князья – воители и защитники русской земли. Это Александр Невский, Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей Псковские, Мстислав Ростиславич Храбрый, Дмитрий Донской (последний был канонизирован в 1988 г.). Христианская идея их подвига заключается в самоотверженном служении русской земле и православному народу до готовности «отдать свою душу за друзей своих». Эта мысль отчетливо выражена в заключительных словах жития Александра Невского: «Тако бо Бог прослави угодника своего, яко много

¹⁰³ Белякова Е.В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители.... С. 60.

тружеся за землю русскую, и за Новгород, и за Псков, и за всю землю русскую, живот свой полагая за православное христианство»¹⁰⁴. Другими словами, их общественный подвиг является выражением христианской заповеди жертвенной любви. Как отметил Г.П. Федотов, «герой-воитель всегда готов стать страстотерпцем, высшим выразителем княжеской святости»¹⁰⁵. Жития князей-защитников представляют собой военно-героические повести. Здесь отмечаются черты, общие для всех святых князей – благочестие, благотворительность, защита слабых, однако основное внимание уделяется чертам воинским. Так, Александр Невский сравнивается с Ахиллесом, Александром Македонским и императором Веспасианом, Всеволод-Гавриил называется «оборонителем и забралом граду Пскову от поганных немец», а Довмонт-Тимофей – «страшным ратоборцем, на многих бранях мужество свое показавшим и добрый нрав». При этом героический элемент житий неразрывно связывается с элементом религиозным. Например, Александр Невский долго молится перед походом святой Софии Новгородской, в битве на Неве ему помогают святые Борис и Глеб, а на Чудском озере – ангельские воинства.

Князья-защитники, так же, как и страстотерпцы Борис и Глеб, на иконах часто изображаются в воинских доспехах и с оружием в руках. А подлинные мечи Всеволода-Гавриила и Довмонта Псковских, которые они, кстати, перед выступлением в поход освящали в Троицком соборе, долгое время хранились над их гробницами и почитались в числе святынь¹⁰⁶.

В доспехах и с оружием изображался часто на древнейших русских иконах (XI–XII вв.) один из наиболее почитаемых на Руси святых – Георгий Победоносец. И хотя, согласно житию Георгия, бывший воин Римской армии победил своих палачей и императора Диоклетиана не оружием, а твердостью в вере, мужественно приняв мученическую смерть за Христа, на двух типах икон (из трех основных) великомученик

¹⁰⁴ Цит. по: Федотов Г.П. Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 106.

¹⁰⁵ Там же. С. 111.

¹⁰⁶ Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 225.

изображался именно в виде воина. (Либо в полный рост: в доспехах, со щитом в одной руке и копьем (или мечом) в другой; либо на коне, поражающим дракона («Чудо Георгия о змие»). По определению историков Церкви, таким образом в русской иконографии символизировалась святость воинского подвига и самого оружия, поднятого в защиту веры и Отечества. А сраженный Георгием змий – это не что иное, как темный гений язычества, образ мирового зла, символ врага православия и России¹⁰⁷.

Начиная с конца XII в., в русских письменных памятниках появляется, неоднократно повторяется и развивается идея священной войны за христианскую веру и приравнивания гибели в такой войне к пролитию мученической крови, причем звучит она из уст как летописцев (при оценке событий), так и церковных иерархов. Так, например, в Ипатьевской летописи, в статье 6698 (1190) г., о немцах-католиках, участниках Крестового похода, погибших в Палестине с германским императором Фридрихом I Барбароссой, говорится: «Сии же немци, яко мученици святии, проляша кровь свою за Христа, ... о сих бо воля Господня да сбыстся, и причте я ко избранному своему стаду в лик мученицкий»¹⁰⁸. Архиепископ Ростовский Вассиан в послании к великому князю Ивану III, возглавлявшему русские войска на берегу Угры, призывает его не слушать «совета льстивых» и «крепко стояти за свое отечество» против хана Ахмата¹⁰⁹. Он напоминает ему о знаменитой Куликовской битве и утверждает, что воины, погибшие в ней, стали мучениками, пострадавшими за христианскую веру, а раненые, но выжившие после сражения, получили отпущение своих прежних грехов: «И сподвизающися ему [Дмитрию Донскому], иже до смерти от Бога съгрешением оставление приаша и венци мученическими почтени быша,

¹⁰⁷ См.: Лисовой Н.Н. Победоносец // Лисовой Н.Н. Чудотворные иконы: Обретение, чудотворения, молитвы. М., 2002. С. 213.

¹⁰⁸ Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 667–668.

¹⁰⁹ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / Под ред. В.И. Буганова. Ч. 2. М., 1987. С. 227.

равно якоже и прѣвѣи мученици, иже веры ради пострадаша от мучителей, исповедание ради Христова умроша. Сии же такоже в последнее время за веру и за церкви божия умроша и равно с сими венци приаша. А иже тогда от съпротивных уязвляеми и по победе живи обретошася, сии кровию своею отмыша перваа съгрешения и яко победители крепци врагом явишася, и великим хвалам и чести достойни быша не токмо от человек, но и от Бога»¹¹⁰. Митрополит Макарий в послании царю Ивану Грозному и его войску в Казань во время осады (1552 г.), подобно архиепископу Вассиану, обещает «пострадавшим до крови» (то есть раненым) «за святыя церкви и за святую веру христианскую и за множество народа людей православных» прощение грехов, а погибшим – место в раю (мученический венец), ибо «ничтоже тоя любви болши еже положити душу свою за брата своего»¹¹¹.

Позиция Русской Православной Церкви по вопросу войны с внешним врагом нашла также отражение в литургическом творчестве и в храмовой архитектуре. Во время международных войн во всех церквях России читались специальные молитвы «о победе на супостаты», а в число ежедневных молитв каждого верующего (не только в военное, но и в мирное время) входил (и входит до сих пор) Тропарь Кресту, основное содержание которого – моление о победе над врагом: «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство»¹¹².

Со времен Древней Руси и вплоть до XX в. основные сражения приурочивались часто полководцами к церковным праздникам (8 сентября 1380 г. – праздник Рождества Богородицы – Куликовская битва; 26 августа 1812 г. – праздник Сретения Владимирской иконы Божией Матери – Бородинская битва и др.). Существовали и обратные ситуации, когда церковные праздники учреждались в честь военных побед. Так, один из

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 196.

¹¹² Молитвослов. М., 2003. С. 15.

наиболее почитаемых в православии праздников – Покрова Богородицы (1 октября ст. стиля) – был учрежден князем Андреем Боголюбским в 1164 г. в честь победы над Волжской Болгарией¹¹³, а праздник иконы Божией Матери, именуемой «Знамение» (27 ноября) возник, по благословению святителя Иоанна, в память победы новгородцев над суздальской ратью того же Андрея Боголюбского в 1170 г.¹¹⁴

Икона Богородицы всегда пользовалась особым почитанием и уважением среди русских воинов. Не случайно Кондак Богородице называет ее «Взбранной Воеводой победительной»¹¹⁵. По убеждению воинов и мирных жителей, иконы Божией Матери, находясь в войсках или в осажденном городе, неоднократно помогали одержать победу над врагом. Так, Русская Православная Церковь трижды в году отмечает три различных праздника Владимирской иконы Божией Матери, все они связаны с ее помощью в защите Москвы от захватчиков: 26 августа – в память избавления города от Тамерлана (1395 г., в это время Владимирская икона была перенесена из Владимира в Москву); 23 июня – в память освобождения от Ахмата (1480 г., «стояние на Угре», в том году икона второй раз (теперь уже окончательно) переехала в Москву); 21 мая – в память спасения от нашествия крымского хана Махмет-Гирея (1521 г.). Казанская икона Божией Матери находилась в войске Дмитрия Пожарского в 1612 г., а Смоленская икона Богородицы – в русской армии во время Отечественной войны 1812 года.

Наконец, с давних пор на Руси существовала традиция в благодарность Богу за одержанные победы строить храмы и монастыри. После Куликовской битвы для поминовения православных воинов, павших во время сражения, на Куликовом поле был построен монастырь в честь Рождества Богородицы; в память о покорении Казани в XVI в. на Красной

¹¹³ См.: Лисовой Н.Н. Благодать смиренных. Русская чудотворная икона в истории и в литургии // Лисовой Н.Н. Чудотворные иконы: Обретение, чудотворения, молитвы. С. 13–14.

¹¹⁴ Там же. С. 18.

¹¹⁵ Молитвослов. С. 35.

площади в Москве был возведен собор Покрова на Рву (штурм Казани Иван Грозный приурочил к празднику Покрова); в честь освобождения Москвы от поляков в 1612 г. был построен Московский Казанский собор; в память о Полтавской победе в Санкт-Петербурге сооружен храм в честь Сампсония Странноприимца (битва произошла в день памяти этого святого – 27 июня 1709 г.). Многочисленные храмы и часовни, как будет показано ниже, были возведены в память Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Таким образом, Русская Православная Церковь, в соответствии с христианским вероучением, считает войну несомненным бедствием и злом, однако допускает ее как вынужденное, крайнее средство защиты добра. Русская Церковь не запрещает своим чадам участвовать в войнах в защиту Отечества, православной веры и единоверцев; более того, признает такие противостояния священными, а погибающих в них воинов – совершающими подвиг жертвенной христианской любви.

1.2. Положение Русской Церкви в Российской империи XIX века

В XIX в. Россия являлась поликонфессиональным государством, но при этом *православной империей*. Из всех конфессий страны Православная Церковь официально занимала первое место и была тесно связана с государственной властью.

Положение Православной Церкви в рассматриваемый период определялось в основном законодательными актами, принятыми еще в эпоху петровских преобразований. «Духовный регламент» Петра I (1721) юридически оформил давний союз Церкви и самодержавия, внося в него существенные коррективы, заключавшиеся прежде всего в том, что союз этот перестал быть равноправным. Если до церковной реформы Петра I (упразднение патриаршества и учреждение Святейшего Синода) церковная историография говорит в основном о так называемой *диархии*

(двоевластии) царя и патриарха¹¹⁶, о наличии *симфонии церковной и государственной властей*, провозглашенной в 6-й Новелле императора Юстиниана, вошедшей в состав Славянской Кормчей книги, то после выхода в свет «Духовного регламента» речь идет уже о *государственной церковности*¹¹⁷ и Церковь прямо называется «частью Российского государства»¹¹⁸. Несмотря на изменение высшего звена церковного управления, фактически включенного в государственный аппарат, православие по-прежнему оставалось идеологической опорой самодержавия и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа.

В «Духовном регламенте» содержалось религиозное обоснование самодержавной власти: «Монархов власть есть Самодержавная, которым повиноватися Сам Бог за совесть повелевает»¹¹⁹. И хотя император именовался здесь только *Христианским Государем* (а не *православным*), последующее законодательство прямо указывало на его обязательную принадлежность к православной вере. В духовном завещании императрицы Екатерины I (1727) говорилось: «Никто никогда Российским престолом владеть не может, которой не греческого закона»¹²⁰. Это положение подтвердил «Акт о наследии престола» императора Павла I от 5 апреля 1797 г., согласно которому престолонаследник терял право на российский трон, если отказывался принять православное вероисповедание¹²¹. В царствование Николая I, когда была проведена кодификация законодательства, эта мысль нашла окончательную формулировку в 41-й статье «Основных государственных законов» «Свода законов Российской империи»: «Император, престолом Всероссийским

¹¹⁶ Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент». Т. 1. Ростов-на-Дону, 1916. С. 501.

¹¹⁷ Суворов Н. Конспект церковного права. М., 1909. С. 119.

¹¹⁸ Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. VIII. Ч. I. М., 1996. С. 111.

¹¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. (Далее ПСЗ-I). Т. 6. № 3718. С. 316.

¹²⁰ ПСЗ-I. Т. 7. № 5070. С. 790.

¹²¹ ПСЗ-I. Т. 24. № 17910. С. 587–589.

обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме православной»¹²².

Вступая на престол, император проходил обряд коронования и миропомазания по чину Православной Церкви. Участие Церкви в этой церемонии освящало императорскую власть. В особой молитве, которую император произносил во всеуслышание, свидетельствовалось, что его обязанности носят религиозно-мистический характер: «Ты избрал мя еси царя и судию людям Твоим... Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем. Да будет со мною приседящая престолу Твоему Премудрость»¹²³. Историк государственного права А.В. Романович-Славатинский замечает по поводу чина коронации: «Основания обряда священного коронования и миропомазания, как толкует наша Православная Церковь, заключаются в следующем: 1) чтоб пред лицом всего народа показать, что государь – помазанник Божий; 2) что власть его – *Божественного происхождения*, а самая особа его – *священна и неприкосновенна*... Император произносит вслух Символ православной веры, знаменуя всенародно, что исповедует он веру большинства своего русского народа... Коронование, таким образом, представляет собою обряд, в котором религиозные элементы смешиваются с политическими»¹²⁴. Связь императора с народом основывалась, таким образом, прежде всего на общей вере. В народном сознании царь был помазанником Божиим и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны между собой.

Первенствующее положение православия в Российской империи с 1797 г. закреплялось в законодательстве, где оно называлось религией,

¹²² Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1: Основные государственные законы. СПб., 1857. Ст. 41. С. 10.

¹²³ Смолич И.К. Указ. соч. С. 125.

¹²⁴ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. С. 124.

«господствующей в государстве»¹²⁵, с 1832 г. – «первенствующей и господствующей»¹²⁶. Закон разрешал исповедовать в пределах России все существующие религии, говорилось даже о «свободе веры»¹²⁷, однако иноверцам категорически запрещался прозелитизм (религиозная проповедь) среди христиан, а неправославным христианам – среди православных. Правом миссии обладала лишь Православная Церковь. Переход из нехристианских и «инославных» (христианских неправославных) исповеданий в православие приветствовался¹²⁸.

В 1805 г. в стране действовало 26 747 православных церквей (без монастырских и домовых)¹²⁹ и 452 монастыря (с приписными) – 358 мужских и 94 женских¹³⁰. Статистические данные о численности православного духовенства в это время, к сожалению, отсутствуют. Удалось установить, что во время Отечественной войны 1812 года численность священнодействовавшего духовенства (то есть исключая низший клир и простых монахов) составляла 34 691 человек¹³¹.

Уникальным статистическим (и не только) источником по истории Церкви со второй четверти XIX в. являются отчеты обер-прокурора Святейшего Синода. Опираясь на этот источник, приведем необходимые статистические данные на период Крымской и Русско-турецкой войн.

К 1854 г. жителей православного вероисповедания в России насчитывалось 49 023 287 человек (без данных по армейскому и флотскому ведомствам). Безусловно, это была самая многочисленная конфессия империи. В стране действовало 36 006 православных церквей, 578 соборов, 11 866 часовен и молитвенных домов, 592 монастыря – 466

¹²⁵ ПСЗ-И. Т. 24. № 17879. С. 28.

¹²⁶ Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1: Основные государственные законы. Ст. 40. С. 10.

¹²⁷ ПСЗ-И. Т. 24. № 17879. С. 513.

¹²⁸ ПСЗ-И. Т. 16. № 11880; Т. 26. № 19263; Т. 24. № 17879.

¹²⁹ Ведомость о числе православных церквей по всем Российским епархиям, кроме монастырских и домовых, учиненная в 1805 г. // *Амвросий (Орнатский)*. История Российской иерархии. Ч. I. М., 1807. С. 644–646.

¹³⁰ *Амвросий (Орнатский)*. Указ. соч. Ч. III. М., 1811. С. 54–55.

¹³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4721. Л. 18.

мужских и 126 женских. Численность белого духовенства составляла 50 055 человек (в том числе 1 419 протоиереев, 35 398 священников, 13 238 диаконов, 63 760 причетников), черного – 7 333 человека (5 057 монахов и 2 276 монахинь). Вместе с послушниками, послушницами и священно- и церковнослужителями, находившимися за штатом, общая численность белого и черного духовенства составляла 146 740 человек¹³².

К 1878 г. почти все эти показатели увеличились: численность православных составляла 58 111 135 человек (без данных по Камчатской, Тобольской, Тульской, Туркестанской епархиям и Грузинскому экзархату), количество православных церквей – 37 180, соборов – 605, часовен и молитвенных домов – 13 254. В стране действовало 612 монастырей – 447 мужских и 165 женских. Численность белого духовенства составляла 89 182 человека (в том числе 1 303 протоиерея, 33 499 священников, 7 883 диакона, 46 497 причетников), черного – 10 839 человек (6 402 монаха, 4 437 монахинь). Вместе с послушниками, послушницами и священно- и церковнослужителями, находившимися за штатом, общая численность белого и черного духовенства составляла 122 639 человек¹³³.

Высшим органом церковного управления с петровских времен был Святейший Правительствующий Синод – коллегия из нескольких членов, назначавшихся императором по представлению обер-прокурора, который являлся посредником между монархом и Синодом. Численность членов Синода несколько раз менялась: согласно «Духовному регламенту», Духовная Коллегия должна была состоять из 12 членов, однако уже в манифесте о ее учреждении от 25 января 1721 г. говорилось об 11 членах; в правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны в Синоде присутствовало 8 членов; штатное расписание Екатерины II (1763) установило для Синода 6 членов и, наконец, штаты 1819 г. – 7. Заседания

¹³² Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1854 год. СПб., 1855. С. 9, 13–14, 20–21, 25.

¹³³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 год. СПб., 1879. Приложения № 1–2, 4, 8. С. 1–8, 13–23, 45–47.

проходили три раза в неделю под председательством «первенствующего члена Синода», которым на протяжении практически всего синодального периода был митрополит Санкт-Петербургский. С 1819 г. постоянными членами Синода, помимо Санкт-Петербургского митрополита, стали также митрополиты Московский и Киевский. Решения принимались коллегиально, каждый член Синода имел равное право голоса. В случае равенства голосов по какому-либо вопросу, голос «первенствующего члена Синода» был решающим. На заседаниях присутствовал обер-прокурор. Помимо Присутствия, которое составляли члены Духовной Коллегии, Синод имел канцелярию и Хозяйственное управление.

Полномочия Святейшего Синода были определены в Манифесте от 25 января 1721 г. и «Духовном регламенте». Синод был назван здесь «Духовным Соборным Правительством», которое «имеет всякие Духовные дела во Всероссийской Церкви управлять»¹³⁴. Тем самым декларировалась его верховная власть над Церковью. О законодательных полномочиях Синода в манифесте говорилось следующее: «Должна же есть Коллегия сия и новыми впредь правилами дополнять Регламент свой, яковых правил востребуют разные разных дел случаи. Однако ж делать сие должна Коллегия Духовная не без Нашего соизволения»¹³⁵. Постановления Синода приобретали силу закона только после утверждения их императором (они издавались в форме указов Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода). На этом основании И.К. Смолич утверждает, что «Святейший Синод не имел законодательной автономии»¹³⁶. Его постановления, утвержденные императором, «превращались в именные повеления, принятые при участии Святейшего Синода»¹³⁷.

¹³⁴ ПСЗ-I. Т. 6. № 3718. С. 314.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Смолич И.К. Указ. соч. С. 136.

¹³⁷ Там же.

В XIX в. Святейший Синод рассматривал практически все дела по управлению Церковью, требовавшие внимания высшей администрации. Его ведению подлежали: вера и нравственность, борьба с еретическими учениями, расколом и сектантством, надзор за богослужебной практикой и составление новых служб, канонизация, почитание мощей, издание богослужебных книг и цензура богословской литературы. Прерогативой Святейшего Синода было назначение и смещение настоятелей монастырей, а также назначение и увольнение членов и секретарей духовных консисторий и заведующих духовными учебными заведениями, лишение сана священников и монахов, возведение в архимандриты, игумены и протоиереи, награждение духовенства скуфьей, камилавкой, наперсным крестом, набедренником и митрой. Синод давал санкцию на строительство церквей и их починку, а также на основание монастырей; он следил за управлением епархиями, собирая отчеты с архиереев. Определенные административные акты Синода требовали утверждения императора: в частности, учреждение новых епархий, назначения и смещения епархиальных архиереев.

Согласно «Духовному регламенту», Святейший Синод был высшей духовной судебной инстанцией. Здесь решались дела, связанные с заключением и расторжением брака, невыполнением христианских обязанностей и отпадением от православия. Юрисдикция Синода распространялась и на мирян, если они привлекались к суду по духовным делам. Самыми суровыми наказаниями были отлучение от Церкви и предание анафеме. За менее серьезные проступки налагались церковные епитимии. Суду Синода подлежали почти все проступки духовенства, за исключением тяжких государственных преступлений, разбоев и убийств.

В «Духовном регламенте» император был назван «блюстителем правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния»¹³⁸. В акте о наследии

¹³⁸ ПСЗ-I. Т. 6. № 3718. С. 316.

престола он именуется «главою Церкви»¹³⁹. Эти два законодательных акта в 1832 г. были положены в основу 42-й статьи «Свода законов Российской империи»: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния. [Прим.:] В сем смысле Император в акте о наследии престола 1797 апр. 5 (17910) именуется *Главою Церкви*»¹⁴⁰. На протяжении многих лет эта статья служит основой для критики взаимоотношений Русской Православной Церкви с императорской властью. Однако, по мнению И.К. Смолича, поскольку формула Павла I «император – глава Церкви» не включена здесь в сам текст закона, а приводится только в качестве примечания в виде толкования к статье, это не дает ей силу прямого закона и не позволяет определять положение императора как положение *внутри Церкви* и *над Церковью*¹⁴¹. Тем не менее, так или иначе, но процесс огосударствления Церкви в XIX в. был налицо. Она все больше превращалась в часть государственного аппарата с соответствующей бюрократизацией управления. Это проявилось прежде всего в усилении власти синодального обер-прокурора – прямого представителя императора в церковном управлении.

Обер-прокуратура была учреждена указом Петра I от 11 мая 1722 г., в котором говорилось: «В Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором, и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора»¹⁴². Вскоре, 13 июня 1722 г., такая инструкция появилась: «Обер-прокурор повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которые к синодскому рассмотрению и решению подлежат... по Регламентам и Указам

¹³⁹ ПСЗ-I. Т. 24. № 17910. С. 588.

¹⁴⁰ Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1: Основные государственные законы. Ст. 42. С. 10.

¹⁴¹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 121.

¹⁴² ПСЗ-I. Т. 6. № 4001.

отправлял... Также должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот час протестовать, и оное дело остановить, и немедленно донести Нам, если весьма нужное. А о прочих в бытность Нашу в Синоде, или помесечно, или понеделно, как указ иметь будет»¹⁴³. Таким образом, формально обер-прокурору отводилась роль наблюдателя и посредника. Однако названный в инструкции «оком» Государя и «стряпчим о делах государственных»¹⁴⁴, он стал как бы заместителем императора при Святейшем Синоде. Будучи доверенным лицом монарха, не подвластным ничьему суду, кроме царского, он фактически был поставлен выше Синода. Кроме того, ему было передано управление канцелярией Синода со всеми ее служащими. Это полномочие создало предпосылку для будущего возвышения обер-прокурора и подчинения синодального управления его воле.

В развитии института обер-прокуратуры выделяют два этапа. Первый – со времени основания до 1803 г., когда власть обер-прокурора не имела решающего значения в деятельности Святейшего Синода, который находился еще в непосредственных отношениях с императором. Второй – с 1817 г. до конца синодального периода, в это время непосредственные отношения между императором и Синодом почти полностью прекратились, и обер-прокурор в качестве полномочного министра стал единоличным представителем Святейшего Синода перед правительством. 1803–1817 гг. – это переходное время, когда под началом князя А.Н. Голицына создавались условия и предпосылки для наступления второго этапа¹⁴⁵.

¹⁴³ ПСЗ-I. Т. 6. № 4036.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 150.

Возвышение обер-прокурора было прежде всего логическим следствием внутренней политики самодержавия. В начале XIX в. проходил интенсивный процесс бюрократизации государственного аппарата. Создание министерств при Александре I привело к четкому разграничению полномочий отдельных административных ведомств. Складывался новый централизованный аппарат управления, охвативший и Церковь.

Расширению власти обер-прокурора в начале XIX в. способствовала также личная близость А.Н. Голицына к императору. Будучи другом детства Александра I, князь Голицын пользовался его полным доверием. Назначенный обер-прокурором, он перестроил работу высшего органа церковного управления по своему усмотрению. В это время практически все делопроизводство сосредоточилось в синодальной канцелярии. В 1807 г. А.Н. Голицын добился разрешения императора, чтобы епархиальные архиереи обо всех важных делах в епархиях немедленно сообщали обер-прокурору, независимо от донесения Святейшему Синоду. В 1808 г. он принял непосредственное участие в организации реформы духовных учебных заведений, в ходе которой духовное образование в России было приведено в систему. В 1809 г. была образована Комиссия духовных училищ, в которую А.Н. Голицын вошел на правах члена и подчинил себе ее канцелярию. Далее он взял в свои руки производство наград и чинов членам Святейшего Синода и духовенству. Доклады императору А.Н. Голицын делал самостоятельно, не всегда согласовывая их с Синодом. Таким образом, по выражению П.В. Верховского, «обер-прокурор Святейшего Синода фактически занял положение министра. Оставалось сообщить этому положению юридический характер»¹⁴⁶, что и произошло с учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824), первым и последним министром которого стал А.Н. Голицын.

¹⁴⁶ *Верховской П.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 601.

Министерство состояло из двух департаментов: духовных дел и народного просвещения. Департамент духовных дел делился на четыре отделения. Первым из них было Греко-российское, именовавшееся Ведомством православного исповедания. Его возглавлял обер-прокурор Святейшего Синода (в 1817–1833 гг. князь П.С. Мещерский). Он находился под непосредственным руководством министра духовных дел и народного просвещения. Обер-прокурор представлял министру все доклады и постановления Присутствия Святейшего Синода. Представлять императору доклады по делам церковного управления и отчеты Святейшего Синода имел право только министр.

Однако учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения было «крайностью, скоро понятой»¹⁴⁷. Создалась атмосфера общего недовольства унижением Синода и деятельностью князя А.Н. Голицына, вследствие чего 15 мая 1824 г. он был уволен от должности министра духовных дел и народного просвещения, а вскоре было упразднено и само двойное министерство. В указе Александра I от 24 августа 1824 г. говорилось, что 1-е отделение бывшего Департамента духовных дел должно оставаться «в настоящем его положении под именем Отделения духовных дел греко-российского исповедания при обер-прокуроре Святейшего Синода»¹⁴⁸. Так обер-прокуратура Святейшего Синода вновь возникла как самостоятельное учреждение. Несмотря на то, что Министерство духовных дел и народного просвещения просуществовало недолго, его значение для последующей истории церковного управления было решающим. Реформа 1817 г. сделала обер-прокуратуру существенной частью государственного министерства церковного управления, и, после того как пост министра был упразднен, его функции фактически перешли к обер-прокурору, которому были предоставлены новые возможности для расширения полномочий. В

¹⁴⁷ Там же. С. 603.

¹⁴⁸ ПСЗ-I. Т. 34. № 30037.

частности, ему официально были подчинены секретари духовных консисторий, где сосредоточивались все нити епархиального управления.

Епархии являлись основным звеном местного церковного управления. По своей территории они чаще всего совпадали с губерниями. В начале XIX в. (в том числе и во время войны 1812–1814 гг.) в России насчитывалось 36 епархий, в середине столетия (во время Крымской войны) – 55, в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – 59. Все епархии после реформы 1764 г. и введения штатов были поделены на три класса: митрополии, архиепископства и епископства. К 1-му классу относились Санкт-Петербургская, Московская, Новгородская и Киевская. В 1867 г. такое деление было упразднено. А до этого от класса епархии зависели расходы на ее содержание по смете Святейшего Синода. Однако, несмотря на принятую классификацию, ассигнования существенно разнились даже внутри одного класса. Так, Санкт-Петербургской епархии как столичной полагалось гораздо больше средств, чем остальным. Только на содержание архиерейского дома она получала 19 190 рублей серебром. Московской, Новгородской и Киевской епархиям на те же цели отводилось менее 8 тыс. рублей. На архиерейские кафедры епархий 2-го класса выделялось от 4 до 6 тыс. рублей, 3-го класса – от 2 до 5 тыс. рублей¹⁴⁹.

Во главе епархий стояли архиереи, назначавшиеся императором по представлению Синода. Это были непременно представители черного духовенства, преимущественно из среды «ученого монашества». Каждый из них имел в личном распоряжении целый штат, установленный специальным указом Синода и предназначенный для обеспечения нормальной жизни и деятельности владыки. В совокупности это называлось архиерейским домом. В некоторых епархиях были учреждены должности викарных епископов – заместителей епархиальных архиереев.

¹⁴⁹ Григорович Н. Обзор учреждения в России архиерейских православных кафедр и способов содержания их, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1866). Историческая записка. СПб., 1866. Приложение № 11.

Архиерейская власть была довольно велика. В своей епархии архиерей считался высшей инстанцией. Он надзирал за проповеднической и богослужебной деятельностью духовенства, руководил местными церковными учреждениями (кроме ставропигиальных монастырей, подчиненных непосредственно Синоду), осуществлял контроль за духовными училищами и церковно-приходскими школами и возглавлял духовный суд. «Духовный регламент» предписывал архиереям ежегодно объезжать пределы своих епархий и представлять в Синод подробный отчет об их состоянии¹⁵⁰.

Свои административные и судебные функции архиерей осуществлял при помощи духовной консистории, состоявшей из присутствия (члены которого назначались архиереем из лиц духовного сословия и утверждались Синодом) и канцелярии. В обязанность присутствия входило регулярное рассмотрение и решение текущих дел по епархии, которое проходило коллегиально. Непременным участником заседаний был секретарь консистории (светский чиновник), который возглавлял канцелярию и нес ответственность за правильность делопроизводства, в том числе за соответствие принимаемых решений нормам церковного права. Секретарь назначался Синодом по представлению обер-прокурора. Формально он подчинялся архиерею, но в то же время был обязан исполнять и указания обер-прокурора, который таким образом контролировал ключевой орган консистории. Решение вступало в силу только после его утверждения архиереем, причем последний мог вернуть дело на повторное рассмотрение и, если снова не соглашался с заключением, имел право вынести собственное решение, которое и считалось окончательным.

Каждая из епархий состояла из двух или более округов, во главе которых находились духовные правления. Округа делились на благочиния, объединявшие от 10 до 30 приходов. Из числа приходских священников

¹⁵⁰ ПСЗ-I. Т. 6. № 3718. п.17.

архиерей назначал благочинного, через которого осуществлялся непосредственный надзор за деятельностью приходского духовенства и за церквями. Права и обязанности благочинного определялись особой инструкцией, согласно которой он должен был ежегодно объезжать свою территорию, проверяя на месте правильность ведения документации (метрических и приходо-расходных церковных книг), отправляя клиром своих обязанностей, отношение прихожан к причту, состояние храмовых построек и имущества. По итогам поездки благочинный представлял епархиальному архиерею подробный отчет¹⁵¹.

Нижнюю ступень в епархиальной структуре образовывали приходы (церковные общины, сплоченные вокруг приходского храма). На прихожанах лежала обязанность материального обеспечения церковного причта и поддержания благосостояния приходского храма. Их участие в решении приходских дел ограничивалось выборами церковного старосты, в обязанности которого входили: продажа церковных свечей, сбор добровольных подаяний во время богослужения, покупка необходимых церкви вещей, ведение приходо-расходных книг¹⁵².

Через приходские храмы осуществлялось непосредственное общение Русской Православной Церкви и государственной власти с народом. Здесь читались Высочайшие манифесты и указы, предназначенные для обнародования, здесь велось религиозное воспитание народа на языке священных книг и описаний жития святых. Через молитвы и богослужения Церковь воодушевляла верующих любовью к царю и Отечеству до готовности полагать за них свою жизнь. Православная Церковь проповедовала относиться к царю с благоговением, как к Помазаннику Божию, свято исполняя его законы. И.С. Бердников, определяя церковно-государственные отношения в XIX в., в частности, отмечает: «Русское

¹⁵¹ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. С. 103.

¹⁵² См. Римский С.В. Русская Православная Церковь в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1997. С. 73.

государство в лице своего правительства просит у Бога благословения и покровительства во всех важных случаях общественной жизни. Оно видит в христианской религии залог нравственного, а вместе с ним и всякого другого преуспевания народа, и потому не заграждает ей путей влияния на общество. Оно чтит религиозные святыни и обеспечивает почтение к ним и в народе. Оно озабочено религиозным воспитанием народных масс и доставляет нужные к тому средства»¹⁵³.

Идеологическая роль Церкви особенно ярко проявлялась в армии и на флоте, где удовлетворением религиозных потребностей воинских чинов, а также их духовным и патриотическим воспитанием занимался институт военного и морского духовенства.

1.3. Место и роль военного и морского духовенства в российской императорской армии и на флоте

Традиция участия священнослужителей в военных походах сложилась на Руси еще в древности. Назначение в полки особых священников началось со времени царствования Алексея Михайловича. Первый документ, в котором упоминается военный священник в русской армии – военная книга 1647 г. «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» (перевод с немецкого языка сочинения И.Я. фон Вальгаузена «Воинское искусство»), служившая руководством для обучения строевой службе. В одной из глав определялось жалованье воинским чинам и полковому священнику. Разрядные книги времени царя Феодора Алексеевича также зафиксировали назначение священников в полки. Оно осуществлялось Судным патриаршим приказом по предписанию царя¹⁵⁴.

Однако определяющим этапом в формировании собственно ведомства военного духовенства стало царствование Петра I. В это время увеличилась численность военных священников (в связи с увеличением армии и появлением флота), определились их обязанности, а также

¹⁵³ Бердников И.С. Указ. соч. С. 232.

¹⁵⁴ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 2–3.

появились некоторые особенности в управлении данной группой духовенства.

Согласно Воинскому (1716) и Морскому (1720) уставам, при каждом полку и на каждом корабле должен был состоять священнослужитель, главная обязанность которого заключалась в отправлении богослужений: на флоте – в воскресные и праздничные дни¹⁵⁵, в армии – три раза в день – «во вся утра и вечера и полдень»¹⁵⁶. (Воинский устав императора Павла I (1796), сохранив троекратное отправление богослужения, внес некоторые уточнения: «Людей водить к обедне по крайней мере дважды в неделю, по воскресеньям и средам, а когда праздники случатся, то и чаще; к вечерне же и заутрене тех, которым служба помешает обедню в тот день слушать, располагая таким образом, чтоб каждый человек побывал на одной из трех служб в назначенный день»¹⁵⁷). Помимо отправления богослужений, священники должны были исповедовать и причащать военнослужащих, проводить религиозные беседы, а также регулярно посещать и утешать больных («дабы кто не умер без причастия»¹⁵⁸).

Управление всеми священниками флота Морской устав (1720) поручал так называемому «начальному священнику», который находился на корабле аншеф-командующего. Он должен был посещать корабли, наблюдая за исполнением священнослужителями своих обязанностей. Являясь представителем духовно-административной власти на флоте, он пользовался правом подвергать нерадивых священников наказанию¹⁵⁹. Через год, 15 марта 1721 г., появилась Инструкция флотским иеромонахам («Пункты, что иеромонахам, при флоте Российском обретающимся, надлежит исполнять»), где должность «начального священника» была

¹⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 6. № 3485. Гл. IX. п. 3. С. 42.

¹⁵⁶ Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно. СПб., 1791.

¹⁵⁷ ПСЗ-I. Т. 24. № 17588. Гл. XIV. п. 3. С. 115.

¹⁵⁸ ПСЗ-I. Т. 6. № 3485. Гл. IX. п. 4. С. 42.

¹⁵⁹ Там же. п.1.

заменена должностью обер-иеромонаха¹⁶⁰. Вскоре обстоятельства вынудили назначить обер-иеромонахов на каждую эскадру. При этом первым обер-иеромонахом на флоте считался обер-иеромонах Ревельской эскадры. Со временем должности обер-иеромонахов в других эскадрах были упразднены и управление всем флотским духовенством, как и предполагалось Морским уставом, объединилось в руках одного обер-иеромонаха. Его должность была постоянной (и в мирное, и в военное время).

Иначе складывалось управление духовенством сухопутных войск. Первоначально в административном отношении оно не было отделено от епархиального. Согласно определению Святейшего Синода от 15 января 1733 г., в мирное время армейское духовенство подчинялось архиерею той епархии, где был расквартирован полк¹⁶¹. Его материальное обеспечение осуществлялось за счет особого сбора с приходов – так называемых подможных денег (по гривне с церкви)¹⁶². В военное время, при постоянном передвижении войск, для надзора за полковыми священнослужителями назначался полевой обер-священник. Эта должность упоминается в Воинском уставе Петра I. Согласно уставу, полевой обер-священник полагался при фельдмаршале или генерале, командующем армией. Предоставленные ему права касались управления и суда над всеми полковыми священниками, которых он должен был «наставлять к доброму житию» и, в случае нарушения ими своих обязанностей, наказывать; он должен был также «подавать разъяснение в сумнительных делах», могущих встретиться в их практике и передавать приказы командующего войсками относительно времени отправления богослужения и благодарственных молебнов¹⁶³. В 1797 г. полевым обер-

¹⁶⁰ ПСЗ-I. Т. 6. № 3759. С. 370–371.

¹⁶¹ Столетие военного министерства (1802–1902). Т. XIII. (Управление церквами и православным духовенством военного ведомства / Сост. А.А. Желобовский). СПб., 1902. С. 4.

¹⁶² Невзоров Н. Указ. соч. С. 3.

¹⁶³ Устав воинский...

священникам было предоставлено право избирать дивизионных благочинных для помощи в управлении духовенством в военное время.

Право определения духовенства в армейские полки и на флот было предоставлено императором Святейшему Синоду, который, однако, не имея в своем непосредственном распоряжении священнослужителей, вскоре переадресовал подбор кандидатов епархиальным архиереям¹⁶⁴. К поступавшим в армейское ведомство предъявлялись высокие требования, так как военный пастырь своим «добрым христианским житием» должен был подавать пример солдатам и матросам¹⁶⁵. Священников малообразованных или бывших под судом принимать в военное ведомство запрещалось¹⁶⁶. В сухопутные полки поступали, как правило, бывшие приходские священники, на флот – иеромонахи или, в крайнем случае, вдовы и бездетные белые священники (в связи с запретом держать женщин на корабле; полковых пастырей в мирное время нередко сопровождали их жены и дети).

Следующим этапом в формировании института военного духовенства стало царствование Павла I. В это время произошли коренные преобразования в его управлении. Указом от 4 апреля 1800 г. должность полевого обер-священника была сделана постоянной: ему было поручено «главное начальство» (в административном и судебном отношениях) над всеми полковыми священниками не только в военное, но и в мирное время¹⁶⁷. Полевому обер-священнику было также предоставлено право определять, переводить и увольнять священников своего ведомства (без его ведения запрещалось производить какие-либо перемены «в части армейских священников»)¹⁶⁸. Вскоре в его руках объединилось управление военным духовенством армии и флота. Святейший Синод предписал епархиальным архиереям, чтобы они, по заявлению полевого обер-

¹⁶⁴ Невзоров Н. Указ. соч. С. 4.

¹⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 6. № 3485. Гл. IX. п. 2. С. 42.

¹⁶⁶ ПСЗ-I. Т. 24. № 18246. С. 800.

¹⁶⁷ ПСЗ-I. Т. 26. № 19369. С. 114.

¹⁶⁸ Там же.

священника, избирали достойных священников и иеромонахов и немедленно определяли их в армию и на флот, предоставляя полковому обер-священнику необходимую документацию (послужные списки священнослужителей, поступающих в военное ведомство). Первым обер-священником армии и флота в апреле 1800 г. стал протоиерей Павел Яковлевич Озерецковский. В мае 1800 г. император Павел I предписал всем воинским чинам «по делам, до Духовного начальства касающимся», относиться «прямо к обер-священнику, а не в консистории»¹⁶⁹. Таким образом, серия императорских указов апреля – мая 1800 г. окончательно обособила военное духовенство от епархиального. Управление духовенством военного ведомства было предоставлено на правах епархиального архиерея обер-священнику армии и флота, который для большего авторитета был назначен членом Святейшего Синода. Тогда же была учреждена канцелярия обер-священника армии и флота. Вскоре П.Я. Озерецковский заслужил расположение Павла I и приобрел даже право личного доклада императору.

Важной заслугой П.Я. Озерецковского стало создание в 1800 г. специальной армейской семинарии для подготовки профессиональных военных пастырей. Обучаться в ней имели право дети военных священников, которые находились там на полном казенном содержании. По окончании семинарии они должны были поступить в ведомство военного духовенства. От военной службы их могло освободить лишь отсутствие в армии и на флоте священнических вакансий, а также поступление в духовную академию. Число учеников, время и способ их приема в армейскую семинарию были предоставлены распоряжению обер-священника.

Семинария состояла из двух отделений – высшего и низшего, курс обучения в каждом из них продолжался по шесть лет. Каждое отделение в свою очередь подразделялось на три двухгодичных класса. В высшем

¹⁶⁹ ПСЗ-I. Т. 26. № 19415. С. 155.

отделении в первом классе (риторическом) изучались словесные науки и всеобщая история, во втором (философском) – физика, математика и философия, в третьем (богословском) – богословие и церковная история. Особое внимание уделялось изучению языков. Согласно уставу, латинский, греческий, немецкий и французский языки изучались в течение всех шести лет, а еврейский – последние четыре года. Это обосновывалось тем, что еврейский язык необходим в основном тем семинаристам, которые продолжают обучение в духовной академии; современные же иностранные языки должны знать все будущие военные священники, так как по долгу службы им придется бывать за границей. Шестилетний (а для отлично успевающих – трехлетний) курс низшего отделения семинарии подразделялся также на три класса, которые назывались синтаксический, нижний грамматический и информаторский, или русский. По программе изучаемых в нем предметов он соответствовал полному курсу духовных училищ. В 1810 г., согласно новому уставу, армейская семинария была разделена на три отделения: высшее (или семинарию в собственном смысле), среднее (или уездное училище) и низшее (или приходское училище). Окончательное преобразование курса изучаемых наук армейской семинарии произошло в 1814 г., когда из него были исключены еврейский язык и математика.

Армейская семинария пользовалась успехом и вскоре привлекла к себе большое число воспитанников из разных епархий. На обучение всех желающих не хватало отводимой казной суммы. Поэтому в 1819 г. в духовных семинариях и училищах различных епархий для детей военных священников были открыты отделения армейской семинарии. Вскоре армейские семинаристы были расселены по этим отделениям, а дом на Царскосельском проспекте Санкт-Петербурга, занимаемый армейской семинарией, был продан. Таким образом, *как единое учреждение* армейская семинария была фактически закрыта, но подготовка

профессиональных военных пастырей по упомянутой выше программе продолжалась¹⁷⁰.

П.Я. Озерецковский добился также для военного духовенства увеличения регулярного жалования и начисления пенсии после 20 лет службы. Кроме того, в случае болезни или разорения имущества неприятелем, военные священники имели право на единовременное денежное пособие. Пособие получали также вдовы военных пастырей.

После смерти императора Павла I Святейший Синод попытался ограничить круг прав обер-священника армии и флота. 14 апреля 1801 г. Синод предписал Военной и Адмиралтейской коллегиям по вопросам о замещении полковых священнических вакансий обращаться непосредственно в Синод. В указе подчеркивалось также, что власть обер-священника должна простираться только на тех духовных лиц, которые поступят в его ведомство по распоряжению Синода¹⁷¹. Однако соответствующая переписка между военачальниками, Военной коллегией и Синодом занимала слишком много времени. Поэтому именными Высочайшими указами, данными Святейшему Синоду в 1803 г. и в 1806 г., было расширено право законного участия обер-священника в деле определения священнослужителей в полки, а также в назначении им пенсий и наград. Рассмотрев полученные от военного начальства сообщения, обер-священник представлял свои предложения и заключения в Святейший Синод. Доставка отчетных сведений по всем частям своего управления Святейшему Синоду, наравне с епархиальными архиереями, поставило ведомство обер-священника в одинаковое положение с епархиальными ведомствами и тем самым окончательно определило его место в составе синодального управления.

¹⁷⁰ Боголюбов А.А. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 год. СПб., 1901. С. 35–39.

¹⁷¹ ПСЗ-I. Т. 26. № 19835. С. 611.

После смерти П.Я. Озерецковского до конца рассматриваемого периода должность обер-священника армии и флота (с 1858 г. – главного священника армии и флота) последовательно занимали протоиерей Иоанн Семенович Державин (1807–1826), протоиерей Григорий Иванович Мансветов (1827–1832), протопресвитер Василий Иванович Кутневич (1832–1865), протоиерей Михаил Измайлович Богословский (1865–1871), протоиерей Петр Евдокимович Покровский (1871–1888).

12 декабря 1815 г. в связи с образованием Главного штаба Его Императорского Величества в числе его членов была учреждена должность обер-священника Главного штаба, что на долгое время (до 1890 г.) привело к двоевластию в одном по существу ведомстве военного духовенства¹⁷². Первоначально в управление обер-священника Главного штаба были переданы священники всех гвардейских полков. В 1829 г. с наименованием Гвардейского корпуса «отдельным» обер-священник Главного штаба стал называться обер-священником Главного штаба и отдельного Гвардейского корпуса, а в 1844 г., после передачи в его ведение духовенства Гренадерского корпуса – обер-священником Главного штаба, Гвардейского и Гренадерского корпусов. В 1850-е гг. в связи с сокращением деловой переписки по духовному ведомству права обер-священников расширились. Ряд вопросов (в частности, о назначении, перемещении и увольнении военных священников) они стали решать без предварительного согласования со Святейшим Синодом¹⁷³.

Обязанности обер-священника (с 1858 г. – главного священника) Главного штаба, Гвардейского и Гренадерского корпусов с 1849 г. по

¹⁷² 12 июня 1890 г. император Александр III утвердил «Положение об управлении церквами и духовенством военного ведомства», согласно которому было прекращено искусственное разделение управления военным духовенством. Руководство всеми церквами и духовенством военного и морского ведомств было сосредоточено в руках протопресвитера военного и морского духовенства, административное положение которого было максимально приближено к статусу епархиальных архиереев. При протопресвитере было учреждено особое Духовное правление, которое руководствовалось уставом духовных консисторий.

¹⁷³ См.: Столетие военного министерства (1802–1902). Т. XIII. С. 6–10.

1883 г. исполнял протопресвитер Василий Борисович Бажанов. Он также возглавлял придворное духовенство и являлся духовником императора.

Вспомогательными органами военно-духовного управления, служащими посредствующим звеном между высшей военно-духовной властью и полковым духовенством, были полевые обер-священники и корпусные священники. Они назначались с 1812 г. (согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г.) в составе штабов армий, имеющих статус «действующих», а также отдельных корпусов¹⁷⁴. В своем подчинении они имели дивизионных благочинных, которые объявляли полковым священникам предписания своего начальства и доставляли последнему сведения о подчиненном духовенстве.

Основной задачей полковых священников и флотских иеромонахов было удовлетворение религиозных чувств воинов через совершение богослужений и треб. Во время войны для них это было особенно важно, так как огромная напряженность военной работы, постоянные опасности и возможная гибель требовали духовной поддержки. Последний протопресвитер русской армии и флота Г.И. Шавельский отмечал, что «богослужение на войне – великое дело»¹⁷⁵. «Русский солдат, – писал он, – не страшится смерти, но боится умереть без причастия, быть зарытым без церковного погребения»¹⁷⁶. Поэтому для православных воинов было очень важно наличие в полку священника, который утешал раненых, напутствовал умирающих, погребал убитых. Однако деятельность священника не ограничивалась отправлением богослужений и погребением умерших. Военный пастырь был также учителем и

¹⁷⁴ ПСЗ-I. Т. 32. № 24975. Ч. II. Гл. I. Отд. XI (О должности полевого обер-священника).

¹⁷⁵ *Шавельский Г.И.* Служение священника на войне // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. (Российский военный сборник). 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 284.

¹⁷⁶ *Шавельский Г.И.* Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912. С. 14.

воспитателем православного русского воинства, руководителем его духовно-нравственной жизни.

Как известно, важным условием победоносности любой армии, наряду с военной подготовкой, является тщательно выработанный и сложившийся дух ее, когда эта армия, во-первых, ясно представляет себе предмет или идею войны, которую она ведет, и, во-вторых, когда она горит сильным желанием во что бы то ни стало победить своего врага. А.В. Суворов, не знавший поражений, говорил: «Не руки, не ноги, не бречное человеческое тело одерживает победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, и оружием, – и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то и победа несомненна, а потому и нужно воспитывать и закаливать сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности, – и всегда было неустрашимо и бестрепетно»¹⁷⁷. Воспитание солдат осуществлялось путем укрепления в них веры в Бога, преданности царю и любви к Отечеству. Это находило живой отклик в их душе, так как вполне соответствовало мировоззрению русского народа.

Воспитание солдата начиналось уже с момента принятия им присяги. Согласно Воинскому уставу, присяга принималась в присутствии священника, под сенью полкового знамени. Присягающий клялся «Всемогущим Богом» служить Государю «верно и послушно», исправно исполняя все постановления Воинских Артикулов¹⁷⁸. В доказательство решимости сдержать свое слово он целовал Евангелие и крест. Знамя, освященное в храме, жаловалось полку императором. Оно являлось святыней, которой благословили воинов на общее дело Церковь и Государь. Поэтому, в силу военных законов, знамя необходимо было защищать до последнего дыхания. Потеря знамени являлась самым бесчестным военным преступлением. Полк, в котором оно совершилось,

¹⁷⁷ Боголюбов Ф. Взгляд генералиссимуса А.В. Суворова на религию в деле воспитания солдата // Христолюбивое воинство... С. 173–174.

¹⁷⁸ Устав воинский... С. 4.

уничтожался расформированием по другим полкам. На русских знаменах изображался герб России – двуглавый орел, увенчанный императорской короной с крестом на ее верху, на груди орла помещалось изображение Св. Георгия Победоносца. Христианские символы являлись выражением веры православных воинов в Бога и надежды на Его Всесильную помощь.

Полковые священники регулярно проводили религиозные беседы, во время которых называли солдат «христолюбивыми воинами». Это означало не только то, что они являются членами христианского государства и призваны оборонять православную веру, но также то, что в любви к Христу они должны черпать необходимую им силу подвига и очищения. Во время бесед и проповедей военные пастыри на доступном солдатам языке, с точки зрения православия, объясняли такие важные проблемы, как: необходимость воинского состояния и войн, возможность сочетания военной службы и спасения своей души, обязанности воина на поле брани и в мирное время, отношение к императору, друг к другу и к противнику, важность и значение присяги, знамен, оружия и др.

Так, например, упоминавшийся выше протоиерей Г.И. Мансветов в бытность священником Ширванского пехотного полка объяснял своим подопечным, что они должны «любить и уважать» свое звание, которое «важно и почетно», ибо защищать Отечество их избрал «промысл Небесный, а отнюдь не случай или несправедливость человеческая»; что Церковь, молясь за Государя, возносит молитвы и о его христолюбивом воинстве. Очень важным, на наш взгляд, является то, что внимание солдат акцентировалось не только на том, что убийство противника на войне грехом не является, но и на том, что неприятель – «брат по плоти», поэтому, убивая его, свою должность нужно исполнять без ожесточения, а поверженному врагу следует даровать пощаду. Внушалось уважительное отношение и к иноверческим храмам противника, ибо «ничто так не ожесточает неприятелей, как презрение к народной вере». Г.И. Мансветов предостерегал солдат от уныния, призывал хранить в своем сердце и

соблюдать заповеди Господа, поскольку в этом заключается источник неустрашимости и твердости духа. Несмотря на то, что смерть за веру, царя и Отечество – это «дверь в чертог Отца Небесного», в обычной жизни, по словам священника, воинам следовало добропорядочным поведением заботиться о спасении своей души, ибо всевозможные пороки (клевета, злословие, трусость, приверженность к азартным играм, пьянство, распутство и др.) все равно могут привести к ее гибели. К преступлениям относились воровство, нарушение присяги, дезертирство и сдача в плен с выдачей неприятелю известных воину секретов. Запрещались также грабеж и мародерство. Поощрялось дружелюбное отношение к своим товарищам: больных следовало навещать, новобранцам помогать советом и добрым примером¹⁷⁹.

Проповеди Г.И. Мансветова пользовались большим успехом у солдат и офицеров. По Высочайшему повелению они были напечатаны и выдержали в дальнейшем четыре издания.

Таким образом, военное и морское духовенство являлось важной, неотъемлемой частью российской армии и флота. Полковые священники и флотские иеромонахи помогали воинам найти ответы на многие вопросы и укрепляли их моральный дух. Однако, поскольку духовная работа трудно поддается наблюдению и ее последствия проявляются так, что причина их остается незаметной, то награждали священников, как правило, за непосредственное «участие в действительных сражениях» или за выслугу лет в мирное время.

Согласно Высочайшему указу от 18 декабря 1797 г., для белого духовенства (в том числе и военного) были установлены следующие награды: фиолетовая скуфья, того же цвета камилавка, позолоченный серебряный наперсный крест (в источниках эту награду иногда называют золотым наперсным крестом, но чаще – наперсным крестом, выдаваемым

¹⁷⁹ Мансветов Г.И. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. 3-е изд. СПб., 1828.

от Святейшего Синода), митра. С начала XIX в. награды, как правило, давались в следующем порядке: набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест от Святейшего Синода, палица, золотой наперсный крест из Кабинета Его Величества (часто украшенный драгоценными камнями), митра. Орденами полковые священники награждались за особые заслуги. За военные подвиги, помимо вышеуказанных наград, священникам жаловались золотые наперсные кресты на Георгиевской ленте. В случае проявления особого героизма они, так же, как и офицеры, награждались военным орденом – Св. Георгия Победоносца.

Данные о численности военных священников в период исследуемых войн и об их награждениях приводятся ниже, в соответствующих главах.

Таким образом, Русская Православная Церковь в XIX в. была тесно связана с государственной властью, армией и народом. Православие являлось идеологической основой империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Церковь играла большую роль в жизни общества, принимая непосредственное участие в различных событиях. Особенно важное значение имело присутствие священников в войсках. Духовно стабилизируя каждого солдата и армию в целом, Церковь была серьезной силой в деле обеспечения национальной безопасности. Признавая войну злом, Церковь никогда не запрещала своим чадам участвовать в боевых действиях ради защиты Отечества, православной веры и единоверцев. В русской православной традиции такие войны считались не только вынужденным средством, но и священным противостоянием. Православная Церковь во все времена относилась с глубочайшим почтением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних.

Глава 2

Православная Россия против «безбожной» Франции:

Русская Церковь и война 1812–1814 гг.

2.1. Начало борьбы с Наполеоном. Вклад Церкви в антинаполеоновские пропагандистские кампании 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг.

Война 1812–1814 гг. (особенно кампания 1812 г., вошедшая в российскую историографию под именем Отечественной войны) была не только военно-политическим столкновением государств, но также конфликтом двух цивилизаций. Многие современники осознавали происходившие события как противостояние православной, дворянско-монархической России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. Гонения на Церковь и духовенство времен Великой французской революции, введение республиканского календаря и провозглашение новой религией культа Разума, слишком прагматичная, даже беспринципная церковная политика Наполеона, сопровождавшаяся, несмотря на заключение с Римом конкордата 1801 г., неоднократными столкновениями с папой Пием VII, закончившимися в 1809 г. отлучением французского императора от Церкви и пленением римского первосвященника – все это создавало ощущение некоего духовно-религиозного мятежа, поднятого Наполеоном против христианства. Великая армия, покрывшая кровью половину Европы, грабившая и осквернявшая русские православные храмы, воспринималась многими как своеобразная темная сила, а ее предводитель сравнивался, а порой и отождествлялся с Антихристом – ставленником Сатаны, который, согласно христианской эсхатологии, должен появиться на Земле незадолго до второго пришествия Христа и сосредоточить все существующее на ней зло для борьбы против Христианской Церкви.

Подобному восприятию в немалой степени способствовала и политика российского императора Александра I, развернувшего против

Наполеона настоящую «информационную войну» и сделавшего в 1812 г. в борьбе с вторгнувшейся в пределы России Великой армией главную ставку на православную веру и народную борьбу, а также активная позиция Русской Православной Церкви, придавшей этому противостоянию религиозный, священный смысл. В отличие от новоиспеченного французского императора, Александр I не только не конфликтовал с Церковью, но, напротив, выступал с ней в тесном единстве.

В борьбу с наполеоновской Францией Россия вступила в 1805 г., примкнув к 3-й антинаполеоновской коалиции (союзники – Англия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство и Турция). Основной задачей союзников было стремление сохранить систему европейского равновесия, не допустив установления господства наполеоновской Франции над Европой.

Согласно внешнеполитической концепции, принятой в начале царствования Александра I, цели российской политики заключались в следующем: поддержание мира и равновесия между государствами Европы, ограничение честолюбивых притязаний Франции, ориентация на союз с Англией, Австрией и Пруссией, укрепление стабильных торговых связей с Англией и добрососедских отношений со Швецией и Турцией. При этом России отводилась роль международного арбитра, дипломатического посредника в конфликтах между европейскими государствами. Использование вооруженной силы допускалось лишь в крайнем случае. В первые годы правления Александра I российская дипломатия успешно следовала этим принципам, однако вскоре рост французской экспансии, грозивший нарушением системы европейского равновесия, заставил Россию, обладавшую значительным международным престижем и имевшую собственные сферы влияния, сместиться с позиции арбитра и вступить в войну.

Разгром союзных российско-австрийских войск под Аустерлицем (20 ноября 1805 г.¹⁸⁰) привел к развалу 3-й коалиции. Австрия вышла «из игры», подписав с Наполеоном сепаратный мир. Александр I отверг мирные предложения французского императора и занялся формированием 4-й коалиции, сложившейся в 1806 г. (союзники – Пруссия, Англия и Швеция).

Опасаясь переноса военных действий на территорию России, а также возможного срыва нового альянса, российское правительство начало первую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию (1806–1807 гг.) с целью настроить против французского императора общественное мнение как в России, так и в Западной Европе. В ходе этой кампании не только духовенством, но и светскими лицами (государственными деятелями, поэтами, публицистами) активно использовалась религиозная фразеология.

Пропаганда (от лат. *propago* – «распространять») – распространение фактов, аргументов, слухов и других сведений, в том числе иногда и заведомо ложных, для воздействия на общественное мнение – в годы наполеоновских войн применялась обеими противоборствующими сторонами в качестве своеобразного идеологического оружия, при этом России, в конечном итоге, удалось выиграть эту «войну перьев». Суть военной пропаганды сводилась к тому, чтобы объяснить армии и народу смысл и цели войны, сплотить их на борьбу с врагом, а также попытаться склонить на свою сторону солдат противника. Важное место в распространявшейся информации занимал «образ врага». При его характеристике русская антинаполеоновская пропаганда (как церковная, так и светская) всегда опиралась на реальные исторические факты, но при этом, по законам жанра, часто использовались различные приемы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония).

¹⁸⁰ Все даты, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по старому стилю (Юлианскому календарю).

Интересно заметить, что в первые годы правления Александра I, когда отношения с наполеоновской Францией еще не определились, в России цензура порой пропускала в печать откровенные панегирики Наполеону, представлявшие собой переводы или переложения сочинений, которые бонапартистская пропаганда распространяла тогда по всей Европе. Интерес к фигуре Наполеона Бонапарта – человека, менее чем за десять лет проделавшего путь от безвестного армейского поручика до полководца с мировым именем и неограниченного правителя Франции, у русской читающей публики был очень велик, и данные издания были призваны удовлетворить этот массовый спрос¹⁸¹. После расстрела по приказу Наполеона французского принца крови Луи Антуана Анри де Бурбона-Конде, герцога Энгиенского 21 марта 1804 г. (н.ст.) и разрыва дипломатических отношений с Францией вышеупомянутая литература была запрещена, а еще через два года началось активное развенчание прежнего положительного образа Наполеона.

В 1806–1807 гг. в России выходят многочисленные антинаполеоновские памфлеты и брошюры, как отечественного, так и переводного происхождения. Все они содержат резкую критику внешней и внутренней политики Наполеона (французский император – агрессор, одержимый «неуемной жаждой расширения», «тиран и узурпатор»), нападки на его личность и на французскую нацию в целом, а также обоснования необходимости коалиционных войн¹⁸². Чтобы оказать

¹⁸¹ К литературе подобного рода можно отнести произведения: Жизнь и подвиги Буонапарте, начиная с первых его успехов в воинском искусстве до совершенного покорения Египта, с присовокуплением описаний похода его в Сирию, осады Акры и с изображением характера и свойств Буонапарте, с портретом. 2-е изд. М., 1801; История первого консула Буонапарте со времени его рождения, до заключения Люневильского мира. СПб., 1802; Некоторые замечания о первых годах Буонапарте. Собранные и выданные на Аглинском одним из его соучеников. М., 1802; Анекдоты и характеристические черты из жизни Буонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем Герое. М., 1803. Первые три книги представляли собой перевод французских изданий.

¹⁸² К подобным изданиям относятся сочинения: Наполеон Бонапарте и народ французский: в 2 ч. М., 1806; Французы в Вене, или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений,

противодействие наполеоновской пропаганде, стремившейся помешать усилиям России по формированию новой антифранцузской коалиции, с января 1806 г. на территории Европы начинает распространяться соответствующая продукция типографии Коллегии иностранных дел. С 1 октября 1806 г. МИД выпускает собственную еженедельную франкоязычную газету «Journal du Nord» («Северная газета»), подчиненную практически тем же целям.

Приняв решение о созыве ополчения для увеличения размеров регулярной армии, значительно уступавшей по численности наполеоновским войскам, Александр I считал необходимым показать народу освободительный характер войны, идущей за пределами Отечества. В Высочайшем манифесте от 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции», характеризуя причины войны, император отметил «властолюбие и алчность правительства, возникшего во Франции» и исходящую от него угрозу «опустошения всей Европы». Подчеркнув, что неприятель «в изданных им прокламациях простирает дерзость свою так далеко, что грозит вторжением в самые пределы наши», Александр выразил надежду на то, что российский народ, движимый «ревностнейшею любовью к Отечеству», поддержит принимаемые властью чрезвычайные меры¹⁸³. Особым указом от 6 декабря 1806 г. император обратился к Святейшему Синоду с поручением объяснить народу, насколько «ополчение сие для спасения Отечества необходимо». Городские и сельские священники должны были внушить своим прихожанам, что «не искание тщетной

обманов и грабительств. СПб, 1807; Вот каковы Бонапарте и народ французский. Сочинено в Англии. СПб., 1807; Тайная история нового французского двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудского кабинета в Париже. СПб., 1807; и др. Первые две книги переведены с немецкого.

¹⁸³ ПСЗ-I. Т. 29. № 22374.

славы, но безопасность Наших пределов, безопасность Отечества... влагает им в руки оружие»¹⁸⁴.

Выполняя предписание царя, Русская Православная Церковь сразу выбрала резко обличительный тон и придала противоборству России и Франции религиозный характер. В специальном объявлении Святейшего Синода от 15 декабря 1806 г., читавшемся во всех храмах Российской империи, Наполеон представлялся не только как узурпатор, поработитель человечества, «неистовый враг мира и благословенной тишины», но и как отступивший от Бога гонитель Христианской Церкви. В документе отмечались неоднократные прагматичные манипуляции Наполеона с религией – участие в революционных «идолопоклоннических празднествах», желание принять ислам во время Египетской кампании. Особое внимание обращалось на предстоявший созыв в Париже Великого синагедриона: «Наконец, к вящему посрамлению Церкви Христовой, созвал во Франции Иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин (синагедрион – Л.М.) Еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа – и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение» в его лице «лжемессии». Подчеркивалось, что Наполеон «дерзает... угрожать России вторжением в ее пределы, разрушением благоустройства... и потрясением Православной Грекороссийской Церкви». Святейший Синод призывал народ «воспламенить души любовью к Отечеству, требующему защиты», проявить «приверженность к избраннику Божию Государю нашему», сохранить почтительность и повиновение властям и вооружиться против «врага Церкви и Отечества».

¹⁸⁴ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. Приложения. С. 353.

Высказывалась твердая надежда на то, что Бог благословит эти святыя намерения¹⁸⁵. 25 января 1807 г. с аналогичным посланием выступил митрополит римско-католических церквей в России Станислав Богуш-Сестренцевич¹⁸⁶.

В ноябре 1806 г. были напечатаны и разосланы во все епархии для ежедневного чтения в церквах специальные книжки «Последование молебных пений, певаемое во время брани против супостатов, с коленопреклонением» и «О победе на супостаты христоименитому воинству» ектений¹⁸⁷.

Особое значение для исследуемой проблематики имеет интерпретация Русской Церковью созыва во Франции синагги, что, на наш взгляд, несомненно, имеет прямое отношение к рождению легенды о демонической сущности Наполеона. Великий синагг, заседавший в Париже с 9 февраля по 9 марта (н.ст.) 1807 г. (о его созыве было официально объявлено 6 октября 1806 г.), был вызван желанием Наполеона преодолеть национальную обособленность проживавших во Франции евреев, что соответствовало его стремлению создать унитарное государство с единым для всех граждан всеобъемлющим законодательством. Многочисленные еврейские общины Франции и зависимых от нее стран и областей, жившие по традиционному иудейскому законодательству (Галахе), представляли собой обособленную этнокультурную и религиозную группу (своеобразную «нацию внутри нации» или «государство в государстве»), резко отличавшуюся от основного населения страны. Для решения «еврейского вопроса» первоначально в Париже было созвано Собрание еврейских нотаблей, постановления которого утвердил и дополнил Великий синагг. Основными из этих решений являлись следующие: французские евреи должны были признавать Францию своим отечеством, отбывать в ней

¹⁸⁵ Там же. С. 354–356.

¹⁸⁶ Там же. С. 359–361.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 448. Л. 7.

военную службу (во время которой соблюдение субботы и других обрядов, не совместимых с этой службой, упразднялось), соблюдать ее законы о браке и разводе, считать свои договоры с французами столь же обязательными для себя, как и договоры с единоверцами, воздерживаться от ростовщичества и поощрять своих детей к занятию полезными искусствами и ремеслами. Однако христианский мир встретил созыв синедриона очень настороженно и даже враждебно. Дело в том, что Великий синедрион (высшее религиозное учреждение Древней Иудеи), осудивший в свое время на распятие Иисуса Христа, не созывался полтора тысячелетия. По существовавшему преданию, вновь собравшийся синедрион должен был ознаменовать приход Антихриста. Согласно христианской эсхатологии, именно Антихрист будет признан как мессия иудеями, отвергшими истинного Мессию – Иисуса Христа. Поэтому не удивительно, что уже извещение о предстоявшем созыве синедриона встревожило христиан. При этом если большинство европейских государств ограничились простым замалчиванием этого события, то в России, находившейся в то время в состоянии войны с Францией, Православная Церковь объявила о нем всенародно, дав соответствующую вышеупомянутую оценку. Вскоре не только в России, но также в Германии и Испании поползли толки об Антихристе.

Религиозно-мифологические настроения появляются в это время в русской поэзии, которая живо откликается на военно-политические события. Так, например, ведущий поэт того времени Г.Р. Державин зимой 1807 г. по поводу сражения при Прейсиш-Эйлау пишет оду «Персей и Андромеда»¹⁸⁸. В начале произведения он излагает содержание известного древнегреческого мифа: храбрый Персей, слетевший с Олимпа на крылатом коне, спасает от страшной смерти прикованную к скале

¹⁸⁸ В рукописи к заглавию было прибавлено: «Кантата на победу французов Русскими». Данное сражение закончилось практически вничью, однако обе стороны приписали победу себе. К тому же полководческий авторитет Наполеона был столь высок, что любое не выигранное им явно сражение расценивалось как проигрыш.

Андромеду. Нападающее на нее чудовище, пораженное «священным мечом» Персея, наделяется самыми фантастическими, почти «апокалипсическими» чертами: это вышедший из ада «дивий вол, иль преисподний зверь // Стальночешуйчатый, крылатый, // Серпокогистый, двурогатый». Затем объясняется аллегорический смысл оды: в образе Андромеды представлена Европа, Персея – Россия, чудовища – Наполеон: «Не зрим ли образа в Европе Андромеды, // Во Россе бранный дух, Персея славны следы, // В Наполеоне баснь живого Саламандра, // Ненасытима кровью»¹⁸⁹. Интересно, что имя французского императора прямо упоминалось лишь в самом первом, отдельном издании оды 1807 г. Во всех последующих изданиях, вышедших уже после заключения Тильзитского мирного договора, слово «Наполеон» было заменено на термин «Губитель» («В Губителе мы баснь живого Саламандра»)¹⁹⁰. При этом термин этот опять-таки был выбран поэтом не случайно. Дело в том, что в христианстве (в частности, в «Откровении апостола Иоанна Богослова» – «Апокалипсисе») «Губитель» – это демон истребления, разрушения и смерти, имя которого «по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (Откр. 9, 7-11). Греческий вариант, безусловно, созвучный с Наполеоном, намекал читателю на того, о ком идет речь. В заключении произведения несколько раз рефреном повторяются слова: «Знайте, языки, страшна колосса: // С нами Бог, с нами, – чтите все Росса!»¹⁹¹.

В большом ходу были также сатирические стихотворения, написанные народно-прибаутчным языком. Например, на ту же победу при Прейсиш-Эйлау неизвестный автор писал: «Лже-Мессия угоревший // Лыжи тотчас наострил // И, грибка два у русских съевши, // Рыло прочь

¹⁸⁹ *Державин Г.Р.* Персей и Андромеда: Кантата на победу французов русскими 1807 года. СПб., 1807.

¹⁹⁰ См.: *Державин Г.Р.* Персей и Андромеда // *Державин Г.Р.* Сочинения: в 9 т. Т. 2. СПб., 1865. С. 612–617.

¹⁹¹ Там же.

отворотил»¹⁹². В том же духе высказывался другой поэт, также оставшийся неизвестным: «Белины он обожрался: // Против Бога поднял нос, // И Мессиею назвался. // Экой змей-горыныч-пес! // ... // Право, братцы, – Бог будь с нами! // Дыбом волосы встают, // Видно, дружен он с чертями, // В рудокопнях что живут»¹⁹³.

После заключения 25 июня 1807 г. в Тильзите договора о мире и союзе между Россией и Францией антинаполеоновская пропаганда временно прекратилась. Во всех церквях империи были отслужены благодарственные молебны по случаю прекращения военных действий. Резких выражений против Наполеона Церковь в это время в своих обращениях к народу не применяла. Так, например, в «Слове на всерадостнейшее торжество о заключении мира между Россией и Францией», произнесенном епископом Дмитровским Августином (Виноградским) в Московском Успенском соборе и напечатанном в синодальной типографии (тиражом в 600 экз.) для распространения, имя Наполеона вообще не упоминается. Бывший противник – Франция – называется здесь «народом, ослепленным счастьем оружия своего», который «познал наконец крепкую и высокую руку Божию, по нас поборающую», и увидев, «до какой степени простирается твердость и мужество Россов, бесстрашно на все опасности и на самую смерть устремляющихся, почел верхом главы своей приобрести дружбу столь славного и храброго народа»¹⁹⁴.

Однако на самом деле особых надежд на дружбу с Наполеоном Церковь, так же, как и сам Александр I, не испытывала. Митрополит Московский Платон (Левшин) писал в это время императору: «Не верьте ложному миру его», ибо мир этот, «если основан на коварстве и обмане, то скорее, нежели в открытой войне, всех до единого погубит нас. Мир сей

¹⁹² Цит. по: *Грунский Н.К.* Наполеон I в русской художественной литературе // *Русский филологический вестник.* 1898. Т. 40. № 3–4. С. 208.

¹⁹³ Там же. С. 207.

¹⁹⁴ *Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского.* СПб., 1856. С. 3.

опаснее для нас, нежели война, ибо в устах Наполеона – достижение всеобщего мира на твердой земле есть основание всеобщей Монархии»¹⁹⁵. Предсказывая неизбежность нового столкновения, Платон говорил о *необходимости* военных действий для спасения страны и наказания Наполеона: «Когда он покорит народы, теперь еще ему противящиеся, тогда нападет со всеми народами Европы на нас». «Нет другого средства спасти себя и всех от порабощения, как только войну иметь с Французами и победить их, и потом общим согласием всех народов, населяющих Европу, наказать злоумышленников»¹⁹⁶.

Тильзитский мирный договор был крайне непопулярен в российском обществе. Сам император Александр I рассматривал его лишь как временную вынужденную мирную передышку. Новая война была неизбежна, так как условия Тильзитского договора противоречили ряду национальных интересов страны (в частности, прекращение дипломатических отношений с Англией и присоединение к ее континентальной блокаде наносило существенный удар по российской экономике, а также интересам дворянства и купечества). Теперь уже на карту было поставлено не только европейское равновесие, но и самое положение России как великой державы. Наполеон грозил полностью вытеснить Россию из европейской политики, нарушив все ее традиционные связи. Присоединением к континентальной блокаде Россия превратилась в орудие политики Наполеона, который пытался использовать ее для экономического удушения Англии.

Негласный фактический отход России от политики континентальной блокады Англии, а также неудачные попытки Наполеона в 1808 г. и 1809 г. посвататься к великим княжнам Екатерине Павловне и Анне Павловне осложнили отношения между Россией и Францией. В 1810 г. Александр I и Наполеон начали подготовку к новой войне.

¹⁹⁵ Цит. по: *Снегирев И.* Начертание жития Московского митрополита Платона. Ч. 2. М., 1835 // Житие Платона митрополита Московского: в 2 ч. М., б. г. С. 25.

¹⁹⁶ Там же. С. 30–31.

К этому же времени относится странная попытка Наполеона сблизиться с Русской Православной Церковью. В мае 1810 г. через сенатора и графа А. Ж-Б. Грегуара, бывшего епископа Блуаского, Наполеон обратился к Московскому митрополиту Платону с предложением рассмотреть вопрос о средствах соединения Восточной и Западной Церквей. Непосредственным предметом письма была просьба найти в архиве Святейшего Синода исторические документы по данному вопросу. «Вам известно, – писал А. Ж-Б. Грегуар, – что когда царь Петр был в Париже, тогда учителя Сорбонские представили ему записку о соединении Церкви Греческой с Римскою. Российские архиереи, находившиеся при Санкт-Петербургском Дворе, сделали в следующем 1718 г. ответ, который не привел к желанной цели: они хотели, по их словам, иметь совещание с Греческими Патриархами Восточной Церкви. Думать надобно, что совещание сие уже было, но во Францию не сообщены ответы Греческих Патриархов, а меня уверяли, что оные находятся в архивах Святейшего Синода. Не почтите с моей стороны нескромностью просьбу о списке с оных»¹⁹⁷.

После согласования со Святейшим Синодом и императором Александром I (через обер-прокурора Синода А.Н. Голицына) Платон ответил А. Ж-Б. Грегуару вежливым, но категорическим отказом: «Я получил письмо, коим вы меня почтили, сиятельный граф. ... Но все поиски в архивах для открытия требуемых вами документов остались тщетными; в них даже не найдено ни малейшего следа совещания Восточных Патриархов. С царствования Петра I деланные покушения касательно сближения двух Церквей остаются безуспешными, потому что надобно убедиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа Русского. Это до сих пор еще не решено: народ наш столько привязан к своей вере, столько проникнут обязанностью сохранить оную во всей

¹⁹⁷ Цит. по: *Снегирев И.* Начертание жития Московского митрополита Платона. С. 32.

целости, что всякая в ней перемена может сделаться для Русских оскорбительною и пагубною. Не мне теперь, среди недугов старости и при конце своего земного странствия, начинать дело, столь важное и великое, а мой удел приносить молитвы о мире Церкви и о благоденствии своего Отечества»¹⁹⁸.

Трудно объяснить, чем руководствовался Наполеон, делая подобное предложение Русской Церкви, однако очевидны легкость и прагматизм, с которыми он пытался решать сложные церковные вопросы. И.М. Снегирев, опубликовавший процитированные выше письма, называет это «предуготовлением к покорению [русского] народа»¹⁹⁹. Однако, если даже допустить возможность осуществления предложения Наполеона, вряд ли это «предуготовление» оказалось бы действенным в случае войны. Что касается реальной вероятности соединения двух Церквей, то этот крайне сложный вопрос вряд ли мог быть решен положительно и тем более быстро. Русская Православная Церковь не поддержала бы такую инициативу, даже если бы она исходила от самого папы, а не от Наполеона, в компетенцию которого вообще не входило решение подобных проблем. Да и сам Наполеон, если даже не знал исторической позиции Православной Церкви по этому предмету, должен был понимать, по крайней мере, что осуществить свою идею он не сможет как минимум без активного участия папы, а отношения с Пием VII у него к тому времени были фактически разорваны.

Следует подчеркнуть, что в церковной политике Наполеон всегда руководствовался прежде всего (если не исключительно) соображениями выгоды. В момент его прихода к власти Франция переживала в религиозном отношении период совершенной анархии, вызванной революционными потрясениями: всякая государственная религия была устранена, Церковь фактически отделена от государства, духовное

¹⁹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹⁹ Там же. С. 31.

руководство папы французскими католиками упразднено, монастыри закрыты, колокольни (как нарушающие принцип равенства) снесены, многие церкви обращены в храмы Разума или провиантские магазины, в среде французского католического духовенства наблюдался раскол, вызванный принесением присяги «на верность нации» или отказом от нее²⁰⁰. Пытаясь внести порядок в этот хаос, в 1801 г. Наполеон заключил с Римом конкордат, согласно которому католицизм признавался религией «преобладающего большинства французского народа» и гарантировалось публичное отправление культа²⁰¹. Это был чисто политический акт, поскольку в обмен на восстановление свободы религии Наполеон получил для своего режима благословение папы, порвавшего тем самым с Бурбонами. Естественным следствием религиозной реформы стало желание Наполеона получить благословение Церкви на императорство, что и произошло в 1804 г. Желая укрепить связь всех основных культов с государством, Наполеон признал кальвинистскую, лютеранскую и иудейскую конфессии. (В рамках признания иудаизма в Париже был созван упомянутый выше Великий синагог). В дальнейшем Наполеон совершил ряд попыток давления на папу с целью заставить его прервать отношения с политическими противниками Франции. Получив отказ, он захватил папские провинции и объявил Рим «свободным имперским городом», упразднив мирскую власть Пия VII, ответившего на это 10 июня 1809 г. изданием буллы об отлучении Наполеона от Церкви. В ночь на 6 июля 1809 г. по приказу Наполеона папа был арестован. Он находился в плену до 1814 г. (с 1809 г. по 1812 г. его держали в Савоне, с 1812 г. по 1814 г. – в Фонтенбло). За время заключения папы Наполеон несколько раз обращался к нему по религиозным вопросам, прося утвердить то или иное свое пожелание (дать каноническое посвящение назначенным им (Бонапартом) епископам и др.), но каждый раз неизменно получал отказ.

²⁰⁰ Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Т. 8: Французская революция 1789–1799. М., 1903. С. 473–493.

²⁰¹ История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. I. М., 1938. С. 268.

Поэтому вскоре, вопреки церковным правилам, Наполеон стал действовать в подобных вопросах без согласия папы. Например, развод с Жозефиной был осуществлен не папой, а Парижской духовной консисторией. Однако подобная практика отталкивала от Наполеона верующих и усиливала раскол внутри французской Церкви. Ярким примером является венчание Наполеона с Марией-Луизой, на котором в знак протеста против игнорирования власти папы отказались присутствовать 13 из 26 кардиналов. Наполеон пришел в ярость и на следующий день «разжаловал» этих кардиналов. Через министра исповеданий он приказал им, сняв кардинальское облачение и надев черную рясу, отправиться в ссылку в восточную Францию. Там «черные кардиналы», расселенные по двое в разных городах, были вынуждены прожить более трех лет²⁰². Такая церковная политика в начале XIX в., несомненно, превращала Наполеона в безбожника в глазах христианского мира.

С началом Отечественной войны 1812 года антинаполеоновская пропаганда возобновилась с новой силой, при этом вновь востребованной оказалась идея о безбожии противника и демонической сущности Наполеона. Огромные масштабы иноземного вторжения и высокая степень опасности требовали осмысления природы этого вторжения для выработки оптимальных способов борьбы с ним. Важное значение получает в это время тезис о том, что России самим Провидением предназначено остановить злодеяния безбожного Наполеона и освободить от него Европу.

В самые первые дни войны среди солдат 1-й Западной армии полковыми священниками была распространена информация из письма профессора Дерптского университета В.-Ф. Гецеля, присланного военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Она представляла собой каббалистическое изъяснение двух мест из «Апокалипсиса». Применяв к французскому алфавиту принцип «еврейского число-изображения», где

²⁰² Там же; *Ренненкамф А.* Отлучение Наполеона от Церкви папою Пием VII // Сын Отечества. 1813. № 7, 12, 13–15.

первые десять букв обозначают единицы, а прочие – десятки, и, сложив все числа, входящие в словосочетание «l'Empereur Napoléon» (император Наполеон), Гецель получил «звериное число 666». «Апокалипсический зверь», как известно, отождествляется христианской эсхатологией с Антихристом. Согласно «Апокалипсису», власть зверю будет дана на 42 месяца. Этим числом Гецель объяснял падение Наполеона в 1812 г., ибо в то время ему уже исполнилось 42 года. Написав число 42 прописными буквами («quarante deux»), и применив к нему тот же принцип, Гецель получил то же «звериное число». По мнению Гецеля, эти сведения могли бы «вселить в императорское российское воинство то уверение, что оно провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812-м году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу», что «усугубило бы бодрость духа, и облегчило бы одержание победы»²⁰³.

Исчисления В.-Ф. Гецеля и размышления о созвучии имен Наполеона и «апокалипсического» Аполлиона имели в эпоху 1812 года довольно широкое распространение, причем оказывали влияние не только на простой народ, который, по словам современника поручика И.Т. Радужицкого, «не иначе о нем разумел, как об Антихристе», но нередко – и на представителей дворянства. Приведем несколько примеров. По воспоминаниям того же Радужицкого, один из служивших с ним нестроевых офицеров еще до перехода Великой армии через Неман под влиянием чтения Священного Писания проповедовал, что «Антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые силы около Варшавы ... для того, чтобы разгромить матушку-Россию; что при помощи Сатаны Вельзевула, невидимо ему содействующего, враг непременно полонит Москву, покорит весь русский народ, а за тем вскоре последует светопреставление и страшный суд»²⁰⁴. «Апокалипсическими» чертами в 1812 г. вновь наделил Наполеона Г.Р. Державин. В лиро-эпическом гимне

²⁰³ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2156. Л. 1–3.

²⁰⁴ *Радужицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. С. 16–17.*

«На прогнание французов из Отечества», где война наполеоновской империи с Россией представлена как борьба тьмы со светом, зла с добром, нечестия с православием, Наполеон изображен вышедшим из бездны «таинственных числ зверем», «в плоти седьмглавым Люцифером, о десяти рогах венчанным», драконом или «демоном змеевидным»²⁰⁵. Наконец, в 1814 г. на «исчисления Дерптского профессора Гецеля» при анализе имени Наполеона прямо сослался автор популярного памфлета «Дух Наполеона Бонапарте...»²⁰⁶. Спустя полвека эти настроения, имевшие место в русском обществе, отразит на страницах «Войны и мира» Л.Н. Толстой, когда «звериное число 666» в имени французского императора обнаружит его любимый герой граф Пьер Безухов.

Интересно отметить, что каббалистические исчисления и рассуждения о Наполеоне-Антихристе встречаются также во время войны 1812 года или вскоре после нее в целом ряде рукописных сочинений, вышедших из-под пера старообрядцев – представителей неофициальной Русской Церкви. Эсхатологические ожидания, которые всегда были сильны в старообрядчестве, заметно обострились в начале XIX в. с появлением такой грандиозной и страшной фигуры как Наполеон. На построения старообрядцев заметное влияние оказали популярные в России сочинения немецкого протестантского писателя-мистика И.Г. Юнга-Штиллинга, который после революционных событий во Франции высказал мысль о скором конце света и грядущей схватке с Антихристом. В наполеоновских войнах он видел поход Антихриста с Запада на Восток²⁰⁷. Опираясь на сочинения протестантского мистика, старообрядческий писатель Я.В. Холин высчитал в имени Наполеона (в форме «Наполеонтий»)

²⁰⁵ *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // *Державин Г.Р. Сочинения*: в 9 т. Т. 3. СПб., 1866. С. 137–164.

²⁰⁶ *Дух Наполеона Бонапарте или Жизнь и ужасные деяния его*, начиная со дня рождения до 1814 года. Собрано с показаний очевидцев и достовернейших политических иностранных и отечественных авторов. Вновь испр. и доп. Ч. 1–3. СПб., 1814. С. 8.

²⁰⁷ См.: *Сазонова Л.И.* Сказание о Наполеоне-Антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // *Славяноведение*. 2012. № 2. С. 48.

«звериное число 666»²⁰⁸. Другой писатель староверия С.С. Гнусин понимал Наполеона как «апокалипсического зверя» в русле старообрядческой теории «духовного» Антихриста (когда как свидетельство наступления царства последнего рассматривалась совокупность признаков отступления от истинной веры). Он писал, что «зверь есть дух самовольства, самоуправства и властолюбия. И паки зверь есть земная власть, стремящаяся к господствованию над всем миром, над всем человечеством вместо Бога и творящая себе поклонников»²⁰⁹.

В июне 1812 г. российское правительство учредило при Главной квартире 1-й Западной армии Военно-походную типографию, которая стала армейским агитационным центром. Директорами походной типографии были назначены профессора Дерптского университета А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах, выдвинувшие идею о ее создании еще весной 1812 г. Типография выпускала так называемые «летучие издания» (или листовки), распространявшиеся среди населения (как российского, так и позже – немецкого) и войск (как российской армии, так и неприятельской). Чаще всего листовки содержали информационные сообщения о ходе военных действий и анализ определенных этапов кампании; они противостояли интерпретации тех же событий, содержащейся в «Бюллетенях Великой армии», и тем самым выполняли функцию контрпропаганды. Нередко листовки содержали обращения к жителям оккупированных губерний с призывом к сопротивлению, а также воззвания к солдатам и офицерам противника с приглашением переходить на русскую службу²¹⁰.

6 июля 1812 г. Александр I издал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения». Царь обратился ко всем своим

²⁰⁸ Там же. С. 49.

²⁰⁹ Цит. по: *Юхименко Е.М.* Московские старообрядцы в 1812 году: мифы и факты // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 321.

²¹⁰ Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962; *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

подданным, «ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским», приглашая их «единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений». Он предлагал поражать неприятеля «на каждом шаге» «всеми средствами и силами, не вникая никак в его лукавства и обманы». Манифест содержал знаменитую фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»²¹¹.

Решение императора поддержала Церковь. Святейший Синод выпустил воззвание, которое читалось во всех храмах страны в первый воскресный и праздничный дни перед началом литургии, после объявления Высочайшего манифеста. В нем развивались идеи, выраженные в объявлении 1806 г. Подчеркивалась связь происходивших событий с революцией 1789 г. (первопричиной всей бедствий), во время которой «ослепленный мечтою вольности» французский народ казнил законного короля Людовика XVI и осквернил собственные храмы, чем заслужил проклятие Бога, распространившееся также и на те страны, которые последовали за Францией. Наполеон именовался «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим, и на благолепие храмов Божиих простирает хищную руку». Наступившая война осознавалась как «искушение», нависшее над Россией, которое она должна преодолеть с Божьей помощью и еще больше утвердиться «в уповании на промысл». Церковь призывала прихожан «принять оружие и щит» и «охранить веру отцов». Духовенству предписывалось укреплять людей в вере, отвращать их от вражеской пропаганды и призывать к участию в организации и деятельности ополчения: «Внушайте сынам силы в упование на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме веры и Отечества». В

²¹¹ ПСЗ-I. Т. 32. № 25176.

заключение говорилось, что Церковь, «уверенная в несправедных и нехристолюбивых намерениях врага», непрестанно приносит молитвы «о венцах победных для доблестных подвижников, и о благах нетленных для тех, которые душу свою положат за братию свою»²¹².

Основные положения, изложенные в воззвании Синода: о справедливой войне в защиту Отечества, благословляемой Богом, о Наполеоне как враге России и Православной Церкви, а также о важной освободительной миссии, возложенной Богом на Россию, нашли отражение в речах, проповедях и молитвах священнослужителей, обращенных к армии, ополчению и народу.

Проповеди читались в приходских храмах по всей стране. В Москве особым авторитетом пользовались речи епископа Дмитровского Августина (Виноградского), который в то время осуществлял фактическое руководство Московской епархией в связи с болезнью митрополита Московского Платона (Левшина). В пастырском наставлении, произнесенном 28 июля 1812 г. в Успенском соборе, Августин обратился ко всем сословиям с призывом дать отпор «сильному, коварному и злобному врагу», который умышляет в ярости своей разорить святой Иерусалим [Москву], расхитить достояние людей Божиих, огнем и мечом опустошить Россию». Духовенство он призвал к «умножению молитв» за Отечество, дворянство – к организации частей ополчения и руководству ими («под знаменами Господа Сил и Помазанника Господня»), купечество – к денежным пожертвованиям на нужды войны, народ – к вооружению «на охранение святынь», «на защищение алтарей», «на спасение достояния своего, жен и детей своих». Всем предписывалось соблюдать верность царю и уповать на Бога. («Аще будете с Господом, и Господь будет с вами»)²¹³. 17 июля 1812 г. епископ Августин написал молитву «об изгнании врагов из Отечества», которая содержала горячий призыв к Богу

²¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15.

²¹³ Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. СПб., 1856. С. 51–56.

«укрепить государя императора Александра I», «благословить его начинания и дела», «утвердить царство его», «сохранить воинство его» и «подать ему победу на врага»²¹⁴. Текст молитвы был одобрен императором, напечатан в Московской синодальной типографии в количестве 1 500 экземпляров и разослан по монастырям и церквям Московской епархии для ежедневного чтения на литургии²¹⁵. «За труды и рвение» Александр I пожаловал Августину орден Св. Александра Невского.

Немного раньше, в конце июня 1812 г., по церквям Санкт-Петербургской епархии было распространено напечатанное в количестве 1 200 экземпляров «пастырское приглашение к молитве о благопоспешении во время настоящей брани» митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова) с призывом к «сынам Отечества» разделить «святые чувствования» монарха Александра I, вручившего «провидению праведное дело свое», и обратиться к Богу с «теплым молением о помощи». Здесь, как и в воззвании Синода, проводилась мысль о нависшем «искушении»: «Господь... иногда, искушая веру и упование людей на промысл, попускает на них брани, благодаря чему ослабевающих в оных исправляет»²¹⁶.

Священнослужители Курской епархии призывали своих прихожан не поддаваться страху и унынию, а твердо уповать на Бога: «Бог – не в силе, а в правде! Правда восторжествует, правда спасет Русских!». «Десница Господня да защитит нас, и мышца Его да укрепит нас. Аще пойдем и посреди сени смертныя не убоимся зла, яко Он с нами есть. Блаженны будем все, уповающие на Него!»²¹⁷.

²¹⁴ Там же. С. 47–49.

²¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 672. Л. 1–2.

²¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 565. Л. 1–3.

²¹⁷ *Танков А.* Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812–1814 гг. (К столетнему празднованию великих событий борьбы против нашествия на Россию Наполеона I) // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 401–402.

Подобные проповеди и молитвы читались и в других епархиях. Даже в Финляндии, незадолго до начала Отечественной войны включенной в состав Российской империи, была составлена особая молитва, содержащая смиренную просьбу к Богу «положить предел высокомерию завоевателя» и «даровать победу справедливому делу» «миролюбивого Государя» Александра I²¹⁸.

Император Александр I, понимая силу воздействия на народ пастырского слова, в ходе войны неоднократно обращался к церковным иерархам с просьбой поддержать в народе религиозно-патриотический подъем. Так, например, в июле 1812 г. при организации в Смоленской губернии движения самообороны Александр I направил епископу Смоленскому Иринею (Фальковскому) рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и вера христианская, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас»²¹⁹.

По свидетельству современников, обращения к народу, читавшиеся с церковных амвонов, оказывали существенное влияние на настроение широких масс. Например, ростовский городской голова М.И. Маракуев отмечал, что эти обращения «чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Святейшего Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истиною»²²⁰. Прямо противоположное впечатление производили манифест царя и воззвание Синода на представителей Великой армии, которым вскоре также стало известно их содержание. Идеи, выраженные в этих документах, заставили многих наполеоновских офицеров еще во

²¹⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 103–103 об.

²¹⁹ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 45.

²²⁰ Записки Маракуева // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 36.

время отступления русской армии усомниться в победоносном завершении предпринятого ими похода. Например, лейтенант О. Рёдер фон Бомсдорф писал, что многие французские офицеры увидели в манифесте Александра I «призыв к бесконечной войне». «Как и когда, говорили они, будет закончена борьба с самодержцем девятой части земли, который призвал ... своих подданных истреблять нас любыми, находящимися в их распоряжении средствами»²²¹.

На самом деле Александр I действительно с первых дней войны свел на нет самую возможность победы Наполеона. Этому способствовало его непоколебимое решение не заключать мир и не вступать в переговоры с противником до тех пор, пока на территории России останется хотя бы один неприятельский солдат. Ни поражения начального периода войны, ни оставление Москвы, ни ропот в придворных кругах не изменили твердую решимость Александра I, проигнорировавшего несколько мирных предложений французского императора, что стало в конечном итоге одной из главных причин будущего триумфа России.

Справедливость церковной проповеди о безбожии противника и необходимости защиты святой веры подтвердило в глазах народа поведение завоевателей, которое стало для нее своеобразной наглядной иллюстрацией. С первых шагов по российской территории солдаты Великой армии принялись грабить православные храмы и монастыри. В большинстве своем равнодушные к собственной религии, они, как правило, не церемонились с национальными традициями русского народа. Об отношении французских солдат к религии наглядно свидетельствует письмо аббата А. Сюрюга, отправлявшего службу в церкви Св. Людовика Французского в Москве в сентябре–октябре 1812 г. За все время пребывания французов в первопрестольной, в церкви, где служил аббат, появилось только четверо или пятеро офицеров из старых фамилий Франции; из 12 тыс. человек Великой армии, умерших в Москве, только

²²¹ *Röder von Bomsdorff O.W. Mittheilungen. T. I. Leipzig, 1816. P. 111–112.*

двое были похоронены по христианскому обряду; единственным проявлением религиозности солдат, по словам Сюрюга, было желание окрестить детей, «в остальном религия для них пустой звук»²²². В разграблении русских храмов принимали участие не только французы, но и национальные контингенты Великой армии. По свидетельству того же А. Сюрюга и других жителей Москвы, особенно отличились на этом поприще поляки, мстившие России за раздел Польши, и саксонцы²²³. Мародеров интересовали прежде всего драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампады, кресты. Режим оккупации разнуздывал самые низменные инстинкты. Поэтому от грабежа наполеоновские солдаты часто переходили к прямому осквернению православных святынь: кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых, превращали храмы в провиантские магазины, конюшни и скотобойни.

Православные храмы и монастыри были разграблены на территории всех шести епархий, затронутых военными действиями. В начале войны архиереи этих епархий (кроме архиепископа Могилевского Варлаама (Шишацкого), присягнувшего Наполеону) по распоряжению Синода и по согласованию с гражданскими властями предприняли ряд мер для эвакуации церковного имущества, однако вывезти удалось только самое ценное и далеко не из всех храмов и обителей. Наиболее сильно пострадала Центральная Россия (Смоленская, Московская и Калужская епархии), где было разорено более 50% всех церквей и монастырей; западные епархии (Минская, Могилевская и Волынско-Житомирская) – сравнительно меньше. (Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.) Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и

²²² Brett-James A. 1812. Eyewitness accounts of Napoleons Defeat in Russia. London, New York. 1966. P. 190.

²²³ Французы в России. Ч. 2. М., 1912. С. 65; Тихомиров Н.И. О 1812 годе. (Воспоминания из рассказов современников и очевидцев). М., 1899. С. 9.

способствовал расширению движения народного сопротивления, носившего во многом религиозный характер.

Особое впечатление произвела на русское общество судьба Москвы. После взятия и осквернения первопрестольной столицы русская пропаганда совершенно перестала стесняться в выражениях для характеристики противника. Например, в особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и по Высочайшему повелению обнародованном в церквях, прямо заявлялось, что обычное определение «неприятель» является для представителей Великой армии слишком «обыкновенным и недостаточным», ибо их поведение недостойно не только просвещенного народа, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации «только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут». Подражание Франции, имевшее место накануне войны, признавалось ошибочным и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи», возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов». Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель», война между которыми должна вестись до победного конца²²⁴. В «афишах» Московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, оказывавших, по словам современников, на население «огненное, непреодолимое действие», Наполеон именуется терминами «гадина заморская», «враг рода человеческого», «наказание Божие за грехи наши», «дьявольское наваждение», «некрещеный враг», душе которого быть в аду и «гореть в огне, как горела наша мать Москва»²²⁵. После Великого Московского пожара С. Новиков пишет сочинение «Видение наяву и разговор Н[аполеона] с С[атаной]...», которое вышло под псевдонимом «Отставной

²²⁴ Собрание Высочайших Манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50–57.

²²⁵ *Борсук Н.В.* Ростопчинские афиши. Текст с примечаниями и предисловием. М., 1912. С. 94–96.

русский на степи» и имело широкое распространение²²⁶. В нем злодеяниям Наполеона удивляется (хотя и приятно) сам Дьявол, который признает, что французский император превзошел всех прежних его избранников – Калигулу, Нерона и др. Особо подчеркивается безбожие и непомерная гордыня Наполеона, который якобы гордо заявляет: «Ни Бога, ни людей я не щажу никак; // Один хочу быть я, – а прочее – пустяк. // ... // На Бога даже зол! – Пред Ним ли унижаться? // Что я не Он, за то готов и с ним сражаться»²²⁷. Находившийся в то время в России немецкий поэт Э.М. Арндт в статье «Глас истины», опубликованной в первом номере «Сына Отечества», сравнил Наполеона с Сатаной, а огонь, уничтоживший первопрестольную – с адским пламенем: «Кровожадный, ненасытимый опустошитель, разоривший Европу от одного конца ее до другого! ... Ты восседишь на престоле своем, посреди блеска и пламени, как Сатана в средоточии ада, препоясан смертью, опустошением, яростью и пламенем ... и в безмолвной радости созерцаешь развалины и пепел, возвещающие твое пришествие. Москва горит, блеск ее померкает, великолепие ее превращается в прах... Ты достиг высочайшей степени злодейства, с которой низринут будешь в бездны адские! Есть бессмертное, правосудное Провидение; оно обрящет и сокрушит в свое время виновную главу твою»²²⁸.

Пожар Москвы многие современники воспринимали как Божью кару, а разоренную первопрестольную – как жертву, принесенную на алтарь спасения. Эта мысль, в частности, встречается в стихах К.Н. Батюшкова, В.В. Капниста, Н.М. Шатрова, Ф.Н. Глинки, Н.М. Карамзина. Так, В.В. Капнист в стихотворении «Видение плачущего над Москвою

²²⁶ Отставной русский на степи. Видение наяву и разговор Н... с С... после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. СПб., 1812.

²²⁷ Новиков С. Видение наяву и разговор Наполеона с Сатаной после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. СПб., 1816. С. 9.

²²⁸ [Арндт Э.М.] Глас истины / Пер. с нем. // Сын Отечества. 1812. № 1. С. 1, 6–8.

россиянина, 1812 года октября 28 дня» устами якобы явившегося ему патриарха Гермогена утверждал, что пожар и разрушение первопрестольной – это праведный суд Бога, разгневавшегося на россиян за имевшее место накануне войны отступление от веры и галломанство – увлечение французской культурой и идеями Просвещения. При этом он подчеркнул, что «Господь сей казнью укротился // И в гневе не в конец на вас ожесточился», а потому Россию в конечном итоге ждет «торжество», а ее врагов, захвативших Москву – «падение». Капнист призвал отказаться от «иноземного яда» и выразил уверенность в скором возрождении Москвы: «Внесем верхи церквей сожженных; // Да алтарей опустошенных // С весной не порастит трава; // Пожаров след да истребится, // И, аки феникс, возродится // Из пепла своего Москва!»²²⁹. Чуть позже, в 1814 г., Н.М. Шатров также подчеркнул, что «плен, пепел и страдания» «царицы русских городов» – это «тайна божеских судов». Поэт охарактеризовал пожар Москвы как беспримерную, незабвенную искупительную жертву, принесенную ради спасения не только России, но и всей Европы: «Не человеческой злой воле // На бранном кроволитном поле // Была должна ты уступить; // Но Бог, казня Наполеона, // Хотел Европу от дракона // Твоим пожаром искупить». Подчеркнув непреходящее значение Великого Московского пожара, Шатров назвал Москву «спасительницей царств»²³⁰.

В 1812–1814 гг. издаются десятки карикатур, на которых Наполеон изображен в демоническом облике, с рогами и хвостом, или стоящим рядом с Сатаной и чертями. Подобные карикатуры в период наполеоновских войн создавались не только в России, но также в Англии и Германии. В виде Сатаны с горящим факелом в руках французский император был показан на раскрашенной гравюре, изображавшей план Москвы с указанием сгоревших домов. Известный график И.И. Терещенев

²²⁹ *Капнист В.В.* Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 21–29.

²³⁰ *Шатров Н.М.* Пожар Москвы в 1812 году // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. С. 32–35.

выполнил портрет Наполеона, где его лицо состояло из мертвых тел, а одежда – из обрывков карты Европы. Этот художественный прием, заимствованный автором с гравюры XVIII в., изображавшей голову царя Ирода, составленную из трупов Вифлеемских младенцев, использовался также на английских и немецких карикатурах.

К осмыслению сущности происходивших событий, сравнительному анализу личностных, в том числе религиозных, качеств двух столкнувшихся в непримиримой схватке императоров, а также принципов проводимой ими политики, обращаются в 1812–1814 гг. авторы многочисленных памфлетов и других публицистических сочинений. Почти все памфлеты выходили анонимно или под псевдонимом, при этом авторами их нередко выступали представители русской дворянской интеллектуальной элиты: С.С. Уваров, А.Я. Булгаков и др. Прежде всего, как правило, подчеркивалась разница социального происхождения двух монархов и легитимность их власти. Наполеон – безродный корсиканец, «сын нищеты», «наследник революции», восхождение которого на престол древних французских королей является аномалией, нарушением должного порядка вещей. Александр I – законный государь и Помазанник Божий, авторитет которого опирается не на завоевания, а на издревле существующие в государстве законы и традиции. Так, например, автор памфлета «Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом» вложил в уста своего героя следующую фразу: «Наш народ имеет своего Царя, и Царя не пришлеца, не возникшего из ничтожества, но Царя Порфирородного, Царя, данного ему от Бога и ни от кого, кроме Бога, не зависящего, который имеет свои законы, свою веру, свои земли, свои права и преимущества и свою славу, чрез военные и гражданские добродетели веками приобретенную»²³¹.

²³¹ Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. СПб., 1812. С. 10.

Практически все памфлетисты отмечали безнравственность Наполеона, его непомерное властолюбие, лицемерие, тиранство, агрессивность, цинизм и беспринципность. Например, в памфлете «Письменное наставление Наполеона своему историографу» французский император заявляет: «Я великий волшебник и имею при себе надежнейшие талисманы; они состоят в принятых мною правилах: раздели – и повелевай; дай, и потом отбери все; сила – дело, а деньги – два»²³². Автор «Духа Наполеона» обличает Бонапарта за то, что он «не имеет ни малейшего понятия о приличностях в политике, которые во всякое другое время были сферою всех европейских дворов»²³³. С.С. Уваров в сочинении «Император Всероссийский и Бонапарте» противопоставляет беззакониям Наполеона добродетели российского государя Александра, политика которого соответствует христианским нравственным принципам: «Одерживать победы, сжигать города, рассеивать раздоры, возбуждать междоусобия, принуждать к миру – вот дела обыкновенных завоевателей! Освобождать народы, свергать гнусных тиранов, восстанавливать повсюду законную власть, действовать в звании Царя, исполнив долг рыцаря на бранном поле, быть человеком на самом неограниченном троне вселенной, на вершине величия преклоняться пред Провидением, в скромности и простоте отвергать раболепство, убегать собственной своей славы – вот подвиги Александра»²³⁴. Автор памфлета «Мысли Наполеона при вступлении в Москву» изображает в качестве одной из главных «страстей» Наполеона Безбожие, которое изгоняет отвергаемую Наполеоном Совесть: «Прочь с глаз наших, слабая советница, все усилия твои бессильны поколебать решимость нашу. Удались к русским, полагающим в тебе свое

²³² Письменное наставление Наполеона своему историографу, как он должен писать его историю. Найдено на дороге во время путешествия Наполеона из Лейпцига в Париж. М., 1814. С. 21–22.

²³³ Дух Наполеона Бонапарте... С. 34.

²³⁴ Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814. С. 41–42.

Божество»²³⁵. Это противопоставление безбожной, отвергающей нравственные принципы наполеоновской Франции и православной, руководствующейся велениями совести России «красной нитью» проходит практически через всю русскую антинаполеоновскую публицистику.

Те же мысли пронизывают и поэзию военного времени, при этом авторы лиро-эпических произведений, характеризуя противника, часто заменяют термин «безбожный» на «демонический» и объясняют победу России над врагом заступничеством Божественного Провидения. Например, Г.Р. Державин в упоминавшемся гимне «На прогнание французов из Отечества» ставит на пути «змеевидного демона» Наполеона, шествующего по земле в сопровождении подчиненных ему ехидн и сеющего повсюду смерть, императора Александра I, который изображен как «агнец белорунный, смиренный, кроткий, но челоперунный». Царь поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христова». «Александров глас наш дух вознес: // Прибег он в храм – и стал бесстрашным Росс. // Упала демонская сила». Увидев «святость Александра трона» и «лесть Наполеона», россиянам помогает Бог, что и решает исход кампании²³⁶. Подобным образом, в виде картины апокалипсического состояния мира, вызванной захватнической политикой французского императора, Отечественная война 1812 года представлена в ряде других произведений. Причем, это не просто поэтический ход мышления, это реальное отношение к происходившему лучших умов России начала XIX века. Например, А.С. Пушкин в 1814 г. в незавершенной сказочной поэме «Бова» показал преступления Наполеона с «космическим» размахом: «Мир крещенный потопил в крови, // Не щадил и некрещеного, // И, в ничтожество низверженный // Александром, грозным ангелом, // Жизнь проводит в унижении // И, забытый всеми,

²³⁵ Мысли Наполеона при вступлении в Москву или Разговор Совести с различными его страстями. СПб., 1813. С. 47.

²³⁶ Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // Державин Г.Р. Сочинения: в 9 т. Т. 3. С. 137–164.

кличется // Ныне Эльбы императором»²³⁷. Образ ангела связывался с личностью Александра I очень часто, это было его прозвищем в императорской семье. Добавив к термину «ангел» эпитет «грозный», Пушкин тем самым развил религиозное понимание войны 1812 года, ибо «грозный ангел» – это Архангел Михаил, руководивший небесными силами в космической битве с врагами Бога, ангел-хранитель всех христиан. Сразу после падения французского императора победу света над тьмой провозгласил Н.М. Карамзин: «Конец победам! Богу слава! // Низверглась адская держава: // Сражен, сражен Наполеон! // ... // Есть правды Бог: тирана нет! // Преходит тьма, но вечен свет»²³⁸.

Таким образом, антинаполеоновская пропаганда 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг., создавшая так называемую «черную легенду» о Наполеоне, была вызвана к жизни военными условиями и, несмотря на многочисленные преувеличения, опиралась на реальные исторические факты. Ее характерные особенности, прежде всего – «демонизация» личности Наполеона, объясняются разницей мировоззрений, менталитетов противоборствующих сторон, то есть другими словами, различием двух столкнувшихся цивилизаций, а также активным участием в войне 1812–1814 гг. Русской Православной Церкви, придавшей столкновению несомненный религиозный колорит. Антинаполеоновская пропаганда стала одной из наиболее эффективных мер, выработанных правительством и Церковью для борьбы с иноземным вторжением, имевшим огромные масштабы и высокую степень опасности. Наложившись на кощунственное отношение неприятеля к православным святыням, она вызвала небывалый религиозно-патриотический подъем в армии и народе.

2.2. Духовенство и народная война

²³⁷ Пушкин А.С. Бова // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М., 1960. С. 382–383.

²³⁸ Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I // Карамзин Н.М. Стихотворения. Л., 1966.

Помимо активной проповеднической деятельности православное духовенство внесло значительный денежный вклад в организацию народного ополчения. 25 июля 1812 г. император Александр I утвердил доклад Святейшего Синода (от 17 июля), содержащий следующие предложения: 1) из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквях, отдать 1,5 млн. руб. «в пособие к составлению новых сил» (половину суммы на Петербургское ополчение, половину – на Московское); пригласить епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию деньгами, серебряными и золотыми вещами; 3) объявить причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса), что по желанию они могут увольняться в ополчение, получая из церковной кошелевой суммы пособие на одежду и продовольствие²³⁹.

Пожертвования от духовенства поступали в местные Духовные Консистории, откуда, по согласованию с губернаторами, направлялись в губернские комитеты народного ополчения. Епархиальные архиереи сообщали в Святейший Синод о собранных средствах и о лицах, пожелавших поступить в ополчение. В архиве Синода хранятся рапорты архиереев 32 епархий. Отчетность по остальным 4 епархиям: Московской, Смоленской, Минской и Могилевской – отсутствует (возможно, в связи с тем, что их территории были заняты неприятелем в начале войны). Согласно этим рапортам, духовенство пожертвовало на ополчение: 778 561 рубль 80 копеек ассигнациями, 18 059 рублей 89 копеек серебром без лажа²⁴⁰, 6 452 рубля 99 копеек серебром с лажем, 536 рублей золотом, 3 388 рублей 10 копеек медью, 41 пуд 1,5 фунта 40,5 золотников серебра и 8 фунтов 7,5 золотников золота в изделиях и слитках²⁴¹. Данные о пожертвованиях духовенства Московской епархии были опубликованы в

²³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 634. Л. 9–10.

²⁴⁰ Лаж – отклонение в сторону превышения рыночной «цены» золота (серебра), выраженной в бумажных деньгах, по сравнению с количеством бумажных денежных знаков, номинально представляющих данное количество золота.

²⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 1–529; Д. 634. Л. 94–123.

1912 г. в сборнике документов «Московское дворянство в 1812 году». Они составляют: 126 514 рублей 80 копеек ассигнациями, 2 702 рубля серебром без лажа, 20 рублей золотом, 19 пудов 26 фунтов 17 золотников серебра и 2 фунта 11 золотников золота в изделиях и слитках²⁴². Эта цифра в сумме с вышеприведенной, а также с 1,5 млн рублей, данными Святейшим Синодом, и 5 тыс. рублей, поступившими от Соловецкого монастыря²⁴³, дает следующий итог: пожертвования православного духовенства на ополчение в 1812 г. составили 2 405 076 рублей 60 копеек ассигнациями, 20 761 рубль 89 копеек серебром без лажа, 6 452 рубля 99 копеек серебром с лажем, 556 рублей золотом, 3 388 рублей 10 копеек медью; 60 пудов 27,5 фунтов 67,5 золотников серебра и 10 фунтов 18,5 золотников золота в изделиях и слитках²⁴⁴.

²⁴² Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 391–401; 434–435.

²⁴³ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4499. Л. 3. Соловецкий монастырь, как ставропигиальный, рапортовал непосредственно Святейшему Синоду.

²⁴⁴ Следует отметить также, что в архиве А.И. Михайловского-Данилевского (РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 77–78) хранится ведомость о пожертвованиях духовенства на ополчение, полученная им из Святейшего Синода в качестве ответа на один из вопросов его анкеты, разработанной в ходе сбора материала для «Описания Отечественной войны 1812 года». Чиновник Святейшего Синода, составивший эту ведомость, по всей вероятности, использовал те же рапорты епархиальных архиереев, что и автор настоящей диссертации (так как в ней также содержится информация по 32 епархиям и 6 монастырям), однако цифры, им полученные, и наши цифры совпадают в отношении только 11 епархий, в остальном они разнятся: от нескольких сотен рублей до нескольких тысяч. Итоговая сумма в этой ведомости составляет: 754 415 рублей 15 копеек ассигнациями, 16 442 рубля 19 копеек серебром, 268 рублей 85 копеек золотом, 53 пуда 22 фунта 60 золотников серебра и 12 фунтов 92 золотника золота в изделиях и слитках. Таким образом, наша цифра (без Московской епархии) превышает данные, представленные Синодом А.И. Михайловскому-Данилевскому приблизительно на 36 000 рублей (возможно, что составитель ведомости учел не все рапорты). Н.Ф. Дубровин в своем сборнике документов «Отечественная война в письмах современников. 1812–1815» (СПб., 1882. С. 421–423) также приводит ведомость о пожертвованиях духовенства на ополчение, которую он составил «по тем донесениям, которые сохранились в архиве Синода» (то есть по тем же рапортам). Его итоговая сумма, заявленная им как «приблизительная», составляет: 759 618 рублей 85 копеек ассигнациями, 50 061 рубль 49 копеек серебром, 53 пуда 22 фунта 93 доли серебра и 10 фунтов 13 золотников 98 долей золота в изделиях и слитках. Отметим, что разница в цифрах, полученных тремя исследователями (Н.Ф. Дубровиным, чиновником Синода и автором настоящей диссертации) составляет всего лишь 4,5% от общей суммы, пожертвованной духовенством на ополчение, и поэтому, на наш взгляд, не является слишком существенной для рассматриваемого вопроса.

Таким образом, практически на всей территории России православное духовенство откликнулось на призыв императора и Святейшего Синода. И хотя новый манифест Александра I (от 18 июля) ограничил район формирования ополчения 16 губерниями, распределенными по трем округам, сбор пожертвований продолжался повсеместно. В тех губерниях, где ополчение не было назначено, собранные средства поступали в Казенные палаты и составляли так называемый «запасный капитал», который бережно хранился в ожидании новых распоряжений.

Наиболее крупные вклады составили пожертвования ряда монастырей. Например, Свято-Троицкая Сергиева лавра внесла 70 тыс. рублей ассигнациями, 2,5 тыс. рублей серебром и 5 пудов 20 фунтов 20 золотников серебра в вещах и слитках²⁴⁵; Александро-Невская лавра – 25 225 рублей ассигнациями и 5 пудов 37 фунтов 85 золотников серебра²⁴⁶, московский Донской монастырь – 10,5 тыс. рублей ассигнациями и 1 пуд 11 фунтов 37 золотников серебра²⁴⁷; Соловецкий Преображенский монастырь – 5 тыс. рублей; Киево-Печерская лавра – 3 645 рублей ассигнациями, 2 тыс. рублей серебром, 3 пуда 9 золотников серебра и 1 фунт 13 золотников золота. Можайский Лужецкий Ферапонтов монастырь пожертвовал 2 тыс. рублей в пользу больных и раненых воинов русской армии, за что получил личную благодарность М.И. Кутузова²⁴⁸.

Жалованье священнослужителей было невысоким, при этом многие из них жертвовали на ополчение от половины до полной суммы своего годового содержания. Например, протоиерей казанского Благовещенского собора Борис Поликарпов внес свое годовое жалованье – 160 рублей, а архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря Епифаний – полугодовое жалованье – 300 рублей²⁴⁹.

²⁴⁵ Московское дворянство в 1812 году. С. 434.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 13.

²⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 3–4.

²⁴⁸ ЦГА Москвы. Ф. 574. Оп. 1. Д. 202. Л. 6–6 об.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 76–77.

Своим примером и проповеднической деятельностью православное духовенство вдохновляло паству к активному участию в организации отпора врагу. В этом смысле показателен случай, произошедший 25 июля 1812 г. в Тамбове во время заседания Дворянского собрания, рассматривавшего вопрос о создании ополчения. Епископ Тамбовский и Шацкий Иона (Василевский), совершив литургию, во всем облачении вошел в дом, где проходило собрание, исполнил молебственное пение с коленопреклонением и обратился к дворянству и купечеству с краткой речью, призвав «ополчиться единодушно и сокрушить зубы скрежещающего врага», доказать, что «мы за святость веры, за дом Божией Матери, за честь и славу великого монарха нашего готовы победить или умереть»²⁵⁰. Иона первым внес 3 тыс. рублей на создание ополчения. Этот поступок, по словам очевидца, «побудил все состояния к похвальному соревнованию»²⁵¹.

Согласно вышеупомянутым рапортам, в ополчение поступило 412 человек духовного сословия. Среди них значительное место занимают ученики духовных академий, семинарий и уездных училищ. Так, например, Казанская духовная академия дала 56 человек, Киевская – 22, Калужская духовная семинария – 50, Нижегородская – 2, Харьковский коллегиум – 8 человек²⁵². Ученик Костромской духовной семинарии Василий Яхонтов, служивший в ополчении урядником, за успехи был произведен в унтер-офицеры²⁵³.

Семинаристы выше риторического класса, несмотря на готовность защищать Отечество, в ополчение не допускались, так как это противоречило указу императора из Святейшего Синода от 25 июля 1812 г. (отказано было, в частности, студентам богословия Тульской духовной

²⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4419. Л. 35.

²⁵¹ Там же. Л. 33.

²⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 1–529.

²⁵³ Там же. Л. 447.

семинарии Ивану Гостеву и Петру Лукину)²⁵⁴. На том же основании отказ получали и дьяконы (например, Климент Иванов, служивший в новгородской Рождественской церкви)²⁵⁵. Однако некоторые из них все же снимали с себя дьяконский сан и поступали в ополчение. (Таковы, например, три дьякона из Нижнего Новгорода: Петр Иванов, служивший в единоверческой церкви, Андрей Петров – в церкви Сошествия Святого Духа, Максим Никитин – в Троицкой церкви.) После войны Святейший Синод, как правило, отказывал им в возвращении дьяконского сана, ибо последний был сложен ими добровольно²⁵⁶.

Помимо семинаристов и церковнослужителей, которые, как не имевшие священного сана, могли взять в руки оружие, при отрядах народного ополчения состояли священники. Они выполняли те же функции, что и военное духовенство в регулярной армии. Губернаторы, обращаясь к епархиальным архиереям с просьбой назначить в ополчение священнослужителей, называли последних «духовными вождями, способными внушать новоизбранным воинам их обязанности и побуждения не щадить жизни для защиты веры, царя и Отечества»²⁵⁷.

Сведения о священнослужителях, находившихся в ополчении, к сожалению, отрывочны. Наиболее полно можно реконструировать деятельность духовенства Санкт-Петербургского ополчения. Оно было сформировано в августе 1812 г. и состояло из 15 дружин, разделенных на два отряда, которые выступили в поход соответственно 3-го и 5-го сентября.

1 сентября состоялось торжественное освящение знамени ополчения (белое полотнище с восьмиконечным крестом посередине и надписью по обеим сторонам: «Сим победиши»; по углам, в лавровых венках под коронами, – вензель Александра I) и молебен с коленопреклонением о

²⁵⁴ Там же. Л. 416–417.

²⁵⁵ Там же. Л. 33.

²⁵⁶ Там же. Л. 300, 303, 311.

²⁵⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 790. Л. 1.

ниспослании победы. В этом мероприятии принял участие и император Александр I. Важность происходившего эмоционально подчеркнул в своих воспоминаниях участник 2-го отряда ополчения Б.В. Штейнгель: «Что могло сравниться с сею величественною картиною? – Царь, обладатель почти полсвета, определяющий судьбу миллионов, отпуская верноподданных, аки сынов своих на поражение врагов, на царство Его дерзнувших, со всем воинством и тьмочисленным собранием народа, под открытым сводом небес, преклоняет колена пред Царем Царствующих, и со умилением сердца молит Его о помиловании и заступлении!.. Всеобщие слезы, всеобщее умиление, всеобщее благоговение показывало, что россияне не имеют ничего сходного с врагами своими: нечестие сих еще не заразило души Россов, одна только ветреность, одно легкомыслие, молодости свойственное, одна перенятая наружность и пустословие сближало доселе некоторых детей Севера с служителями корсиканца... Но да отпустят мне они восклицания из тронутой глубоко души моей изшедшие. Я был в сие время в числе молящихся с оружием в руках! – Нужно ли после сего еще что-либо сказать в свое извинение?»²⁵⁸.

После окончания молебна митрополит Амвросий обратился к ополченцам с речью, в которой подчеркнул священный, освободительный характер войны: «Христиане воины!.. Возопили к вам Отечество и Церковь, угрожаемые от галлов разорением, от галлов, поработивших и утеснивших многие царства и народы, поправших вечную Святыню, осквернивших Божии храмы, проливших реки человеческой крови: и вы для защиты оных облеклись во всяя оружия Божия... И вот уже исходите на дело свое; исходите не разорять страны, оскорбляя человечество, но поразить и сокрушить врага Бога и человеков... Идите спешно и небоязненно в назначенный вам путь Господень... Веруйте несомненно,

²⁵⁸ *Штейнгель Б.В.* Записки, касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах. Ч. I. М., 1815. С. 85.

яко предходит вам Сам Бог защитить всех уповающих на него»²⁵⁹. Митрополит Амвросий вручил начальнику 1-го отряда ополчения тайному советнику А.И. Бибикову икону Спасителя, а начальнику 2-го отряда генерал-майору И.М. Бегичеву – икону св. князя Александра Невского²⁶⁰.

В Петербургское ополчение митрополитом Амвросием были назначены священники: Петр Виноградов, Петр Песоцкий и Алексей Кедров, а также причетники: Андрей Марков, Алексей Матвеев и Василий Иванов²⁶¹. Петр Виноградов был определен священником в 1-й отряд, Петр Песоцкий – во 2-й. После взятия Полоцка в октябре 1812 г. П. Песоцкий был оставлен в городе при раненых и больных, а П. Виноградов с этого времени и до конца похода был священником всех 15 дружин²⁶². Он находился под неприятельским огнем в сражениях: при Полоцке (6–8 октября), при Чашниках (19 октября), при Смольянах (1–2 ноября), при Борисове (15–16 ноября), при реке Березине (17–18 ноября). В июне 1814 г. после возвращения из заграничного похода он был награжден камилавкой²⁶³. П. Песоцкий вернулся в Санкт-Петербург в начале января 1813 г. За участие в войне он был награжден саном протоиерея и наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода²⁶⁴. Сведений о судьбе Алексея Кедрова найти не удалось.

19 октября 1812 г. из Санкт-Петербурга были отправлены еще три дружины ополчения: 16-я, 17-я и 18-я. С этим 3-м отрядом в поход выступил протоиерей Алексей Шашкевич²⁶⁵. Он находился в ополчении всю кампанию, участвовал в сражениях. За усердие был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. В октябре 1814 г. на

²⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 781. Л. 1.

²⁶⁰ Штейнгель Б.В. Указ. соч. С. 86.

²⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4435. Л. 3.

²⁶² Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. Т. II. Вып. 1: Санкт-Петербургское ополчение 1812 года. СПб., 1912. С. 274.

²⁶³ Штейнгель Б.В. Указ. соч. Ч. II. С. 179.

²⁶⁴ Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. С. 359.

²⁶⁵ Там же. С. 412.

обратном пути в Россию, под Варшавой, протоиерей А. Шашкевич скончался²⁶⁶.

Петербургское ополчение, вернувшееся из заграничного похода, 12 июня 1814 г. было торжественно встречено православным духовенством во главе с митрополитом Амвросием на Исаакиевской площади. Здесь был совершен благодарственный молебен, а знамя ополчения помещено в Исаакиевский собор.

У ополчений практически всех губерний в походах были иконы и освященные хоругви. Московскому ополчению при его выступлении в поход 14 августа 1812 г. епископ Дмитровский Августин (Виноградский) вручил две хоругви, взятые из приходской Спасо-Преображенской церкви (одну – с изображением святителя Николая Чудотворца и Успения Божией Матери, другую – с изображением Успения Божией Матери и Воскресения Христова). От имени Александра I Московскому ополчению была передана древняя икона-складень «Явление Богоматери преподобному Сергию», почитавшаяся в течение нескольких столетий в качестве покровительницы русского воинства. Эта икона 21 июля 1812 г. была передана императору Александру I, находившемуся тогда в Москве, митрополитом Московским Платоном (Левшиным) через заместника Троице-Сергиевой Лавры Самуила. Тяжелобольной Платон не смог сделать этого лично. В письме, сопровождавшем икону, митрополит предсказывал Александру I победу, сравнивая его с Давидом, а Наполеона – с Голиафом²⁶⁷.

Скажем несколько слов об этой реликвии, занимающей особое место среди русских православных святынь. Икона была написана в 1588 г. на гробовой доске преподобного Сергия (в 1585 г. при переложении мощей чудотворца из деревянной раки в серебряную царь Федор Иоаннович приказал «рознять на образы» крышку гроба). Согласно надписи на левом

²⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 1131. Л. 54.

²⁶⁷ *Снегирев И.* Начертание жития Московского митрополита Платона. С. III.

поле иконы, «писал и окладывал образ сей» Евстафий Головкин, келарь Троице-Сергиева монастыря. Скорее всего, этот человек руководил работами по созданию иконы, тем не менее образ часто называют «складнем Евстафия Головкина». В первой половине XVII в. икона была помещена в киот, на створах которого были написаны: с внутренней стороны – фигуры пророка Иоанна Предтечи и святителя Николая Чудотворца, с внешней – архангела Михаила и Ангела-Хранителя. И икона, и створы были обложены серебром. В 1654 г. царь Алексей Михайлович, отправляясь на войну с Речью Посполитой (1654–1667), взял этот образ с собой, а, возвращая его в обитель после победы, повелел сделать на нем соответствующую надпись, что заложило историческую традицию. Икона участвовала в Северной войне (1700–1721) по распоряжению царя Петра I. После Отечественной войны 1812 года она была возвращена в Троице-Сергиеву Лавру. На ее серебряном ковчеге были перечислены все сражения, во время которых она находилась в русской армии, являясь «охранением» Московскому ополчению. В 1835 г., по просьбе генерал-лейтенанта П.П. Талызина, служившего в Московском ополчении, лаврскими живописцами для него был изготовлен список с этой иконы.

Хоругви, врученные Московскому ополчению епископом Августином, после войны были помещены в Успенский собор Московского Кремля. По просьбе начальников ополчений 3-го округа, бывшие у них освященные хоругви были поставлены в соборах губернских городов (Нижегород, Кострома, Пенза, Ярославль, Симбирск, Казань, Рязань) «для незабвенной памяти потомству эпохи прошедшей войны»²⁶⁸.

На территории центральных губерний России Великая армия, как известно, столкнулась с активным сопротивлением мирного населения. При приближении неприятеля жители в массовом порядке покидали

²⁶⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 347. Л. 4.

города и села, угоняли скот, вывозили продовольствие. Крестьяне уездов, расположенных вблизи следования Великой армии, защищали свои дома и храмы от посягательств неприятельских фуражиров и мародеров. В движении сопротивления активно участвовали священно- и церковнослужители, некоторые из них стали даже организаторами и руководителями крестьянских отрядов самообороны. Вступать в вооруженную борьбу с неприятелем их нередко побуждало его варварское отношение к церковным святыням. Так, например, священник церкви Преображения Господня села Крутое Юхновского уезда Смоленской губернии Григорий Лелюхин, увидев, что отряд французских мародеров (около 50 человек) ограбил церковь и осквернил алтарь, убедил своих прихожан устроить погоню. Вооружившись топорами и вилами, крестьяне неожиданно напали на грабителей в лесу и, перебив их, отобрали церковное имущество. Воодушевленные удачей, крестьяне вскоре увеличили свой отряд до 200 человек. На колокольне храма они выставили сторожевого, который при приближении мародеров звонил в колокола, и крестьяне во главе с отцом Григорием отражали нападение²⁶⁹.

Таким же образом действовали жители Гжатского уезда: при появлении французских мародеров священники поднимали тревогу колокольным звоном, и сбежавшиеся прихожане защищали церкви и свои жилища. Благодаря этому храмы в селах Сосницы, Чали, Дора были спасены от разорения²⁷⁰. В Смоленской губернии предводителями крестьянских отрядов были также дьячок г. Рославля Савва Крастелев, погибший при столкновении с неприятелем у деревни Козловка²⁷¹, и пономарь села Савенок Сычевского уезда Алексей Смирягин, награжденный знаком отличия Военного ордена за то, что смог отнять у

²⁶⁹ Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 20–21.

²⁷⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 142–154.

²⁷¹ Орловский И. Дьячок-партизан 1812 года // Исторический вестник. 1902. № 10. С. 260.

французского офицера орден Почетного Легиона и четыре карты России²⁷². Священник села Тарбеево Сычевского уезда Петр Протопопов с дьячком Иваном Белявским и прихожанами взяли в плен 23 вооруженных француза и передали их прибывшему туда отряду казаков во главе с полковником И.Ф. Чернозубовым²⁷³.

В Московской губернии во главе одного из крестьянских отрядов самообороны стоял священник верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. Его заслуги особенно проявились при штурме г. Вереи генерал-майором И.С. Дороховым. Собрал тысячу крестьян Вышегородской волости, Скобеев с их помощью срыл на Земляном валу сделанные французами укрепления, «изыскал во многих домах скрывшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры и брички». Кроме того, по просьбе И.С. Дорохова, отец Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян, которые усилили его корпус, и подготовил семь подвод для раненых воинов. Крестьяне с полной готовностью откликались на все призывы Скобеева, который, по его собственным словам, «будучи более 20 лет увещателем во всех присутственных местах, был совершенно им известен, и по известности снискал от них к себе доверенность и уважение»²⁷⁴. За деятельность по освобождению Вереи Иоанн Скобеев был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. В апреле 1815 г. отец Иоанн выполнил последнее желание И.С. Дорохова – похоронил его в верейском Рождественском соборе.

Отличился также и дьячок села Рюховское Волоколамского уезда Московской губернии Василий Григорьевич Рагузин, организовавший из 500 крестьян отряд, успешно защищавший от неприятеля окрестные селения. Не ограничиваясь набегами на отряды французских мародеров, Рагузин нес также разведывательную службу. С этой целью ему был дан открытый лист, согласно которому крестьяне должны были предоставлять

²⁷² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 71–71 об.

²⁷³ Там же. Л. 478.

²⁷⁴ Там же. Л. 18–19.

ему подводы и оказывать всяческое содействие. За свои подвиги Рагузин был награжден серебряной медалью, учрежденной в память войны 1812 года, и получил 400 рублей для поправления своего материального состояния²⁷⁵.

В Калужской губернии благодаря активным действиям духовенства и прихожан в двух из пяти оккупированных уездов – Мосальском и Тарусском – все храмы были спасены от разорения. Способ обороны был тот же, что и во многих местах Смоленской губернии: при приближении мародерских отрядов священники поднимали колокольный звон и сбежавшиеся крестьяне защищали храмы и дома своего села. Особенно успешно действовали прихожане села Любунь Мосальского уезда во главе с протоиереем Яковом Иоанновичем Чистяковым, отразившие несколько нападений. Один эпизод из жизни этого села в 1812 г. ярко свидетельствует о важности православной веры для русского народа и об авторитете духовенства. 28 августа 1812 г. французский отряд напал на Любунь и поджег несколько строений. Некоторые крестьяне, испугавшись за свои дома, поднесли врагам хлеб и соль, однако большая часть жителей оказала французам сопротивление. Мародеры были разбиты, и жители села собрались в храме для благодарственного молебна. Протоиерей Чистяков произнес здесь проповедь «с изъяснением того, что Господь, видимо, споборает нам, предавая в невооруженные руки наши вооруженных злодеев». После окончания богослужения, когда прихожане подходили целовать крест, это намеревались сделать и те крестьяне, которые проявили малодушие, но Чистяков не допустил их к кресту со словами: «Подите прочь, вы не русские, вы не наши, вам не принадлежит торжество наше, вы хотели, поднося хлеб и соль французам, чтоб они восторжествовали над нами, удалитесь из нашего общества». По свидетельству очевидцев, это так «подействовало на прочих, что крестьяне

²⁷⁵ Василий Григорьевич Рагузин, причетник-герой 1812 года // Душеполезное чтение. 1868. № 8. С. 100.

при малейшей тревоге бросали полевые работы и спешили на отражение врагов, а дворовые ходили в Ельнинский уезд на поиск французов и многие партии истребляли»²⁷⁶.

В силу специфики своего положения духовное сословие не могло в массовом порядке принимать непосредственное участие в вооруженной борьбе, но общественные функции, соответствующие своему сану, выполняло, как правило, образцово. Большая часть духовенства не покинула свои места, оставшись с паствой. Там, где храмы не были до основания разграблены и осквернены, священники отправляли богослужение и исправляли требы, что было очень важно для народа в такое трудное время. После войны Московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин, собирая сведения о поведении обывателей, находившихся в его ведомстве, отдал справедливость «достохвальному поведению духовенства», которое во время пребывания врага в Москве и Московской губернии «не переставало исполнять обеты своего священного сана, напоминая народу словом и делом обязанности его перед Богом и царем». По его мнению, «внушения служителей Православной Церкви преобразили смиренных поселян в мужественных защитников блаженного Отечества нашего – принявших смерть за веру и верность»²⁷⁷.

За сохранение церковного имущества и отправление богослужений в оккупированной Москве наперсными крестами, выдаваемыми от Синода, были награждены: священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Стрелке Алексей Иванов; священник церкви Максима Блаженного на Варварке Игнатий Иванов; священник церкви Живоначальной Троицы Егор Семенов; священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в доме княгини Голицыной Исидор Дмитриев; священник церкви Живоначальной Троицы Георгий Легонин; священник церкви священномученика Ианнуария в Запасном дворце Григорий Гаврилов;

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 99–99 об.

²⁷⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 1–2.

священник церкви Грузинской иконы Божией Матери на Воронцовом поле Василий Гаврилов, а также священник церкви Казанской иконы Божией Матери села Коломенского Московского уезда Афанасий Ипатов, который отправлял богослужение и исправлял требы один при пяти церквях, находившихся в окрестных селениях. Такую же награду получил священник церкви Вознесения Господня Алексей Марков, которого неприятельские солдаты, пытавшиеся выяснить местонахождение церковных ценностей, подвергли побоям и оскорблению, обрив ему голову и бороду. Протоиерей церкви Преображения Господня на Глинищах Петр Семенов, отправлявший богослужение и понесший тяжелые раны от врагов, «за усердие и за ревность к служению своему» был награжден золотым наперсным крестом, украшенным алмазами²⁷⁸.

Помещики ряда уездных городов Московской и Смоленской губерний после Отечественной войны обратились к епархиальным архиереям с просьбой о награждении священников, заслуга которых заключалась в том, что они «утвердили своих прихожан в верности Государю Императору и Отечеству», результатом чего стало повиновение местного населения властям и оказание сопротивления противнику. Таковы священник села Троицкое Дорогобужского уезда Смоленской губернии Онуфрий Срединский, священник села Грибаново Волоколамского уезда Московской губернии Николай Воробьев, священник Введенской церкви села Першино Звенигородской округи Алексей Степанов, священник Рождественской церкви той же округи Василий Васильев и др.²⁷⁹

Влияние проповеднической деятельности духовенства на размах и силу народной войны бесспорно. При этом нельзя согласиться с встречающимися в исторической литературе попытками возложить на Церковь ответственность за чрезмерную жесткость, которую нередко

²⁷⁸ Там же. Л. 1–2; 8–10; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 25; Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч. III. Кн. II. М., 1871. Примечания.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4572. Л. 1–3; Оп. 2. Д. 4908. Л. 10; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 26.

проявляли крестьяне по отношению к врагу (рубил пленным французам головы или закапывали их в землю живыми). Так, самарский исследователь А.И. Попов в ряде статей, основанных на некритическом использовании воспоминаний офицеров Великой армии, утверждает, что духовенство «фанатизировало» невежественный народ, который повел борьбу с врагом любыми средствами, что и спровоцировало, в свою очередь, грабежи и осквернения православных храмов оккупантами²⁸⁰. На самом деле, ни воззвание Святейшего Синода, ни дошедшие до наших дней церковные проповеди периода войны 1812 года не содержат в себе призывов к ожесточению и вседозволенности. Напротив, это противоречит позиции Православной Церкви, полагающей, что враг – тоже человек, созданный по образу и подобию Божию, и сражаться с ним следует без ожесточения, а поверженному противнику надо даровать пощаду. На наш взгляд, гораздо большее влияние на чрезмерное «остервенение народа» оказало поведение завоевателей, грабивших и осквернявших православные святыни. Более того, источники свидетельствуют, что грабежи церквей и монастырей начались с первых шагов Великой армии по территории России, задолго до начала народной войны, следовательно, они не могли быть «спровоцированы» народной жестокостью. На территории центральных губерний вандализм завоевателей принял вопиющий характер. Оккупанты не только грабили, но и оскверняли храмы и обители, вскрывали гробницы святых и истязали священнослужителей и монахов с целью узнать, где спрятаны церковные сокровища. Разумеется, подобное варварство и неуважение к православной вере усилили антинаполеоновскую пропаганду и подняли «дубину народной войны».

²⁸⁰ Попов А.И. Партизаны и народная война в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск: Можайск-Терра, 2000. С. 172–208; *он же*. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001. С. 193–212.

Жертвами оккупантов стали десятки священно- и церковнослужителей. Так, 14 сентября 1812 г. на священника смоленского Успенского собора Василия Щиrowsкого прямо во время службы наполеоновские офицеры натравили собак, после чего от полученных ран и стресса он заболел и 2 октября скончался. Священника церкви Успения Пресвятой Богородицы села Стабна (Стабны) Смоленского уезда Емельяна за отказ выдать церковные ценности французы привязали к хвосту лошади и протащили до соседнего села Печерска и обратно, от чего он скончался²⁸¹. По словам казначея московского Богоявленского монастыря иеромонаха Аарона, его плечи и спина «целый месяц были черны» от ударов саблями. Тщетно стараясь получить от него монастырское золото и серебро, французы таскали его «за волосы и бороду и наставляли к груди штыки»²⁸². Священника Успенского собора московского Кремля И.С. Божанова оккупанты жестоко избили палашами, отрубили ему «половину уха» и нанесли штыковую рану. Потеряв дом в ходе пожара, он был вынужден скитаться по Москве, подвергаясь опасности. Однажды ему пришлось даже отсиживаться в пруду, опустившись в воду и прикрыв голову осокой, скрываясь от поляков, которые, узнав, что он «духовный», «намеревались» его «изрубить». Несмотря на личные бедствия, Божанов неоднократно исправлял требы по просьбе москвичей²⁸³.

В Москве и Московской губернии многие представители духовенства погибли, защищая имущество своих храмов. Среди них настоятель церкви Сорока мучеников Севастийских бывшей подмонастырской слободы московского Новоспасского монастыря священник Петр Вельяминов²⁸⁴, подвергнутый пыткам и заколотый поляками вечером 2 сентября 1812 г. В Москве до смерти были забиты священник Архангельского собора

²⁸¹ Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 3.

²⁸² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 21–21 об.

²⁸³ [Божанов И.С.] 1812 год. Рассказ священника Успенского собора И.С. Божанова // Русский архив. 1899. Кн. 3. № 10. С. 256–267.

²⁸⁴ В историографии встречаются еще два варианта фамилии этого священника: Гаврилов и Святославский.

Московского Кремля Иоанн Гаврилов, священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев, иеромонах Знаменского монастыря Павел, священник церкви святителя Николая Чудотворца в Кошелях Иоанн Петров, священник церкви святителя Николая Чудотворца на Студенце Алексей Иванов, дьякон той же церкви Михаил Федоров. Измученные пытками, скончались вскоре после освобождения Москвы священник церкви святителя Николая Чудотворца в Толмачах Иоанн Андреев и священник церкви святителя Николая Чудотворца в Гнездниках Петр Катышев. В Московской губернии от рук неприятеля погибли священник церкви Смоленской иконы Божией Матери села Жохово Подольского уезда Александр Максимов и пономарь того же храма Сергей Егоров. Пропали без вести и, возможно, были убиты священники церкви Живоначальной Троицы села Воробьево Московского уезда Иаков Ильин и церкви Богоявления Господня села Богоявленское Подольского уезда Федор Михайлов²⁸⁵.

Во многих московских монастырях (Донском, Сретенском, Богоявленском, Знаменском, Покровском, Алексеевском, Георгиевском) неприятели нещадно избивали монахов, заставляли их таскать тяжести. Наместника Новоспасского монастыря Никодима и послушника той же обители французы поставили посреди собора на колени и приказали им исповедоваться друг другу, угрожая смертью, если они не откроют место хранения монастырских сокровищ. Однако, видя, что угрозы и истязания напрасны, мародеры отпустили их и ограничились разграблением оставшихся в ризнице вещей. Наместнику Симонова монастыря иеромонаху Иосифу оккупанты приказали наклонить голову «для отсечения», однако затем отпустили²⁸⁶.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 12–18; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 10; *Никольский А.* Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912. С. 122; *Розанов Н.П.* Московские святыни в 1812 году. М., 1912. С. 56.

²⁸⁶ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–19.

Ученик Славяно-греко-латинской академии А. Рязанов, проходя в оккупированной Москве по Ордынке, встретил трех поляков, которые пытали мужчину с «окладистой черной бородой»: двое держали его за руки, а третий «насекал острием сабли его обнаженную спину», приговаривая: «Сказывай, поп, где зарыто церковное серебро и золото?» Мученик кричал от невыносимой боли и клялся, что «он не священник, а московский купец, зашедший в храм только помолиться Богу». Однако палачи не верили ему, утверждая, что его «борода – явная улика», которая выдает в нем «попа этой церкви»²⁸⁷. Увидев в церкви Спаса в Наливках «следы грабежа, буйства и богохульства», А. Рязанов, по его признанию, «окаменел» и «не мог сдвинуться с места»: «посредине храма пылал костер, вместо дров, на осколках святых икон; над огнем лежал на установленных камнях железный лист, на котором пекся картофель. ... На вбитых в иконостас гвоздях висели: конская сбруя и военная амуниция. В алтаре стояла лошадь, покрытая вместо попоны священнической парчевою ризою». Пораженный подросток (А. Рязанову в 1812 г. было 14 лет) записал свои рассуждения: «Неужели западные народы, освещенные учением Евангелия, не знают, что и русские не идолопоклонники, но так же, как и они, исповедуют веру Христианскую и имеют храмы во славу Всемогущего Бога, для приношения молений, в которых совершается бескровная жертва, в воспоминание страданий и крестной за нас смерти Богочеловека – Иисуса Христа? Неужели война принуждает отвергать религию и делает христиан богоотступниками – изуверами? Неужели между враждующими истребляется всякая мысль о благочестии к вере и заменяется богохульством?»²⁸⁸.

По свидетельству упоминавшегося выше французского аббата А. Сюрюга, отправлявшего службу в московской церкви Святого Людовика Французского и наблюдавшего за поведением своих

²⁸⁷ Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862. С. 135.

²⁸⁸ Там же. С. 144–145.

соотечественников в Москве, «церкви превращались солдатами самым бесцеремонным образом в бойни, гауптвахты, конюшни. Наконец, даже уважение к праху умерших было нарушено. Никогда взятый приступом город не был свидетелем подобных сцен, и сами французские офицеры признавались, что со времен Революции французская армия не была до такой степени деморализована»²⁸⁹. Неудивительно, что такие завоеватели в представлении русского народа перестали быть людьми. На них смотрели как на «нехристей», варваров, которым можно было отвечать жестокостью на жестокость.

Впрочем, среди оккупантов иногда встречались люди, которые относились к православным святыням с уважением или с осторожностью. Так, по словам монахини Новодевичьего монастыря Антонины, начальник остановившихся в их обители солдат Задэра «греха боялся»²⁹⁰. Осматривая монастырь, он посоветовал убрать серебряный крест, Евангелие и другие ценные вещи, пояснив на ломаном русском языке: «Французска солдата вора». По свидетельству монахов Данилова монастыря, квартировавшие у них французы часто заходили в церковь: все осматривали, но ничего не трогали. Один офицер, увидев перед иконой свечу, потребовал себе такую же, но от образа брать не велел. Узнав, что в монастырь должен прибыть отряд конной артиллерии, офицеры предупредили священника: «Это люди нечестивые» и предложили спрятать все ценное. При этом они даже помогли убрать церковные вещи, а приехавшие артиллеристы ободрали раку князя Даниила и сняли одежды с престолов²⁹¹.

Храмам и монастырям центральных губерний России был нанесен огромный ущерб. Особенно пострадали святыни Москвы.

Успенский собор Московского Кремля был совершенно разграблен и осквернен. По словам князя А.А. Шаховского, вступившего с Тверским

²⁸⁹ Французы в России. М., 1912. Ч. 2. С. 65.

²⁹⁰ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912. С. 13.

²⁹¹ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 11; Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Примечания (№ 70). С. 24.

ополчением в первопрестольную сразу после ее освобождения, в соборе «не осталось ни лоскута металла, ни ткани»²⁹² (за исключением серебряной раки святителя Ионы): все оклады с икон были содраны, вся утварь разграблена, большое серебряное паникадило весом 60 пудов, сделанное в 1660 г. в Венеции по заказу боярина Морозова и висевшее прежде посреди собора между патриаршим и царским местами, исчезло. Раку святителя Петра оккупанты открыли, но останки его не тронули; раку святителя Филиппа сломали, а мощи его бросили на пол; гробницу митрополита Петра, мощи которого тогда еще находились под спудом, вскрыли; надгробие патриарха Гермогена изрубили²⁹³. Посреди храма французы устроили горн для переплавки риз с икон и других серебряных и золотых вещей: на одном из столпов была найдена надпись, гласившая, что здесь переплавлено 325 пудов серебра и 18 пудов золота. В результате роспись на стенах сильно пострадала от копоты. Кроме того, в соборе держали лошадей: пол был покрыт навозом, а в иконостас были вбиты гвозди для конской сбруи. Многие иконы оказались исцарапанными, а некоторые оскверненными «лишением глаз». Впоследствии иконописцам пришлось поновить 375 икон²⁹⁴. Ущерб, нанесенный Успенскому собору, составил 192 135 рублей²⁹⁵.

²⁹² [Шаховской А.А.] Двенадцатый год. Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. Кн. 3. № 11. С. 372–402.

²⁹³ Там же; РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 136; Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 313–315.

²⁹⁴ Реставрация иконостаса представляла особую сложность. Помимо значительной суммы, необходимой для восстановления икон и изготовления серебряных с позолотой окладов и резьбы (по смете архитектора Соколова, на это требовалось 167 196 руб.), необходимы были иконописцы высокого класса, ибо указ императора Александра I из Святейшего Синода от 3 февраля 1813 г. предписывал епископу Августину, «чтобы состоящий в Большом Успенском соборе иконостас поправлен был так, дабы древнее его основание и самый вид сохранены были без малейшего изменения». (РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 1. Л. 35.) Для выполнения этой работы были отобраны 17 лучших иконописцев, проживавших не только в Московской, но и в смежных с ней епархиях: Ярославской, Калужской, Владимирской и Тульской. 1 сентября 1813 г. Августин рапортовал Синоду, что в Успенском соборе «все повреждения, какие сделало время и рука вражия, как с наружности, так и во внутренности исправлены»; в иконостасе «все святые иконы писанием возобновлены, так что древность писания нимало не изменилась: обложены вновь устроенными ризами и окладами серебряными

Остальные соборы и церкви Кремля, а также два кремлевских монастыря – Чудов и Вознесенский – тоже были разграблены и осквернены. В алтаре соборного храма Чудова монастыря находилась канцелярия маршала Л.Н. Даву, в Екатерининской церкви Вознесенского монастыря – хлебопекарня. В кремлевском Архангельском соборе по инициативе госпожи М. Обер-Шальме (бывшей поставщицы французских товаров для московского дворянства) была устроена кухня для Наполеона. При выходе из Москвы французы разбили стоявшие там бочки с вином, отчего на полу храма образовались огромные лужи. По свидетельству современников, запах вина сохранялся в Архангельском соборе вплоть до 1814 г.²⁹⁶

С колокольни Ивана Великого по приказу Наполеона был снят крест, высота которого составляла 3 сажени. (Н.П. Розанов предполагает, что «французов прельстило сияние креста: он был недавно (в 1811 г.) сделан из железа и обложен медью, хорошо вызолочен и ярко горел на солнце, так что» они, видимо, «сочли его за золотой»²⁹⁷. Во время снятия крест сорвался с блоков, упал на площадку и сломался. В марте 1813 г., когда растаял снег, этот крест был обнаружен недалеко от Успенского собора²⁹⁸. Снят и вывезен французами был крест с Филаретовской пристройки к Ивановской колокольне. Этот крест граф Ф.П. Сегюр в своих записках по ошибке называет «гигантским крестом с колокольни Ивана Великого»²⁹⁹.

При выходе Великой армии из Москвы маршал Э.А. Мортье, по приказу Наполеона, подготовил широкомасштабный взрыв Кремля, однако

позлащенными». (РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 1. Л. 133–133 об.) 30 августа 1813 г., в день тезоименитства императора Александра I, Успенский собор был торжественно освящен.

²⁹⁵ Розанов Н.П. Московские святыни в 1812 году. С. 8–12.

²⁹⁶ Шаховской А.А. Указ. соч. С. 386.

²⁹⁷ Розанов Н.П. Московские святыни в 1812 году. С. 18.

²⁹⁸ Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Примечания (№ 265); Московские ведомости. 1813. № 26. С. 747.

²⁹⁹ Примечательно, что крест с Филаретовского здания по размеру был меньше, чем крест с Ивановской колокольни и, кроме того, не был вызолочен. Поэтому французам в данном случае был важен не материал, из которого он был сделан, а сам трофей – крест из Кремля.

из-за начавшегося после нескольких первых взрывов проливного дождя порох в подкопах отсырел и проведенные к пороховым бочкам фитили погасли. В результате все кремлевские соборы и монастыри остались целы. Взорваны были только Филаретовская колокольня, некоторые башни, стены и арсенал. Ивановская колокольня от взрыва дала трещину («на три с половиною аршина» под третьим ярусом колоколов), для исправления которой, по смете архитектора Ф.И. Руско, потребовалось 253 751 рубль 75 копеек³⁰⁰. При взрыве Никольской башни, верхняя часть которой была совершенно разрушена, остался невредимым образ святого Николая Чудотворца, изображенный на этой башне над самыми воротами. Сохранилась также и икона Спасителя на Спасских воротах, хотя от Спасских ворот до Москвы-реки стены Кремля были взорваны.

Согласно ведомостям, присланным в феврале 1813 г. в Синод из Московской духовной консистории, из 264 московских церквей утварь была разграблена (полностью или частично) в 227, в 121 церкви были сняты оклады с икон, в 48 – повреждены иконостасы. Значительный ущерб был нанесен храмам первопрестольной и бушевавшим в городе пожаром: 8 церквей сгорели полностью, 115 – частично³⁰¹.

Из 24 московских монастырей были разграблены 22 (все, кроме Данилова и Новодевичьего). 11 монастырей оказались в зоне пожара, при этом Никитский и Георгиевский сгорели почти полностью; в Новоспасском, Спасо-Андрониеве и Зачатиевском от огня серьезно пострадали некоторые храмы; в Симонове, Богоявленском, Знаменском, Алексеевском, Иоанновском и Крестовоздвиженском сгорели кельи и некоторые другие здания. Как отмечалось выше, мародеры от грабежа часто переходили к прямому осквернению православных святынь. В Спасо-Андрониеве, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени

³⁰⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 7–7 об.

³⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 1. Л. 164–275.

для стрельбы. В качестве жилых помещений они часто использовали храмы, при этом престолы и жертвенники употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати. В Высокопетровском монастыре оккупанты устроили скотобойню. Церкви Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни³⁰². Конюшни были устроены также в Покровском соборе (Василия Блаженного), Казанском соборе и многих других московских храмах.

Результатом разорения стало упразднение после войны трех наиболее пострадавших монастырей (Георгиевского, Иоанновского и Крестовоздвиженского) и одиннадцати церквей древней столицы. (Иоанновский монастырь в 1859 г. был возобновлен).

В Московской губернии, судя по донесениям Духовных правлений, там, где прошла Великая армия (из 12 уездов губернии неприятеля не было только в двух – Клинском и Коломенском), церкви, как правило, были «разорены», «сожжены» или «обращены в конюшни»³⁰³. Из 21 монастыря Московской губернии мародеры наполеоновской армии побывали в четырех: Николо-Перервинском, Николаевско-Угрешском, Можайском Лужецком Ферапонтове и Саввино-Сторожевском. Из них более других пострадал Можайский Лужецкий Ферапонтов монастырь³⁰⁴.

Об ущербе, нанесенном церквам и монастырям, свидетельствуют также средства, затраченные на их восстановление. Основным источником таких средств стали 3,5 млн рублей, выделенные в ноябре 1812 г. Комиссией Духовных училищ «на исправление соборов, церквей, монастырей, училищных зданий» и на вспомоществование священно- и церковнослужителям в тех губерниях, где проходили неприятельские

³⁰² РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–18.

³⁰³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 10–14.

³⁰⁴ Там же. Л. 37–38.

войска³⁰⁵. Большая часть этих денег была израсходована на соответствующие нужды Московской епархии, главным образом, Москвы. Согласно отчету Синода, в 1813 г. из пожертвованной Комиссией Духовных училищ суммы по Московской епархии было израсходовано 1 713 132 рубля 37 копеек (759 460 рублей 87 копеек – на исправление монастырских, церковных и соборных зданий и 953 671 рубль 50 копеек – на пособие духовенству и прочим чинам по духовному ведомству)³⁰⁶. Из отчетности 1819 г. следует, что за прошедшие шесть лет в Московской епархии из вышеупомянутой суммы было израсходовано 2 528 463 рубля 66 копеек (1 489 121 рубль 66 копеек – на исправление церковных зданий и 1 039 342 рубля – на пособие духовенству)³⁰⁷. Приоритет при этом отдавался наиболее древнейшим храмам и монастырям. Большая часть приходских церквей была восстановлена на средства прихожан.

В Смоленской епархии из 10 монастырей неприятели побывали в шести и все шесть разграбили. В двух смоленских мужских монастырях – Спасо-Преображенском Авраамиевом и Троицком – были частично повреждены строения; алтари, жертвенники и престолы испорчены и осквернены; имущество разграблено, хотя значительную часть ризниц и церковной утвари монахам удалось сохранить. В смоленском Вознесенском девичьем монастыре сгорели одна церковь (во имя Киево-Печерской Божией Матери) и 27 монашеских келий; похищены серебряные ризы с образов, ковры, часть церковной утвари³⁰⁸. Дорогобужский Свято-Троицкий Болдин монастырь пострадал сравнительно немного: в соборной церкви были повреждены царские врата и часть иконостаса. Вяземский Иоанно-Предтеченский и Колоцкий

³⁰⁵ Средства выделял Святейший Синод после рассмотрения полученных от епархиальных архиереев соответствующих сведений и смет. (РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 42–43 об.)

³⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 6–9.

³⁰⁷ *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления... Примечания (№ 101). С. 39–43.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 63 об., 65; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 226 об., 305–307.

Успенский монастыри были совершенно разорены. Согласно рапортам их настоятелей, в обителях не осталось ничего, кроме стен. Некоторые храмы и монашеские кельи сгорели³⁰⁹.

По количеству пострадавших церквей Смоленской епархии существует два источника сведений, данные из которых несколько разнятся. Первый – рапорты архиепископа Рязанского и Зарайского Феофилакта (Русанова) Святейшему Синоду, составленные им по этому поводу на основании полученных из Духовных правлений Смоленской епархии ответов на его вопросы: «1) Сколько церквей в уезде разорено до такой степени, что там не может отправляться богослужение? 2) Сколько церквей повреждено так, что после соответствующих исправлений в них вскоре может начаться богослужение?»³¹⁰. (Член Святейшего Синода архиепископ Феофилакт указом императора Александра I от 27 ноября 1812 г. получил особые полномочия по приведению освобожденных от неприятеля епархий «в надлежащее устройство»³¹¹). Второй источник – находящийся в личном архиве А.И. Михайловского-Данилевского документ под названием «События о происшествиях по Смоленской епархии в Отечественную войну 1812 года, извлеченные из хранящихся в Смоленском консисторском архиве дел, во исполнение указа Святейшего Правительствующего Синода от 20 мая 1836 г.»³¹² (Этот указ предписывал Духовным консисториям предоставить все необходимые сведения историку А.И. Михайловскому-Данилевскому, получившему повеление императора Николая I написать историю войны 1812 года). В анкете А.И. Михайловского-Данилевского, касающейся рассматриваемого вопроса, не было понятия *поврежденные* церкви, речь шла о количестве *сожженных* и *разоренных* церквей. Согласно рапортам архиепископа Феофилакта, количество пострадавших церквей составляет 323 (54

³⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 64; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 234, 330, 407.

³¹⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 49–57 об.

³¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4486. Л. 1–6.

³¹² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 225–238.

разоренных и 269 поврежденных)³¹³; по материалам, предоставленным А.И. Михайловскому-Данилевскому, – 252 (35 сожженных и 217 разоренных)³¹⁴. Причину расхождений и степень точности рассматриваемых документов установить трудно. Более соответствующими действительности нам представляются данные Феофилакты, так как они были получены «по свежим следам» (то есть сразу после освобождения губернии). А.И. Михайловским-Данилевским материал собирался через 24 года после войны, поэтому он был в известной мере приблизительным. Однако, так или иначе, несомненно то, что разграблены были храмы во всех 12 уездах Смоленской губернии, где прошла Великая армия. Пострадало от 42% до 53% всех существовавших там церквей. Многие храмы, так же, как и в Московской губернии, были превращены в конюшни или осквернены другим способом.

Согласно докладу Святейшего Синода императору Александру I от 27 августа 1814 г., в 1813 г. из пожертвованного Комиссией Духовных училищ капитала (в 3,5 млн рублей) Смоленской епархии было выделено 501 755 рублей 31 копейка (124 100 рублей – на исправление монастырских, церковных и соборных зданий и 377 655 рублей 31 копейка – на оказание пособий разоренному духовенству)³¹⁵.

В Калужской губернии, где частично были оккупированы пять уездов (Малоярославецкий, Медынский, Боровский, Мосальский и Тарусский), мародерами наполеоновской армии были разорены два монастыря: Боровский Пафнутьев и Малоярославецкий Николаевский Черноостровский³¹⁶. Последний пострадал не только от разграбления, но и от разрушения в ходе сражения за Малоярославец. В ходе битвы монастырь был занят неприятелем, которого пытались выбить оттуда части русской армии. После отступления французов среди убитых был

³¹³ Там же. Л. 49–57 об.

³¹⁴ Там же. Л. 225–238.

³¹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

³¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 9. Л. 32–33.

найден дьякон монастыря Вонифатий. При оставлении обители иноками он, будучи тяжело больным и приняв накануне соборование и причащение святых тайн, пожелал остаться в монастыре, несмотря на настойчивые предложения братии взять его с собой. Обстоятельства его смерти, то есть сам ли он выполз из своей келии и попал под неприятельские выстрелы, или был извлечен оттуда ворвавшимися в монастырь неприятелями и убит ими – остались неизвестны. (Иноки монастыря под руководством настоятеля отца Макария похоронили в трех братских могилах 8 тыс. погибших русских воинов и отслужили по ним панихиду. С тех пор в монастыре установилась традиция ежегодно 13 октября проводить крестный ход и служить панихиду по погибшим в сражении за Малоярославец.)

Что касается разоренных церквей Калужской епархии, то сведения о них также были собраны архиепископом Феофилактом и А.И. Михайловским-Данилевским и, как и в случае со Смоленской епархией, они разнятся между собой. Согласно рапортам Феофилакта, в Калужской епархии было разорено 8 церквей, повреждено – 19; по данным Михайловского-Данилевского, сожжено – от 5 до 9 церквей, повреждено – от 16 до 19³¹⁷.

Согласно отчету Святейшего Синода императору Александру I, из суммы, пожертвованной Комиссией Духовных училищ, Калужской епархии в 1813 г. было выделено 63 798 рублей 59 копеек (15 811 рублей 2 копейки – на исправление монастырских, церковных и соборных зданий и 47 987 рублей 57 копеек – на пособие духовенству)³¹⁸. Кроме того, 30 тыс. рублей Святейший Синод предоставил Калужскому епископу Евлампиию (Введенскому) на восстановление Боровского Пафнутьева,

³¹⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10.

³¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастырей и малоярославецкого Казанского собора³¹⁹.

Подчеркнем, что в Калужской губернии разорению подверглись церкви в трех из пяти оккупированных уездов (Боровском, Малоярославецком и Медынском). В Мосальском и Тарусском уездах все храмы были спасены духовенством и прихожанами, которые, как показано выше, храбро давали отпор отрядам французских мародеров.

Несмотря на широкий размах народной войны, в некоторых местах имели место факты измены со стороны духовенства и антифеодальные крестьянские выступления, однако на территории центральных губерний России подобные случаи были редкостью. Так, например, священник села Яковлевичи Ельнинского уезда Смоленской губернии Леонтий Ширяев и помощник секретаря Смоленской духовной консистории Николай Великанов были членами французского муниципалитета. После освобождения Смоленска Н. Великанов показал на допросе в Духовной консистории, что согласился на работу в муниципалитете «против желания», из-за страха смерти, так как уже был ограблен и неоднократно избит, при этом «присяги не давал» и «приверженности к французам ни малой не имел», всегда оставаясь «верноподданным рабом» императора Александра I. В подтверждение своей верноподданности он привел тот факт, что, зная, где в Спасо-Преображенском Авраамиевом монастыре спрятаны церковные ценности, не сказал об этом не только французскому правительству, но даже никому из смоленских жителей, благодаря чему они благополучно сохранились до приезда настоятеля³²⁰. Л. Ширяев и Н. Великанов получили прощение согласно п. 19 Высочайшего манифеста от 30 августа 1814 г.³²¹

³¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4498. Л. 120.

³²⁰ Допрос помощника консисторского секретаря Н. Великанова в консистории 26 декабря 1812 г. // Смоленская старина. Вып. 2. 1812–1912. Сб. ст. Юбил. изд. / Под ред. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. Смоленск, 1912. С. 250–253; *Лавровский Л.Я.* Подневольный муниципал // Исторический вестник. 1902. С. 411.

³²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 1152. Л. 20.

Священник села Новая Лопатка Петровского уезда Саратовской губернии Василий Иванов, после обнародования Высочайшего манифеста от 6 июля 1812 г. утверждал публично, что манифест этот «издан не от Государя Императора, а по повелению дворян, которые народ разоряют». Однако местные жители не поверили священнику; более того, задержали его и отправили в земский суд. На запрос суда о личности священника Духовное правление ответило, что Иванов – «человек непостоянный и находится под следствием в причинении прихожанам разных обид». После проведенного следствия «дело Иванова» было отправлено для окончательного решения епископу Пензенскому и Саратовскому³²².

В Смоленске священник Одигитриевской церкви Никифор Мурзакевич, протоиерей Ильинской церкви Поликарп Зверев и священник Спасской церкви Яков Соколов после войны привлекались к суду по обвинению в «нарушении долга верноподданнической присяги», но были оправданы. Поводом послужила несостоявшаяся попытка по приказу коменданта Смоленска А.А. Жомини торжественно встретить Наполеона, возвращавшегося из Москвы. В назначенный день, 27 октября 1812 г., священники действительно с ризами и крестом отправились к Днепровским воротам, но Наполеон не приехал. Однако 28 октября утром Мурзакевич шел с дароносицей к больному и у Троицкого монастыря случайно встретился с Наполеоном, который спросил его: «Ты поп?». Растерявшийся от неожиданности священник вынул просфору и протянул ее французскому императору³²³. После долгих разбирательств, проводившихся последовательно в Смоленской духовной консистории, Смоленском уездном суде и Смоленской Палате уголовного суда, со священников было снято обвинение, и они вновь были допущены к

³²² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 403. Л. 109–109 об.

³²³ Мурзакевич Н.А. Дневник // Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Юбилейное издание Смоленского губернского статистического комитета / Под ред. И.И. Орловского. Смоленск, 1903. С. 65–66.

священнослужению³²⁴. Отметим, что, по свидетельству И. Маслова, расспросившего смолян-очевидцев 1812 г., торжественная встреча Наполеона у Днепровских ворот все-таки состоялась³²⁵.

Необходимо отметить, что в 1812 г. священник Никифор Мурзакевич немало сделал для Смоленска и смолян. Еще во время сражения за город 4–6 августа 1812 г. он находился на городской крепостной стене, ободряя оборонявшихся и причащая раненых. По представлению генерал-майора И.Ф. Паскевича «за столь примерный и похвальный поступок» отец Никифор был награжден скуфьей³²⁶. Во время оккупации Смоленска лишь благодаря ходатайству Мурзакевича избежал разорения Успенский собор: священник попросил маршала И. Мюрата поставить караул к собору, «чтобы не впускать в него нижних чинов», что действительно было исполнено³²⁷. Кроме того, Мурзакевичу удалось частично спасти от расхищения архиерейскую ризницу и несколько церквей, а также помешать французским артиллеристам снять с колоколен Успенского собора, Одигитриевской церкви и храмов Троицкого монастыря колокола для перелива на пушки³²⁸. Немаловажно, что Никифор Мурзакевич неоднократно обращал внимание наполеоновских офицеров на то, что разграбление французами храмов вызывает ненависть к ним со стороны россиян. В частности, по свидетельству Иоанна Мурзакевича (сына отца Никифора), он заметил князю Ю.А. Понятовскому: «Коснувшись церквей, которые наш русский народ драгоценнее ценит отца и матери, [они] наносят жителям жестокую скорбь», что рано или поздно может привести

³²⁴ Дело о священниках Мурзакевиче и Соколове и протоиерее Поликарпе Звереве. (Из архива Смоленской Духовной Консистории, № 50/994, на 181 листе) // Смоленская старина. Вып. 2. 1812–1912. С. 228–290.

³²⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 475–475 об.

³²⁶ Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. С. 17–18.

³²⁷ Жизнеописание (история) священника Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска». Составлено сыном его, протоиереем Иоанном Мурзакевичем. В селении Маньковке 1856 года октября 15 дня // Смоленская старина. Вып. 2. 1812–1912. С. 198.

³²⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 474–474 об.; Мурзакевич Н.А. Дневник. С. 61.

к «общему восстанию». Понятовский на это недовольно ответил, что «в военное время трудно удержать солдат от грабежа»³²⁹. Заботился отец Никифор и о духовном состоянии смолян (исполнял церковные требы), ухаживал за ранеными русскими солдатами, остававшимися в городе.

Священник церкви Покрова Богородицы села Покровское Ельнинского уезда Смоленской епархии П.С. Белогорский во время службы, на которую внезапно явились французские солдаты, по их требованию в страхе упомянул Наполеона. Французы остались чрезвычайно довольны его поступком и, разграбив сельские дома, не тронули церковь. К суду Белогорский не привлекался, однако сам считал себя виновным. По свидетельству современницы М.С. Николевой, «отец Петр до самой смерти соvestился, что вынужден был помянуть Наполеона и только утешался соображением, что иначе, может быть, не уцелел бы храм»³³⁰.

Что касается антифеодальных крестьянских выступлений, то они представляли собой, как правило, стремление некоторых крестьян «под шумок» пограбить господское добро (особенно – в отсутствие помещиков). В 1812 г., как всегда в подобных случаях, война усилила скрытые в обычное время индивидуальные человеческие качества, превратив одних людей – в героев, а других – в предателей или мародеров. В этом смысле показательны события, произошедшие во время войны в селе Спасское-Телепнево (близ Вязьмы) Смоленской губернии. События эти привел в своих воспоминаниях К.Н. Леонтьев, узнавший о них в студенческие годы (в 1852 г.) от очевидца – смоленского дьякона, бывшего в 1812 г. девятилетним сыном священника села Спасское-Телепнево³³¹. В начале

³²⁹ Жизнеописание (история) священника Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска»... С. 202.

³³⁰ Черты старинного дворянского быта. Воспоминания М.С. Николевой // Русский архив. 1893. № 10. С. 141.

³³¹ К сожалению, К.Н. Леонтьев, записавший услышанное через много лет, забыл имя рассказчика, внешность которого, по его словам, он хорошо помнил. (Рассказ Смоленского дьякона о нашествии 1812 года // *Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания.* М., 2002. С. 118–125.

войны владелец усадьбы Спасское-Телепнево Петр Матвеевич Карабанов (дед К.Н. Леонтьева), отпустив на военную службу единственного 16-летнего сына, сформировал на свои средства роту ополченцев и вместе с ними отправился на театр военных действий. Жена Петра Матвеевича, узнав о приближении французов, уехала в свое костромское имение, а опустевшая усадьба Карабановых подверглась нападению со стороны их собственных крестьян. Осмелев в отсутствие помещиков, многие крестьяне принялись грабить господский дом и рубить на дрова карету. Местный священник попытался образумить грабителей, но тем самым только навлек опасность на себя и свою семью. Ворвавшись вечером в дом священнослужителя, мародеры связали его жену и детей, и начали пытать его самого (ударяя головой о бревно), требуя, чтобы он отдал им деньги и другие ценности. Священник был спасен дворовыми людьми соседней помещицы, и, придя в себя, решил уехать к родным в Медынский уезд Калужской губернии. Вместе с ним отправился целый обоз крестьян, не принимавших участия в грабежах и насилиях. По дороге путешественники столкнулись с небольшим французским отрядом. Остановившись отдохнуть на лесной опушке, они увидели конного французского офицера и «человек десять—двадцать пеших солдат», которые внезапно вышли на то же место. После взаимного минутного замешательства, один из крестьян подошел к священнику и, попросив «благословения на брань за веру и отечество», пристрелил французского офицера. Солдаты бросились врассыпную в лес, а крестьяне, ободрившись, переловили их поодиночке и перебили. Добравшись без дальнейших приключений до Медынского уезда, семья священника и приехавшие с ней крестьяне пробыли там до конца войны, после чего вернулись в родное село. Вскоре приехал домой и П.М. Карабанов. Узнав о происшедшем, он потребовал, чтобы крестьяне выдали виновных и публично высекли их, что и было исполнено.

Крестьяне помещика Духовщинского уезда Смоленской губернии отставного полковника П.И. Энгельгардта, поверив распространявшимся

слухам о том, что Наполеон вскоре отменит крепостное право, перестали ходить на барщину. Энгельгардт приказал их выпороть. Желая отомстить обидчику, крестьяне отправились в Смоленск к французскому коменданту и заявили, что помещик заставляет их ловить и убивать французов. Энгельгардта вызвали на допрос, однако убедившись, что он невиновен, отпустили. Помещик вторично наказал крестьян (теперь уже за клевету), а последние, в свою очередь, вновь донесли на него, закопав для большей убедительности в господском саду два трупа французских солдат. После обнаружения такой улики Энгельгардт был арестован и приговорен к смертной казни. Подробности расстрела (которые мы опускаем) передал в своих воспоминаниях Иоанн Мурзакевич, бывший в то время подростком и сопровождавший своего отца – священника Никифора Мурзакевича, присутствовавшего на казни Энгельгардта и служившего по нему панихиду. Интересно замечание И. Мурзакевича, что крестьяне, оболгавшие своего помещика, впоследствии попались на краже лошадей и были сосланы в Сибирь, что было расценено им как наказание Божие за клевету³³².

Таким образом, на всей территории России духовное сословие внесло определенный материальный вклад в организацию ополчения. На оккупированной территории внутренних губерний приходские священно- и церковнослужители ободряли прихожан и проводили патриотическую работу по организации движения сопротивления, иногда даже вставая во главе крестьянских отрядов самообороны. Вандализм наполеоновских солдат, грабивших православные храмы и истязавших священнослужителей, способствовал усилению народной войны. В некоторых местах имели место антифеодальные крестьянские выступления, однако в центральных губерниях России по сравнению с огромным размахом народной войны подобные явления носили

³³² Жизнеописание (история) священника Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска»... С. 208–212.

эпизодический характер. Иную картину представляли собой западные районы Российской империи. Ситуация в них настолько существенно отличалась от положения во внутренних губерниях, что современники дали поведению жителей Западного края жесткое определение *польская измена*. Рассмотрим сущность происшедшего и попытаемся установить его причины.

2.3. Русская Церковь в западных губерниях Российской империи. «Могилевская церковная смута»

Непростая ситуация, сложившаяся в западных губерниях Российской империи в июне–сентябре 1812 г. (то есть в период наступления Великой армии Наполеона) иногда трактуется в отечественной историографии упрощенно. Особенно это касается Православной Церкви. Так, например, упоминавшийся самарский исследователь А.И. Попов пишет, что в Литве и Белоруссии «духовенство приняло сторону неприятеля» (то есть имеется в виду *все* духовенство, что совершенно необоснованно) и поэтому грабежей храмов там якобы не было³³³. А саратовский ученый Н.А. Троицкий, как отмечалось во введении к диссертации, на основании нескольких фактов измен со стороны как православных, так и католических священников Западного края, сделал обобщенный вывод, касающийся Православной Церкви в целом (не только западных губерний, но и всей страны), заявив, что в 1812 г. она «скомпрометировала себя перед Россией»³³⁴. Рассматривая «польскую измену», проанализируем прежде всего поведение православного духовенства Западного края России и его влияние на местное население.

Западные районы вошли в состав Российской империи в результате разделов Польши: в 1772 г. – Литва и Белоруссия, в 1794–1795 гг. – так называемая Польская Украина. (Русская Православная Церковь приобрела

³³³ Попов А.И. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 года. М., 2001. С. 196.

³³⁴ Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 216.

три епархии: Могилевскую, Минскую и Подольскую). До этого в течение четырех веков (с 1386 г.) они принадлежали Польскому государству, правительство которого проводило политику «ополячивания» и «окатоличивания» местного населения. Последнему в значительной степени способствовало заключение унии с Римом на Брестском соборе 1596 г. и последовавшие за ним гонения на православных, отказавшихся перейти в униатство. Результатом этой политики стало фактическое слияние русско-литовской знати с католической польской шляхтой. Крестьяне при этом в большинстве своем, несмотря ни на что, продолжали исповедовать православие. После включения западных губерний в состав России Екатерина II провела здесь ряд реформ в духе русской национальной политики. Было введено русское управление и законодательство, одновременно Православная Церковь получила все преимущества господствующей религии.

В царствование Александра I северо-западный край вновь подчинился польскому влиянию. Еще будучи наследником, Александр сблизился с князем Адамом Чарторыйским, типичным представителем принявшей католичество и ополяченной русско-литовской знати. В дружеских откровенных беседах с Александром Чарторыйский сумел внушить будущему русскому императору симпатию к полякам, представив их как угнетенный народ, лишившийся национальной независимости и переживающий тяжелые страдания.

Вступив на престол, Александр в северо-западном крае почти полностью восстановил польское управление. Было вновь установлено самоуправление посредством созыва сеймиков, на которых свободно избирались судьи и другие должностные лица. При этом русское население не имело права голоса и все дела вершились панами и шляхтой. Все важнейшие отрасли управления перешли в руки поляков. А. Чарторыйский был вполне искренно предан Александру I, но в своих политических мечтах видел Польшу восстановленной в былой славе, а

польскую корону мысленно отдавал российскому императору. Однако покровительство Александра I не простиралось до восстановления Польши в пределах 1772 г. Поэтому накануне Отечественной войны «русские» поляки переориентировались на Наполеона, надеясь решить эту задачу при его посредстве. Не собираясь возрождать Польшу, однако, не стесняясь в средствах для достижения собственных целей, Наполеон в «польском вопросе» искусно разыграл политическую интригу, результатом которой, в частности, стала измена правительству Александра I со стороны местных властей северо-западного края России.

Еще задолго до 1812 г. Наполеон принял по отношению к полякам политику ни к чему не обязывающих обещаний, подстрекая их национальные чувства, но не давая никаких осязательных доказательств своего сочувствия идее восстановления Польского королевства. Несколько лет он играл разделенной между тремя державами Польшей, являвшейся готовой угрозой против Австрии и Пруссии и очагом недовольства и протеста против России. В ожидании осуществления своей мечты поляки в массовом порядке вступали в ряды Великой армии и сражались за интересы Франции, являясь на деле для Наполеона, по его собственным словам, лишь «дисциплинированной военной силой, чтобы меблировать поле битвы». В 1807 г. посредством Тильзитского мирного договора было искусственно создано герцогство Варшавское, представлявшее собой лишь «жалкую подачку польскому патриотизму»³³⁵. Это государство, названное А. Чарторыйским «призраком прежней Польши»³³⁶, рассматривалось Наполеоном как стратегический плацдарм для нападения на Россию и как очаг для распространения антирусской пропаганды в ее северо-западных губерниях.

Накануне Отечественной войны из Варшавского герцогства в русский северо-западный край посылались агенты, которые распространяли книги

³³⁵ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года / Под ред. К. Военского. Т. I. СПб., 1909. С. XII.

³³⁶ Там же. С. XX.

и брошюры с молитвами в честь Наполеона, покровителя поляков, и с весьма недвусмысленными выпадами против русских. Говорилось о присоединении в случае победы Наполеона западных губерний России к герцогству Варшавскому, которое тогда будет переименовано в королевство.

Александр I знал по донесениям русских чиновников о настроении в северо-западном крае, но все же открытый переход поляков на сторону неприятеля в 1812 г. произвел на него крайне тягостное впечатление.

Наиболее ярко «польская измена» проявилась в Литве, где образовавшееся временное правительство (Литовская конфедерация) примкнуло к генеральной Варшавской конфедерации, а многочисленные местные обыватели торжественно отмечали победы Великой армии, дни рождения Наполеона и императрицы Марии-Луизы и другие французские праздники, которые сопровождались богослужениями в католических костелах ряда городов (Вильны, Минска, Волковыска, Свенцяна, Россиен и др.)³³⁷.

В Белоруссии также было образовано временное правительство, в состав которого наряду с французскими интендантами вошли и некоторые местные жители. Однако многие из дворян при приближении неприятеля бежали, бросив свое имущество. После войны они пытались представить это как подвиг, ибо не подчинились Наполеону и потерпели материальный ущерб. Белорусские крестьяне, тяготевшие к России по вере и национальной принадлежности, также уходили в леса, унося с собой или уничтожая продовольствие. Оказывая пассивное сопротивление противнику, они (в отличие от народа коренной России) воздерживались от активных действий, то есть нападений на французские отряды. Но, даже благодаря такому «пассивному» сопротивлению, Великая армия Наполеона в течение первых двух месяцев войны сократилась в результате так называемых «небоевых потерь» на 150 тыс. человек. Что касается

³³⁷ Там же. С. 263, 269, 272–273, 293–296, 298, 300–301, 359–368, 373, 375.

народной войны, то причинами ее отсутствия в западных губерниях, на наш взгляд, были относительно недолгое пребывание данных земель в составе Российской империи, многовековое феодальное и религиозное угнетение крестьян, отсутствие поддержки со стороны местных властей, а также неимение лидеров из среды духовенства, способных организовать движение сопротивления.

Православное духовенство западных губерний, привыкшее к многолетним притеснениям, в период оккупации неоднократно подвергалось гонениям (как со стороны неприятеля, главным образом поляков и саксонцев, так и со стороны местных польских помещиков, перешедших на сторону противника). Так, например, согласно донесению Святейшему Синоду епископа Волынского-Житомирского Даниила (Натток-Михайловского), протоиерей Владимирского Успенского собора Василий Малевский и письмоводитель Владимирского Духовного правления коллежский регистратор Григорий Занозовский были взяты в плен и отправлены в Люблин за хранение в соборном погребе 10 бочонков пороха, помещенных туда владимирским городничим Янковичем. Арестованы были также еще четыре священника (благочинный Владимирского повета (уезда) священник села Мышево Павел Климович; священник села Боротчик Стефан Боговский; благочинный Луцкого повета священник села Бискупич Иоанн Кондратович; священник села Садово Василий Жуковский) и два дьякона (села Бискупич Иван Патрикеевич и села Садово Лука Савицкий). Священник местечка Лобановка Дубенского повета Симеон Шавловский претерпел побои от неприятелей, а священник села Куполь Луцкого повета Иоанн Малитинский был принужден местным помещиком Целецким перевести из одного села в другое карету, подаренную им начальнику саксонского войска. Предварительно Целецкий избил священника со словами: «Я теперь тебе и начальник, и архиерей, и император». Помещик Перетяткович избил плетью пономаря села Залужье

Михаила Желегевича, угрожая при этом «в скором времени всем духовным обрезать бороды»³³⁸.

Православные храмы западных губерний нередко подвергались разграблению. В Волынско-Житомирской епархии, где неприятельскими войсками были оккупированы четыре повета (Ковельский, Владимирский, Луцкий и частично Дубенский), пострадали 12 церквей. Из двух храмов Ковельского повета оккупанты выбросили святые престолы и все церковные вещи, превратив один из них – Преображенскую церковь села Туриск – в конюшню, а другой – Георгиевскую церковь села Голоб – в лазарет. Из Владимирского Успенского собора были украдены серебряные церковные сосуды и хранившиеся там деньги (собора и Духовного правления). Остальные церкви пострадали незначительно – у их погостов были разобраны ограды. Общая сумма ущерба, понесенного церквами этой епархии, составила 775 рублей 85 копеек³³⁹. Духовенство епархии понесло убытка от неприятельского нашествия на сумму 29 029 рублей 70 копеек. (После войны Святейший Синод из суммы, пожертвованной Комиссией духовных училищ на восстановление разрушенных церковных и монастырских зданий и на оказание помощи пострадавшему духовенству (3,5 млн рублей), выделил Волынско-Житомирской епархии 4 711 рублей 65 копеек (4 311 рублей 85 копеек – на оказание помощи духовенству и 400 рублей – на восстановление церковных зданий. Большая часть приходских храмов была восстановлена на средства прихожан)³⁴⁰.

В Могилевской епархии из 13 монастырей были разорены три: два мужских – Могилевообратский и Полоцкий Богоявленский и один женский – Оршанский Кутеенский Успенский. Остальные (кроме Охорского Преображенского, Невельского Преображенского и Чонского Успенского, где неприятелей не было) «потерпели разграбление в съестных годовых

³³⁸ Там же. С. 519–521.

³³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 13. Л. 6–9, 26–27; Акты, документы и материалы... Т. 1. С. 519, 522.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

припасах»³⁴¹. Из 375 церквей епархии было сожжено четыре храма, разорено – четыре (в том числе соборы Витебска и Динабурга), повреждено – три³⁴². (После войны Святейший Синод выделил Могилевской епархии 58 561 рубль 19 копеек на восстановление разоренных церквей и 29 236 рублей 70 копеек на вспомоществование духовенству³⁴³.)

В Минской епархии из 11 монастырей серьезно пострадал один – Виленский Святодухов (неприятели разорили, частично сожгли и завалили нечистотами все здания этой обители). В трех монастырях (Драгочинском Троицком, Бельском Николаевском и Заблудовском Успенском) были разграблены съестные припасы и хозяйственные вещи. В епархии были сожжены пять церквей (одна – в Минске и четыре – в Минской губернии), разорены – четыре, повреждены – три, церковная утварь похищена в 24 храмах (17 – в Минске и 7 – в Минской губернии)³⁴⁴. (На исправление церковных зданий Минская епархия получила после войны от Святейшего Синода 9 676 рублей 74 копейки, на пособия разоренному духовенству – 23 941 рубль 35 копеек)³⁴⁵.

В период оккупации православные священнослужители западных губерний в большинстве своем, как правило, проводили политику невмешательства, за исключением архиепископа Могилевского Варлаама (Шишацкого), который сам принес присягу на верность Наполеону и побудил к этому подчиненное ему духовенство, часть которого выполнила его требование.

Несколько слов следует сказать о личности Могилевского архиепископа.

³⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 6. Л. 65 об. – 66.

³⁴² Там же. Л. 38; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 45.

³⁴³ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 8. Л. 18, 55, 102, 111; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 58–60.

³⁴⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

Варлаам (Григорий Степанович Шишацкий) родился 12 марта 1750 г. в с. Красиловка Козелецкого уезда Черниговской губернии в крестьянской семье. Окончил Переяславскую духовную семинарию, затем – Киевскую духовную академию. Изучал философию, богословие, латинский, греческий, немецкий и польский языки. Как один из лучших выпускников был назначен преподавателем грамматики и риторики Переяславской духовной семинарии. В 1776 г. принял монашество, через год был рукоположен в иеромонахи и назначен префектом семинарии. В 1780 г. произведен в игумены Мошногорского Вознесенского монастыря (Черкасский уезд Киевской губернии), в 1781 г. переведен в Переяславский Михайловский монастырь, где через год также стал игуменом. С 1783 г. преподавал богословие в Переяславской духовной семинарии, в 1785 г. стал ее ректором. В том же году, в связи с упразднением Переяславской епархии и учреждением Новгород-Северской, Варлаам был переведен на должности ректора Новгород-Северской духовной семинарии и настоятеля Макошинского Николаевского монастыря (Сосницкий уезд Черниговской губернии).

В 1787 г. по указу Святейшего Синода Варлаам был направлен в Польшу для управления Виленским Свято-Духовским и приписными к нему монастырями. В 1789 г. во время польских волнений он отказался дать присягу «королю и Речи Посполитой» и, боясь преследований, бежал в Россию. 22 августа 1791 г. он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Вяжищского Николаевского монастыря (Новгородский уезд Новгородской губернии), затем переведен в Кириллов Белый Новоезерский монастырь (Белозерский уезд Новгородской губернии), с 1792 г. являлся префектом Новгородской духовной семинарии. В 1794 г., через год после учреждения Минской епархии, Варлаам был назначен настоятелем Дятловицкого Спасо-Преображенского монастыря (Пинский уезд Минской губернии). Кроме того, по распоряжению императрицы, он получил специальное назначение

содействовать Минскому архиепископу Виктору (Садковскому) «в обращении тамошних униатов в православие». Варлаам отлично проявил себя в деле миссионерства, и 3 июня 1795 г. был возведен в сан епископа Житомирского, викария Минской епархии. В 1796 г. стараниями Варлаама была учреждена Волынская духовная семинария в Остроге. Встав во главе семинарии, Варлаам вскоре добился ее процветания. 16 октября 1799 г. в связи с образованием Волынско-Житомирской епархии он стал епископом Волынским и Житомирским. В 1805 г. награжден орденом Св. Анны 1-й степени, а 20 декабря того же года переведен в Могилевскую и Витебскую епархию. 23 марта 1808 г. возведен в сан архиепископа.

Таким образом, биография Варлаама до 1812 г. свидетельствует о его высокой образованности, верности долгу и больших успехах на почве преподавания и миссионерства, что подтверждают, в частности, его высокие назначения и награды.

В начале Отечественной войны 1812 года Варлаам остался в Могилеве, который был оккупирован корпусом маршала Л.Н. Даву. В отличие от других преосвященных (в том числе и западных епархий) при приближении неприятеля он не уехал вглубь страны и не сделал никаких распоряжений об эвакуации церковных ценностей. Очевидцы объясняют это по-разному. Одни (например, протоиерей Могилевского кафедрального Иосифовского собора Иоанн Стратанович) утверждают, что это было решение самого Варлаама, оставшегося в городе и запретившего духовенству покидать свои места³⁴⁶. Другие (например, бывший студент Могилевской духовной семинарии И. Носович) показывают, что Варлаам собирался уехать в имение архиерейского дома в Мстиславском уезде, но «губернатор Толстой воспретил этот выезд и даже приставил стражу»³⁴⁷. Сам Варлаам в дальнейшем на следствии также возложил вину за свое

³⁴⁶ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года / Под ред. К.А. Военского. СПб., 1912. Т. 3. С. 223.

³⁴⁷ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века. Цит. по: Акты, документы и материалы... Т. 3. С. XLV.

пребывание в оккупированном городе на «гражданское могилевское начальство», которое «местного своего архиерея от плена предохранить не захотело»³⁴⁸.

После занятия Могилева армией Наполеона гражданское управление перешло к временной Комиссии, учрежденной французами вместо Губернского правления. 13 июля Варлаам получил отношение данной Комиссии «об учинении на верность французскому императору присяги и о воспоминании его при богослужении». Собрав членов консистории, архиепископ обсудил с ними предстоявшее мероприятие. По словам очевидца и участника событий игумена Ореста, ставшего затем первым биографом Варлаама, секретарь консистории Демьянович уговаривал архиепископа «не делать этого, или, по крайней мере, помедлить, указывая на то, что Франция еще не совсем овладела Белоруссией» и что в случае победы России их «будут судить» как государственных преступников. Варлаам ответил: «Ты думаешь, что Россия будет благополучна?!.. Пусть будет благополучна; я один тогда буду несчастен»³⁴⁹. Эта фраза, если она действительно имела место, четко свидетельствует о сильном сомнении Варлаама в победе России и о его готовности в случае этой победы взять на себя всю вину и всю ответственность за происходившее. Из следственного дела Варлаама видно, что помимо членов консистории накануне принесения присяги Варлаам встречался с отставным генерал-майором Ф.Я. Хоментовским. Вероятно, он консультировался у него насчет военной мощи России и Франции, пытаясь понять, сможет ли русская армия противостоять Великой армии Наполеона. Скорее всего, архиепископ получил от Хоментовского отрицательный ответ.

14 июля в Могилевском кафедральном Иосифовском соборе состоялась присяга Наполеону архиепископа Варлаама и городского

³⁴⁸ Акты, документы и материалы... Т. 3. С. 230.

³⁴⁹ Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского Учебного Округа. Т. II. Вильна, 1867. С. LXXXVIII.

духовенства, после которой Варлаам отслужил литургию и молебен с воспоминанием имени французского императора. Во все духовные правления Могилевской епархии («всем подчиненным местам и лицам») из консистории было дано предписание о принесении такой же присяги, при этом была указана и особая форма как упоминать Наполеона и Марию-Луизу при богослужении: «Великодержавный государь, Французский император и Итальянский король, Великий Наполеон и супруга его императрица и королева Мария-Луиза»³⁵⁰.

В течение всего времени пребывания французов в Могилевской епархии Варлаам неукоснительно выполнял все их требования. По указанию Могилевской городской полиции 3 и 13 августа были отпразднованы дни рождения Наполеона и императрицы Марии-Луизы. В эти дни церкви и дома в Могилеве были иллюминированы; Варлаам провел богослужение в Иосифовском соборе и велел священнику этого собора Максиму Пиючевскому прочитать в честь Наполеона две проповеди, авторство которых приписывалось Варлааму. (На следствии архиепископ показал, что «за краткостью времени» проповеди по его приказу были списаны с уже имевшихся «печатных» – «с отменой некоторых слов и со включением имени французского императора»). 22 июля Могилевская духовная консистория распространила по епархии присланные из временной Комиссии бумаги с призывом к крестьянам повиноваться своим помещикам и выполнять требования французской армии. 11 августа архиепископ, следуя желанию французского генерал-губернатора, запретил могилевскому духовенству от захода до восхода солнца звонить в колокола; днем перед литургией и вечерней службой звонить разрешалось «тихо и непродолжительно». 9 сентября духовная консистория предписала священно- и церковнослужителям Могилева подавать французскому мэру еженедельные ведомости о родившихся, сочетавшихся браком и умерших. Наконец, получив донос, согласно

³⁵⁰ Там же. С. LXXXI.

которому священник могилевской Воскресенской церкви Андрей Добровольский 22 июля вспоминал во время молебна имя императора Александра I, Варлаам велел по этому вопросу «учинить строжайшее изыскание». В тот же день Добровольский был вызван в консисторию для допроса, во время которого он заявил, однако, что «как на литургии, так и на молебне ... в силу предписания своего начальства» вспоминал не Александра I, а французского императора. Это подтвердили два причетника. Донос оказался ложным, или Добровольский отказался от своего поступка, побоявшись наказания со стороны архиепископа – осталось неизвестным.

После освобождения Могилевской епархии состоялось следствие, которое с декабря 1812 г. по август 1813 г. по приказу императора Александра I проводил член Святейшего Синода архиепископ Рязанский Феофилакт (Русанов). Точную численность и полный список присягнувших Наполеону священно- и церковнослужителей установить при этом не удалось, так как присяжные листы были отосланы во временную Комиссию и не сохранились. Поэтому в докладе Святейшего Синода Александру I (от 1 мая 1813 г.) по этому поводу были приведены сведения, почерпнутые из письма архиепископа Варлаама преосвященному Феофилакту (от 2 января 1813 г.), где сообщалось, что «не было у присяги духовенства не менее двух третей, ибо до некоторых мест неприятельская власть не достигала, в других слабо действовала, а затем православные духовные удобно могли от присяги уклониться, хотя консистория, для виду, об оной им подтверждала»³⁵¹. Отмечу, что в донесении архиепископа Феофилакты Святейшему Синоду, написанном 1 января 1813 г., то есть до получения им письма Варлаама, сообщалось, что «присягу на верность врагу Отечества учинили две трети духовенства Могилевской епархии»³⁵². Согласно сохранившимся в Могилевской

³⁵¹ Акты, документы и материалы... Т. 3. С. 230.

³⁵² Там же. С. 226.

духовной консистории рапортам благочинных и духовных правлений, принесли присягу на верность Наполеону священно- и церковнослужители Могилева, Мстиславля, Чаусов, Быхова и Черикова. Уклонилось от присяги духовенство в Копысе («за неявкою» туда со «светской стороны чиновника») и в Климовичах (ибо «тамошний Духовный Заказ не понял силы консисторского предписания»)³⁵³.

В ходе следствия практически все присягнувшие Наполеону пытались уменьшить свою вину, ссылаясь на принуждение и утверждая, что их присяга носила формальный характер. Так, например, вышеупомянутый протоиерей Стратанович показал, что, не получив у архиепископа разрешения уехать из города накануне вторжения неприятеля, и будучи вынужден присутствовать 14 июля в Иосифовском соборе, во время чтения присяги «стоял в алтаре и формально не присягал», а только был вызван для подписания присяжного листа³⁵⁴. А присутствующий консистории архимандрит Могилевского Братского монастыря Иоасаф заявил, что, не желая присягать Наполеону, он не явился в кафедральный собор для принесения присяги. Однако 15 августа, в четвертый раз получив предписание консистории о присяге, был вынужден подписать присяжный лист, «имея при этом мысль всегда быть верным своему государю императору Александру»³⁵⁵. В течение всего времени пребывания французов в Могилевской епархии он «во всех священнослужениях возносил имена своего законного государя императора и Высочайшую фамилию, а Наполеона никогда не поминал и молебствия за него не служил»³⁵⁶.

Варлаам не пытался отрицать свою вину. Причину же своего поступка объяснил так: «Месть раздраженного против меня врага, конечно бы, излилась и на мою паству, и я бы невольно сделался причиною

³⁵³ Там же. С. 241.

³⁵⁴ Там же. С. 224.

³⁵⁵ Там же. С. 219.

³⁵⁶ Там же. С. 219.

злоключения для тех, за коих, в нужном случае, душу свою положить должен»³⁵⁷. Поэтому ради спасения многострадальной Белорусской Церкви он решил «по наружности» нарушить «обязанности верноподданного, дабы в самом деле тем паче их выполнить, сохраняя в спокойствии и тишине врученную» ему церковь³⁵⁸.

Святейший Синод не считал убедительными объяснения Варлаама и признал его виновным в клятвопреступлении, в том, что он не только «не показал себя примером пастве своей в непоколебимой верности законному своему Государю, но навлек в таковое преступление многих из своих подчиненных», а также в том, что, покорившись неприятелю, выполнял его требования³⁵⁹. В качестве наказания Святейший Синод постановил: лишить преосвященного Варлаама архиепископства и священства, отобрать у него знаки ордена Святой Анны 1-й степени и, оставив его только в монашеском чине, определить на пребывание в Новгород-Северский Спасский монастырь Черниговской епархии³⁶⁰.

1 мая 1813 г. император утвердил решение Святейшего Синода. Исполнение приговора было возложено на архиепископа Черниговского Михаила (Десницкого). Варлаам под надзором был привезен в Чернигов, и 29 июня 1813 г. в кафедральном Спасо-Преображенском соборе был проведен чин снятия сана. После этого Варлаам прожил еще десять лет в Новгород-Северском Спасском монастыре, и умер в сентябре 1823 г.

Причину измены Варлаама исследователи объясняют по-разному. Наиболее близкой к истине представляется точка зрения игумена Ореста, объяснившего мотивы поведения Варлаама карьерными соображениями. Орест утверждал, что архиепископ, хорошо знакомый с польскими законами, благодаря длительному проживанию в Польше, неоднократно говорил, что последний польский король Станислав-Август учредил

³⁵⁷ Там же. С. 231.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же. С. 249.

³⁶⁰ Там же.

конституцию, согласно которой православное духовенство, проживавшее в Польше, должно иметь своего патриарха, независимого от российского Синода, и что он (Варлаам) хочет занять это место³⁶¹. Подобная перспектива была не такой уж нереальной. В первые дни Отечественной войны 1812 года мало кто верил в ее благополучный исход. В случае поражения России и заключения мира с Наполеоном, Литва и Белоруссия, скорее всего, вошли бы в состав Польского государства (2 июля 1812 г. в г. Вильно был подписан акт конфедерации, по которому области, ранее принадлежавшие Польше, по мере занятия их наполеоновскими войсками, присоединяются к Варшавскому герцогству), что сделало бы необходимым учреждение должности главы православного духовенства в новых польских провинциях. Возможно, это действительно был бы патриарх, независимый от российского Синода, и единственным кандидатом на это место в силу сложившихся обстоятельств был бы Варлаам. Намеренно остался архиепископ в Могилеве, чтобы осуществить подобный план, или, будучи вынужденным остаться в городе, решил воспользоваться обстоятельствами – неизвестно и не столь важно. Будучи хорошо знакомым с церковными канонами и государственными законами Российской империи, он прекрасно понимал, что в случае победы России будет сурово наказан. Однако, несмотря на это, Варлаам рискнул и проиграл.

В историографии существуют еще как минимум две точки зрения относительно причин измены Варлаама, однако они не выдерживают критики. Так, А.Ф. Хойнацкий считал, что измена была совершена Варлаамом под влиянием не «крамолы и честолюбия», а скорее – «обаяния имени Наполеона», которое «разделяли в то время едва ли не большинство

³⁶¹ Записки игумена Ореста... С. LXXXVIII. Точку зрения игумена Ореста разделяют также И. Павловский и П.А. Гильтебрандт (*Павловский И.* К правде относительно архиепископа Варлаама // *Волынские епархиальные ведомости.* 1879. № 10; *он же.* Крамольная присяга. К биографии архиепископа Варлаама Шишацкого // *Церковно-общественный вестник.* 1879. № 61; *Гильтебрандт П.А.* Расстриженный архиепископ Варлаам Шишацкий // *Древняя и новая Россия.* 1879. № 12. С. 586–588.

лучших умов в Европе» и которое «было достоянием многих и у нас в России»³⁶². Варлаам для Хойнацкого – «невольная жертва обстоятельств», «устоять против которых у него не хватило ни сил, ни умения»³⁶³. Однако автор не приводит в подтверждение своего тезиса никаких ощутимых данных, кроме цитат из произнесенных в честь Наполеона проповедей, но последние, как отмечалось выше, согласно показанию Варлаама на следствии, не были сочинены непосредственно архиепископом.

К.А. Военский, полностью удовлетворившись объяснениями Варлаама, полагал, что «руководящим мотивом поступка» архиепископа было *«ложное понимание* им своей роли как главы Белорусской Церкви»³⁶⁴, то есть стремление любой ценой спасти от разорения храмы и сохранить жизнь и спокойствие своих прихожан. Однако здесь приходится отметить ряд противоречий. Во-первых, жизни Варлаама, а тем более жизни его прихожан, реально вряд ли что-то угрожало. Несмотря на оговорки Варлаама о «тех страхах, которые тогда его, старого человека, почти ни на минуту не оставляли»³⁶⁵, и об «опасении истязаний», как справедливо отметил Святейший Синод в своем постановлении, из следственных дел не видно, «чтобы к присяге было какое принуждение или насилие, кроме одного письменного из временной Комиссии отношения», да если бы и было таковое, то «следовало ему, архиепископу, поступить по долгу звания своего» и по долгу присяги, принесенной Российскому императору»³⁶⁶. Во-вторых, стремление Варлаама сохранить храмы в неприкосновенности полностью себя не оправдало. Конечно, случаи разграбления церквей были здесь единичными, но это было

³⁶² Хойнацкий А.Ф. Варлаам Шишацкий, бывший архиепископ Могилевский. (Из истории 1812 года) // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 533.

³⁶³ Там же. С. 523. К позиции Хойнацкого близок С.Н. Браиловский. В своем очерке «Могилевская церковная смута» (Исторический вестник. 1893. № 10. С. 231–244) он не дает оценок, однако статья написана в несколько лирической манере, в которой ярко выражено сочувствие автора к своему персонажу.

³⁶⁴ Акты, документы и материалы... Т. 3. С. XLVII.

³⁶⁵ Там же. С. 230.

³⁶⁶ Там же. С. 249.

характерно для всех западных губерний (в отличие от центральных). В-третьих, очень странно выглядят необоснованная поспешность Варлаама в принесении присяги Наполеону – буквально на следующий день после получения отношения из временной Комиссии, а также настойчивость, с которой он добивался того же от своих подчиненных. Наконец, поведение архиепископа противоречит принципам православия, которое не только не оправдывает благую цель дурными средствами, но, напротив, считает подвигом страдание и гибель за ближних.

Вместо «спокойствия и тишины» архиепископ принес Белорусской Церкви смуту. Духовенство Могилевской епархии раскололось на три группы: присягнувшее Наполеону и упоминавшее его при богослужении; формально присягнувшее, но не упоминавшее Бонапарта во время службы, и отказавшееся принести «крамольную» присягу. Среди представителей последней группы были протоиерей г. Копыса Павел Вронченко, оставшийся верным императору Александру I и убедивший в этом всех своих прихожан, и протоиерей местечка Чечерск Герасим Курганский, который не только не присягнул Наполеону, но регулярно проводил крестные ходы и коленопреклоненные молебны о поражении врагов, а однажды, встав во главе духовенства и прихожан, даже отразил нападение неприятельского отряда на свой населенный пункт³⁶⁷.

Заслуживает внимания и свидетельство вышеупомянутого современника И. Носовича, согласно которому Наполеона упоминали во время службы в основном только в Могилеве. Духовенство «уездных городов и сельских церквей Варлаамову присягу считало вынужденной насилием, и при богослужении вспоминало имя государя Александра»³⁶⁸.

Священно- и церковнослужители, присягнувшие Наполеону по примеру и предписанию Варлаама, в отличие от архиепископа были оставлены в прежних званиях и после проведенного следствия вновь

³⁶⁷ Московские ведомости. 1813. № 37. С. 1037–1038.

³⁶⁸ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века. Цит. по: Акты, документы и материалы ... Т. 3. С. XLVI.

допущены к богослужению. Для искупления вины Синод предписал им шесть воскресных дней, после отправления божественной литургии, при собрании народа, полагать перед местными святыми иконами по 50 земных поклонов.

Таким образом, несмотря на открытый переход на сторону Наполеона дворянства польского происхождения и части духовенства западных губерний Российской империи, общая ситуация в этом регионе не была столь однозначной. Массовой поддержки со стороны народных масс и приходских священников Великая армия Наполеона там не получила. Встречающийся в историографии тезис об измене в 1812 г. Православной Церкви всего Западного края Российской империи представляется весьма преувеличенным.

2.4. Военное духовенство в регулярной армии

Военное духовенство вместе с регулярной армией участвовало в переходах и сражениях. Как показано выше, основная задача армейских священников заключалась в духовной поддержке воинов. Она осуществлялась путем совершения богослужений, исполнения церковных треб, проведения проповедей и пастырских бесед. Священники делили со своими подопечными все тяготы военной жизни, были их воспитателями и вдохновителями, нередко во время сражений подавали им примеры героизма и самоотверженности. Все это имело большое значение для православных воинов в обстановке постоянной опасности, нервной напряженности и возможной гибели. Каждый полк имел своего священника, свою походную церковь и, как правило, свою икону, считавшуюся покровительницей этого армейского подразделения.

Во время Отечественной войны 1812 года в русской армии находилась также общая святыня – Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия». Эта икона представляла собой список с древнейшей и особо почитаемой на Руси чудотворной иконы Божией Матери «Одигитрии», написанной, по преданию, Евангелистом Лукой.

Древняя икона находилась в Иерусалиме, затем в Константинополе. Византийский император Константин IX Мономах, выдавая свою дочь Анну за князя Всеволода, сына великого князя Киевского Ярослава Мудрого, благословил ее этим образом. Перед своей кончиной княгиня Анна благословила иконой сына – Владимира Мономаха. Он поставил образ в соборном храме Смоленска, после чего икона стала именоваться Смоленской. В XVIII в. Смоленская икона Божией Матери [ширина – 14 вершков, высота – 1 аршин (0,62 × 0,71 м)] была перенесена во вновь построенный Успенский собор. В начале августа 1812 г. епископ Смоленский Ириней (Фальковский) перевез икону в Москву. Там, по благословению епископа Дмитровского Августина, ее поместили в Успенский собор Кремля для поклонения москвичей. В день Бородинского сражения, 26 августа 1812 г., Августин крестным ходом обнес иконы Смоленской, Иверской и Владимирской Богоматери вокруг Белого города, Китай-города и Кремля. Затем иконы Смоленская и Иверская были отправлены им к раненым и больным воинам в Лефортово. Перед вступлением войск Наполеона в Москву епископ Ириней перевез Смоленскую икону в Ярославль. После окончания войны икону возвратили в Смоленск и установили в Успенском кафедральном соборе.

Список со Смоленской иконы Божией Матери, находившийся во время Отечественной войны в армии, выполнил в 1535 г. иконописец Постник Ростовец по повелению царя Ивана IV Грозного. Он представлял собой точную, но несколько увеличенную копию [ширина – 1,5 аршина, высота – 2,5 аршина (1,07 × 1,78 м)]. В 1602 г. Борис Годунов подарил этот образ смолянам. Он был установлен в специально устроенной нише на надвратной Флоровской башне Смоленской крепостной стены. После 20-месячной осады Смоленска войсками польского короля Сигизмунда III (1609–1611), а также освобождения города от поляков (23 сентября 1654 г.) икона стала почитаться в качестве чудотворной. В 1728–1729 гг. над первым ярусом Флоровской башни построили деревянный храм Рождества

Пресвятой Богородицы (Одигитриевский), где, по благословению епископа Гедео́на (Вишне́вского), освятившего храм, установили надвратный образ Богородицы. В 1793–1800 гг. деревянный храм заменили каменным. В 1811 г., в связи с перестройкой Одигитриевского храма, икону временно поместили в Благовещенскую церковь.

5 августа 1812 г., при оставлении русской армией Смоленска, эту икону вынесли из Благовещенской церкви по распоряжению генерала А.П. Ермолова. В своих записках Ермолов отметил: «Я приказал вынести из города образ Смоленской Божией Матери, укрывая его от бесчинств и поруганий святыни. Отслужен молебен, который произвел на войско полезное действие»³⁶⁹. Молебен проходил на городской площади, при большом стечении народа. Священник, читавший Евангелие, закончил чтение словами: «Пребысть же Мариам с нею яко три месяцы и возвратися в дом свой», которые оказались пророческими: икона вернулась в Смоленск ровно через три месяца.

Генерал М.Б. Барклай де Толли, исполнявший обязанности главнокомандующего, распорядился, чтобы Смоленская икона Божией Матери «постоянно следовала за войсками». Ее хранение он поручил 1-й артиллерийской бригаде полковника В.А. Глухова. Икону обшили холстом и установили «на ходу взорванного зарядного ящика». 17 августа в Царево-Займище главнокомандующий М.И. Кутузов приказал сделать для нее новый киот.

Икона Смоленской Божией Матери передвигалась с русской армией, сопровождая ее во всех событиях и битвах 1812 г., вплоть до освобождения Смоленска. По свидетельству генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, «войска с благоговением зрели посреди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При

³⁶⁹ Ермолов А.П. Записки. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 166.

одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред иконою благодарственные молебствия»³⁷⁰.

Накануне Бородинской битвы, 25 августа, Смоленскую икону Божией Матери пронесли по всему военному лагерю. Вечером перед ней в присутствии М.И. Кутузова был отслужен молебен. Участнику сражения Ф.Н. Глинке при описании этого события удалось передать настроение, царившее при этом в русском лагере: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить досыта своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли»³⁷¹, его примеру последовали генералитет и вся армия.

Французы, имевшие возможность наблюдать за русским лагерем, слабо понимали то, что там происходит. Религиозность русского народа они считали проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума и цивилизации в стране варваров. Мнение о религиозной процессии русских и сравнение настроений двух армий зафиксировано в воспоминаниях многих офицеров наполеоновской армии. Так, А.Ж.Ф. Фэн писал: «Кутузов направил процессию всех чинов, чтобы явить знаменитое чудо, которое хранилось в Смоленске. Каждый солдат обращался с мольбой к символам мученичества, и все встали на колени, повторяя религиозный стих, чтобы обрести дух». Л.Ф. Лежен повествовал о том, что «русский генерал» возбуждал в солдатах религиозный фанатизм и «возил перед фронтом армии образ святого московитского епископа, творившего чудеса». «Когда русский военачальник увидел, что его солдаты достаточно растроганы этим необычным зрелищем, — писал Ф.П. Сегюр, — он

³⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4488. Л. 2; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485.

³⁷¹ Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839. Ч. 1. С. 39.

возвысил голос и стал говорить им о небе, единственном убежище, которое остается рабам. Во имя религии и равенства он призывал этих закрепощенных защищать имущество их господ. Русские солдаты повиновались не рассуждая, рабство замкнуло их в тесный круг, и все их чувства были сведены к небольшому количеству незначительных потребностей, стремлений и мыслей. Кроме того, не имея возможности сравнивать себя с другими народами, они были самонадеянны и доверчивы в силу своего невежества». Сравнивая русский лагерь с французским, Сегюр отмечал: «У французов не было ни военного, ни религиозного парада, никакого смотра, они не прибегали ни к каким попыткам возбуждения. Французы искали подкрепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и воинство небесное скрываются в человеческом сердце». «У нас не было ни проповедников, ни пророков, ни даже продовольствия, – писал Ж. Рапп, – но мы несли наследие долгой славы, мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы»³⁷².

Отметим, что «носителей наследия долгой славы» накануне Бородинской битвы Наполеон вдохновлял возможностью прославиться в сражении и разорить имущество чужой страны. Его воззвание заключалось в следующем: «Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Ведите себя как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском, Смоленском, чтобы самое отдаленное потомство приводило в пример ваше поведение в этот день. Пусть о вас скажут: “Он был в этой великой битве под Москвой”»³⁷³.

Для солдат Великой армии объектом поклонения была их империя и прежде всего ее олицетворение – Наполеон, которого они боготворили. П.П. Деннье, суб-инспектор смотров в кабинете начальника Главного

³⁷² Цит. по: *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 67–68.

³⁷³ Французы в России. Ч. 1. М., 1912. С. 121.

штаба Великой армии, описывая наполеоновские войска накануне Бородинской битвы, говорит о «пламенном культе, в котором в этот момент император был идолом»³⁷⁴.

Д.С. Мережковский безграничную преданность Наполеону Великой армии объясняет его связью с революцией. Он отмечает, что людей влечет к Наполеону «древняя мечта о потерянном рае, о царстве Божьем на земле, как на небе, и новая – о человеческом царстве свободы, братства и равенства»³⁷⁵. О Бородинском сражении он пишет: «Может быть, не только французы и русские, но и люди вообще, никогда не дрались с таким ожесточением и с такою равною доблестью, потому что за святыни равные: французы – за мир и Человека, русские – за Отечество и еще что-то большее, сами не знали за что: думали: “За Христа против Антихриста”»³⁷⁶.

5 ноября 1812 г., когда русская армия освободила Смоленск, М.И. Кутузов решил вернуть городу его святыню. 7 ноября он писал жене об иконе: «Жаль расставаться, и третьего дня, во время сражения, стояла за батареей»³⁷⁷.

О решении Кутузова смоленскому духовенству сообщил Коновницын. Его письмо, адресованное «старшему духовному чину в Смоленске», передал члену Смоленской духовной консистории протоиерею Николаевской церкви Алексею Васильеву, первым возвратившемуся в освобожденный город, временный комендант Смоленска майор 20-го егерского полка А.З. Горихвостов. В письме, в частности, сообщалось, что вместе с иконой, с благодарностью возвращаемой городу русской армией, «следуют учиненные образу вклады и приношения: 1 810 рублей ассигнациями, 5 червонцев золотом и серебра в лому, отбитого у

³⁷⁴ Цит. по: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 68.

³⁷⁵ *Мережковский Д.С.* Наполеон. М., 1993. С. 17.

³⁷⁶ Там же. С. 212.

³⁷⁷ *Фельдмаршал Кутузов: документы, дневники, воспоминания.* М., 1995. С. 176.

неприятеля, один пуд»³⁷⁸. 10 ноября икону торжественно встретили духовенство и жители города. 16 марта 1813 г., после освящения надвратного храма Рождества Пресвятой Богородицы, икона была возвращена на место своего постоянного пребывания. В 1816 г. для нее была изготовлена новая серебряная позолоченная риза, украшенная драгоценными камнями.

В 1818 г. офицеры и солдаты 1-й артиллерийской бригады, будучи, по словам командира 20-й пехотной дивизии генерал-майора А.А. Вельяминова, исполнены «чувствами чистейшей христианской набожности и благоговейной благодарности к священному образу Божия Матери, под кровом коего в Отечественную войну в жестоких бранях сокрушалась сила врагов, в ознаменование и памятование того времени» пожелали иметь список с этой иконы, на украшение которого они подготовили «достаточную сумму». Вельяминов обратился к Смоленскому епископу Иринею с соответствующей просьбой, которая вскоре была удовлетворена³⁷⁹.

В ноябре 1812 г. благодарные жители Смоленска поднесли М.И. Кутузову написанную по особому заказу икону с изображением Смоленской крепости, над которой парящие в облаках ангелы, окруженные местночтимыми святыми, держат образ Смоленской Божией Матери. Внизу иконы на развернутой хартии была сделана соответствующая надпись. Эта икона, явившаяся первой общенародной признательностью Кутузову за спасение Отечества, после его смерти была названа Кутузовской и помещена в смоленский Успенский собор.

Богослужения и молебны, регулярно проводимые полковыми священниками, поднимали моральный дух русской армии, укрепляли ее мужество. Перед сражением, обходя позиции своих полков, священники напоминали солдатам о долге и присяге. На поле брани они напутствовали

³⁷⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4488. Л. 2; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485 об.

³⁷⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485.

умирающих под неприятельскими выстрелами, а когда было необходимо, воодушевляли солдат своим личным примером – вставали с крестом в руке впереди полка, увлекая его в атаку.

Согласно данным архива Синода, в 1812 г. в ведомстве армейского духовенства состояли 240 человек³⁸⁰, более 200 из них участвовали в Отечественной войне. В 1912 г. в журнале «Вестник военного и морского духовенства» были опубликованы «Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года», где содержится информация о 188 священниках и 3 дьяконах, материал был взят из формулярных списков армейского духовенства, хранящихся в архиве Духовного правления (ныне Ф. 806 РГИА). Данный перечень не является исчерпывающим, так как формулярные списки военного духовенства за рассматриваемый период сохранились лишь частично. На основе послужных списков, приказов о награждениях священнослужителей и других документов, хранящихся в РГИА и РГВИА, нам удалось уточнить и расширить этот список до 215 человек³⁸¹.

Выяснено, что в отношении десяти человек в «Кратких исторических сведениях...» допущены ошибки: 1) Симеон Адуковский, указанный в этом перечне как протоиерей Грузинского гренадерского полка (который, кстати, в Отечественной войне 1812 года вообще не участвовал), поступил в этот полк в 1817 г., прежде (в 1814–1817 гг.) он находился в крепости Сухум, а в 1812–1814 гг. был приходским священником и не принимал участия в походах³⁸²; 2) Сильвестр Семашкевич, указанный как священник Вильманstrandского пехотного полка, поступил в этот полк в 1816 г.; в 1812–1815 гг. он действительно принимал участие в походах, но только в

³⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 812. Л. 267.

³⁸¹ Уточненный и расширенный список военных священников, принимавших участие в войне 1812–1814 гг., приведен в приложении к монографии автора настоящей диссертации: *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 236–261.

³⁸² РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 846. Л. 1–2.

качестве церковнослужителя Ахтырского гусарского полка³⁸³; 3) Евфимий Иванов действительно погиб в сражении под Малоярославцем, но он был не военным священником, а приходским (села Скрыпорово Малоярославецкого уезда), оказавшимся на месте сражения³⁸⁴; 4) один и тот же человек – священник Киевского гренадерского полка Савва Сапковский приведен в этом списке дважды под разными фамилиями, как Сапковский и как Вайновский, из-за того, что в некоторых послужных списках его фамилия была неправильно прочитана. В РГИА до сих пор послужные списки Сапковского ошибочно разделены на две части и хранятся в разных делах под указанными выше фамилиями³⁸⁵; 5) наконец, шесть священнослужителей: 16-го егерского полка Николай Галаневский, 15-го егерского полка Илья Иванов, 17-го егерского полка Павел Серкодольский, Троицкого пехотного полка Петр Тимофеев, Белевского пехотного полка Иаков Черняев и Суздальского пехотного полка Иоанн Щедритский не принимали участия в наполеоновских войнах, так как их воинские части находились в то время на Кавказе.

Анализ послужных списков военного духовенства показывает, что возраст полковых священников колебался от 30 до 60 лет. Уровень образования также широко варьировал от высших курсов армейской и духовных семинарий до скромной записи в формулярных списках: «Российской грамоте читать и писать умеет». Окончившие семинарии знали латинский, греческий, немецкий и французский языки, грамматику, физику, красноречие, историю и географию. Благодаря образованию полковые священники (в большинстве своем скромного происхождения) могли свободно общаться с представителями лучших аристократических фамилий – своими однополчанами. Вместе с тем социальное

³⁸³ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 22–23.

³⁸⁴ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 123.

³⁸⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 316 – Послужные списки Вайновского Саввы Петровича; РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 120 – Послужные списки Сапковского Саввы Петровича.

происхождение, а главное, повседневное служение сближали их с солдатами.

Удалось установить, что в 1812–1814 гг. за отличия в военных действиях многие представители военного духовенства были удостоены основных церковных наград: 30 полковых священников были награждены скуфьей, 37 – камилавкой, 13 – наперсным крестом, выдаваемым от Синода. Позднее, в 1815–1818 гг., в том числе и за участие в военных действиях 1812–1814 гг., еще 67 полковых священников получили скуфью, 45 – камилавку, 17 – наперсный крест, выдаваемый от Синода. Среди них были два иеромонаха российского флота – Афанасий, отличившийся при осаде Данцига, и Левкий, находившийся на эскадре адмирала Е.Е. Тета. По представлению соответственно вице-адмирала А.С. Грейга и адмирала Е.Е. Тета оба иеромонаха в апреле 1815 г. были награждены наперсными крестами от Синода за ревностное исполнение своих обязанностей в ходе войны.

Как отмечалось выше, за особые заслуги полковые священники награждались орденами. В 1812 г. первый в истории России и единственный за всю войну 1812–1814 гг. священнослужитель – священник 19-го егерского полка Василий Васильковский – был удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса³⁸⁶. Из формулярных списков священников и других документов, хранящихся в архиве Синода, известно, что 8 священнослужителей (протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский³⁸⁷, протоиерей Орденского кирасирского полка Петр Летницкий³⁸⁸, протоиерей Олонецкого пехотного полка Иоанн Ящуринский³⁸⁹, протоиерей Преображенского всей гвардии собора, полевой обер-священник 1-й Западной армии Алексей Торопогрицкий³⁹⁰,

³⁸⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2446. Л. 1.

³⁸⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 573. Л. 1–2.

³⁸⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1288. Л. 1–2.

³⁸⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 845. Л. 1–3.

³⁹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4912 а. Л. 12.

протоиерей лейб-гвардии Литовского полка Василий Андрианов³⁹¹, протоиерей Фанагорийского гренадерского полка Герасим Соколов³⁹², полевой обер-священник Польской армии Иоанн Яновицкий³⁹³ и священник 20-го егерского полка Дмитрий Тредьяковский³⁹⁴) во время войны 1812–1814 гг. или вскоре после нее были награждены орденом Св. Анны (первые семь – 2-й степени, последний – 1-й степени). Три полковых священника, участвовавшие в войне 1812–1814 гг., – Софроний Самборский (Ревельского пехотного полка), Василий Сицилинский (Новгородского кирасирского полка, с 1814 г. – лейб-гвардии Финляндского полка) и Алексей Зиновьевский (Лифляндского драгунского полка, с 1814 г. – 23-го егерского полка) за отличную службу (но не за отличия в ходе войны 1812–1814 гг.) были награждены орденами позже (в 1820–1850-е гг.)³⁹⁵.

Высокими наградами для полковых священников являлись также золотой наперсный крест на Георгиевской ленте и золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества. За военные кампании с французами 1807–1815 гг. первой награды удостоились 3 священнослужителя: протоиерей Нашебургского пехотного полка Симеон Якубович, священник Шлиссельбургского пехотного полка Кондрат Лукашевич и протоиерей Ахтырского гусарского полка Феодор Раевский³⁹⁶; второй награды – тоже 3: протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский, протоиерей Екатеринославского кирасирского полка Алексей Карышев и священник лейб-гвардии Гусарского полка Иоанн Торопогрицкий³⁹⁷.

³⁹¹ Там же.

³⁹² РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 285.

³⁹³ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 824.

³⁹⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 484. Л. 1–6.

³⁹⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 110; Д. 857. Л. 26–33; Оп. 16. Д. 823. Л. 13–14.

³⁹⁶ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XIII. СПб., 1902. С. 76–77.

³⁹⁷ Там же. С. 91–92.

После Отечественной войны 1812 года полковые священники, непосредственно участвовавшие в боевых действиях, согласно указу императора Александра I от 22 декабря 1813 г., были награждены серебряной медалью, учрежденной 5 февраля 1813 г. в память войны 1812 года³⁹⁸. Все православное духовенство, священнодействовавшее в 1812 г., по Манифесту от 30 августа 1814 г., получило бронзовый крест на Владимирской ленте с изображением Всевидящего Ока и надписью «1812 год» на лицевой стороне и надписью «Не нам, не нам, а имени Твоему» – на оборотной³⁹⁹.

В приложении к диссертационной работе дается список всех полковых священников, удостоенных в 1812–1814 гг. наград за отличия в ходе военных действий⁴⁰⁰. Здесь приведем краткие очерки о подвигах и интересных событиях из жизни священнослужителей, особенно отличившихся во время войны.

Священник 19-го егерского полка Василий Васильковский поступил в военные пастыри в 1810 г. Молодой (в 1812 г. ему было 34 года), храбрый и преданный своему делу, он в первый раз отличился 15 июля в сражении под Витебском. С самого начала боя отец Василий, как писал обер-священнику армии и флота И.С. Державину командир 24-й пехотной дивизии генерал-майор П.Г. Лихачев, «по искреннему усердию находился ... впереди с крестом, благословил полк, потом в самом жарком огне поощрял всех на побеждение неприятеля, исповедовал тяжело раненых, где от рикошета ядра землею в левую щеку получил рану, но и с оною находился еще в сражении, пока вторично получил в крест, бывший у него на груди, удар пулею и от оной сильную в грудь контузию»⁴⁰¹.

³⁹⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2571. Л. 1.

³⁹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 99.

⁴⁰⁰ Список всех военных священников, участвовавших в войне 1812–1814 гг., с указанием всех полученных ими наград за весь период их жизни и службы приведен в приложении к монографии автора настоящей диссертации: *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 236–261.

⁴⁰¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2159. Л. 3.

Информация из данного рапорта о попадании пули в наперсный крест и о последовавшей вследствие этого контузии в грудь священника Васильковского неоднократно использовалась различными исследователями в статьях о военном духовенстве (Е.В. Сергеева⁴⁰², А.А. Смирнов⁴⁰³ и др.). При этом они приводят надпись, сделанную позднее якобы на этом кресте: «Ранен в сражении 15 июля 1812 года при г. Витебск с отбитием мизинца священнику Василию Васильковскому, умершему от сей раны 24-го декабря того же года». Крест с такой надписью и застрявшей в нем пулей хранится сейчас в Эрмитаже. Однако крест этот не наперсный, а напрестольный. (Поясним разницу: наперсный крест носится священнослужителем на груди – «на персях», а напрестольный лежит в храме на престоле и используется во время службы, а также после нее – для целования прихожанами; напрестольный крест гораздо крупнее наперсного и, в отличие от последнего, на грудь никогда не надевается). Следовательно, Е.В. Сергеева и А.А. Смирнов ошибаются, полагая, что это тот самый крест, о котором говорится в рапорте П.Г. Лихачева. Тем более, что, попав в крест, висевший на груди, пуля могла причинить священнику контузию, но не могла при этом поранить мизинец. По нашему мнению, это другой крест и другая рана, полученная тем же священником в том же бою. В сохранившихся архивных документах информации о ранении Васильковского в руку в сражении под Витебском (в отличие от контузии в грудь и ранения в щеку и ногу) не содержится. Тем не менее протопресвитер А.А. Желобовский, также работавший в архиве Духовного правления в начале XX в., сообщает: «Среди жестокого боя (под Витебском. – *Л.М.*) вражеская пуля попадает в святой крест, *бывший в руках* (курсив наш. – *Л.М.*) о. Васильковского, затем ударяет его в грудь и, причинив сильную

⁴⁰² Сергеева Е.В. С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. 1995. № 2. С. 119.

⁴⁰³ Смирнов А.А. Герой Малоярославецкого сражения отец Василий Васильковский // От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославецкого сражения / Сост. Котлякова Н.В., Назарян Е.А. Калуга, 2002. С. 243.

контузию, заставляет его оставить поле сражения»⁴⁰⁴. Это перекликается с нашим предположением. Таким образом, скорее всего, в сражении под Витебском пули попали Васильковскому в два креста – наперсный, висевший на груди, и напестольный, находившийся в руке. Тем более, что, устремляясь с солдатами своего полка в атаку, священнослужители чаще всего имели при себе оба эти креста. Подвиг под Витебском принес отцу Василию в награду камилавку, и вскоре, еще не излечившись окончательно, он вернулся в свой полк, деля с ним тяготы и славу.

Новый подвиг, совершенный Васильковским в бою под Малоярославцем, заставил о нем заговорить. Командир 6-го корпуса генерал Д.С. Дохтуров в донесении на имя главнокомандующего отмечал, что священник Васильковский в этом бою, «находясь впереди полка с крестом, своим наставлением и примером мужества поощрял солдат поражать врагов и умирать бесстрашно за веру и Государя»⁴⁰⁵. Раненный в голову, он был вынесен с поля боя. По представлению М.И. Кутузова, император Александр I наградил Василия Васильковского орденом Св. Георгия 4-го класса⁴⁰⁶.

Витебск и Малоярославец – наиболее яркие эпизоды пастырской деятельности Васильковского, всегда отличавшегося высоким подвижничеством. Однако тяжкие труды, раны и контузии подорвали здоровье отца Василия, и он не дождался окончательной победы над наполеоновской Францией. Документы, содержащие точное время смерти священника, не найдены и, вероятно, не сохранились. Однако, А.А. Желобовский и Г.И. Шавельский, возможно, видели их, так как оба называют одну и ту же точную дату – 24 ноября 1813 г. Дата, указанная на вышеупомянутом кресте – 24 декабря 1812 г. – ошибочна, так как в марте 1813 г., при награждении орденом Св. Георгия, Василий Васильковский был еще жив.

⁴⁰⁴ Столетие военного министерства... Т. XIII. С. 70.

⁴⁰⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 3.

⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2446. Л. 1.

Широкую известность заслужил протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский. В составе полка он участвовал в кампании 1805 г., в том числе в сражении при Аустерлице, в 1807 г. находился с полком в Пруссии. В 1812 г. после Бородинского сражения отец Михаил отправился для обновления изношенной церковной ризницы в Москву, где был захвачен в плен неприятелем, в силу чего оставался в городе вплоть до окончания его оккупации. Принужденный пожарами переходить из одного убежища в другое, подвергаясь унижениям (у него, в частности, были отобраны крест, пожалованный ему императором, часы, платье, деньги – 600 рублей и аттестат на получение фуража), Гратинский не падал духом и смог получить у военного коменданта Москвы генерала Э.Ж.Б. Мийо разрешение отправлять богослужение в одной из уцелевших московских церквей. 15 сентября, в день коронации Александра I, в церкви Св. Евпла на улице Мясницкой отец Михаил совершил божественную литургию и молебен о здравии российского императора и всей августейшей фамилии. «Вся церковь, – писал в своем рапорте И.С. Державину протоиерей Гратинский, – омыта была слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа русского, едва не плакали»⁴⁰⁷. С этого дня до освобождения Москвы отец Михаил ежедневно совершал богослужения и в присутствии неприятеля возносил к Богу молитвы о победе русского оружия. 3 декабря 1812 г. Михаил Гратинский вернулся в свой полк, с которым участвовал в сражениях под Кульмом 17–18 августа 1813 г. и при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г.

30 декабря 1812 г. отец Михаил был пожалован золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества, в 1813 г. – орденом Св. Анны 2-й степени⁴⁰⁸. В 1815 г. Михаил Гратинский был назначен благочинным церковью Гвардейского корпуса; в 1821 г. он был переведен в

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2170. Л. 4.

⁴⁰⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 573.

придворный собор Зимнего дворца, где служил до своей кончины, наступившей в 1828 г.

Священник Василий Сицилинский – сын полкового священника Якова Сицилинского, также участвовавшего в войне 1812–1814 гг., – после окончания армейской семинарии, как один из лучших ее выпускников, собирался поступать в Санкт-Петербургскую духовную академию, однако, не дождавшись приема, который должен был состояться в 1814 г., подал прошение о производстве его в полковые священники. Получив в 1811 г. назначение в Новгородский кирасирский полк и женившись на родственнице обер-священника армии и флота И.С. Державина Анне Прокофьевой, он вскоре принял участие в Отечественной войне 1812 года. Вспоминая о времени своего поступления в полк, Сицилинский отмечал: «Не на радость шел я, затей страшного Наполеона, которые хорошо были известны нам, сулили полковому служаке только мыканье по белому свету и горе. Но, что до меня, то я как-то иначе относился к жизни, чем многие из моих товарищей, и, когда те робели и падали духом, я, перекрестясь и положась во всем на волю Божию, пошел смело, без малейшей боязни»⁴⁰⁹. Со своим полком отец Василий участвовал в сражениях под Смоленском, при Бородине, под Красным. Молодой священник (в 1812 г. ему было 28 лет) вскоре заслужил расположение и доверие полкового начальства. (Под Бородиным ему поручили на сохранение полковые деньги, которые, когда ударили тревогу, он, по его собственным словам, «чуть было не потерял»; а под Красным – попросили закупить полушубки для людей его полка, начинавших страдать от холода).

Первый период войны, когда русская армия отступала к Москве, Сицилинский называл временем «ужасным». «Сколько мы вынесли тут горя, – говорил он, – так я и сказать не умею. Увечье, стоны и кровь, русская, родная наша кровь, рекой лившаяся по земле, возмущала меня до

⁴⁰⁹ Цит. по: *Свиткин И.* Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском // *Странник*. 1868. Т. 3. № 7. С. 34.

глубины души. А судьба белокаменной, к которой стали мы отступать и с которой связывали судьбу своего Отечества, а уныние людей, неуверенность в себе войска и офицеров, засим – грозное зарево огненного моря, в которое погрузилось сердце русское, и суетня жителей Москвы, торопливо спешивших кто с чем и кто куда, не приведи Господь и врагу испытать того, что пришлось вытерпеть нам за это время»⁴¹⁰.

После освобождения территории России Сицилинский принял участие в заграничных походах. Со своим полком он находился в сражениях: при Лютцене, Баутцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге. За границей, отстав однажды от своего полка, он встретился с казаками, которые попросили его отслужить панихиду о упокоении всех павших из их рядов и, поблагодарив за труд «вещами и деньгами», проводили до Новгородского кирасирского полка.

В 1814 г. указом Святейшего Синода Василий Сицилинский был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк. 19 марта 1814 г. при взятии Монмартрских предместий Парижа, а затем – и самой столицы Франции, Сицилинский шел впереди своего полка с иконой в руках⁴¹¹.

За войну 1812–1814 гг. Василий Сицилинский был награжден камилавкой. В 1839 г. он был «командирован к селу Бородину для торжественного молебствия по случаю открытия Бородинского памятника»⁴¹².

Протоиерей Екатеринославского кирасирского полка Алексей Карышев в течение всей войны 1812–1814 гг. находился безотлучно при своем полку, участвовал с ним во всех основных сражениях (при Смоленске, Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном, Дрездене, Кульме, Лейпциге, под Парижем). По донесению великого князя

⁴¹⁰ Там же. С. 35.

⁴¹¹ Великий князь Константин Павлович приказал ему идти с крестом, но так как креста у отца Василия не было, то он взял у полковника П.С. Ушакова образ Николая Чудотворца и с ним шел перед полком. (История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906. Кн. 2. СПб., 1906. С. 94.)

⁴¹² РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 26–33.

Константина Павловича М.Б. Барклаю де Толли, Алексей Карышев во время сражений «ободрял людей к подвигам благоразумными наставлениями и примером своим приводил к мужеству и неустрашимости, сопутствуя им благословениями», исполнял свой долг «при раненых и умирающих не только своего полка, но и всей дивизии»⁴¹³. За неустрашимость и мужество в боях Алексей Карышев был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества.

Протоиерей Ахтырского гусарского полка Феодор Раевский принимал деятельное участие со своим полком в походах и боях 1812–1814 гг. Верхов на лошади, с крестом в руках и дароносицей на груди, Раевский ободрял полк помощью Всевышнего, напоминал воинам о важности присяги. Во время сражений он исповедовал и напутствовал умирающих, погребал убитых. За самоотверженное исполнение пастырского долга под огнем неприятеля в сентябре 1814 г. Раевский был награжден скуфьей, а в августе 1818 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁴¹⁴.

Священник 34-го егерского полка Фирс Никифоровский находился при своем полку с первых дней Отечественной войны, ревностно исполняя обязанности пастыря. 15 июля, в сражении при Витебске, во время напутствия раненых на поле битвы, отец Фирс был захвачен в плен, но вскоре, воспользовавшись слабой охраной неприятеля, спасся бегством и присоединился к своему полку под Смоленском. В Бородинском сражении, объезжая позицию своего полка и ободряя солдат, он был ранен в левую ногу, после чего отправлен в госпиталь. Излечившись, пастырь вернулся в свой полк и принимал участие в кампаниях 1814 г. и 1815 г.⁴¹⁵

Протоиерей Московского гренадерского полка Мирон Орлеанский в Бородинском сражении шел под пушечным огнем впереди гренадерской колонны, бывшей под начальством принца Карла Мекленбургского.

⁴¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 324. Л. 2.

⁴¹⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3257. Л. 16–17.

⁴¹⁵ Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. М., 1912. С. 22.

Несмотря на сильную контузию бедра левой ноги, он остался в строю и продолжал службу⁴¹⁶. Имя его увековечено на Бородинском памятнике 2-й гренадерской дивизии.

Священник Рязанского пехотного полка Иоанн Зубовский находился с полком в сражениях: при Бородине, под Смоленском, Малоярославцем, Лейпцигом, Баутценом, Парижем. Во время сражения под Смоленском он спас имущество охваченной пламенем Петропавловской церкви, причт которой к тому времени уже оставил город⁴¹⁷.

Священник Серпуховского уланского полка Василий Скляревский в сражении при местечке Забелине 9 ноября 1812 г. при напутствии умирающих солдат был тяжело ранен саблей и захвачен в плен. Освободившись из плена в феврале 1813 г., он вернулся в свой полк и продолжил службу. В 1814 г. Скляревский был избран императором Александром I в духовники к великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу во время их пребывания в г. Базеле⁴¹⁸.

Онисим Боровик, будучи протоиереем Апшеронского пехотного полка, участвовал в кампании 1805 г., в том числе в сражении при Аустерлице. С 1808 г. исполнял обязанности старшего благочинного в Молдавской (с 1812 г. – Дунайской) армии. После введения в январе 1812 г. «Учреждением для управления большой действующей армией» должности полевого обер-священника он занял эту должность в Дунайской (с сентября 1812 г. – 3-й Западной) армии⁴¹⁹. 11 ноября 1812 г. при переправе через мост в г. Борисов неприятель отбил церковную фуру и бричку отца Онисима, где находились утварь и книги церкви, состоявшей при Главной квартире 3-й Западной армии, а также все имущество священника, включая имевшиеся у него к тому времени награды: золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества (получен в

⁴¹⁶ Там же. С. 23. (Согласно формулярному списку, фамилия этого священника пишется как Арлеанский. РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 84. Л. 2).

⁴¹⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

⁴¹⁸ См.: Краткие исторические сведения.... С. 28.

⁴¹⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2206. Л. 22, 47.

1808 г.), орден Св. Анны 2-й степени (получен 23 мая 1810 г.) и алмазные знаки к нему (2 сентября 1811 г.). Онисим Боровик был вынужден в осенней одежде и «полуплаще солдатского сукна» при морозе свыше 20 градусов пройти с армией пешком («по неимению лошади, а паче опасаясь, чтоб... не замерзнуть») около 250 верст до Вильно, где обратился к главнокомандующему 3-й Западной армией адмиралу П.В. Чичагову с просьбой о денежном вспомоществовании. Потребовав реестр «всем потерянным вещам» и пообещав оказать содействие, Чичагов распорядился выдать ему «на первый случай» 80 золотых червонцев⁴²⁰. 16 апреля 1813 г. отец Онисим исполнил обязанности духовника при кончине М.И. Кутузова в Бунцлау, вследствие чего стал лично известен императору Александру I.

25 августа 1813 г. Онисим Боровик был пострижен в монашество с именем Онисифор; пострижение было совершено архимандритом Филаретом (Дроздовым) в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. В то же время, согласно указу Александра I, «в уважение отличной долговременной службы» Святейший Синод представил его кандидатом на первую архиерейскую вакансию. В феврале 1814 г. его рукоположили в сан епископа Вологодского и Устюжского. В 1822 г. Александр I наградил преосвященного Онисифора бриллиантовой панагией. В 1827 г. он был переведен на Екатеринославскую кафедру, где через год скончался в сане архиепископа⁴²¹.

Среди военного духовенства были жертвы: в Бородинском сражении погиб священник Черниговского драгунского полка Кирилл Забуженков⁴²²; ранения и контузии получили 14 священнослужителей.

Таким образом, военное духовенство играло в русской регулярной армии очень важную роль. Полковые священники делили со своей паствой

⁴²⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2313.

⁴²¹ Онисим Боровик, обер-священник Молдавской армии, впоследствии Онисифор, архиепископ Екатеринославский († 1828 г.) // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 11–12. С. 415–416.

⁴²² РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 573. Л. 2.

все трудности военной жизни. Богослужения и молебны, регулярно проводимые военным духовенством, поднимали моральный дух солдат и офицеров. Перед сражением священники напоминали солдатам об их долге и присяге. На поле брани они успокаивали раненых, напутствовали умирающих, нередко воодушевляли солдат личным примером – вставляли с крестом в руке впереди полка, увлекая его в атаку. Деятельность полковых священников духовно стабилизировала армию, укрепляя ее боеспособность.

2.5. Победа над наполеоновской Францией. Александр Благословенный

В Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., ставших логическим продолжением Отечественной войны 1812 года, из представителей духовного сословия непосредственное участие принимали только полковые священники и лица, находившиеся при ополчении. Деятельность остального духовенства империи в отношении войны ограничивалась в это время в основном продолжением возобновившегося в 1812 г. ежедневного чтения специально установленных на военное время молитв и ектений «о победе на супостаты»⁴²³, а также отправлением благодарственных молебствий по случаю крупных побед русской армии, заключения мира и прекращения войны с Францией.

Представление Православной Церкви о продолжавшейся войне ярко отразилось в это время в речах преосвященного Августина, произнесенных им в Успенском соборе после одержания побед при Лейпциге и Лаоне, а также по случаю взятия Парижа, заключения мира и возвращения Александра I в Россию. Истоки войны по-прежнему связывались здесь с Великой французской революцией и Просвещением, когда французы («народ, обладающий великими способностями», но «возгордившийся»), отвергнув «Божественный закон», разрушили алтари и убили Помазанника

⁴²³ Это чтение было прекращено в октябре 1815 г. по распоряжению Александра I в связи с окончанием войны с Францией. РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 448. Л. 219.

Господня. Поправ «все законы нравственности, они уполномочили разврат и увенчали преступление». В лице Наполеона «Богу было угодно явить страшное орудие своего праведного гнева», чтобы наказать «нечестие и беззакония». В своей гордыне он возомнил себя равным Всевышнему, решив захватить власть над миром⁴²⁴. Россию Бог избрал «орудием своего милосердия», чтобы остановить потоки крови и водворить мир. Москва – искупительная жертва за спасение не только России, но и всей Европы. («Посрамление сей великой святыни, может быть, одно могло вооружить раздраженное Божество, и поднять мстительный меч его на поражение нечестия и гордыни»⁴²⁵). Александр I – «благодарный Посланник Неба, милующего человечество и избавляющего от тех ужасных бедствий, каким подвергло оно себя ради неправд своих». Его меч «есть орудие не брани, но мира». «Он не победитель, но спаситель» Европы и человечества⁴²⁶.

Роль Александра I в «спасении Европы» была действительно огромна. Прежде всего, он, несмотря на довольно многочисленную оппозицию в штабе армии и при дворе, настоял на продолжении военных действий против Наполеона после освобождения территории России. Как дальновидный политик Александр I понимал, что безопасность России и Европы были взаимосвязаны: лишь окончательное низложение «французского тирана», восстановление «европейского равновесия» и создание системы международных отношений, базирующейся на правовых основах, могли обеспечить мир и стабильность на Европейском континенте, а, следовательно, надежную безопасность Российской империи. Мир с Наполеоном, который упорно отказывался заключать Александр I, действительно мог стать лишь кратковременным перемирием: французский император вряд ли смирился бы с поражением 1812 г., через несколько лет, собрав новую армию из подвластной ему Европы, он

⁴²⁴ Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. С. 119–130.

⁴²⁵ Там же. С. 127.

⁴²⁶ Там же. С. 111–118.

попытался бы взять реванш, причем с учетом допущенных им прежде просчетов и ошибок.

Более того, «войну в Европе» Александр I запланировал еще в 1810–1812 гг. Она являлась второй частью стратегической концепции войны с Наполеоном, разработанной им совместно с военным министром М.Б. Барклаем де Толли. Эта концепция предусматривала ведение военных действий в течение трех лет (1812–1814): сначала на русской территории, призванной «истощить силы Наполеона», а затем – в Западной Европе, где планировалось создание новой антинаполеоновской коалиции⁴²⁷.

25 декабря 1812 г. Александр I подписал два манифеста: об освобождении России от нашествия неприятеля, где главной причиной победы была названа помощь Бога («и так да познаем в великом деле сем Промысел Божий»)⁴²⁸, и о сооружении в Москве «в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели», храма Христа Спасителя⁴²⁹. Характерно, что в этих документах ничего не говорилось об окончании войны. Напротив, содержалось моление к Богу «продлить милость свою над нами» и «ниспослать нам побед победу, желанный мир и тишину»⁴³⁰. В это время Александр I, познавший, по его собственному признанию, в 1812 г. Бога, был сильно подвержен религиозным настроениям. На реверсе серебряной медали, учрежденной им 5 февраля 1813 г. для участников Отечественной войны, он распорядился вместо собственного портрета выбить Библейскую фразу «Не нам, не нам, а имени Твоему», подчеркивая свое преклонение перед Провидением⁴³¹. На аверсе медали было помещено изображение Всевидящего ока и надпись «1812 год».

⁴²⁷ *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 139; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 655.

⁴²⁸ ПСЗ-I. Т. 32. № 25295. С. 486–487.

⁴²⁹ Там же. № 25296. С. 487–488.

⁴³⁰ Там же. № 25295. С. 486–487.

⁴³¹ *Бартошевич В.В.* В борении с Наполеоном. Нумизматические очерки. Киев, 2001. С. 8.

В 1812–1814 гг. Александр I стал организатором и военно-политическим лидером 6-й антинаполеоновской коалиции (основные союзники – Англия, Швеция, Пруссия, Австрия). Присутствуя в 1813–1814 гг. в армии, он постоянно сглаживал трения между союзниками, разработал единую стратегию союзных войск и неоднократно предлагал верные тактические решения. Его распоряжения обеспечили победу под Кульмом (17–18 августа 1813 г.) и Лейпцигом (4–6 октября 1813 г.). В 1814 г. именно он убедил союзников вступить во Францию, а затем, не преследуя главные силы Великой армии, повернуть войска на Париж, что решило исход кампании и привело к окончательному падению Наполеона.

При этом российского императора интересовали не только военные и политические победы, но и нравственная сторона происходивших событий. Показательно его воззвание к воинам русской армии при их вступлении на территорию Франции: «Воины! Мужество и храбрость ваши привели вас от Оки на Рейн. Они ведут вас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которой ведем кровопролитную, жестокую войну. ... Неприятеля, вступая в середину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава россиянина – низвергать ополченного врага и по исторжении из рук его оружия, благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему учит нас свято почитаемая в душах наших православная вера. Она божественными устами вещает нам: “Любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро”. Воины! Я, несомненно, уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием своим,

сколько оружием»⁴³². Эти же мысли внушали русским солдатам и полковые священники.

Русская армия, воспитанная в православных традициях, действительно вела себя во Франции очень корректно. Высокая культура русских военных и, особенно, знание многими офицерами французского языка несказанно удивляли местное население, ожидавшее увидеть «дикарей» и «варваров», образ которых на протяжении последних десяти лет упорно создавался наполеоновской пропагандой. «Вы не русские, вы, верно, эмигранты», – говорили французы русским офицерам⁴³³.

Необходимо отметить, что многие современники, особенно французы, накануне вступления русских войск в столицу Франции ожидали мести Парижу за сожженную Москву. Поэтому великодушное поведение победителей вызывало у многих нескрываемое изумление. Общее настроение выразил в то время юный А.С. Пушкин в лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»: «В Париже росс! – где факел мщенья? // Поникни, Галлия, главой. // Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья // Грядет с оливою златой. // Еще военный гром грохочет в отдаленье, // Москва в унынии, как степь в полнощной мгле, // А он – несет врагу не гибель, но спасенье // И благотворный мир земле»⁴³⁴.

Интересно, что в одном из наиболее популярных парижских изданий – «*Journal des débats*» великодушные Александра I и русской армии, имевших полное «право мстить за столько причиненных им оскорблений и требовать вознаграждения разного рода», объяснялось религией, «знаки которой все воины носят на своей одежде (имеется в виду медаль в память войны 1812 года с изображением Всевидящего ока. – Л.М.). Никакая

⁴³² Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, Приказов войскам и разных извещений, последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 151.

⁴³³ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года // Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 41.

⁴³⁴ Пушкин А.С. Воспоминания в Царском Селе // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М., 1959. С. 13.

другая человеческая причина не могла подвигнуть их к тем жертвованиям, которым нет примера в истории народов»⁴³⁵.

По наблюдению русских офицеров, сами французы в большинстве своем не отличались сильным религиозным чувством. По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, «парижане, которых знаменитейшие соотечественные писатели проповедовали безверие в течение столетия и которые оставили религию с начала революции, были крайне удивлены, видя, что Государь и офицеры, принадлежавшие к его свите, ежедневно посещали церковь»⁴³⁶. Французы заходили в храмы нечасто. В то время, как парижские театры и другие увеселительные заведения были переполнены, церкви практически пустовали. Посетив несколько парижских храмов, И.Т. Раджицкий записал свои впечатления. Прежде всего он обратил внимание на то, что в храме стоял «жандарм в шляпе, с алебардою и при шпаге», который «предводительствовал всей церемонией для внушения духовной дисциплины», «набожности ни в ком не было видно». Среди прихожан, кроме нескольких 60-летних стариков и детей, были только дамы, «усмехавшиеся из-под высоких шляпок» и «бросавшие взгляды» на русских офицеров. Священник читал проповедь явно «не своего сочинения, худо разбирая рукопись, и часто спотыкаясь на ней»⁴³⁷. А.Д. Чертков, со ссылкой на некоего откровенно говорившего с ним француза, записал в дневнике, что «большая часть их священников совершенно не умеет писать»⁴³⁸. Любопытна следующая запись А.Д. Черткова: «Цирк Франкони занимает место, где до революции находился монастырь Капуцинов. 20 лет назад там жили монахи. Но волею

⁴³⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 53.

⁴³⁶ Там же. С. 52.

⁴³⁷ Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Ч. 3. М., 1835. С. 162, 182.

⁴³⁸ Чертков А.Д. Мой путевой журнал, или Дорожный дневник от берегов Рейна до Парижа и во время моего пребывания в этом городе // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии / Из собр. Гос. Ист. музея. М., 1992. С. 437.

случая сейчас на месте церкви находится конюшня. Иные времена, иные нравы! А старинную церковь на улице Больших Августинцев, сломав купол, превратили в рынок, где продают мясо, птицу и т.д.»⁴³⁹. Ф.Н. Глинка, подытоживая свои впечатления от пребывания в Париже, полушутя записал: «Избави, Господи, от мора, потопа, огня и Французского духа! ... Разница между нами и вами, господа французы, еще очень велика: Москва и Париж свидетельствуют в том!»⁴⁴⁰.

Таким образом, анализ мемуаров русских офицеров – участников войны 1812–1814 гг. – подтверждает наше положение о том, что противоборствующие стороны имели разный менталитет и принадлежали к разным цивилизациям, а само противостояние имело ярко выраженную духовно-религиозную составляющую.

Российский император – победитель Наполеона, спасший Париж от разграбления и игравший ведущую роль в решении послевоенной судьбы Франции, сразу стал предметом всеобщего поклонения. Его называли «северным Агамемноном», «царем царей», «императором Европы», «спасителем Вселенной», «ангелом мира». Н.М. Карамзин в произведении «Освобождение Европы и слава Александра I» констатировал: «В сем общем, радостном волненье, // Царей, Героев прославление, // Чье имя первое в устах? // Кому гремят вселенной лики? // Без лести в искренних хвалах, // Дают название: Великий! // Отечество мое! Ликуй, // И с Александром торжествуй!»⁴⁴¹.

Широкое хождение получило в то время исчисление, сделанное директором народных училищ Саратовской губернии А.И. Шестаковым. Переведя буквы изречения «И посла мирови Ангела кротости» в цифровое

⁴³⁹ Там же. С. 435.

⁴⁴⁰ *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. Ч. 8. М., 1816. С. 174–175.

⁴⁴¹ *Карамзин Н.М.* Освобождение Европы и слава Александра I // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. М., 1814. С. 214–215.

значение, он получил сумму чисел, равную 1777 – году рождения императора. Сложение чисел, составляющих год, число и месяц рождения Александра, дало 1801 – год его вступления на престол⁴⁴². Впоследствии, уже после смерти императора, размышления над приведенной фразой и попытки найти в датах, составляющих важнейшие вехи его жизни, какой-то дополнительный магический смысл продолжались. Так, например, сохранилась записка (авторство не установлено), где, помимо выведения из указанного изречения даты рождения Александра, приводится также еще одно исчисление: сумма цифр, входящих в состав годов его рождения, вступления на престол и смерти, составляет 48, что соответствует числу прожитых им лет⁴⁴³. Позднее появилась маловероятная версия, что загадочную фразу «И посла миру Ангела кротости» сказал Александру некий схимник из Александро-Невской лавры, благословляя императора на совершение очередного паломничества.

3 августа 1814 г., вскоре после возвращения Александра I в Россию, Святейший Синод, Государственный Совет и Сенат на общем чрезвычайном собрании вынесли постановление: в качестве выражения императору «дани всеобщей признательности за прославление Отечества» поднести ему титул «Благословенный», выбить в его честь медаль и воздвигнуть в столице памятник с надписью «Александру Благословенному, Императору Всероссийскому, Великодушному Держав Восстановителю от признательной России»⁴⁴⁴. Однако Александр из «чувств скромности и смирения духа» отказался принять «имя самое для» него «лестнейшее» и попросил «государственные сословия оставить» вынесенное постановление «без всякого исполнения». «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да

⁴⁴² Любецкий С.М. Рассказы из Отечественной войны 1812 года. От начала войны до вступления союзных войск в Париж с описанием празднеств и увеселений в Москве по случаю взятия Парижа союзными войсками в 1814 году, марта 19-го. Патриотические песни, анекдоты и описание карикатур того времени. М., 1880. С. 382.

⁴⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 180. Ед. хр. 58. Л. 5.

⁴⁴⁴ ПСЗ-I. Т. 32. № 25629.

благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный! Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие»⁴⁴⁵, – писал император. Однако, несмотря на отказ императора, титул «Благословенный» прочно за ним закрепился.

Вернувшись в Россию, Александр I вообще попытался пресечь поток восхвалений. Полагая, что лишь «Всевышний причиной знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе»⁴⁴⁶, он даже отменил торжественную встречу, которую готовили ему в столице.

30 августа 1814 г. «для принесения Всемогущему Богу теплых и усердных молитв за избавление державы нашей от лютого и сильного врага, и в прославление в роды родов сего совершившегося над нами промысла и милости Божией» император Александр I постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество, получившее официальное наименование «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов, и с ними двадесяти язык»⁴⁴⁷. В этот день после окончания обычной службы было решено совершать особое благодарное молебствие с коленопреклонением при чтении специально установленной на этот случай молитвы. Текст молитвы был написан архимандритом (впоследствии митрополитом Московским) Филаретом (Дроздовым), утвержден императором Александром I, после чего напечатан «по числу церквей и монастырей» и разослан по всей Российской империи⁴⁴⁸.

Через год, «проникнувшись сознанием благодати, осенившей Россию», Александр решил «организовать международные и политические

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008. С. 347.

⁴⁴⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 1.

⁴⁴⁸ Молитва называется «Последование благодарственного и молебного пения к Господу Богу, пваемого в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления Церкви и Державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык». РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 789. Л. 6, 64–65, 83, 105.

отношения на учении Евангелия»⁴⁴⁹. 14 сентября 1815 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, по инициативе Александра I монархи России, Австрии и Пруссии подписали акт о Священном союзе. В этом документе, написанном российским императором с активным использованием религиозной фразеологии, была изложена программа мирного сосуществования, коллективной безопасности и совместного решения основных международных проблем, предусматривавшая сохранение сложившегося баланса сил, незыблемость форм правлений и установленных границ. По сути, это была первая в мировой истории попытка реализовать политическую концепцию «объединенной Европы».

Победа России над наполеоновской Францией была воспринята многими современниками как победа христианства и традиционно-консервативных ценностей над европейским «безбожием» и идеями Просвещения XVIII в., породившими Великую французскую революцию. Автор популярного в то время сочинения «Русские и Наполеон Бонапарте» А.Я. Булгаков писал, что французская армия потерпела в России поражение, потому что «была окружена народом, во всех отношениях единственным: религией, языком, обычаями и нравственностью, коему ни Наполеон, ни его невидимая армия иллюминатов не могли внушить коварных и пагубных учений»⁴⁵⁰.

С идеями А.Я. Булгакова перекликается и «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне», написанное архимандритом Филаретом (Дроздовым) по просьбе директора Императорской Публичной Библиотеки А.Н. Оленина, полагавшего, что именно «перу духовной особы» надлежало осветить этот вопрос, смело вступив «в поприще светской словесности»⁴⁵¹. В этом сочинении, прочитанном 20 мая 1813 г. на собрании членов Беседы любителей

⁴⁴⁹ Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Т. I. Рига, 1886. С. 3.

⁴⁵⁰ Русские и Наполеон Бонапарте. М., 1813. С. 52–53.

⁴⁵¹ Письмо А.Н. Оленина к архимандриту Филарету // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 219–222.

русского слова, отмечалась грандиозность выполненной задачи (Россия в короткий срок разбила огромную армию, в состав которой входили почти все народы Европы) и раскрывалось значение нравственных причин победы: осознания русским народом священного, освободительного характера этой войны, веры в Бога, укрепившей силы народа и вызвавшей желание наказать ее (веры) «хулителей», а также верности царю и любви к Отечеству, которые, наряду с православной верой, объединили все сословия для совместной борьбы с врагом⁴⁵².

Этот мотив национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа получил широкое распространение и развитие в русской философии XIX в. Подъем национального самосознания, наступивший в русском обществе после победы над Наполеоном, вскоре нашел отражение в формулировке министром просвещения графом С.С. Уваровым российской государственной доктрины «Православие, самодержавие, народность».

Что касается памятника Александру I, то он был воздвигнут в Санкт-Петербурге уже после его смерти, по повелению нового императора Николая I. 30 августа 1834 г., к 20-летию победы России над наполеоновской Францией, а также лично в честь императора Александра I, в центре Дворцовой площади, в 100 м от Зимнего дворца, была открыта знаменитая Александровская колонна, выполненная по проекту архитектора А.А. Монферрана. Стройную колонну из красного гранита (общей высотой 47,5 м) венчает бронзовая фигура ангела (высотой 4,3 м) работы скульптора Б.И. Орловского. Ангел, лицу которого скульптор придал портретное сходство с императором Александром I, попирает крестом змею, символизирующую поверженного «Антихриста» – Наполеона.

⁴⁵² Ответ архимандрита Филарета А.Н. Оленину на письмо, которым предложено было написать рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 223–235; № 33. С. 3–15.

Примечательно, что прототипом Александровской колонны стала Вандомская колонна в Париже (памятник победе Наполеона в сражении при Аустерлице), созданная, в свою очередь, по образу древнеримских триумфальных колонн (особенно близка она была колонне императора Траяна в Риме). Подобием и одновременно несходством со своей предшественницей Александровская колонна выражала, по замыслу создателей, идею победы и памяти в соответствии с древними канонами и русской православной традицией. Прежде всего, обращение к форме колонны и сходство с древними образцами свидетельствовало о всемирном значении памятника, а значит – и увековечиваемого события. Огромность размера и превосходство по высоте (на 4 метра) Александровской колонны над ее парижским прототипом говорило о том, что слава и деяния императора Александра I превосходят славу и деяния Наполеона, величие которого было столь недолговечно. Наконец, принципиальное значение имело навершие колонны. Вандомскую колонну, так же, как и античные образцы, венчала скульптура императора. При этом Наполеон держал в руках земной шар с богиней Победы, что подчеркивало его стремление к господству над миром. Ангел на вершине Александровской колонны напоминал императора Александра I лишь портретным сходством. Крест в его руках (именно крест, а не меч или копье), поражающий змея, лишний раз подтверждал сакральный смысл войны 1812 года и священный характер победы. По сути, ангел символизировал православную веру, победу христианства над мировым злом, над безбожием и гордыней.

Своеобразным памятником Александру I «в чувствах и сердцах народа» стала появившаяся в середине XIX в. легенда о Федоре Кузьмиче. Согласно этой легенде, государь не умер в Таганроге, а, оставив трон и светскую жизнь, стал странником по имени Федор Кузьмич. Этот таинственный странник, скончавшийся в январе 1864 г. в четырех верстах от Томска, был удивительно похож на покойного императора, обладал обширными познаниями, был прекрасно осведомлен о столичной и даже

придворной жизни. Он хранил в тайне свое настоящее имя, вел уединенный образ жизни, был чрезвычайно набожен, но никогда не исповедовался и не причащался, говоря загадочно, что не может ходить к причастию, потому что уже отпет. Версия о тождестве Александра I и Федора Кузьмича до сих пор не доказана и не опровергнута. У нее есть масса сторонников и масса противников. На эту тему «сломано немало копий», написаны десятки трудов, но вопрос до сих пор остается открытым. В любом случае можно с уверенностью сказать, что в культурной памяти России образ Благословенного императора – победителя Наполеона – логично дополнился образом святого старца. В 1984 г. Феодор Томский был канонизирован Русской Православной Церковью как местночтимый святой.

Таким образом, победа над Наполеоном была воспринята многими современниками как результат действия Божественного Промысла, избравшего своим орудием Россию и ее императора. В противовес образу «демона» Наполеона окончательно складывается образ «ангела» Александра I, наметившийся в 1812 г. Война 1812–1814 гг. вошла в историческую и культурную память русского народа как *священная* война. Это, в частности, нашло отражение в распространении и развитии в русской философии XIX в. мотива национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа, а также в специфике памятников, воздвигнутых в честь победы.

2.6. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года

Осознание народом России священного характера Отечественной войны 1812 года, а также желание выразить таким образом благодарность Богу за помощь в одержании победы, привело к возникновению многочисленных церковных памятников. Как упоминалось выше, уже 25 декабря 1812 г. вышел манифест императора Александра I, в котором сообщалось о намерении соорудить храм во имя Христа Спасителя. Вскоре

церковные памятники войны 1812 года появились во многих местах Российской империи.

Накануне столетнего юбилея войны Святейший Синод решил собрать и опубликовать сведения обо всех церковных памятниках⁴⁵³. Однако задуманное осуществить не удалось – помешали Первая мировая война и революция. Предварительные итоги пытался подвести (вскоре после юбилея) неизвестный автор рукописи «Церковные памятники войны 1812 года», хранящейся в РГИА⁴⁵⁴. Он пользовался рапортами преосвященных и духовных консисторий Святейшему Синоду о наличии на местах церковных памятников Отечественной войны. К сожалению, сами рапорты обнаружить не удалось (возможно, что они не сохранились). В рукописи говорится, что на момент ее составления были «получены сведения об этих памятниках от 60-ти епархиальных преосвященных. ... Не имеется пока сведений только из епархий Грузинского экзархата, Вятской, Екатеринбургской и Иркутской. В 29-ти епархиях (Астраханской, Благовещенской, Варшавской, Владивостокской, Воронежской, Екатеринославской, Забайкальской, Казанской, Кишиневской, Киевской, Курской, Литовской, Минской, Могилевской, Омской, Орловской, Пензенской, Подольской, Полтавской, Самарской, Ставропольской, Тобольской, Томской, Туркестанской, Уфимской, Финляндской, Холмской, Черниговской и Якутской) не оказалось религиозных памятников войны 1812 года. Зато в остальных епархиях (31) ... таковые памятники есть и в некоторых епархиях имеются в большом количестве»⁴⁵⁵.

Отметим при этом, что какая-то одна епархия оказалась «потеряна» автором рукописи. Дело в том, что к 1912 г. в Российской империи существовало 64 епархии; кроме того, в нее входил Грузинский экзархат,

⁴⁵³ Определение Святейшего Синода от 20–24 ноября 1910 г. РГИА. Ф. 799. Оп. 6. Д. 72. Л. 3.

⁴⁵⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 642.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 2 об.–3.

включавший в себя еще 4 епархии (Гурийско-Мингрельскую, Имеретинскую, Мхетскую и Сухумскую). Если из общего числа епархий вычесть 29 (перечисленных в рукописи), не имевших церковные памятники войны 1812 года, а также епархии Грузинского экзархата, Вятскую, Екатеринбургскую и Иркутскую епархии, из которых сведения тогда еще не дошли, то получится не 31, а 32 «остальных» епархии, в которых существовали церковные памятники Отечественной войны. Это Алеутская, Архангельская, Владикавказская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Гродненская, Донская, Енисейская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Пермская, Полоцкая, Псковская, Рижская, Рязанская, Санкт-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Харьковская, Херсонская и Ярославская епархии.

К сожалению, автор рукописи охарактеризовал памятники только двух («столичных») епархий – Московской и Санкт-Петербургской. Памятники остальных епархий им даже не перечисляются. Указанное здесь количество епархий, в которых существовали церковные памятники войны 1812 года – 31 (или 32), в настоящее время не может быть точным, так как, во-первых, в то время в Синод еще не поступили сведения о церковных памятниках, построенных к столетию Отечественной войны, а таковых было довольно много; во-вторых, к церковным памятникам здесь были отнесены не только мемориальные сооружения – храмы, приделы в храмах, часовни, воздвигнутые в честь победы в войне 1812 года, но также церковные реликвии – хранящиеся в храмах иконы, сосуды и другие утварные и ризничные принадлежности, приобретенные на память о войне или связанные с какими-либо событиями или героями Отечественной войны, что в строгом смысле слова памятником не является.

По различным источникам нам удалось установить 49 церковных памятников войны 1812 года, существовавших к 1917 г. в 20 епархиях

Российской империи и 1 памятник – за рубежом (в г. Лейпциге). При этом под *церковными памятниками* мы понимали только *мемориальные сооружения*, то есть воздвигнутые в память о победе в войне храмы, приделы в храмах, часовни.

Все памятники условно можно разделить на две группы: 1) памятники, воздвигнутые на территории, оккупированной во время войны неприятелем, 2) памятники, возведенные в местах, находившихся в то время в тылу.

В 1812 г. военные действия велись на территории 11 губерний (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Калужской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской и Смоленской), которые соответствовали 7 епархиям (Волынско-Житомирской, Калужской, Минской, Могилевской, Московской, Псковской и Смоленской). Из этих епархий наибольшее количество памятников (18) обнаружено в Московской. Это закономерно, поскольку данная епархия сыграла особую роль в Отечественной войне. В Москве был построен и главный памятник войны – *храм Христа Спасителя*.

Первоначальный проект храма был составлен академиком живописи А.Л. Витбергом. В конкурсе на лучший проект храма принимали участие ведущие архитекторы своего времени – А.Н. Воронихин, Д. Кваренги, В.П. Стасов, А.И. Мельников, однако император Александр I отдал предпочтение проекту Витберга. Сообщая ему о своем решении, император сказал: «Вы угадали мои мысли, мое желание для этого храма, которое я тайно хранил в себе, не предполагая, чтобы архитекторы удовлетворили меня»⁴⁵⁶.

В основе философского замысла храма в проекте А.Л. Витберга лежала идея троичности Бога и религиозное представление о тройственной основе человека, являющего собой единство тела, души и духа. Опираясь на учение апостола Павла о человеке как храме, в котором живет Дух

⁴⁵⁶ Цит. по: Храм Христа Спасителя. М., 1996. С. 10.

Божий, Витберг решил, что храм должен выражать тело, душу и дух человека. С этой тройственной основой человеческого существа совпадают и три главнейшие момента в жизни Спасителя, которому посвящался храм – Рождество, Преображение и Воскресение. Поэтому, по проекту архитектора, храм состоял из трех частей. Первый, или нижний, (подземный) храм, выполненный в форме параллелограмма, изображал собой тело человека и посвящался Рождеству Христа, принявшего на себя смертное тело. Средний храм имел форму равноконечного креста и посвящался Преображению Господа. Верхний храм (в виде круга) соответствовал высшей основе человека – его духу и посвящался Воскресению Христа.

О войне 1812 года должен был напоминать прежде всего нижний храм. Здесь предполагалось соорудить катакомбы, предназначенные для перезахоронения туда праха убитых воинов. На стенах катакомб планировалось написать имена всех погибших офицеров и солдат. По обеим сторонам нижнего храма должна была простираться колоннада, на стенах которой предполагалось поместить летопись основных сражений 1812–1814 гг. и главные манифесты того времени, а на концах ее – два памятника: один – из пушек, отбитых у неприятеля во время преследования его от Москвы до русской границы; другой – из пушек, взятых у него во время похода от русской границы до Парижа.

Местом для сооружения храма были выбраны Воробьевы горы. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, Александр I считал, что в Москве «нет достаточно места, потребного для изящного здания», являющегося не обычной церковью, а храмом-памятником. Во-вторых, с Воробьевых гор открывался один из живописнейших видов на Москву и ее окрестности. Наконец, горы располагались между Смоленской и Калужской дорогами, которые сыграли немаловажную роль во время войны: по Смоленской дороге неприятель вступил в Москву, а по Калужской – вышел из нее.

12 октября 1817 г., то есть ровно через пять лет после освобождения Москвы, в присутствии императора была произведена закладка храма. Начались подготовительные работы по его устройству, но затем, ввиду встреченных затруднений к исполнению проекта и недоразумений, возникших между Витбергом и членами строительной комиссии, работы были остановлены. Судебное разбирательство вскрыло многочисленные злоупотребления и противозаконные действия в ущерб казны и закончилось ссылкой Витберга в Вятку и упразднением самой комиссии.

Сооружение храма возобновилось в 1830-е гг., когда император Николай I, желая исполнить обет своего брата, объявил о новом конкурсе на лучший проект храма Христа Спасителя. В этом конкурсе победил проект архитектора К.А. Тона, выполненный в русско-византийском стиле, что, в свою очередь, также соответствовало желаниям нового императора. (Во второй четверти XIX в. в русской архитектуре проходили поиски нового, самобытного национального стиля. Одним из основоположников этого стиля, получившего название русско-византийского, и стал К.А. Тон). Местом для постройки храма был избран на этот раз левый берег реки Москвы, где находился тогда Алексеевский женский монастырь, переведенный в связи с этим в 1837 г. в Сокольники, близ Красного Села.

10 сентября 1839 г. состоялась торжественная закладка храма, совершенная митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) в присутствии императора Николая I и членов царской семьи. Постройка храма, начатая в 1839 г., была закончена только в 1881 г. Ее продолжительность объясняется главным образом сложностью работ (например, ввиду слабости грунта тут в некоторых местах пришлось углубить до 19 аршин (13,5 м.).

Общий характер здания напоминает древние русские церкви. Основание храма представляет собой равноконечный крест, в углах которого находятся четыре выступа. Каждая лицевая сторона оконечности

креста делится четырьмя столбами на три части. Всего 36 столбов; они поддерживают карниз, на котором помещается 20 полуциркульных арок (по три арки на передних концах креста и по две – на выступах, в углах здания). На передней стороне каждой оконечности креста, между пьедесталами столбов, расположены три входные двери. Храм увенчан пятью позолоченными главами, из которых средняя значительно крупнее прочих, что придает всему строению единство и полноту.

Фасад украшен двумя рядами горельефов, авторами которых были скульпторы А.В. Логановский, Н.А. Рамазанов и П.К. Клодт. Верхний ряд горельефов образуют тондо (медальоны), помещенные в полуциркульных арках порталов и углов, нижний ряд – отдельные фигуры и многофигурные композиции, расположенные над карнизом пьедестала храма.

Содержание горельефов соответствует тематике храма. Так, например, в центральном медальоне западного фасада храма изображен Христос Спаситель, благословляющий десницею. В центральных тондо северного, восточного и южного фасадов помещены (соответственно) образы Божией Матери, сыгравшие особую роль в войне 1812 года – Иверской (являющейся покровительницей Москвы), Владимирской (в память Бородинской битвы, произошедшей в день празднования этой иконы – 26 августа) и Смоленской (находившейся во время войны в русской армии). В остальных медальонах западного и восточного фасадов изображены святые, соименные императорам-храмосоздателям⁴⁵⁷, а в медальонах южного и северного фасадов – святые, в дни празднования памяти которых произошли основные сражения войны 1812–1814 гг.⁴⁵⁸

⁴⁵⁷ На западном фасаде в четырех малых арках изображены: св. Александр Невский, святитель Николай, св. Блаженный Николай Новгородский (день рождения императрицы Марии Александровны), св. Праведная Елизавета (тезоименитство императрицы Елизаветы Алексеевны); на восточном фасаде – св. царица Александра, св. Мария Магдалина, св. Анна Пророчица и св. Великомученица Екатерина.

⁴⁵⁸ На южном фасаде: св. Роман Рязанский – в память сражения при Клястицах 19 июля 1812 г., св. апостол Фома – (сражения при Полоцке и Тарутино 6 октября 1812 г.), св. Иоанн Креститель – (сражение при Малоярославце 12 октября 1812 г.), св. Иона архиепископ Новгородский – (сражение при Красном 5 ноября 1812 г.); на северном

Многофигурные композиции нижнего ряда горельефов изображают события, напоминающие или имеющие тождество с событиями Отечественной войны. Так, например, в левом углу северного фасада храма помещена сцена «Благословение преподобным Дионисием князя Пожарского и гражданина Минина на освобождение Москвы от поляков», а в правом углу того же фасада – «Благословение преподобным Сергием князя Дмитрия Донского на брань с татарами». Горельеф «Давид в собрании вельмож передает Соломону чертежи храма» (правый угол западного фасада) напоминает об истории создания храма Христа Спасителя: император Александр I дал обет воздвигнуть храм, но начал исполнять это обещание его преемник; а горельефы «Давид, идущий с триумфом после победы над Голиафом» и «Авраам с союзниками, возвращающийся после победы над царями» (соответственно левый и правый углы южного фасада) – о возвращении Александра I после победы над Наполеоном. Даже изображения двух важных событий из жизни Христа – Рождество и Воскресение (левый и правый углы восточного фасада) напоминают о победе над наполеоновской Францией. Первое (25 декабря) – об изгнании врагов из пределов России, второе (с некоторой натяжкой) – о взятии Парижа (союзные войска вступили в Париж 19 марта, а Пасха в 1814 г. пришлось на 29 марта).

Отдельные фигуры над арками окон и ворот северного, восточного и южного фасадов изображают святых благоверных князей, а также просветителей и хранителей христианской веры. Из них наиболее интересна фигура благоверного князя Гавриила Псковского, на мече которого скульптор А.В. Логановский поместил его девиз: «Чести моей никому не отдам» (правая оконная арка южного фасада). Образ Гавриила Псковского был поднесен псковским купечеством в знак признательности

фасаде: св. мученик Лавр – (сражение при Кульме 18 августа 1813 г.), св. мученик Сергей (взятие Лейпцига 7 октября 1813 г.), св. Григорий Двоеслов (поход к Парижу 12 марта 1814 г.), св. мученик Хрисанф (взятие Парижа 19 марта 1814 г.).

графу П.Х. Витгенштейну, корпус которого, защищавший во время войны Петербург, перекрыл неприятелю путь от Двины к Новгороду и Пскову.

Наконец, горельефы над воротами западного фасада символически показывают русские войска, находящиеся под покровительством небесных сил. Над аркой средних (больших) ворот изображены два ангела, держащие хартию с надписью «Господь Сил с нами»; над арками боковых (малых) ворот – ангелы со знаменами, на которых изображен крест (левая арка) и ангелы с хоругвями в память народного ополчения, имевшего вместо знамен церковные хоругви (правая арка).

Внутреннее пространство храма четыре пилона разделяют на алтарную, подкупольную и трапезную части, придавая интерьеру вид просторного зала, обрамленного галереей, нижняя часть которой – коридор, а верхняя – хоры. На хорах были устроены приделы: в северной части – святого благоверного князя Александра Невского, имя которого носил император Александр I, инициатор постройки храма, в южной части – святителя и чудотворца Николая, как соименного покровителя императора Николая I, начавшего эту постройку.

Главный алтарь храма посвящен Рождеству Христову. Он представляет собой восьмигранную часовню, сделанную из белого мрамора, с орнаментом и инкрустацией из различных пород мрамора, увенчанную позолоченным бронзовым шатром. Внутри часовни находится престол, так что она служит одновременно и надпрестольной сенью. (Форма алтаря храма Христа Спасителя не имеет аналогий в древнерусской и послепетровской архитектуре и осталась единственной в своем роде).

Роспись внутреннего убранства храма была выполнена ведущими русскими художниками: Ф.А. Бруни, В.П. Верещагиным, И.Н. Крамским, В.Е. Маковским, И.М. Прянишниковым, Г.И. Семирадским, В.И. Суриковым и др. Согласно желанию Николая I, она представляет

собой гармоничное целое, сквозной идеей которого является единство земной жизни Христа, священной истории и истории России.

Нижняя галерея храма является историческим памятником событий Отечественной войны. Во впадинах ее стен помещено 177 мраморных плит, на которых в хронологическом порядке изложены: Высочайший приказ армиям и рескрипт Председателю Государственного Совета графу Н.И. Салтыкову о вступлении неприятеля в пределы России, воззвание к Москве, Высочайшие манифесты 1812–1814 гг., описание сражений Отечественной войны и заграничных походов (с указанием: времени и места сражения, военачальников, командовавших войсками, перечня войск и орудий, имен убитых и раненых офицеров, общего числа выбывших из строя нижних чинов, имен отличившихся (то есть получивших высшие награды, без обозначения самих наград) и лиц, награжденных орденом Св. Георгия), а также состав ополчения и перечень пожертвований, сделанных различными городами и частными лицами.

Торжественное освящение храма Христа Спасителя состоялось 26 мая 1883 г. в праздник Вознесения Христова. Строительство храма продолжалось более 40 лет; на медали, учрежденной в память его освящения, была выбита надпись: «Завещал Александр I, заложил Николай I, окончил Александр II, освятил Александр III».

Еще до построения храма Христа Спасителя памятником войны 1812 года в Москве стала *церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду*. Церковь эта существовала с 1406 г. Во второй половине XVII в. она была перестроена в камне князем В.В. Голицыным и состояла из двух частей: нижний храм был посвящен Параскеве Пятнице, а верхний – Воскресению Христову. После восстановления сгоревшей Москвы верхний храм церкви Параскевы Пятницы вызвал у современников ассоциацию с воскресшей из пепла древней столицей. Поэтому в 1815–1816 гг. по инициативе и на средства графини А.Р. Чернышевой (урожденной Вейдель, с 1784 г. – вдовы генерал-фельдмаршала графа З.Г. Чернышева) здесь были устроены

два придела – святого Александра Невского и святой Екатерины мученицы (в честь императора Александра I и его сестры великой княгини Екатерины Павловны). Специально для храма Воскресения Христова были написаны 16 икон, посвященных святым, в дни празднования памяти которых произошли основные сражения войны 1812–1814 гг. Перечисление этих икон (с указанием соответствующих событий 1812–1814 гг.) нам удалось обнаружить в упоминавшейся выше рукописи неизвестного автора «Церковные памятники войны 1812 года», хранящейся в РГИА: 1) святых мучеников Адриана и Наталии (Бородино, 26 августа 1812 г.); 2) святого Петра, митрополита Московского (Тарутино, 6 октября 1812 г.); 3) святого мученика Евлампия (освобождение Москвы, 10 октября 1812 г.); 4) святых мучеников Тараха, Прова и Андроника (Малоярославец, 12 октября 1812 г.); 5) святого пророка Иоилы (Чашники, 19 октября 1812 г.); 6) святого Никифора, патриарха Цареградского (освобождение Смоленска, 5 ноября 1812 г.); 7) святого Павла Исповедника (Красный, 6 ноября 1812 г.); 8) святого апостола и евангелиста Матфея (Березина, 16 ноября 1812 г.); 9) преподобного Феодора Трихины (Лютцен, 20 апреля 1813 г.); 10) святого пророка Михея (Кацбах, 14 августа 1813 г.); 11) святого апостола Иакова Зеведеева (Кульм, 18 августа 1813 г.); 12) святых мучеников Флора и Лавры (Лейпциг, 6 октября 1813 г.); 13) преподобного Евфимия Великого (Бриенн-ле-Шато, 20 января 1814 г.); 14) святых мучеников Хрисанфа и Дарии (Фер-Шампенуаз, 13 марта 1814 г.); 15) святого мученика Феодора (вступление в Париж, 19 марта 1814 г.); 16) святого мученика Галактиона (заключение общего мира в Париже, 18 мая 1814 г.)⁴⁵⁹

Однако, в перечислении 6 из 16 икон в рукописи допущены ошибки, то есть подлинный день памяти указанного святого не соответствует дню того сражения, которое здесь приводится. 1) День памяти святого Никифора, патриарха Цареградского, празднуется не 5 ноября, как указано

⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 642. Л. 13 об.–14 об.

в рукописи, а 13 марта, что соответствует не освобождению Смоленска, а сражению под Фер-Шампенуазом. 2) День памяти св. муч. Флора и Лавра – не 6 октября, а 18 августа, что соответствует сражению под Кульмом, а не под Лейпцигом. 3) День памяти св. муч. Хрисанфа и Дарии – не 13, а 19 марта, то есть не в день сражения под Фер-Шампенуазом, а в день вступления союзных войск в Париж. 4) Память св. муч. Галактиона – не 18 мая, а 5 ноября, то есть не в день заключения мира в Париже, а в день освобождения Смоленска. С двумя иконами – св. апостола Иакова Зеведеева и св. муч. Феодора – к сожалению, разобраться не удалось. Если автор рукописи перепутал св. муч. Феодора со св. муч. Феодотом Анкирским, то день памяти последнего приходится на 18 мая – заключение общего мира в Париже. Что касается св. апостола Иакова Зеведеева, то в день его памяти – 30 апреля – в 1812–1815 гг. не происходило никаких крупных сражений. Из сражений, перечисленных в рукописи, «свободным» остается только сражение под Лейпцигом – 6 октября – но в этот день празднуется память апостола Фомы и св. муч. Иоанна пресвитера, иконы которых здесь не упоминаются.

Указанные выше иконы были помещены вокруг купола над первым сводом храма Воскресения Христова. Торжественное освящение этого храма состоялось 3 декабря 1816 г. Придел святой Екатерины мученицы был освящен накануне, 24 ноября 1816 г., а придел святого Александра Невского – 12 декабря 1816 г. (в день рождения императора Александра I).

(В 1928 г. церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду была разрушена. На месте храма в 1935 г. был построен дом СТО (Совета труда и обороны), в котором размещался Госплан).

Одним из первых церковных памятников войны 1812 года стала *церковь святых отец Седьмого Вселенского собора близ Новодевичьего монастыря*, построенная в честь освобождения Москвы. (Выход Великой армии из города произошел в день, когда Русская Православная Церковь празднует память святых отцов Седьмого Вселенского собора (11 октября

1812 г.). Появление этого храма напрямую связано с событиями, происходившими во время оккупации Москвы в окрестностях Новодевичьего монастыря. Новодевичий монастырь, как и другие московские обители, был в то время местом пребывания частей французской армии; кроме того, в нем был устроен склад продовольствия. 23 сентября, посетив Новодевичий монастырь, Наполеон приказал укрепить его снаружи насыпью, для чего распорядился взорвать находившуюся у юго-восточной стены монастыря церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, которая мешала строительству этого укрепления. (Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи была построена в 1525 г. одновременно с монастырем).

После освобождения Москвы церковный староста купец С.А. Милюков обратился к преосвященному Августину с просьбой разрешить ему на собственные средства построить новый храм Иоанна Предтечи с приделом святителя Николая, то есть во имя тех же святых, как и старая разрушенная церковь. После согласования со Святейшим Синодом соответствующее разрешение было получено. Однако, желая увековечить день, когда французы вышли из Москвы, Августин на указе, полученном из Синода, поставил резолюцию: «Настоящий храм назначается в память Седьмого Вселенского собора, а приделы: один – Иоанна Крестителя, а другой – Николая Чудотворца»⁴⁶⁰. Через несколько месяцев, 5 мая 1816 г., на представленном ему плане новой церкви Августин написал: «Господь сил да благословит по сему созидать храм в вечную память изгнания нечестивого врага из первопрестольной столицы Российской и в возблагодарение Богу Спасителю нашему»⁴⁶¹.

Новый храм был заложен летом 1816 г. у дороги, ведущей к Новодевичьему монастырю. Милюков затратил на его сооружение 163

⁴⁶⁰ *Левитский И.В.* Летопись московской церкви святых отец Седьмого Вселенского собора, что у Новодевичьего монастыря. М., 1912. С. 12.

⁴⁶¹ Там же; *Левитский И.В.* Храм святых отец Седьмого Вселенского собора как один из первых церковных памятников Отечественной войны 1812 года. М., 1912. С. 7.

тыс. рублей. За такой щедрый дар он был награжден золотой медалью на Анненской ленте⁴⁶². В 1820 г. был освящен придел Иоанна Предтечи, в 1825 г. – придел святителя Николая. Наконец, 27 августа 1833 г. митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) был торжественно освящен и главный храм в честь святых отец Седьмого Вселенского собора. (Спустя столетие храм постигла судьба многих российских церквей. В 1935 г. он был разобран; на его месте построен восьмиэтажный жилой дом с кинотеатром «Спорт»).

В самом Новодевичьем монастыре памятником войны 1812 года стал *придел апостола Иакова Алфеева в Успенской церкви*. Память этого святого празднуется 9 октября. В этот день французы оставили монастырь, а монахиням удалось спасти свою обитель от взрыва, подготовленного неприятелями перед выходом. В память этих событий был устроен вышеназванный придел, а также принято решение ежегодно 9 октября служить благодарственный молебен и совершать крестный ход вокруг монастыря⁴⁶³. В советское время придел Иакова Алфеева был упразднен; сейчас в Успенской церкви Новодевичьего монастыря действует только главный Успенский престол.

Как памятники войны с наполеоновской Францией у Никольской башни Московского Кремля были возведены две *часовни* – *Александра Невского* (по северную, правую сторону Никольских ворот) и *Николая Чудотворца* (по южную, левую сторону). Часовня Александра Невского была построена в 1821 г., перестроена – в 1884 г. В том же, 1884 г., была возведена часовня Николая Чудотворца. В ней был помещен список с иконы святителя Николая, чудесно сохранившейся на Никольской башне при взрыве Кремля. Рядом с ним были помещены образы апостола Филиппа (в память о выходе французов из Москвы 11 октября 1812 г.) и святого Стефана – (об освобождении территории России от неприятеля

⁴⁶² Левитский И.В. Летопись.... С. 13.

⁴⁶³ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912. С. 19; Сорок сороков. Т. I. М., 1992. С. 230; 238–239.

27 декабря 1812 г.). Росписи на стенах и потолке были посвящены святым, в дни памяти которых произошли основные сражения Отечественной войны: образы св. мучеников Адриана и Наталии напоминали о Бородинской битве 26 августа 1812 г.; апостола Фомы – о Тарутинском сражении 6 октября 1812 г.; апостола Матфея – о переправе через Березину 16 ноября 1812 г.; св. мучеников Хрисанфа и Дарии – о взятии Парижа 19 марта 1814 г. Наконец, над дверьми часовни, с внутренней стороны, находилась икона Казанской Божией Матери, в день которой произошла битва под Вязьмой – 22 октября 1812 г.⁴⁶⁴ (В 1930 г. обе часовни у Никольских ворот были разрушены).

К церковным памятникам можно отнести также медную доску, помещенную после войны на стене *церкви Сорока мучеников Севастийских* (Сорока святых) близ Новоспасского монастыря, на месте убиения французами священника этой церкви Петра Гавриловича Вельяминова. Надпись на доске гласила: «На сей паперти 1812 года сентября 2 дня, на 78 году от роду, запечатлел своею кровию ревность по вере и благочестию сего прихода священник Петр Гаврилович; он мучительно умерщвлен французами за то, что не допустил их грабить в сем храме. Останки сего страдальца, тогда погребенные без гроба и отпевания в Новоспасском монастыре, двоекратно были вырываются неприятелями, искавшими в могилах сокровищ. В третий раз они с дозволения начальства вынуты из земли детьми его, благочестно отпеты в самый день освящения придельного при Сорокосвятской церкви Николаевского храма и положены в означенном монастыре с правой стороны Покровской церкви того же года 5 декабря. Доска сия вставлена сей церкви прихожанами в память ревностного блюстителя святыни священно-страстотерпца Петра Гавриловича»⁴⁶⁵.

⁴⁶⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 642. Л. 11 об.–12.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 13.

1 сентября 1910 г. в подмосковном селе Фили (ныне Кутузовский проспект Москвы) рядом с воссозданной Кутузовской избой⁴⁶⁶ Обществом хоругвеносцев храма Христа Спасителя была заложена каменная *часовня архангела Михаила* с отделением музея Кутузовской избы. Часовня была построена по проекту архитектора Н. Литвинова в русско-византийском стиле. Значительную часть средств, затраченных на ее сооружение, составили добровольные пожертвования москвичей. Экспонатами для музея-часовни стали подлинные вещи эпохи 1812 года – образцы обмундирования, снаряжения русской армии, личные вещи М.И. Кутузова, переданные потомками полководца. 9 сентября 1912 г. часовня была освящена, а в ноябре 1920 г. в ней был освящен храм архангела Михаила. На рубеже 1960–1970-х гг. с церкви был снят купол, музей переведен в здание музея-панорамы «Бородинская битва», а храм обнесен забором и занят одним из учреждений Министерства финансов. Благодаря стараниям директора музея-панорамы «Бородинская битва» О.Н. Папкова, сумевшего организовать общественность, в начале 1990 г. здание церкви архангела Михаила было освобождено и передано музею-панораме. Однако в ноябре того же года Папков сдал это здание в аренду совместному советско-американскому кооперативу «Удача»⁴⁶⁷. В настоящее время церковь архангела Михаила является действующей и находится в ведении Московской патриархии.

В 1859 г. внук М.И. Кутузова генерал-майор П.М. Голенищев-Кутузов-Толстой построил каменную *часовню в честь архангела Михаила* в деревне Моче (на реке Моче), относившейся к приходу Покровской церкви села Покровского Подольского уезда. В этой деревне в 1812 г. главнокомандующий русской армией останавливался на три дня. Рядом с часовней, в особом сарае, хранился некоторое время экипаж Кутузова,

⁴⁶⁶ Изба крестьянина Фролова, в которой 1 сентября 1812 г. состоялся военный совет, сгорела в 1868 г. В 1887 г. она была восстановлена, но без всякой археологической точности. Изба стала небольшим музеем, экспонаты которого напоминали о войне 1812 года.

⁴⁶⁷ Сорок сороков. Т. 4. М., 1995. С. 177–179.

переданный позднее в Кутузовскую избу, а затем – в Бородинский музей-заповедник⁴⁶⁸.

Одним из самых значительных памятников Отечественной войны 1812 года является *Спасо-Бородинский монастырь*, основанный М.М. Тучковой (урожденной Нарышкиной), вдовой генерал-майора А.А. Тучкова (4-го), погибшего в Бородинском сражении. В 1820 г. она построила на месте гибели мужа *церковь Спаса Нерукотворного*. Спас Нерукотворный был иконой Ревельского пехотного полка, шефом которого был генерал-майор А.А. Тучков. Полковая икона стала главной святыней построенной церкви. Маргарите Михайловне удалось оставить ее для храма, заказав для Ревельского полка точный список с этой иконы. Внутри церкви, налево от входа, был поставлен белый мраморный крест, на его подножии вырезаны слова: «Помяни, Господи, в царствии Твоем Александра, на поле брани убиенного»⁴⁶⁹. После смерти сына Николая, похороненного в церкви Спаса Нерукотворного, которая стала теперь семейной усыпальницей Тучковых, Маргарита Михайловна окончательно переселилась на Бородинское поле. Вскоре при храме собралась женская община, преобразованная в 1838 г. в Спасо-Бородинский монастырь. М.М. Тучкова приняла постриг и под именем игуменьи Марии стала первой настоятельницей нового монастыря. В 1839 г. в монастыре был построен храм святого Филарета Милостивого, а в 1859 г. – соборный *храм в честь Владимирской иконы Божией Матери* (в день празднования которой состоялось Бородинское сражение). Владимирский собор выполняет одновременно роль смотровой площадки. По спиральной лестнице в стене можно подняться на террасу собора, с которой открывается вид на Бородинское поле: колокольню Колоцкого монастыря, село Валуево, Багратионовы флеши, Шевардинский редут, деревню Семеновское, батарею Раевского. Главное местное празднование Спасо-

⁴⁶⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 642. Л. 19 об.–20.

⁴⁶⁹ Голицын Н.С. Спасо-Бородинский женский монастырь. М., 1879. С. 22.

Бородинского монастыря было приурочено к 26 августа. На следующий день обычно совершался крестный ход из села Бородино в монастырь, где происходило заупокойное богослужение по убитым на брани воинам. Эта традиция возобновлена в наши дни. В начале сентября, ежегодно, Спасо-Бородинский монастырь совместно с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником проводит День воинской славы России, который включает в себя Божественную литургию во Владимирском соборе Спасо-Бородинского монастыря, крестный ход из монастыря на батарею Раевского, панихиду и благодарственный молебен «В воспоминание избавления Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык».

В 1839–1912 гг. на Бородинском поле было возведено 37 монументов, в том числе 33 памятника полкам, дивизиям, корпусам, артиллерийским ротам и батареям российской армии, отличившимся в сражении. Один из них – *памятник 1-му и 19-му егерским полкам* – можно считать церковным, так как он представляет собой часовню. Памятник создан по заказу воинов 109-го пехотного Волжского (бывшего 19-го егерского) и 4-го гренадерского Несвижского генерал-фельдмаршала князя М.Б. Барклая де Толли (бывшего 1-го егерского) полков. Часовня выполнена по проекту архитектора Б.А. Альберти, установлена в 1912 г.

К столетию Отечественной войны *часовня-памятник* была сооружена в *Павловском Посаде*. Посад возник в 1844 г. путем преобразования в него села Павлово Богородского уезда и четырех соседних деревень. В сентябре–октябре 1812 г. Павлово было центром развернувшегося здесь движения сопротивления под руководством крестьян Г.М. Курина, Е.С. Стулова и И.Я. Чушкина. После войны в честь победы напротив Воскресенской церкви села Павлово был поставлен деревянный столп-часовня, украшенный с четырех сторон иконами. В 1909 г. Общество хоругвеносцев названной церкви выступило с инициативой заменить к столетию войны обветшавший деревянный столп на каменную часовню,

которую планировалось построить по проекту, представленному архитектором В.П. Десятовым. Поскольку территория, на которой находился деревянный столп, из бывшей площади превратилась фактически в перекресток важных улиц (Купеческой и Дубровской), архитектор предложил сместить новую часовню ближе к реке, а старое место расположения памятного знака отдать под проезжую часть. Смета на осуществление проекта составила 8 540 рублей 95 копеек, при этом 1,5 тыс. рублей должны были поступить от Общества хоругвеносцев, 1,5 тыс. рублей – от городского общественного управления, остальное – от кружечного сбора во время крестных ходов, от добровольной подписки жителей города и в виде денежной помощи от Воскресенской церкви.

В июле 1910 г. Московская духовная консистория, после согласования вопроса с Московским губернским правлением, разрешила строительство часовни и проведение кружечных сборов в течение 1910–1912 гг. Однако в январе 1911 г. общее собрание членов Общества хоругвеносцев неожиданно постановило одобрить новый проект часовни, представленный гражданским инженером В.К. Сероцинским. Точная причина изменения проекта остается неизвестной. Сметная стоимость осталась прежней. Видимо, заказчиков более заинтересовало архитектурное решение памятника, предложенное Сероцинским. По его проекту, часовня должна была стать пятиглавой (у Десятова – одноглавой), более приземистой (20 м высотой, у Десятова – 28 м). Внешний декор отвечал идее часовни как памятника в честь столетия Отечественной войны: были предусмотрены венки, лавровые ветви, даты «1812–1912», изображение Христа Спасителя и памятная доска на фасадной части. В августе–сентябре 1911 г. удалось добиться переутверждения проекта в вышеупомянутых инстанциях и приступить к постройке. С целью привлечения дополнительных средств на строительство часовни Общество хоругвеносцев издало и распродало тираж брошюры неизвестного автора «Достопамятная годовщина. К предстоящему сооружению часовни в Павловском Посаде в память войны

1812 года», где подробно рассказывалось о событиях, которым посвящен сооружаемый памятник.

1 октября 1912 г. состоялось торжественное освящение часовни. В этот день, на праздник Покрова, в 1812 г. состоялось решающее сражение с французами местного ополчения. В 1932 г., в русле государственной антирелигиозной политики, по решению местных властей часовня была снесена⁴⁷⁰. В 2007–2010 гг. она была восстановлена.

В Богоявленском соборе г. Богородска в 1823 г. был устроен *придел Покрова Божией Матери*. 1 октября 1812 г., в день этого праздника, Богородск был освобожден от неприятеля. Ежегодно 1 октября в память того же события вокруг города совершался крестный ход⁴⁷¹.

В Христорождественской церкви села Рождествено Серпуховского уезда в память освобождения от неприятеля 6 октября 1812 г. Рождественского прихода в 1817 г. был освящен *придел святого апостола Фомы*⁴⁷².

В селе Васильевском Дмитровского уезда в 1836 г. в память Отечественной войны был построен *Велико-Васильевский храм*. На это указывала надпись на деревянном кресте, находившемся на жертвеннике главного алтаря⁴⁷³.

В 1852 г. в селе *Фоминское* (ныне – г. Наро-Фоминск) на берегу реки Нары в честь 40-летия победы в Отечественной войне 1812 года был построен *Никольский собор* с двумя приделами – Георгия Победоносца и иконы Божией Матери «Троеручица». (В октябре 1812 г. в селе останавливалась французская армия, отступавшая к Малоярославцу). В 1930 г. собор был закрыт, с 1990 г. вновь стал действующим.

⁴⁷⁰ Маркин А.С. Часовня памяти 1812 года в Павловском Посаде. История создания и гибели // К предстоящему восстановлению часовни в Павловском Посаде в память войны 1812 года. Павловский Посад, 1996.

⁴⁷¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 642. Л. 17.

⁴⁷² Там же. Л. 20.

⁴⁷³ Там же. Л. 18.

*В деревне Большая Сетунь, принадлежащей к приходу церкви Спаса Нерукотворного образа села Спасское-Манухино Московского уезда, в 1854 г., с благословения митрополита Филарета, была построена в память войны 1812 года каменная часовня Нерукотворного Спаса*⁴⁷⁴.

К памятникам войны 1812 года можно отнести храм в Старой Ольшанке (усадьбе В.Д. Поленова), построенный по проекту академика К.Л. Молдавского и профессора Р.И. Кузьмина бабушкой В.Д. Поленова В.Н. Воейковой в память о муже – герое Отечественной войны, генерал-майоре А.В. Воейкове. Храм сохранился, но находится в плачевном состоянии. В настоящее время принято решение о его реставрации.

В Смоленской епархии выявлено три церковных памятника. Это прежде всего церковь Благовещения над Молоховскими воротами. Она построена в 1830-е гг. на месте бывшей Молоховской башни Смоленской крепостной стены, взорванной французами в 1812 г. Строительство храма связано с посещением в 1832 г. Смоленска императором Николаем I, который, обратив внимание на упадок благосостояния города, сделал значительное денежное пожертвование в пользу жителей, разоренных неприятелем во время Отечественной войны. Желая выразить благодарность монарху, смоляне обратились к нему с просьбой о разрешении построить на месте бывших Молоховских ворот церковь Николая Чудотворца (как святого, соименного императору). Однако Николай I велел посвятить этот храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, в память того, что находившийся прежде над воротами Молоховской башни образ Благовещения был найден после взрыва невредимым.

Проект храма, в облике которого сочетались элементы классицизма и псевдоготики, был представлен на личное утверждение императору. Он отвечал желанию Николая I, чтобы внешний вид храма соответствовал древности крепостной стены. Церковь была одноглавой и напоминала

⁴⁷⁴ Там же. Л. 17.

четырехугольную башню с зубцами и проездными воротами. На ее строительство жители Смоленской губернии пожертвовали свыше 38 тыс. рублей. Кроме того, император разрешил отпустить из средств Государственного Казначейства на окончание постройки недостающие 7 тыс. рублей. 25 июля 1840 г. храм был освящен и приписан к смоленскому Спасо-Преображенскому Авраамиеву монастырю. В 1893 г. он был обращен в полковую церковь Софийского пехотного полка⁴⁷⁵. В 1936 г. при перепланировке района Молоховские ворота с надвратной церковью Благовещения были разобраны.

Памятником войны 1812 года считается *церковь Рождества Богородицы в г. Вязьме*. Она построена в 1727 г. в стиле барокко, тогда же рядом с ней была возведена четырехъярусная колокольня. В 1785 г. к центральной части храма была пристроена трапезная с двумя приделами – Иоанна Богослова и святых Жен Мироносиц. В августе 1812 г. при отступлении русской армии из Вязьмы был подожжен Смоленский мост, от начавшегося при этом пожара серьезно пострадала церковь Рождества Богородицы. 22 октября на Торговой (ныне Советской) площади, где расположен храм, состоялся бой за освобождение Вязьмы. В память об этом событии в 1962 г. на стене церкви была установлена мемориальная доска. В период подготовки к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года храм был полностью отреставрирован. В мае 1913 г. «Вяземский комитет 1812 года» постановил считать церковь Рождества Богородицы храмом-памятником. В 1929 г. Президиумом Вяземского горсовета было принято решение использовать здание церкви в качестве Дома физкультурника. В 1930-е гг. была разобрана колокольня. В 1940–1960-е гг. здесь был городской радиоузел, кинотеатр, Дом пионеров. С 1970 г. до настоящего времени в трапезной части храма размещается Вяземский краеведческий музей⁴⁷⁶.

⁴⁷⁵ Смоленская губерния в 1812 году. Смоленск, 1912.

⁴⁷⁶ Даниил (Сычев). Вязьма. Очерки истории. М., 1997. С. 113–116.

В наши дни в Смоленской епархии появился еще один памятник войны 1812 года. 27 сентября 2002 г. на Соловьевой переправе был освящен храм иконы *Божией Матери «Взыскание погибших»*. Он построен в память русских воинов, погибших в двух Отечественных войнах – 1812 года и 1941–1945 гг.

В Калужской епархии насчитывается шесть церковных памятников войны 1812 года. Наиболее интересными являются памятники *Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря*. 12 октября 1812 г. монастырь сильно пострадал в ходе сражения. Как упоминалось выше, он был занят неприятелем, которого пытались выбить оттуда части русской армии. Площадь перед монастырскими воротами и Соборная площадь были главной ареной боя. После отступления французов оказалось, что церковь ограблена, деревянные строения сгорели. Каменные *Голубые ворота*, на фронте которых незадолго до войны был изображен Нерукотворный образ Спасителя, были испещрены картечными и ружейными пулями, однако ни одна из них не коснулась образа Христа. Современники увидели в этом знамение того, что Спаситель обратил свое лицо в день сражения к русской армии, уповающей на Его милость. По повелению императора Александра I, в память о сражении следы от снарядов и пуль на воротах монастыря оставили неприкосновенными. В 1830-е гг. на воротах была установлена мемориальная доска с надписью: «Язвы в память французской войны», до наших дней она не сохранилась.

Значительный вклад в восстановление монастыря и в дело увековечения памяти погибших здесь героев внес настоятель обители – отец Макарий (в миру – М.О. Фомин), сумевший не только собрать необходимые для этого средства, но и превратить соборный храм монастыря в своеобразный памятник войны 1812 года. Сразу после Малоярославецкого сражения отец Макарий задумался над тем, что его обитель вошла в историю войны, однако окончательно он убедился в этом,

получив ответ императора на свою просьбу оказать помощь в одном деликатном деле. Дело в том, что в 1814 г. попечитель этой обители московский купец Т.Е. Целибеев, умирая, завещал отцу Макарию для восстановления монастыря и строительства заложенного в 1812 г. (накануне войны) соборного храма практически все свое состояние – 70 900 рублей (в эту сумму входили: билеты Московской Сохранной казны на 14 200 рублей; векселя, заемные письма и расписки от частных людей на 56 400 рублей; земля и строения на 300 рублей). Однако, когда через два года Калужская Палата гражданского суда, в которую было представлено на утверждение из Малоярославецкого городского магистрата завещание покойного Целибеева, потребовала у отца Макария 4 363 рубля 50 копеек пошлинных денег (со всей объявленной в завещании суммы), он не смог срочно заплатить пошлину, так как все наличные деньги были уже истрачены, а векселедатели оказались несостоятельными. Тогда-то отец Макарий и обратился к обер-прокурору Святейшего Синода А.Н. Голицыну с прошением «об исходатайствовании монаршей милости в пользу монастыря». Рассмотрев доклад А.Н. Голицына, Александр I ответил, что «закона переменить» он не может, однако «приняв в особенное внимание», что под Малоярославцем состоялось одно из крупнейших сражений войны 1812 года, а Николаевский Черноостровский монастырь, неоднократно переходивший из рук в руки, стал «местом достославного поражения» неприятеля и победы русских войск, велел выдать из Государственного казначейства 10 тыс. рублей, «как на уплату пошлинных денег, требуемых Калужской Палатой, так и в пособие на исправление монастырских зданий»⁴⁷⁷.

С этого времени отец Макарий решил посвятить строившийся *Николаевский соборный храм* памяти героев войны 1812 года, павших под стенами монастыря, и сделать его настолько величественным, чтобы он

⁴⁷⁷ Леонид (Кавелин). Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. М., 1903. С. 72–73.

соответствовал своему высокому предназначению. Для того, чтобы собрать необходимые средства, он неоднократно обращался в воинские части и к гражданским лицам с просьбой пожертвовать на строительство храма. При этом обязательно подчеркивалось, что «цель сооружения святылища есть усердие старцев монастыря почитать память героев, павших во брани за веру, Царя и Отечество», а также то, что в основу этого сооружения легли «щедроты императора Александра I и добровольные пожертвования доброхотных дателей». Одними из первых откликнулись на обращение настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря казаки Донского войска. Наказной атаман Войска Донского генерал-лейтенант А.В. Иловайский (1-й) направил отцу Макарию собранные казаками 3 597 рублей 43 копейки ассигнациями, а наказной атаман И. Андрианов – 160 рублей ассигнациями и 161 рубль серебром⁴⁷⁸. Помимо письменных приглашений к пожертвованию отец Макарий посылал в Москву и в окрестные губернии сборщиков на тот же предмет, которым удалось собрать 21 083 рубля 13 копеек⁴⁷⁹. Торжественное освящение Николаевского собора состоялось 26 августа 1843 г.

В 1859–1860 гг. в *Малоярославце*, недалеко от одной из трех братских могил воинов, павших в сражении 12 октября 1812 г., была построена каменная *часовня*. Инициатором постройки был участник Отечественной войны, помещик Малоярославецкого уезда, отставной майор Ф.М. Максимов, получивший ранение в сражении за Малоярославец и потерявший здесь многих из своих сослуживцев. В 1859 г. он обратился в Малоярославецкую думу с соответствующим предложением и выделил необходимые для постройки средства. Под руководством настоятеля Николаевского Черноостровского монастыря отца Никодима часовня была построена и в сентябре 1860 г. торжественно освящена. Выполнена она в византийском стиле, на фронте передней стены золочеными буквами

⁴⁷⁸ Там же. С. 83.

⁴⁷⁹ Там же. С. 87.

помещена надпись: «Сооружена в память воинов, на брани убиенных 1812 года 12 октября»⁴⁸⁰. Ежегодно в день Малоярославецкого сражения после литургии из монастыря и городских церквей к часовне совершался крестный ход и служилась панихида по погибшим православным воинам. До 1918 г. часовня принадлежала Николаевскому Черноостровскому монастырю. В 1940-х гг. здесь разместился Военно-исторический музей 1812 года. В 1987 г. в здании часовни открылся отдел музея – диорама Е.И. Дешалыта «Сражение за Малоярославец 12/24 октября 1812 г.»⁴⁸¹.

К столетию Отечественной войны на центральной площади Малоярославца по проекту архитектора Скловского была сооружена *церковь Успения Пресвятой Богородицы*. Стоявший ранее на этом месте храм сильно пострадал во время Малоярославецкого сражения, поэтому после войны было принято решение разобрать его и построить новый. Однако строительство новой церкви, начавшееся в 1903 г., из-за отсутствия средств вскоре прекратилось. Возобновление постройки решили приурочить к столетнему юбилею Малоярославецкого сражения. Извещенный об этой идее, император Николай II направил в Строительный комитет следующую телеграмму: «Искренно радуюсь постройке храма на месте славной битвы и сердечно благодарю всех, вносящих свою лепту и труд на созидание исторического памятника»⁴⁸². 18 марта 1909 г. с разрешения императора открылась всероссийская подписка на сооружение храма-памятника. Поскольку строительство приходской церкви превратилось теперь в сооружение памятника войны 1812 года, было решено сделать фасад более декоративным, а также

⁴⁸⁰ Цветков И. Памятники Отечественной войны, находящиеся в городе Малоярославце // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. 1812–1912. Вып. 1. Калуга, 1912. С. 135.

⁴⁸¹ Щебикова Е.А. «...И вечной памятью Двенадцатого года» // От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения / Сост. Котлякова Н.В., Назарян Е.А. Калуга, 2002. С. 272–273.

⁴⁸² РГИА. Ф. 799. Оп. 6. Д. 72. Л. 8.

пристроить колокольню и трапезную. 11 октября 1912 г. церковь Успения Пресвятой Богородицы была торжественно освящена⁴⁸³.

В г. Боровске в 1814 г. в честь освобождения города от французов была построена *церковь Воздвижения Креста Господня*. В советское время церковь была разрушена. Ее остатки перестроены под водонапорную башню.

В 1854 г. на большой Вере́йской дороге, на расстоянии одной версты от г. Медыни, в память одержанной здесь 13 октября 1812 г. победы над авангардом 5-го армейского корпуса генерала Ю.А. Понятовского, был сооружен каменный *памятник в форме часовни*. Первоначально на месте бывшего сражения был воздвигнут деревянный крест, но со временем он обветшал. Поэтому городской голова Медыни Н.Г. Рябцев на свои средства поставил здесь вышеупомянутый памятник. Он увенчан железным яблоком с крестом, на передней стене находится икона святых Карпа и Папилы, память которых празднуется 13 октября. В этот день к памятнику ежегодно устраивался крестный ход⁴⁸⁴. Во время Великой Отечественной войны памятник был разрушен, но в 1988 г. воссоздан в первоначальном виде.

В Псковской епархии было построено два церковных памятника. Наиболее величественным из них является *собор Архистратига Михаила*, воздвигнутый в *Псково-Печерском монастыре* в 1815–1827 гг. История его возникновения такова. В начале октября 1812 г. Полоцк был захвачен французами, такая же опасность угрожала Пскову. 6 октября, по просьбе псковичей, монахи Печерского монастыря пришли в Псков крестным ходом с чудотворной иконой Успения Божией Матери. 7 октября псковское духовенство, вместе с местными жителями, обошло стены города. В тот же день Полоцк был освобожден корпусом графа

⁴⁸³ Щебикова Е.А. Указ. соч. С. 274–275.

⁴⁸⁴ Недоходовский Я. 1812 год: дело под Медынью и Медынский памятник // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. 1812–1912. Вып. 1. Калуга, 1912. С. 147–148.

П.Х. Витгенштейна. Желая выразить благодарность графу, а также увековечить освобождение Полоцка и избавление псковского края от нашествия, монахи Псково-Печерского монастыря, по благословению архиепископа Псковского Ириней (Клементьевского), решили воздвигнуть в обители храм и поставить в нем обелиск в честь П.Х. Витгенштейна.

21 июня 1815 г. проект храма, разработанный петербургским архитектором Ф.И. Руско, был утвержден императором Александром I. На строительство храма, по призыву Витгенштейна, воины его корпуса пожертвовали 30 тыс. рублей. Из письма архимандрита Псково-Печерского монастыря Венедикта графу Витгенштейну от 21 апреля 1813 г. следует, что первоначально храм предполагалось посвятить святой Софии Премудрости Божией и устроить в нем два придела – св. благоверного князя Александра Невского и св. праведной Елизаветы⁴⁸⁵, однако в конечном итоге было принято предписание Александра I: «Посвятить новоустроенную церковь имени Архангела Михаила». Запланированный обелиск также не был поставлен, на этот раз по желанию самого Витгенштейна. Вместо него, по просьбе графа, в храме были установлены две серебряных доски-плиты, на которых были указаны имена павших в пределах Полоцка. Торжественное освящение храма состоялось 29 июня 1827 г.

Собор Архистратига Михаила одноглавый. С трех сторон храма – паперти, на каждой из которых по четыре колонны дорического ордера поддерживают массивные фронтоны. Над фронтонами и алтарем четыре больших креста, по сторонам которых вылеплены коленопреклоненные ангелы. По предписанию Александра I, в память об избавлении от французского нашествия, был установлен крестный ход, который отправлялся 6 октября из этого храма в Псков, а перед выходом служилась

⁴⁸⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 2. Л. 487.

панихида по всем погибшим в местах района действия корпуса графа П.Х. Витгенштейна⁴⁸⁶.

В селе *Высокое (ныне Дедовичи) Порховского уезда* Псковской епархии в 1820 г. вдова генерал-майора П.Г. Лихачева Н.И. Лихачева построила в честь победы в Отечественной войне 1812 года *церковь Вознесения Господня*.

В 1912 г. в г. *Риге*, центре Рижской епархии, которая в 1850 г. выделилась из Псковской епархии, на Иоанновском православном кладбище был заложен каменный *храм Усекновения главы Иоанна Предтечи*. Старый деревянный кладбищенский храм, находившийся на этом месте, обветшал и требовал обновления. Строительство нового храма было решено приурочить к столетию войны 1812 года и превратить его в храм-памятник. На медной доске, положенной в основание храма при закладке, говорилось, что он создается «в воспоминание изгнания из России галлов в 1812 году»⁴⁸⁷. В нем предполагалось устроить два придела – св. князя Александра Невского (как святого, соименного императору Александру I) и св. архангела Михаила (как соименного М.И. Кутузову). Закладка храма, состоявшаяся 4 июля 1912 г. (в день годовщины посещения города императором Николаем II), прошла очень торжественно. Были собраны значительные средства на постройку (30 тыс. рублей пожертвовали жители Риги и 25 тыс. рублей – Рижское городское управление), разработан проект храма, согласно которому он должен был быть пятиглавым, светлым (предполагалось сделать два ряда окон, помимо куполов, в каждом из которых планировалось по 12 окон), высота его должна была достигать 23-х сажень. «Рижские епархиальные ведомости», сообщая о закладке церкви, отмечали: «Будущий Иоанновский храм станет

⁴⁸⁶ *Бережанский Н.* Памятник-храм 1812 г. в Псково-Печерском монастыре // Русский паломник. 1912. № 50. С. 790–791.

⁴⁸⁷ Торжество закладки каменного храма на Рижском православном Иоанновском кладбище // Рижские епархиальные ведомости. 1912. № 14–15. С. 473.

украшением не только Московского форштадта, но и всей Риги»⁴⁸⁸. Однако построить храм Усекновения главы Иоанна Предтечи, видимо, не удалось из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны и оккупации города. Во всяком случае ни в дореволюционной, ни в современной литературе о Риге не удалось найти следов существования этого храма.

В Могилевской епархии удалось обнаружить два церковных памятника войны 1812 года. В *г. Орше*, рядом с железнодорожным вокзалом, 1 мая 1911 г. была заложена, а 22 ноября 1914 г. освящена *Свято-Успенская церковь*, построенная, согласно отчету Могилевского преосвященного, в память Отечественной войны 1812 года⁴⁸⁹. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. храм был разрушен в результате бомбардировки города. После войны он не был восстановлен.

В 1914 г. *под Салтановкой*, где 11 июля 1812 г. произошло одно из крупных сражений Отечественной войны, по проекту архитектора К. Михайлова, в стиле классицизма была построена каменная *часовня-памятник*. Часовня в плане квадратная. Фасады украшены портиками дорического ордера, окна выполнены в виде крестообразных щелей. Шатровая крыша завершается небольшой главкой с восьмиконечным крестом. С четырех сторон укреплены мемориальные доски с перечнем воинских частей, принимавших участие в сражении. Доски выполнены местным скульптором П.Г. Яцыной⁴⁹⁰.

В Полоцкой епархии, выделившейся в 1833 г. из Могилевской епархии, обнаружен один церковный памятник. Это *храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость»*, построенный на могиле генерал-майора Я.П. Кульнева его братом М.П. Кульневым. В 1832 г. Михаил Петрович добился разрешения на перевоз праха брата в

⁴⁸⁸ Там же. С. 475.

⁴⁸⁹ Отчет за 1911 год // Могилевские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 584; Могилевские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 645.

⁴⁹⁰ *Чернатов В.М.* Памятники воинской славы на Белорусской земле (XIX – начало XX вв.). Минск, 1976. С. 12; *он же.* Сынам Отчизны. Мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии. Минск, 1980. С. 29–33.

свое имение Ильзенберг Режицкого уезда Витебской губернии. В следующем 1833 г. над его могилой началось строительство вышеупомянутой церкви, в то время единственного православного храма во всем Режицком уезде (не считая города Режицы). Церковь построена из булыжного камня по образцу древних базилик. Вокруг нее – шесть колонн (две при входе и четыре со стороны алтаря). Колонны, карнизы и колокольня выбелены известью. С северной и южной сторон устроены полукруглые выступы, образующие внутри храма ниши. В южной нише погребен Я.П. Кульнев. Над его могилой Михаил Петрович поставил облицованный деревом памятник, напоминающий по форме саркофаг⁴⁹¹. 27 ноября 1892 г. Клястицкий драгунский и Гродненский гусарский полки, в которых служил генерал-майор Я.П. Кульнев, заменили этот памятник на новый: каменная гробница обнесена железной оградой, к головной стороне гробницы прикреплено ядро, которым, по преданию, был убит Я.П. Кульнев; в ногах помещен его портрет. Наверху гробницы надпись: «Генерал-майор Яков Петрович Кульнев родился 1764 года, июля 25 дня, со славою погиб под Клястицами 1812 года, июля 20 дня». В 1912 г. «Кульневский храм», как его часто называют в литературе, был отремонтирован на сумму в 5 тыс. рублей, отпущенную для этой цели императором Николаем II из Капитула Российских Орденов⁴⁹².

В Минской и выделившейся из нее в 1799 г. Гродненской епархиях выявлено четыре церковных памятника (и один несостоявшийся проект). Входящий в это число *собор Александра Невского в г. Кобрине* интересен своим двойным посвящением. Он заложен в 1864 г. в честь отмены крепостного права. Однако построен он (в 1868 г.) на могиле русских солдат, погибших во время Кобринского боя 15 июля 1812 г. В память о них на соборе установлена мемориальная доска. Храм крестово-

⁴⁹¹ Детлов К.К. На могилах Кульнева // Русская Старина. 1887. Т. 53. № 3. С. 644–647.

⁴⁹² Торжество в м. Кульневе // Полоцкие епархиальные ведомости. 1912. № 39. С. 723–728.

купольный, выполнен в стиле позднего классицизма. В настоящее время в здании собора размещается филиал Государственного архива Брестской области⁴⁹³.

К памятникам войны 1812 года можно отнести *часовню-усыпальницу князя И.Ф. Паскевича в г. Гомеле*. Она построена в 1889 г. по проекту архитектора Е.И. Червинского. Часовня входит в Гомельский дворцовый ансамбль. (Дворец был заложен в 1785 г. для П. Румянцева, в конце 1830-х – начале 1840-х гг. перешел к фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу). Часовня кирпичная, квадратная в плане, по форме напоминает пятиглавую шатровую церковь. Фасады разделены карнизами на три яруса. Главной достопримечательностью памятника является его декоративное убранство. Керамические колонки, скульптурные кокошники, розетки, карнизные пояса, позолоченные купола и цветная керамика выполнены на самом высоком художественном уровне. Особую красочность фасадам придают разноцветные майоликовые плитки с растительным орнаментом. Декоративно-художественные работы выполнены по эскизам художника С.И. Садикова. Усыпальница И.Ф. Паскевича находится под землей, вход в нее закрыт. Внутреннее пространство часовни освещается через круглые фонари-люки, расположенные в верхней части свода. Во время Великой Отечественной войны часовня сильно пострадала, но в 1975 г. была полностью отреставрирована⁴⁹⁴.

В 1912 г. в урочище *Высокая Гора, близ сел Городечно и Поддубно*, на месте Городеченской битвы была построена каменная *часовня*. На ее стенах были высечены наименования воинских частей, участвовавших в битве, и имена погибших. В годы Великой Отечественной войны часовня была разрушена, сохранился только шестигранный цоколь, на фасаде

⁴⁹³ Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. Минск, 1990. С. 250.

⁴⁹⁴ *Чантурия В.А.* Архитектурные памятники Белоруссии. Минск, 1982. С. 95; *Чернатов В.М.* Сынам Отчизны. Мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии. Минск, 1980. С. 38–39.

которого установили плиту с памятной надписью⁴⁹⁵. В 1994 г. часовню построили заново.

В *г. Борисове* в 1997 г. на месте заложенного в 1914 г. по проекту архитектора И.А. Фомина, но не построенного из-за начавшейся войны памятника героям 1812 года, было начато строительство *храма Святой Живоначальной Троицы* в честь воинов, погибших за Отечество. В 2012 г. храм-памятник был освящен.

Первая мировая война помешала постройке еще одного памятника в Борисове. Это *мавзолей для захоронения русских воинов, погибших под Борисовым в 1812 г.* Мавзолей должен был представлять собой купольный храм-ротонду с портиком, подчеркивающим главный вход. Ротонду предполагалось окружить ионической колоннадой и увенчать сферическим куполом. Проект мавзолея, разработанный тем же архитектором И.А. Фоминым, был утвержден в 1915 г., но по указанным выше причинам так и не был реализован⁴⁹⁶.

На территории, находившейся в 1812 г. в тылу, было построено меньше церковных памятников, чем там, где непосредственно проходили боевые действия. Однако стремление увековечить столь важное общегосударственное событие в полной мере проявилось и здесь.

В Санкт-Петербургской епархии насчитывается два церковных памятника. Первым из них стал *Казанский собор г. Санкт-Петербурга*. Казанский собор был построен накануне Отечественной войны (закладка состоялась 7 марта 1801 г., торжественное освящение – 15 сентября 1811 г.), однако как кафедральный собор столицы он оказался непосредственно связанным с событиями 1812–1814 гг., которые и превратили его в народном сознании в памятник Отечественной войны.

⁴⁹⁵ Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. Минск, 1990. С. 365.

⁴⁹⁶ *Чернатов В.М.* Сынам Отчизны. Мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии. Минск, 1980. С. 36.

11 августа 1812 г. в Казанском соборе перед иконой Казанской Божией Матери накануне отъезда в армию молился назначенный главнокомандующим М.И. Кутузов. В 1813 г. в правом приделе собора был помещен присланный Кутузовым после взятия Ченстохова список с Ченстоховской иконы Божией Матери, особо почитаемой в православном мире⁴⁹⁷. 13 июня 1813 г., по распоряжению Александра I, в Казанском соборе был захоронен умерший 16 апреля 1813 г. М.И. Кутузов. Гробницу было решено разместить в северном приделе (св. Антония Феодосийского), под висевшей здесь картиной Ф.Я. Алексеева «Прославление иконы Казанской Божьей Матери на Красной площади после освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году», сюжет которой перекликался с изгнанием французов из Москвы в 1812 г. В 1814 г. по проекту архитектора А.Н. Воронихина покрытую мраморной плитой гробницу полководца обнесли бронзовой оградой с атрибутами воинской славы и золоченым родовым гербом Кутузова. На стене поместили еще один герб, а выше – черную мраморную доску с надписью «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Родился в 1745 году, скончался в 1813 году в городе Бунцлау» и Смоленскую икону Божией Матери, которую чтил Кутузов. Вокруг могилы были размещены трофейные знамена, штандарты и ключи от взятых городов. К тому времени в соборе было собрано более ста знамен и штандартов (в том

⁴⁹⁷ Ченстоховская икона Божией Матери, по преданию, была написана евангелистом Лукой в Иерусалиме. В 326 г. царица Елена привезла ее в Константинополь. Оттуда икону привез на Русь Галицко-Волынский князь Лев Данилович. После захвата юго-западной Руси поляками чудотворный образ попал в руки князя Владислава Опольского, который перенес его в католический монастырь Ясная Гора близ г. Ченстохова, где он находится до сих пор. Поляки называют икону «Черной Мадонной» и почитают ее как величайшую святыню. Когда во время заграничного похода русские войска заняли Ченстохов, настоятель монастыря подарил список с иконы генералу Ф.В. Остен-Сакену, который приказал остановить бомбардировку крепости из-за того, что возникла угроза уничтожения храма, где находилась чудотворная икона. Ф.В. Остен-Сакен передал список М.И. Кутузову, а тот отправил его в Санкт-Петербург вместе с ключами от Ченстоховской крепости. Император Александр I велел украсить этот список богатым серебряным окладом с драгоценными камнями и поставить в Казанском соборе.

числе: 41 французское, 4 итальянских, 11 польских, 47 немецких), ключи от 8 крепостей и 17 городов (включая Варшаву, Лейпциг, Гамбург, Брюссель, Утрехт, Марсель), а также жезл французского маршала Л.Н. Даву.

В 1836 г. по проекту архитектора К.А. Тона для собора был создан новый иконостас, на украшение которого были использованы 40 пудов серебра, присланные в декабре 1812 г. Кутузовым от имени донских казаков, обвинивших их у неприятеля. В сопроводительном письме на имя митрополита Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова) Кутузов высказал пожелание, чтобы серебро было использовано для изваяния четырех евангелистов, которым «было бы весьма прилично стоять близ царских дверей пред иконостасом» Казанского собора и «поражать взоры» входящих в храм богомольцев. По мнению генерал-фельдмаршала, тем самым был бы воздвигнут «памятник брани и мщения в Божием храме»⁴⁹⁸. Выполнить пожелание М.И. Кутузова поручили скульптору И.П. Мартосу. Однако обер-прокурор Святейшего Синода А.Н. Голицын, которому подали на рассмотрение рисунки предполагаемых моделей, подверг их суровой критике, возражая против изображения евангелистов «только обнаженными и в положении столь принужденном», и предложил «дать фигурам другой вид»⁴⁹⁹. Обиженный скульптор отказался делать новые эскизы. Чтобы погасить конфликт, Александр I отменил заказ и распорядился временно передать подаренное серебро на хранение в ризницу Александро-Невской лавры. В 1817 г. митрополит Амвросий предложил употребить серебро на главный иконостас, так как «в православной греко-российской церкви приняты одни писанные иконы и совсем не в употреблении изваяния»⁵⁰⁰. Император одобрил это предложение и, после согласования вопроса с Войском Донским, было

⁴⁹⁸ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 405.

⁴⁹⁹ Цит. по: Казанский собор. СПб., 2001. С. 67.

⁵⁰⁰ Там же. С. 68.

принято окончательное решение использовать пожертвованное серебро «на покрытие дерева в иконостасе Казанского собора». Вскоре был объявлен конкурс на лучший проект иконостаса, в котором и победил архитектор К.А. Тон. 25 декабря 1837 г. на площади перед Казанским собором в присутствии императора Николая I были торжественно открыты памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли работы скульптора Б.И. Орловского. (Решение поставить памятники перед собором двум генерал-фельдмаршалам было принято Александром I еще в 1818 г., когда умер Барклай де Толли. Однако воплотить в жизнь это решение удалось только через 19 лет). Таким образом, история тесно связала Казанский собор с памятью о войне 1812 года и с именем ее героя М.И. Кутузова, превратив храм в памятник русской воинской славы.

В честь столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года на подворье Пекинского Успенского монастыря в Санкт-Петербурге была построена церковь Казанской иконы Божией Матери. Храм был возведен на пожертвования петербургского купечества, по проекту архитектора А.П. Аплаклина в стиле новгородских церквей XII в. Он состоял из двух частей: нижний храм был посвящен празднику Воздвижения Креста Господня; верхний – Рождеству Христову с приделом Казанской иконы Божией Матери. Торжественное освящение состоялось 5 августа 1913 г. В 1930-х гг. церковь была разрушена⁵⁰¹.

В Харьковской епархии, выделившейся в 1836 г. из Слободско-Украинской епархии, обнаружен один церковный памятник Отечественной войны 1812 года. Это колокольня Успенского собора в Харькове. Собор был построен в 1687 г., одновременно с ним была возведена и первоначальная колокольня. Однако после перестройки собора в 1771–1783 гг. она перестала соответствовать архитектуре нового храма. 13 февраля 1819 г. на собрании известных харьковских граждан было принято решение построить новую колокольню «самой лучшей

⁵⁰¹ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 324.

архитектуры и в ней устроить теплый храм во имя св. Благоверного великого князя Александра Невского в память славного царствования императора Александра и благодарственное воспоминание о богодарованных ему победах в 1812–1814 гг.»⁵⁰² Составление проекта было поручено профессору Харьковского университета Е.А. Васильеву. Замысел архитектора оказался настолько грандиозным, что харьковский губернатор не решился сам утвердить проект «по причине великой колоссальности здания» и направил его на рассмотрение в Петербург. Отзыв составил академик В.П. Стасов. В целом одобрив проект, он высказал ряд замечаний, в частности, указал на отсутствие соразмерности между огромной колокольной (100 аршин, то есть 71 м) и относительно небольшой высотой собора. Между тем размеры сооружения объяснялись тем, что оно было задумано не просто как соборная колокольня, а как своеобразный монумент победы в Отечественной войне и, вместе с тем, как символ Харькова, который должен был надолго определить масштаб композиции городского центра. 8 мая 1820 г. проект Васильева был утвержден. В 1821 г. начались строительные работы, которые продолжались до 1844 г. В 1833 г. Е.А. Васильев умер, с 1837 г. надзор за строительством осуществлял профессор Харьковского университета А.А. Тон. Колокольня возводилась на добровольные пожертвования, в общей сложности было израсходовано свыше 250 тыс. рублей. Впоследствии по желанию крупнейшей жертвовательницы купчихи Прасковьи Тамбовцевой один из приделов был освящен во имя святой мученицы Параскевы.

Колокольня выполнена в стиле классицизма. Она пятиярусная, высота – 88,9 м. Первый ярус представляет собой двухэтажный прямоугольный объем, в котором размещается храм св. Александра Невского. Второй ярус квадратный, с четырехколонными портиками, размещенными по осям.

⁵⁰² *Новгородов В.Е.* Золотой венец старого Харькова. Успенский собор – памятник архитектуры XVIII века. Историко-архитектурный очерк. Харьков, 1990. С. 26.

Верхние три яруса – круглые. Третий – с двухколонными портиками, четвертый декорирован полуколоннами, пятый украшают лишь раскреповки. Такое уменьшение кверху насыщенности архитектурными деталями создает ощущение легкости и высоты постройки. По проекту Васильева предполагалось в каждом ярусе использовать различный ордер (от дорического до коринфского), однако при строительстве во всех ярусах был повторен коринфский ордер. Завершает колокольню крытая под чешую луковичной формы позолоченная глава с высокой главкой. Колокольня переходом соединена с собором. На медной памятной доске, установленной в притворе, сделана надпись: «Воздвигнута колокольня сия в благодарность Богу Спасителю за избавление Державы и Церкви Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык в 1812 году»⁵⁰³. В 1862 г. на пятом ярусе колокольни были установлены часы с боем. В 1972–1975 гг. колокольня Успенского собора была отреставрирована. До настоящего времени она остается самым высоким зданием в городе.

В Нижегородской епархии памятником войны 1812 года является *Успенский собор Нижегородского Кремля*. Он был построен в 1827 г. по инициативе и на средства вдовы героя Отечественной войны М.А. Мертваго как память о муже и о жертвах войны⁵⁰⁴. Собор имеет два придела – во имя преп. Симеона Столпника и во имя св. Марии Магдалины. Первоначально этот храм назывался Успенской церковью, однако в 1829–1834 гг., когда в связи с перестройкой кафедрального Спасо-Преображенского собора в него была временно перенесена архиерейская кафедра, он стал именоваться собором. Это название закрепилось, храм не утратил его даже после того, как стал полковым –

⁵⁰³ Там же. С. 32.

⁵⁰⁴ Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке. Владимир, 2000. С. 152.

сначала он был причислен к Карабинерному полку, а затем, в 1868 г., стал домовым храмом Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса⁵⁰⁵.

В Черниговской епархии к церковным памятникам Отечественной войны 1812 года относится *Успенский собор в г. Мглине*. Деревянный храм Успения известен здесь с XVII в. Каменный собор заложен в 1815 г. в память избавления города от разорений 1812 г. Основным вкладчиком средств был коллежский ассессор Григорий Лишин, пожертвовавший на строительство храма 10 тыс. рублей ассигнациями и почти столько же векселями. Однако вскоре Лишин умер и возведение собора было приостановлено из-за недостатка средств. В сентябре 1825 г. жители города обратились к проезжавшему через Мглин императору Александру I с просьбой оказать материальную помощь на окончание постройки. В поданном на имя императора прошении указывалось, что собор возводится «с общего согласия» жителей города в знак «благодарности к православной греко-российской вере, чрез ревнителей своих в глазах целого света прославившей любезное отечество» и в память «чудесного избавления» Мглина от неприятельского нашествия в 1812 г. Отмечалось, что церковь выстроена «вчерне почти с куполами», но остается недоконченной, так как пособия строителя Г. Лишина «со смертью его прекратились», а граждане еще «не оправились» от «смутных обстоятельств 1812 года и от ежегодных неурожаев»⁵⁰⁶. В 1827 г. из Кабинета Его Императорского Величества было прислано 5 тыс. рублей ассигнациями на окончание строительства храма. 23 октября 1830 г. состоялось торжественное освящение Успенского собора с двумя приделами: Благовещения и Архистратига Михаила.

Собор пятиглавый, крестово-купольный, четырехстолпный. Выполнен в стиле позднего классицизма. Западный и боковые фасады украшены

⁵⁰⁵ Краткое описание Нижегородских церквей, монастырей и часовен / Сост. М. Добровольский. Нижний Новгород, 1895. С. 27–28.

⁵⁰⁶ Историко-статистическое описание г. Мглина Черниговской губернии / Сост. И. Токмаков. Киев, 1888. С. 35–36.

крупными четырехколонными входными портиками. Стены обработаны горизонтальным рустом, что создает ощущение мощи, которое усиливают и сами портики с массивными тосканскими колоннами и широким антаблементом. По сторонам западного фасада находились две трехъярусные колокольни, соединявшиеся с собором на уровне карниза узкими перемычками, однако в 1930 г. они были разобраны. Успенский собор расположен на возвышенности в центре города и до сих пор играет ведущую роль в его панораме⁵⁰⁷.

В Киевской епархии памятником Отечественной войны 1812 года можно считать *Св. Крестовоздвиженскую церковь в селе Еразмовка* (ныне – село Разумовка Александровского района Кировоградской обл.) – усыпальницу генерала от кавалерии Н.Н. Раевского. Еразмовка наряду с селениями Ивангород, Бовтышка, Бирки, хуторами Нерубайка и Лесогорский входила в имение Раевских «Болтышка», унаследованное Николаем Николаевичем от родителей в 1805 г. Здесь 16 сентября 1829 г. Н.Н. Раевский умер. Согласно завещанию, его тело было предано земле в селе Еразмовка – в северной части погоста церкви Иоанна Богослова.

14 июня 1830 г. старшая дочь Раевского Е.Н. Орлова обратилась к митрополиту Киевскому и Галицкому Евгению (Болховитинову) с прошением разрешить «соорудить над гробом отца своего Н. Раевского» церковь, посвященную Воздвижению Креста Господня (в день этого праздника – 14 сентября – Раевский родился)⁵⁰⁸. По замыслу строителей, новый храм должен был стать пантеоном героя Отечественной войны 1812 года и в то же время заменить обветшавшую деревянную церковь Иоанна Богослова, существовавшую в Еразмовке. Закладка храма состоялась 3 мая 1833 г., его строительство продолжалось до 1855 г. Средства на возведение

⁵⁰⁷ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1997. С. 355–357.

⁵⁰⁸ Бухаров В.Г. Усыпальница семьи Раевских – памятник истории и архитектуры // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII–XIX веков. Материалы Елизаветградских Международных историко-литературных чтений. Кировоград – Разумовка – Каменка, 20–22 мая 2004 г. Кировоград, 2004. С. 5.

церкви были предоставлены Екатериной Николаевной и ее мужем М.Ф. Орловым, младшей дочерью Раевского Софьей Николаевной и отчасти – боевыми друзьями генерала.

В первоначальном виде Крестовоздвиженская церковь представляла собой прямоугольное здание с одним небольшим неосвященным куполом. Главный вход украшал портал из 12 колонн дорического ордера. В склепе на мемориальной чугунной плите Раевского была выбита надпись: «Генерал от кавалерии, член Государственного Совета Николай Николаевич Раевский. 14 сентября 1771 – 16 сентября 1829 года». Далее – эпитафия, написанная генерал-майором М.Ф. Орловым: «Он был в Смоленске щит, в Париже меч России».

В 1883 г. новый владелец Болтышского имения генерал-майор М.Н. Раевский (внук Николая Николаевича) обратился в Киевскую консисторию с прошением о реконструкции Крестовоздвиженской церкви. Согласно плану, разработанному Новомиргородским губернским архитектором А. Ежевским, предполагалось увеличить площадь церкви за счет двух дополнительных помещений, возвести обширный купол, а также расширить склеп (который к тому времени стал семейным), распространив его под вновь возводимые пристройки. Консистория отправила план на экспертизу в Церковно-строительное присутствие, однако архитектор Присутствия Рыкачев почти полностью изменил его, сделав из однокупольной церкви двухкупольную, благодаря пристройке к ней колокольни. Раевский выступил против изменения плана, поскольку колокольня уже существовала, находясь в 20 саженьях от здания храма. Однако, несмотря на это, Церковно-строительное присутствие пошло навстречу церковной общине села Еразмовка, поддержавшей строительство новой колокольни, и утвердило план Рыкачева. В 1886 г. перестройка храма была окончена. Согласно рапорту благочинного 4-го округа Чигиринского уезда священника Харлампия Финьковского на имя митрополита Киевского и Галицкого, она заключалась «в расширении

[церкви] устройством новых трех каменных приделов с северной, южной и западной сторон, в возведении нового обширного светлого купола, пристройкою ризницы и пономарни, устройством в старых стенах новых окон, а также надстройкой новой колокольни»⁵⁰⁹. В результате церковь утратила свою самую интересную архитектурную деталь – колоннаду – ее замуровали, создав основание для возведения колокольни. Перестройка Крестовоздвиженской церкви была осуществлена на средства М.Н. Раевского, строительство колокольни, от финансирования которого он отказался, – на деньги, собранные прихожанами.

В советское время здание храма использовалось в качестве зернохранилища и колхозного склада. Купол и колокольня в 1965 г. были ликвидированы. В 1999 г. Крестовоздвиженская церковь внесена в реестр памятников градостроения и архитектуры национального культурного достояния Украины. Создан Благотворительный фонд имени Н.Н. Раевского, который занимается проблемой восстановления храма⁵¹⁰.

В Орловской епархии в селе *Паслово* в 1820 г. местная помещица П.Н. Лопухина-Давыдова построила в память своего мужа – полковника В.Д. Давыдова, погибшего во время Отечественной войны, *церковь Казанской иконы Божией Матери*. Одновременно храм был посвящен также памяти ополченцев Орловской губернии 1812 г. В 1922 г. церковь была закрыта и превращена вскоре в склад ядохимикатов. В настоящее время начались работы по возрождению храма.

В Саратовской епархии, выделившейся в 1828 г. из Пензенской епархии, памятником войны 1812 года был *Александро-Невский кафедральный собор в г. Саратове*, построенный в 1815–1826 гг. по проекту архитектора В.П. Стасова. Решение о сооружении храма было принято жителями города 29 июня 1814 г., сразу после получения в Саратове Высочайшего манифеста о заключении мира с Францией.

⁵⁰⁹ Там же. С. 12.

⁵¹⁰ Там же. С. 5–16.

Главный престол храма решили освятить во имя св. благоверного князя Александра Невского, а второй – во имя того святого, в день которого император вернется в Санкт-Петербург (этот день – 13 июля 1814 г. – совпал с праздником Архистратига Гавриила).

Александро-Невский собор представлял собой двухэтажное каменное строение. В верхнем храме было три престола: святого благоверного князя Александра Невского, архангела Гавриила, святых праведных Захарии и Елисаветы; в нижнем храме – также три: Воскресения Христова, святых великомучениц Варвары и Екатерины, святителя Митрофана, епископа Воронежского. В 1840–1845 гг. по проекту архитектора Т.В. Петрова при соборе была построена колокольня. В 1930–1940-е гг. Александро-Невский собор был разобран. Сейчас на его месте находится стадион «Динамо».

В Симбирской епархии памятником войны 1812 года являлся *Троицкий собор г. Симбирска*, построенный в 1824–1841 гг. До его появления в городе уже существовал Троицкий кафедральный собор. После окончания Отечественной войны местные жители хотели переосвятить его алтарь в честь Александра Невского и построить два придела: один – для сохранения имени существующего храма, другой – для помещения походной церкви бывшего Симбирского ополчения. Однако вскоре выяснилось, что сделать это невозможно. Поэтому было решено построить новый собор, дав ему имя Троицкого, а старый переименовать в Никольский – в честь святителя Николая Чудотворца. Строительство нового собора стало заметным явлением в жизни города. Основные черты храма были скопированы со строящегося в то время столичного Исаакиевского собора. В советское время Троицкий собор перестал существовать. В 1932 г. он был сильно поврежден пожаром, а городские власти решили его не реставрировать.

В Рязанской епархии памятником войны 1812 года стала *Спасо-Преображенская церковь*, построенная в 1824 г. в селе *Канищево* (ныне – микрорайон Канищево г. Рязани). До войны здесь уже существовала

деревянная церковь Преображения, однако 24 августа 1814 г. она сгорела. Собираясь возводить новый, каменный храм, местные жители решили посвятить его победе России над Наполеоном. Собрав средства, прихожане доверили сооружение церкви помещику К.С. Огареву. Предположительно, храм построен по проекту В.П. Стасова. Основной объем храма выполнен в виде куба, который завершается низкой ротондой с плоским куполом; в толще северной и южной стен размещаются четырехколонные лоджии дорического ордера. Колокольня первоначально стояла отдельно от храма, позднее их соединили трапезной, в которой устроили два придела: Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая. В 1938 г. Спасо-Преображенская церковь была закрыта и превращена в склад. В 1989 г. она возвращена Православной Церкви.

В Костромской епархии в честь победы над наполеоновской Францией в 1840-е гг. построена *церковь Хрисанфа и Дарии Ипатьевского монастыря в г. Костроме*. Храм расположен в средней части архиерейского дома и своими архитектурными формами соответствует Зеленой башне, стоящей напротив, у западных ворот монастыря. Любопытно двойное посвящение церкви: в день памяти Хрисанфа и Дарии – 19 марта – в 1613 г. Михаил Романов после избрания на престол вышел с торжественной процессией из Ипатьевского монастыря в Москву, а в 1814 г. император Александр I вступил в Париж после победы над Наполеоном.

Во Владимирской епархии как памятник войны 1812 года в 1813–1819 гг. была возведена *колокольня Свято-Ризоположенского монастыря в г. Суздаль*.

В Донской епархии в память победы России в Отечественной войне 1812 года была сооружена *церковь Святителя и Чудотворца Николая в станице Еланской*. Об этом сообщает надпись перед входом в храм. Церковь была освящена в 1826 г. Храм крестово-купольный, одноглавый, с пристроенной к нему колокольней. Западный вход в храм украшает портик

с колоннами ионического ордера. Церковь сохранилась до наших дней, однако находится в крайне запущенном состоянии.

Одним из наиболее сохранившихся церковных памятников войны 1812–1814 гг. является *церковь святителя Алексия под Лейпцигом*. Она была построена вне территории Российской империи, поэтому гонения на Церковь, следовавшие в стране в советское время, ее не коснулись. Храм посвящен памяти русских воинов, погибших в «Битве народов» под Лейпцигом 4–7 октября 1813 г. Для организации строительства храма в 1910 г. в Санкт-Петербурге был создан специальный комитет при императоре Николае II. Почетным председателем комитета стал великий князь Михаил Александрович, непосредственное руководство строительством осуществлял генерал-лейтенант Е.А. Гернгросс. По всей России было объявлено о сборе добровольных пожертвований на строительство Лейпцигского храма-памятника.

Церковь создана по проекту архитектора В.А. Покровского. Образцом для нее послужила церковь Вознесения в селе Коломенском. Шатер храма увенчан позолоченным лукообразным куполом. Высота здания – 55 м. Перед входом в храм по-русски и по-немецки начертана надпись: «Памяти 22 000 русских воинов, павших под Лейпцигом в 1813 году за освобождение Германии».

Здание храма состоит из трех частей: внизу – склеп, на первом этаже – музей, на втором – сама церковь. Вокруг церкви идет открытая галерея для крестных ходов. Над входными дверьми в церковь красуется образ Спаса Нерукотворного, на алтарной стене – образ «Христос на престоле». Обе иконы мозаичные, исполнены художником В.А. Фроловым. 18-метровый семиярусный иконостас, выполненный московским художником Л.М. Емельяновым в стиле XVII в., – «сердечный» дар Войска Донского. В церкви также находятся два знамени казачьих войск с изображением святого Георгия и архангела Михаила и одна икона святого Георгия, являющаяся подарком оренбургских казаков. На стенах церкви помещены

бронзовые доски с наименованием всех полков и частей, принимавших участие в Лейпцигской битве. В наружной галерее участвовавшие в битве полки поместили мраморные доски с именами убитых офицеров и числом павших нижних чинов. Вся церковная утварь, выдержанная в едином стиле, сделана в Москве по рисункам В.А. Покровского. С высокого купола спускается пятиярусное паникадило из 400 лампад. Лампады выполнены из смальты в мастерской В.А. Фролова. Солнечный свет проникает в храм через узкие длинные окна с золочеными решетками, а также просветы в куполе.

Освящение церкви святителя Алексия состоялось 4 октября 1913 г. – в день столетия «Битвы народов». Накануне, 3 октября, с кладбища святого Иоанна были перенесены и захоронены в склепе храма тела погибших в Лейпцигской битве генерал-лейтенанта И.Г. Шевича, генерал-майора князя Н.Д. Кудашева, поручика Таврического гренадерского полка А. Юргенева, а также останки «неизвестного русского солдата». Чин освящения был совершен протопресвитером военного и морского духовенства И.Г. Шавельским. В этот день в храме собрались все присутствовавшие в Лейпциге русские официальные лица во главе с великим князем Кириллом Владимировичем, а также делегаты от русских полков. Ко дню освящения была осуществлена чеканка большой серебряной медали. На одной ее стороне надпись: «В память 22 000 русских воинов, павших под Лейпцигом 4, 5, 6 и 7 октября 1813 г.», на другой – изображение храма-памятника и слова: «Не нам, не нам, а имени Твоему»⁵¹¹.

Таким образом, подъем национального самосознания, имевший место после войны 1812–1814 гг., нашел отражение в характере русской храмовой архитектуры второй и третьей четверти XIX в. Он выразился как в строительстве большого количества церковных памятников

⁵¹¹ Лейпцигский храм-памятник и его освящение // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 23. С. 815–820; Шмидт Г. Памятники «Битве народов» под Лейпцигом и их интерпретация в современном обществе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всероссийской научной конференции. Бородино, 3–5 сентября 2001 г. М., 2002. С. 246–248.

Отечественной войны 1812 года, так и в зарождении национального русско-византийского стиля. Наряду с традиционными для России храмами, сооруженными в память определенного события, которые выполняли мемориальную функцию всецело в освященных обычаях религиозных рамках, в русской архитектуре появляется и в дальнейшем находит свое развитие национальный храм-памятник, в котором не только структура и облик используются как средство для обозначения конкретно-исторических признаков увековечиваемого события, но всецело подчеркивается его народность.

* * *

Таким образом, война 1812–1814 гг. была не только военно-политической борьбой государств, но также столкновением двух цивилизаций, имевшим ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Многие современники воспринимали происходившее как противостояние православной России и «безбожной» Франции. В немалой степени подобному восприятию способствовала активная позиция Русской Православной Церкви, сыгравшей в этой войне очень важную роль. Церковь проводила многостороннюю деятельность, направленную на сплочение русского общества и организацию отпора врагу. Особенно ярко это проявилось во время Отечественной войны 1812 года, когда военные действия велись на территории России. Церковь объясняла народу справедливый, освободительный, священный характер войны, формировала нелицеприятный («безбожный», порой даже «демонический») образ врага, стараясь поддержать в обществе религиозно-патриотическое настроение и чувство национального единства. Военное духовенство укрепляло моральный дух регулярной армии, а приходское принимало активное участие в движении сопротивления на оккупированной территории центральной России. В западных губерниях империи, где практически отсутствовало движение сопротивления, православные священнослужители в большинстве своем, как правило,

проводили политику невмешательства, за исключением архиепископа Могилевского Варлаама (Шишацкого), который сам принес присягу на верность Наполеону и побудил к этому подчиненное ему духовенство, часть которого выполнила его требование. Духовенство внесло значительный денежный вклад в организацию народного ополчения и приняло непосредственное участие в его походах. Наконец, оно приложило немало сил к сохранению церковных ценностей, многие из которых представляли собой народные святыни и являлись культурным достоянием страны.

Действия священно- и церковнослужителей были высоко оценены Святейшим Синодом в его обращении ко «всему православному духовенству российскому» от 4 августа 1813 г. В нем отмечалось, что «сила слова и примера, с которою пастыри ... внушали народу обязанности к Богу и верность к законному государю, ободряли угрожаемых, утешали бедствующих и претворяли кротких поселян в отважных поборников Отечества, оправдана всенародным опытом и неоднократно засвидетельствована властями военными и гражданскими». «Изволением» императора Александра I «от его священного престола и от всего христолюбивого Отечества» Святейший Синод засвидетельствовал «православному духовенству российскому благоволение, и честь, и благодарение»⁵¹². Единение всех сословий было признано императором Александром I в манифесте от 25 декабря 1812 г. одной из причин победы. В манифесте от 30 августа 1814 г. император назначил каждому сословию определенную награду. Духовенство, священнодействовавшее в 1812 г., получило бронзовый крест на Владимирской ленте с изображением Всевидящего Ока и надписью «1812 год» на лицевой стороне, и надписью «Не нам, не нам, а имени Твоему» – на оборотной.

Война 1812–1814 гг. завершила серию многочисленных наполеоновских войн. Российская империя, сыгравшая ведущую роль в

⁵¹² Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1813. № 36.

победе над наполеоновской Францией, прочно вошла в орбиту мировой политики в качестве великой державы. Российский император стал одним из главных творцов новой («Венской») системы международных отношений, базировавшейся на правовых основах. «Венская система», зафиксировавшая передел границ и новую расстановку сил в Европе, просуществовала около 40 лет, в течение которых континент не знал крупных войн. По инициативе Александра I монархи Австрии, Пруссии и России подписали акт о Священном союзе, ставший первой в мировой истории попыткой реализовать политическую концепцию «объединенной Европы» – обеспечить мир, стабильность и коллективную безопасность путем совместного решения основных международных проблем.

Победа России над наполеоновской Францией была воспринята многими современниками как победа христианства над европейским «безбожием» и идеями Просвещения XVIII в., породившими Великую французскую революцию. Потрясения Отечественной войны 1812 года и победа в ней способствовали пробуждению и росту национального самосознания. Война вошла в историческую и культурную память русского народа как священная война. Это нашло отражение в специфике памятников, воздвигнутых в честь победы, в распространении и развитии в русской философии XIX в. мотива национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа.

Парадигма *священной Отечественной войны*, сложившаяся в 1812 г., вследствие своего характера впоследствии неоднократно оказывалась востребованной в периоды новых военных столкновений – во время Крымской, Первой мировой, Великой Отечественной войн.

Глава 3

Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг.

3.1. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., ставшая крупнейшим международным конфликтом второй половины XIX в., была вызвана усилением целого комплекса противоречий, существовавших между Россией, Францией и Великобританией, а также непосредственным столкновением их жизненно важных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий, непосредственно предшествовавших войне и спровоцировавших ее начало, кратко очертим круги интересов каждой из трех великих держав, четко определившиеся в данном мировом регионе в конце 1830-х гг. – начале 1850-х гг.

В российской внешней политике ближневосточное направление издавна занимало важное место и было тесно связано с религиозными вопросами. После падения Византии в Московской Руси, как известно, возникла и в дальнейшем получила свое развитие знаменитая концепция «Москва – третий Рим». Являясь единственным в мире православным царством, Россия осознавала себя и воспринималась Восточными Патриархатами как преемник Византийской империи и как защитник и гарант прав Православия на Востоке. Поэтому влияние России в ближневосточном регионе традиционно опиралось на контакты с Восточными Патриархатами, сопровождавшиеся ежегодными денежными субсидиями, выделяемыми российским правительством в пользу восточных православных монастырей и церквей, на постоянную связь с Палестиной в виде потока русских паломников в Святую Землю и, главным образом, на позицию защитника интересов многомиллионного православного населения Османской империи. Начиная с Бахчисарайского договора (1681 г.), во всех последующих договорах России и Турции

неизменно присутствуют статьи о праве свободного, беспошлинного хождения наших паломников в Иерусалим и святые места. А в Кучук-Кайнарджийском мирном договоре (1774 г.) оговаривается также право защиты Россией своих единоверцев, находившихся под властью Османской империи. И хотя договор допускал не прямое покровительство России, а ее опосредованное, через Порту, воздействие («министры Российского императорского двора» получили право делать в пользу Христианской церкви «представления», которые Турция обещала «принимать в уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы»⁵¹³), тем не менее он являлся крупной победой российской дипломатии и на длительный период определил линию Петербурга в Восточном вопросе. Данная (7-я) статья Кучук-Кайнарджийского договора, неоднократно подтвержденная и в последующих трактатах с Турцией, имела немалое значение и для многомиллионного православного населения Османской империи, практически лишенного гражданских и политических прав в стране, жившей по законам Корана и шариата. В 1830–1840-х гг. продолжавшийся кризис Османской империи, одним из проявлений которого было усиление национально-освободительного движения подвластных ей нетурецких народов, вызывал опасения императора Николая I относительно возможного неуправляемого развала ее владений, что привело бы к анархии и постоянным войнам. Небезразлична русскому императору была и судьба православного населения Османской империи, покровительство которому он считал своим «совершенно ясным долгом»⁵¹⁴. Поэтому «наименее плохим» вариантом решения Восточного вопроса, способным стабилизировать ситуацию в регионе и обеспечить безопасность южных границ Российской империи, Николай I считал заблаговременное распределение сфер влияния с учетом интересов других держав («раздел

⁵¹³ ПСЗ-I. Т. 19. № 14164.

⁵¹⁴ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908. С. 388–389.

наследства больного, умирающего человека Европы», как он называл Османскую империю) и создание на Балканах в случае падения Турции самостоятельных православных государств – Болгарии и Сербии⁵¹⁵.

Великобритания, на солидарность которой рассчитывал Николай I, дважды (в 1844 г. и в конце 1852 г. – начале 1853 г.) делая ей секретные предложения о разделе турецкого «наследства», напротив, была заинтересована в поддержании целостности слабеющей Османской империи, что давало ей возможность сохранить и расширить сферу своего экономического и политического проникновения в турецкие владения, надежно защитить пути коммуникаций с Индией и гарантировать прочность своих позиций в акватории Средиземного моря. Англо-турецкий торговый договор 1838 г., освободивший ввозимые в Османскую империю английские товары от пошлин, существенно подорвал турецкую экономику и поставил страну в сильную зависимость от Великобритании. Претендуя на всестороннее преобладание в Османской империи, Лондон стремился в то же время не допустить усиления позиций России в зоне Черноморских проливов и Ближневосточном регионе в целом⁵¹⁶.

Что касается Франции, озабоченной в то время укреплением своего положения на международной арене, созданием собственной колониальной империи и взятием реванша за поражение в войне 1812–1814 гг., то сферой ее интересов на Ближнем Востоке стало возрождение имевшего место до Великой французской революции покровительства католическому духовенству Палестины и стремление использовать Турцию как инструмент борьбы против России. Впрочем, в своем поиске возможных стратегических направлений внешней политики Франция не исключала и союза с Россией. Так, в начале 1853 г. Наполеон III через

⁵¹⁵ Там же. С. 386–390; Собственноручная заметка императора Николая I о Восточном вопросе // *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. Приложения. СПб., 1908. № 98. С. 357–358.

⁵¹⁶ *Виноградов В.Н.* «Святые места» и земные дела (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // *Новая и новейшая история.* 1983. № 5. С. 136–152.

русского посла в Париже Н.Д. Киселева даже предлагал Николаю I немедленно заключить союзный договор – «une alliance de coeur et de politique» (союз сердца и политики – *франц.*), направленный на вытеснение с Ближнего Востока Великобритании, угрожая при этом в случае отказа «кинуться в объятия Англии», то есть заключить с ней союз против России⁵¹⁷. Николай I не принял это предложение, и французский император исполнил свою угрозу.

Еще с конца 1830-х гг. европейские державы, не ограничиваясь экономическими рычагами влияния, стали проявлять повышенное внимание к Палестине, маскируя политические интересы религиозными. В 1839 г. Англия учредила в Иерусалиме вице-консульство, а в 1841 г. совместно с Пруссией назначила туда англиканского епископа. В 1841 г. Франция также учредила в Иерусалиме свое консульство. А в 1847 г. в Святой Град прибыл Латинский Патриарх Иерусалимский Иосиф Валерга. Прежде, едва ли не со времени окончания крестовых походов, обладатель данного титула обитал в Риме, считая свое звание почетным и ни к чему не обязывающим. В.Н. Виноградов иронично отмечает, что «не без труда папа Пий IX выдворил очередного носителя этого громкого сана к его пастве»⁵¹⁸. Однако по отношению к конкретному человеку, получившему в 1847 г. назначение на Иерусалимскую патриаршую кафедру, ирония исследователя выглядит не слишком уместной. Дело в том, что Иосиф Валерга был знаменитым католическим миссионером. Владел латинским, греческим, арабским, еврейским, турецким и курдским языками. За 25 лет его патриаршества в Иерусалиме (где он оказался, как говорят в таких случаях, «на своем месте») влияние Рима в Святой Земле чрезвычайно усилилось, было открыто несколько католических школ и семинарий, тысячи православных арабов были обращены в католичество.

⁵¹⁷ Цит. по: Орлов А.А. Рец. на: Л.В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с. // Российская история. 2015. № 4. С. 160.

⁵¹⁸ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 138.

Чтобы противостоять в дипломатическом соперничестве западным державам, а также поддержать Православную Восточную Церковь в условиях усилившейся инославной пропаганды, 11 февраля 1847 г. император Николай I резолюцией на Всеподданнейшем докладе канцлера К.В. Нессельроде создал Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме (далее – РДМ), первым начальником которой стал архимандрит Порфирий (Успенский).

В конце 1840-х – начале 1850-х гг. внезапно обострились давние разногласия между католическим и православным духовенством Палестины насчет контроля за святыми местами. Права и привилегии обеих соперничавших между собой конфессий закреплялись султанскими фирманами (указами). В этом чуждом для мусульманской Турции вопросе султаны часто действовали непоследовательно и противоречиво, тем самым запутывая и еще больше обостряя ситуацию. При этом если католики опирались на поддержку Австрии, а затем Франции, то православные в качестве своего защитника традиционно рассматривали Россию.

Поскольку в XIX в. в христианской Европе межконфессиональные противоречия были зачастую неотделимы от политических, то разногласия между католиками и православными Святой Земли относительно контроля за святыми местами, будучи поддержаны соответственно французской и российской дипломатиями, вскоре вылились в международный кризис. Спор о святых местах, который, как отмечалось во введении, в историографии часто недооценивают, считая лишь поводом к войне, на самом деле вскрыл суть и глубину имевшихся противоречий, ибо он затрагивал вопрос не собственности и даже не покровительства той или иной конфессии, а *политического влияния* в регионе.

Начало спора о святых местах, приведшего в итоге к Крымской войне, можно датировать 1847 г., когда из Пещеры Рождества (Вертепа) базилики Рождества Христова в Вифлееме исчезла особо почитаемая паломниками

серебряная звезда, отмечающая место Рождения Иисуса Христа. Католики обвинили в похищении греков, а греки – католиков. Эта звезда была установлена под престолом Рождества французами в 1717 г., когда католики еще проводили на нем службы (позднее, в 1757 г., они утратили это право). По существовавшему к середине XIX в. *status quo* в Вертепе за католиками были закреплены престол Трех Волхвов и Святые Ясли. Престол Рождества принадлежал греческому духовенству. По мнению российского генерального консула в Бейруте К.М. Базили, католики сами сняли звезду, чтобы «добиться права на ее возобновление», а заодно «завладеть алтарем» Рождества⁵¹⁹. Однако, следует отметить, что это вполне могли сделать и греки. Напряженные отношения между конфессиями существовали всегда, и время от времени с той или иной стороны возникали различные провокации и инциденты. Например, в 1811 г. греки уничтожили могилы иерусалимских королей-крестоносцев Готфрида Бульонского и Балдуина и добились от султана распоряжения об их невозобновлении.

Губернатор Иерусалима Мехмет-паша пообещал французскому консулу, что проведет расследование и отыщет звезду. Однако французское правительство направило в Палестину специальную следственную комиссию во главе с известным востоковедом Э. Боре. Ни звезда, ни ее похитители найдены не были. Тем не менее в 1850 г. «по итогам работы комиссии» Боре опубликовал брошюру «Вопрос о святых местах», в которой не только бездоказательно обвинил греческое духовенство в похищении звезды, но и заявил об исторических правах католиков на основные святыни Палестины, а также о необходимости возвращения под их контроль «незаконно захваченных православными» святых мест.

⁵¹⁹ Донесение К.М. Базили А.П. Озерову из Бейрута от 11 (23) ноября 1852 г. // *Popoff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXe siècle. V. 2. SPb., 1911. № 403. P. 382. (АВПРИ. Ф. 161/1. СПб. ГА, V-A 2. Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522. Л. 624–625.)*

«Эта брошюра, – писал известный церковный историк и писатель-паломник, состоявший на службе в Азиатском департаменте МИД, А.Н. Муравьев в своем «Ответе господину Э. Боре на вопрос о святых местах», – натолкнула французское правительство на мысль предъявить Оттоманской Порте требования в защиту давних претензий римских пап на святые места»⁵²⁰. «Претензии, сформулированные Боре, были ... не чем иным, как идеологической подготовкой того беспрецедентного давления на Порту», которое вскоре начала оказывать французская дипломатия, «с целью подорвать значение Православия в регионе и тем самым «выдавить» Россию с ее позиций традиционного защитника православных интересов»⁵²¹.

Необходимо отметить, что в Средние века короли Франции считали себя покровителями католической веры на Востоке. В 1740 г. между Францией и Портой был заключен договор (так называемые капитуляции), закрепивший права латинского духовенства в Святой Земле. В нем, в частности, говорилось, что «епископы и другие католические духовные лица, находящиеся под главенством королей Франции, к какой бы нации они ни принадлежали, могут отправлять богослужение в местах, где они находятся издавна. ... Латинские монахи ... внутри и вне Иерусалима и в храме Святого Гроба, называемом Камамэ, останутся владельцами своих мест паломничества так же, как они владели ими прежде; никто не будет их беспокоить и требовать от них податей»⁵²². В момент заключения договора католики владели частью храма Воскресения (Гроба Господня) под обоими куполами и аркадой, южной половиной Голгофы, часовней Адама с могилами иерусалимских королей-крестоносцев, приделом обретения Животворящего Креста, базиликой Рождества Христова в

⁵²⁰ *Муравьев А.Н.* Ответ господину Э. Боре на вопрос о святых местах. Пер. с франц. и подг. к печати З.И. Платоновой // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. М., 2005. С. 106. (АВПРИ. Ф. 161/3. Оп. 233. 1851 г. Д. 1.)

⁵²¹ *Платонова З.И.* А.Н. Муравьев и вопрос о святых местах Палестины в канун Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. С. 102–103.

⁵²² Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. С. 371.

Вифлееме и многими другими святынями. Однако в последующие годы латиняне утратили значительное количество принадлежавших им святых мест, права на которые, согласно целому ряду султанских фирманов, перешли к греческому духовенству. К середине XIX в. в преимущественном положении оказалась Иерусалимская Православная Церковь, охранявшая и поддерживавшая основные христианские святыни.

В годы Великой французской революции Франция практически забыла о Святой Земле. Резко сократился и поток католических паломников. По статистике, в конце XVIII – начале XIX в. на 12 тыс. православных паломников приходилось не больше сотни католиков⁵²³. И вот после 60 лет забвения Франция внезапно выступила в роли борца за интересы католицизма на Ближнем Востоке.

В 1850 г. французский посол в Константинополе генерал Ж. Опи по предписанию президента Франции принца Шарля Луи Наполеона Бонапарта (племянника знаменитого Наполеона) вручил турецкому правительству официальную ноту, в которой, со ссылкой на капитуляции 1740 г., излагалось требование восстановить католическое духовенство в его прежних правах на святые места. В список святынь, на которые выдвигались претензии, были включены: базилика Рождества Христова в Вифлееме, непосредственно Пещера Рождества с правом восстановления новой звезды, Пещера Гробницы Богородицы в Гефсимании, Камень Миропомазания и Аркады Девы в храме Гроба Господня. Франция требовала также восстановить status quo храма Гроба Господня до пожара 1808 г. (После пожара он был восстановлен греками, что дало им дополнительные преимущества). Требования Франции вскоре поддержали представители других католических государств – Австрии, Бельгии, Испании, Сардинии, Португалии и Неаполитанского королевства⁵²⁴.

⁵²³ *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 138.

⁵²⁴ *Анисимов О.В.* Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014. С. 112–113; *Якушев М.И.* Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в 266

Российский посланник в Константинополе В.П. Титов, опираясь на Кучук-Кайнарджийский мирный договор, выступил в защиту прав Иерусалимской Православной Церкви и представил Порте ряд турецких фирманов, сводящих на нет притязания Франции⁵²⁵. Подчеркнем, что Россия, в отличие от Франции, не требовала для конфессии, которой оказывала покровительство, каких-либо новых привилегий, а лишь настаивала на соблюдении уже имевшихся у нее прав, обеспеченных действовавшим в то время турецким законодательством. Оказавшись между двух огней, султан Абдул Меджид сформировал комиссию для изучения поднятого вопроса и вынесения квалифицированного решения.

Большинство историков сходятся в том, что, «поднимая этот вопрос, принц Людовик-Наполеон совершенно не подозревал последствий, которые могут повлечь за собой его требования»⁵²⁶. Мысль о возможном столкновении с Россией якобы не приходила ему в голову. Это мнение, в частности, основывается на заявлении французского правительства, сделанном в ответ на соответствующее представление российской дипломатии, что оно «считает поднятый вопрос второстепенным и возбудило его только для того, чтобы приобрести на выборах расположение и голоса духовенства»⁵²⁷.

«Маленький племянник большого дяди» принц Шарль Луи Наполеон Бонапарт 10 декабря 1848 г. (н. ст.) всеобщим голосованием был избран на четырехлетний срок президентом победившей Французской республики. Победа на выборах с огромным отрывом от своих конкурентов (75% голосов) человека, который почти 30 лет провел в изгнании и был приговорен к пожизненному заключению за двукратную попытку совершения государственного переворота, несомненно, свидетельствовала о сохранении в стране бонапартистских традиций. Чувствуя сопротивление

фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 252–253.

⁵²⁵ Якушев М.И. Указ. соч. С. 253.

⁵²⁶ Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. С. 372.

⁵²⁷ Там же. С. 374.

Национального собрания, бо́льшая часть членов которого отличалась республиканскими убеждениями, и не довольствуясь статьей конституции, запрещавшей избрание президента на второй срок, Луи Наполеон, изначально мечтавший о восстановлении во Франции империи, разумеется, был заинтересован в укреплении своей популярности среди народных масс. С этой целью он предпринял ряд шагов. Например, в мае 1850 г. потребовал отмены нового постановления Национального собрания, ограничившего избирательное право (несмотря на то, что сам был его инициатором). Возможно, в этом ключе следует рассматривать и данное им предписание послу в Константинополе Ж. Опику относительно святых мест. В то время католическое духовенство имело значительное влияние на народ. После Великой французской революции в стране явно наметился определенный католический ренессанс. Однако настойчивость, которую Франция проявила в споре о святых местах в дальнейшем, после утверждения Луи Наполеона у власти (переворот 2 декабря 1851 г. (н. ст.) продлил его полномочия как президента на 10 лет, а ровно через год он был провозглашен императором), заставляет предположить, что новый правитель либо изначально планировал разыграть здесь более крупную карту, чем только «поддержка клерикальной партии», либо позже, войдя в роль, почувствовал себя не только наследником империи Наполеона Бонапарта, но и продолжателем традиций древних французских королей. Как бы в противовес упорному нежеланию императора Николая I признать его равным (отказ в обращении «mon frère» (брат мой – *франц.*) был призван подчеркнуть разницу между легитимными государями, царствующими Божьей милостью, и властителями демократического происхождения) Луи Наполеон стремился укрепить положение своей империи на международной арене и отстоять интересы католицизма на Ближнем Востоке. Уже в разгар Крымской войны французский министр иностранных дел Э. Друэн де Люис заметил в приватной беседе, что «восточный вопрос ... послужил императорскому правительству лишь

средством расстроить континентальный союз (Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия. – Л.М.), который в течение почти полувека парализовывал Францию»⁵²⁸.

Так или иначе, но наиболее проницательные политики того времени уже на начальном этапе возникшего кризиса должным образом оценили значение происходившего и заявили, что Николай I не сможет остаться в данной ситуации нейтральным. В 1850 г., сразу после демарша французского посланника, британский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг сообщал в Лондон: «Генерал Опик заверяет меня, что дело, вокруг которого разгорелся спор, представляет собою исключительно вопрос о собственности... Однако подобные вопросы трудно отделить от общих обстоятельств. Если Россия, как это можно ожидать, вмешается на стороне греческой церкви, то настоящий диспут, вероятно, перерастет в борьбу за политическое влияние»⁵²⁹. Французский посол при Баварском дворе Э. Тувенель писал в 1851 г.: «Я знаю Восток, и я могу вас уверить, что Россия не уступит. Для нее это вопрос жизни и смерти»⁵³⁰. А бывший министр иностранных дел Великобритании лорд Мэмсбери отмечал, что скорее царь отрешится от своего «деспотического принципа» и заведет у себя «русскую палату общин», чем уступит «хоть что-нибудь по вопросу о святых местах»⁵³¹.

Вскоре после выхода вышеупомянутой брошюры Э. Боре тема палестинских святынь стала активно обсуждаться в печати и дипломатической переписке. В первой половине 1851 г. В.П. Титов переслал в МИД для надлежащего сведения два научных возражения на сей труд – доктора Кара-Теодори⁵³² и бывшего Вселенского Патриарха

⁵²⁸ Цит. по: *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. I. М.-Л., 1950. С. 138.

⁵²⁹ Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 364.

⁵³⁰ Цит. по: *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. I. С. 137.

⁵³¹ Там же. С. 139.

⁵³² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851 г. Д. 158. (Записка Кара-Теодори о претензиях католиков к святым местам).

Константия⁵³³. Ему, в свою очередь, была направлена упомянутая выше записка А.Н. Муравьева, представленная автором в Азиатский департамент МИД 20 февраля 1851 г.⁵³⁴ С этой работой, выходящей за узкие рамки церковно-исторического исследования и предназначавшейся изначально не для печати, а для внутреннего пользования российского внешнеполитического ведомства, В.П. Титов ознакомил некоторых представителей церковной иерархии и людей дипломатического круга. Например, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) в письме от 27 июня 1851 г. благодарил Владимира Павловича «за доставление» ему «нового сочинения о праве владения Гробом Господним». «Хотя это один из таких предметов, – писал архиепископ, – о коих всего менее хотелось бы слышать споров: но коль скоро необходимость велела защищать *свое право*, то отрадно видеть защищенным его так победоносно, как сделал это господин сочинитель. Честь ему и благодарность от всех чад Церкви Православной!»⁵³⁵. Это письмо, а также активная патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия в годы начавшейся Крымской войны (подробнее о ней ниже), ярко свидетельствуют о том, что лучшие представители Русской Церкви придавали большое значение идейной борьбе с католической духовной экспансией на Ближнем Востоке. Поэтому заявление Е.В. Тарле, что «наиболее авторитетные» в церковных вопросах «высшие иерархи ... довольно равнодушно относились к внезапно возникшей дипломатической возне вокруг святых мест»⁵³⁶, выглядит необоснованным и неверным.

7 сентября 1851 г. император Николай I, узнав, что комиссия, сформированная по делу о святых местах, склоняется в сторону Франции, направил султану Абдул-Меджиду письмо, в котором напомнил ему об «обязанностях союза и тесной дружбы», лежащих в основе отношений

⁵³³ Réponse à la brochure de M. Eugène Boré intitulée question des Lieux-Saints. Constantinople, 1851; АВПРИ. Ф. 161/3. Оп. 233. 1851 г. Д. 3.

⁵³⁴ АВПРИ. Ф. 161/3. Оп. 233. 1851 г. Д. 1; Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 4579.

⁵³⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 4579. Л. 1.

⁵³⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. I. С. 135.

между двумя государями, выразил «твердую решимость не отклоняться в будущем от намеченной линии поведения» и в случае необходимости, как и прежде, оказывать Османской империи «моральную и материальную поддержку»⁵³⁷. Это послание, а также заявление В.П. Титова, что весь штат Российской императорской миссии (посольства) покинет Константинополь в случае малейшего отступления Порты от status quo, произвели сильное впечатление на султана, который пообещал постараться удовлетворить требования России. Новый французский посол маркиз Шарль де Лавалетт, прибывший в Константинополь в конце апреля 1851 г., в свою очередь, заявил, что Франция «ни за что не подчинится диктату России», поскольку это будет расценено как ее публичное унижение, и намекнул на возможный приход в Дарданеллы французской эскадры, «дабы обеспечить удовлетворительное для Парижа решение данного вопроса»⁵³⁸. Перед приездом в Константинополь Лавалетт встретился с папой Пием IX и получил благословение на свои действия. Визиту Лавалетта в Рим предшествовало письмо французского министра иностранных дел А. Бренье от 28 марта 1851 г., в котором Париж просил Святой Престол «воздержаться от любых препятствий для французской дипломатии»⁵³⁹.

Султан Абдул-Меджид распустил старую комиссию и сформировал новую, которая подготовила долгожданный фирман от 30 января 1852 г., подтвердивший акты, изданные в прежние времена в пользу греков. Притязания католиков были отклонены как «не основанные на истине». Единственная льгота, которую получили латиняне, – право проводить богослужения в Гробнице Божией Матери в Гефсимании, «с условием, чтоб не было производимо никакой перемены в администрации этой Гробницы и в ее настоящем положении»⁵⁴⁰. Данный фирман с

⁵³⁷ См.: Письмо императора Николая Павловича к султану от 7 сентября 1851 г. // *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 89. С. 341–342.

⁵³⁸ Цит. по: *Якушев М.И.* Указ. соч. С. 253.

⁵³⁹ Цит. по: *Анисимов О.В.* Указ. соч. С. 127.

⁵⁴⁰ Фирман, дарованный грекам в январе 1852 г. // *Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Отдел I. Политический.* Кн. I. СПб., 1855. С. 16–19.

собственноручным султанским хатти-шерифом (подписью) был торжественно вручен находившемуся в Константинополе Иерусалимскому Православному Патриарху Кириллу. Копии фирмана и соответствующие ноты были переданы российскому и французскому посланникам.

Несмотря на то, что во «французском» варианте фирмана была опущена фраза о «безосновательных» притязаниях католиков на основные палестинские святыни, Луи Наполеон счел его оскорбляющим достоинство Франции и нарушающим договор 1740 г. Вскоре в Константинополь из весьма непродолжительного отпуска вернулся Лавалетт, в категоричной форме потребовавший, чтобы Порта либо внесла изменения в только что изданный и еще не оглашенный фирман, либо предоставила католикам новые льготы. С этого времени турецкое правительство начало вести себя крайне непоследовательно. С одной стороны, оно направило в Иерусалим специального уполномоченного (комиссара) Афиф-бея для публичного оглашения фирмана, что по древним традициям было необходимо для вступления документа в силу, с другой – обещало Лавалетту не оглашать фирман и предоставить в распоряжение католического духовенства ключ от главного входа в Вифлеемский храм.

Для наблюдения за исполнением фирмана российский поверенный в делах при Порте Оттоманской А.П. Озеров направил в Иерусалим К.М. Базили, которому было предписано в случае какого-либо отступления от точного смысла документа «протестовать перед губернатором города Хафиз-пашой и сообщать об этом в императорскую Миссию» (посольство)⁵⁴¹. По прибытии в Святой Град Базили заметил «лихорадочное беспокойство ... в иерусалимском клире и в православном народе», что, по его мнению, свидетельствовало «о недоверии к мерам и

⁵⁴¹ Копия с инструкции А.П. Озерова К.М. Базили от 9 августа 1852 г. // *Poroff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem...* V. 2. № 369. P. 301. (АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522. Л. 299–311.)

решениям турецкого правительства»⁵⁴². Однако Озеров объяснил это лишь «мнительностью и робостью восточных христиан». Российская Миссия, писал он Базили, должна показывать «перед турецкими властями спокойствие уверенности, коренное убеждение, что против решений султана, против торжественных обещаний Его Величеству Государю Императору, орудия управления, какими бы ни влеклись целями, не посмеют изменить порядка вещей, запечатленного фирманом». Озеров советовал Базили проявлять ту же уверенность и «убеждать иерусалимское духовенство», что Миссия «не упустит из виду защиту с требуемыми достоинством и твердостью преимуществ наших единоверцев»⁵⁴³.

Между тем прибывший в сентябре 1852 г. в Иерусалим комиссар Афиф-бей не спешил оглашать фирман. На заседании меджлиса (городского совета) в храме Воскресения (Гроба Господня) он объявил лишь о решении султана отремонтировать купол данного храма за свой счет с наблюдением за ходом ремонтных работ представителей от Греческого, Армянского и Латинского Патриархов, а также сирийской и коптской общин города, а в храме Богородицы в Гефсимании, куда затем переместились члены совета, – о разрешении католикам проводить богослужения в Пещере Гробницы Божией Матери. На неоднократные попытки Базили ускорить оглашение фирмана, сделанные им как лично, так и через Иерусалимского Патриарха Кирилла, Афиф-бей давал уклончивые ответы, а однажды заявил даже, что вообще не понимает, о каком фирмане идет речь. В середине октября Базили демонстративно покинул Иерусалим, сочтя, что «после решительных отказов Афифа читать фирман» его пребывание в городе становится «слишком щекотливо»⁵⁴⁴.

⁵⁴² Копия с доверительного отношения г-на поверенного в делах при П.О. к генеральному консулу Базили от 5 сентября 1852 г. // *Popoff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem...* V. 2. № 376. P. 311–312.

⁵⁴³ Ibid. P. 312.

⁵⁴⁴ Базили – Озерову. Яффа, 23 октября 1852 г. // *Popoff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem...* V. 2. № 400. P. 366.

После таких событий от былой уверенности А.П. Озерова не осталось и следа. В ноябре 1852 г. российский поверенный в делах писал в МИД, что «Иерусалимское дело» приняло «дурной оборот»: речь «идет о совершенном упадке нашего влияния. ... Православные повержены в совершенное уныние. Если б не боялись они турецкого бича, то посольский дом осажден был бы с утра до вечера толпами христиан. ... Здесь много еще тепло верующих, а больше всего наших, которые уповают на Россию и молятся за нее»⁵⁴⁵. «Можно ли было когда предполагать, – удивлялся Озеров, – чтобы с согласия султана повелено было не провозглашать фирмана. Ведь это значило бы, что Государь приказывает бунтовать своему губернатору»⁵⁴⁶. В письме от 4 ноября А.П. Озеров сообщал между прочим, что Великобритания, до сих пор державшая в данном вопросе нейтралитет, начала нарушать его в пользу Франции. В беседе с ним, состоявшейся в тот же день, британский поверенный в делах полковник Х.Г. Роуз отметил, что, поскольку вопрос о святых местах поставил Порту в затруднительное положение «между двумя могучими державами», то он «как слуга своего правительства и как частный человек» считает своим долгом сказать «слово мира» и предпринять «всевозможные средства убеждения», чтобы избежать «весьма важных последствий, могущих произойти от такого столкновения». Средством «вывести Турцию из этих тенет» Роуз считал частичное удовлетворение требований Франции, например, передачу католикам ключа от главной двери Вифлеемского храма. «Что скажет история, – провозглашал велеречивый оратор, – если прольется кровь и Французский флот осадит Сирию за ключ в церковь, в которую всякий христианин должен был бы иметь свободный вход». Доводя обо всем этом до сведения МИД, Озеров пророчески

⁵⁴⁵ Озеров – Сенявину. Пера, 15 ноября 1852 г. // Ibid. № 398. Р. 363.

⁵⁴⁶ Озеров – Сенявину. 19 ноября 1852 г. // Ibid. № 402. Р. 377.

отмечал: «Но дело в том, что Вифлеемский ключ не будет ключом к миролюбивой развязке Палестинского вопроса»⁵⁴⁷.

В конце ноября А.П. Озеров по предписанию канцлера К.В. Нессельроде открыто выразил Порте неудовольствие императора Николая I по поводу ее поведения в Иерусалиме, после чего Афиф-бей, наконец, получил указание огласить фирман. Хотя и со значительными отступлениями от протокола (вместо торжественного было созвано обычное заседание меджлиса, фирман читал не уполномоченный комиссар, а губернатор Хафиз-паша, так как Афиф-бей казался тяжело больным, на церемонию не были приглашены Латинский и Армянский Патриархи), 29 ноября документ все же был оглашен, зарегистрирован в суде и отдан Иерусалимскому Патриарху Кириллу на хранение в патриаршем архиве.

Практически одновременно с решением огласить фирман турецкое правительство вынесло постановление о передаче католическому духовенству ключа от главного входа в Вифлеемский храм, хотя это полностью противоречило предыдущему документу и нарушало слово, данное султаном российскому императору. Решение было принято диваном (кабинетом министров), где к тому времени возобладало влияние профранцузски настроенного министра иностранных дел Фуада-эфенди, и утверждено доселе колебавшимся Абдул-Меджидом. Аргументация турецких министров сводилась к необходимости избежать угрозы вторжения Франции в охваченную смутами Сирию, а также подорвать влияние России на десятимиллионное православное население Османской империи. В Пещере Рождества было решено установить взамен похищенной новую серебряную звезду. Звезда преподносилась как подарок султана своим подданным, хотя на самом деле была прислана французской королевой Амелией.

⁵⁴⁷ Озеров – Сеньявину. Буюкдере, 4 ноября 1852 г. // Ibid. № 393. Р. 350–353.

В течение нескольких дней ираде (высочайшее повеление) султана держалось в секрете от русских дипломатов. Тем не менее по различным каналам они получали определенную информацию на данную тему. Так, например, 4 декабря Базили сообщал Озерову из Бейрута, что монахи Латинского монастыря «обращались к французскому консулу с упреками» по поводу оглашения фирмана, однако «господин Ботта успокоил их уверением, что это клонится к успеху его стяжаний и что дело вскоре примет самый благоприятный оборот». А накануне, 3 декабря, через Бейрут в Яффу проследовал «пароход, состоящий при французском посольстве в Константинополе» с турецким и французским комиссарами на борту. Корабль «пошел в путь с закрытым предписанием, которое распечатано по выходе из Дарданелл. ... Во всем соблюдается большая таинственность, дающая повод к разногласным догадкам, и латины торжествуют, предсказывая, что все Иерусалимское дело приняло новое направление»⁵⁴⁸. Вскоре на прямой вопрос К.М. Базили французский генеральный консул Леспарда ответил, что пароход везет «предписание Афиф-бею о выдаче латинам ключа от больших врат Вифлеемских»⁵⁴⁹.

7 декабря 1852 г. в Иерусалим прибыл новый турецкий комиссар Асфир-эфенди. Через день дом Афиф-бея посетила делегация греческого духовенства во главе с Патриархом Кириллом, которая выразила двум комиссарам протест по поводу нового решения Порты, идущего вразрез со смыслом только что оглашенного фирмана. Базили также направил протест губернатору Иерусалима и главному мулле города. Тем не менее 10 декабря Хафиз-паша созвал заседание меджлиса, где публично огласил ираде султана. В тот же день в Пещере Рождества базилики Рождества Христова в Вифлееме на месте похищенной звезды был установлен ее дубликат с надписью на латинском языке «Nec de Virgine Maria Jesus

⁵⁴⁸ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522. Л. 757–757 об., 759. (Копия с донесения генерального консула Базили к г-ну поверенному в делах Озерову из Бейрута от 4 декабря 1852 г.).

⁵⁴⁹ Там же. Л. 759 об.

Christus natus est» («Здесь от Девы Марии родился Иисус Христос») и датой «1717»⁵⁵⁰. М.И. Якушев называет эту дату «непонятно откуда взявшимся годом»⁵⁵¹, однако она означает не что иное, как время установки первой звезды. Три ключа – от главного портала Вифлеемского храма и двух внутренних дверей (южных и северных) Пещеры Рождества – были вручены Латинскому Патриарху Валерге на следующий день. Дело в том, что Хафиз-паше не удалось взять ключи у греческого епископа, поэтому потребовалось время, чтобы изготовить их дубликаты по снятым с замков слепкам⁵⁵².

Отметим, что в исторической литературе встречается ошибочное утверждение, что наряду с ключами от Вифлеемского храма католики получили также ключ от главных ворот храма Гроба Господня. Эта фактическая ошибка была допущена Е.В. Тарле⁵⁵³ и до сих пор повторяется в некоторых трудах по истории внешней политики⁵⁵⁴.

После описанных выше событий Патриарх Иерусалимский Кирилл по совету Базили отправился в Константинополь протестовать перед Портой. А накануне недавно избранный Константинопольский Патриарх Герман направил Святейшему Синоду послание с просьбой о помощи. Характеризуя передачу католикам ключей от главного портала Вифлеемского храма как «неожиданное бедствие», «торжество папизма на Востоке и Западе» и «унижение всех православных», от имени всей Православной Палестинской общины через посредничество Синода Патриарх просил российского императора «освободить народ

⁵⁵⁰ Базили – Озерову. Бейрут, 24 декабря 1852 г. (5 января 1853 г.) // *Poroff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem...* V. 2. № 440. P. 449–450.

⁵⁵¹ Якушев М.И. Указ. соч. С. 263.

⁵⁵² Базили – Озерову. Бейрут, 24 декабря 1852 г. (5 января 1853 г.) // *Poroff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem...* V. 2. № 440. P. 451.

⁵⁵³ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. I. С. 154.

⁵⁵⁴ См., например: История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 371.

православный на Востоке от рук неправых способами, кои внушит ему высокая боговдохновенная мудрость его»⁵⁵⁵.

Около двух месяцев Николай I выдерживал многозначительную паузу в общении с султаном. 4 января 1853 г. А.П. Озеров писал товарищу (заместителю) министра иностранных дел Л.Г. Сеньявину: «Грозное молчание из Петербурга наводит сильный страх на турок. ... Не скрою, что я сам нахожусь в большом трепете»⁵⁵⁶. Российский поверенный в делах намекнул при этом Фуаду-эфенди, что «известия из Иерусалима так плохи, что превосходят все ожидания. ... Он сильно смутился от намека и попытался пощупать Аргиропуло (первый драгоман (переводчик) Российской императорской миссии. – Л.М.): не понравится ли нам мысль обвинить во всем Афиф-бея. Тот отвечал, что в Петербурге с большою подробностью известны виновники и что правосудное правительство наше не удовольствуется пожертвованием мелкого подчиненного, исполнявшего только высшие приказания»⁵⁵⁷.

Чтобы склонить Турцию к выполнению взятых на себя обязательств, Николай I решил прибегнуть к силовому нажиму. Он отдал приказ о приведении в боевую готовность войск 5-го, а затем 4-го корпусов и начал подготовку к отправлению в Константинополь чрезвычайного посольства.

Последняя идея была подана императору канцлером К.В. Нессельроде в докладе от 13 декабря. Чрезвычайный посланник должен был, по мнению графа, напомнить султану об исполнении данных им в письме к Николаю I обещаний и предложить помощь в случае враждебных действий со стороны Луи Наполеона. Программой максимум посольства должно было стать заключение в противовес французским капитуляциям конвенции, «которая возобновляла бы и дополняла сущность Кайнарджийского трактата относительно покровительства и преимуществ, которыми должны

⁵⁵⁵ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522. Л. 688, 689 об.

⁵⁵⁶ Озеров – Сеньявину. Пера, 4 (16) января 1853 г. // *Popoff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem...* V. 2. № 441. Р. 451–452. (АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522. Л. 884–885.)

⁵⁵⁷ Там же.

пользоваться в Турецкой империи православная религия и ее духовенство»⁵⁵⁸. В случае неудачи миссии посланника оставалось прибегнуть «à la dernière raison des rois» (к последнему доводу королей – *франц.*), то есть к войне. Несмотря на это замечание, Нессельроде полагал, что сложившаяся международная обстановка не благоприятствовала в то время поднятию Восточного вопроса в полном объеме. Поэтому, по мнению канцлера, следовало подробно объяснить Лондонскому и Венскому кабинетам причины нашего недовольства Турцией и заявить им о наших миролюбивых и бескорыстных намерениях.

Николай I, понимая всю сложность и непредсказуемость последствий военного столкновения («Зачать войну не долго, – писал он И.Ф. Паскевичу, – но кончить и как кончить – один Бог знает как»⁵⁵⁹), тем не менее допускал его вероятность. В исторической литературе немало сказано о дипломатических просчетах и завоевательных планах российского императора накануне Крымской войны. В качестве основных источников при этом, как правило, приводятся собственноручная записка Николая I о Восточном вопросе, где он рассматривает возможное устройство Балканского полуострова в случае изгнания турок из Европы⁵⁶⁰, и упомянутые выше беседы императора с английским послом Г. Сеймуром о разделе наследства «больного, умирающего человека». Полностью соглашаясь с исследователями в ошибочной оценке Николаем I позиции Великобритании, оказавшейся, вопреки ожиданиям российского императора, в противоположном лагере, не можем не отметить чрезмерное преувеличение в историографии наступательности политики России. По справедливому замечанию А.М. Зайончковского, вышеупомянутую записку Николая I «невозможно считать» непосредственной «программой

⁵⁵⁸ Всеподданнейший доклад графа К.В. Нессельроде императору Николаю I от 13 декабря 1852 г. // *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 96. С. 351–354.

⁵⁵⁹ Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. С. 383.

⁵⁶⁰ Собственноручная заметка императора Николая о Восточном вопросе // *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 98. С. 357–358.

императора»⁵⁶¹. Что касается спора о святых местах, то, на наш взгляд, Николай I, связанный системой обязательств, данных христианам Османской империи и закрепленных в русско-турецких договорах, не мог оставить позицию защитника православных интересов, ибо от соблюдения этих обязательств зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе.

Чрезвычайным полномочным послом император назначил генерал-адъютанта адмирала светлейшего князя А.С. Меншикова (правнука знаменитого сподвижника Петра Великого). Перед отправлением в путь, 28 января 1853 г., помимо многочисленных устных наставлений, князь получил от канцлера К.В. Нессельроде обширный пакет документов, куда входили: письмо императора Николая I к султану, две копии с этого письма, пять инструкций (три из которых с пометой «Секретно»), исторический очерк по вопросу о святых местах, а также проекты двух документов, которые России следовало заключить с Османской империей – конвенции (или сенеда), касающейся признания Портой прав греческой Церкви, и секретного оборонительного союза⁵⁶².

Суть инструкций сводилась к следующему. Вести переговоры о восстановлении status quo, закрепленного в дарованном грекам фирмане. В случае желанья Порты согласовать этот документ с правами, данными латинянам, не настаивать в категорической форме на лишении католиков всех полученных ими привилегий при условии опубликования другого фирмана, объясняющего отступление в их пользу таким образом, чтобы не придавать им вида торжества над Православной Церковью, а также предоставления последней некоторых «законных вознаграждений» для восстановления нарушенного равновесия. Чтобы гарантировать на будущее сохранение прав Православной Церкви в Палестине, непременно склонить Турцию к заключению с Россией особой конвенции. Проект

⁵⁶¹ Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. С. 387.

⁵⁶² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853 г. Д. 21. Л. 115, 116. (Список бумаг, врученных Его Светлости князю Меншикову).

конвенции предусматривал, в частности, следующие положения: «православная христианская религия будет пользоваться покровительством во всех ее церквях и министры императорского российского двора, как и в прошлом, будут вправе делать представления в пользу церквей Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут приниматься как исходящие от соседней и искренно дружественной державы»; «Порта обязуется перед императорским российским двором сохранять и уважать права Греческой Православной Церкви в святых местах Иерусалима и его окрестностей»; султан издаст «гатти-гамаюн», который признает все прежде данные Иерусалимской Православной Церкви фирманы и точно укажет те святые места, которые были с древних времен предназначены для православных и католиков⁵⁶³. Наконец, для защиты от посягательств и давления со стороны Франции следовало предложить Турции секретный оборонительный союз. В случае отклонения выдвинутых Россией требований послу предписывалось заявить об оставлении Константинополя, возложив ответственность за разрыв на советников султана. Угрозу о выезде исполнить через три дня.

16 февраля 1853 г. князь Меншиков прибыл в Буюкдере на фрегате с красноречивым названием «Громоносец». Его сопровождала многочисленная свита, в состав которой, по-видимому, не случайно входили начальник штаба 5-го корпуса генерал А.А. Непокойчицкий и начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов.

Через день после приезда князь нанес официальный визит великому визирю Мехмед Али-паше. Следуя полученным из Петербурга указаниям, Меншиков заявил, что не станет вести переговоры с вышедшим из доверия российского правительства Фуадом-эфенди, и просил назначить для этой цели другое лицо. По словам князя, «это произвело большое впечатление и

⁵⁶³ Проект конвенции с Портой Оттоманской // *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 110. С. 382–384.

вызвало неудовольствие Порты, а Фуад подал в отставку»⁵⁶⁴. Министром иностранных дел султан назначил Рифаат-пашу. Английский и французский поверенные в делах расценили демарш российского посла как «необычный поступок, посягающий на достоинство султанского правительства»⁵⁶⁵.

24 февраля состоялась торжественная аудиенция А.С. Меншикова у султана, после которой последовал частный прием в присутствии министра иностранных дел. Князь вручил Абдул-Меджиду письмо Николая I. Обращаясь к султану как к «настоящему союзнику и другу», император не скрывал при этом «чувств глубокого огорчения и удивления», которые он испытал, узнав о недавно принятом решении падишаха «в деле о святых местах Палестины». Обратив внимание на точное соблюдение со своей стороны всех обязательств и договоров с Османской империей, российский император предупреждал «о серьезности последствий» отказа султана «от своих обещаний», выражавшемся в «отмене или изменении фирмана, снабженного» его хатти-шерифом. Не желая ссоры турецкого правительства с другими державами, Николай тем не менее советовал султану «сохранить принятые веками ... права в пользу Православной Церкви, догматы которой исповедуют ... христианские жители» Османской империи и большинство подданных российского императора. В случае затруднений или «опасностей», могущих возникнуть из-за сохранения упомянутых прав, император предлагал заключить «соглашение, которое положило бы конец требованиям и притязаниям, несовместимым с независимостью» турецкого правительства и «с внутренним спокойствием» Османской империи⁵⁶⁶.

По сообщению Меншикова графу Нессельроде, султан, видимо, не ожидал такого послания, был сильно смущен и произнес в ответ

⁵⁶⁴ Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. С. 408.

⁵⁶⁵ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1853 г. Д. 34. Л. 29 об.

⁵⁶⁶ Император Николай I – султану. 24 января 1853 г. // *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 112. С. 387–388.

«несколько отрывочных фраз» о «различных обстоятельствах, которые привели к недоразумениям», происшедшим, однако, без злого умысла с его стороны⁵⁶⁷.

Официальные переговоры А.С. Меншикова с Портой начались 4 марта. В тот день, а также 10 и 12 марта князь встретился с министром иностранных дел Рифаат-пашой и вручил ему ноты с изложением требований России⁵⁶⁸. Больше всего турецкого министра встревожило положение о заключении конвенции. Он ответил, что, по его мнению, Россия права, но подписание договора «будет трудно», а также, что проект конвенции должен быть предварительно рассмотрен султаном.

В течение марта между российским, турецким и французским представителями была достигнута договоренность относительно большей части вопросов, касавшихся святых мест. Казалось, что переговоры идут успешно, однако в начале апреля в Константинополь из отпуска вернулся английский посол лорд Ч. Стрэтфорд-Редклифф, оказавший значительное влияние на их срыв. Большинство историков Крымской войны сходятся в том, что этот умный и хитрый дипломат, пользовавшийся в Константинополе огромным авторитетом, сделался в тот период закулисным руководителем внешней политики Порты. Позднее Меншиков с горькой иронией заметил, что «турецкий диван делается на английских пружинах»⁵⁶⁹. Стремясь не допустить упрочения позиций России на Балканах и Ближнем Востоке, Стрэтфорд-Редклифф советовал туркам идти на все уступки в вопросе о святых местах, но ни в коем случае не соглашаться на заключение конвенции, которая предоставила бы российскому императору возможность вмешиваться в отношения султана с его православными подданными.

⁵⁶⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853 г. Д. 19. Л. 8 об.—9, 10. (Меншиков – Нессельроде. Константинополь, 25 февраля (9 марта) 1853 г.).

⁵⁶⁸ См.: Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. Приложения. № 113–115. С. 387–394.

⁵⁶⁹ РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 46. Ч. 3. Л. 20745.

23 апреля Рифаат-паша передал А.С. Меншикову два фирмана, содержание которых удовлетворяло все русские требования относительно святых мест. В первом фирмане отмечалось, что дарование католикам ключа от больших дверей Вифлеемского храма дает им «только право входа в этот храм, ... не предоставляя ни права отправлять богослужение» в нем, «ни права общего владения им, совокупно с православными». Установка новой серебряной звезды, являющейся подарком султана своим подданным, не дает «никакому христианскому народу какого-либо особого и нового права». В Пещере Гробницы Божией Матери греки, армяне и католики могут ежедневно проводить богослужения в упомянутой последовательности. Во втором фирмане говорилось, что починка купола храма Воскресения будет осуществлена за счет Порты. В случае каких-либо изменений «в настоящем его виде Греческий Иерусалимский Патриарх уполномочивается войти с представлением о недопущении сего»⁵⁷⁰. При этом в обоих документах не было ни малейшего намека на закрепление полученных привилегий путем заключения русско-турецкой конвенции.

В тот же день А.С. Меншиков направил турецкому правительству ультимативную ноту с изъяснением своего недовольства. К ноте был приложен проект измененного договора (сенеда)⁵⁷¹. Несмотря на то, что по содержанию и по тону новый проект был менее жестким, чем его первоначальный вариант, Порта по истечении установленного срока (5 дней) отвергла его как посягающий на суверенитет Османской империи. Российский посол объявил о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений.

8 мая 1853 г. А.С. Меншиков предпринял последнюю попытку мирного урегулирования. Он представил Порте на рассмотрение вместо предполагавшейся ранее конвенции достаточно умеренную ноту. В ней

⁵⁷⁰ Два фирмана, полученные князем Меншиковым // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Отдел I. Политический. Кн. I. С. 19–22.

⁵⁷¹ См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 126, 127. С. 407–410.

говорилося, что Православная Церковь будет и в дальнейшем пользоваться «под эгидой султана привилегиями и иммунитетами, предоставленными ей с древних времен», а также отмечалось, что султан «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и дружественные представления в пользу Восточной Православной Церкви»⁵⁷². Однако и в этот раз под давлением лорда Стрэтфорда-Редклиффа министр иностранных дел Турции ответил князю, что его нота неприемлема, так как является вмешательством во внутренние дела Порты.

9 мая князь А.С. Меншиков покинул Константинополь. Дипломатическое противостояние с неизбежностью переходило в военную фазу.

19 мая канцлер К.В. Нессельроде подписал ноту, в которой возложил ответственность за неудачу чрезвычайного российского посольства на султанское правительство. Последнему было предложено в восьмидневный срок принять «ноту Меншикова», в противном случае Петербург грозил оккупировать Дунайские княжества⁵⁷³. Однако Порта, надеявшаяся на поддержку Великобритании и Франции, в ответной ноте нового министра иностранных дел Решид-паши (от 4 июня 1853 г.) отвергла русский ультиматум. В июне 1853 г. в Безикскую бухту, расположенную у входа в Дарданелльский пролив, вошли английская и французская эскадры.

14 июня 1853 г. вышел манифест императора Николая I «О движении российских войск в Придунайские княжества». «Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается, — подчеркивал император. — Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта

⁵⁷² Проект ноты, предложенной князем Меншиковым Порте 8 (20) мая 1853 г. // *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. № 147. С. 434–436.

⁵⁷³ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1853 г. Д. 34. Л. 64–64 об.

обязется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви»⁵⁷⁴. 22 июня два корпуса русской армии перешли Прут и вступили на территорию Молдавии. К.В. Нессельроде заверил европейские дворы, что занятие Дунайских княжеств, предпринятое в ответ на приближение английских и французских кораблей к Проливам, не означает открытия военных действий, что речь идет лишь о получении «материальных гарантий»⁵⁷⁵, однако шаг российского императора был воспринят в Европе как ставка, сделанная на военное решение вопроса.

31 июля (н. ст.) Австрия, Великобритания, Франция и Пруссия предприняли попытку мирного урегулирования русско-турецкого конфликта, направив в Петербург и в Константинополь так называемую «Венскую ноту», согласно которой Турции предписывалось соблюдать все условия Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров относительно особых прав и преимуществ христианской религии. При этом в документе говорилось, что впредь спорные вопросы русско-турецких отношений будут поставлены под контроль европейских держав. Император Николай I согласился с данным предложением при условии, что султан также примет ноту без каких-либо оговорок. Однако Порта, с подачи все того же лорда Ч. Стрэтфорда-Редклиффа, выступившего в данном случае против предписаний собственного правительства, снабдила «Венскую ноту» такими оговорками, которые Николай I счел неприемлемыми⁵⁷⁶.

4 октября султан Абдул-Меджид объявил Османскую империю в состоянии войны с Россией. Через несколько дней турки переправились через Дунай и заняли городок Калафат. Одновременно в низовье Дуная были обстреляны суда русской речной флотилии. Затем 5-тысячный турецкий отряд захватил слабо охранявшееся укрепление Святого Николая (между Поти и Батумом) на Кавказском побережье, почти поголовно

⁵⁷⁴ ПСЗ-П. Т. 28. № 27344.

⁵⁷⁵ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1853 г. Д. 34. Л. 64 об.–66 об.

⁵⁷⁶ История внешней политики России. Первая половина XIX века. С. 383–384.

вырезав его защитников. 20 октября 1853 г. Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманскою Портою». В нем главной причиной начавшейся войны императором была названа «законная заботливость Наша о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом Русским»⁵⁷⁷. Православная составляющая заняла ведущее место в идеологическом обосновании войны и в новом манифесте от 9 февраля 1854 г. «О прекращении политических сношений с Англией и Францией», вышедшем после введения английского и французского флотов в Черное море. Здесь Николай I выдвинул тезис об отступничестве данных западноевропейских держав от христианства и призвал русский народ, в случае необходимости, быть готовым повторить подвиг 1812 года: «Итак, против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами Христианства становятся Англия и Франция! Но Россия не изменит Святому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то Мы готовы встретить их с твердостью, завещанной Нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ Русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года? Да поможет нам Всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих Веру Христову, единым сердцем всея России воззовем: “Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!”»⁵⁷⁸. Великобритания и Франция под влиянием успехов русского оружия в кампании 1853 г. (самым крупным из которых была победа над турецким флотом в знаменитом Синопском сражении 18 ноября 1853 г.) соответственно 15 (27) и 16 (28) марта 1854 г. вступили в войну.

Таким образом, среди большого комплекса причин Крымской войны 1853–1856 гг. важное место занимает церковно-политический фактор. В XIX в. в христианской Европе политические противоречия были неотделимы от межконфессиональных. Спор о святых местах Палестины,

⁵⁷⁷ ПСЗ-II. Т. 28. № 27628.

⁵⁷⁸ ПСЗ-II. Т. 29. № 27916.

переросший в международный кризис, который, в свою очередь, вылился в войну, затрагивал вопрос не собственности и даже не просто покровительства той или иной конфессии, а политического влияния в Турции. Николай I, осознававший Российскую империю как гаранта прав Вселенской Православной Церкви, не мог позволить французской и английской дипломатии «выдавить» себя с позиции защитника православных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке, ибо от этого зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе. С первых дней войны православная составляющая заняла важное место в ее идеологическом обосновании. Востребованным оказалось и обращение к памяти священной Отечественной войны.

3.2. Позиция иерархов Русской Православной Церкви и Католической Церкви Франции по отношению к Крымской войне

Русская Православная Церковь справедливо осознавала Восточную войну как религиозно-цивилизационное противостояние России и Западной Европы. В воззвании Святейшего Синода, в речах и проповедях церковных иерархов (как и в манифестах и приказах по армиям императора Николая I) постоянно подчеркивался священный характер войны, которую вела Россия за святыне места, за интересы России и Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единомышленников в Османской империи. Решения Синода и поступки иерархов определяли основные направления патриотической деятельности православного духовенства, принявшего в годы Крымской войны активное участие в общем деле борьбы с врагом. Наибольшим авторитетом в то время пользовались два известных церковных иерарха – архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) и митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов).

Деятельность архиепископа Иннокентия в годы Крымской войны занимает особое место в ее истории, так как один из основных театров военных действий развернулся на территории вверенной ему епархии. В

годы войны трудно найти какую-либо сферу патриотической деятельности духовенства, в которой не оказался бы активно задействованным архиепископ Херсонский. Скажем несколько слов об этом неординарном человеке.

Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич) родился 15 декабря 1800 г. в г. Елец Орловской губернии в семье священника. В 1810 г. поступил в Воронежское епархиальное училище, однако, заболев оспой, вынужден был оставить его. В 1819 г. окончил Орловскую духовную семинарию. В 1823 г. по окончании Киевской духовной академии (со степенью магистра богословия) был назначен инспектором и профессором церковной истории и греческого языка Санкт-Петербургской духовной семинарии и ректором Александро-Невского духовного училища. 10 декабря 1823 г. пострижен в монашество и посвящен в сан иеродиакона, а 29 декабря того же года – в иеромонаха. Через год переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию бакалавром богословских наук. В последующие годы был инспектором, членом Правления и Конференции той же академии, в 1826 г. возведен в звание экстраординарного профессора и в сан архимандрита. В сентябре 1829 г. за ряд богословских сочинений⁵⁷⁹ Иннокентию была присуждена степень доктора православного богословия. В августе 1830 г. он был назначен ректором и профессором богословских наук Киевской духовной академии и одновременно – настоятелем Киево-Братского монастыря. В течение 10 лет своего ректорства архимандрит (с 1836 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии) Иннокентий написал десятки научных работ, опубликовал пять сборников проповедей и провел в академии ряд реформ, среди которых наиболее значительной была отмена преподавания на латинском языке. 1 марта 1840 г. он был перемещен на самостоятельную епископскую кафедру в Вологду, а 31 декабря того же года – в Харьков. За обширные труды по управлению

⁵⁷⁹ «Жизнь святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского», «Жизнь святого апостола Павла» и «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа».

Харьковской епархией 15 апреля 1845 г. он был возведен в сан архиепископа.

К моменту назначения на Херсонскую кафедру (24 февраля 1848 г.) владыка Иннокентий был уже широко известен как талантливый богослов, церковный историк, проповедник и администратор. Большой опыт и несомненный авторитет позволили ему направить основные усилия на устройство в Крыму «Русского Афона» (воссоздание древних христианских святынь в Инкермане, Бахчисарае и прежде всего в Херсонесе, где принял когда-то крещение святой равноапостольный князь Владимир), а также развернуть активную патриотическую деятельность во время Крымской войны.

Еще до начала военных действий архиепископ Иннокентий, благодаря постоянным контактам с членами РДМ в Иерусалиме, с настоятелями посольских церквей в Константинополе, Афинах и Бухаресте, с некоторыми восточными иерархами и русскими дипломатами, был хорошо знаком с состоянием церковных дел на Ближнем Востоке. Интерес к Православному Востоку и особенно – к проблематике святых мест Палестины сформировался у Иннокентия еще в годы его преподавательской деятельности в Петербургской, а затем Киевской Духовных академиях, а также в ходе работы над монографией «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». Как упоминалось выше, архиепископ внимательно следил за развернувшимся в начале 1850-х гг. спором о святых местах. С помощью посланника в Константинополе В.П. Титова и генконсула в Бейруте К.М. Базили Херсонский архиерей предпринял некоторые меры для улучшения положения в Турции православного болгарского населения. В Одессе его стараниями было устроено Болгарское настоятельство, взявшее на себя попечение о болгарских эмигрантах из Турции. Когда в июле 1853 г. русские войска под командованием князя М.Д. Горчакова заняли Молдавию и Валахию, член Одесского Болгарского настоятельства Н.Х. Палаузов по рекомендации

Иннокентия написал для Генерального Штаба записку о Болгарии и вскоре был прикомандирован к главнокомандующему русской армией «для сношений с болгарями», оказавшись весьма полезным на этом поприще⁵⁸⁰.

После объявления Высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою» архиепископ Иннокентий выступил с речью, в которой раскрыл религиозный смысл начавшейся войны и разъяснил своей пастве ее причины. Проповедник подчеркнул, что войну объявила Турция, отказавшись выполнить «самые справедливые и необходимые» требования России: даровать «храмам православным и их служителям» в Османской империи ту «свободу и неприкосновенность, которую издавна пользуются в пределах наших все мечети»; не передавать «из рук в руки, как некие места купли и продажи», «святые места иерусалимские, куда ежегодно текут тысячи набожного народа русского», а оставить их «под надзором их естественных хранителей»-греков; наконец, предоставить России возможность защищать «братий наших по вере». Занятие Дунайских княжеств было, по мнению Херсонского архиерея, превентивной мерой, оставлявшей еще возможность решить спор о святых местах мирным путем, однако начало поддержанной западными державами Турцией военных действий не оставило России иного выбора. «Отныне, – говорил архиепископ, – дело наше, или вернее сказать, дело всего христианства, в руках уже не человеческих, а Божиих». Преосвященный призвал свою паству к молитве о скорейшем наступлении мира и о даровании Богом «православному воинству» – «духа крепости», императору – «премудрости», а «единоверным собратьям нашим, живущим в пределах вражьих» – «веры, терпения и благоразумия»⁵⁸¹.

8 апреля 1854 г. соединенный англо-французский флот подошел к Одессе. На следующий день архиепископ Иннокентий написал барону

⁵⁸⁰ Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857) // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992. С. 78.

⁵⁸¹ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Речь по прочтении Высочайшего манифеста о войне с Турцией // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. СПб.-М., 1874. С. 9–11.

М.А. Корфу письмо, полное оптимизма, спокойствия и уверенности: «Со вчерашнего числа весь рейд наш покрыт англо-французскими кораблями, и мы в полной блокаде. ... Обстоятельства чрезвычайные и нерадостные; но, я не знаю почему, что-то в них нет действительно страшного. Мой дом на горе, над самым морем; и мне вздумалось в нынешнюю весну обновить мой устаревший сад: и вот мы (я первый) спокойно работаем в сем саду, между тем как англичане в зрительные трубы смотрят на нас с пароходов. Иногда и мы взглянем на них в такие же очки, а потом опять за работу. Что ободряет нас? То, что наше дело и правое, и святое. Это чувствует каждый, и готов на все. ... Православное воинство наше видало и не такие полчища, мерялось и не с такими врагами и оставалось победоносным. Теперь же оно все горит нетерпением пролить всю кровь свою за Гроб Господень и за веру православную. ... Россия, по премудрому устройению Божию, имеет теперь на своем престоле такого монарха, который, видимо, призван свыше для разрешения судеб всего Востока, которому Наполеоны и Виктории годятся разве только в свиту. ... Час Турции пробил: она на одре смертном; и кто бы ни брался лечить ее и какое бы ни давали лекарство, ей не уйти от смерти скорой и неизбежной. ... Дружба двух великих народов, столь неожиданная и неестественная, такова, что они могут не только разойтись, но и вступить в спор и брань из-за первой кости. Так мы рассуждаем, и спокойно смотрим на море, покрытое неприятельскою армадою; но ждем, правду сказать, не погоды, а нашего почтенного нордвеста, который один может управиться за нас со всеми нашими незванными гостями»⁵⁸².

10 апреля, в Великую субботу, союзный флот подверг Одессу 12-часовой бомбардировке. Несмотря на опасность, во всех храмах города в этот день были проведены богослужения. В одесском кафедральном

⁵⁸² К пятидесятилетию бомбардировки г. Одессы англо-французским флотом. (Письмо архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) барону М.А. Корфу от 9 апреля 1854 г.) // Херсонские епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 197–198.

Спасо-Преображенском соборе священнодействовал сам архиепископ. По воспоминаниям очевидца А.Н. Стрехина (впоследствии директора Феодосийского карантина), лицо Иннокентия «представляло в тот момент поистине апостольский вид: никакого смущения или возбуждения, одна лишь скорбь просвечивалась в нем»⁵⁸³. Архиепископ произнес соответствовавшее обстоятельствам слово, оказавшее благотворное влияние на перепуганных жителей. Он похвалил прихожан за то, что во время обстрела они не оставили храма и призвал их «не унывать и не смущаться безотрадно». Преосвященный заметил, что, поскольку Россия сражается не за собственные выгоды, а «за веру православную, за Гроб Господень и за угнетенных собратий наших по вере», то Господь защитит ее «от всякого зла». Бомбардировку города накануне Пасхи Иннокентий назвал знаменiem свыше: «Враги наши, может быть, думали преогорчить этим для нас свое нападение, а в самом деле они усладили сим всю его горечь: ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вместе с Господом, у его Животворящего Креста и Живоносного Гроба». Призвав духовенство и прихожан готовиться к ночному пасхальному богослужению, Иннокентий высказал уверенность в благоприятном исходе событий: «За Великою Субботою всегда следует светлый день Воскресения: не замедлит и за настоящею, сугубо великою для нас, Субботою последовать сугубо великое Воскресение, то есть, вместе с воскресением Господа, и наше избавление от обышедших нас зол, а впоследствии и воскресение всего Православного Востока из гроба четырехвекового рабства мусульманского»⁵⁸⁴.

11 апреля в письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову Иннокентий описал события последних дней, особо подчеркнув при этом, что «народ православный покоен, и возглашенное

⁵⁸³ Цит. по: *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1888. С. 181–182.

⁵⁸⁴ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слово во время бомбардирования Одессы неприятельским флотом // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. С. 21–22.

ему во время канонады с амвона слово, что Одесса в самый день Гроба Господня удостоилась пострадать за Гроб Господень и Веру Православную и крестилась кровью и огнем, – произвело благотворное действие». «Непрерывающееся от грома орудий служение в храмах, – писал архиепископ, – так же содействует к ободрению и утешению народа, – что будет ... производимо и впредь»⁵⁸⁵.

Представители гражданской власти также сообщили обер-прокурору Святейшего Синода о патриотических действиях Херсонского архиерея, прося довести их до сведения императора. Так, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор Н.Н. Анненков 17 апреля 1854 г. писал Протасову, что ежедневные богослужения, проводимые архиепископом и подчиненным ему духовенством «во время пятисуточной стоянки неприятельских эскадр на Одесском рейде и бомбардирования города», а также слова и речи Иннокентия, «без сомнения, содействовали к одушевлению обывателей и к поддержанию в городе ... спокойствия и порядка»⁵⁸⁶. «В настоящие времена испытания, – писал 16 апреля обер-прокурору генерал-адъютант Д.Е. Остен-Сакен, – Иннокентий ревностно подвизается на поприще своем: не упускает ни одного случая для внушения назидательными беседами после каждой литургии преданности к престолу, любви к Отечеству, веры и проистекающего из нее спокойствия»⁵⁸⁷. Резолюция Николая I на соответствующем докладе Протасова гласила: «Достойно служителя Церкви Христовой»⁵⁸⁸. Святейший Синод постановил сообщить Иннокентию резолюцию императора и «за пастырскую ревность» объявить ему свою признательность⁵⁸⁹. 9 мая Одесса получила «Всемиловитейшую грамоту за сохранение спокойствия, порядка и благочиния во время бомбардирования ее флотом неприятельским», а 25 июня Николай I

⁵⁸⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 1–3.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 5.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 6–7.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 8.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 12.

подписал рескрипт на имя архиепископа Иннокентия, в котором сообщалось о пожаловании ему «в ознаменование особенного монаршего благоволения к столь доблестному служению» алмазного креста для ношения на клобуке⁵⁹⁰.

В 1853–1856 гг. архиепископ Иннокентий произнес десятки слов и речей в разных местах своей епархии (Одессе, Севастополе, Симферополе и др.). Его речи были обращены к воинам, отправлявшимся на театр военных действий, к солдатам и офицерам, уже находившимся на огневом рубеже, к сестрам Крестовоздвиженской общины, ухаживавшим за ранеными, но чаще всего – к мирным жителям, которым преосвященный объяснял смысл происходившего, внушал доверие и преданность властям, уверенность и спокойствие. Ни одно из важных военных событий не было оставлено им без внимания: взятие в плен и сожжение английского фрегата «Тигр», выход Высочайшего манифеста о государственном ополчении, кончина императора Николая I, оставление Южной стороны Севастополя, взятие турецкой крепости Карс на Кавказе и многое другое. Проповеди Херсонского архиерея публиковались в местных органах печати («Одесский вестник» и др.), в центральных газетах и журналах («Северная почта», «Москвитянин», «Христианское чтение» и др.), в 1855–1856 гг. они вышли отдельным двухтомным изданием⁵⁹¹, а позднее вошли в 8-й том собрания его сочинений. Их читала вся страна, с волнением следившая за ходом военных действий. «Вашему Высокопреосвященству, – писал Иннокентию 31 декабря 1854 г. митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), – достался в удел особенный пастырский подвиг в сию годину». «На паству Вашу, – отмечал он в другом письме от 4 апреля

⁵⁹⁰ Высочайший рескрипт, данный на имя преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. II. СПб., 1871. С. 130–131.

⁵⁹¹ Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим: в 2 т. Одесса, 1855–1856.

1855 г., – в настоящее время обращено внимание всего мира»⁵⁹². «Мы здесь все, – писал 10 сентября 1854 г. из Санкт-Петербурга епископ Макарий (Булгаков), – с восхищением читаем Ваши архипастырские слова и речи по случаю современных событий; с восхищением услышали и о новой Монаршей к Вам милости (пожаловании алмазного креста для ношения на клобуке. – Л.М.) за доблестный подвиг, относящийся к чести и славе отечественного духовенства»⁵⁹³. Наказной атаман войска Донского М.Н. Хомутов, поздравляя архиепископа Иннокентия с Новым 1855 годом, писал: «Ваши подвиги, христиански-патриотические назидания в войне за православие и угнетенных братий наших, наполнили сердца донцев глубокою к Вам преданностью. Одушевленные сими чувствами, они пламенно желают, да укрепит Всевышний Ваше здравие и силы, для новых подвигов в служении Церкви и престолу, дабы православная Россия могла долго внимать вдохновенному гласу Ваших бессмертных творений»⁵⁹⁴.

В сентябре 1854 г., когда в Крыму начались военные действия, архиепископ Иннокентий, желая быть в той части своей епархии, которой наиболее угрожает опасность, решил объехать Крымский полуостров и непременно побывать в Севастополе, к которому после битвы на реке Альме отступили русские войска под командованием князя А.С. Меншикова и куда стягивались значительные силы противника. На письме Протасова, где сообщалось о намерении архиерея, Николай I пометил карандашом: «Похвально, но вряд ли доедет свободно»⁵⁹⁵. Считая, что прибытие архиепископа Иннокентия «на театр войны будет иметь

⁵⁹² Цит. по: Буткевич Т., свящ. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887. С. 370.

⁵⁹³ Письма Макария, митрополита Московского к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому. Сообщил Н. Барсов // Христианское чтение. 1884. Т. I. С. 815.

⁵⁹⁴ Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического к разным лицам. Сообщил Н. Барсов // Христианское чтение. 1886. Т. I. С. 235.

⁵⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 16.

самое полезное влияние и на жителей, и на войска», император поручил Н.Н. Анненкову передать ему свое «монаршее благоволение»⁵⁹⁶.

Император оказался прав. В свою первую поездку по охваченному войной Крыму (с 10 по 29 сентября 1854 г.) Иннокентию не удалось побывать в Севастополе. Разрешения на проезд архиепископа в Севастополь не дал князь А.С. Меншиков, находившийся в то время с главной квартирой в долине Бельбека, под Бахчисараем. Расстроенный неблагоприятным положением дел, князь довольно грубо ответил преосвященному, что «теперь не до того» и посоветовал ему вернуться «к своей пастве в Одессу». Вскоре Меншиков осознал свою ошибку и направил архиепископу Иннокентию письмо с извинениями, однако, по замечанию Н.Ф. Дубровина, их «взаимное нерасположение друг к другу от этого не изменилось»⁵⁹⁷.

Архиепископ побывал в Севастополе позднее, в более тяжелое для города время, а пока он посетил основные населенные пункты полуострова: Перекоп, Симферополь, Бахчисарай, Феодосию и Геническ. В каждом городе Иннокентий произносил проповеди, стараясь ободрить и успокоить мирных жителей, напуганных не только нашествием неприятеля, но и происходившими в то время волнениями крымских татар. Присутствие архиепископа, а также его донесения разным должностным лицам о положении дел на местах помогли восстановить нарушенный порядок в Перекопе, Симферополе и других населенных пунктах Крымского полуострова. Сообщая Протасову о своей поездке, Иннокентий с удовлетворением отметил, что, «остававшиеся по городам жители ... усердно спешили в храмы на молитву», а православное духовенство повсеместно найдено им «при исполнении своего долга». Преосвященный довел также до сведения обер-прокурора, что из уже захваченных в то время городов (Ялты и Евпатории) наиболее ценные церковные вещи были

⁵⁹⁶ Там же. Л. 18.

⁵⁹⁷ *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I. СПб., 1900. С. 347–348.

заблаговременно вывезены, а некоторые из священников не покинули храмов на оккупированной территории, чтобы «не оставить своих прихожан без духовной помощи»⁵⁹⁸. В мае 1855 г. по мере продвижения неприятеля и занятия им Бердянска, Керчи и Еникале церковные ценности из этих городов были также эвакуированы, а многие священнослужители добровольно остались на своих местах⁵⁹⁹.

Особым предметом попечения Херсонского архиепископа в военное время стали госпитали. В ноябре 1854 г. Иннокентий передал в распоряжение полковника В.Н. Струкова, занимавшегося устройством временных лазаретов для раненых, Корсунский монастырь, «как ближайшее место к Крымскому полуострову». Монастырскому начальству преосвященный предписал: в случае необходимости освободить для нужд госпиталя все удобные помещения, включая настоятельский дом, а также принять на счет монастыря обеспечение раненых питанием, «духовной и вещественной помощью»⁶⁰⁰.

В то же время, узнав о нехватке военного духовенства для окормления раненых, как на фронте, так и в госпиталях, Иннокентий предписал священнослужителям епархиального ведомства посещать воинов в лазаретах и при перевозе их туда с мест сражений. Кроме того, «из-за небольшого числа в Крыму белого духовенства», архиепископ приказал настоятелю бахчисарайского Успенского скита, «оставив кого-либо для охранения своих мест, всех иеромонашествующих выслать» немедленно «на те пункты, где находятся раненые воины, как в лазареты, так и на самое поле брани»⁶⁰¹. Среди духовных лиц Крымских скитов, откомандированных для заботы о раненых воинах, находился иеромонах бахчисарайского Успенского скита Иоанникий (Савинов), ставший вскоре одним из двух священников – Георгиевских кавалеров периода Крымской

⁵⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 25 об.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 54–58, 60–62.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 31–31 об.

⁶⁰¹ Там же. Л. 30–30 об.

войны (подробнее о нем ниже). Другие иеромонахи Крымских скитов добросовестно выполняли свои обязанности в госпиталях. Многие из них перенесли тиф и другие болезни, один иеромонах скончался⁶⁰².

В июне–июле 1855 г. во время второй поездки по Крыму архиепископ Иннокентий посетил госпитали в Бахчисарае, Симферополе, Перекопе, Каховке, Бериславе, Херсоне и Николаеве⁶⁰³. Раненым от его имени регулярно раздавались иконы и другие пособия; священнослужители, работавшие в госпиталях, постоянно получали материальную помощь.

10 декабря 1854 г. «за заботливость о раненых воинах, проливших кровь за веру, царя и Отечество в Крыму», архиепископу Иннокентию была объявлена признательность Святейшего Синода. 30 апреля 1855 г. он получил благодарственный рескрипт от великой княгини Елены Павловны «за особенное пастырское участие в благоустройении Крестовоздвиженской общины сестер милосердия», а 10 ноября того же года – «монаршую благодарность» «за пожертвование в Бериславский военно-временный госпиталь 2-х пудов сахару и 4-х фунтов чаю»⁶⁰⁴.

24–27 июня 1855 г. Иннокентий посетил осажденный Севастополь. Первый день его пребывания в городе довольно подробно отражен в воспоминаниях флотского иеромонаха, выполнявшего обязанности сопровождающего. По свидетельству этого очевидца, скрывшего свое имя за инициалами *И.В.*, прежде всего архиерей внимательно осмотрел с горы линию фронта, подробно расспросил о каждом бастионе, сделал «стратегические замечания» по поводу неприятельской позиции. Своему знакомому генералу Н.К. Тетеревникову Иннокентий заявил, что хочет «пройти по траншеям», но тот удержал его от столь «неуместного самоотвержения». В качестве комментария иеромонах отметил, что, помимо смертельной опасности, которой непременно подвергся бы

⁶⁰² Там же. Л. 82–82 об.

⁶⁰³ Там же. Л. 82–83 об.

⁶⁰⁴ Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. М., 1867. С. 6–7.

архиепископ, это не имело особого смысла. В то время положение дел было таково, что «на бастионах и в траншеях нельзя было сказать что-нибудь команде», нередко даже «богослужение отправляли шепотом, чтоб не слышно было неприятелю», ибо, узнав о скоплении в одном месте нескольких человек, враг тут же открывал по нему ожесточенный огонь⁶⁰⁵. Через несколько часов иеромонаху все же пришлось стать свидетелем смелости и хладнокровия архиепископа Иннокентия. Катер, на котором они направлялись к Графской пристани для встречи на Николаевской батарее с генерал-адъютантом Д.Е. Остен-Сакеном, попал под обстрел. Две бомбы упали совсем близко (одна за кормой, другая перед носом), но архиерей при этом даже не изменился в лице. После разговора с Остен-Сакеном он съездил так же на Инкерманские высоты к главнокомандующему князю М.Д. Горчакову⁶⁰⁶.

25 и 26 июня архиепископ Иннокентий совершил две литургии (в лагерной походной церкви на северном укреплении и в Николаевском соборе), после которых обратился к защитникам города со словами духовной поддержки, особо подчеркнув при этом, что от их усилий во многом зависит исход войны, решающей важные проблемы государственного, мирового и религиозного значения. «По всему лицу земли Русской, – говорил он, – нет ни одного сына Отечества, который бы в настоящее время не привитал постоянно мыслию своею с вами, ... не скорбел бы вашими скорбями, не болезновал вашими ранами, равно как не радовался бы о ваших успехах, не хвалился вашею твердостью и мужеством»⁶⁰⁷. «Не малое что-либо и даже не просто человеческое происходит здесь, ... решается судьба Востока и Запада, а может быть, и

⁶⁰⁵ И.В. Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. С. 131–133.

⁶⁰⁶ Там же. С. 134.

⁶⁰⁷ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Слово, произнесенное в Севастополе в лагерной, что на северном укреплении, церкви июня 25-го 1855 года // Москвитянин. 1855. № 13–14. Кн. 1–2. С. 23.

всего света. ... Огонь настоящей брани не случайно разгорелся ... именно у вас и на том самом месте, где колыбель нашего Православия, ... где Отечество наше встретилось некогда и вступило навсегда в духовный союз с Православным Востоком. ... Сим самым Россия поставлена, можно сказать, в необходимость — стоять за сие место, как за святыню и драгоценность»⁶⁰⁸. «Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высоте, на которую возвел и поставил вас сам Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служение ваше Церкви и Отечеству! Довершайте то, что начато вами так достопамятно и продолжено доселе так беспримерно!»⁶⁰⁹

После литургии в Николаевском соборе, проведенной под гром неприятельского обстрела, на площади перед храмом состоялся молебен, на котором архиепископ Иннокентий вручил русским военачальникам несколько икон, присланных из разных мест России — Киева, Новгорода, Москвы для благословения защитников Севастополя: Успения Божией Матери, Знамени Пресвятой Богородицы, Московских первосвятителей и свт. Митрофана Воронежского. Последнюю икону Иннокентий привез в Севастополь лично в знак своего «пастырского усердия». Пожелав воинам новых успехов в поражении врага, архиепископ отметил, что на помощь им явились «в ликах своих угодники Божии» и даже «сама Царица воинств небесных»⁶¹⁰. Главнокомандующий князь М.Д. Горчаков перед лицом всех присутствовавших на молебне воинских чинов выразил архиепископу

⁶⁰⁸ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Слово, сказанное в Севастопольском Николаевском соборе во время бомбардирования сего города неприятелями июня 26-го 1855 г. // Москвитянин. 1855. № 13–14. Кн. 1–2. С. 29–30.

⁶⁰⁹ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Слово, произнесенное в Севастополе в лагерной, что на северном укреплении, церкви июня 25-го 1855 года... С. 25.

⁶¹⁰ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слово, произнесенное в Севастополе после молебствия на Николаевской площади при вручении защитникам его святых икон, присланных им на благословение из разных мест России 26 июня 1855 г. // Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Т. 2. Одесса, 1856. С. 99.

Иннокентию «свою признательность за посещение армии в настоящем ее месте и положении»⁶¹¹.

В Севастополе архиерей обошел госпитали, пообщался с сестрами Крестовоздвиженской общины, приходским и военным духовенством. Зайдя в Михайловскую адмиралтейскую церковь для проведения богослужения, он с удовлетворением увидел исполнение своего недавнего совета: некий московский купец заказал и прислал защитникам Севастополя в знак «победного знамения христолюбивого воинства» крест, представлявший собой, по преданию, «точное подобие» того креста, что привез из Херсонеса после крещения равноапостольный князь Владимир⁶¹². Связь между целями войны (защитой интересов православия в Святой Земле и на Ближнем Востоке) и Крымом, где некогда крестился князь Владимир, а теперь проходили боевые действия, подчеркивалась Иннокентием в то время неоднократно. По его твердому убеждению, это должно было усилить в солдатах уверенность в правоте своего дела и укрепить надежду на помощь свыше.

15 июля 1855 г. по представлению Горчакова через военного министра князя В.А. Долгорукова за поездку в Севастополь и «за внимание к храбрым защитникам Отечества» Иннокентий получил Высочайшую благодарность⁶¹³.

В течение всей войны архиепископ Иннокентий внимательно следил за ходом боевых действий. По словам близко знавших его людей, он собирал об этом «самые подробные сведения», «постоянно был обложен

⁶¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 81 об.

⁶¹² На лицевой стороне в верхнем ободке – Христос на троне, рядом с ним Богоматерь и Иоанн Предтеча; в среднем – Распятие Христа, у креста стоят Дева Мария и Иоанн Богослов; в нижнем – Сошествие во ад. На четырех концах креста – 12 апостолов. На обороте изображениям апостолов соответствует такое же число серебряных звезд. На оконечностях креста, в ободках, – Рождество Христово, Сошествие Святого Духа, Преображение, Вознесение и Успение Богоматери. На передней стороне, внизу, надпись «Сим побеждай». На обороте – «Подобие креста, принесенного равноапостольным князем Владимиром из Херсонеса». (Из заметок священника, жившего в осажденном Севастополе // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. V. СПб., 1874. С. 449–450).

⁶¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 94–94 об.

картами и планами», походя «более на полководца, нежели на архиерея»⁶¹⁴.

26 сентября 1855 г. неприятельский флот (около 90 судов) вновь появился перед Одессой. На следующий день на Соборной площади в присутствии войск и местных властей был совершен всенародный молебен перед чудотворной Касперовской иконой Божией Матери. В течение шестидневного стояния неприятельских кораблей на Одесском рейде Иннокентий ежедневно совершал молебен в кафедральном соборе, всякий раз обращаясь к жителям со словами утешения и духовной поддержки⁶¹⁵. Стараясь предотвратить панику, архиепископ убеждал горожан, что Одесса прекрасно укреплена как с моря, так и с суши, и находится под защитой русской армии и «Взбранной Воеводы» (Божией Матери). Он призывал свою паству молиться Богу, «отложить весь излишний страх от воображаемых опасностей», «продолжать совершать свои дела», «сохранять внутренний порядок и спокойствие», а в случае необходимости – «сохраняя присутствие духа, во всем соображаться с действиями и распоряжениями начальства, помогая усердно как ему, так и храбрым защитникам нашим»⁶¹⁶. 2 октября неприятельский флот снялся с якоря и отплыл в море, не причинив городу никакого вреда.

В слове, посвященном заключению 18 (30) марта 1856 г. в Париже мира между Россией, Турцией, Англией, Францией и Сардинией, которое было произнесено в Одесском кафедральном соборе 8 апреля 1856 г., Иннокентий поблагодарил Бога за дарованный народам мир и заявил, что, несмотря на все уступки, которые была вынуждена сделать Россия, кровь наших солдат пролилась не напрасно, так как достигнута главная, «высокая цель брани» – «восстановление свободы христианства на

⁶¹⁴ И.В. Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии... С. 131.

⁶¹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 100–102.

⁶¹⁶ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слово после молебствия на Соборной площади по случаю появления пред Одессою многочисленного флота неприятельского // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. С. 91.

Востоке» (турецкий султан издал фирман, которым уравнил в правах всех своих подданных, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности).

26 августа 1856 г. «за просвещенное пастырское служение, ознаменованное отличными произведениями дара слова к наставлению душ мирным христианским добродетелям, а в минувшие два года увенчанное достохвальными подвигами самоотвержения в назидание и укрепление паствы среди ужасов жестокой брани» архиепископ Иннокентий был введен императором в состав Святейшего Синода⁶¹⁷. Жителям Херсонской губернии Александр II в тот же день пожаловал благодарственную грамоту с повелением хранить ее копию в Одесском кафедральном соборе.

21 апреля 1856 г., отвечая на поздравление архиепископа Иннокентия с праздником Христова Воскресения, митрополит Московский Филарет отметил: «Как Вы, так и мы утешены, что празднуем в мире. Вы имеете [на это] особенное право, ... потому что мы страдали слышанием брани, а Вы входили в самую брань и среди нее подвизались Вашим священным служением и словом»⁶¹⁸.

Митрополит Филарет, в отличие от архиепископа Иннокентия, во время Крымской войны под выстрелами действительно не находился. Однако он не просто «страдал слышанием брани», но проводил активную патриотическую деятельность. Он произнес десятки слов и речей, обращенных к императорам Николаю I и Александру II, великим князьям, воинам, отправляющимся на театр военных действий, медицинским сестрам, собирающимся ухаживать за ранеными. В них он раскрывал причины и религиозный смысл войны, вдохновлял на победу, призывал молиться Богу и уповать на его помощь. Так, например, 2 сентября 1853 г.

⁶¹⁷ Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. С. 7.

⁶¹⁸ Барсов Н. К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Христианское чтение. 1884. Т. I. С. 219.

(после занятия русскими войсками Молдавии и Валахии и накануне официального объявления Турцией войны России) митрополит Филарет, обращаясь к входящему в Успенский собор Николаю I, подчеркнул, что Православная Церковь всегда имела в лице российского императора своего защитника, «но в настоящее время особенно видит» его «в сем подвиге». «За ее на Востоке святыню, за безопасность и спокойствие единоверных, – говорил императору митрополит, – Ты восстал с оружием сильного правдою царского слова: и боязливая забота, которую оно распространило в иноплеменных царствах, дает нам знамение, что Твое слово будет победоносно над противоборными силами, подобно как и Твое оружие»⁶¹⁹. А 16 января 1854 г. после напутственного молебна перед выступлением в поход 16-й пехотной дивизии Филарет объяснял солдатам: «На подвиг призывают вас царь, Отечество и христианство и сопровождает вас молитва Церкви и Отечества. ... Вы ... сражаетесь за ... царя, за любезное Отечество, за святую Церковь против нехристиан, против гонителей христианства, против утесняющих народы нам единоверные и частью соплеменные, против оскорбителей святыни покланяемых мест Рождества, Страдания и Воскресения Христова. Если когда, то наипаче при сих условиях, – благословение и слава побеждающим, благословение и блаженство приносящим в жертву жизнь свою с верою в Бога, с любовью к царю и Отечеству!»⁶²⁰

В годы войны митрополит Филарет лично благословил многих военачальников и их подопечных, вручив им при этом иконы и кресты. В ответ на просьбу о благословении адмирала П.И. Рикорда, назначенного в начале 1854 г. командующим Балтийским флотом, Филарет составил молитву, которая была прочтена на всех кораблях Балтийского флота. В

⁶¹⁹ Речь Благочестивейшему Государю императору Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества в Успенский собор // *Святитель Филарет, митрополит Московский*. Творения. Слова и речи. Т. V. 1849–1867 гг. М., 2007. С. 534.

⁶²⁰ Речь по окончании напутственного молебна, при выступлении в поход 16-й пехотной дивизии // *Святитель Филарет, митрополит Московский*. Творения. Слова и речи. Т. V. С. 535.

ней подчеркивался справедливый, религиозный характер войны: «Христе Царю велий по всей земли! ... Мы ни против кого не враждовали, Царь наш мирным словом желал дать мир Твоим святым местам и православным чителям Твоего имени, но против нас восстали враги Твоего имени, и, что более неожиданно, именующиеся христианами явились друзьями врагов и мучителей христианства, и мирные с нами, ничем не оскорбленные нами, подвигли против нас ухищрения клеветы и наконец оружие на суше и море». Молитва содержала смиренную просьбу к Богу помочь России и «единоверным нам сынам православного Востока», страдающим под турецким исламским игом под «бесчувственными взорами неправославного Запада»: «Помози, Господи, благочестивейшему Царю нашему не только свое достояние защитить, но и братий наших за пределами Отечества нашего исторгнуть от сети смертныя и узы их растерзать»⁶²¹. «Вы говорите, – писал митрополит адмиралу, – что с незапамятных времен воинство российское находило силу в знамении креста. На сие слово утвердительным ответом да будет изображение креста Господня, ... с призыванием Вам и сподвижникам Вашим молитвенной помощи святых, почивающих в древлепрестольном граде и окрест его»⁶²². При этом письме П.И. Рикорд получил от Филарета серебряный крест.

7 сентября 1855 г. митрополит Филарет в Троице-Сергиевой лавре вручил императору Александру II для отправления в действующую армию упоминавшуюся выше древнюю икону-складень «Явление Богоматери преподобному Сергию», которую в 1812 г. митрополит Московский Платон (Левшин) передал Александру I, а тот – Московскому ополчению. В своей речи по данному случаю Филарет вспомнил о давней традиции присутствия этого образа в русских войсках, о благословении Сергием Радонежским князя Дмитрия Донского на брань с Мамаем и попросил у

⁶²¹ Цит. по: Толстой М.В., *граф*. Хранилище моей памяти. М., 1995. С. 261–262.

⁶²² Там же. С. 262.

святого Сергия заступничества и молитв перед Богом о даровании русскому царю и его «христолюбивому воинству» «победы миротворной и победоносного мира»⁶²³. Списки с иконы Преподобного Сергия, освященные у его мощей, были вручены митрополитом Филаретом в годы войны нескольким частям русской армии – 16-й пехотной дивизии (16 января 1854 г.), стрелковому полку Императорской фамилии (9 сентября 1855 г.) и др.

В 1854–1855 гг. по инициативе Филарета духовенство монастырей и церковью Московской епархии пожертвовало «на военные потребности» крупные суммы денег, за что митрополиту дважды была объявлена благодарность императора. Монашествующие Московской епархии помогали фронту сбором корпии, делали различные пособия воинам. Восемь послушниц московского Алексеевского монастыря, по благословению Филарета, стали сестрами Крестовоздвиженской общины⁶²⁴. Иеромонах Троице-Сергиевой лавры Анастасий, изучавший медицину в Московском университете, был определен врачом по военно-медицинскому ведомству и отправлен на Крымский театр военных действий. Митрополит Филарет и наместник Лавры архимандрит Антоний вели с ним регулярную переписку, посылали ему деньги и медикаменты. Филарет вникал во все подробности службы иеромонаха Анастасия, заботясь, в том числе и о сохранении в новых условиях его скромности и смирения. Приведем мудрое замечание митрополита из письма к архимандриту Антонию по поводу полученного Анастасием предложения сделать портрет для газетной заметки о нем: «Портрета просит издатель художественного листка, не по уважению к добродетели, а для

⁶²³ Речь пред ракою Преподобного Сергия Радонежского по случаю взятия Государем императором Александром Николаевичем от святых мощей его иконы для отправления в действующую армию // *Святитель Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи.* Т. V. С. 543–544.

⁶²⁴ *Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к Преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867 гг.* Ч. 2. М., 2007. С. 297.

приобретения цены своему журналу и для своего кармана. Анастасий не похитит ли у добра то время, которое употребит на искание живописца и на сидение перед ним? Запрещать же ему не станем, чтобы не сделать его виновным в непослушании, если ему захочется»⁶²⁵.

В переписке 1853–1856 гг. митрополит Филарет часто обсуждал со своими корреспондентами военные события, интересны его комментарии происходившего. Так, например, в письме к А.Н. Муравьеву от 29 ноября 1854 г. Филарет отмечал: «Да сбудется слово Ваше, чтобы только Православие могло восторжествовать близ купели Святого Владимира (Севастополя. – *Л.М.*). Но долго продолжается крещение кровью. Слышим, что подвигающиеся призывают к Господу сил; за сие слава Богу: но слышится и то, что должествующие подавать в сем пример другим, не всегда подают его. Господь да вразумит их, что верна надежда на Него, а не на себя»⁶²⁶.

Особенно любопытна заметка митрополита Филарета от 8 декабря 1855 г. по поводу выражения «Горжусь вами», употребленного императорами Николаем I и Александром II в обращениях к воинам. «Помню, как прежде 1812 года, – рассуждал преосвященный, – благочестиво мыслящие жаловались, что в царственных актах употреблялся только светский язык, и имени Божия не встречалось. Сей год указал, где искать верной опоры и непобедимой силы. Император Александр начал говорить христианским языком. Император Николай Павлович говорил сим же языком, и особенно с силою и назиданием в последнее время. Так и ... Государь, ныне царствующий. Но тем ощутительнее разногласит вырвавшееся нечаянно слово, слишком светское. ... Слово Божие не одобряет гордости, и говорит: Бог гордым противится. Нет ли средства редактору царских мыслей подать мысль,

⁶²⁵ Там же. С. 338.

⁶²⁶ Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. 1832–1867 гг. Киев, 1869. Док. № 297. С. 458.

чтобы он, составляя выражения, испытывал их вопросом: будут ли они в гармонии с благочестивым царским языком?»⁶²⁷.

В беседе перед благодарственным молебствием о заключении мира, произнесенной 25 марта 1856 г. в кафедральной церкви Чудова монастыря, митрополит Филарет поблагодарил Бога, «ниспосылавшего помощь во брани» и «даровавшего мир», подчеркнул справедливый со стороны России характер войны («Слава Богу, что православно-христианская Россия не была виною начатия войны и не объявила ее, а приняла объявленную») и посоветовал прихожанам направить свои усилия не только на «восстановление потрясенного войной вещественного благосостояния», но и на «приобретение и сохранение стяжаний духовных – Божией благодати, веры, правды, добродетели», которые «утвердят ... мир внутренний, внешний возвысят и упрочат»⁶²⁸.

Католическая Церковь Франции, так же, как и Русская Православная Церковь, не осталась в стороне от религиозного истолкования причин, целей и смысла Восточной войны. Более того, пошла в этом плане гораздо дальше. 29 марта 1854 г. (н. ст.) архиепископ Парижский Мари-Доминик-Огюст Сибур выступил с посланием, в котором не только признал религиозный, священный характер начавшейся войны, но фактически назвал ее новым крестовым походом, правда, направленным на этот раз, вопреки традиции, не против ислама, а против Российской империи и Православия.

Уже в первых строках своего послания Парижский архиепископ подчеркнул преемственность политики императора Наполеона III и древних французских королей, являвшихся покровителями католицизма в

⁶²⁷ Заметка митрополита Филарета по поводу выражения «Горжусь вами», употребленного императорами Николаем I и Александром II в обращении к воинам // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. IV. М., 1886. Док. № 418. С. 54–55.

⁶²⁸ Беседа в день Благовещения Пресвятой Богородицы, пред благодарственным молебствием о заключении мира // *Святитель Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи.* Т. V. С. 364–368.

Святой Земле и на Ближнем Востоке: «Франция восстала и, приняв от рук Провидения прерванную нить судеб, решилась во главе Европы, еще раз защищать дело цивилизации и святой веры нашей на Востоке»⁶²⁹. Как бы в дополнение и разъяснение послания Наполеона III к Сенату, в котором в качестве мотивировки объявления Францией войны России высказывалась необходимость защищать Турцию от русской агрессии, М.-Д.-О. Сибур открывал своей пастве «истинную причину предпринимаемой экспедиции» – не допустить усиления в Святой Земле и на Ближнем Востоке позиций Православной Церкви, а главное – подорвать влияние и могущество православной Российской державы.

Российскому императору католическим прелатом инкриминировались «искусство, соединенное с хитростью и двуличием, обширные замыслы господства, колоссальное могущество, которое по своему произволу возмущает всех, видимое намерение возвести на Константинопольский престол чуждо заблуждения и с этого пункта угрожать материальным и нравственным интересам образованных народов»⁶³⁰. Архиепископ восклицал: «Нам грозит варварство. ... Если Царь утвердится на Босфоре, опираясь одною ногою на Европу, другою на Азию, то гибель народов решена. Можно будет следить глазом за их падением, и замечать часы падения. *Остановить шествие северного Гиганта, ограничить и обессилить его могущество, вот вопрос жизни и смерти для образованных народов, для Церкви Христовой и для истинного христианства.* Вот истинная и могущественная причина предпринимаемой экспедиции. И вот почему мы называем эту войну священной. Да, отправляясь в этот славный поход, солдаты наши могут повторять крик наших отцов: “Богу так угодно!”. ... Богу так угодно потому, что уже не исламизм служит ныне препятствием к единению, а московское диктаторство с его замыслами и фанатизмом. Ничто столько не

⁶²⁹ ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1. Д. А I /76. Л. 34.

⁶³⁰ Там же. Л. 35.

угрожает Церкви, как усиление этой державы уже слишком колоссальной. Позвольте Царю-первосвященнику, теряющемуся ныне в безграничных своих степях, воссесть на Константинопольский престол и носить на Главе тройственную корону под Императорскою диадемою; пусть воцарится он на Востоке и отягощает над Западом, в ожидании случая покорить его, тогда ничему нельзя будет уподобить того всеобщего отступничества от веры и того нечестивого противления Христу, о которых говорят святые книги как о признаках кончины мира»⁶³¹.

Призвав французский народ к молитвам за императора и армию, прелат высказал надежду, что французские солдаты во время войны покажут себя достойными носимого ими звания цивилизованного христианского народа: «Будем молиться за храброе наше воинство и неустрашимого вождя его. Будем просить, чтобы мысль о Боге и Отечестве служила для них приятным отдохновением среди военных трудностей; чтобы эта двойственная любовь побудила их с самоотвержением встречать величайшие опасности; чтобы великодушные воины наши, довольные своими оброками, согласно заповеди евангельской и славным преданиям военным, воздерживались от всякой несправедливости; чтобы, исполненные человеколюбия, они щадили кровь среди ужасов битв и не поражали беззащитных жителей; чтобы особенно уважали детей, жен и стариков; чтобы вера и природа, народное право европейское и христианские обычаи Франции находились под покровом национальной чести; наконец, чтобы друзья и враги наши удивлялись добродетелям их, издавна им свойственным, так же как и испытанной их храбрости»⁶³².

Документ заканчивался следующим повелением:

«1. Со дня обнародования настоящего указа (sic!), в течение девяти дней, священникам читать на обедни молитвы «Pro tempore belli» (На случай войны. — лат. — Л.М.).

⁶³¹ Там же. Л. 35–36.

⁶³² Там же. Л. 37–37 об.

2. В продолжение войны читать те же молитвы на обедни по воскресным дням.

3. На всех вечернях, которые будут совершаться во время войны, после «Domine salvum» («Господи, спаси [царя]». – *лат.* (Пс. 19, 10). – *Л.М.*) и стиха: «Fiat manus tua» («Да будет рука твоя». – *лат.* (Пс. 79, 18). – *Л.М.*) петь молитву: «Pro imperatore et eius exercitu» («Об императоре и сем воинстве». – *лат.* – *Л.М.*).

Настоящий указ (*sic!*) наш прочитав в Страстное Воскресенье во всех церквах и капеллах нашей епархии и публиковать везде, где нужно»⁶³³.

В исторической литературе иногда цитируется фрагмент другого, сходного с предыдущим, послания М.-Д.-О. Сибура: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотия (то есть православие. Фотий (820–891) – Константинопольский патриарх, продолжительная борьба которого с римскими папами послужила началом разделения Церквей. – *Л.М.*), укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом»⁶³⁴.

Положения, высказанные М.-Д.-О. Сибуром, были подвергнуты критике со стороны некоторых принадлежавших к противоположному лагерю современников, которые нашли в них ряд противоречий и нестыковок. Так, например, некий анонимный автор записки «Суждение о

⁶³³ Там же. Л. 38.

⁶³⁴ Цит. по: Казарин В.П. Битва за Ясли Господни // Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. Предисловие В.П. Казарина. СПб., 2005. С. 7. См. также: Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М.-Л., 1950. С. 370; Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина по поводу одного окружного послания Парижского архиепископа // Хомяков А.С. Сочинения. Т. II. М., 1994.

послании Парижского архиепископа Сибура по поводу войны на Востоке», обнаруженной нами в Отделе рукописей РНБ, прежде всего, обратил внимание на «глубокий антагонизм между французским правительством и образом выражений господина Сибура»⁶³⁵. «Господин Друэн де Люиз, – пишет он, – утверждает, как известно, в одном из своих циркуляров, что из всех бедствий, могущих постигнуть человечество, самое ужасное – религиозная война, и что можно было надеяться, что общество наше будет избавлено, по крайней мере, от этого бедствия. Господин Сибур, напротив того, именно утверждает, что Франция, в сущности, идет на Восток не для защиты турок, а для того, чтоб поставить преграду власти, которая сделалась врагом Церкви, исказив христианство. Вот, повторяет он, единственная причина экспедиции. После таких противоречий не знаешь, право, кому верить: министру ли иностранных дел, торжественно высказывающему известное положение, или господину Сибуру, который в своем послании, перепечатанном правительственными газетами, столь же торжественно его отвергает?»⁶³⁶.

Далее, автор записки справедливо упрекнул М.-Д.-О. Сибура в искажении древней истории. Чтобы выйти из затруднения – о новом крестовом походе приходится говорить армии, «назначенной для защиты прав луны» – архиепископ заявил, что новая экспедиция, как и некоторые предыдущие крестовые походы (!?), призвана «восстановить силою оружия христианскую идею, будто бы искаженную Греками», и это при том, что Католическая Церковь неоднократно выступала против вооруженной борьбы с Греческой Церковью (в подтверждение приводится позиция римского папы Иннокентия III). (По поводу возникшего «затруднения» Е.В. Тарле через сто лет иронизировал: чтобы увязать провозглашенное императором положение о защите магометан и объявленный при этом Сибуром священный, истинно-христианский

⁶³⁵ ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1. Д. А I /76. Л. 41.

⁶³⁶ Там же. Л. 41–41 об.

характер войны, архиепископ прибегнул к толкованию, что «не Наполеон III собирается защищать султана Абдул-Меджида против русских, но султан Абдул-Меджид будет помогать благочестивому императору французов в предпринятом святом деле искоренения православной ереси и что вся война затеяна Наполеоном III с единственной целью: наконец исправить, правда, со значительным опозданием в тысячу лет, – но лучше поздно, чем никогда, – зло, причиненное единоспасающей католической церкви еще в IX столетии предосудительным поведением покойного патриарха Фотия»⁶³⁷.)

Возвращаясь к анализируемой записке, отметим, что в заключение автор высказал предположение, что М.-Д.-О. Сибур выразил лишь свое личное мнение, не имеющее ничего общего с позицией Католической Церкви⁶³⁸. С этим последним положением, так же, как и с усмотренным автором «антагонизмом» между посланием Сибура и отношением к войне французского правительства, мы позволим себе не согласиться. Здесь нам, скорее, ближе мнение Е.В. Тарле, считавшего, что послание Сибура было выполнено по прямому указанию Наполеона III. («Архиепископ Парижский, – пишет ученый, – в данном случае действовал ... как исправный чиновник императорского французского правительства»⁶³⁹.) Во всяком случае, тот факт, что послания Сибура были опубликованы в правительственных газетах и оглашены во всех церквях и капеллах страны, свидетельствует о том, что Наполеон III и высшие иерархи Католической Церкви Франции заранее знали и одобрили их содержание.

Непосредственную связь между позициями императора Наполеона III и Католической Церкви Франции увидел в то время настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Иосиф Васильев. 16 (28) мая 1854 г. он писал директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу: «*Французское правительство* хотело дать

⁶³⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 370.

⁶³⁸ ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1. Д. А I /76. Л. 45–45 об.

⁶³⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. I. С. 371.

настоящей войне против России оттенок религиозный. Епископы издали пастырские грамоты, в которых, изложив мнимые опасности Римскому католичеству со стороны России, приглашали паству к молитвам за успех французского оружия. Архиепископ Парижский особенно был странен в своем взгляде и грубо неумерен в выражениях. По какой-то непонятной логике он представил настоящую войну как продолжение крестовых походов, а предполагаемое завоевание русскими Константинополя как знамение пришествия Антихриста»⁶⁴⁰.

Известный славянофил А.С. Хомяков, размышляя по поводу послания М.-Д.-О. Сибура, заметил, что высказанные им идеи, как говорится, витали в воздухе. «Епископ Парижский, – пишет он, – далеко не один делает такое признание; оно было высказано и прежде и после него многими из писателей римского исповедания; но Мари-Доминик-Огюст Сибур более смел, более откровенен, более прям, чем другие. ... Этот святительский голос только с большею ясностью высказал то, на что были уже намеки от других, и сам он встретил себе не один сочувственный отклик. А много ли голосов поднялось против него в странах, покорных Риму? Если и поднимались какие-нибудь голоса, они были так малочисленны и так робки, что терялись среди всеобщего молчания или одобрения. Ясно, что слово прелата есть только выражение чувства более или менее общего римскому миру и всему миру Западнему»⁶⁴¹.

Упоминая религиозное толкование, данное Восточной войне в России и во Франции, Е.В. Тарле называет его, так же как и развернувшийся накануне войны спор о святых местах, «мнимо-религиозным» и имеющим «истинно карикатурный вид»⁶⁴². Возможно, ученый действительно так думал; возможно, был вынужден так писать в угоду господствовавшему в

⁶⁴⁰ *Васильев И.В., прот.* Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 гг., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л.К. Бродским. Пг., 1915. С. 163–164.

⁶⁴¹ *Хомяков А.С.* Указ. соч.

⁶⁴² *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. I. С. 371.

стране атеистическому режиму. Во всяком случае, в наши дни можно прямо сказать и доказать, что церковно-религиозные вопросы занимали в то время значительное место во внешней политике России и отчасти – Франции, а главные руководители и идеологи Восточной войны вполне серьезно видели в разворачивавшихся событиях не только политический, но и некий сакральный смысл.

Таким образом, и Русская Православная Церковь, и Католическая Церковь Франции видели в Крымской войне главным образом религиозное начало. Русские церковные иерархи рассматривали военный конфликт как противостояние православной России и «неправославного Запада», и даже проводили мысль еще далее, к мессианскому предназначению России в Святой Земле и на Ближнем Востоке. Священный характер войны признавал и архиепископ Парижский М.-Д.-О. Сибур, представляя ее как крестовый поход католичества против православия. Русские иерархи являлись также инициаторами различных видов патриотической деятельности духовенства, направленной на сплочение армии и народа, укрепление их морального духа, внушение им веры в свои силы и надежды на помощь свыше.

3.3. Военное и морское духовенство в регулярной армии и на флоте

Как показано выше, военное и морское духовенство в Российской империи представляло собой особую категорию духовного сословия, являясь неотъемлемой и важной частью армии и флота.

Накануне Крымской войны, в 1853 г., в ведомстве военного и морского духовенства состояли 878 человек. Среди них были 10 протоиереев⁶⁴³, 541 иерей (священник), 63 дьякона и 264 псаломщика⁶⁴⁴. В

⁶⁴³ Сан протоиерея мог быть получен по должности или в качестве награды. С середины XIX в. число награжденных этим саном значительно увеличилось. В данном случае указано число протоиереев согласно штатным расписаниям.

⁶⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 591. Л. 10 об.; *Капков К.Г.* Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 38.

ходе войны, к концу 1855 г., численность военного духовенства увеличилась еще на 100 человек – до 978. Протоиереев стало 13, иереев – 596, дьяконов – 78, псаломщиков – 291 человек⁶⁴⁵. Большинство священно- и церковнослужителей принимали участие в Крымской войне. За проявленные мужество и самоотверженность многие священники были удостоены различных наград.

Согласно отчетам обер-прокурора Святейшего Синода императору за 1853–1856 гг., во время Крымской войны «за отличие при военных действиях» духовные лица получили 110 различных наград: 2 священнослужителя – орден Св. Георгия 4-го класса, 10 – орден Св. Анны 2-й степени, 1 – тот же орден с императорской короной, 21 – орден Св. Анны 3-й степени, 2 – орден Св. Владимира 4-й степени, 48 – золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, 2 – тот же крест, украшенный драгоценными камнями, 1 – золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями, от Святейшего Синода, 4 – золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества, 7 – наперсный крест, выдаваемый от Синода (без украшения), 4 – камилавку, 8 – скуфью⁶⁴⁶. (Помимо военных священников и флотских иеромонахов в отчеты были включены также сведения о награждении нескольких монахов, госпитальных и приходских священников, отличившихся во время военных действий).

По данным протоиерея Н. Каллистова, к 50-летию Крымской войны собиравшего сведения о военных священниках, награжденных главным образом за оборону Севастополя, духовные лица получили 231 награду: 2 священнослужителя – орден Св. Георгия 4-го класса, 8 – орден Св. Владимира 3-й и 4-й степени, 17 – орден Св. Анны 2-й степени, 38 – орден Св. Анны 3-й степени, 58 – золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, 5 – золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского

⁶⁴⁵ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 38.

⁶⁴⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 590. Л. 2–2 об.; Д. 592. Л. 22–23; Д. 594. Л. 19–20.

Величества, 29 – наперсный крест, выдаваемый от Синода, 74 – набедренник, скуфью, камилавку, серебряные медали «За защиту Севастополя» или бронзовые медали «В память войны 1853–1856 гг.»⁶⁴⁷.

Как видим, приведенные данные разнятся. Объяснить это можно, во-первых, тем, что духовные лица награждались за отличие в военных действиях не только в ходе самой войны, но и в первые послевоенные годы, что было учтено Н. Каллистовым, но не вошло в отчеты обер-прокурора Синода за 1853–1856 гг.; во-вторых, Н. Каллистов включил в число награжденных также тех священников, которые получили медали за Севастополь и за войну, хотя, наверняка, и не всех из них, ибо первой медалью были награждены «все духовные лица, находившиеся в сем городе во время его осады»⁶⁴⁸, а второй – все «духовенство, участвовавшее в военных делах, а также находившееся в составе войск, приведенных в военное положение или в местах, считавшихся на военном или осадном положении»⁶⁴⁹, следовательно, число награжденных медалями должно быть гораздо больше; наконец, в-третьих, Н. Каллистов допустил ряд ошибок: у некоторых священников он указал либо не те награды, которые они получили в действительности, либо награды, уже имевшиеся у них еще до войны. Например, протоиерей Балаклавского Греческого пехотного батальона Антоний Аргириди и игумен Балаклавского Георгиевского монастыря, благочинный над духовенством Черноморского флота Георгий за проявленные отличия были награждены (соответственно в 1855 г. и 1854 г.) наперсным крестом, выдаваемым от Синода⁶⁵⁰, а не золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, как сказано у Н. Каллистова⁶⁵¹.

⁶⁴⁷ Каллистов Н., *прот.* Историческая записка о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия // Вестник военного духовенства. 1904. № 14. С. 441.

⁶⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 20.

⁶⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 26. Отд. 2. Ст. 2. Д. 27 а. Л. 22 об.

⁶⁵⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1; РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 176–177.

⁶⁵¹ Каллистов Н., *прот.* Указ. соч. С. 498–500.

Иеромонах Троице-Сергиевой лавры Анастасий, выполнявший в двух госпиталях Симферополя обязанности духовника и ординатора одновременно, в 1855 г. был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества⁶⁵², а не золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁶⁵³. Настоятель Севастопольского адмиралтейского собора протоиерей Иоанн Терлецкий, протоиерей того же собора Антоний Демьянович, священник того же собора Иоанн Орловский, протоиерей Владимирского пехотного полка Петр Мацкевич и протоиерей Одесского егерского полка Михаил Кузьминский были награждены наперсным крестом, выдаваемым от Синода, в 1840-х гг.⁶⁵⁴, а не за Крымскую войну, как утверждает Н. Каллистов⁶⁵⁵. Протоиерей гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка, благочинный 6-й легкой кавалерийской дивизии Дмитрий Овсянкин в 1855 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й⁶⁵⁶, а не 2-й степени⁶⁵⁷.

Приведенный перечень ошибок можно было бы продолжить. Ясно, что данные протоиерея Н. Каллистова требуют тщательной перепроверки. Мы достаточно подробно остановились на его работе, потому что она до сих пор активно используется авторами общих трудов по истории взаимоотношений армии и Церкви⁶⁵⁸.

Опираясь на архивные документы (доклады обер-прокурора Синода императору, формулярные списки военных священников, приказы об их награждениях), а также периодическую печать (главным образом, «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», где публиковались данные о

⁶⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 218–219.

⁶⁵³ Каллистов Н., *прот.* Указ. соч. С. 502.

⁶⁵⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 24–25, 28 об.

⁶⁵⁵ Каллистов Н., *прот.* Указ. соч. С. 531–532.

⁶⁵⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 25 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4.

⁶⁵⁷ Каллистов Н., *прот.* Указ. соч. С. 534.

⁶⁵⁸ См., например: Чимаров С.Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999. С. 158–160; Золотарев О.В. Стратегия духа армии. Армия и Церковь в русской истории, 988–2005 гг. Антология. Кн. 1. Челябинск, 2006. С. 423–426.

награждениях светских, духовных и военных лиц), автор диссертационного исследования составила подробный перечень военных священников и флотских иеромонахов, получивших награды за отличия в военных действиях во время Крымской войны. Полученные результаты даются в приложении к работе. Здесь приведем очерки о подвигах и интересных событиях из жизни наиболее отличившихся священнослужителей.

Прежде всего, остановим внимание на двух Георгиевских кавалерах периода Крымской войны – старшем священнике Могилевского пехотного полка Иоанне Пятибокове и иеромонахе Бахчисарайского Успенского скита Иоаннии (Савинове), служившем в 1854–1855 гг. в 45-м флотском батальоне.

Иоанн Матвеевич Пятибоков начал службу в 1848 г. в качестве младшего священника Костромского егерского полка. В 1850 г. он был назначен старшим священником Могилевского пехотного полка и благочинным 7-й пехотной дивизии, с которыми принял участие в Крымской войне. Отец Иоанн прославился как герой кровопролитного штурма турецких батарей на Дунае 11 марта 1854 г. В тот день Могилевский полк в составе отряда генерал-лейтенанта Н.И. Ушакова, переправившись через Дунай в районе Измаила, вступил в ожесточенное сражение с неприятелем. По свидетельству самого отца Иоанна, он «находился с полком безотлучно под неприятельскими выстрелами, ... презирая всякую опасность»⁶⁵⁹. Увидев, что натиск русских солдат ослабевает, священник возглавил атаку и «в передних рядах взошел на стены» турецкого укрепления, получив при этом контузию в грудь. Бывшая на нем епитрахиль была разорвана картечью, а от напрестольного креста, находившегося у него в руках, была отбита пулей «правая перекрестная сторона»⁶⁶⁰. Крест и епитрахиль Пятибокова, пострадавшие

⁶⁵⁹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 1.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 1–1 об.

от неприятельских выстрелов, были отправлены обер-священнику армии и флота В.И. Кутневичу для надлежащего «благораспоряжения»⁶⁶¹. Командир Могилевского пехотного полка полковник И.И. Тяжельников, по желанию самого отца Иоанна, обратился к обер-священнику 3-го, 4-го и 5-го корпусов протоиерею С.В. Левковскому с просьбой ходатайствовать о произведении Пятибокова в сан протоиерея⁶⁶². Обер-священник армии и флота В.И. Кутневич представил его к золотому наперсному кресту на Георгиевской ленте⁶⁶³. Однако император Николай I распорядился иначе. 26 августа 1854 г. он пожаловал Иоанну Пятибокову орден Св. Георгия 4-го класса с внесением его имени в дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии.

В приказе о награждении излагались подробности «примерного подвига» отца Иоанна, при этом подчеркивалось, что он «с чистым и совершенным самоотвержением» одним из первых «взошел на стены турецких укреплений», воодушевляя воинов «пастырским увещанием» и «неустрасимо осеняя крестом Восток, Запад, Север и Юг под грозными неприятельскими выстрелами»⁶⁶⁴. Отец Иоанн получил также единовременное пособие – 500 рублей и ежегодную пенсию – 360 рублей. Шестилетний сын священника Пятибокова Александр был зачислен в Московский кадетский корпус⁶⁶⁵.

26 ноября 1869 г., во время празднования столетнего юбилея ордена Св. Георгия, Иоанн Пятибоков, приглашенный в Санкт-Петербург по Высочайшему повелению, был представлен императору Александру II, который показал пастырю его прежние крест и епитрахиль, хранившиеся в Зимнем дворце. Вскоре после этого отец Иоанн был возведен в сан протоиерея, награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени и назначен настоятелем Карского военно-крепостного собора. В

⁶⁶¹ Там же. Д. 12. Л. 2; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9047. Л. 4.

⁶⁶² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 1 а.

⁶⁶³ Там же. Л. 7–7 об.

⁶⁶⁴ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 80.

⁶⁶⁵ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 443.

1882 г. он вышел в отставку и поселился в Вильно, где в 1896 г. скончался. По инициативе протопресвитера военного и морского духовенства А.А. Желобовского на могиле протоиерея Иоанна Пятибокова был сооружен мраморный памятник с изображением Георгиевского креста⁶⁶⁶.

Иоанникий (Савинов), иеромонах Бахчисарайского Успенского скита, стал военным пастырем во время Крымской войны. В историографии его, как правило, называют иеромонахом Балаклавского Георгиевского монастыря⁶⁶⁷, однако это неверно, к данному монастырю он никогда приписан не был. Как упоминалось выше, отец Иоанникий находился в числе духовных лиц Крымских скитов, откомандированных в ноябре 1854 г. архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым) для заботы о раненых воинах, как на фронте, так и в госпиталях. Эта мера была вызвана нехваткой в Крыму военного духовенства для окормления солдат и матросов⁶⁶⁸.

Иеромонах попал на службу в 45-й флотский батальон и неоднократно отличился во время обороны Севастополя. Самым блестящим подвигом отца Иоанникия стало его внезапное появление в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. среди войск отряда генерал-лейтенанта С.А. Хрулева, предпринявшего вылазку с 3-го отделения оборонительной Севастопольской линии для разрушения неприятельских траншей, построенных рядом с Камчатским редутом с целью его взятия. «Когда отряд войск наших, – говорилось в приказе о награждении, – состоявший из батальонов Камчатского егерского, Днепровского и Волынского пехотных полков, выбив неприятеля из ложементов впереди Камчатского люнета, бросился на ближайшие неприятельские подступы, но готов уже

⁶⁶⁶ Там же. С. 443–445.

⁶⁶⁷ *Крестьянников В.В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь, 2006. С. 21–22; *Шавшин В.Г.* Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, 2004. С. 68–69 и др.

⁶⁶⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 30–30 об.

был уступить сильному натиску неприятеля, получавшего беспрестанные подкрепления, в то время, в самом пылу сражения, иеромонах Иоанникий Савинов в епитрахили с вознесенным крестом появился в рядах сражавшихся и торжественным и звонким пением тропаря “Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы Благоверному императору нашему на сопротивных даруй” одушевил войска, которые бросились на врага и овладели первой, потом второй и третьей линиями его траншей»⁶⁶⁹. Один из неприятельских солдат бросился на безоружного монаха, пытаясь заколоть его ударом штыка, однако пастырь был спасен ординарцем генерал-лейтенанта С.А. Хрулева, юнкером Камчатского егерского полка Негребецким. Пострадали лишь епитрахиль и левый рукав рясы. Видя успех борьбы, отец Иоанникий сосредоточил внимание на раненых воинах: одним подавал помощь на месте, других отправлял на перевязочный пункт. Во время напутствия умиравших неприятельская пуля ударила в крест, который отец Иоанникий держал в руках, отбив его нижнюю часть. Получив контузию, иеромонах на некоторое время потерял сознание. Когда враг был оттеснен, а подступы к траншеям разрушены, священник помог вернуть батальоны обратно. Разгоряченные боем солдаты левого фланга, командир которого (подполковник Радомский) был выведен ранением из строя, отказывались поверить сигналу отбоя, неоднократно использовавшемуся прежде врагом для дезинформации, и только слова отца Иоанникия, переданные по личной просьбе Хрулева, убедили их в необходимости отступления⁶⁷⁰. За этот подвиг 15 мая 1855 г. иеромонах Иоанникий (Савинов) был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса⁶⁷¹. 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Волынский и Камчатский редуты отец Иоанникий был ранен пулей в ногу с

⁶⁶⁹ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

⁶⁷⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9047. Л. 4 об.-5; Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. II. СПб., 1871. Приложения. С. 45–46.

⁶⁷¹ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53; *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 445–447.

раздроблением кости⁶⁷². Ногу ампутировали, но 9 июня 1855 г. священник умер⁶⁷³.

Дамиан Амвросиевич Борщ, старший священник Азовского пехотного полка, с ноября 1855 г. – старший священник Шлиссельбургского егерского полка и благочинный над духовенством 4-й пехотной дивизии, прошел со своими воинскими частями всю Крымскую войну. В 1853 г. он находился на Дунае, а вскоре после высадки соединенных англо-французских войск в Крыму, в октябре 1854 г., прибыл с Азовским пехотным полком к Севастополю и все 11 месяцев осады города, вплоть до 27 августа 1855 г., участвовал в его обороне. Отец Дамиан находился с полком в Инкерманском сражении (24 октября 1854 г.), в усиленной рекогносцировке под командой генерал-лейтенанта С.А. Хрулева у Евпатории (6 февраля 1855 г.), в битве у реки Черной (4 августа 1855 г.). По свидетельству очевидцев, в последнем сражении священник не только утешал раненых и напутствовал умирающих, но, разрывая на себе рясу и рубашку, прямо на поле сражения перевязывал раненых и помогал санитарам выносить их из-под огня.

Отец Дамиан присутствовал при взрыве неприятельских мин на 4-м бастионе (20–21 апреля 1855 г.), участвовал в производственных работах на отделениях Севастопольской оборонительной линии (23–24 апреля 1855 г.), находился с полком во время отражения неприятеля в лощине между 4-м и 5-м бастионами (с 1 по 6 мая 1855 г.). 8 мая 1855 г. при переправе через бухту священник получил сильную контузию ядром в правое бедро⁶⁷⁴.

Солдаты Азовского пехотного полка очень любили своего пастыря. После сражения часто обращались к нему с просьбой написать письмо родным, что священник, несмотря на усталость, тут же исполнял. 18 августа 1855 г. за отличие, оказанное во время военных действий под

⁶⁷² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 73.

⁶⁷³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 4. Л. 16.

⁶⁷⁴ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 469–472.

Севастополем, отец Дамиан Борщ был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества⁶⁷⁵. 22 сентября 1855 г. по представлению главнокомандующего Южной армией и сухопутными и морскими силами в Крыму находящимися «за отлично-усердное исполнение своих обязанностей под неприятельскими выстрелами» он был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени⁶⁷⁶. В 1856 г. священник был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁶⁷⁷.

После войны отец Дамиан Борщ последовательно был настоятелем Свеаборгского крепостного собора, Санкт-Петербургского адмиралтейского Св. Спиридония собора, Карского крепостного собора и, наконец, Киевского военного собора. 23 октября 1896 г., к 50-летию служения в священном сане, император Николай II пожаловал его орденом Св. Анны 1-й степени. Скончался священник 26 марта 1899 г.

Священник Илларион Григорьевич Бойков прославился еще во время Венгерской кампании 1848–1849 гг., в которой он участвовал с Камчатским егерским полком. В то время сведения о его подвигах на поле битвы и самоотверженном служении на перевязочном пункте дошли даже до австрийского императора. Последний пожелал лично увидеть героя-пастыря и пожаловал ему за услуги, оказанные во время Венгерской кампании, австрийский золотой крест с короной. С разрешения императора Николая I священник носил этот крест на груди. В Крымской войне отец Илларион принял участие в качестве священника 33-го пехотного Елецкого полка и благочинного 9-й пехотной дивизии. С 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г. он находился в Севастопольском гарнизоне, участвуя в обороне города. 12 июня 1855 г., напутствуя раненых на бастионах, от разорвавшейся рядом бомбы священник получил сильную

⁶⁷⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

⁶⁷⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 180–180 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 9–9 об., 11; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 87, 90.

⁶⁷⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 19 об.

контузию в шею. 17 августа 1855 г. во время освящения батареи он вновь был контужен в левое бедро. В 1856 г. за мужество, проявленное при обороне Севастополя, отец Илларион Бойков был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁶⁷⁸.

Протоиерей Балаклавского Греческого пехотного батальона Антоний Аргириди, благодаря ходатайству перед главнокомандующим английскими войсками лордом Ф.-Д. Рагланом, 28 сентября 1854 г. вывел из захваченной неприятелем Балаклавы около 200 жителей города, освободив их тем самым из плена⁶⁷⁹. 16 апреля 1855 г. за свой подвиг он был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода⁶⁸⁰.

Активное участие в военных действиях приняли иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря. Эта обитель, с 1806 г. считавшаяся «флотской», поставляла иеромонахов для службы на кораблях Черноморского флота, в гарнизонах Крыма и Кавказского побережья Черного моря, в том числе в крепостях Сухум-Кале и Геленджик, фортах Лазарева, Раевского и Вельяминовском, укреплениях Гагры, Пицунда и др. Один из иеромонахов этого монастыря – Серафим – погиб в первые же дни Восточной войны, еще до подписания Высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою», когда Турция, с 4 октября 1853 г. считавшая себя в состоянии войны с Россией, предприняла несколько военных нападений на нашей границе. Как упоминалось выше, в ночь с 15 на 16 октября 1853 г. 5-тысячный турецкий отряд внезапно напал на слабо охранявшееся укрепление Святого Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. Вместе с гарнизоном погиб и иеромонах Серафим. Его тело было осквернено: турки отрезали ему голову и, насадив ее на копье,

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. V. СПб., 1871. С. 185–187; *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 498–500.

⁶⁸⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1.

«показывали турецкому толпищу»⁶⁸¹. (В дальнейшем турки нередко также зверски обращались с попавшими к ним в руки православными священниками и грабили встречавшиеся на их пути храмы. Так, например, 25 декабря 1853 г. во время боя у селения Четати (в Малой Валахии), на левом берегу Дуная, турки прямо в храме убили священника и начали обрывать с икон серебряные оклады. Небольшой отряд русских солдат под командованием прапорщика Кудрявцева, войдя в церковь и увидев страшную картину, с негодованием переколол басурман штыками.)

18 ноября 1853 г. несколько иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря приняли участие в знаменитом Синопском сражении, в ходе которого эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова разгромила турецкую эскадру адмирала Осман-паши. Шесть иеромонахов, находившихся на непосредственно участвовавших в сражении линейных кораблях: Иоанникий (Ровинский) – «Императрица Мария», Кирилл (Векшин) – «Париж», Вениамин (Ершов) – «Три святителя», Иов (Сиволодский) – «Великий Князь Константин», Никандр – «Чесма» и Виссарион (Прядкин) – «Ростислав», «за примерное благочестие и присутствие духа, с которыми во время боя ободряли раненых», 16 января 1854 г. были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте⁶⁸², а также единовременной выплатой в размере годового оклада. Прочие иеромонахи, находившиеся на двух фрегатах «Кагул» и «Кулевчи», оставленных на внешнем рейде Синопской бухты для наблюдения за турецким флотом, и на трех пароходофрегатах «Одесса», «Крым» и «Херсонес», подошедших к концу сражения, получили только денежную награду.

По данным В.В. Крестьянникова, работавшего с фондом Балаклавского Георгиевского монастыря АГС, в обороне Севастополя приняли участие 17 иеромонахов этой обители, «участие еще пятерых под

⁶⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 235–236.

⁶⁸² РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

вопросом», – отмечает исследователь⁶⁸³. Отметим, что в число 17 иеромонахов Крестьянников включил также Георгиевского кавалера иеромонаха Иоанникия (Савинова), который, как отмечалось выше, к Балаклавскому монастырю не принадлежал.

11 сентября 1854 г. в ходе принятия срочных мер по усилению обороны Севастополя по решению Военного совета, собранного начальником штаба Черноморского флота вице-адмиралом В.А. Корниловым, для прикрытия города от десанта противника в фарватере Севастопольского рейда (у входа в Северную бухту) были затоплены пять старых линейных кораблей («Три святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия») и два фрегата («Флора» и «Сизополь»), а остальные суда отведены во внутреннюю бухту. С них на берег были выгружены артиллерия и корабельные экипажи (около 18 тыс. человек), из которых сформированы 22 батальона, занявшие оборонительные сооружения, распределенные военным инженером Э.И. Тотлебенем по всему периметру Севастополя. В феврале 1855 г., после того, как морские штормы практически разрушили преграду из затопленных судов, на дно бухты между Николаевской и Михайловской батареями (восточнее затопленных ранее кораблей) были пущены еще шесть старых судов – линейные корабли «Двенадцать апостолов», «Святослав», «Ростислав» и фрегаты «Кагул», «Мидия» и «Месемврия».

В обязанности иеромонахов кораблей (как стоявших на рейде, так и затопленных) входило посещение бастионов, где находились их экипажи, освящение батарей, совершение богослужений и исполнение церковных треб. Многие иеромонахи, помимо добросовестного исполнения своих обязанностей, делали гораздо больше, чем им предписывалось – перевязывали раненых под неприятельским обстрелом, участвовали в вылазках, во время которых неоднократно воодушевляли солдат и

⁶⁸³ Крестьянников В.В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. С. 21.

матросов, вставая впереди с крестом в руках. Один из участников Севастопольской обороны, фамилия которого при публикации его письма М.П. Погодину была скрыта под литерой «Б», рассказывая о подвиге отца Иоанникия (Савинова), заключил: «Вообще священники здесь особенный народ»⁶⁸⁴.

Благочинным над духовенством Черноморского флота был игумен Балаклавского Георгиевского монастыря Георгий. Он последовательно состоял на кораблях «12 апостолов» и «Великий Князь Константин», входивших в состав эскадры вице-адмирала П.С. Нахимова. Любопытна характеристика, данная игумену Георгию настоятелем севастопольской Петропавловской церкви протоиереем Арсением Лебединцевым в письме архиепископу Иннокентию (Борисову) от 30 ноября 1854 г.: «Был у меня благочинный флотских монахов, игумен Георгий. Я видел его в первый раз. Это почтеннейший старец, который одним видом своим внушает уважение»⁶⁸⁵. Летом 1854 г., представляя игумена Георгия к награде, П.С. Нахимов отметил, что он с 15 мая 1853 г. «с примерным усердием» исправляет должность священника на его эскадре, при этом «своей попечительностью, безукоризненным поведением и нравственными советами приобрел общее на флоте уважение и способствовал к возбуждению воинственного духа [воинских] чинов»⁶⁸⁶. 3 июля 1854 г. игумен Георгий был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, а ровно через год «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий пожалован орденом Св. Анны 2-й степени⁶⁸⁷.

⁶⁸⁴ Б. Письма к М.П. Погодину. 6 июля. // Москвитянин. 1855. Кн. 1. № 11. С. 22.

⁶⁸⁵ [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церковей и духовенства во время одиннадцатимесячной осады Севастополя. Киев, 1896. С. 44.

⁶⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 176–177.

⁶⁸⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 25 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

Несомненным героем Севастопольской обороны стал иеромонах Балаклавского монастыря Иоанникий (Добротворский), состоявший при 44-м флотском батальоне. (До этого, находясь на фрегате «Кулевчи», 18 ноября 1853 г. он принял участие в Синопском сражении). В Севастополе Иоанникий постоянно находился в траншеях, ежедневно обходил батареи. С разрешения контр-адмирала В.И. Истомина иеромонах неоднократно вызывал охотников на вылазку и вместе с ними был в неприятельском расположении. Особенно отличился отец Иоанникий в ночном деле с 2 на 3 марта 1855 г., когда, как говорилось в представлении главнокомандующего Южной армией и военными сухопутными и морскими силами в Крыму находящимися генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова, во время неприятельского обстрела находился среди солдат «с крестом в руке, ободрял их своим примером, побуждая вслед за офицерами устремляться на неприятеля», утешал и укреплял раненых⁶⁸⁸. В ту же ночь, обходя поле боя, чтобы причастить раненых, священник увидел среди трупов живого неприятельского офицера, которого взял в плен и сдал военному начальству⁶⁸⁹. За оказанное отличие 18 августа 1855 г. отец Иоанникий был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁶⁹⁰. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁶⁹¹.

Интересно заметить, что в начале обороны Севастополя иеромонаха Иоанникия (Добротворского) чуть было не выслали из города за злоупотребление спиртными напитками. Об этом поставил вопрос архиепископ Херсонский Иннокентий, однако последовавшие затем подвиги священника заставили архиерея передумать. 26 ноября 1854 г. протоиерей Арсений Лебединцев, пытаясь заступиться за отца Иоанникия,

⁶⁸⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 6–6 об.

⁶⁸⁹ История флотского духовенства. М., 1993. С. 56.

⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

⁶⁹¹ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

писал архиепископу: «Я ... слышал об нем, что он очень любим командой, с которой всегда даже у орудий, и ходил недавно на вылазку, рекомендуется адмиралом Истоминым и представлен к награде, кажется, к ордену. ... После сего, думаю, неудобно высылать его в Одессу»⁶⁹². 15 марта 1855 г. отец Арсений сообщил Иннокентию о новом «препятствии к удалению неблагонадежного Иоанникия»: «В ночь с 2 на 3 марта он опять был героем в деле, ходил с крестом впереди солдат и заставил броситься в штыки, когда они не решались на то, когда нужно; вместе с ними пошел и впотьмах между неприятельскими трупами открыл одного врага – офицера живого, а только притворившегося, за что военным начальством рекомендуется с отличной стороны и представляется к награде»⁶⁹³. Сообщив в том же письме о подвиге «другого Иоанникия» – (Савинова), совершенном в ночь с 10 на 11 марта 1855 г., а также напомнив о награждении Иоанникия (Ровинского) «Синопским крестом» (то есть золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за Синопское сражение), Лебединцев заключил: «Сия троица имен⁶⁹⁴ не ходатайствует ли в пользу одного из них, житием иногда разнствовавшего? Говоря сие, я нисколько не защищаю нетрезвости в ком бы и где бы ни было, а осмеливаюсь только сказать свое мнение, что оказанные иеромонахом Иоанникием отличия в настоящее время выкупают его вину в ту же эпоху»⁶⁹⁵. Отметим, что, согласно документам Архива города Севастополя, иеромонах Иоанникий (Добротворский) еще до войны был неоднократно замечен в нетрезвости. В ноябре 1845 г. он был подвергнут епитимии за оскорбление в пьяном виде семьи севастопольского купца 2-й гильдии

⁶⁹² [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 41.

⁶⁹³ Там же. С. 87.

⁶⁹⁴ Поскольку в Севастополе оказалось три иеромонаха с одинаковым именем, для различия им были «присвоены» номера. Иоанникия (Добротворского) называли Иоанникием первым, Иоанникия (Ровинского) – вторым, а Иоанникия (Савинова) – третьим, или младшим. См.: Приложение к работе.

⁶⁹⁵ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 87.

И.Я. Гущина⁶⁹⁶, а в июле 1852 г. в числе пяти иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря за тот же проступок был отдан «под особый строгий надзор монастырского начальства»⁶⁹⁷. Неудивительно, что новый срыв отца Иоанникия, да еще во время военных действий, вызвал гнев архиепископа Иннокентия.

Иеромонах Балаклавского монастыря Никандр, в январе 1854 г. награжденный золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время Синопского сражения, с сентября 1854 г. по 21 августа 1855 г. находился в составе Севастопольского гарнизона. Экипаж линейного корабля «Чесма», на котором состоял иеромонах, расположился на 1-м и 2-м бастионах под Малаховым курганом. Там проходил свое служение и отец Никандр, по свидетельству очевидцев, «постоянно подавая пример самоотвержения»⁶⁹⁸. Во время пребывания в Севастополе великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича иеромонах Никандр по их желанию отправлял богослужение в церкви, специально устроенной для Их Высочеств на Северной стороне города, а также выполнял обязанности их духовника. По словам протоиерея Арсения Лебединцева, который, в свою очередь, ссылается на свидетельство иеромонаха Вениамина (Ершова), Никандр, находясь на перевязочном пункте, «в первые дни прибытия в Севастополь Их Высочеств обратил на себя их внимание ... Синопским знаком отличия»⁶⁹⁹. (Интересно, что Вениамин в тот момент находился там же, «но без этого знака», ибо еще до оккупации Балаклавского Георгиевского монастыря «поспешил вместе с вещами отправить его» в обитель. Вероятно, из ревности иеромонах Вениамин вскоре обратился к настоятелю монастыря архимандриту Геронтию с просьбой прислать ему его «Синопский крест». 12 марта 1855 г. он получил из монастыря свою награду и с тех пор носил

⁶⁹⁶ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 94. Л. 61.

⁶⁹⁷ Там же. Л. 63.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 98, 107–108.

⁶⁹⁹ [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 74.

ее на груди.)⁷⁰⁰ В подарок от великих князей отец Никандр получил крест, украшенный бриллиантами, на золотой цепочке. (Крест дан был ему именно как подарок, а не как знак отличия)⁷⁰¹. 6 июня 1855 г. Никандр принял участие в отражении ожесточенного штурма Малахова кургана. 3 июля 1855 г. «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁷⁰². В 1859 г. по приглашению князя С.М. Воронцова, также принимавшего участие в защите Севастополя, иеромонах Никандр стал настоятелем церкви в Алушке, где прослужил вплоть до своей смерти, наступившей в 1884 г.

Из иеромонахов Балаклавского монастыря – участников обороны Севастополя – следует упомянуть также Арсения (Тыднева) и Вениамина, называемого в Севастополе Святогорским, так как он прибыл туда из Святогорского монастыря. Оба они были очень усердны в исполнении своих обязанностей. Арсений, находясь на Корниловском бастионе, 2 февраля 1855 г. получил ранение в голову, приведшее к потере зрения левого глаза⁷⁰³. Вениамин, по словам участника событий – журналиста и переводчика Н.В. Берга, «ходил по бастионам с каким-то увлечением. Во всю осаду исповедовал и приобщил слишком 11 тысяч человек»⁷⁰⁴. 18 августа 1855 г. за отличия, оказанные во время военных действий, оба иеромонаха были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте⁷⁰⁵.

⁷⁰⁰ Там же. С. 74, 89.

⁷⁰¹ Лебединцев А.Г., *прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908. С. 25.

⁷⁰² РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

⁷⁰³ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 94. Л. 7; Крестьянников В.В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. С. 21.

⁷⁰⁴ Берг Н.В. Записки об осаде Севастополя. Т. I. М., 1858. С. 87.

⁷⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

В осажденном Севастополе находился также бывший настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря 83-летний митрополит Агафангел (Типальдо), сыгравший за 30-летний период своего настоятельства (1824–1854) значительную роль в возрождении и обустройстве этой древней обители⁷⁰⁶. В декабре 1853 г. Агафангел, по собственной просьбе, был уволен на покой (из-за «старости и видимого оскудения сил») с «дозволением иметь пребывание в г. Севастополе»; «в воздаяние долговременной отлично-ревностной и полезной службы его Церкви и Престолу» императором Николаем I ему был назначен ежегодный пенсион в 2 тыс. рублей серебром⁷⁰⁷. 16 июля 1855 г. по ходатайству главнокомандующего Южной армией князя М.Д. Горчакова митрополиту Агафангелу была пожалована панагия с алмазами за то, что, «находясь в Севастополе в продолжение осады его неприятелем, непрестанно напутствовал воинов молитвою и благословением пастырским на священный подвиг защиты Отечества»⁷⁰⁸. В 1856 г. Агафангел был награжден серебряной медалью, установленной в память защиты Севастополя⁷⁰⁹. В марте 1856 г. с разрешения императора Александра II митрополит переселился в Афины «с сохранением высочайше дарованной пенсии»⁷¹⁰, а после окончания Крымской войны переехал в Иерусалим. Интересно заметить, что в ноябре 1854 г. по некоторым городам Крымского полуострова распространился непонятно откуда взявшийся слух о смерти митрополита Агафангела. Передавались даже

⁷⁰⁶ В исторической литературе часто встречается ошибочное утверждение, что, перестав управлять Балаклавским монастырем, Агафангел сразу же покинул Россию. См., например: [Никон, архим.] Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. Описан настоятелем монастыря архимандритом Никоном. Чернигов, 1862. С. 15; Крестыанников В.В. Роль митрополита Агафангела (Тибальдо) в возрождении Балаклавского Георгиевского монастыря // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь, 2006. С. 27.

⁷⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 409. Л. 357–358.

⁷⁰⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 148–149; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 69.

⁷⁰⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 9.

⁷¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 49.

несуществующие подробности его похорон⁷¹¹. Отвечая на соответствующий запрос архиепископа Иннокентия, севастопольский протоиерей Арсений Лебединцев в письме от 14 декабря 1854 г. опроверг эту информацию: «Старец митрополит жив и здоров по-старчески. Не было у нас и повода к слуху о его смерти»⁷¹².

Сам же Балаклавский монастырь в течение полутора лет (с 14 сентября 1854 г. по 21 марта 1856 г.) был оккупирован англо-французскими войсками. Все это время в нем оставались настоятель архимандрит Геронтий (Артюховский), наместник игумен Арсений (Мокренский) и несколько монашествующих: иеромонахи Венедикт (Мухин), Михаил (Слоницкий), Пахомий (Афанасьев), Полихроний (Алексеев) и монахи Иосиф и Дамаскин⁷¹³. Союзники не выпускали иноков за пределы обители, но при этом не причинили вреда ни им самим, ни монастырю. По свидетельству отца Афанасия, который при приближении неприятельского флота вопреки воле архимандрита Геронтия покинул монастырь, а после войны вернулся в обитель и слышал о происходившем там от братии, с французскими солдатами, отличавшимися веселым нравом, у монахов даже сложились неплохие отношения⁷¹⁴. По приказу главнокомандующего французской армией маршала А. Сент-Арно 15 солдат были назначены для охраны обители. Стража поддерживала строгий порядок на территории монастыря и присматривала за морским побережьем. Турок в монастырь не пускали. Исключение сделали лишь однажды для главнокомандующего турецкой армией Омер-паши, изъявившего желание осмотреть иконы в иконостасе Крестовоздвиженской церкви. При этом французы впустили его в храм

⁷¹¹ ОР РНБ. Ф. 313. Оп. 1. Д. 44. Л. 152.

⁷¹² *Лебединцев А.Г., прот.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 50.

⁷¹³ *Крестьянников В.В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. С. 20–21.

⁷¹⁴ Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 годов (Рассказ V. Георгиевский монастырь). Сообщ. Т. Толычева // Русский вестник. 1880. Т. 149. № 9. С. 202–204.

только после того, как он и находившиеся при нем офицеры (после долгих пререканий) сняли со своих голов турецкие чалмы.

Богослужение в храмах монастыря отправлялось ежедневно. Регулярно читалась и молитва «о победе на супостаты», во время которой некоторые иностранцы, понимая смысл, выходили из храма. Французы и англичане посещали службу довольно часто, некоторые становились на колени и горячо молились, особенно перед сражением и после него. Посещали монастырские храмы и военачальники союзных армий: маршалы А. Сент-Арно, Ж.-Ж. Пелисье, генералы лорд Ф.-Д. Раглан, Ф. Канробер и др. При совершении богослужения строго соблюдалось благочиние. Нарушители спокойствия подвергались наказанию – содержанию на гауптвахте на хлебе и воде. Дореволюционный исследователь Ф.В. Ливанов справедливо назвал Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны «сосредоточием молитв всех наций»⁷¹⁵. Представители противоборствующих сторон обращались с молитвой к Иисусу Христу, прося его каждый о *своей победе*...

По просьбе архиепископа Иннокентия в декабре 1854 г. – январе 1855 г. русское командование установило связь с настоятелем монастыря, который вел переписку с протоиереем Арсением Лебединцевым и неоднократно получал из Севастополя посылки со всем необходимым (восковыми свечами для богослужения, чаем и др.)⁷¹⁶. 26 августа 1856 г. настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря архимандрит Геронтий был награжден орденом Св. Анны 2-й степени⁷¹⁷. 25 января

⁷¹⁵ [Ливанов Ф.В.] «Георгиевский монастырь» в Крыму (что близ Севастополя и Балаклавы). Историческое описание составлено и издано для путешественников Ф.В. Ливановым. М., 1874. С. 20.

⁷¹⁶ Положение Балаклавского Георгиевского монастыря в годы Крымской войны подробно рассмотрено автором настоящей диссертации в работах: Мельникова Л.В. Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 95–112; она же. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. С. 91–105.

⁷¹⁷ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

1857 г. братии Балаклавского монастыря «за отлично-ревностную службу» было объявлено благословение Святейшего Синода⁷¹⁸.

Поведение французской армии в Балаклавском Георгиевском монастыре, безусловно, свидетельствует о том, что за 40 лет, прошедшие после войны 1812–1814 гг., ее духовно-религиозный облик существенно изменился. Во время Крымской войны французские солдаты в массовом порядке не грабили и не оскверняли православные святыни, как это было во время Отечественной войны 1812 года, напротив, относились к ним с уважением, часто посещали службы. Хотя отдельные случаи разграбления и даже осквернения союзными войсками русских православных храмов на захваченной территории все же встречались.

Как отмечалось выше, военные священники и флотские иеромонахи с целью осуществления патриотического воспитания нижних чинов регулярно произносили проповеди и проводили религиозные беседы. Наряду с полковыми и флотскими командирами они несли ответственность за дисциплину солдат и матросов и в случае возникновения каких-либо инцидентов подвергались взысканиям. Так, например, 15 февраля 1855 г. из Севастополя бежал (дезертировал) рядовой 4-го ластового экипажа Петр Кузнецов. После получения этого известия в главной квартире главнокомандующий военно-сухопутными и морскими силами в Крыму генерал-адъютант князь М.Д. Горчаков предписал протоиерею П.М. Мацкевичу (старшему благочинному над духовенством военно-сухопутных и морских сил в Крыму находящихся) объявить замечание священнику 4-го ластового экипажа, а также сделать распоряжение о подтверждении всем подведомственным ему священникам, «дабы они внушали нижним чинам надлежащую им обязанность»⁷¹⁹. При этом расстроенный главнокомандующий бросил в адрес всего военного духовенства очень нелестное (и, на наш взгляд,

⁷¹⁸ Крестыанников В.В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. С. 22.

⁷¹⁹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 4. Л. 4–4 об.

весьма преувеличенное) обвинение, заявив, что «священники не внушают нижним чинам обязанности Русского воина, в особенности при теперешних обстоятельствах, тогда как все стремятся на защиту Отечества, жертвуя собою и всем своим достоянием»⁷²⁰. Приказ главнокомандующего, разумеется, был выполнен. 4 марта 1855 г. игумен Георгий отрапортовал П.М. Мацкевичу, что во исполнение полученного отношения он предписал всем подведомственным ему иеромонахам, «проповедуя Слово Божие своим флотским экипажам, внушать им любовь к вере, Государю и Отечеству и утверждать их в повиновении властям; а пред выступлением против неприятеля и по одержании победы отправлять надлежащее молебствие»⁷²¹.

Поскольку военные священники и флотские иеромонахи должны были служить нравственным примером для солдат и матросов, то военное и духовное начальство строго следило не только за исполнением ими своих обязанностей, но также за их внешним видом и поведением в свободное время. Так, например, 10 декабря 1855 г. обер-священник Южной армии и военно-сухопутных и морских сил в Крыму находящийся протоиерей Д.А. Мазюкевич получил от главного благочинного Крымских церквей протоиерея М. Родионова любопытное секретное отношение. В документе говорилось, что архиепископ Херсонский Иннокентий секретным предписанием от 1 декабря уведомил Родионова, что, по имеющимся у него сведениям, «некоторые полковые священники, в Крыму находящиеся, забыв всякое приличие, курят табак на городских улицах, вместо ряс носят твины и прочее». При этом архиепископ предписал «строго наблюдать за сим» по всему благочинию, и, «дознав истину и самых виновных, доносить» ему. «Благодаря Бога, – писал М. Родионов Д.А. Мазюкевичу, – я еще никого не заметил в вышепрописанном, но дабы и вовсе того не было, не благоугодно ли будет Вашему Высокопреподобию

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ Там же. Л. 8.

предостеречь духовенство, Вам вверенное, от нарушения приличия, если же изволите кого-либо из священников Ваших знать такового, то покорнейше прошу уведомить меня о таковом, а я донесу Его Высокопреосвященству»⁷²². Уже через день соответствующее «предостережение от нарушения приличия» Мазюкевичем было сделано. Вскоре выявились и первые «виновные». 18 декабря 1855 г. благочинный 8-й пехотной дивизии, старший священник Кременчугского егерского полка Андрей Копытовский сообщил протоиерею Мазюкевичу рапортом не только о сделанном им, согласно полученному предписанию, распоряжении подведомственному ему духовенству «носить одежду скромную и приличную духовному сану и не курить табак всенародно», но и о том, что старший священник Графа Дибича-Забалканского пехотного полка Дмитрий Скубачевский и младший священник Кременчугского егерского полка Иоанн Вербицкий, вопреки его словесным замечаниям, носят пробор волос на голове «не противу середины лба», как положено, а «на боку оного»⁷²³.

Некоторые военные священники в годы войны для исполнения духовных треб были прикомандированы к госпиталям. Как правило, они не только окормляли раненых воинов, но и оказывали посильную помощь медицинскому персоналу. Одним из наиболее отличившихся на данном поприще был младший священник Тарутинского егерского полка Иоанн Голубев, прикомандированный к Севастопольскому военно-сухопутному госпиталю. В январе 1856 г. «за примерно-ревностное исполнение своих обязанностей» он был представлен администрацией госпиталя к награждению орденом Св. Анны 3-й степени⁷²⁴. При этом в наградном списке было сказано, что отец Иоанн Голубев «всегда являл истинно пастырскую любовь к страждущим, утешая их истинами святой веры. Движимый христианскою любовью, он и в ночное время посещал тяжело-

⁷²² Там же. Л. 39.

⁷²³ Там же. Л. 40.

⁷²⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 17–22.

раненных, услаждая своей беседой иногда последние минуты страдальцев». Кроме того, священник «с самоотвержением», подвергая свою жизнь опасности, неоднократно находился под неприятельским огнем на пристани при снятии с баркасов тяжело-раненных, здесь же напутствовал святыми тайнами умиравших; и, «так же под огнем, на пристани Северной стороны, часто отпевал убитых»⁷²⁵. Обер-священник Южной армии протоиерей Д.А. Мазюкевич поддержал ходатайство «госпитального начальства»⁷²⁶, однако, документов, подтверждающих факт награждения священника Голубева орденом Св. Анны 3-й степени, к сожалению, обнаружить не удалось.

В связи с нехваткой в Крыму военного духовенства для окормления огромного числа раненых, как упоминалось выше, по распоряжению архиепископа Херсонского Иннокентия в ноябре 1854 г. для исполнения духовных треб к военным госпиталям были прикомандированы также иеромонахи Крымских скитов. Все они добросовестно выполняли свои обязанности, чему личным свидетелем был сам преосвященный при двукратном посещении Крымского полуострова. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях» четверо из них были награждены: настоятель Бахчисарайского Успенского скита архимандрит Николай – орденом Св. Анны 3-й степени, иеромонахи того же скита Прокопий и Иннокентий и настоятель Бахчисарайского собора протоиерей Николай Паксимаде – наперсными крестами, выдаваемыми от Святейшего Синода⁷²⁷.

Иеромонах Троице-Сергиевой лавры Анастасий, изучавший медицину в Московском университете, по его собственному желанию был определен

⁷²⁵ Там же. Л. 22.

⁷²⁶ Там же. Л. 21.

⁷²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

врачом по военно-медицинскому ведомству и отправлен в Крым. В июне 1855 г. он был назначен ординатором двух госпиталей г. Симферополя. За ревностное исполнение обязанностей одновременно врача и духовного пастыря, в частности – за самоотверженные труды на перевязочном пункте во время и после сражения 4 августа 1855 г. при речке Черной, по предложению императрицы Марии Александровны 15 декабря того же года отец Анастасий был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества⁷²⁸. 28 декабря 1855 г. иеромонах Анастасий умер от тифа. На его место для исправления духовных треб в госпиталях Симферополя был отправлен иеромонах той же Троице-Сергиевой лавры Агафангел, который 12 июля 1856 г., так же как и Анастасий, по соизволению императрицы Марии Александровны «за примерное усердие и неутомимую деятельность при исполнении своих обязанностей» был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества⁷²⁹.

Некоторые священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на территории, охваченной военными действиями, также оказали духовную помощь нашим войскам. Так, например, 22 сентября 1854 г. при отражении неприятельского нападения на Николаевскую батарею близ г. Очакова священник Очаковского Никольского крепостного собора Гавриил Судковский не только благословлял защитников батареи, но даже лично участвовал в зарядении орудий калеными ядрами. 30 ноября 1854 г. за проявленный героизм он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁷³⁰.

Неоднократно упоминавшийся выше настоятель севастопольской Петропавловской церкви протоиерей Арсений Лебединцев и священник

⁷²⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 218–219; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 2.

⁷²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 174–175; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 61.

⁷³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 274–275; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 104.

той же церкви Александр Демьянович «за отличное усердие и самоотвержение», проявленное во время обороны Севастополя, 17 мая 1855 г. были награждены: первый – золотым наперсным крестом с алмазами на Георгиевской ленте, а второй – тем же крестом на той же ленте, но без украшения. В представлении к награждениям, сделанном военным губернатором Севастополя вице-адмиралом М.Н. Станюковичем и поддержанном генерал-адъютантом князем М.Д. Горчаковым, говорилось, что протоиерей Арсений Лебединцев «во все время осады Севастополя, подавая пример необыкновенного мужества, совершал ежедневно богослужение, несмотря на множество бомб и гранат, коими осыпaeмы были окрестности церкви, и содействовал местному военному начальству во всех случаях к ободрению воинов, особенно на батареях, и к поданию утешения раненым, а священник Демьянович разделял с ним таковые труды»⁷³¹.

18–27 августа 1854 г. при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт священники Камчатского Петропавловского собора Георгий и Александр Логиновы и Михаил Коллегов находились среди солдат и матросов, «совершали молебствия и делали назидательные наставления войску». 31 января 1855 г. по представлению архиепископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова), засвидетельствованному местным военным губернатором, «за оказанные подвиги самоотвержения» все они получили награды: Георгий Логинов – наперсный крест, выдаваемый от Синода, а Александр Логинов и Михаил Коллегов – скуфьи⁷³².

Наконец, священник села Лямцы Онежского уезда Архангельской губернии Петр Лысков 13 ноября 1855 г. получил скуфью за участие в

⁷³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 100–101; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 45.

⁷³² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 5–5 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 16.

двукратном отражении вооружившимися местными крестьянами попытки англичан высадиться на берег, происшедшем 27–28 июня 1855 г.⁷³³

Возвращаясь к полковым священникам и флотским иеромонахам, отметим, что среди них в годы Крымской войны было немало жертв. Помимо указанных выше священников Иоанна Пятибокова, Дамиана Борща и Иллариона Бойкова и иеромонахов Иоанникия (Савинова) и Арсения (Тыднева) ранения и контузии получили также еще не менее девяти священников: Александр Круглевский (Муромский пехотный полк), Карп Горбов (Селенгинский пехотный полк), Алексей Патенков (резервный егерский полк 13-й пехотной дивизии), Василий Виноградов (Брянский пехотный полк), Петр Еланский (священник Севастопольского адмиралтейского собора), Иоанн Никольский (Тобольский пехотный полк), Иоанн Соколов (Севский пехотный полк), Андрей Сущинский (Казанский пехотный полк) и Петр Софронский (Витебский егерский полк)⁷³⁴.

Пятнадцать священнослужителей военного ведомства во время осады Севастополя погибли, умерли от ран или физического истощения: Иоанн Еланский (Минский пехотный полк), Василий Дубневич (тот же полк), Виктор Грачев (Московский пехотный полк), Михаил Розанов (Низовский пехотный полк), Иоанн Коростылев (Замосцкий резервный пехотный полк), Афанасий Никольский (Углицкий егерский полк), Иоанн Терлецкий (настоятель Севастопольского адмиралтейского собора), Андрей Белицкий (обер-священник Южной армии), Григорий Судковский (Белостокский пехотный полк), Александр Погонялов (полевой обер-священник Действующей армии), Иоанн Орловский (священник Севастопольского адмиралтейского собора), Иоанн Успенский (Смоленский пехотный полк), Гавриил Колосовский (Полтавский пехотный полк), Илья Терлецкий

⁷³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 198; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 97.

⁷³⁴ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 559–560.

(Брестский пехотный полк) и упоминавшийся выше Георгиевский кавалер иеромонах Иоанникий (Савинов)⁷³⁵.

Таким образом, в годы Крымской войны полковые священники и флотские иеромонахи, как и во время войны 1812–1814 гг., показали себя на высоте своего пастырского служения. Они не только восстанавливали душевное равновесие офицеров, солдат и матросов путем совершения богослужений и проведения религиозных бесед, но делали гораздо больше, чем им предписывалось инструкциями – под неприятельским огнем перевязывали и уносили с поля боя раненых, в осажденном Севастополе участвовали в вылазках, возглавляли атаки, вставая с крестом впереди полка. Некоторым из них ничто человеческое было не чуждо: иногда они испытывали ревность или тщеславие, употребляли спиртное, любили одеться или причесаться не по форме. Это неудивительно, ведь, несмотря на священный сан, они были живыми людьми. Главное, что священники были любимы своими воинскими частями, были им по-настоящему нужны и приносили в годы войны реальную пользу. Судьба Балаклавского Георгиевского монастыря в 1854–1856 гг. добавляет некоторые важные штрихи к военно-бытовой истории Крымской войны. Происходившее в обители в определенной степени характеризует не только русское православное духовенство, которое, несмотря на оккупацию монастыря, ежедневно возносило молитвы о победе русского оружия, но также представителей противоборствующей стороны. Можно констатировать, что религиозная составляющая занимала значительное место в армиях всех участников этого грандиозного военного противостояния, начавшегося, в том числе, и по церковно-политическим причинам.

3.4. Духовная жизнь осажденного Севастополя

Ключевым событием и самой героической страницей истории Крымской войны, несомненно, являлась 349-дневная оборона Севастополя. Рассмотрим духовную жизнь осажденного города и деятельность в нем

⁷³⁵ Там же. С. 561–562.

приходских священнослужителей. Основными источниками по исследуемой проблеме являются письма упоминавшегося выше настоятеля севастопольской Петропавловской церкви протоиерея Арсения Лебединцева архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию (Борисову), а также дневник отца Арсения, который он вел по просьбе преосвященного. Скажем несколько слов об авторе этих писем и дневника.

Арсений Гаврилович Лебединцев родился 2 марта 1818 г. в с. Явлоновка Каневского уезда Киевской губернии в семье священника. Окончил Киевскую духовную семинарию, затем – Киевскую духовную академию. Во время обучения Лебединцева в академии (1839–1843) ректором в ней был (до марта 1840 г.) епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии Иннокентий (Борисов), будущий архиепископ Херсонский и Таврический, который еще в то время обратил внимание на талантливого ученика. Интересно заметить, что в студенческие годы в одном номере с Арсением Лебединцевым в течение двух лет жил Михаил Петрович Булгаков (будущий митрополит Московский Макарий), другим академическим товарищем Арсения был Андрей Иванович Капустин (будущий начальник РДМ в Иерусалиме архимандрит Антонин). После окончания академии Лебединцев в течение пяти лет жил в Одессе. Сначала он был учителем (затем – помощником инспектора и профессором) Одесской духовной семинарии; 1 января 1847 г. был рукоположен в сан священника и определен к Одесскому кафедральному собору. 25 сентября 1848 г. отец Арсений был возведен преосвященным Иннокентием в сан протоиерея и назначен настоятелем севастопольской Петропавловской церкви и благочинным церквей Севастопольского округа. Вскоре он стал помощником архиепископа Иннокентия в деле восстановления «Русского

Афона» в Крыму, а в годы Восточной войны – правдивым летописцем осажденного Севастополя⁷³⁶.

Прежде чем перейти к рассмотрению духовной жизни осажденного Севастополя сделаем несколько важных замечаний.

Высадка в Крыму соединенных англо-французских войск (2 сентября 1854 г.) и начало осады Севастополя показали всему миру истинные намерения «защитников Турции от несправедливых притязаний России». В это время на международной арене открыто заговорили об «изменении характера войны». Так, например, российский представитель в Вашингтоне Э.А. Стеклов писал К.В. Нессельроде: «Крымская экспедиция сделала американскую прессу более благожелательной к нам. Маска сброшена, говорят газеты. Союзники действуют не во имя защиты Турции, но в своих интересах стремятся подорвать мощь России»⁷³⁷. Американский посланник Т. Сеймур писал из Санкт-Петербурга: «Каковы бы ни были первоначальные причины войны, повод для неудовольствия отодвинут, если не искуплен выводом русских войск из Дунайских княжеств (летом 1854 г. – Л.М.). Беспристрастная нейтральная нация с трудом обнаружит сейчас в политике западных держав что-либо, кроме планов политической экспансии... Русские больше не вторгаются на чужую территорию, они защищают свою собственную»⁷³⁸.

В российском обществе уже с марта 1854 г., то есть с момента вступления в войну Великобритании и Франции, идущее противостояние стало восприниматься как очередной этап борьбы Запада против России. Турция как противник отодвинулась на второй план, а в осмыслении происходивших событий и в проводимой военной пропаганде одно из ключевых мест заняла память о войне 1812–1814 гг., ибо одним из

⁷³⁶ Петровский С., *прот.* К 10-летию смерти кафедрального протоиерея Арсения Гавриловича Лебединцева. Биографический очерк с приложениями, составленный на основании новых документов. Одесса, 1908. С. 1–6.

⁷³⁷ Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 398.

⁷³⁸ Там же.

основных противников вновь была Франция, во главе которой находился племянник Наполеона I. Так, 19 марта 1954 г. на торжественном обеде, проходившем в доме московского генерал-губернатора графа А.А. Закревского по случаю 40-летия вступления русских войск в Париж, через все торжество «красной нитью» проходил мотив «неблагодарности и вероломства французов». Начавшаяся война вновь объявлялась священной, так как Россия снова стояла на христианских позициях – защищала исконные права Православной Восточной Церкви, а Франция, на сей раз прикрывшись лозунгом покровителя католиков Святой Земли, на самом деле выступила с оружием в руках против христианской державы на стороне исламской Турции. Поэтесса Вера Головина в стихотворении «Достопамятные для России годы», обращаясь к Франции, восклицала: «Давно ль и ты рукоплескала, // И Миротворцем спасена, // Его ты руку лобызала, // Клялась России быть верна? // Забыты клятвы и лобзанье: // То поцелуй Иуды был; // Бурбонов дом опять в изгнанье, // Их новый Бонапарт сменил! // И ты, под стягом Магомета, // Еще беснуешься сильней; // За тьму идешь противу света, // Забыв уроки прошлых дней. // Твой вызов Русских не пугает, // Надежда наша – крест святой: // От духа тьмы он ограждает – // И злу с добром не равен бой!»⁷³⁹. Помимо произведения В. Головиной, в доме А.А. Закревского прозвучали также «Хор» В. Красова (на музыку Г. Варламова), содержащий строку «Чрез сорок лет опять волненья! Вновь Запад двинулся на Русь!»⁷⁴⁰, и стихотворение графини Е.П. Ростопчиной «19 марта 1854 г.», содержавшее призыв к новой защите Отечества, вновь оказавшегося в одиночестве против отступивших от христианской веры западноевропейцев: «Опять война!.. Наемники Султана, // Кичливый Галл, сребролюбивый Бритт // Идут на нас под знаменем Корана, // А Русь одна за Крест стоит!.. // Отцы,

⁷³⁹ Головина В. Достопамятные для России годы // Сорокалетие вступлению русских в Париж, 19 марта 1814 года. М., 1854. С. 38.

⁷⁴⁰ Краснов В. Хор // Сорокалетие вступлению русских в Париж, 19 марта 1814 года. С. 32.

– сынам велите встать в отмщенье, // За Русь, за честь, и им на брань пора!
// Царю Небес греми, о Русь, хваленье, // А Русскому Царю ура!...»⁷⁴¹.

Религиозная фразеология довольно часто использовалась в многочисленных стихотворениях и памфлетах, во множестве печатавшихся на страницах газет и журналов. Французы и англичане представлялись как отступники от веры и даже сравнивались с иудеями, распявшими Христа. Неизвестный автор стихотворения «Кто кому нужнее?», опубликованном в марте 1854 г. в «Русском инвалиде», констатировал: «Итак, не сказка уже это, // Что Англичанин и Француз // Вступили в службу Магомета, // Что с Туркой заключив союз, // Два Христианские народа, // Во утешение бесам, // Идут во след Искарюта // Предать Христа его врагам»⁷⁴². Другой поэт отзывался о действиях англо-французских войск почти Евангельской фразой: «Прости Господь им согрешения! Не ведают, что творят!»⁷⁴³.

Наиболее же излюбленной темой для проведения ассоциативных параллелей с 1812 годом с самого начала стала фигура Наполеона III, который сравнивался со своим знаменитым родственником. Это сравнение, уже само по себе не в пользу племянника, как правило, заканчивалось напоминанием о печальной участи Наполеона I в России. Например, графиня Е.П. Ростопчина писала: «А ты, Луи-Наполеон, // Тебе пример – покойный дядя! // Поберегись и будь умен, // На тот пример великий глядя!»⁷⁴⁴. Огромной популярностью пользовалось стихотворение В.П. Алферьева «На нынешнюю войну», опубликованное в 1854 г. без подписи в газете «Северная пчела» и почти сразу перепечатанное в «Русском инвалиде»: «Вот в воинственном азарте // Воевода Пальмерстон

⁷⁴¹ *Ростопчина, гр.* «19 марта 1854 года» // Сорокалетие вступлению русских в Париж, 19 марта 1814 года. С. 31.

⁷⁴² Кто кому нужнее? // Русский инвалид. 1854. № 56 от 9 марта.

⁷⁴³ См.: *Можаровский А.* Настроение русского общества во время Севастопольской обороны. Стихотворения того времени // Русский архив. 1905. Кн. 2. № 8. С. 536.

⁷⁴⁴ Цит. по: *Багдасарян В.Э., Толстой С.Г.* Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002. С. 11–12.

// Поражает Русь на карте // Указательным перстом. // Вдохновен его отвагой, // И француз за ним туда ж, // Машет дядюшкиной шпагой // И кричит: *Allons, courage!*⁷⁴⁵ // Полно, братцы, на смех свету // Не останьтесь в дураках. // Мы видали шпагу эту // И не в таких руках. // Если дядюшка бесславно // Из Руси вернулся вспять, // Так племяннику подавно // И вдали несдобровать. // ... // Знайте ж, – машина готова, // Будет действовать как встарь; // Ею двигают три слова: // БОГ, да РОДИНА, да ЦАРЬ!»⁷⁴⁶. По воспоминаниям современников, это стихотворение было положено на музыку и широко распевалось в годы Крымской войны⁷⁴⁷. В 1855 г. художник П. Боклевский проиллюстрировал его восемью карандашными карикатурами, которые вышли вместе с текстом В.П. Алферьева в виде отдельного альбома под тем же названием «На нынешнюю войну»⁷⁴⁸. Примечательно, что пять из восьми карикатур проводили ассоциативные параллели с «грозою двенадцатого года»⁷⁴⁹.

Что касается непосредственно обороны Севастополя, то она сравнивалась современниками с Бородинской битвой, а Севастополь – с

⁷⁴⁵ Вперед, смелее! – *франц.*

⁷⁴⁶ [Алферьев В.П.] На нынешнюю войну // Северная пчела. 1854. № 37; Русский инвалид. 1854. № 39 от 16 февраля.

⁷⁴⁷ Усов П. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1882. № 2. С. 350.

⁷⁴⁸ Боклевский П. На нынешнюю войну. Лит. Мартынова. М., 1855.

⁷⁴⁹ На первой карикатуре изображены держащиеся за руки Пальмерстон (стоящий у карты), и Наполеон III (размахивающий пресловутой шпагой), в углу видна скульптура Наполеона I. На второй – Наполеон I с той же шпагой в руке движет в сторону Российской империи «двадцать языков», изображенных в виде запряженных в его коляску девятнадцати корон на ножках; на границе стоит знамя с российским гербом и надписью «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь: 1612–1812». На третьей – Россия в образе пышной дамы в сарафане и кокошнике с метлой в руках сталкивает в море Наполеона I, небрежно схватив его «за шкирку». На четвертой – Наполеон III пытается забраться на вершину Вандомской колонны по тонкой веревке, которую держит в одной лапке знаменитый галльский петух (аллегорический символ Франции), стоящий на голове у скульптуры Наполеона I, но вот невидимая рука Провидения перерезает эту нить огромными ножницами и испуганный французский император срывается вниз. Наконец, на последнем рисунке показано несметное, растянувшееся до горизонта русское народное ополчение, воины которого несут знамена с указанной выше надписью, но с добавлением еще одной даты: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь: 1612–1812–1855». Альбом карикатур вышел уже после подписания Высочайшего манифеста о созыве нового народного ополчения (от 29 января 1855 г.), поэтому художник решил провести еще и эту параллель с 1812 годом, хотя в стихах, написанных в 1854 г., об ополченцах, разумеется, речь не идет.

Москвой. Затопление в фарватере Севастопольского рейда пяти линейных кораблей и двух фрегатов, совершенное 11 сентября 1854 г. по решению Военного совета для заграждения кораблям противника входа в бухту, было воспринято современниками не только как символ избавления от еще больших потерь (от верной гибели флота и захвата Севастополя, а затем – Крыма), но и как жертва, принесенная ради Спасения, что, естественно, актуализировало память о сдаче Москвы без сражения на подступах к городу в 1812 г. После того, как прославленные в прежних боях корабли опустились на дно, начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов обратился к морякам со словами утешения: «Грустно уничтожать свой труд! ... Но надо покориться необходимости! Москва горела, а Русь от этого не погибла! Напротив, стала сильнее. Бог милостив! Конечно, Он и теперь готовит верному Ему народу русскому такую же участь. Итак, помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить себя!»⁷⁵⁰. Эти легендарные слова, перекликающиеся со словами М.И. Кутузова «С потерей Москвы еще не потеряна Россия», облетели всю страну. Даже Военный совет 9 сентября 1854 г., посвященный планам действий морских сил в связи с появлением англо-французского флота у берегов Крыма, напоминал знаменитый совет в Филях 1 сентября 1812 г., решивший судьбу Москвы.

Для исследуемой темы интересно упомянуть, что во время затопления кораблей один из них – герой Синопа «Три святителя» – долго не хотел идти ко дну. Несмотря на то, что еще в полночь ему искрошили дно, утром он по-прежнему оставался на поверхности моря, не желая расставаться с жизнью. Тогда пароходу «Громоносец» было приказано подойти и расстрелять корпус несчастного корабля. После нескольких выстрелов обреченный на гибель корабль зашатался и медленно опустился на дно. Свидетели этой печальной сцены горячо плакали. В тот же день по городу

⁷⁵⁰ Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* 349-дневная защита Севастополя. (Перепеч. с изд. 1873 г.) СПб., 2005. С. 69.

распространился слух, что корабль не шел ко дну из-за того, что в одной из его кают моряки забыли икону Николая Чудотворца, и только после того, как специально для этого посланные матросы достали образ, судно начало погружаться в воду. Эта легенда получила в России довольно широкое распространение. Подобных легенд в осажденном Севастополе было создано немало. Это неудивительно, ведь защитники города, прежде всего, возлагали надежды на Бога и именно его заступничеством объясняли и свои успехи, и просчеты противника, и, конечно, наносившие вред неприятелю природные катаклизмы (например, разыгравшуюся на Черном море 2 ноября 1854 г. бурю, уничтожившую несколько военных кораблей противника и около 20 купеческих судов, которые везли для неприятельской армии зимнее обмундирование, продовольствие и порох).

Согласно русскому православному обычаю, все севастопольские укрепления были освящены. 15 сентября 1854 г. духовенство совершило крестный ход по всей оборонительной линии. В каждом укреплении процессия останавливалась, чтобы отслужить молебен, окропить войско святой водой и осенить крестным знаменем. На каждом из укреплений по инициативе солдат и матросов были установлены иконы. Протоиерей Арсений Лебединцев писал в своем дневнике: «Нет, впрочем, у нас и маленькой батареи, где бы не было знамени веры. Едва успели где насыпать вал небольшой, ставятся орудия, ставится тут же в нише икона святого и теплится лампадка»⁷⁵¹. В страшные дни осады православная вера была душой Севастополя. Свои мысли и молитвы обращали в то время к Богу практически все защитники города, без различия чинов и званий. Так, например, капитан-лейтенант П.И. Лесли писал родным: «Мне кажется, что пока крест на мне, то я огражден от всех несчастий, и это убеждение во мне так сильно, что когда я даже бываю занят делом, то вдруг схватываюсь рукой за грудь, чтобы удостовериться, не упал ли как-нибудь крест, не

⁷⁵¹ *Лебединцев А.Г., прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908. С. 25.

оборвался ли шнурок... У нас на каждой батарее есть свой образ; эти образа устраиваются матросами же, и каждый день вечером перед ними теплятся лампы и свечи»⁷⁵². Почти через месяц после начала бомбардирования Севастополя, 2 ноября 1854 г., протоиерей Лебединцев писал архиепископу Иннокентию: «Благодарение Богу, Севастополь стоит. Уже исполнилось 28 дней беспримерного бомбардирования. Мужественным защитникам, оставшимся в живых, уже без представлений, по ясному статуту следуют Георгиевские кресты. Но не о наградах теперь думают сами достойные наград. У всех одно чувство, что нас защищает Господь, и одно желание – продолжение сей великой милости. *Удивительное в этом отношении теперь единомыслие.* Благодарение Богу, оно ведет всех к усердной молитве и твердой надежде, что Бог нас не оставит»⁷⁵³.

12 октября 1854 г. отец Арсений написал архиепископу Иннокентию о своих впечатлениях от первой мощной бомбардировки города, а также о реакции на нее местных жителей: «5 октября, в 6 часов утра, открыт огонь, который в полчаса превратился в превышающий всякое описание ужас: гром выстрелов, треск лопающихся бомб, свист ядер, блистание как бы множества молний, залпов, неумолкаемый раскат, страшно вторивший среди гор и бухт наших, наконец, при безветрии дым, не позволявший нам видеть далее той линии, откуда раздавались громы оглушительные, все это невольно заставляло людей говорить: “Страшный суд! Страшный суд!” Слыша сам эти слова от многих собравшихся у церкви, я не находил в них преувеличения, но только смутился душою при мысли, что, может быть, он внезапно постиг нас без покаяния. Часа через полтора от усталости артиллеристов или другой причины удары стали реже и как бы слабее;

⁷⁵² Письма отставного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли // Рукописи о Севастопольской обороне, собранные государем наследником цесаревичем. Т. II. СПб., 1876.

⁷⁵³ [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 27–28.

вместе с сим и душам нашим была некая ослаба»⁷⁵⁴. Несмотря на обстрел, в Петропавловской церкви, где служил Лебединцев, состоялась литургия, которую провел младший священник храма Александр Демьянович, а также молебен «о даровании победы на супостаты». В полдень, когда бой усилился, увеличился и объявший людей ужас. Горожане, в основном женщины, не отходили от храма, «таяли от страха и плакали». Чтобы успокоить взволнованный народ, отец Арсений «нашел лучшим вторично пригласить их на молитву в церковь»⁷⁵⁵.

В том же письме Лебединцев сообщил Иннокентию о тяжелой утрате – гибели руководителя обороны В.А. Корнилова, состоявшейся в первый день бомбардировки города. Отец Арсений назвал Владимира Алексеевича «незаменимым в настоящее время начальником», добавив при этом, что «сами недоброжелатели его (а он имел их много) сожалеют» о нем. Напомнив Иннокентию о недавней роли В.А. Корнилова в строительстве севастопольских оборонительных укреплений, Лебединцев отметил: «Уже нечего говорить о том, что его всяк боялся более, чем неприятельской бомбы, и стоял на своем месте. И вдруг в такое время лишиться такого начальника»⁷⁵⁶. (Позднее, сетуя на имевшиеся в городе недоработки, отец Арсений неоднократно с сожалением и горечью замечал: «Нет Корнилова...») Описал священник и похороны вице-адмирала, относительно которых князь А.С. Меншиков (находившийся «при армии на Бахчисарайской дороге») отдал краткое распоряжение: «Похоронить, как позволяют обстоятельства». Обстоятельства позволили провести погребение на следующий день, 6 октября, после 6 часов вечера. После отпевания, совершенного в Михайловской адмиралтейской церкви, тело В.А. Корнилова было перенесено в склеп адмирала М.П. Лазарева. «Из начальников, – пишет отец Арсений, – при погребении были, кто мог, и просто в строевых шинелях. Впрочем, была музыка и по батальону от

⁷⁵⁴ Там же. С. 11.

⁷⁵⁵ Там же. С. 12.

⁷⁵⁶ Там же. С. 12–13.

морских и армейских солдат. Хотя в 6 часов пальба прекратилась, но по временам неприятельские бомбы летали в город и носились над головами печальной процессии». Закончил это письмо священник на оптимистической ноте: «Впрочем, большого уныния или отчаяния у нас нет. Только страх один. Гарнизон рвется за стены, но не пускают. Арестантам дана свобода, и они употребляют ее прекрасно. Многие уже получили Георгиевские кресты»⁷⁵⁷.

14 октября 1854 г. приказом князя А.С. Меншикова Севастопольскому гарнизону были объявлены слова императора Николая I: «Благодарю всех за усердие. Скажи нашим молодцам морякам, что я на них надеюсь на суше, как на море; никому не унывать, надеяться на милосердие Божие; помнить, что мы, русские, защищаем родимый край и веру нашу и предаться воле Божией. Да хранит вас всех Господь, и наше правое дело; душа моя и все мысли с вами»⁷⁵⁸.

В последующем неприятельская армия провела еще пять сильнейших бомбардировок Севастополя: 28 марта, 2 мая, 5 июня, 5 августа, 24–27 августа 1855 г. В промежутках между этими мощными бомбардировками практически ежедневно, а иногда и в ночное время, производился обстрел города. Севастопольский гарнизон отвечал артиллерийским огнем своих батарей. Часто по ночам «охотники», то есть добровольцы совершали удачные вылазки за линию фронта, целью которых было разрушение, насколько возможно, неприятельских укреплений, выведение из строя («заклепывание») их орудий, а также нанесение урона живой силе противника. В последнем случае это была привычная для русского солдата штыковая работа, сопровождавшаяся неизменным, громовым «Ура!», наводившим наибольший ужас на неприятеля.

Поначалу все возлагали надежды на главнокомандующего князя А.С. Меншикова, который, в ожидании подхода новых войск, сначала

⁷⁵⁷ Там же. С. 12–16.

⁷⁵⁸ Там же. С. 17.

приказал Севастопольскому гарнизону держаться до 18 октября, затем – до 20-го. Однако после неудачной атаки 24 октября русской армией позиции английских войск со стороны Инкермана, что стало уже третьей военной неудачей Меншикова в Крыму (после сражения при реке Альме 8 сентября 1854 г. и боя на подступах к Балаклаве 13 октября 1854 г.), в армии сформировалось всеобщее недовольство главнокомандующим, которого прозвали даже «князем Изменчиковым». Помимо достаточно неумелых распоряжений адмирала негативное впечатление дополняли также присущие ему редкий снобизм и чрезвычайная скрытность. По свидетельству современников, намерения Меншикова не были известны даже его ближайшему окружению, а войска даже в день сражения не имели четко поставленной перед собой задачи. Находившийся в Севастополе знаменитый русский хирург Н.И. Пирогов писал позднее о князе: «Бывало, он сидел скрытный, молчаливый, таинственный, как могила... Холодный и немилосердный к страждущим, он только насмешливо улыбался, если ему жаловались на их нужды и лишения, и отвечал, что “прежде еще хуже бывало”»⁷⁵⁹. Вскоре после Инкерманского сражения склонный к скептицизму протоиерей Лебединцев написал архиепископу Иннокентию: «Князь Меншиков ... свои мысли скрывает даже от своей фуражки, которую сжег бы, если б она узнала их. Эта непонятная таинственность и бывшие опыты неудачи тягостное производят впечатление на всех, а главное на армию, которая крайне не расположена к своему главнокомандующему»⁷⁶⁰. 9 ноября 1854 г. в письме архиепископу отец Арсений вновь отметил, что «действия главнокомандующего подлежат справедливым нареканиям от генерала до солдат», и даже неприятели удивляются, видя в русском войске «новую тактику – беглое отступление»⁷⁶¹. В феврале 1855 г., после очередной

⁷⁵⁹ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 102.

⁷⁶⁰ [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 26.

⁷⁶¹ Там же. С. 32.

неудачи русских войск в Крыму – провала атаки турецкого лагеря в Евпатории 5 февраля 1855 г. – место Меншикова на посту главнокомандующего занял князь М.Д. Горчаков.

После того, как стало очевидно, что осада Севастополя принимает затяжной характер, часть жителей покинула город или перебралась на более безопасную Северную сторону. Однако многие севастопольцы, в основном жены и дети моряков, оставались на Южной стороне вплоть до ее сдачи. Не покинуло город и духовенство. Во всех трех храмах (Петропавловской церкви, Михайловской адмиралтейской церкви и Николаевском соборе) ежедневно проводились богослужения. Две церкви, находившиеся за пределами городской черты (херсонесская Владимирская и кладбищенская во имя Всех Святых) были захвачены и разграблены неприятелем. В херсонесской церкви, по словам протоиерея Лебединцева, не только все было расхищено, но даже выломаны двери и полы⁷⁶². Состояние кладбищенской церкви после пребывания в ней неприятеля описал после войны в своих воспоминаниях священник Александр Демьянович: «Церковь ... уцелела, но сердце мое сжалось, когда я в нее вошел. Судя по ее нечистоте и копоти, надо полагать, что она служила кухней или конюшней. Кроме того, французы глумились над нашей святыней и разрисовали все иконы. Которого святого нарядили во фрак, которому надели очки»⁷⁶³. Из трех действовавших городских храмов в наиболее сложном положении оказалась Петропавловская церковь. В отличие от двух других церквей, расположенных в местах, более или менее безопасных от обстрела, она находилась на южной возвышенности города и ежедневно служила мишенью для неприятеля. Священнослужители Лебединцев и Демьянович, рискуя жизнью, отправляли богослужение «под свист ядер и бомб». Во время службы неприятельские снаряды неоднократно попадали в здание храма, нанося повреждение его кровле,

⁷⁶² Там же. С. 54.

⁷⁶³ Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 годов. Сообщ. Т. Толычева // Русский вестник. 1880. Т. 149. № 9. С. 187.

окнам, колоннам. Однако бесстрашные священники решили продолжать богослужение, «пока будет где служить»⁷⁶⁴. Только в начале августа 1855 г., когда своды храма были окончательно разрушены, служба в нем прекратилась.

С каждым днем потери Севастопольского гарнизона (убитыми и ранеными) увеличивались. Город постепенно пустел. 19 октября 1854 г., рассказывая архиепископу Иннокентию о городских нуждах, отец Арсений грустно заметил: «В настоящее время и умереть – новая беда: ни доски (лесные пожгли), ни мастера для гроба, ни людей понести тело нет, не говоря уже об отсутствии друзей и знакомых. А погребение совершается как бы тайком, или по заходе солнца, или на рассвете, до начала бомбардировки»⁷⁶⁵.

В октябре 1854 г. на Южной стороне города в доме Дворянского собрания был устроен главный перевязочный пункт, на Северной стороне («во временных бараках») – госпиталь. Позднее госпитали также были открыты на Николаевской и Михайловской батареях, в Инженерном доме и в нескольких частных домах города. На Северной стороне вскоре было основано новое кладбище, где огромное число убитых и умерших от ран погребали в братских могилах. До приезда в Севастополь Н.И. Пирогова и сестер Крестовоздвиженской общины (подробнее об этом ниже) в госпиталях и на перевязочном пункте царил страшный беспорядок. 20 октября 1854 г. Арсений Лебединцев записал в дневнике сведения о госпитале, слышанные им от знакомых, побывавших на Северной стороне. Все они свидетельствовали о существовавших там «тесноте, нечистоте и нужде всякого рода». «При перемене обстоятельств, – писал отец Арсений, – при критическом положении больных и ежечасном умножении их, порядок в госпитале прежнего мирного времени: медики собираются только в известные урочные часы, а во все прочее время один дежурный

⁷⁶⁴ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 17.

⁷⁶⁵ Там же. С. 19.

медик, который не в состоянии удовлетворить и тысячной доли настоящих потребностей госпиталя. Прислуги мало или почти нет. Больные муку терпят от жажды и тщетно вопиют о капле воды. В пище недостаток, за неприведением в порядок разбитых частей госпиталя. Многих умерших предают земле будто бы без погребения. Но там есть госпитальный священник. Разве не успевает? Можно послать праздных иеромонахов (нет Корнилова...) Прости мне, Господи! Не сужу, а пишу, что слышал. Погребают нижних чинов десятками, без гробов, в общей яме. Офицеров по два, по три, если случится, также в общей яме»⁷⁶⁶. Через день, 22 октября, протоиерей отправился на Северную сторону, чтобы увидеть все собственными глазами. Отыскал он и госпитального священника отца Василия, который недавно «чудом спасся» со своим семейством «от пожара и бомб». От него отец Арсений узнал, что «он уже требовал от начальства себе в помощь иеромонахов» и как раз «сегодня ожидает ответа, то есть удовлетворения». Вскоре иеромонахи были выделены, и в дальнейшем погребение осуществлялось без нарушения установленных Православной Церковью обрядов. Как бы подытоживая свои впечатления от увиденного, священник заключил: «Не достает рук для удовлетворения самых священных потребностей»⁷⁶⁷.

Арсений Лебединцев регулярно посещал бастионы и госпитали, утешал, исповедовал и приобщал раненых, напутствовал умирающих, погребал павших. В ноябре 1854 г. архиепископ Иннокентий назначил его духовником Крестовоздвиженской общины, созданной великой княгиней Еленой Павловной для ухода за ранеными в Крыму воинами. Общаясь с ранеными и больными (как нижними чинами, так и офицерами), отец Арсений постоянно убеждался в их искренней приверженности к православной вере. Вот несколько записей из его дневника: «7-го февраля. ... После утрени был у раненых больных. Во всяком из них вера и вера

⁷⁶⁶ *Лебединцев А.Г., прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 3.

⁷⁶⁷ Там же. С. 4–5.

живая. На вопрос о здоровье, один ответ у каждого: “Слава Богу, лучше себя чувствую”. Если кому хуже, то, сказав, что худо, заключит тем же: “Слава Богу”»⁷⁶⁸. «8-го февраля. ... Сегодня ... все утро я мог употребить на служение раненым больным, коих, благодарение Богу, исповедал и приобщил 15 человек. Дух веры ... не угасает ни в ком: придешь исповедовать и приобщать одного или двух, а найдешь желающих 10»⁷⁶⁹. «21-го февраля. ... Посетил раненых и двум отнес по просфоре, ибо сами просили святого хлеба. В больных открывается потребность во всем священном»⁷⁷⁰. Утешая тяжело или безнадежно больных, отец Арсений старался внушить им надежду на выздоровление. Советовал чаще молиться Богу и Ангелу-хранителю. «Что же сказать в утешение беспомощному страдальцу, кроме утешения веры? – пишет священник. – А почем знать, что тот, кого медики записали в безнадежные, не встанет от одра надеждою на Бога и что сам Ангел не станет для него сестрой и даже лучшим медиком?...»⁷⁷¹.

Вскоре протоиерей Лебединцев заметил, что некоторые больные отказываются от его услуг за неимением денег. «Такова уже привычка у православного, – констатирует в дневнике отец Арсений, – что он ничего не принимает от священника без благодарности», более того, считает, что «если священнику ничего не дать, то и молитва Богом не принята»⁷⁷². Другие отказывались от принятия святых тайн из боязни, воспринимая причащение как «напутствие к смерти». Общаясь с такими людьми, протоиерей старался как можно мягче и тактичнее объяснить им их заблуждения. Имевшие деньги, напротив, постоянно старались его «отблагодарить». Поначалу отец Арсений отказывался от денег, советуя приобрести на них масло для находившихся в палатах лампадок, однако некоторые больные при этом до слез обижались. Наконец, «устав бороться

⁷⁶⁸ Там же. С. 11.

⁷⁶⁹ Там же. С. 12.

⁷⁷⁰ Там же. С. 14.

⁷⁷¹ Там же. С. 12.

⁷⁷² Там же. С. 13, 20.

с благодарностью раненых», Лебединцев «стал принимать их лепты» и тайно передавать сестрам Крестовоздвиженской общины «для обращения на масло для лампадок» или на нужды самих же больных⁷⁷³. С наступлением великого поста отец Арсений был вынужден в присутствии врачей и сестер убеждать многих больных не пренебрегать скоромной пищей, которая в их положении была им так же необходима, как и лекарства.

Судьба Севастополя во время его осады волновала всю страну. Представители разных сословий собирали деньги на военные нужды, щипали корпию, посылали севастопольцам подарки. Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), помимо денежных приношений, в декабре 1854 г. прислал в Севастополь для раненых воинов сосуд святого масла из Иерусалимского храма Гроба Господня. Это масло было распределено по разным госпиталям⁷⁷⁴. В феврале 1855 г. по распоряжению генерала князя И.И. Васильчикова в госпиталях было прочитано письмо некоего приходского священника (его имя протоиерей Лебединцев обозначил в своем дневнике, куда переписал послание, инициалами *К.М.*, а место жительства – село *В.*), который прислал для раненых значительное количество рубах и обратился к ним со словами духовной поддержки. Нежно назвав воинов «незабвенными братцами», «дражайшими друзьями» и «милыми голубчиками», священник уверил их, что «непрестанно» молит Бога об укреплении их сил и даровании им победы. «Знайте, – подчеркнул он, – что ваша блистательная участь дорога для всей Богохранимой России, и всяк из соотчичей ваших готов подать вам руку помощи и облегчить вас искренним усердием». Призвав раненых не поддаваться

⁷⁷³ Там же. С. 20–21.

⁷⁷⁴ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 55.

унынию, священник посоветовал им «направлять свои сердца к Богу» – «молиться можно и сидя, и лежа, лишь бы с душевным расположением»⁷⁷⁵.

Не оставалась в стороне от заботы о защитниках Севастополя и императорская семья. С 24 октября по 3 декабря 1854 г. и с 16 января по 22 февраля 1855 г. в осажденном городе находились великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. По свидетельству современников, их присутствие благотворно действовало как на армию, так и на местных жителей. Уже в первый день своего пребывания в городе великие князья приняли участие в Инкерманском сражении (под одним из них была ранена лошадь), а затем обошли бастионы и батареи, чтобы передать защитникам Севастополя благодарность императора. На Малаховом кургане почти к их ногам упали два неприятельских ядра. По представлению князя А.С. Меншикова за проявленную доблесть 7 ноября 1854 г. великие князья были награждены орденами Св. Георгия 4-го класса⁷⁷⁶. В дальнейшем они прилагали «всевозможное попечение» о больных и раненых.

Вечером 27 октября 1854 г. в город была доставлена икона Христа Спасителя, присланная императрицей Александрой Федоровной как дар и благословение Севастопольскому гарнизону. По распоряжению военного губернатора Севастополя вице-адмирала М.Н. Станюковича икона сначала была помещена в Михайловскую адмиралтейскую церковь, откуда на следующий день в 7 часов утра с церковной процессией и военным парадом перенесена на площадь перед Николаевской батареей. Там при собрании войск и огромном стечении народа был отслужен молебен «о даровании победы на супостаты». По окончании молебна протоиерей Лебединцев произнес соответствовавшую торжественности момента речь. Обратив внимание слушателей на изображение лика Спасителя, который, благословляя одной рукой, в другой держал Евангелие, раскрытое на

⁷⁷⁵ Лебединцев А.Г., *прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 15–16.

⁷⁷⁶ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 94.

словах: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. XI, 29), проповедник сказал: «Видите, как утешительны слова Господа Вседержителя, и как прямо идут они к прискорбным, даже до смерти, сердцам нашим! Значит, матернее сердце благочестивейшей императрицы прилежно искало для нас утешения, нам благопотребного, и умело найти его в сих словах Спасителя нашего. Господь Вседержитель, ... во власти коего судьбы царств и народов, обещает покой всем, приходящим к нему. ... Он обещает покой всем труждающимся, тем паче труждающимся, как вы теперь, до крови и смерти, на поле брани за веру, царя и Отечество. Господь Вседержитель обещает покой обремененным, тем паче тем, кои, подобно нам, обременены несправедно, не какой-либо обыкновенной в мире скорбью, а ужасным и едва не беспримерным по самому продолжению бременем огня, меча и смерти. ... Итак, будем трудиться с живой верой, и Господь подаст нам покой и радость; будем нести тяжкое бремя наше с благодушием и упованием, и Он, Всемогущий, снимет с нас те лютые иго и бремя, кои так долго тяготели над нами»⁷⁷⁷. Практически все присутствовавшие изъявили желание приложиться к святому образу. По предложению великих князей вечером, после того как смолкла бомбардировка, икона была обнесена по всем бастионам и затем поставлена на приготовленном для нее месте у входных ворот Николаевской батареи, лицом к городу.

На следующий день, сообщая архиепископу Иннокентию о принятии городом присланной императрицей иконы, отец Арсений приложил к письму и экземпляр произнесенной им речи, скромно пояснив, что делает это не потому, что находит в ней что-либо достойное его внимания, а для того, чтобы «дать понятие о богобоязненном и истинно христианском

⁷⁷⁷ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Речь, сказанная в Севастополе протоиереем Арсением Лебединцевым 28 октября 1854 г. при молебствии пред иконою Спасителя, присланною на благословение защитникам Севастополя от Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV. СПб., 1872. С. 284–285.

настроении душ в темном Севастополе»⁷⁷⁸. О своих впечатлениях от молебна священник написал: «Молитва наша была видимо единоюдушною и теплою молитвою: довольно было взглянуть на положение и лица всех присутствовавших на обширной площади. ... Речь, которую я решился говорить только по требованию настоящего времени, исторгла слезы у многих, начиная с губернатора и коменданта. Сердце, умягченное страшным млатом Божиим, делается чувствительным к самому слабому прикосновению»⁷⁷⁹. По распоряжению архиепископа Иннокентия речь протоиерея Лебединцева вскоре была опубликована в «Одесском вестнике»⁷⁸⁰.

От имени императрицы солдатам были также розданы иконки для ношения на шее (вроде нательных крестиков), многие из них воспринимали это как знак отличия. Так, например, Арсений Лебединцев услышал в госпитале от одного из раненых: «В Венгрии заслужил медаль, на Дунае заслужил, и здесь от императрицы получил», и больной указал на иконку у себя на шее. В тот же день священник записал возникшие у него при этом размышления: «Как легко поощрить простую душу нашего солдата! Можно ли подобным образом поощрить француза или англичанина?»⁷⁸¹.

В письмах архиепископу Иннокентию протоиерей Лебединцев часто выражал восхищение исключительным мужеством и самоотверженностью защитников Севастополя. Так, 26 октября 1854 г. он писал владыке: «На 18 день [осады] вздумали было, для облегчения, сменить людей на 4 бастионе, который наиболее терпит. Матросы отказались. “Разве мы худо действовали 17 дней?” – отвечали они и остались при орудиях.

⁷⁷⁸ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 26–27.

⁷⁷⁹ Там же. С. 27.

⁷⁸⁰ Одесский вестник. 1854. № 127.

⁷⁸¹ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 77.

Одному боцману, когда он наводил орудие, оторвало ногу; он упал, но просил приподнять, чтобы навести и выпалить. Когда его просьбы не могли исполнить, то он, уже с насилием, кричит матросу: «Смотри же, Кузька, правее немножко, правее. А то смотри, я тебя откатаю». И немало подобных примеров! Другой на неприятельской батарее, когда кругом кипит бой, чинит линьком матросу расправу за то, что не достало заклепок. Такую дисциплину можно найти только во флоте. Верно, сильные на море враги наши не подозревают, что они имеют дело с тем же самым флотом, который, по их словам, постыдно скрывается в гаванях»⁷⁸².

Несмотря на осадное положение, зимой – весной 1854–1855 гг. в Севастополе отметили основные православные праздники. Рождество Христово (25 декабря 1854 г.), по словам отца Арсения, «встретили и провели совершенно мирно, не будучи обеспокоены ни одним выстрелом неприятельским». Произошло это благодаря ударившему рождественскому морозу, который еще более усилился из-за сильного северного ветра. «Не до нас было неприятелям, коченевшим от холода», – сообщил протоиерей Иннокентию⁷⁸³. В Новогоднюю ночь 300 добровольцев с 3-го бастиона провели удачную вылазку, прогнав неприятеля «до третьей траншеи». (Лебединцев записал в дневнике: «Наше “Ура” слышно было в городе»⁷⁸⁴.) Вследствие поднятого шума с обеих сторон был открыт огонь. «Таким образом, – написал отец Арсений архиепископу, – Новый год мы встретили громом и молниями»⁷⁸⁵.

В марте 1855 г. всех интересовало, как пройдет праздник Христова Воскресения. Еще свежа была память о прошлогодней Пасхе, когда соединенный англо-французский флот подверг бомбардировке Одессу. В 1855 г. у православных и у католиков Пасха пришлась на одно и то же число – 27 марта (8 апреля). Н.Ф. Дубровин заметил по этому поводу: «Как

⁷⁸² Там же. С. 24.

⁷⁸³ Там же. С. 55.

⁷⁸⁴ *Лебединцев А.Г., прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 6.

⁷⁸⁵ [*Лебединцев А.Г., прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 59.

будто само Провидение указывало на таинственное знамение Креста, связывающее воедино всех христиан между собой. А между тем в Севастополе был поучительный пример человечеству и всему христианскому миру. Там два христианские народа, казалось, забыли учение Спасителя и шли под знаменем луны, рядом с поклонниками Магомета, против тех, которые вооружились на защиту христианства»⁷⁸⁶. 24 марта, в Страстной четверг, во время вечерней службы неприятель открыл сильный огонь, придавший, по словам протоиерея Лебединцева, «богослужению Страстей Христовых ... характер и других страстей». «Гром орудий, – пишет священник, – поражал слух молящихся, а молния огня этого, блиставшая в окнах церкви», – зрение⁷⁸⁷.

Накануне Пасхи в городе распространился слух, что противник предлагал по случаю праздника заключить перемирие на три дня, однако князь М.Д. Горчаков, сославшись на их прошлогодние действия у Одессы, ответил, что «не может доверить их слову»⁷⁸⁸. Священник Александр Демьянович, служивший с протоиереем Лебединцевым в одном храме, утверждает в своих воспоминаниях, что «перемирие было заключено со Страстной субботы на весь следующий день»⁷⁸⁹. Так или иначе, но Великая суббота и первый день Пасхи действительно прошли довольно мирно. Во время праздничных ночных богослужений огонь, по словам отца Арсения, «был обыкновенный и не нарушал в храмах Божиих спокойствия»⁷⁹⁰. По распоряжению военного губернатора, внешнего освещения на храмах не было, однако они были достаточно освещены свечами, которые собравшиеся держали в руках. Обычное в таких случаях

⁷⁸⁶ Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. С. 154.

⁷⁸⁷ Лебединцев А.Г., *прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 25–26.

⁷⁸⁸ Там же. С. 22; [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 96.

⁷⁸⁹ Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 годов. С. 186.

⁷⁹⁰ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 96.

обхождение вокруг церквей, также со свечами в руках, не могло быть незаметно противнику, который тем не менее не посмел расстрелять молящийся народ. «Может быть, неприятели, – записал в дневнике священник, – у коих также был теперь тот же праздник, не думали о нас; по крайней мере, мы не могли не думать о них»⁷⁹¹. Храмы были переполнены воинами, которым, однако, было объявлено «всякую минуту быть готовыми и к другой службе». Поэтому военачальники, несмотря на праздник, были одеты, как и солдаты, в серые шинели. «То есть мы праздновали Пасху, – написал Лебединцев Иннокентию, – подобно Израилю, стоя, препоясавшись, и с жезлами в руках, будучи готовы на все от неприятелей, знакомых по Пасхе Одесской»⁷⁹². На бастионах, откуда никому не велено было отлучаться ни на минуту, пасхальная служба была совершена иеромонахами. Туда же были принесены освященные пасхи, куличи и яйца. Таким образом, многие встретили праздник на своем посту. 27-го днем со стороны противника временами раздавался штуцерный огонь и пушечные залпы. Русская артиллерия по необходимости отвечала. По словам отца Арсения, «в неприятельских траншеях сидели с ночи и весь этот день турки. ... У французов в продолжение всего дня слышны были музыка и пение. Они праздновали Пасху, предоставив нас туркам»⁷⁹³. На второй день Пасхи, 28 марта 1855 г., противник начал сильнейшую бомбардировку города (вторую по счету с момента начала осады).

Страшные дни осады усиливали у защитников города религиозное чувство, вызывая желание верить в чудо. Подобные чувства испытывали порой и представители противоборствующей стороны. Время от времени в Севастополе возникали и получали широкое распространение различные религиозные слухи и легенды. Так, например, 29 марта 1855 г. отец

⁷⁹¹ Лебединцев А.Г., *прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 29.

⁷⁹² [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 96.

⁷⁹³ Лебединцев А.Г., *прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 29.

Арсений сообщил архиепископу Иннокентию, что между матросами и солдатами на протяжении последней недели ходил интересный слух: «При переправе через бухту с Северной [стороны] в город сел на катер, наполненный разными нижними чинами, и какой-то старик с большой бородой и в монашеском платье. Речь у солдат была своя, о своих нынешних делах, в которую вмешался и неизвестный старец, ободряя их в священной брани помощью небесной, с которой в третий день праздника Пасхи победят врагов, и прежде чем пристали к берегу, стал невидим. В тот же день этот же, по рассказам, старец переправлялся с Корабельной на Северную, также ободрял плывших с ним солдат, и также, не доехав к пристани, стал невидим. Его потом заметили будто бы ходившим по горе на Северной, побежали к нему, но он также скрылся невидимо»⁷⁹⁴. Интересно, что о седом старце «с длинной белой бородой и в длинной белой одежде» рассказывали также пленные англичане и французы. По их словам, он ежедневно на рассвете обходил вокруг Севастополя все русские батареи, начиная от Инкермана и заканчивая Херсонским скитом, где делался невидимым и как бы входил в море. Обходя укрепления, он якобы проводил рукой по пушкам и заглядывал в их жерло. По свидетельству рассказчиков, первый выстрел русских батарей, благословленный старцем, всегда оказывался очень губительным для неприятеля. В старца неоднократно «метили из пушек и штуцеров», но он «в мгновение ока делался невидимым» и тут же «являлся на другой батарее»⁷⁹⁵.

Зима 1854–1855 гг. была в Крыму достаточно холодной, что значительно увеличило число перебежчиков с неприятельской стороны. Армия противника страдала от холода, недостатка продовольствия, холеры и цинги. В Севастопольском гарнизоне также иногда встречались случаи дезертирства. Среди перебежчиков с русской стороны в основном преобладали поляки. В марте 1855 г. выяснилось, что одной из причин

⁷⁹⁴ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 98.

⁷⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 313. Оп. 1. Д. 44. Л. 180.

бегства поляков была деятельность служившего в севастопольском католическом костеле ксендза-поляка. Солдаты-католики сознались, что ксендз внушал им на исповеди изменнические мысли, говоря, что «присяга не так важна, как услуга, которую они могут теперь оказать своей погибшей отчизне, что нужно дорожить временем и действовать»⁷⁹⁶. В ходе следствия выяснилось, что ксендз, живя недалеко от 4-го бастиона, неоднократно сообщал неприятелю, с помощью свечей на окнах, о совершавшихся вылазках. Изменник был арестован и отправлен в Перекоп. Поручик Васильев, сопровождавший преступника, впоследствии рассказал о совершенной ксендзом в пути попытке к бегству, после которой он был вынужден надеть на него наручники и кандалы⁷⁹⁷.

Важным событием духовной жизни Севастополя был приезд туда 24–27 июня 1855 г. архиепископа Иннокентия. Как упоминалось выше, преосвященный отслужил в городе две литургии, молебен, обратился к защитникам Севастополя со словами духовной поддержки, вручил военачальникам привезенные им иконы. 27 июня 1855 г. капитан-лейтенант П.И. Лесли писал родным: «Вчера в Севастополе служил Иннокентий, которого прозвали златоустом за его проповеди. ... Как говорят, он хотел обойти бастионы и благословить, но его главнокомандующий не пустил; а видеть престарелого старца с крестом в руках произвело бы большое впечатление на войска. Впрочем, и теперь дух в войсках у нас превосходный, и все жаждут идти вперед и пошли бы, если бы пустили»⁷⁹⁸.

Интересно заметить, что примерно за год до описываемых событий, 15 июля 1854 г., архиепископ Иннокентий провел в Севастополе закладку собора во имя Святого князя Владимира. В своей речи при закладке храма, состоявшейся еще до высадки противника в Крыму, Иннокентий,

⁷⁹⁶ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 95.

⁷⁹⁷ Добровольский К.Н. История с ксендзом // Русская старина. 1911. Т. 145. № 3. С. 636–637.

⁷⁹⁸ Письма отставного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли... С. 315.

осмысливая начавшуюся войну как борьбу в защиту православия, как бы предвосхитил будущую оборону Севастополя: «Здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было, значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти святого Владимира... Такова сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим!»⁷⁹⁹

Первоначально (еще в 1825 г.) Владимирский собор планировалось построить в Херсонесе. В конкурсе на лучший проект храма победил проект архитектора К.А. Тона, представлявший собой классический крестово-купольный пятиглавый храм в русско-византийском стиле. Однако в 1842 г., по ходатайству адмирала М.П. Лазарева, обеспокоенного недостаточным количеством православных храмов в Севастополе, было принято решение о строительстве собора не на развалинах Херсонеса, а в центре города. В Херсонесе к тому времени в качестве временной была возведена упоминавшаяся выше Владимирская церковь. Осенью 1848 г. начались первые подготовительные работы (расчистка местности, уборка вырытого грунта и др.). 11 апреля 1851 г. М.П. Лазарев умер. Его похоронили в специально созданном склепе на месте планируемого храма. После закладки собора, проведенной архиепископом Иннокентием, до начала осады Севастополя успели возвести только фундамент храма. Как упоминалось выше, 6 октября 1854 г. в склепе М.П. Лазарева был захоронен вице-адмирал В.А. Корнилов. Вскоре там же были похоронены вице-адмирал В.И. Истомин и адмирал П.С. Нахимов (погибшие при защите города соответственно 7 марта и 30 июня 1855 г.). Таким образом, Владимирский собор, строительство которого возобновилось после войны и закончилось в 1888 г., стал не только усыпальницей знаменитых

⁷⁹⁹ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Речь, произнесенная 15 июля 1854 г. при заложении в Севастополе храма во имя Святого и Равноапостольного князя Владимира, в память просвещения его верою христианскою в Херсонесе Таврическом // Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского... Т. 1. Одесса, 1855. С. 88–94.

флотоводцев (его называют «собором четырех адмиралов»), но и настоящим памятником обороны Севастополя.

Первоначальный проект был доработан архитектором А.А. Авдеевым, в результате чего храм сохранил формы русско-византийского стиля, но стал однокупольным. Снаружи в стены северного и южного фасадов вмонтированы четыре мемориальных плиты с именами погребенных адмиралов и датами их жизни. Внутри собора закреплены еще два ряда мемориальных плит, на которые занесены имена офицеров, удостоенных ордена Св. Георгия за особые отличия при обороне Севастополя.

После окончания военных действий в Севастополе был сооружен еще один церковный памятник Крымской войны. Им стал величественный храм Святого Николая Чудотворца, возведенный в 1857–1870 гг. на территории Братского кладбища, расположенного на Северной стороне города в качестве общего памятника всем павшим при защите Севастополя. Идея возведения храма-памятника возникла у архиепископа Иннокентия еще в годы войны. Вскоре после Инкерманского сражения преосвященный написал протоиерею Лебединцеву о своем желании воздвигнуть в Инкермане храм в память погибших 24 октября 1854 г. В целом поддержав предложение архиепископа, отец Арсений внес в него некоторые коррективы, высказав свои соображения. Прежде всего, он ответил, что погибших в Инкерманском сражении захоронили на Северной стороне Севастополя, на открытом там с начала осады города Братском кладбище, где ежедневно совершаются новые погребения. «Бог весть, – писал священник, – не будет ли еще подобного кровопролитного сражения на том или другом месте, которое также будет иметь право на память. Поскольку ... на Северной теперь общее кладбище всех павших при защите Севастополя, то церковь, как памятник [всем] на брани убиенным православным воинам, приличнее устроить на их могилах, на

Северной»⁸⁰⁰. Эта идея получила горячую поддержку как в военной, так и в гражданской среде.

Храм Святого Николая был построен на народные пожертвования. Первоначальный проект разработал придворный архитектор А.И. Штакеншнейдер, взяв за основу форму египетских пирамид – символ вечности и покоя, обладающих огромной эмоциональной силой воздействия и как бы являющихся продолжением жизни человеческой души. В дальнейшем проект доработал архитектор А.А. Авдеев, в результате чего пирамида стала выше (в ее верхней части разместили звонницу), венчающий храм четырехконечный диоритовый крест стал более массивным, в стенах появились узкие окна. На наружных гранях пирамиды вмонтированы плиты из темного гранита с перечислением воинских соединений, принимавших участие в обороне, временем их пребывания в осажденном Севастополе и числом понесенных потерь. Внутри на стенах храма укреплены 38 серых мраморных досок с именами 943 погибших и умерших от ран офицеров⁸⁰¹. Наряду с «Памятником затопленным кораблям», установленным на Севастопольском рейде в 1905 г. (к 50-летию героической обороны города) по проекту скульптора А.Г. Адамсона, архитектора В.А. Фельдмана и военного инженера О.И. Энберга, храм Святого Николая является одним из главных символов Севастополя.

Арсений Лебединцев оставался в Севастополе вплоть до оставления русским гарнизоном и мирными жителями его Южной стороны, что произошло в ночь на 28 августа 1855 г. Через несколько дней он написал архиепископу Иннокентию уже из Бахчисарая: «Севастополь оставлен. Мне кажется, что удобнее оплакивать, чем описывать это тяжело печальное событие. Омытый кровью, прославленный мужеством, обративший на себя

⁸⁰⁰ *Лебединцев А.Г., прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 8.

⁸⁰¹ *Пономарев С.И.* Всероссийская усыпальница (Церковь Святителя Николая и кладбище севастопольских героев). Киев, 1869; *Поляков Г., прот., Шавшин В.Г.* За веру и Отечество: Свято-Николаевский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1997.

взор всего света, затмивший славою все города, какие когда-либо были осаждаемы, он – этот знаменитый и вместе злополучный город, наконец, оставлен нами. Мы не могли ожидать сего; едва ли могли ожидать и сами неприятели, того желавшие»⁸⁰². Достаточно подробно изложив последний штурм, предпринятый противником 27 августа, в ходе которого им был взят Малахов курган, представлявший собой ключевую позицию во всей оборонительной системе, и переход русских войск и городского населения на Северную сторону, священник отметил и свои собственные злоключения: при переправе он потерял все свое имущество, кроме двух икон Божией Матери, с помощью которых при вступлении в брак он и его жена получили благословение от своих родителей. (Эти иконы впоследствии Лебединцев бережно хранил и передал своему потомству.) Описав уничтожавший городские здания пожар, затопление последних судов (6 линейных кораблей, 5 фрегатов, 1 корвет, 5 бригов, 10 пароходов и 1 транспорт), взрыв бастионов и батарей, священник очень лирично заключил: «Много было дней печальных для Севастополя в последнем годе, но не было дня более печального как тот, в который погребен Севастополь под развалинами своими. Военного покойника напутствуют в могилу залпами пушек и ружей. Севастополь напутствовал себя в свою могилу собственными залпами, которых громче и страшнее от века никто не слышал. Здесь был и свой дым кадильный, которого не представить ни одному живописцу, если он не был свидетелем тех страшных облаков, кои новым, каким-то грозным небом висели над Севастополем. Здесь были и свои слезы – это волны моря, которое само содрогалось при взрыве береговых укреплений и обливало родные берега волнами, бывшими следствием страшного сотрясения. ... Прости, Севастополь!»⁸⁰³.

⁸⁰² [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 140.

⁸⁰³ Там же. С. 141–145.

Таким образом, 349-дневная оборона Севастополя, осуществлявшаяся путем совместных действий российского флота и сухопутных войск, покрыла его защитников немеркнувшей славой. Приходское духовенство не покинуло Севастополь и наряду с флотскими иеромонахами оказывало защитникам города духовную поддержку. Несмотря на оставление в конечном итоге Южной части города, это событие не воспринималось в русском обществе как настоящее поражение. Впервые в истории России в 1855 г. была учреждена серебряная медаль не «за победу», а за героическую оборону – «За защиту Севастополя». Севастопольская оборона, сравниваемая современниками с Бородинской битвой, вошла в историческую память русского народа как один из главных элементов дореволюционной национальной славы, один из символов стойкости и несгибаемости морального духа армии и военно-морского флота России. При этом Севастопольская оборона приобрела и исключительное амплуа как сражение, беспрецедентное по продолжительности и уровню испытаний при неравенстве противоборствующих сил. «Бородино, Севастополь – вот имена, которые неразлучно представляются воображению русских, – писал современник. – Если Бородинское сражение названо иностранцами «битвою великанов», то что сказать о Севастопольской осаде – об этой сплошной битве, продолжавшейся без малого год»⁸⁰⁴.

3.5. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста

В годы Крымской войны впервые в мире был применен женский труд для ухода за ранеными и больными непосредственно на театре военных действий. Этим первым опытом стала деятельность Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых. В то время, когда, как в России, так и в Западной Европе, слабый пол работал в больницах и госпиталях крайне редко, 163 русские женщины, вдохновленные великой княгиней Еленой Павловной, под руководством выдающегося хирурга Николая Ивановича

⁸⁰⁴ Севастопольский обед // Русский инвалид. 1869. 20 февраля.

Пирогова поехали в Крым и, подвергаясь постоянной опасности, ухаживали за ранеными воинами в осажденном Севастополе и некоторых других местах Крымского полуострова. В создании и деятельности Крестовоздвиженской общины ярко проявились единение всех сословий русского общества, благотворительность и самоотвержение русских женщин, а также взаимодействие медицинской науки и православной религии, которые не только не вступали в противоречие, но прекрасно дополняли друг друга.

Крестовоздвиженская община была учреждена в октябре 1854 г. по инициативе и на средства великой княгини Елены Павловны. Накануне профессор Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга Н.И. Пирогов подал в Военное министерство прошение о назначении его в действующую армию военно-полевым хирургом. По словам Николая Ивановича, несколько недель он тщетно ожидал ответа, пока, наконец, не получил приглашение на аудиенцию к Елене Павловне, которая объявила ему о своем плане – «основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы» и предложила «избрать медицинский персонал и взять управление всего дела»⁸⁰⁵. Удивленный Пирогов признался великой княгине, что лишь однажды, в 1837 г. в Париже, видел в госпитале женскую службу и «более по инстинкту, нежели по опытности, был убежден в великом значении женского участия»⁸⁰⁶.

Проект был новаторским, поэтому неудивительно, что вначале многими современниками был воспринят с некоторой опаской. Достаточно сказать, что император Николай I не сразу согласился на его утверждение, а главнокомандующий русской армией князь А.С. Меншиков заявил, что постоянное присутствие женщин в госпиталях послужит «только для

⁸⁰⁵ Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине. Из письма к Э.Ф. Раден от 27 февраля 1876 г. // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 196.

⁸⁰⁶ Там же.

любовных интриг с военными»⁸⁰⁷. Тем не менее Елене Павловне удалось добиться «Высочайшего разрешения».

Елена Павловна лично руководила всеми делами, касающимися устройства Крестовоздвиженской общины. По свидетельству князя Д.А. Оболенского, «не было ни одной мельчайшей подробности, ... которая бы ускользала от внимания великой княгини, но при этом главная забота ее заключалась в том, чтобы дать этой общине тот высоко религиозный характер, который, воодушевляя сестер, закалял бы их для борьбы со всеми физическими и нравственными страданиями»⁸⁰⁸.

Официальный устав Крестовоздвиженской общины был разработан и утвержден уже после войны. А первыми учредительными документами стали «Правила Крестовоздвиженской общины...»⁸⁰⁹, «Обязанности сестер...»⁸¹⁰ и «Наставление главной начальнице общины...»⁸¹¹. При анализе этих документов четко проявляются две стороны новой организации – медицинское назначение и религиозный характер.

В документах отмечалось, что Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых и больных «учреждается, с Высочайшего Государя Императора соизволения, на время военных действий, на иждивении ... великой княгини Елены Павловны и состоит под непосредственным покровительством Ее Высочества»⁸¹². Цель учреждения состоит «в усердном, на теплой любви к ближнему и личном во имя Господа нашего Иисуса Христа самоотвержении основанном, содействии медицинскому

⁸⁰⁷ Там же. С. 198.

⁸⁰⁸ Оболенский Д.А., князь. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3. С. 518–519.

⁸⁰⁹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 42–42 об. (Высочайше одобренные правила Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях).

⁸¹⁰ Там же. Л. 38–39. (Обязанности состоящей под покровительством Ея Императорского Высочества Государыни великой княгини Елены Павловны Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях).

⁸¹¹ Там же. Л. 40–41. (Наставление Главной начальнице Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях).

⁸¹² Там же. Л. 42.

начальству, в военных госпиталях, при уходе за ранеными и больными, а также в облегчении их страданий посредством христианского утешения»⁸¹³. Руководителем и главным врачом Крестовоздвиженской общины был назначен Н.И. Пирогов. «Ближайшее заведывание» сестрами попечения было вверено главной начальнице, назначаемой великой княгиней Еленой Павловной. Местом пребывания общины был объявлен Крым с распределением сестер по местным военным госпиталям. При этом оговаривалось, что, согласно военным потребностям, сестры могут быть посланы и в другие места.

В состав общины принимались женщины российского подданства (главным образом, вдовы и девицы), принадлежавшие к «свободным состояниям». Их нравственный облик должны были определять «набожность, милосердие, целомудрие, воздержание, опрятность, скромность, доброта, терпение, безусловное повиновение постановлениям и взаимное друг другу содействие в успешнейшем исполнении возложенных на них обязанностей»⁸¹⁴. Женщины давали обязательство пробыть в общине не менее одного года.

Главная начальница общины подчинялась Н.И. Пирогову, который должен был руководить «всеми ее распоряжениями и в случае замеченной неисполнительности передать ее должность другой» сестре, с немедленным донесением о том великой княгине Елене Павловне. Главная начальница должна была распределять сестер по госпиталям, назначать им виды занятий и следить за их исполнением. В одно и то же место следовало посылать не менее трех сестер, из которых одна назначалась старшей сестрой и отвечала за остальных. В случае необходимости присутствия «некоторого числа сестер ... в местах более или менее отдаленных от главного местопребывания общины, ... а равно и вообще

⁸¹³ Там же. Л. 40.

⁸¹⁴ Там же. Л. 38–38 об.

для содействия главной начальнице по управлению общиной» назначались ее помощницы, по одной при каждом отделении сестер⁸¹⁵.

Главной начальнице предписывалось обходиться с сестрами «с чувствами материнской любви и попечительности», постоянно подавать им личный пример и каждый день, перед началом трудов, совершать вместе с ними общую молитву. В случае каких-либо проступков сестер, а также «неисправностей в исполнении принятых ими на себя обязанностей», главная начальница должна была попытаться исправить ситуацию «посредством кротких увещаний и наставлений», если же эти меры не окажут должного действия, она имела право удалить из общины сестер, «оказавшихся неблагонадежными». Вопрос об исключении из общины начальнице следовало предварительно согласовать с духовником общины и главным местным врачом, а затем немедленно доложить о принятом решении великой княгине Елене Павловне. Главная начальница распоряжалась денежными средствами общины, по пути следования и на месте назначения она имела право принимать добровольные пожертвования «в пользу общины и призреваемых сестрами раненых». «О состоянии общины, действиях сестер и положении кассы» она должна была сообщать Елене Павловне еженедельно, а об экстраординарных случаях – немедленно⁸¹⁶.

Для сестер Крестовоздвиженской общины была разработана и утверждена великой княгиней особая форма одежды, состоявшая из коричневого платья с белыми обшлагами, белого чепчика и такого же цвета фартука с карманами. Главным отличительным признаком был специально учрежденный для общины наперсный серебряный позолоченный крест на широкой голубой (Андреевской) ленте. На лицевой стороне креста была сделана надпись: «Ты, еси, Боже, Крепость моя!», на оборотной – «Возьмите иго мое на себе». Выбор надписей Елена Павловна

⁸¹⁵ Там же. Л. 40–41 об.

⁸¹⁶ Там же.

объяснила так: «Только в смиренном терпении крепость и силу получаем мы от Бога»⁸¹⁷. По свидетельству современников, название для общины и цвет ленты для упомянутого креста Елена Павловна выбрала далеко не случайно. Будучи миропомазана в православии в честь святой Елены (матери Римского императора Константина Великого), с помощью которой, по преданию, в IV в. в Иерусалиме был найден (обретен) Крест Господень, Елена Павловна относилась с особым уважением к празднику Воздвижения Креста Господня. Что касается Андреевской ленты, то она была выбрана великой княгиней в память просвещения Крыма святым апостолом Андреем Первозванным⁸¹⁸. Учрежденный для общины крест торжественно возлагался на сестру священником при принесении ею присяги – так называемого «Клятвенного обещания» – и служил символом принадлежности к общине. В утвержденном тексте «Клятвенного обещания», по форме напоминавшем молитву, подчеркивалось, что посвящаемая вступает в общину «по доброй воле» и с искренним желанием «подражать Господу Иисусу Христу, за спасение наше поношение, страдания и самую смерть на Кресте принять Изволившему и Пречистой Его Матери, Утешению и Радости всех скорбящих». Будущая сестра попечения торжественно обещала употреблять все свои силы «на богоугодное служение больным братьям», проходить служение «с искренним милосердием к страждущему человечеству и послушанием постановленному начальству», заботиться «не только ... о телесном, но и душевном здравии болящих», приносить за них молитвы Иисусу Христу и Богоматери. В утверждение своей клятвы посвящаемая целовала Евангелие и крест⁸¹⁹.

Составленные для сестер Крестовоздвиженской общины утренняя и вечерняя молитвы были обращены к Святому Кресту и к Богоматери. Целуя крест, сестры называли его «церковным украшением и великим

⁸¹⁷ Воспоминания графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1878. № 11. С. 365.

⁸¹⁸ Там же. С. 364.

⁸¹⁹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 45–45 об.

богатством» и просили быть хранителем их душ и тел, отгонять врагов, угащать страсти, исцелять немощи и «православно уповающим» на него даровать «жизнь, силу и благословение». Богоматерь молили низложить врагов, послать «крепость и одоление, победу и помощь» российскому императору, осенить «крылами молитв и благословений» великую княгиню Елену Павловну, указавшую «путь святого послужания страждущим во славу Креста», «исцелить болящих» и даровать спасение всем на нее уповающим⁸²⁰. Кроме того, по просьбе Елены Павловны в Синодальной типографии специально для сестер были напечатаны отдельными книжками «Канон и молитвы ко Святому Причащению» (из Канонника) и «Канон на исход души» (из Требника) по 200 экземпляров каждый. По словам великой княгини, сестры должны были постоянно иметь под рукой эти молитвы, как «близкие к их богоугодному делу»⁸²¹.

В октябре 1854 г. были собраны первые тридцать сестер, которые вошли в историю под названием первого отделения. Они прошли краткий курс обучения в Петербургском 2-м военно-сухопутном госпитале под руководством доктора Чертороева, получившего соответствующее поручение от Елены Павловны. Там же впоследствии обучались, по мере комплектования, и другие отделения сестер. 5 ноября в церкви Михайловского дворца в присутствии великой княгини и других высокопоставленных особ сестры выслушали литургию и проповедь протоиерея придворной церкви Василия Шишова, принесли клятвенное обещание и были торжественно посвящены в звание сестер Крестовоздвиженской общины. Главной начальницей была назначена Александра Петровна Стахович, вдова майора. Духовником – иеромонах Русского Ильинского скита на Афонской горе Вениамин (в миру – Василий Иванович Лукьянов), с 1847 г. проживавший в Иерусалиме и незадолго до происходивших событий в связи с начавшейся войной

⁸²⁰ Там же. Л. 27–27 об.

⁸²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1792. Л. 10–12.

прибывший в Санкт-Петербург вместе с членами Русской Духовной Миссии.

Кандидатура духовника была выбрана самой великой княгиней. 31 октября, сообщая обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову об учреждении Крестовоздвиженской общины и скором отправлении сестер в Крым, Елена Павловна отмечала, что, поскольку «успех настоящего предприятия весьма много зависит от сохранения и усиления в сестрах попечения тех религиозных чувств, которые должны одушевлять все их действия, и постоянное над ними влияние ревностного просвещенного духовного лица было бы для сего крайне полезно», то она просит его «чрез посредство и при содействии архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия назначить из числа тамошнего духовенства на первый раз двух, а если окажется потребность, то и более [священников], для состояния в качестве духовников при общине на время пребывания оной в Крыму и направления сестер к усердному исполнению их обязанностей»⁸²². А уже через день, 2 ноября, гофмейстер великой княгини Д.П. Хрущов сообщил Протасову, что «независимо от назначений, какие будут сделаны в Крыму преосвященным Иннокентием, ... Ее Высочество избрала для сопровождения сестер Крестовоздвиженской общины в место их назначения ... иеромонаха ... Вениамина» и передал просьбу Елены Павловны «ускорить сколь можно» выдачу ему свидетельства Святейшего Синода «для свободного проезда и пребывания в Крыму при общине»⁸²³.

В начале ноября 1854 г. Вениамин, видимо, еще не зная о намерении Елены Павловны назначить его духовником вновь учрежденной общины, обратился в Святейший Синод с прошением утвердить его в иеромонашеском звании, полученном им в 1842 г. на Афоне, и «причислить к какой-либо Русской обители ... до окончания войны, с

⁸²² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 34. Л. 1–2.

⁸²³ Там же. Л. 6–7.

дозволением потом возвратиться на Афонскую гору»⁸²⁴. (В монахи Вениамин был пострижен в 1841 г. в Афонском Ильинском скиту).

4 ноября 1854 г. Святейший Синод выслушал соответствующий доклад обер-прокурора Н.А. Протасова и рассмотрел представленные им документы. В состав последних, в частности, входили: свидетельство настоятеля Афонского Кутлумушского монастыря Парфения (бывшего митрополита Самосского) о рукоположении Вениамина в иеромонахи⁸²⁵, свидетельство наместника Иерусалимского патриарха, митрополита Петро-Аравийского Мелетия о «честной, скромной и соответственной духовному сану» жизни Вениамина во время его семилетнего пребывания в Иерусалиме⁸²⁶ и два свидетельства настоятеля РДМ архимандрита Порфирия (Успенского) о состоянии Вениамина духовником Миссии и «многих русских поклонников (паломников. – Л.М.)», а также о беспорочном поведении иеромонаха, снискавшем ему «общее уважение, как тамошнего духовенства и жителей, так и русских поклонников»⁸²⁷. Приняв во внимание приведенные выше положительные характеристики, а также желание великой княгини Елены Павловны видеть отца Вениамина в качестве духовника Крестовоздвиженской общины, Святейший Синод постановил: «утвердить пострижение и рукоположение на Афонской горе иеромонаха Вениамина», «снабдить его паспортом из Синодальной канцелярии для следования в Крым», а также предписать архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию по приезде Вениамина причислить его к одному из местных монастырей и «определить на служение при Крестовоздвиженской общине»⁸²⁸.

6 ноября со «станции Московской железной дороги» сестры попечения отправились в Крым. По словам иеромонаха Вениамина, провожали их «царская фамилия, статс-дамы, фрейлины и почти весь

⁸²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1792. Л. 6–6 об.

⁸²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 34. Л. 9.

⁸²⁶ Там же. Л. 11.

⁸²⁷ Там же. Л. 12–13.

⁸²⁸ Там же. Л. 17–19.

Петербург»⁸²⁹. Корреспондент газеты «Северная пчела» Ф.М. Толстой, публиковавшийся в то время под псевдонимом Ростислав, подробно описывая отъезд из Петербурга сестер Крестовоздвиженской общины, назвал его «праздником милосердия»⁸³⁰.

Н.И. Пирогов, уехавший ранее, 12 ноября уже прибыл в Севастополь и сразу же включился в работу. В осажденном городе в то время находилось несколько тысяч раненых и больных. Не хватало ни медикаментов, ни квалифицированных рук. Раненые подчас по несколько дней подряд не получали ни перевязки, ни пищи. Николаю Ивановичу и приехавшим с ним врачам приходилось ежедневно делать десятки операций.

В Крыму, благодаря своему таланту и неиссякаемой энергии, Н.И. Пирогов совершил настоящий переворот в области военно-полевой хирургии. Он ввел принцип так называемого «рассеивания больных», то есть сортировки их по видам и тяжести ранений и заболеваний, организовал правильную эвакуацию («транспорты»), ввел в хирургию гипсовую повязку, применил принципы сохраняющего (консервативного) лечения огнестрельных ран, провел сотни военно-полевых операций, укрепив доверие к ним в современной ему медицине: перевязка сосудов, иссечение костей и т.п. Еще в 1847 г. на Кавказе Пирогов первым провел в полевых условиях операцию с применением наркоза. Во время Крымской войны с помощью эфира и хлороформа были успешно прооперированы более 10 тыс. человек⁸³¹. Наконец, огромное значение Николай Иванович придавал гигиеническим мероприятиям: проветриванию помещений, отделению заразных больных, применению «противогнилостно действующих» растворов – ромашкового чая, камфорного спирта,

⁸²⁹ Библиотека ИППО. Б. IV. № 888. С. 9. (Письма к отцу Вениамину).

⁸³⁰ Северная пчела. 1854. № 260 от 18 ноября. С. 1253–1254.

⁸³¹ Наркоз начал использоваться в мировой хирургии с 1846 г. При этом Пирогов, одним из первых испытав наркоз на животных и на себе, стал применять его в широких размерах и выработал классические приемы его употребления.

хлористой воды, йода, став «провозвестником» позднейшей антисептики⁸³².

Вскоре Пирогов приобрел в Севастополе всеобщую любовь и уважение. У солдат вера в великого хирурга была поистине безграничной. Им казалось, что для него нет ничего невозможного. В подтверждение приведем курьезный случай, описанный в воспоминаниях сестры Крестовоздвиженской общины А.М. Крупской. Она была свидетелем, как однажды солдаты принесли на перевязочный пункт своего товарища без головы. На удивленное восклицание стоявшего в дверях доктора: «Куда несете? Ведь видите, что он без головы!» они всерьез ответили: «Ничего, Ваше благородие, голову несут за нами: авось, господин Пирогов как-нибудь привяжет»⁸³³.

В конце ноября сестры первого отделения, задержанные в пути бездорожьем и нехваткой лошадей, наконец, добрались до Симферополя. В городе их встретил местный протоиерей Михаил Родионов, назначенный архиепископом Иннокентием в число духовников общины. В первый же день у него произошло столкновение с имевшей непростой характер начальницей общины А.П. Стахович. Вот так сообщал об этом отец Михаил архиепископу Иннокентию: «Я предполагал сказать приветствие и прежде открытия дела сделать все торжественно и важно, но начальница сделала все иначе. Бог с ними!»⁸³⁴. По словам протоиерея Арсения Лебединцева, Стахович заявила Родионову: «Мы не имеем в вас нужды, у нас есть свой иеромонах»⁸³⁵. Тем не менее отец Михаил обошел с сестрами все госпитали города, показав им «фронт их работы». Н.И. Пирогов,

⁸³² Разумовский В.И. Н.И. Пирогов, как научный деятель и профессор хирургии // Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным Комитетом съезда под ред. доктора П.Н. Булатова. Т. I. СПб., 1911. С. 13–18. (То же: ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 624. Л. 10–12 об.)

⁸³³ Крупская А. Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины // Военный сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 432.

⁸³⁴ ОР РНБ. Ф. 313. Оп. 1. Д. 44. Л. 168.

⁸³⁵ [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 55.

понявший к тому времени, что «медицинское пособие и хождение за страдальцами нужнее в лазаретах и бараках, чем на перевязочных пунктах», решил «всю приехавшую общину занять делом в Симферополе»⁸³⁶. В городе в то время находилось несколько тысяч раненых, доставленных туда после сражений при Альме и Инкермане. По словам Пирогова, раненые находились там «во всех публичных зданиях и во многих частных домах» и «были лишены почти всякого ухода»⁸³⁷. Приехав туда из Севастополя на две недели, Пирогов распределил сестер по основным лазаретам, дав необходимые инструкции. Николай Иванович отмечал в своем отчете, что сестры сразу взялись за дело с полным усердием и самоотвержением. «Малейшие желания страждущих, даже капризы их, исполнялись самым совестливым образом. ... Они не пропускали ни одного обстоятельства в трудном и запутанном госпитальном лечении: их бдительный глаз был направлен на раздачу лекарств, на облегчение страданий, на пищу больных. ... Сестры мужественно переносили вид текущей крови, многообразных мучений и тяжких язв. ... В течение короткого времени уже были заметны плоды их деятельности»⁸³⁸. Вскоре изменилось мнение о сестрах и у отца Михаила Родионова. Если накануне их приезда он скептически писал архиепископу Иннокентию: «Предчувствую, какой тяжкий предстоит мне подвиг: быть в распоряжении капризных и бестолковых баб: вооружусь всем терпением, молитвою и постом»⁸³⁹, то в декабре 1854 г. протоиерей констатировал: «Сестры общины трудятся преусердно», их присутствие «пробудило во многих внимание к раненым; улучшена пища, строже обращают внимание на белье и прочее»⁸⁴⁰. Однако через три недели после приезда, вследствие

⁸³⁶ Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине... // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 199.

⁸³⁷ Там же.

⁸³⁸ Пирогов Н.И. Из отчетов о действиях сестер. Севастополь, 4 января 1855 г. // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 111.

⁸³⁹ ОР РНБ. Ф. 313. Оп. 1. Д. 44. Л. 152 об.

⁸⁴⁰ Там же. Л. 168 об., 181 об.

перенапряжения сил и господствовавшей эпидемии, более половины сестер, включая начальницу А.П. Стахович, заболели тифом, отчего четыре сестры скончались. В это время фактическое руководство отделением принял на себя иеромонах Вениамин. По его собственным словам, он «не только исполнял требы в госпиталях, но должен был дежурить и утешать сестер; кормил их из своих рук, они почти все были без памяти»⁸⁴¹.

В январе 1855 г. в Симферополь прибыли сестры второго отделения под управлением старшей сестры Марии Меркуровой (Меркуловой), выехавшие из Петербурга 23 ноября 1854 г. Упоминавшаяся выше А.М. Крупская, принадлежавшая к этому отделению, отмечала, что, увидев своих коллег в тифозной горячке, все они ужаснулись от осознанной возможности после стольких трудностей пути «умереть в бесполезных страданиях», «не достигнув цели»⁸⁴². Однако вскоре было получено предписание Пирогова немедленно следовать в Севастополь, сестры снова отправились в путь и 13 января добрались до места назначения. Через четыре дня (17 января) в осажденный город прибыло третье отделение сестер во главе с Екатериной Михайловной Бакуниной, дочерью тайного советника и сенатора.

В это же время Н.И. Пирогов обратился к отцу Вениамину с письмом, в котором выразил пожелание после выздоровления сестер соединить всю общину в Севастополе. По его мнению, это было необходимо как для присмотра за ранеными, так и, главным образом, для контроля над всей общиной со стороны главной начальницы. Пирогов не без оснований опасался возникновения разногласий между сестрами разных отделений, получивших в силу обстоятельств своих непосредственных руководителей. «Заботьтесь, – писал он Вениамину, – чтобы вражда, зависть и ненависть были чужды общине сестер, которые должны преодолевать человеческие

⁸⁴¹ Библиотека ИППО. Б. IV. № 888. С. 18.

⁸⁴² *Крупская А.* Указ. соч. С. 421.

слабости и страсти, имея в виду только одно общее благо и одну высокую святую цель – служить страждущему человечеству. ... Если же Вы замечаете какие-нибудь слабости, могущие повредить целому составу общины, то я не вижу другого средства, как искоренять их Вашим пастырским поучением и примером». Пирогов сообщал, что уже довел до сведения Елены Павловны «высокие и христолюбивые действия сестер первого отделения общины» и выражал надежду на то, что «бедствия и страдания, которым они подверглись, ... не устроят их и не поколеблют следовать ревностно по избранному ими пути»⁸⁴³. Через месяц (21 февраля) сестры первого отделения, еще слабые после перенесенной болезни, приехали в Севастополь.

Кроме вышеупомянутых трех отделений сестер, отправленных из Петербурга в ноябре–декабре 1854 г., в 1855 г. в Крым последовало еще три отряда – в феврале, июле и сентябре⁸⁴⁴. Благодаря публиковавшимся в «Морском сборнике» официальным спискам, известны имена 163 сестер, принятых в состав Крестовоздвиженской общины за время войны⁸⁴⁵. 17 из них умерли при исполнении своих обязанностей⁸⁴⁶. Помимо Севастополя и некоторых других мест Крымского полуострова – Симферополя, Перекопа, Бельбека, Бахчисарая – часть сестер со временем была командирована в Херсон и Николаев и даже в Або и Гельсингфорс (Хельсинки), в связи с начавшимися боевыми действиями в Финляндии.

Что касается духовников общины, то еще в ноябре 1854 г. архиепископ Иннокентий, следуя полученному им отношению обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, назначил для этой цели уже

⁸⁴³ Библиотека ИППО. Б. IV. № 888. С. 14–17.

⁸⁴⁴ Очерк 25-летней деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. СПб., 1879. С. 12.

⁸⁴⁵ Морской сборник. 1855. № 1–12; Сводный список сестер Крестовоздвиженской общины // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 621–623.

⁸⁴⁶ Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и Херсонской губернии с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г. // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Кн. XXX. СПб., 1857. С. 69.

прикомандированных им прежде к крымским лазаретам 12 духовных лиц: в Севастополе – протоиерея Арсения Лебединцева и иеромонаха Иннокентия, в Бахчисарае – игумена Николая и иеромонаха Ефрема, в Симферополе – протоиерея Михаила Родионова и священников Рыбальского и Трофимовского, в Карасубазаре – протоиерея Григория Левицкого, в Феодосии – протоиерея Феодота Пенчулу, в Перекопе – протоиерея Макария Алексеева, в Херсоне – протоиерея Максима Перепелицына и иеромонаха Ксенофонта. Кроме того, архиепископ командировал в Крым для той же цели наместника Корсунского монастыря архимандрита Митрофана⁸⁴⁷. Сохранившиеся источники наиболее подробно освещают деятельность Крестовоздвиженских сестер и духовников общины в Севастополе.

В январе 1855 г., когда осада Севастополя стала ожесточеннее, Н.И. Пирогов взял на себя попечение о главном перевязочном пункте, располагавшемся в здании Дворянского собрания, о военно-временном госпитале, находившемся на Николаевской батарее, и о лазаретах, размещавшихся в частных домах города. Он распределил во все места сестер Крестовоздвиженской общины и медиков из отряда, непосредственно ему подчиненного, поручив им «нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков»⁸⁴⁸. Это вызвало ропот госпитальной администрации и жалобы на превышение Пироговым власти, однако благодаря вмешательству генералов графа Д.Е. Остен-Сакена и князя И.И. Васильчикова, «за сестрами был удержан весь надзор над госпиталями». Очень скоро нововведение Пирогова дало положительные результаты. Е.М. Бакунина, принявшая на себя руководство общиной на время болезни Стахович, выполняла функции «присмотра и контроля» с

⁸⁴⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 34. Л. 20–21. В Карасубазаре и Феодосии сестры не работали. Поэтому протоиереи Григорий Левицкий и Феодот Пенчула были духовниками Крестовоздвиженской общины лишь номинально.

⁸⁴⁸ *Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине... // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 200.*

необычайным тактом, энергией и совестливостью. «Она заботилась, – писал Пирогов, – о доставлении больным надлежащей порции пищи и непременно хорошего качества; смотрела за чистотой и сменой белья, за прачечными, за частой переменой соломы в матрасах и неотступно требовала от госпитальной администрации всего, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное. Не удивительно, что подобное вмешательство и такая деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам»⁸⁴⁹. Злоупотребления и казнокрадство со стороны чиновников разных уровней во время войны подчас приобретали вопиющий характер.

Для усиления эффективности и удобства ухода за больными Пирогов разделил всех госпитальных сестер на перевязывающих, аптекарш и хозяек. Перевязывающие, помимо проведения перевязок, помогали фельдшерам изготавливать необходимые для этого средства. Аптекарши хранили медикаменты и следили за их регулярной выдачей, нередко контролируя фельдшеров, либо слишком занятых, либо не совсем надежных. Хозяйки следили за чистотой белья, раздавали больным воду, бульон, чай и вино. В особой инструкции, вышедшей через некоторое время отдельной брошюрой под названием «Сестрам Крестовоздвиженской общины для прочтения и исполнения»⁸⁵⁰, Пирогов предупреждал, что сестры должны «заблаговременно ознакомиться со всеми этими занятиями, привыкнуть к ним и научиться», так как, во-первых, со временем назначения их будут меняться, а во-вторых, исполнив во время дежурства свои непосредственные обязанности, каждая сестра должна быть готова помочь коллегам, имеющим другие должности. Помня

⁸⁴⁹ Там же.

⁸⁵⁰ [Пирогов Н.И.] Сестрам Крестовоздвиженской общины для прочтения и исполнения. Симферополь, 1855. (То же: ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 28–37.)

о печальном опыте сестер первого отделения, Пирогов подчеркивал, что необходимо правильно распределять свои силы, заботясь о собственном здоровье, которое, как и сан сестер, он называл «достоянием общины и страждущих». Пирогов предостерегал сестер «от трех вредностей: простуды, изнурения сил усталостью и голодом и от заразы». Он давал им подробные наставления о том, как следует предохранить себя во время ухода за заразными больными. Свободное время, по его мнению, следовало посвящать чтению нравственных и священных книг, подкреплению сил отдыхом или рукоделию, необходимому для пользы раненых и больных⁸⁵¹.

Восстановлению порядка в госпиталях и прекращению случаев изнеможения и обмороков у служащих в значительной степени способствовало также введенное Пироговым правило сортировки раненых и разделения их на категории «по роду и градусу болезни», что было особенно эффективно при одновременном наплыве большого числа пострадавших. Медики и сестры на перевязочном пункте в такие дни делились на четыре группы. Первая была обязана сортировать раненых, принимать на хранение их деньги и вещи; тех, которым немедленно нужна операция, передавать второй группе, легко раненых после перевязки отсылать в другие лазареты или возвращать в полки. Вторая группа принимала от первой нуждающихся в немедленной операции и определяла их в операционную или смежные с ней залы. Третья группа занималась уходом за ранеными, которым операция была назначена на следующий день или позже. Наконец, четвертая, состоявшая из одних сестер и священника, была назначена для безнадежно больных и умирающих, которым доставлялись последний уход и предсмертные утешения.

Для содержания смертельно раненых был отведен частный дом, принадлежавший купцу 2-й гильдии И.Я. Гущину. Над его дверями, по словам Бакуниной, следовало повесить табличку с той же надписью, что и

⁸⁵¹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 28–37.

над входом в ад в «Божественной комедии» Данте: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Почти никто из попавших туда страдальцев не выздоравливал и редко кто проживал более суток. Работать в доме Гущина было крайне сложно из-за стоявшего там смрадного запаха и вида страданий обреченных. Между тем две сестры попечения Матрена Голубцова (дочь канцеляриста) и Мария Григорьева (вдова коллежского советника) добровольно вызвались на это служение, названное Пироговым «тяжким и отвратительным для человека светского, но назидательным и обильным делами милосердия для истинного христианина»⁸⁵². В домах Гущина и Орловского, где содержались гангренозные больные, с апреля 1855 г. почти неотлучно находился для исправления треб иеромонах Вениамин.

Весной–летом 1855 г. сестры Крестовоздвиженской общины работали практически во всех севастопольских госпиталях. Помимо применения традиционных способов ухода за ранеными, они стремились также поддержать больных духовно, внушить им надежду на исцеление. Так, например, Крупская вспоминала, что одному раненому в грудь и совершенно отчаявшемуся офицеру по фамилии Понятовский она рассказала, что однажды сильно болела, но после принятия святых тайн выздоровела. «Он ухватился за эту нить спасения и начал просить, чтобы призвать священника; после исповеди и причащения надежда одушевила его, и он с того дня стал поправляться»⁸⁵³. Солдату, сильно встревоженному тем, что, в отличие от других, ему не прописали лекарства, она стала давать воду с сахаром. Он остался очень доволен («Новая душа в меня вступила!») и вскоре встал на ноги. Капризным больным, которые не могли заснуть, и «из зависти, что другой уснул, начинали стонать и кричать, чтобы разбудить всех, думая тем развлечься или уменьшить свои страдания», сестры давали морфин или «в виде

⁸⁵² Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины... С. 54.

⁸⁵³ Крупская А. Указ. соч. С. 436.

усыпительных капель» рассказывали сказки или анекдоты⁸⁵⁴. Солдаты очень любили и уважали сестер. Крупской и Бакуниной случалось быть восприемницами при крещении иноверных солдат в православную веру.

Отношения внутри общины были непростые. Довольно скоро сказались разногласия между Стахович и Бакуниной, характеры которых были слишком различны. Несмотря на то, что Бакунина сразу по приезде Стахович уступила ей управление общиной, а Пирогов старался по возможности разделить их, заняв делом в разных местах города, отношения между ними продолжали накаляться и, наконец, достигли «высшего градуса». Николай Иванович в своих письмах неоднократно намекал великой княгине Елене Павловне, что главная начальница «не вполне соответствует своему важному назначению»⁸⁵⁵. Поэтому, когда 20 октября 1855 г. Стахович «по случаю расстроенного здоровья» уехала в Петербург, а ее место заняла прибывшая из Одессы Екатерина Александровна Хитрово, Пирогов вздохнул с облегчением.

Не вполне сложились отношения Н.И. Пирогова с отцом Вениамином. Иеромонах добросовестно исполнял свои обязанности (осуществлял духовное назидание над сестрами, стараясь примирить их в ссорах и внушить им смирение, исполнял требы в госпитальных, раздавал раненым присланные его знакомыми для этой цели папиросы, сухой бульон, варенье), однако весной 1855 г. вокруг него, вероятно, возник какой-то конфликт, в общих чертах дошедший до великой княгини Елены Павловны. Необходимо отметить, что обо всех происшествиях в общине Елене Павловне сообщали не прямо, а завуалировано, поэтому подчас ей было сложно вникнуть в суть дела. Великая княгиня ценила отца Вениамина, неоднократно благодарила его за старания и труды, но, учитывая обстоятельства, в мае 1855 г. распорядилась поручить духовное назидание и нравственное руководство над сестрами протоиерею Арсению

⁸⁵⁴ Там же. С. 426–427.

⁸⁵⁵ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 338. Л. 11.

Лебединцеву, а Вениамина оставить для совершения «в потребных случаях молитвований и других обрядов»⁸⁵⁶. По мнению Лебединцева, причина возникшего вокруг иеромонаха конфликта заключалась, прежде всего, в его личностных качествах. «Он добрый человек, – писал отец Арсений архиепископу Иннокентию в апреле 1855 г., – но, говорят, из солдат, и потому не имеет многих качеств для служения в обществе людей образованных. Притом смотрит на вещи по-афонски, – это уже слишком много для общины, незнакомой с монашеством»⁸⁵⁷. (Что касается происхождения Вениамина, то, согласно его прошению в Синод, он был «сыном русского личного дворянина» из г. Кишинева И.М. Лукьянова)⁸⁵⁸. Кроме того, отец Арсений полагал, что одна из главных причин разногласий в общине крылась в системе руководства А.П. Стахович, пытавшейся всячески устранить влияние на сестер других лиц, в том числе и духовника⁸⁵⁹. При этом между Вениамином и Стахович существовали вполне дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка. Так, например, перед своим отъездом в Петербург она обратилась к нему с довольно своеобразной, доверительной просьбой: прислать ей ее «бомбу, осколки и черного кота», который, по словам Вениамина, ходил за ним по горам, «как собачка». (Священник выполнил просьбу Стахович, однако кота в дороге украли)⁸⁶⁰.

Несмотря на имеющийся негативный отзыв о Вениамине Пирогова⁸⁶¹, думаем, однако, что при всем уважении к великому хирургу, его нельзя воспринимать буквально. Прежде всего, нужно принять во внимание

⁸⁵⁶ Там же. Л. 10–10 об.

⁸⁵⁷ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 102–103.

⁸⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1792. Л. 6.

⁸⁵⁹ [Лебединцев А.Г., *прот.*] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 150, 156.

⁸⁶⁰ Библиотека ИППО. Б. IV. № 888. С. 53–55.

⁸⁶¹ В цитируемом выше письме к фрейлине великой княгини Елены Павловны графине Э.Ф. Раден Пирогов назвал Вениамина «темным невеждой и злым интриганом-монахом». (Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 204.)

общее отношение Николая Ивановича к Церкви. Считая себя верующим и православным человеком, он тем не менее очень прохладно относился к Церкви и ее служителям. Не являясь «чистокровным материалистом», он верил в Мировой разум как в некое Предопределение, влияющее на жизнь человечества. Глубоко уважая учение Христа, находя в нем мир и утешение для своей души, он считал при этом, что догматизм и обрядность не только напрямую не вытекают из этого учения, но в чем-то ему даже противоречат⁸⁶². Такое мировоззрение отразилось затем и на представлении Пирогова о дальнейшей судьбе Крестовоздвиженской общины после войны.

Между сестрами также далеко не всегда царили мир и согласие. Несмотря на высокую цель общины и на добросовестное служение сестер, ничто человеческое им было не чуждо. 26 марта 1855 г. Лебединцев записал в дневнике свои наблюдения: «Звание начальницы отделения есть у них предмет тщеславия и для одной – предмет искательства, для сих начальниц старшинство начальницы всей общины М.С. (мадам Стахович. – Л.М.) как будто не по душе, младшие сестры не с одинаковой охотой дежурят в том или в другом месте: иным хотелось бы быть именно на перевязочном пункте, где чаще бывает начальство, где всегда посетители и свидетели их сердоболия»⁸⁶³. Пытаясь объяснить происходившее, отец Арсений размышлял: «Бывают характеры от природы, в которых люди не сходятся; присоедините к сему разность происхождения, разность воспитания и разность лет; возьмите во внимание и то обстоятельство, что община таковых лиц составлена наскоро, и вы поймете, что в прекрасной по цели этой общине жизнь невозможна без некоторой тени. К счастью, усердие сестер в служении больным так велико, и у всех их эта черта так

⁸⁶² Шингарев А.И. Н.И. Пирогов, как общественный деятель, педагог и мыслитель // Труды XI Пироговского съезда... Т. I. СПб., 1911. С. 23–27. (То же: ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 624. Л. 15–17.)

⁸⁶³ Лебединцев А.Г., *прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 28.

обща, что она служит самым крепким союзом общины»⁸⁶⁴. Видимо, поэтому именно «в нравственном влиянии на сестер», по мнению Пирогова, должна была заключаться главная обязанность духовника общины⁸⁶⁵.

В письмах Иннокентию Лебединцев неоднократно одобрял деятельность сестер. Так, например, в письме от 30 января 1855 г. он писал: «Премило общаются сестры со своими пациентами. Я сам был вчера свидетелем, как одна из них, трепля матроса по щеке, называла его голубчиком и другими любезными именами, как другого заохотчивала идти на вылазку. Больные, забывая боль, радостно улыбаются при таких любезностях»⁸⁶⁶. В феврале 1855 г. священник сообщал: «О Крестовоздвиженской общине сестер должно сказать, что она несет добровольно поднятый крест с безграничным усердием и христианским самопожертвованием. Нельзя не пожалеть, что некоторым из них начинают изменять силы их, чему причиною самая тяжесть креста, в иной день и чрез меру тяжелого»⁸⁶⁷.

После падения Севастополя действия общины сосредоточились в основном в Симферополе. С отъездом Стахович и назначением на должность главной начальницы Е.А. Хитрово, по словам Пирогова, «в сестрах обнаружилось влияние совсем иного духа», «вскоре водворились тишина, порядок и строго установленная деятельность во всех их действиях». Позднее Николай Иванович назвал это время «лучшим периодом существования общины во всей ее истории»⁸⁶⁸. 2 февраля 1856 г. Хитрово умерла от тифа. Ее смерть настолько всех поразила, что великая княгиня Елена Павловна, чтобы ободрить и поощрить общину, обратилась

⁸⁶⁴ Там же. С. 27.

⁸⁶⁵ [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию... С. 173.

⁸⁶⁶ Там же. С. 69.

⁸⁶⁷ Там же. С. 74–75.

⁸⁶⁸ Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине... // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 206–207.

к сестрам с особым рескриптом, в котором выразила им всем и каждой в отдельности свою душевную благодарность за «деяния на пользу страждущих», просила их не падать духом и продолжать служение столь же усердно, как и при Хитрово. По замечанию отца Вениамина, после теплых слов Елены Павловны «сестры еще с большим самоотвержением старались доказать своей высокой покровительнице, насколько они заслуживают ее внимания»⁸⁶⁹. Место главной начальницы общины с этого времени заняла Е.М. Бакунина.

По окончании войны и закрытии в Крыму военно-временных госпиталей в августе–сентябре 1856 г. сестры Крестовоздвиженской общины вернулись в Петербург. Специально для них были учреждены две медали. Сестры, служившие в Крыму и прилегающих к нему южных районах России, были награждены серебряной медалью, на лицевой стороне которой в центре был изображен восьмиконечный крест в лучах солнца, по кругу выгравирована библейская фраза: «Болен бех я посетисте меня» и указаны основные места служения сестер в годы войны: «Севастополь, Перекоп, Бельбек, Бахчисарай, Херсон, Николаев, Симферополь». На обороте были помещены две надписи: в центре – «В память милосердного служения страждущей братии», по кругу – «Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых». Сестры, работавшие в Финляндии, были удостоены бронзовой медали с такими же изображениями и надписями, за исключением мест служения. На ней соответственно было выгравировано: «Финляндия, Выборг, Свеаборг, Або»⁸⁷⁰. Духовники общины – иеромонах Вениамин и протоиерей Арсений Лебединцев получили упомянутые выше серебряные медали. Кроме того, они были удостоены и других наград. Арсений Лебединцев, как отмечалось выше, 17 мая 1855 г. был награжден золотым наперсным

⁸⁶⁹ Библиотека ИППО. Б. IV. № 888. С. 92–94.

⁸⁷⁰ См.: Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. Т. I. М., 1995. С. 305–306.

крестом, украшенным драгоценными камнями, на Георгиевской ленте⁸⁷¹. Отцу Вениамину 18 февраля 1856 г. был пожалован орден Святой Анны 3-й степени⁸⁷², а 26 августа того же года – золотой наперсный крест на Георгиевской ленте⁸⁷³. Н.И. Пирогов за Севастополь получил орден Белого орла.

Незадолго до заключения мира, 7 марта 1856 г., великий князь Константин Николаевич обратился к Елене Павловне с письмом, в котором, поблагодарив от себя лично и от имени всего российского флота ее и всех членов основанной ею общины за их служение, выразил пожелание «упрочить у нас это полезное учреждение», а также готовность содействовать этому «всеми зависящими от Морского ведомства средствами»⁸⁷⁴. Елена Павловна прекрасно сознавала несомненную пользу своего любимого детища и не хотела с ним расставаться. 7 октября 1856 г. она обратилась к императору Александру II с ходатайством «о дозволении обратить Крестовоздвиженскую общину из учреждения временного в постоянное»⁸⁷⁵. Вскоре ее ходатайство было удовлетворено императором.

Окончательное представление о том, какой должна быть послевоенная община, сложилось не сразу. Высказывались самые различные мнения – от обращения общины в религиозный орган до превращения ее в сугубо светскую организацию. Так, например, главный врач Тульчинского военно-временного госпиталя (несколько медиков которого были прикомандированы к севастопольскому отряду Пирогова) статский советник П. Сергеев 15 мая 1856 г. представил на рассмотрение великой княгини Елены Павловны «Проект учреждения Крестовоздвиженской Лавры сестер милосердия». Выразив восхищение деятельностью

⁸⁷¹ Петровский С., *прот.* К 10-летию смерти кафедрального протоиерея Арсения Гавриловича Лебединцева... С. 22, 40.

⁸⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 137. Д. 223. Л. 7; АРДМ. П. 16. Д. 309.

⁸⁷³ АРДМ. П. 16. Д. 309.

⁸⁷⁴ Цит. по: Очерк 25-летней деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. С. 18.

⁸⁷⁵ Там же. С. 27.

Крестовоздвиженской общины в Севастополе, он предложил сохранить учреждение и придать ему более грандиозный размах. Число сестер Сергеев предлагал увеличить как минимум до двух тысяч и направить их «во все военно-сухопутные и морские госпитали, в губернские больницы, в лазареты острогов и тюрем по всей России». Организация эта должна представлять собой «равно-монашеский орден» и называться Крестовоздвиженской Лаврой сестер милосердия. Лавра должна иметь свой дом, свою церковь, свой устав (разработку которого он предлагал поручить Святейшему Синоду) и свои фонды. Поместить Лавру, по его мнению, было бы логично в Севастополе, при строившемся на добровольные пожертвования россиян храме св. Владимира, или в Киеве, при созидаемом на те же средства одноименном храме. Сергеев перечислял возможные источники средств для осуществления своего проекта («лепта врачей всех ведомств», добровольные пожертвования частных лиц, отчисления от сумм, полученных при продаже свечей в военных и крепостных церквях и др.) и выражал уверенность в том, что «Лавра сестер милосердия принесет неисчислимую пользу армии ... и будет одним из исторических памятников ... царствования ... императора Александра II»⁸⁷⁶.

Н.И. Пирогов иначе видел будущее Крестовоздвиженской общины. Он считал, что религиозное мировоззрение не должно служить основанием для учреждения общины сестер в России. Учитывая существовавший в то время в мире некоторый опыт женского ухода за больными, он отмечал: «Я могу сказать, что старокатолическое и протестантское мировоззрения для нас, как основание, негодны. Православные монахини, или учреждение диаконис, тоже в наше время не годятся. Наша Церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна и формальна, что не в силах примениться к насущным требованиям нового времени. Поэтому я думаю, что наши учреждения сестер не должны

⁸⁷⁶ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 346. Л. 1–9.

ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах. ... Наша сестра милосердия не должна быть православной монахиней. Она должна быть женщина с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием»⁸⁷⁷.

Тем не менее, судя по тексту первого проекта устава Крестовоздвиженской общины, продиктованного Пироговым Елене Павловне в 1859 г., знаменитый хирург не возражал против сохранения в общине ее православных традиций. Несмотря на свои антиклерикальные взгляды, Николай Иванович понимал, что Церковь прочно вошла в государственную и народную жизнь России. Цель общины определялась Пироговым как «безвозмездное служение страждущим ради Христа Спасителя». В общину на испытание должны были приниматься «грамотные вдовы и девицы всех сословий», имеющие на руках письменное разрешение на это от своих родителей или попечителей, метрическое свидетельство и «свидетельство о добром поведении от своего духовного отца». Во время испытания, продолжавшегося не менее трех месяцев, женщин следовало не только учить уходу за больными, но и проверять «в нравственном и религиозном отношении». Прошедшие испытание становились младшими сестрами и по истечении года, будучи признаны достойными, допускались к принесению присяги на получение креста и соответственно – звания сестры милосердия. Управляться община должна была Комитетом, в состав которого входили врач, духовник, настоятельница (эта должность заменяла должность главной начальницы) и старшие сестры. В обязанности духовника, помимо участия в работе Комитета, входили приведение к присяге, исполнение треб, а также «поучение сестер» и «поддержание в них чувства любви к Богу, благочестия и милосердия»⁸⁷⁸.

⁸⁷⁷ Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине... // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 209.

⁸⁷⁸ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 328. Л. 1–8.

Великая княгиня Елена Павловна придавала большое значение сохранению в общине высоконравственного религиозного настроения и по-прежнему предъявляла высокие требования к кандидатурам в духовники этого учреждения. В этом плане показательно письмо фрейлины Елены Павловны графини Э.Ф. Раден к князю Д.А. Оболенскому, написанное в 1858 г. В нем излагались намерения великой княгини: «Ее Высочество хотела бы, чтобы духовными пастырями сестер были исключительно лица, принадлежащие к какой-либо мужской общине или монастырю, дабы среди сестер сохранился тот же дух, и они шли бы и впредь тем же путем как теперь». Духовники должны внушать сестрам «полное самоотвержение, во имя Господа, без коего нельзя сделать ничего великого»⁸⁷⁹. Монастырем, поставлявшим духовников для общины, по мнению Елены Павловны, могла стать Оптиная пустынь, а в качестве возможной ближайшей кандидатуры на это место она рассматривала иеромонаха данной обители Леонида (Кавелина), в течение двух лет (1857–1859) исполнявшего обязанности члена РДМ в Иерусалиме⁸⁸⁰. Отметим, что не всем конкретным планам Елены Павловны удалось сбыться. Тем не менее вплоть до 1917 г. практически все общины сестер милосердия в России опирались на религиозные принципы, которые являлись их духовным фундаментом.

Работа над уставом Крестовоздвиженской общины продолжалась в течение десяти лет. На рассмотрение великой княгини помимо вышеуказанных было предложено еще несколько проектов, составленных разными лицами⁸⁸¹. Окончательный вариант сложился лишь в 1869 г. Представляя его на «Высочайшее утверждение», Елена Павловна отмечала, что он был выработан Комитетом общины с учетом его 14-

⁸⁷⁹ Оболенский Д.А., князь. Указ. соч. С. 521.

⁸⁸⁰ Там же.

⁸⁸¹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 5–28.

летней практической деятельности⁸⁸². Все это время община продолжала работать, руководствуясь правилами и традициями, сложившимися в дни Севастопольской обороны. Часть сестер по возвращении в Петербург оставили общину, около 80 человек решили продолжить служение. Главным врачом общины стал В.И. Тарасов, один из ближайших помощников Пирогова по Севастополю. Для размещения общины в 1859 г. было приобретено просторное здание на набережной Фонтанки. В нем, помимо комнат сестер, в начале 1860-х гг. были размещены две больницы (женская и детская), аптека, лечебница для приходящих больных, школа для девочек и домовая церковь. Кроме того, сестры поочередно несли дежурство в различных военных и гражданских госпиталях Петербурга. Таким образом, в уставе Крестовоздвиженской общины, утвержденном императором в мае 1870 г., нашли отражение конкретные реалии ее жизни.

Цель общины определялась как «бесвозмездное христианское служение страждущим и неимущим, уход за больными в лечебных заведениях, лечение бедных в общине, вспомоществование бедным и сиротам, обучение бедных детей, посещение заключенных и другие дела христианского милосердия». Особо оговаривалось, что «в военное время община, по усмотрению военного министерства, принимает участие в уходе как за ранеными, так и больными в госпиталях, ближайших к месту военных действий»⁸⁸³. В состав общины принимали здоровых и грамотных «вдов и девиц всех сословий» от 20 до 40 лет. Лица, принятые в общину, проходили испытание, продолжавшееся от шести месяцев до одного года. По истечении этого срока женщины, признанные достойными, получали звание сестры и давали обещание прослужить в общине не менее двух лет. Им выдавалась форменная одежда общины за исключением креста. Только после пяти лет добросовестного служения, по решению Комитета и с

⁸⁸² Очерк 25-летней деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. С. 41.

⁸⁸³ Устав Крестовоздвиженской общины сестер милосердия // Уставы и правила общин сестер милосердия. СПб., 1879. С. 1–2.

утверждения великой княгини – покровительницы общины, сестра удостоивалась звания Крестовой сестры, получала для ношения на груди серебряный позолоченный крест на голубой ленте и приносила перед алтарем клятвенное обещание «продолжать служение, доколе позволят силы». В состав Комитета, осуществлявшего управление общиной, помимо его традиционных членов – главного врача, священника и настоятельницы – покровительница учреждения могла назначать по своему усмотрению посторонних известных ей лиц и двух членов от городской думы. На настоятельницу были возложены ближайший надзор за всеми сестрами, распределение их занятий, забота о сохранении порядка в общине и о целостности ее имущества. Главный врач осуществлял управление лечебными учреждениями общины, отвечал за лечение больных и за обучение сестер навыкам ухода. Священник был духовником сестер и преподавателем Закона Божия в школе общины⁸⁸⁴.

В память о героическом прошлом Крестовоздвиженских сестер в алтаре домового храма общины у подножия поставленного на жертвенник Распятия было установлено привезенное из Севастополя пушечное ядро⁸⁸⁵. Своеобразным памятником Крымской войны и славной деятельности Крестовоздвиженской общины можно считать также Вениаминовское подворье Императорского Православного Палестинского Общества, основанное «в память жертв войны» в Иерусалиме в 1887 г. бывшим духовником общины игуменом Вениамином⁸⁸⁶.

Таким образом, Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых во время Крымской войны полностью справилась с поставленной перед ней задачей. Служение «сестер Креста», как называла их основательница общины великая княгиня Елена Павловна, не только помогло врачам спасти жизни тысяч раненых русских воинов, но и

⁸⁸⁴ Там же. С. 2–19.

⁸⁸⁵ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 355. Л. 4 об.–5.

⁸⁸⁶ См.: Лисовой Н.Н. Вениамин // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 626–627.

показало всему миру способности женщин, обозначив новое направление в области военной медицины – введение частной помощи на войне и женского ухода за ранеными. Идея витала в воздухе. Об этом думали не только в России, но и в Западной Европе. Англичанка Флоренс Найтингейл с 37 дамами тоже приезжала на театр войны для оказания помощи раненым. Узнав о том, что в Европе ее считают первой, Пирогов писал: «Мы, русские, не должны позволять никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом»⁸⁸⁷. Крестовоздвиженская община стала прообразом Общества Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею.

3.6. Оборона Соловецкого монастыря

Одной из ярких страниц истории Крымской войны стала героическая оборона Соловецкого монастыря (6–7 июля 1854 г.) под руководством архимандрита Александра (Павлóвича). Несмотря на то, что в масштабах грандиозной военной эпопеи, простиравшейся от Кронштадта до Камчатки и от Белого моря до Черного, обстрел данной национальной святыни английской эскадрой являлся лишь небольшим двухдневным эпизодом, событие это стало широко известно в России и за ее пределами, пробудив у современников религиозно-патриотические чувства и заставив вспомнить об осаде Троице-Сергиева монастыря (впоследствии – лавры) польско-литовскими интервентами в 1608–1610 гг. А настоятель Соловецкой обители Александр, известный прежде лишь ограниченному кругу лиц, стал национальным героем. О нем писали ведущие периодические издания, его литографированный портрет раскупался сотнями экземпляров наряду с портретами других героев войны: адмирала П.С. Нахимова, вице-адмирала В.А. Корнилова, генерала Э.И. Тотлебена, матроса П.М. Кошки, архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова),

⁸⁸⁷ *Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине... // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 197.*

георгиевского кавалера протоиерея Могилевского пехотного полка И.М. Пятибокова, духовника Крестовоздвиженской общины иеромонаха Вениамина (Лукьянова) и др.

Как известно, основными театрами военных действий в годы Восточной войны были Крымский, Дунайский и Кавказский. Для оказания экономического давления на Россию Великобритания и Франция пытались также установить блокаду морских побережий Российской империи. Их военные эскадры действовали не только в Черном, но и в Балтийском, Баренцевом и Белом морях и даже на Тихом океане. На Русском севере боевые действия велись в летние месяцы 1854 г. и 1855 г. Соединенные англо-французские эскадры, в состав которых входило несколько линейных кораблей и вспомогательных судов, крейсировали в территориальных водах России, устанавливали блокаду акватории и побережья Белого и Баренцева морей, уничтожали торговые и промысловые российские суда, обстреливали небольшие города и деревни, пытались высаживать десант (главным образом, для того, чтобы пополнить запасы продовольствия). Нанесенный ими материальный ущерб был не столь значителен, однако неприятелю удалось помешать российскому торговому судоходству в северных водах.

21 февраля 1854 г. указом императора Николая I Архангельская губерния была объявлена на военном положении с подчинением Архангельскому военному губернатору вице-адмиралу Р.П. Бойлю, которому предоставлялись права командира отдельного корпуса в военное время⁸⁸⁸. Накануне императором был учрежден Комитет для соображения мер к усилению обороны прибрежных пунктов Северной России под председательством управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича. 14 февраля, рассматривая проблему укрепления Архангельска и его окрестностей, Комитет постановил: соорудить береговые батареи для обороны подходов к Архангельску и Новодвинску;

⁸⁸⁸ ПСЗ-II. Т. 29. № 27949.

построить 20 канонерских лодок для защиты фарватеров; отправить в распоряжение военного губернатора «до 3 000 кремневых ружей для вооружения, в случае надобности, жителей островов, впереди Архангельска находящихся»; из числа орудий, оставшихся после укрепления Новодвинской крепости, отделить (по усмотрению Бойля) несколько орудий малого калибра для защиты Соловецкого монастыря, а также вывезти из обители «все движимые драгоценности, поместив их в более безопасном месте»⁸⁸⁹.

Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь, основанный в 1430-х гг. монахами Савватием, Зосимой и Германом – одна из древних, богатых и почитаемых в народе русских православных обителей. С XVI в., во многом благодаря деятельности игумена Филиппа (Колычева), будущего митрополита Московского, монастырь стал крупнейшим промышленным и культурным центром северного Поморья. В XVI–XVIII вв. он представлял собой также важную приграничную крепость. В 1571, 1582 и 1611 гг. обитель отразила несколько нападений Ливонских рыцарей и шведов. Выступая против церковной реформы патриарха Никона, монастырь 8 лет (с 1668 г. по 1676 г.) выдерживал осаду правительственных войск. В 1814 г., после постройки Новодвинской крепости, обитель отчасти утратила свое стратегическое и военное значение.

В середине XIX в. Соловецкий монастырь владел шестью крупными островами (Соловецким, Анзерским, большим и малым Муксамскими, двумя Заячьими) и множеством мелких островов общей площадью 640 кв. верст (682,7 кв. км). Обители принадлежали 11 заводов⁸⁹⁰, на которых наряду с монахами и послушниками трудились вольнонаемные рабочие. Монастырь был окружен мощной каменной стеной⁸⁹¹, внутри которой

⁸⁸⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 7–8 об.

⁸⁹⁰ Канатный, кирпичный, прядильный сетный, красильный, сукноваленный, два свечных, салотопенный, кожевенный, солодовенный и лесопильный заводы.

⁸⁹¹ Длина стены составляла 421 сажень (898,2 м), толщина – около 3 сажень (6,3 м), высота – от 3 до 4 сажень (от 6,3 до 8,5 м). (Сафронов А. Соловецкий монастырь // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 6.)

находились 5 каменных церквей с колокольнями и 4 часовни, вне стен – 2 церкви и 12 часовен⁸⁹². С конца XVI в. на территории монастыря располагалась тюрьма для осужденных по политическим и церковным делам. В феврале 1854 г. в ходе обсуждения вопроса о вывозе ценностей из монастыря планировалось также перевести оттуда и заключенных, однако после переписки между военным министром князем В.А. Долгоруковым, обер-прокурором Святейшего Синода графом Н.А. Протасовым и Архангельским военным губернатором Р.П. Бойлем было принято предложение последнего оставить их на прежнем месте под надзором находившейся там инвалидной команды⁸⁹³.

26 марта 1854 г. Святейший Синод предписал указом настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Александру: 1) назначить подлежащие вывозу из монастыря церковные движимые драгоценности, рукописи и старопечатные книги; 2) составив подробную опись вывозимого, упаковать все «в надежные ящики» и отправить на монастырских «удобных и благонадежных судах» «под надзором надежнейших иеромонахов» в Архангельск или другой прибрежный пункт, который назначит для данной цели Архангельский военный губернатор, а оттуда – «в места, кои указаны будут преосвященным Варлаамом»; 3) «самому же настоятелю с прочей братией, служителями и всеми теми, кто имеет пребывание в Соловецком монастыре, оставаться в оном безвыездно и, призвав на помощь Всевышнего и святых угодников Зосиму и Савватия, принять, при содействии лиц от военного начальства назначенных, все возможные меры к защите монастыря в случае нападения неприятельского»⁸⁹⁴. Вице-адмирала Бойля Синод просил «оказать епархиальному начальству и архимандриту всевозможное содействие» «как в охранении драгоценностей во время их перевозки, так и в усилении

⁸⁹² Там же.

⁸⁹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3. Л. 1–7; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 25–31.

⁸⁹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3. Л. 11–12.

средств к защите Соловецкого монастыря»⁸⁹⁵. Аналогичное предписание было дано Бойлю и от военного министра В.А. Долгорукова⁸⁹⁶.

7 мая 1854 г., как только открылась навигация, монастырский корабль «Святой великий князь Александр Невский» прибыл в Архангельск, имея на борту 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями, а также 16 ящиков с рукописями и старопечатными книгами. Имущество сопровождали 5 монахов во главе с ризничным, иеромонахом Макарием. Через 5 дней корабль отправился в Антониев Сийский монастырь, куда прибыл 20 мая⁸⁹⁷. Бойль обеспечил судну быстрый выход из Архангельского порта и снабдил Макария предписанием, обязывавшим волостные и сельские власти Архангельской губернии «оказывать всевозможное содействие к безостановочной перевозке» имущества к месту назначения⁸⁹⁸. Первоначально Синод планировал отправить в Антониев Сийский монастырь «громоздкие драгоценности», а остальные («удобные к пересылке»), а также все рукописи и книги перевезти в Московскую синодальную контору. Однако епископ Варлаам, по согласованию с военным губернатором Бойлем, решил сначала отправить все в Сийский монастырь, а зимой на наемных подводах (что значительно дешевле и обеспечивает лучшую сохранность) перевезти монастырскую библиотеку в Москву⁸⁹⁹. Вскоре планы Синода изменились. В 1855 г. редчайшее рукописное и книжное собрание Соловецкого монастыря было перевезено в Казанскую духовную академию, где оставалось до 1928 г., когда было передано библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека)⁹⁰⁰. Остальные ценности вернулись в Соловецкий монастырь в августе 1856 г.

⁸⁹⁵ Там же. Л. 13.

⁸⁹⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 64–65.

⁸⁹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3. Л. 21–29 об., 39.

⁸⁹⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 83–84.

⁸⁹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3. Л. 27–28.

⁹⁰⁰ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань. Ч. 1. 1881. Ч. 2. 1885. Ч. 3. 1898. Необходимо отметить, что передача Соловецкого собрания библиотеке им. М.Е. Салтыкова-

В соответствии с предписанием Комитета для обороны Соловецкого монастыря по распоряжению Бойля из Архангельска в обитель 12 мая 1854 г. были отправлены на двух монастырских судах 8 пушек 6-фунтового калибра «с боевыми снарядами и прочими принадлежностями, необходимыми для устройства батареи». Туда же были командированы инженерный офицер Бугаевский и фейерверкер Новодвинского артиллерийского гарнизона В. Друшлевский, первый – для устройства и вооружения батареи, второй – для обучения действиям на ней солдат местной инвалидной команды, которая, кроме того, была снабжена боевыми патронами «по 60 на каждое ружье»⁹⁰¹. Упоминая об этой мере, советский историк Г.Г. Фруменков, очень предвзято относившийся к Бойлю, характеризует ее как недостаточную⁹⁰². Между тем примерно такое же количество пушек (от 8 до 10) имели все береговые батареи, устроенные в устье Северной Двины на подступах к Архангельску и Новодвинску⁹⁰³. Правда, орудия на них были большего калибра (от 12 до 36 фунтов), но в данном случае малокалиберные пушки больше подходили для размещения на монастырской стене. Основная задача батареи заключалась в том, чтобы помешать кораблям противника высадить десант. Главная надежда, безусловно, возлагалась на окружавшую монастырь мощную стену. К тому же у Бойля не было реальной возможности вооружить обитель так, как она была вооружена в былые времена⁹⁰⁴.

Щедрина (РНБ) привела к значительной активизации научного изучения древнерусских рукописей и книжности.

⁹⁰¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3. Л. 31–31 об.

⁹⁰² Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975. С. 115.

⁹⁰³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 50.

⁹⁰⁴ В распоряжении Архангельского военного губернатора находились довольно скромные силы: 3 577 человек совместно сухопутного и морского ведомств, из которых самыми крупными соединениями были два Архангелогородских гарнизонных батальона, 21-й флотский и 3-й ластовый экипажи. (РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 9.)

В мае–июне 1854 г., после вывоза драгоценностей, Соловецкий монастырь активно готовился к обороне. Руководителем и идейным вдохновителем подготовки был архимандрит, впоследствии епископ⁹⁰⁵, Александр (Павлѳвич Андроник Иванович). Этот неординарный человек провел к тому времени в сане настоятеля монастыря чуть менее года (с 25 июля 1853 г.), но, как и на прежних местах своего служения, успел снискать всеобщую любовь и уважение. Современники, знавшие архимандрита Александра, отмечали его яркую, величественную внешность, природный ум, прекрасное образование (он окончил Киевскую духовную академию), твердую веру в Бога и внимательное отношение к нуждам своих прихожан. В прошлом полковой священник⁹⁰⁶, он обладал также храбростью, определенными военными навыками и умением спланивать людей в экстремальной обстановке.

Прежде всего, была проведена ревизия монастырского оружия. Необходимо отметить, что после подавления упоминавшегося выше мятежа соловецких иноков против церковной реформы патриарха Никона (1676 г.) монастырь был частично разоружен, а в 1814 г. бѳльшую часть остававшихся там пушек вывезли в Новодвинскую крепость. Однако часть оружия монахам удалось спрятать, многие пушки они зарыли в землю. Правда, иноки, жившие в обители в 1850-х гг., смутно представляли, где

⁹⁰⁵ Александр (Павлович) был рукоположен в сан епископа 17 ноября 1857 г. До 13 сентября 1860 г. был епископом Архангельским и Холмогорским; с 13 сентября 1860 г. по 9 ноября 1862 г. – епископом Полтавским и Переяславским; с 9 ноября 1862 г. – на покое. Скончался 8 ноября 1874 г. в Киеве.

⁹⁰⁶ Архимандрит Александр (Павлович Андроник Иванович) с 1820 г. по 1827 г. был священником Полоцкого пехотного, Либавского пехотного и Малороссийского кирасирского полков, с 1832 г. по 1847 г. – священником (с 1841 г. протоиереем) Алексопольского пехотного (с 1833 г. – егерского) полка. В 1847–1852 гг. служил настоятелем Соломбальского Преображенского Морского собора Архангельской епархии. 20 июня 1853 г. был пострижен в монашество с именем Александр, а через месяц возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Соловецкого монастыря. «За отлично усердную службу» был удостоен наград: скуфьи (1838 г.), набедренника (1841 г.), камилавки (1846 г.), наперсного креста, выдаваемого от Синода (1850 г.), палицы (1851 г.). (РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1726. Л. 60–65: послужной список протоиерея Андроника Павловича за 1852 г.); *Флоринский Н.И.* Жизнеописание Соловецкого архимандрита Александра // Душеполезное чтение. 1885. Июнь–июль. С. 154–178.

их следовало искать. В результате удалось выявить 20 орудий, из которых годными к применению оказались лишь 2 пушки 3-фунтового калибра. Остальные лопались при пробах или крошились при попытке очистить их от вековой ржавчины. Из погребов было извлечено около 500 ядер и 20 пудов пороха. (Отметим, что уже после отражения нападения английской эскадры в монастыре обнаружили еще 20 пригодных к стрельбе орудий калибром от 6 до 18 фунтов)⁹⁰⁷. Восемь привезенных из Архангельска пушек расставили на западной стороне крепостной стены, а также в Стратилатовской и Корожной башнях. Две маленькие монастырские пушки установили на берегу, при входе в гавань Благополучия, где соорудили скрытую от взора с моря земляную батарею⁹⁰⁸. По приказу архимандрита были просмолены крыши на всех монастырских зданиях (будучи непросохшими, они не должны были загореться от зажигательных бомб). Повсюду были расставлены емкости с водой и разложены войлоки для тушения возгораний. На случай рукопашного боя монахи достали из Оружейной палаты старинное оружие: копья, бердыши, секиры⁹⁰⁹.

Для поддержания морального духа обитателей монастыря архимандрит Александр прибегнул также к духовным средствам. Во всех храмах, кроме положенных ежедневно канонов и акафистов, по воскресеньям стал совершаться акафист Иисусу Христу, а по субботам – акафист Божией Матери. По пятницам архимандрит установил строгий пост. В своих проповедях, произнесенных после литургии, он призывал не поддаваться унынию, уповать на помощь Бога, Божией Матери и преподобных основателей обители Зосимы и Савватия, а также вооружиться против неприятеля «молитвою и постом».

⁹⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 99–99 об.

⁹⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 3 об.

⁹⁰⁹ А.Н. Муравьев увидел в этом некий сакральный смысл. Проводя аналогию с Библией, он писал: «Так некогда, для защиты Соломонова храма, во дни нечестивой Гофолии, благоговейный первосвященник Иоадаи вынес из хранилища древнее оружие царя Давида, употребленное им против филистимлян, и раздал оное левитам». ([Муравьев А.Н.] Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1855. С. 53.)

Необходимо отметить, что практически все жители Соловков объединились в стремлении отстоять святую обитель. В то время там насчитывалось: монашествующих и послушников – 176 человек, штатных служителей – 24, вольнонаемных и «живущих по усердию» работников – свыше 370 человек⁹¹⁰. Кроме того, в монастыре содержались 25 арестантов, которых охраняли 1 офицер, 2 унтер-офицера и 50 солдат инвалидной команды. Из послушников, богомольцев и наемных работников был сформирован отряд добровольцев, которые наряду с солдатами проходили военное обучение под руководством заведовавшего инвалидной командой прапорщика Н. Никоновича и фейерверкера В. Друшлевского. Солдаты обучались в основном артиллерийскому делу, добровольцы – стрельбе из пушек, ружей и приемам штыкового боя.

К защите монастыря архимандрит Александр допустил также 7 человек из числа ссыльных и арестантов. Позднее в донесении в Святейший Синод настоятель отметил, что это были те из них, на кого он «надеялся, а на кого не мог положиться, того и вызова не принял»⁹¹¹. Относительно этих лиц, к которым советские историки проявляли особый интерес, необходимо сделать несколько пояснений. Проследим по документам архива Святейшего Синода, за какие проступки они были заключены в Соловецкий монастырь. Отставной рядовой Н. Веселаго, в 1830 г. разжалованный из поручиков Украинского пехотного полка «за растрату казенных денег и ложный донос», а через два года совсем уволенный со службы, был помещен в монастырь в 1836 г. «по собственной просьбе и с Высочайшего разрешения» после того, как «сам себя оговорил в государственном преступлении, от которого впоследствии отрекся»⁹¹². Фельдфебель Я. Пыжьянов был заключен в монастырь в 1846 г. «без объявления [монастырскому начальству] причин, за что именно», титулярный советник И. Якубовский – в 1847 г. «за нетрезвую

⁹¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3. Л. 5 об.

⁹¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 3 об.

⁹¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 29 об.

жизнь и буйство», бывший студент Е. Андрузский – в 1850 г. «за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения», неслужащий дворянин А. Мандрыка – в 1852 г. по просьбе своего отца генерал-лейтенанта Н.Я. Мандрыки «за оскорбление святыни в церкви села Чепчугов Казанского уезда», рекрут из крестьян И. Шурупов – в 1851 г. «за упорство в отказе присягнуть на верность службы, происходящее от внушений молоканской секты», бывший придворный певчий А. Орловский – в 1851 г. «за безбожие»⁹¹³. При этом Веселаго и Якубовский были изначально помещены «на жительство в монастыре между братией», а Пыжьянов и Орловский после нескольких лет пребывания в арестантском отделении за хорошее поведение были переведены в число послушников. Остальные трое, хотя и содержались в арестантском отделении, регулярно ходили в церковь на богослужение, читали книги религиозного содержания, беседовали со священниками, в результате чего осознали свои ошибки. Андрузский, единственный из всех осужденный по политическому делу, по словам настоятеля, утверждал, что пребывание в монастыре «совершенно изменило его убеждения и утвердило в истинных понятиях о властях, отечестве и народности»⁹¹⁴. Таким образом, вопреки утверждению Фруменкова, у «царизма» не было особых оснований «не доверять» этим людям, и решение допустить их к обороне монастыря архимандрит Александр принял вполне сознательно, а не «на свой страх и риск»⁹¹⁵.

6 июля 1854 г. в восьмом часу утра дозорные с монастырской башни увидели два неприятельских судна, которые, приблизившись к обители на расстояние в 10 верст, встали на якорь. Это были английские трехмачтовые пароходофрегаты: 14-пушечный «Бриск» (под командованием капитана Ф.Б.П. Сеймура) и 15-пушечная «Миранда» (капитан – Э.М. Лайонс). (В данное время в Белом море находилась английская эскадра из 3 кораблей:

⁹¹³ Там же. Л. 29 об.–32, 37–38, 53–54.

⁹¹⁴ Там же. Л. 32.

⁹¹⁵ *Фруменков Г.Г.* Указ. соч. С. 120.

двух вышеупомянутых и 24-пушечного фрегата «Эвридика» под общим командованием капитана последнего судна Э. Омманея (Оммани). «Эвридика», вероятно, в связи с мелководьем, к Соловецкому монастырю не подходила)⁹¹⁶. Получив тревожное известие, архимандрит Александр, прежде всего, отслужил молебен Божией Матери и преподобным Зосиме и Савватию и провел крестный ход с чудотворными иконами вокруг монастыря по крепостной стене. Затем он обратился к солдатам и другим обитателям монастыря с призывом «стать храбро за веру, за святую обитель», заверив их, что «каждый получит награду от Бога и от царя»⁹¹⁷.

Через пять часов корабли снялись с якоря и поплыли по направлению к Кеми. Настоятель монастыря и прапорщик Никонович в сопровождении небольшого отряда, взяв две 3-фунтовые пушки, верхом отправились следить за неприятелем. Около четырех часов они передвигались по острову, после чего увидели, что фрегаты возвращаются. Отец Александр и Никонович отправились в монастырь, а фейерверкер Друшлевский, два унтер-офицера, десять рядовых и несколько добровольцев с двумя вышеупомянутыми орудиями заняли позицию на приготовленной накануне береговой батарее. Корабли подошли к монастырю на расстояние пушечного выстрела, при этом «Миранда» остановилась напротив невидимой с моря батареи, а «Бриск» встал на якорь за Кладбищенским мысом. Англичане попытались вступить в переговоры при помощи сигнальных флажков. Однако эту азбуку в обители не знали, поэтому ответа не последовало. Тогда с борта «Миранды» было сделано три выстрела, на которые залпом из двух орудий ответили артиллеристы Друшлевского. В исторической литературе встречается утверждение, что первые выстрелы англичан были холостыми, рассчитанными лишь на то, чтобы привлечь внимание, но соловецкие артиллеристы, неправильно истолковав их как начало обстрела, якобы спровоцировали нападение на

⁹¹⁶ Kingston W.H.G. *Our Sailors. Gallant Deeds of the British Navy during Victoria's Reign*. Project Gutenberg eBook. London, 2007.

⁹¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 3–3 об.

монастырь⁹¹⁸. Однако это противоречит донесению в Святейший Синод архимандрита Александра, где говорится, что «неприятельское судно» сразу «пустило ядро в монастырь, в Святые ворота, но не попало, а в стену, и стало продолжать бомбардировку; ... по третьем выстреле сделан выстрел с нашей батареей»⁹¹⁹. Так или иначе, но поединок начался.

«Миранда» ожесточенно бомбардировала монастырь. Ядра, пущенные в ответ с монастырской стены, до корабля не долетали. Зато береговой батарее после нескольких выстрелов удалось попасть в атакующее судно, сделав в нем пробоину. Поврежденный фрегат, совершив еще около 30 залпов, удалился за Кладбищенский мыс для ремонта. Поскольку прикрытие батареи было повреждено снарядами противника, соловецкие артиллеристы по окончании канонады передвинули орудия на окончность мыса, в более удобное место. (Ночью солдаты, монахи и послушники соорудили там необходимые укрепления). Вскоре туда прибыл архимандрит Александр. Он поцеловал Друшлевского и «поздравил всех, находившихся в батарее, с славною победою и царскою наградою»⁹²⁰.

7 июля в 5 час. утра с пароходофрегата «Бриск» на гребном судне под белым флагом на берег была доставлена депеша, адресованная «Его Высокоблагородию, главному офицеру по военной части Соловецкой». В документе, составленном на английском и ломаном русском языках, говорилось, что Соловецкий монастырь «принял на себя характер военной крепости», откуда солдаты гарнизона государя всероссийского «палили на английский флаг». В качестве удовлетворения монастырю предлагались «следующие кондиции»: 1) безусловная капитуляция всего гарнизона, находившегося на Соловецком острове, «вместе со всеми пушками, оружием, флагами и военными припасами»; 2) в случае какого-нибудь

⁹¹⁸ См.: *Мелетий, архим.* Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 267; *Буров В.* Письма-донесения Соловецкого архимандрита Александра в Синод о военных событиях 1854–1855 гг. на Белом море // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. 2004. Вып. 3. С. 81.

⁹¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 3 об.–4.

⁹²⁰ Там же. Л. 4.

нападения на парламентерский флаг, с которым передана «сия бумага», немедленно последует бомбардирование монастыря; 3) комендант гарнизона должен сам передать свою шпагу на военном пароходе «Бриск» не позднее, чем через три часа после получения документа, в противном случае начнется обстрел обители; 4) весь гарнизон со всем оружием должен сдаться как военнопленные на острове Песий в Соловецкой бухте не позже, чем через шесть часов после получения бумаги. Русский вариант ультиматума был подписан: «Эразмус Омманей, капитан фрегата Е.В.В. (Ея Великобританского Величества. – Л.М.) «Юридисей» (правильно – «Эвридика» – «Eurydice». – Л.М.) и главный командующий эскадрона в Белом море, и проч., и проч., и проч.»⁹²¹. Английский переводчик, плохо знавший русский язык, перепутал термины «эскадра» и «эскадрон», в связи с чем на страницах «Русского инвалида» Омманей вскоре был иронично назван «начальником морской Английской конницы на Белом море»⁹²². Что касается «Эвридики», то неправильно записанная транскрипция названия корабля, не исправленная слабо знакомыми с английским языком публикаторами документа в «Русском инвалиде» (1854 г.), привела к тому, что из российской историографии практически исчез фрегат «Эвридика», зато появился никогда не существовавший «Юридисей», которым некоторые авторы даже пытались заменить «Миранду»⁹²³.

Сразу после получения депеши архимандрит Александр, посоветовавшись с соборными старцами и начальником инвалидной команды, написал ответное послание за коллективной подписью «Соловецкий монастырь». Прежде всего, в письме подчеркивалось, что обитель оборонялась: русские пушки открыли огонь уже после того, как «с парохода началась пальба в монастырь ядрами». Далее давался ответ на каждый пункт ультиматума: 1) «гарнизона солдат Его Императорского

⁹²¹ Там же. Л. 10–11 об. Опубликовано: Русский инвалид. 1854. № 166.

⁹²² Горяйнов А. Соловецкий монастырь и англичане // Русский инвалид. 1854. № 190.

⁹²³ См., например: Мелетий, архим. Указ. соч.

Величества монастырь не имеет, а только солдат для охранения ... монашествующих и богомольцев», и, следовательно, «сдавать ... нечего», флагов, оружия и прочего не имеется; 2) «нападения со стороны монастыря на парламентерский флаг не могло последовать, и не сделано»; 3) «коменданта гарнизона в Соловецком монастыре никогда не бывало, и теперь нет»; 4) «так как в монастыре гарнизона нет, а только охраняющие солдаты, ... то и сдаваться как военнопленным некому»⁹²⁴.

Ответ был послан на шлюпке с проживавшим в обители богомольцем отставным коллежским асессором П. Соколовым, который был встречен английским офицером в так называемой нейтральной зоне (в половине пути до корабля). Офицер объявил Соколову, что ввиду отклонения предъявленных требований вскоре «начнется бомбардирование, и монастырь совсем будет разорен», а также уведомил его о желании командования высадить на остров «находившихся на пароходе русских пленных». Однако посланец ответил, что без согласия архимандрита их не примут на берег. Отец Александр полагал, что под видом пленных англичане собирались высадить свой десант, однако, увидев выглядывавших из-за леса охотников с ружьями, отказались от этой мысли⁹²⁵.

В 7 час. 45 мин. с обеих кораблей началась сильнейшая канонада. В течение девяти с четвертью часов на обитель сыпались 3-пудовые, 96-, 36- и 24-фунтовые каленые ядра, а также картечь, гранаты и бомбы. Десять монастырских пушек активно отстреливались. По свидетельству очевидца, купца Коковина, архимандрит Александр «во все время осады монастыря распоряжался с непоколебимою твердостью духа и своим примером вселял бодрость в братию и служителей монастырских, которые охотно помогали нижним чинам ... под выстрелами неприятельскими, а робких увещевал оставаться в церкви или кельях, с упованием на защиту небесную, чем и

⁹²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 12–12 об.

⁹²⁵ Там же. Л. 4 об.

придал братии общую бодрость»⁹²⁶. В трех церквях монастыря проводилось богослужение «для испрошения у Господа Бога против врагов помощи». Рискаю жизнью, монахи под свист ядер еще раз прошли крестным ходом с чудотворными иконами по монастырской стене. По окончании крестного хода архимандрит вновь направил на стену монаха Геннадия с чудотворным образом Божией Матери, «чтобы находящиеся на ней у пушек и для разных других работ люди могли приложиться к Царице Небесной»⁹²⁷. В течение всего обстрела в обители не прекращалось молебное пение. Вера укрепляла мужество защитников обители. Вот лишь один пример из донесения отца Александра военному губернатору Бойлю от 10 июля: «рядовой Николай Яшников из батареи прошел в монастырь под сильными выстрелами и просил меня дать им туда икону, я удивился, как он пробежал, и мне отвечал: “Я штрафованный, желаю умереть за веру и святую обитель”, я ему дал благословение и отпустил, он также благополучно возвратился обратно в батарею»⁹²⁸.

Сообщая Синоду об обороне монастыря, архимандрит Александр свидетельствовал «об отличном исполнении своей обязанности всею братиею, послушниками, богомольцами и инвалидною командою»⁹²⁹. Из братии он особо отметил наместника, иеромонаха Матфея, бывшего «отличным помощником» настоятеля «по всем частям для предохранения от пожара» и бегавшего «под выстрелами для распоряжения», духовника иеромонаха Варнаву, исповедовавшего всех и увещевавшего не страшиться смерти, и благочинного иеромонаха Николая, «с охотою» исполнившего распоряжение архимандрита об освящении батарей. Из военных чинов в эти дни отличились: прапорщик Никонович, «храбро исполнявший свое дело с распорядительностью и хладнокровием», фейерверкер Друшлевский, нанесший, как отмечалось выше, повреждение

⁹²⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 14 об.–15.

⁹²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 5.

⁹²⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 85.

⁹²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 1.

английскому кораблю, унтер-офицеры Пономарев и Николаев, сражавшиеся на береговой батарее, и 20 солдат, находившиеся там попеременно. «Многие из них, будучи штрафованы, – писал отец Александр, – сим желали очистить себя». Из «охотников» (добровольцев), которые располагались в лесу на побережье и стреляли по неприятельским судам из ружей, настоятель отметил П. Соколова, отставного унтер-офицера Н. Крылова, норвежца А. Гардера, прибывшего в монастырь «из любопытства» примерно за неделю до рассматриваемых событий, а также упоминавшихся выше ссыльных и заключенных: Пыжьянова, Веселаго, Якубовского, Орловского, Андрузского, Мандрыку и Шурупова. Ружейные выстрелы, конечно, не наносили никакого вреда кораблям, однако стрелки верили в то, что им удастся хотя бы частично отвлечь на себя внимание противника, время от времени посылавшего в них картечь, и тем самым оказать помощь монастырю. Все перечисленные лица были представлены настоятелем к наградам и поощрениям⁹³⁰.

Около полудня один из пароходофрегатов противника обогнул остров Песий, приблизился к обители и начал обстреливать береговую батарею с тыла. В сложившейся обстановке унтер-офицеры Пономарев и Николаев приняли решение снять с позиций лишённые защиты подвижные орудия и доставить их в монастырь. Эту задачу на лошадях под мощным огнем противника выполнили два солдата-добровольца. Остальные артиллеристы добрались до обители морским путем, на шлюпке. На этом береговая батарея закончила свое существование, однако огонь крепостных пушек по приблизившемуся кораблю стал более эффективным.

К пяти часам вечера канонада стихла. На следующий день в 7 час. утра корабли снялись с якоря и ушли в море. Несмотря на сильный двухдневный обстрел, убитых и раненых среди защитников обители не было, а монастырским зданиям был нанесен не очень значительный

⁹³⁰ Там же. Л. 1–2.

ущерб⁹³¹. Закономерно, что отец Александр, как и его современники, объяснил это «великим ходатайством и заступлением пред Богом Соловецких чудотворцев о святой обители»⁹³². Показательным в этом смысле, несомненно, является тот факт, что два участника сражения – иноверец А. Гардер и раскольник Шурупов – решили принять православие. Шурупов, отказывавшийся прежде от принесения присяги, изъявил желание поступить на службу в Соловецкую инвалидную команду. Сакральный смысл настоятель видел и в том, что последний выстрел в монастырь был сделан в то время, когда колокол возвестил время молитвы «заступнице усердной нашего Отечества Казанской Божией Матери», а бомба при этом пробила верхнюю часть иконы «Знамение», находившейся над западными дверьми Преображенского собора («Эту рану, – писал отец Александр, – благоволила Царица Небесная принять за нас, как Сын Ея за весь мир»), и в том, что корабли снялись с якоря после того, как иноки в третий раз прошли крестным ходом по монастырской стене⁹³³.

Два донесения архимандрита Александра в Святейший Синод (с изложением происшедших событий и с перечнем отличившихся лиц) были получены в Петербурге 21 июля. На следующий день обер-прокурор Протасов представил их в подлиннике императору Николаю I вместе с ходатайством Синода о награждении Александра наперсным, украшенным драгоценными камнями, крестом на Георгиевской ленте, а иеромонахов – наместника Матфея, духовника Варнаву и благочинного Николая – золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте, а также с просьбой о разрешении войти в сношение с военным министром князем В.А. Долгоруковым и начальником III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – СЕИВК) графом

⁹³¹ Поврежденными оказались купол Никольской церкви, стена Онуфриевой кладбищенской церкви, находившейся за монастырской оградой, а также здание двухэтажной Архангельской гостиницы, занимаемой обычно в летнее время приезжавшими в обитель богомольцами.

⁹³² РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 5 об.

⁹³³ Там же. Л. 6 об.–7.

А.Ф. Орловым по поводу отличившихся военных чинов и арестантов. На представлении Протасова император собственноручно написал: «Совершенно согласен; достойно всякой похвалы»⁹³⁴.

Вскоре Долгоруков передал Протасову поручение Николая I сделать выборку из донесения архимандрита Александра для публикации в «Русском инвалиде», а также организовать его перевод на французский язык для короля Прусского⁹³⁵. При подготовке документа к печати обер-прокурор сделал в нем лишь «весьма немногие исключения», полагая, что «русским читателям будет приятно и вместе назидательно прочесть сие донесение со всеми подробностями, как они вслед за событием описаны в церковном духе настоятелем обители, которому в сем случае привелось быть и главным действующим лицом»⁹³⁶.

Публикация этого документа, а также официальные сообщения о бомбардировке Соловецкого монастыря вызвали живой религиозно-патриотический отклик в российском обществе. М.П. Погодин писал в «Московских ведомостях» по поводу «Соловецкого донесения»: «Его нельзя довольно начитать. ... Здесь все любопытно, все важно, все дорого, везде бьется сердце, везде дышит горячая любовь, смелая надежда, твердая вера, везде блистает во всей красоте своей этот здравый смысл, этот ясный толк, которым отличается Русский человек». Назвав спасение обители от вражеской угрозы настоящим чудом, Погодин в «самой мысли англичан напасть на монастырь» («военного вреда причинить они не могли, выгоды получить себе также») увидел некое предопределение, необходимое для явления на Земле «Божиих дел»⁹³⁷. Публицист А. Горяйнов отмечал на страницах «Русского инвалида»: «Перечитывая донесение Соловецкого архимандрита Святейшему Синоду о нападении англичан на монастырь, нельзя не убедиться, что только у нас вера

⁹³⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 4–5.

⁹³⁵ Там же. Л. 6, 9.

⁹³⁶ Там же. Л. 7.

⁹³⁷ Погодин М. Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения // Московские ведомости. Литературный отдел. 1854. № 97.

христианская хранится во всей ее непорочности. Страдает ли, торжествует ли Православная Церковь, все равно – ни муки, ни процветание несильны ее ни поколебать, ни исказить; она тверда, как краеугольный камень, на котором Спаситель основал свой престол. Гонимая у славян на Востоке, она не слабеет перед нечестием неверных, терпит и надеется; благоденствующая в России, она борется с этим нечестием и поборает его. Так подвизалась на страже Христовой Соловецкая братия в страшную для нее годину 6, 7 и 8-го июля. Защита этой обители имеет характер воинственный и вместе глубоко религиозный, возможный в одной России»⁹³⁸. А.Н. Муравьев в 1855 г. опубликовал брошюру «Подвиги Соловецкой обители», выполненную с православных позиций и основанную на свидетельствах очевидцев. Эта работа, предложенная автором «во услышание и утешение всей земле Русской», пользовалась большим спросом и в дальнейшем неоднократно переиздавалась.

Между тем, поскольку после отражения нападения на монастырь дальнейшие намерения англичан не были ясны, архимандрит Александр решил пополнить запасы боеприпасов и вооружения. Вечером 7 июля, когда английские корабли еще стояли напротив обители, с противоположной стороны острова в Архангельск на баркасе отправился иеромонах с письмом настоятеля к военному губернатору. В письме сообщалось о состоявшемся сражении, о текущих нуждах обители (в частности, о непригодности к стрельбе большей части ружей), и содержалась просьба «оказать в сем бедственном монастырском положении всевозможное пособие присылкою ... в самоскорейшем времени воинской команды, исправных ружей и потребных припасов и снарядов, а в особенности до 20 пудов пороха»⁹³⁹. Бойль выделил посланцу лишь два пуда пороха и 20 ядер. Сообщая об этом военному министру, он отмечал, что «других распоряжений по доставке в монастырь

⁹³⁸ Горяйнов А. Указ. соч.

⁹³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 18–19.

подкреплений сделать нельзя», так как «это сопряжено с опасностью от неприятеля»⁹⁴⁰. Неудовлетворенному иеромонаху удалось купить в Архангельске частным порядком еще около 8 пудов пороха, которые вместе с полученными от военного губернатора боеприпасами 16 июля были благополучно доставлены в монастырь. Что касается просьбы настоятеля о присылке воинской команды и исправных ружей, то 18 июля Бойль командировал из Архангелогородского гарнизонного батальона на Соловки отряд из 20 солдат, двух унтер-офицеров и одного обер-офицера, а также послал с этим отрядом «20 новых ружей, взамен оказавшихся в инвалидной команде ненадежными»⁹⁴¹.

12 июля Бойль направил своего адъютанта лейтенанта Бруннера в инспекторскую поездку по всему берегу – от Архангельска через Онегу и Кемь в Соловецкий монастырь и Колу. Бруннер пробыл в обители десять дней. Осмотрев три крепостных батареи, он сделал в одной из них некоторые улучшения: защитил ее бруствером и устроил печь для каления ядер. Две пушки 3-фунтового калибра были приспособлены им к действиям полевой артиллерии для отражения высадки десанта. В отчете Бойлю Бруннер высоко оценил моральное состояние и боевую подготовку защитников монастыря, но отметил недостаток вооружения и боеприпасов⁹⁴².

В это время активным борцом за укрепление Соловецкого монастыря выступил епископ Архангельский и Холмогорский Варлаам (Успенский). 13 и 14 июля он уже направлял в Святейший Синод рапорты с сообщением о бомбардировании англичанами Соловецкой обители и о вторжении их в Онежский Крестный монастырь, откуда они вывезли колокол весом 6 пудов («будто бы в презент для сигналов в туманные ночи»), две из семи имевшихся там пушек (три были брошены ими в колодец, а две, «с которыми не могли управиться», оставлены на прежнем месте у ворот),

⁹⁴⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 2–3.

⁹⁴¹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5829. Л. 104–104 об.

⁹⁴² *Фруменков Г.Г.* Указ. соч. С. 135–136.

несколько старинных мушкетонов, 10 золотых полуимперIALов, а также кое-что из посуды и личных вещей монахов⁹⁴³.

17 июля епископ вновь направил в Синод отчаянный рапорт, фактически содержащий донос на Архангельского военного губернатора. Напоминая о «бедственном положении» Соловецкого монастыря, епископ отмечал, что присланный оттуда нарочный иеромонах «со слезами и едва не на коленях» просил военного губернатора «отпустить хотя бы одного только пороха, который более всего был нужен для обители», но Бойль *«по каким-то причинам»* не согласился удовлетворить его прошению о крайней нужде монастыря». Варлаам сообщал об идущих в Архангельске разговорах, что «если англичане займут Соловецкую обитель, то найдут там для себя все, не исключая и самого дока для стояния кораблей на зиму, а потому не оставят ее уже более» и монастырь «будет для них на Белом море то же, что остров Мальта», а «бедные поморы лишатся всех выгод от промышленности своей рыбою и помрут ... голодной смертью», а также о своей неудачной поездке к военному губернатору, во время которой епископ «почти с горестными же слезами просил дать всевозможные средства к защите от врага обители Соловецкой, но ... получил в ответ только то, что до наступления осени, когда ... уйдут враги восвояси, ничего для обители он сделать не может, а послал только туда теперь офицера осмотреть, где и какие места более слабы для вторжения врага и требуют ... укрепления». Предполагая, что англичане еще вернутся к монастырю, о богатствах которого они расспрашивали во время пребывания в Онеге, Варлаам просил Синод «поручить г. обер-прокурору гр. Протасову взойти в немедленное сношение с г. министром военным или внутренних дел, дабы предписано было г. военному губернатору г. Архангельска без замедления удовлетворить всем нуждам Соловецкой обители»⁹⁴⁴.

⁹⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 13–15, 18–19.

⁹⁴⁴ Там же. Л. 16–17.

Необходимо сказать несколько слов о личности епископа Варлаама и об отношениях, сложившихся у него с вице-адмиралом Бойлем. Варлаам, занимавший Архангельскую кафедру в течение девяти лет, обладал очень непростым характером. Современники, хорошо знавшие епископа, характеризовали его как своенравного, фанатичного, запальчивого, крайне упрямого человека, готового «идти на нож из-за своих убеждений, хотя бы они были ошибочны»⁹⁴⁵. На прежнем месте служения (до назначения в Архангельск Варлаам был викарием Киевской епархии) он серьезно поссорился с местным генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым и неоднократно вступал в противоречие с митрополитом Филаретом (Амфитеатровым). Уже находясь в Архангельске, Варлаам по поводу ряда поднятых им церковных вопросов получил строгий выговор Святейшего Синода, предписавшего ему впредь поступать «рассудительно» и «благоразумно»⁹⁴⁶. С началом Крымской войны епископ начал вести активную переписку с Архангельским военным губернатором и Синодом. «На такого фанатика и энтузиаста, каков был он, – пишет Н.Ф. Дубровин, – военные события произвели бы сильное впечатление даже и тогда, когда театр их находился бы вдали от него, а тут неприятельские корабли начали крейсировать на Белом море, в пределах епархии Варлаама»⁹⁴⁷.

После объявления Архангельской губернии на военном положении епископ, следуя указу Синода, согласно которому он должен был действовать по указаниям главного начальника края в отношении сохранения церковного имущества и во внушении духовенству и пастве необходимости исполнять распоряжения властей, предложил Бойлю эвакуировать из церквей и монастырей *все* ценности. Однако вице-адмирал, разрешив вывоз драгоценных вещей и манускриптов, во избежание «могущего произойти в народе уныния и беспокойства»

⁹⁴⁵ Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I. Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 113. Кн. 2. СПб., 1902. С. 328.

⁹⁴⁶ Там же. С. 329–331.

⁹⁴⁷ Там же. С. 331.

запретил перевозку из приморских мест всего церковного имущества⁹⁴⁸. Вскоре Варлаам попросил укрепить «гарнизон и орудиями» находившийся при одном из устьев Северной Двины Николаевский монастырь, настоятелем которого он был, а также все монастыри, располагавшиеся на побережье Белого моря. Естественно, Бойль полагал, что «укреплять монастыри, в которых по два человека монахов, было бы совершенно бесполезно». Что касается Николаевского монастыря, то он «защищен самою природою, да и по бедности своей» вряд ли «привлечет неприятеля»⁹⁴⁹. Епископ настоятельно просил Бойля сообщать ему обо всех военных событиях и распоряжениях по губернии. Узнав по каким-либо каналам о передвижении неприятельских кораблей по Белому морю, он неоднократно спешно приезжал к военному губернатору, однако каждый раз получал от него уверение, что ничего страшного не происходит и ситуация находится под контролем⁹⁵⁰. Наконец, Варлаам решил, что Бойль в силу своей национальной принадлежности сочувствует неприятелю и не принимает должных мер для укрепления обороноспособности Беломорского края. Последней каплей стали известия о невыполнении военным губернатором просьбы архимандрита Александра о присылке солдат и боеприпасов в Соловецкий монастырь. Епископ решил обратиться в вышестоящие инстанции.

Рапорты Варлаама были представлены обер-прокурором Синода Протасовым военному министру Долгорукову 24 и 26 июля и вскоре дошли до сведения императора Николая I. Практически сразу по получении первого из них военный министр сообщил Архангельскому военному губернатору «Высочайшую волю» сделать «необходимые, по мнению его, распоряжения к удовлетворению ходатайств монастырского начальства». При этом особое внимание было обращено «на неисправное,

⁹⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 4. Л. 25 об.

⁹⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 9. Л. 21.

⁹⁵⁰ *Артоболевский С.* Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // *Русская старина*. 1905. Кн. VI. С. 671–680.

по отзыву настоятеля, состояние ружей находящейся при монастыре инвалидной команды». Через несколько дней Бойлю было вторично предписано оказать «всевозможное с его стороны содействие к снабжению монастыря требующимися для оного военными припасами»⁹⁵¹.

Будучи уверенным в своей правоте, Бойль в первый раз ответил военному министру, что «в настоящее время, когда неприятельские суда крейсируют по всем направлениям, отправлять морем порох или другие военные снаряды в большом количестве невозможно», и поэтому он решил доставлять «таковые в приморские пункты частями, по мере надобности, на мелких судах, с тем, чтобы в случае встречи с неприятелем бросать весь груз в воду». Узнав «о бывшем расходе в Соловецком монастыре пороха и боевых снарядов» («после отражения неприятеля») он уже «отправил то и другое в дополнение к имеющимся там запасам»⁹⁵². Получив во второй раз на протяжении одной недели отношение «об усилении мер к защите Соловецкого монастыря», Бойль потерял терпение. Еще раз повторив свои аргументы и заверив, что «новое подкрепление», сопряженное в данный момент с риском, будет оказано обители «при первой возможности», вице-адмирал передал также в военное министерство «некоторые замечания, касающиеся преосвященного Варлаама, ... который своим ходатайством возбудил переписку по означенному предмету»⁹⁵³. Раздраженный Бойль решил не щадить Варлаама. В письме В.А. Долгорукову от 11 августа 1854 г. он выдвинул против епископа ответные обвинения.

«Преосвященный Варлаам, как мне известно из моих с ним разговоров, – писал вице-адмирал, – расстраивает себя тем, что, предаваясь напрасной и непомерной боязни неприятельского нападения, верит происходящим от этого страха тревожным снам и вступает в откровенную беседу о настоящих политических делах с людьми, до такой же степени боязливыми и так же мало понимающими военное и морское дело, как сам

⁹⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 28–28 об.

⁹⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 9. Л. 17–17 об.

⁹⁵³ Там же. Л. 20–21 об.

преосвященный. В этих беседах епископ ... высказывает свои, ни на чем не основанные, опасения и даже в произносимых в церквях проповедях, увлекаясь своими ошибочными убеждениями, бывает так неосторожен, что словами своими не ободряет слушателей, как бы следовало пастырю, но, напротив, приводит в уныние и внушает недоверие к начальству. ... Я ... стараюсь урезонить и успокоить преосвященного, ... объясняю ему, какие меры приняты к защите края от неприятеля и как эти меры надежны. Но все это для него недостаточно. ... Все Высочайше одобренные меры к обороне здешнего края, а также и Соловецкого монастыря, своевременно приняты. Между тем преосвященному и монашествующим из статистических описаний известно, что в 1801 г. в Соловецком монастыре находилось 1 500 солдат с полевой артиллерией под начальством генерала Дохтурова, да и в Архангельске войска было гораздо более, нежели ныне, а потому в настоящее время, что бы ни было сделано для монастыря, для монашествующих будет казаться это, по сравнению с 1801 г., недостаточным»⁹⁵⁴.

Содержание письма Бойля было доложено военным министром императору, который приказал обер-прокурору Синода «принять меры к устранению вредного влияния на умы паствы Архангельской епархии, которого можно ожидать от тревожного состояния духа преосвященного Варлаама по поводу военных обстоятельств края»⁹⁵⁵. Вскоре Протасов представил Николаю I на утверждение предложение Святейшего Синода о немедленной командировке в Архангельск члена Синода архиепископа Олонецкого Аркадия (Федорова), который должен был, вникнув в суть дела, сделать необходимое «вразумление и наставление» епископу Варлааму, «если таковую меру признает по местным обстоятельствам достаточною». В противном случае Аркадию следовало на основании особого секретного указа самому вступить в управление Архангельской

⁹⁵⁴ Там же.

⁹⁵⁵ Там же. Л. 19, 27.

епархией, вручив Варлааму предписание Синода сдать епархию и немедленно прибыть в Петербург. Во избежание преждевременных «излишних толков» Синод предлагал командировать архиепископа Аркадия в Архангельск под видом обозрения его собственной Олонецкой епархии. К официальной части доклада Протасов добавлял также интересные наблюдения: «Уже с самого начала вступления вице-адмирала Бойля в управление вверенной ему губернией постоянно замечаемы были между ним и преосвященным Варлаамом пререкания в делах, увеличившиеся от поступавших неоднократно жалоб преосвященного на недостаток содействия местных гражданских властей благосостоянию епархии. Пререкания сии не могли, конечно, не иметь влияния и на настоящий отзыв вице-адмирала Бойля, что касается преосвященного Варлаама, то доселе можно было упрекать его не в слабости духа, а, напротив, в излишней энергии, превращавшейся иногда в строптивость»⁹⁵⁶. 27 августа Николай I утвердил предложение Синода, а 10 сентября архиепископ Аркадий прибыл в Архангельск.

В течение недели Аркадий ежедневно беседовал с Варлаамом, несколько раз встречался с Бойлем и другими чиновниками. 17 сентября архиепископ сообщил Синоду о своих наблюдениях и принятом решении. По его мнению, «причинами недоразумений между преосвященным Варлаамом и военным губернатором послужили следующие три обстоятельства»: 1) «Бойль не все свои ... сведения и распоряжения открывал преосвященному», как бы последнему того хотелось; 2) епископ «по некоторым своим требованиям в защиту» отдельных «мест епархиального управления от нападения неприятелей не получал от военного губернатора желаемого удовлетворения»; 3) «Бойль по происхождению англичанин и по вере принадлежит к англиканской церкви»⁹⁵⁷. В беседах с Аркадием Варлаам признался, что действительно

⁹⁵⁶ Там же. Л. 27–28 об.

⁹⁵⁷ Цит. по: Материалы для истории Православной Церкви... С. 335.

верит снам, которым «издавна ведет запись», и что «о некоторых из них говорил с другими». Не отрицал он и того факта, что в поспешно сочиненные им проповеди «могли вкрадываться мысли и выражения, дававшие людям предубежденным повод недоразумевать о некоторых лицах и должностных распоряжениях их». Архиепископ Аркадий подчеркивал, что своими наставлениями он всячески старался «поставить Варлаама в надлежащее отношение к Архангельскому военному губернатору», а также взял с него слово не говорить более ни с кем о своих снах, осмотрительнее сочинять проповеди и вообще быть осторожнее в разговорах, однако, чувствуя укоренившееся в епископе недоверие к Бойлю, решил, что «нельзя с основательностью предполагать, чтобы принятые меры могли вполне достигнуть цели». Поэтому, следуя вышеупомянутому секретному указу, 17 сентября Аркадий предъявил Варлааму предписание Синода о сдаче ему Архангельской епархии и немедленном отъезде в Петербург⁹⁵⁸. Через месяц, согласно соответствующему указу Синода от 2 октября 1854 г., Аркадий сообщил в столицу подробности и дополнительные детали продолжавшегося следствия. В частности, архиепископ указал, что Варлаам «был неумерен в своих требованиях к Бойлю», в результате чего военный губернатор отвечал не на все из них; «намеренно увеличивал опасность»; «явно обнаруживал недоверие к главному начальнику края»; наконец, «показывал свою ревность только относительно сохранения церковного имущества», но «не внушал духовенству и пастве повиновения местному гражданскому начальству, как требовалось синодальным указом»⁹⁵⁹.

Между тем вице-адмирал Бойль, немного поостыв, решил заступиться за епископа Варлаама. 22 сентября 1854 г. он направил Протасову письмо, в котором подчеркнул, что «преосвященный Варлаам в продолжение 9-летнего пребывания своего в Архангельске отличался примерно строгою,

⁹⁵⁸ Там же. С. 335–336; РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 9. Л. 40.

⁹⁵⁹ Материалы для истории Православной Церкви... С. 338.

безукоризненной жизнью и управлял вверенною ему епархией с похвалою; только в последнее время, при открытии на Белом море неприятельских действий, он увлекся внушениями людей несведущих и малодушных о преувеличенных опасностях и в сем напрасном страхе имел неосторожность высказать в проповеди свое недоверие к достаточности обороны здешнего края». По мнению Архангельского военного губернатора, «примерная нравственность и достоинства преосвященного Варлаама могли бы быть полезны в сане архипастыря где-либо во внутренних, удаленных от театра войны епархиях»⁹⁶⁰. 4 декабря 1854 г. епископ Варлаам был назначен на Пензенскую архиерейскую кафедру.

Выполняя обещание о «новом подкреплении» Соловецкого монастыря, в начале октября 1854 г. Бойль направил туда 4 пушки 18-фунтового калибра, снаряды, а также отряд из 80 солдат и 4 унтер-офицеров под командованием штабс-капитана Степанова, который как старший по званию сменил прапорщика Никоновича, приняв в свое ведение Соловецкую инвалидную команду⁹⁶¹. Тем не менее архимандрит Александр считал, что и этих мер не вполне достаточно для отражения возможного нового нападения на монастырь. 17 декабря Александр с разрешения Святейшего Синода прибыл в Петербург «для объяснения нужд обители при настоящих военных обстоятельствах». Уже на следующий день он представил Протасову прошение с точным указанием вооружения и состава воинской команды, которые имел в то время монастырь, а также списком того, чего, по мнению настоятеля, обители недоставало. В последний перечень входили: пять 3-фунтовых пушек («которые с удобностью могут быть переносимы руками с места на место»); заряды и снаряды для всех монастырских орудий (в том числе и для тех 20, которые были отысканы в обители после событий 6–7 июля); 300 ружей и патроны; 250 пудов пороха; а также один артиллерийский

⁹⁶⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 9. Л. 37–37 об.

⁹⁶¹ Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 138.

офицер, 50 нижних чинов и медик⁹⁶². 30 декабря содержание просьбы настоятеля Соловецкого монастыря было представлено Протасовым императору, который распорядился войти в соответствующее «сношение с военным начальством». Вскоре архимандрит был очень благосклонно принят Николаем I. Отмечу, что правительство в значительной степени удовлетворило прошение отца Александра⁹⁶³. Теперь монастырь был готов отразить любое нападение неприятеля, однако, вопреки ожиданиям, осада не повторилась. В июне 1855 г. англичане вновь подошли к Соловкам, но на этот раз ограничились лишь переговорами с настоятелем о закупке провианта. Архимандрит ответил отказом. После войны на месте этих переговоров был установлен памятный камень.

За мужество, проявленное при обороне Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г., помимо указанных выше духовных лиц, были награждены все чины инвалидной команды и добровольцы, отмеченные в донесениях архимандрита Александра. Прапорщик Н. Никонович был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени с бантом, фейерверкер В. Друшлевский – знаком отличия Военного ордена и следующим классом, унтер-офицеры П. Николаев, Х. Пономарев и Н. Крылов – знаком отличия Военного ордена. Более 20 солдат были удостоены наград и поощрений: 13 из них получили денежные премии в размере 15 рублей, шестерым простили штрафы, двоим объявили благодарность начальства⁹⁶⁴. Отставной коллежский асессор П. Соколов и норвежец А. Гардер (принявший в 1855 г. российское подданство и православие) были награждены денежными премиями в размере соответственно 250 рублей и 75 рублей⁹⁶⁵

⁹⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 95–97.

⁹⁶³ Весной 1855 г. монастырь получил две 3-фунтовые пушки, 250 пудов пороха, 4 400 ядер, 300 новых ружей и 150 тыс. патронов. Кроме того, на Соловки прибыли фейерверкер М. Рыков и младший ординатор Архангельского военного госпиталя Смирнов. (*Фруменков Г.Г.* Указ. соч. С. 146–147.)

⁹⁶⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 87–90 об.

⁹⁶⁵ Там же. Л. 152, 157.

Отличившиеся в сражении на Соловках ссыльные и заключенные были удостоены «мер снисхождения к смягчению их участи». Н. Веселаго был перемещен в Валаамский монастырь, А. Мандрыка помещен на жительство с послушниками, Е. Андрузский освобожден из монастыря «с определением на службу в Архангельск под строжайшим надзором местного начальства», Якубовский был также освобожден «с назначением на жительство под надзор полиции в Архангельск». А. Орловского было решено переместить в один из московских монастырей по усмотрению местного митрополита, И. Шурупова и Я. Пыжьянова – определить на военную службу: первого – рядовым в Соловецкую инвалидную команду, второго – унтер-офицером в один из Архангелогородских гарнизонных батальонов (с предоставлением начальству права оставить его в Соловецкой инвалидной команде). При этом большинство из них архимандрит Александр просил освободить из монастыря, однако Святейший Синод и Третье отделение СЕИВК по тем или иным причинам внесли в его представление свои коррективы⁹⁶⁶.

В честь удачного отражения неприятельского нападения в Соловецком монастыре было установлено несколько памятников и памятных знаков. На стене Преображенского собора под пробитой иконой Знамения Божией Матери поместили мемориальную доску с соответствующей надписью. В верхнем этаже Святительской церкви устроили придел в честь Знамения, в который из Анзерского скита перенесли одноименную икону. 8 июля в память избавления обители от неприятеля был учрежден ежегодный крестный ход. Собранные на острове английские бомбы и ядра, а также их осколки сложили в две пирамиды, которые сначала поместили в деревянное здание, построенное по проекту архангельского архитектора Шахларева. В 1860 г. император Александр II подарил Соловецкой обители колокол «Благовестник» с изображением на нем сцен сражения 1854 г. и соответствующей надписью. Для этого

⁹⁶⁶ Там же. Л. 43, 49–54.

колокола построили специальную, «Царскую», колокольню, которая была торжественно освящена в 1863 г. При этом на помост рядом с ней переместили две вышеупомянутые пирамиды, а также две пушки, бывшие в 1854 г. на береговой батарее⁹⁶⁷. В сооружении всех этих памятников никакой корысти, на которой так настаивали советские историки, со стороны монахов, разумеется, не было, как не было и желания «умалить реальный человеческий героизм»⁹⁶⁸. Они были выполнены в духе существовавшей в России традиции возводить в честь победы церковные памятники (храмы и часовни), выражая таким образом благодарность Богу за оказанную помощь.

Таким образом, в обороне Соловецкого монастыря приняли участие не только военные, но также монахи, послушники и богомольцы. Все они жили на Соловецких островах одной большой семьей, и единым фронтом выступили за православную веру и святую обитель. Не было единства лишь между представителями военной и церковной властей. Недоразумение, возникшее между вице-адмиралом Р.П. Бойлем и епископом Варлаамом, наложило на них обоих в истории определенную тень. Тем не менее это не повлияло на результат, и Соловецкая оборона стала одним из самых удачных эпизодов в целом не слишком успешной для России Крымской войны.

3.7. Русская Церковь и государственное подвижное ополчение

В годы Крымской войны Русская Православная Церковь оказала государству посильную помощь в деле организации народного ополчения. Существовавшая в России рекрутская система не позволяла существенно пополнить армию в ходе самой войны, поэтому в период наиболее тяжелых военных столкновений правительство прибегало к созыву ополчения. Как показано выше, предыдущие примеры были в 1806 г. и в

⁹⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217. Л. 56, 61–62, 79–79 об.

⁹⁶⁸ *Фруменков Г.Г.* Указ. соч.; *Давыдов А.Н.* Два колокола времен Крымской войны (К истории легенды о «чудесном» спасении Соловецкого монастыря) // *Русский Север и Россия в годы Крымской войны.* Вологда, 1979. С. 79.

1812 г. Церковь в таких случаях традиционно объясняла народу необходимость нового созыва и призывала к спокойствию и повиновению властям. Однако в 1855 г., исполняя эту задачу, в ряде губерний духовенство столкнулось с рядом непредвиденных трудностей.

29 января 1855 г. император Николай I подписал манифест «О призывании к государственному ополчению»⁹⁶⁹ и утвердил «Положение о государственном ополчении», где излагались подробные правила его организации⁹⁷⁰. Эта мера была вызвана тяжелым положением русской армии на театре военных действий, а также угрожающей позицией Австрии, заключившей 2 декабря 1854 г. (н. ст.) союзный договор с Великобританией и Францией. По его условиям Австрия не могла вступать в соглашения с Россией без консультаций с западными державами. Последние, в свою очередь, обещали ей помощь в случае ее войны с Россией.

Уже через два дня, 1 февраля 1855 г., исполняющий обязанности обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевский представил на рассмотрение и утверждение императора три документа, содержавшие предложения Синода по данному вопросу. Первый представлял собой традиционное при выходе Высочайшего манифеста постановление Синода о его обнародовании в соборах, церквях и монастырях страны: в Санкт-Петербурге – «в наступающий праздник Сретения Господня 2 февраля», а в прочих местах – в первый по получении манифеста воскресный или праздничный день, после литургии. Затем следовало исполнить молебное пение с коленопреклонением, «совершаемое во время брани против супостатов, находящихся на ны». Кроме того, предписывалось «положенную на литургиях после сугубой ектении молитву о победе на супостаты читать с коленопреклонением ежедневно, а во все воскресные и праздничные дни после литургии отправлять и упомянутое молебное пение с

⁹⁶⁹ ПСЗ-II. Т. 30. № 28991.

⁹⁷⁰ Там же. № 28994.

коленипреклонением же». А.И. Карасевский добавлял при этом, что «молебное пение есть то самое, которое совершалось в 1812 году»⁹⁷¹.

Второй документ назывался «Проект распоряжений по Духовному ведомству относительно государственного ополчения». Он состоял из двух частей. Первая часть содержала в себе «общие распоряжения», вторая – «особые». Общие распоряжения подлежали исполнению на территории всей Российской империи. Епархиальным пресвященным предписывалось, немедленно по получении соответствующего указа из Синода, через благочинных, а по возможности и лично, сделать подробные наставления приходским священникам и настоятелям монастырей, чтобы они при оглашении Высочайшего манифеста от 29 января 1855 г. и в проповедях, прежде всего, объясняли пастве, «особенно людям податных состояний», справедливый, священный характер войны, а также необходимость нового созыва. Суть объяснений состояла в следующем: «Настоящая война, с самого начала своего, есть для нас, русских, война за святую веру, за Церковь Христову, Самим Спасителем насажденную на Востоке, за православных восточных христиан, страждущих под Турецким игом»; Великобритания и Франция в союзе с Османской империей «решились за оказываемое Россией покровительство нашим единоверцам восстать на оную, дабы чрез то лишить восточных христиан единственной их опоры и унижить Православие»; «Промысел Божий в истекшем году видимо показал Свою всемогущую помощь правому делу Отечества нашего отражением врагов и гибелью их; но ... они, раздраженные неудачами, вновь собирают полчища свои, готовясь к новой борьбе, ... и потому безопасность Отечества нашего требует усиления средств защиты людьми, готовыми ополчиться по первому призыву царскому». Требовалось подчеркнуть также, что император, «всецело возложив упование на Бога, твердо надеется и на православный русский, искони приверженный к святой вере, искони преданный престолу народ, всегда готовый отстоять

⁹⁷¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 30–31.

Родину ... и не дать врагу глумиться над верою отцов наших, разорять храмы Божии и святые обители». Духовенству предписывалось непременно объяснить народу, что «служба государственного ополчения есть временная, после которой всякий возвратится в свое состояние, в свой дом, к прежним своим занятиям», а также то, что «служба сия есть священная», поэтому погибшие на войне «омоют грехи свои пред Богом», а вернувшиеся с поля брани сохраняют «на всю жизнь в сердце своем сладостное чувство исполнения священного долга пред Богом, царем и Отечеством»⁹⁷².

Специальными *секретными* наставлениями архиереи должны предписать священникам, чтобы они обращали пристальное внимание на настроения в среде крепостных крестьян, то есть следили за тем, не возникает ли о призыве ополчения «каких-либо превратных толков». В случае появления где-либо подобных толков, а тем более – «беспокойств», преосвященные обязаны «немедленно командировать туда самых благонадежных духовных лиц», обладающих опытом и даром убеждения, «для внушения таковым людям, сколь сие преступно пред Богом и Его Помазанником, и недостойно православного русского народа».

Благочинным вменялось в обязанность как можно чаще посещать вверенные им церкви, наблюдая за исполнением священниками возложенного на них долга. Преосвященные должны регулярно собирать сведения о положении дел в епархиях; и в случае необходимости, по согласованию с губернаторами, «снабженными особым на сей случай наставлением», принимать соответствующие обстоятельствам меры⁹⁷³.

Особые распоряжения распространялись только на те губернии (сначала – 18, затем – 31), где был назначен сбор ополчения. В этих местах священникам вменялось в обязанность «иметь особенное духовное попечение» о людях, на которых «падет жребий поступить в ополчение», а

⁹⁷² Там же. Л. 32–34 об.

⁹⁷³ Там же. Л. 34 об.–36.

также об их ближайших родственниках, также нуждающихся в духовной поддержке. Поступающих в ополчение священники должны не только укреплять в православной вере, но также внушать им необходимость безукоризненного поведения и «искреннего повиновения начальству». Обязанности духовного попечения должны быть исполняемы не только теми священниками, к приходам которых принадлежат ополченцы, но и теми, через чьи приходы они будут проходить. Духовенство должно напутствовать их советами, благословениями от имени Православной Церкви и молитвословиями с окроплением святой водой. При назначении сборных пунктов для дружин ополчения преосвященные обязаны назначить туда достойных священнослужителей для совершения богослужений, исполнения треб и подкрепления «усердия ратников духовным назиданием». Узнав у начальников губерний предстоящий маршрут дружин, архиереи должны сделать предписание приходскому духовенству и настоятелям монастырей насчет такого же духовного попечения об ополченцах во время их следования к месту назначения. Все священнодействия должны быть совершаемы духовенством безвозмездно, «единственно по чувству пастырского долга и по вниманию к высокому призванию ратников быть защитниками Церкви и Отечества»⁹⁷⁴.

Третьим документом, представленным А.И. Карасевским императору Николаю I, была историческая справка о распоряжениях, сделанных Святейшим Синодом по поводу сбора ополчения в 1806 г. и в 1812 г. Поскольку в оба предыдущих раза были составлены и обнародованы воззвания Святейшего Синода к народу, копии которых прилагались к справке, то обер-прокурор просил разрешения императора на принятие такой же меры и в данном случае⁹⁷⁵.

⁹⁷⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 36–37 об.

⁹⁷⁵ Там же. Л. 38–40 об.

Все три документа были одобрены и утверждены императором. На первых двух Николай I собственноручно написал: «Очень хорошо»⁹⁷⁶, на третьем – «Считаю весьма приличным составить подобное же [воззвание] и ныне»⁹⁷⁷.

Через несколько дней необходимое количество экземпляров Высочайшего манифеста о призвании к государственному ополчению и утвержденного императором проекта распоряжений по Духовному ведомству (в виде инструкции) при соответствующих циркулярных указах Синода (от 5 февраля 1855 г.) были разосланы архиереям всех епархий для надлежащего исполнения. Проект воззвания Синод поручил составить Санкт-Петербургскому митрополиту Никанору (Клементьевскому). 24 февраля этот документ, предварительно рассмотренный Синодом, был представлен Карасевским на утверждение уже новому императору Александру II⁹⁷⁸.

Воззвание было адресовано Синодом ко всем чадам Православной Российской Церкви. Развивая идеи, выраженные в ходе войны в «Словах» и проповедях православных иерархов, а также в вышеупомянутых «Распоряжениях по Духовному ведомству», Синод подчеркивал религиозное значение войны, которую Россия вела за святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. «Вам известно, – говорилось в воззвании, – сколь несправедливо воздвигнута сия брань на Отечество наше за то, что блаженной и вечной славы достойной памяти Великий Государь Император Николай Павлович, *по священному долгу Защитника Православия*, требовал от Порты Оттоманской восстановления нарушенных ею прав Святой Православной Восточной Церкви и избавления единоверных нам Христиан от тяжких страданий; известно также, к общему изумлению, что враги Креста Христова нашли себе опору в двух западных державах,

⁹⁷⁶ Там же. Л. 30, 32.

⁹⁷⁷ Там же. Л. 38.

⁹⁷⁸ Там же. Л. 49–49 об.

именующихся христианскими, которые, ничем не оскорбленные Россией, с ожесточением внесли огонь и меч в ее пределы»⁹⁷⁹. Церковь отмечала справедливый, оборонительный характер продолжавшегося противостояния: «Россия не искала сей брани: она вызвана на брань. Да совершится воля Господня и – на начинающего Бог!». Обращалось внимание на кощунственное, нехристианское поведение англо-французских войск: бомбардировка Одессы в день Великой Субботы – в «священнейшие часы молитв у Гроба Господня» (10 апреля 1854 г.), обстрел «мирной Соловецкой обители» (6–7 июля 1854 г.), разрушение православных храмов «в прибрежных беззащитных местах». Недавние успехи русских войск объяснялись помощью Бога – «великого и крепкого Поборника правды»⁹⁸⁰.

Необходимость созыва государственного ополчения обосновывалась усилением войск противника и поиском им новых союзников. Приводя исторические примеры создания в России ополчения, Церковь призывала все сословия русского общества к новым героическим свершениям: «Ваши предки с приснопамятным князем Дмитрием Донским кровью искупили независимость земли Русской от ига неверных, с Пожарским и Мининым отстояли от врагов Веру правую и законный Престол Царский; ваши отцы с Александром Благословенным защитили Отечество от несметных полчищ иноплеменников. И вам предстоит ныне такой же святой подвиг; и вы окажете себя достойными его». Поступающим в ополчение Синод рекомендовал уповать на Бога и оказывать беспрекословное повиновение властям. Духовенству предписывалось укреплять свою паству «силою веры и упования на милость Господню». Воззвание заканчивалось теплым молением к Богу даровать помощь в столь священном деле⁹⁸¹.

⁹⁷⁹ Воззвание от Святейшего Правительствующего Синода к чадам Православной Российской Церкви по случаю государственного ополчения // Христианское чтение. 1855. Ч. 1. С. 246.

⁹⁸⁰ Там же. С. 246–247.

⁹⁸¹ Там же. С. 248–251.

Воззвание Синода было одобрено императором и через несколько дней при соответствующих указах разослано «ко всем подведомственным местам и лицам» для обнародования во всех церквях империи в первый после получения документа воскресный или праздничный день «по окончании литургии перед молебным пением». Кроме того, преосвященным было предписано сделать распоряжение, чтобы приходские священники и настоятели монастырей, помимо данных им прежде Синодом наставлений о том, «как изъяснять пастве причины войны и ополчения в защиту Церкви, Престола и Отечества», «черпали бы и из настоящего воззвания мысли к постоянному при всех удобных случаях внушению прихожанам их священного долга»⁹⁸².

Сравнивая меры, принятые Русской Церковью в связи с созывом ополчения во время Отечественной войны 1812 года и в годы Крымской войны, нельзя не обратить внимания на то, что в последнем случае, в отличие от предыдущего, Синод не призвал духовенство к денежным пожертвованиям на организацию ополчения и с самого начала призыва не выработал правила, согласно которым отдельные категории духовного сословия смогли бы по желанию вступать в число ратников. Во время Отечественной войны основанием для данных мер послужил упомянутый выше императорский указ из Святейшего Синода от 25 июля 1812 г. Кстати, этот указ, по недосмотру или по каким-то иным причинам, не был указан в исторической справке о распоряжениях, сделанных Синодом по поводу сбора ополчения в 1806 г. и в 1812 г., представленной А.И. Карасевским императору Николаю I. В результате во время Крымской войны *пожертвования на создание ополчения* Церковь целенаправленно не собирала. Тем не менее, наряду с другими сословиями, духовенство внесло значительный денежный вклад в общее дело борьбы с врагом. Начиная с 1854 г. и вплоть до конца войны многие священно- и

⁹⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 324. Л. 17.

церковнослужители по собственной инициативе приносили пожертвования на военные нужды.

Согласно отчету обер-прокурора Синода императору за 1854 г., общая сумма всех приношений от духовенства к концу истекшего года составила 308 303 рубля серебром⁹⁸³. Наиболее крупные вклады внесли епархиальные архиереи и монастыри. Так, например, по инициативе митрополита Московского Филарета (Дроздова) три подведомственных ему монастыря – Троице-Сергиева лавра, кафедральный Чудов монастырь и приписной к нему Николо-Перервинский пожертвовали «для употребления на настоящие потребности православных воинов и войны» 50 тыс. рублей⁹⁸⁴. Митрополит Санкт-Петербургский Никанор (Клементьевский) от духовенства вверенных его управлению столичных церквей представил «на военные потребности» 100 тыс. рублей⁹⁸⁵. Киево-Печерская лавра по инициативе ее настоятеля Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова) пожертвовала на тот же предмет 25 тыс. рублей⁹⁸⁶, Почаевская лавра – 15 тыс. рублей⁹⁸⁷, братья Воронежского Митрофаниева монастыря с настоятелем Иосифом (Богословским), епископом Воронежским, – 3 550 рублей⁹⁸⁸, Киево-Златоверхо-Михайловский монастырь, состоявший под управлением викария Киевской епархии, епископа Чигиринского Аполлинария (Вигилянского), – 3 тыс. рублей⁹⁸⁹. Архиепископ Рижский Платон (Городецкий), управлявший и Псковской епархией, пожертвовал от себя лично 1 тыс. рублей, «со взносом таковой же суммы ежегодно, пока продлится война», и представил от монастырей и церквей вверенных его управлению епархий – 10 027 рублей 50 копеек (5 872 рубля 80 копеек – по Псковской епархии,

⁹⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 590. Л. 24 об.

⁹⁸⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 9–10.

⁹⁸⁵ Там же. Л. 92.

⁹⁸⁶ Там же. Л. 166.

⁹⁸⁷ Там же. Л. 185.

⁹⁸⁸ Там же. Л. 201.

⁹⁸⁹ Там же. Л. 218.

4 154 рубля 70 копеек – по Рижской)⁹⁹⁰. Архиепископ Варшавский Арсений (Москвин), управлявший и Волынской епархией, пожертвовал «на все время продолжения войны» получаемое им по Волынской епархии архиерейское жалованье⁹⁹¹. Архиепископ Минский Михаил (Голубович) по тому же принципу внес десятую часть своего жалованья – 400 рублей в год, изъявив готовность «в случае надобности принести в жертву Отечеству и все средства, Высочайше дарованные на содержание его в звании Минского архиерея»⁹⁹². Митрополит Литовский Иосиф (Симашко) пожертвовал на время войны половину получаемого им архиерейского жалованья, то есть 2 тыс. рублей в год. Сообщая о своем решении, преосвященный Иосиф в письме на имя императора Николая I счел нужным добавить: «Возрожденная недавно православная Литовская епархия еще скудна средствами, но я уверен, что подчиненное мне духовенство, сколь оно не стеснено здешним положением и здешними обстоятельствами, когда придет время, готово будет и от своего необходимого принести жертву Отечеству и Святой Православной Церкви»⁹⁹³.

За все вышеупомянутые приношения архиереи получили Высочайшую благодарность. Все названные суммы, кроме 50 тыс. рублей, пожертвованных монастырями Московской епархии, были переданы в Военное министерство для обращения в военный капитал. Вклад, переданный митрополитом Филаретом, оказавшийся первым крупным приношением периода войны (поступил в начале января 1854 г.), был помещен до востребования в Сохранную казну Московского опекунского совета. Решением императора Николая I он был назначен «на восстановление и устройство Божиих храмов в христианских православных областях Турции, тогда, когда благословит нас Господь

⁹⁹⁰ Там же. Л. 280.

⁹⁹¹ Там же. Л. 185.

⁹⁹² Там же. Л. 280.

⁹⁹³ Там же. Л. 207–208.

избавить их от мусульманского ига, или, по крайней мере, восстановить их поруганные права»⁹⁹⁴.

В 1855–1856 гг. пожертвования на военные нужды продолжались. К сожалению, точную сумму денег, собранную духовенством за этот период, установить не удалось. В отчетах обер-прокурора Синода императору за данные годы конкретные цифры не приводятся. Сказано лишь, что в 1856 г. «Высочайшей благодарности за пожертвование денег на военные потребности» было удостоено «духовенство 43 разных епархий»⁹⁹⁵. Подсчитать общую сумму приношений по документам, свидетельствующим об отдельных вкладах представителей духовного сословия, также не получилось. Документы эти были переданы в Хозяйственное управление Святейшего Синода, и большая их часть до наших дней не сохранилась. Известно, что в марте 1855 г. православное духовенство монастырей Московской епархии и церковей г. Москвы вновь пожертвовало «на военные надобности» 110 600 рублей серебром. Александр II направил Московскому митрополиту Филарету благодарственный рескрипт с изъявлением своего «совершенного благоволения» и «искренней признательности». «Духовенство, – отметил император, – издревле подавало собою в России пример преданности царям и любви к Отечеству, тем ... приятнее видеть новое тому доказательство в первопрестольном граде Москве»⁹⁹⁶. Рескрипт Александра II Филарет прочел духовенству и прихожанам в кафедральной церкви Чудова монастыря и передал Московской духовной консистории «для вечного хранения» в специально устроенном для этого ковчеге. В апреле того же года митрополит Санкт-Петербургский Никанор также представил «на потребности воинства, подвизающегося за православие, престол и Отечество» новое пожертвование – 47 250 рублей (22 250 рублей – от себя лично, от братии Александро-Невской лавры и других столичных

⁹⁹⁴ Там же. Л. 9–9 об., 102.

⁹⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 20 об.–21.

⁹⁹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 119. Л. 1–7.

монастырей, и 25 тыс. рублей – от Новгородского архиерейского дома, состоявшего в его непосредственном подчинении)⁹⁹⁷. Так же, как и митрополиту Филарету, император Александр II направил преосвященному Никанору рескрипт с изъявлением Высочайшей благодарности.

Помимо денежных средств, духовенство помогало русской армии и другими приношениями. Женские обители приготовили для раненых значительное количество бинтов и корпии.

Возвращаясь к ополчению, отмечу, что, несмотря на отсутствие официального разрешения для отдельных категорий духовного сословия на вступление в число ратников, такие случаи встречались. Опять же и до, и после выхода Высочайшего манифеста о созыве ополчения многие воспитанники духовных училищ и семинарий добровольно поступили *на военную службу*. В 1854 г. это сделали 192 воспитанника⁹⁹⁸, в 1855 г. – 242⁹⁹⁹, в 1856 г. – 60 человек¹⁰⁰⁰. Желаящие поступить непосредственно *в ополчение* также появились вскоре после объявления о его созыве. В начале марта 1855 г. инспектор и учитель Уфимского духовного уездного училища губернский секретарь Василевский обратился к А.И. Карасевскому с письмом, в котором заявил, что он и некоторые из учащихся Оренбургской духовной семинарии «по чувству верноподданнического долга считали бы за счастье стать в ряды дружин православных сынов России». Но поскольку в утвержденном императором «Положении о государственном ополчении» «ничего не сказано о лицах Ведомства православного исповедания» и «не определены условия относительно настоящих, занимаемых чиновниками должностей», то Василевский спрашивал, «можно ли им питать надежду быть принятыми в общий состав государственного ополчения» и «можно ли будет по

⁹⁹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 96–98.

⁹⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 590. Л. 68.

⁹⁹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 592. Л. 65.

¹⁰⁰⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 68 об.

возвращении на родину поступить на прежнюю должность», которая во все время его пребывания в ополчении будет исправляема другим лицом, с получением вознаграждения за труды из его жалованья. Кроме того, он добавлял, что «воспитанники семинарии желали бы поступить в ополчение с тем условием, чтобы по возвращении из одного дано было им право поступить в те классы, в которые будет следовать по расчету времени, проведенного ими в ополчении». Прося оказать содействие к поступлению в ополчение, Василевский спрашивал и о возможности выполнения вышеизложенных условий¹⁰⁰¹.

15 марта 1855 г. в Общем Присутствии Духовно-учебного управления при Святейшем Синоде по предложению А.И. Карасевского был рассмотрен вопрос «о правилах для принятия лиц духовного сословия в государственное ополчение», возникший вследствие просьбы Василевского. Выработанные на заседании общие правила было решено представить на утверждение Синода. Их суть заключалась в следующем:

1) «Дозволить вступать в государственное ополчение по собственному желанию всем лицам духовного сословия, кроме монашествующих и священно- и церковнослужителей, необходимых для служения Церкви, которые должны ограничиваться исполнением для ополчения церковных треб в местах его пребывания и мерами духовного назидания».

2) «Принимать их в ополчение по распоряжению и усмотрению Губернских Комитетов одного или же Собраний дворянства, а там, где ополчение уже составилось, по распоряжению и усмотрению его начальников, и по предварительном удостоверении местною Духовною консисторией, в Закавказском же крае Грузино-Имеретинскою Синодальною конторою, а о лицах из сословия военного духовенства обер-священниками, о том, что к увольнению их из духовного ведомства для поступления в ополчение препятствий не имеется».

¹⁰⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 291. Л. 1–3 об.

3) «Состоящих на службе по присутственным местам и в учебных заведениях Духовного ведомства лиц, имеющих гражданские чины, принимать в ополчение с теми преимуществами, какие вообще означенным Положением присвоены лицам, в таковых же чинах состоящих и поступающих в ополчение по избранию дворянства; не имеющих же гражданских чинов лиц, на службе в Духовном ведомстве состоящих, равно и вообще лиц духовного сословия, на службе не состоящих и принадлежащих к сему сословию по своему происхождению, в том числе и воспитанников духовно-учебных заведений, принимать в ополчение с такими же правами, какие вообще предоставлены им по закону для вступления в военную службу; в прочем подчинить их общим правилам, в Положении об ополчении изъясненным».

4) «По усмотрению Духовного начальства лицам, занимающим ныне должности по Духовному ведомству, предоставить, где сие признано будет возможным, право по окончании службы их в государственном ополчении возвратиться к тем же должностям, почему должности сии во время пребывания тех лиц в ополчении считать за ними, назначая, впрочем, для временного исправления их других лиц, с производством положенного по оным жалованья. Подобным образом и лица, хотя не состоящие в определенных должностях, но имеющие занятия по духовному ведомству, доставляющие им средства к своему содержанию, обеспечить в том, что, по окончании службы в ополчении они беспрепятственно будут допущены к тем же занятиям. Воспитанникам духовно-учебных заведений, вступающим из оных в ополчение прежде окончания курса, предоставить [право] по возвращении из одного поступать вновь в учебные заведения для довершения своего образования, с принятием бывших на казенном содержании вновь на таковое же содержание»¹⁰⁰².

В мае 1855 г. в Московской епархии произошло событие, вызвавшее, как и в предыдущем случае, подобные вопросы. Правление Московской

¹⁰⁰² Там же. Л. 4–6 об.

Духовной академии сообщило в Синод, что учитель словесности Тульской духовной семинарии В. Гостунский избран Богородицким дворянством в строевые офицеры государственного ополчения, и с 1 апреля должен, оставив семинарию, приступить к исполнению своих новых обязанностей. В связи с этим Академическое Правление спрашивало: должность, которую занимал Гостунский, считать вакантной или остающейся за ним до роспуска ополчения¹⁰⁰³.

Все три предложения: о просьбе Василевского, о правилах, выработанных Духовно-учебным управлением для принятия лиц духовного сословия в ополчение, и о вопросах Правления Московской Духовной академии А.И. Карасевский своевременно представил в Святейший Синод. Однако последний рассмотрел их почему-то только 21 декабря 1855 г. При этом в постановлении было сказано лишь то, что Василевский и Гостунский, вернувшись домой, будут иметь право на занятие своих прежних должностей (на основании параграфа 95 «Положения о государственном ополчении», согласно которому «по окончании войны ... все ратники возвратятся в свое первобытное состояние»). На время их отсутствия Семинарским Правлениям разрешалось принять других наставников. Об общих правилах, предложенных Духовно-учебным управлением, в постановлении не говорилось ни слова, официально они не были ни утверждены, ни отвергнуты¹⁰⁰⁴.

Документов, свидетельствующих о других случаях поступления в ополчение представителей духовного сословия, обнаружить не удалось. Думаем, что подобные явления во время Крымской войны массового характера не носили.

Что касается наличия в ополчении 1855–1856 гг. священнослужителей, выполняющих прямые обязанности, свойственные

¹⁰⁰³ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁰⁰⁴ Там же. Л. 8–9 об.

их сану (то есть регулярно отправляющих богослужения и исправляющих требы по типу военного духовенства), то этот вопрос в настоящее время остается пока не до конца проясненным. «Положение о государственном ополчении» не предусматривало наличия в дружине штатной должности священника. В «Проекте распоряжений по Духовному ведомству» по этому поводу содержалась одна не совсем внятная фраза (пункт 4 особых распоряжений): «Одновременно с назначением сборных пунктов для Дружин, преосвященные обязаны назначить достойнейших из местных или иных по своему усмотрению священников для нахождения при дружинах, среди коих надлежит им сколь можно чаще совершать священнодействия и продолжать подкреплять усердие ратников духовным назиданием»¹⁰⁰⁵. Из приведенного текста непонятно, как все-таки должны были поступать упомянутые священники: находиться при дружинах исключительно на сборных пунктах, где ополченцы будут проходить обучение, или следовать за дружинами к месту их назначения. Поскольку подробные четкие правила по данному вопросу изначально выработаны не были, то на местах создались условия для двоякого толкования данного распоряжения. Видимо, преобладал первый вариант толкования, так как во многие дружины не были назначены специальные священнослужители для постоянного нахождения среди ратников. Этому способствовали и последующие пункты «особых распоряжений», согласно которым оказание духовной помощи ополченцам по пути их следования на театр военных действий возлагалось на проживавшее там приходское духовенство.

На отсутствие священников в дружинах ополчения и на возникающие от этого неудобства вскоре обратил внимание Синода архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. 1 августа 1855 г. он написал А.И. Карасевскому, что с 22 июля через Перекоп к Севастополю перешли девять дружин Курского ополчения, и ни при одной из них нет священнослужителя. Начальник дружин генерал-майор Д.Н. Белевцов,

¹⁰⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 37.

отмечал архиепископ, в разговоре с настоятелем перекопского собора, благочинным Макарием Алексеевым «выразил крайне стеснительное свое положение в отношении духовном, особенно когда оное ополчение будет расположено в местах отдаленных, где не будет возможности в скором времени достать пастыря церкви для совершения христианских треб и подания помощи и утешения страждущим». Иннокентий сообщал, что прикомандировал «к тем дружинам особого священника», но поскольку «подобного рода» части «будут еще приходить», а в Крыму и без того ощущается недостаток священнослужителей из-за необходимости осуществлять в госпиталях «духовный надзор и попечение» за большим числом раненых и больных холерой, то он просил Карасевского сделать распоряжение «от лица Синода, чтобы на будущее время при ополченцах были пастыри, назначаемые местным епархиальным начальством»¹⁰⁰⁶.

12 августа 1855 г. по предложению А.И. Карасевского Святейший Синод рассмотрел вопрос «о порядке назначения священников в дружины государственного ополчения». Сославшись на вышеупомянутый 4-й пункт «особых распоряжений по Духовному ведомству», Синод решил, наконец, «для однообразного действования по сему» предмету выработать общие четкие правила. В результате всем преосвященным было предписано: 1) назначить во все дружины ополчения священников, избирая таковых преимущественно из вдовых («дабы удобнее им было отправиться на святое дело»), «от церквей двух- и трех-штатных» («чтоб не потерпел от сей командировки в духовном отношении оставляемый приход») и «из изъявляющих добровольное на то согласие»; 2) снабдить их «приличной ризницей» и церковной утварью; 3) места, занимаемые ими прежде, оставить за ними, поручив на время исполнение их обязанностей другим священнослужителям, приходы которых находятся поблизости; 4) назначить командируемым в дружины ополчения священникам из епархиальных источников жалованье по 100 рублей серебром в год;

¹⁰⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 1002. Л. 2–2 об.

5) «истребовать от начальника губернии поименные списки каждой дружины, и передать их дружинным священникам» для составления по ним «духовных росписей»; 6) передать послужные списки командировавшихся священников обер-священнику армии и флота, в ведении которого они должны находиться со дня поступления в дружины, и сообщить, кто именно и в какие дружины назначен¹⁰⁰⁷.

Через четыре месяца, 21 декабря 1855 г., Святейший Синод вновь вернулся к рассмотрению данного вопроса. Поводом послужило отсутствие «до сего времени» «представлений о назначении в дружины государственного ополчения особых священников». Поскольку обер-священник армии и флота был членом Синода и присутствовал на заседании, речь шла, видимо, об отсутствии в его ведомстве послужных списков священников, которые должны были быть назначены в дружины ополчения. Решение Синода заключалось в следующем: «Потребовать от преосвященного архиепископа Херсонского Иннокентия сведений, стоит ли в настоящее время надобность в назначении священников как для определения в дружины, так и для исправления треб военным чинам, находящимся в госпиталях, и если стоит, то сколько именно нужно тех и других и с какими условиями должны они быть посланы туда»¹⁰⁰⁸. 3 мая 1856 г. архиепископ Иннокентий ответил, что в связи «с заключением мира дружины государственного ополчения возвращаются в свои губернии, а в военных госпиталях», по его распоряжению, «успешно занимались и продолжают заниматься приходские священники; посему назначение особых священников, как в дружины, так и в госпитали в настоящее время не представляется нужным»¹⁰⁰⁹. Удовлетворившись ответом Иннокентия, Синод закрыл дело, производившееся по

¹⁰⁰⁷ Там же. Л. 5–7 об.

¹⁰⁰⁸ Там же. Л. 8.

¹⁰⁰⁹ Там же. Л. 9.

предыдущему представлению преосвященного, и отправил его в Синодальный архив «для надлежащего хранения»¹⁰¹⁰.

Опираясь на приведенные документы, можно предположить, что назначения священников в дружины ополчения не были проведены. Однако при этом нельзя не отметить, что в рассматриваемых Синодом в августе 1855 г. рапортах Вологодского епископа Феоноста (Лебедева) и Олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова), где речь идет о проводах местного ополчения, встречаются краткие упоминания о «священно- и церковнослужителях, кои прикомандированы к дружинам»¹⁰¹¹ и о «состоявших при дружинах протоиереях»¹⁰¹². Поэтому, возможно, что в некоторых дружинах ополчения священники все-таки были. Подробностей и имен установить не удалось.

С созывом ополчения в годы Крымской войны в некоторых губерниях Российской империи было связано еще одно явление, в котором непосредственно задействованным оказалось православное духовенство – крестьянские волнения, сопровождавшиеся предъявлением священникам требований о проведении массовых записей на военную службу, что, по мнению восставших, должно было сопровождаться освобождением их от крепостной зависимости и наделением землей. Крестьянские выступления начались и наиболее ярко проявились в Киевской губернии, где в исторической памяти народа воинская служба и вольная жизнь ассоциировались с казачеством. С легкой руки современников эти события вошли в историю под названием Киевской «казатчины».

Толчком к массовым крестьянским выступлениям в Киевской губернии послужило чтение в церквях ряда документов: Высочайшего манифеста от 29 января 1855 г. «О призвании к государственному ополчению», воззвания Святейшего Синода по случаю ополчения, а также Высочайших манифестов от 14 декабря 1854 г. «О воззвании к России по

¹⁰¹⁰ Там же. Л. 10.

¹⁰¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 29 а. Л. 26.

¹⁰¹² Там же. Л. 15.

случаю настоящей войны» и от 18 февраля 1855 г. «О вступлении на престол императора Александра II». Несмотря на то, что священники, следуя указаниям Синода, при оглашении манифеста от 29 января 1855 г., как правило, разъясняли, что служба в ополчении носит временный характер, что призваны будут не все (согласно «Положению о государственном ополчении» призыву подлежали по 23 человека с каждой тысячи «ревизских душ») и не сразу, а также то, что после войны все ратники возвратятся в свое первоначальное («первобытное») состояние, ложные толкования документа все-таки возникли. Неукротимое желание получить волю и землю заставляло крестьян искать и находить в царских словах совершенно иной смысл.

Прежде всего, крестьянам хотелось верить, что в ополчение возьмут всех желающих. В какой-то степени этому способствовали и неопределенные выражения Высочайших манифестов. Так, например, в манифесте от 14 декабря 1854 г. говорилось: «Буде нужно, мы *все*, царь и подданные, повторяя слова императора Александра, произнесенные им в подобную нынешней годину искушения, с железом в руках, с крестом в сердце, станем перед рядами врагов, на защиту драгоценнейшего в мире блага: безопасности и чести Отечества»¹⁰¹³. В манифесте от 29 января 1855 г. отмечалось: «Обращаемся с сим новым воззванием ко всем сословиям государства, повелевая: приступить к *всеобщему* государственному ополчению»¹⁰¹⁴.

Желание крестьян в массовом порядке поступить на военную службу проявлялось в Киевской губернии задолго до появления манифеста о созыве ополчения. Так, например, в октябре 1854 г. в «Киевских губернских ведомостях» была опубликована статья священника села Черкаassy Васильковского уезда Михаила Вышинского, свидетельствующая о патриотическом настрое его прихожан. По словам

¹⁰¹³ ПСЗ-II. Т. 29. № 28824.

¹⁰¹⁴ ПСЗ-II. Т. 30. № 28991.

священника, после прочтения им в храме Высочайшего манифеста от 9 февраля 1854 г. «О прекращении политических сношений с Англией и Францией» крестьяне грозились «напомнить нечистой силе турецкой гетманщину» и «единогласно» говорили: «Пиши, отче духовный, до кого следует, что мы все, кроме старого да малого, готовы идти на войну за веру христианскую, за честь цареву и за Родину; и грудью станем против врага, а не позволим, чтоб нога поганого топтала святую землю русскую»¹⁰¹⁵. По словам очевидца событий протоиерея Петра Лебединцева (родного брата Арсения Лебединцева), после выхода этой заметки среди крестьян села Черкассы впервые начались разговоры о том, что батюшка запишет их «в казаки»¹⁰¹⁶.

Высочайший манифест от 29 января 1855 г. (прочитанный в церквях Киева 12 февраля, а на местах – в конце месяца) был воспринят в некоторых селах губернии как призыв к немедленному всеобщему вступлению в ополчение с освобождением от исполнения барщины («панщины»). Прослушав текст манифеста, крестьяне нередко просили священников составить списки желающих поступить на службу. Необдуманное согласие на это некоторых священнослужителей стало той искрой, из которой вскоре разгорелось пламя. Так, например, священник села Керданы Таращанского уезда Макарий Семинский в начале марта 1855 г. не только составил список крестьян своего прихода, изъявивших желание поступить в ополчение, но и привел их к присяге на верность императору Александру II, чем, по словам исполняющего должность Киевского военного губернатора, Подольского и Волынского генерал-губернатора князя И.И. Васильчикова, «подал им повод думать, что они тотчас должны все поступить в государственное ополчение и быть

¹⁰¹⁵ *Вышинский М., свящ.* Потап Герасименко // Киевские губернские ведомости. 1854. № 42, 16 октября; Заметки к истории Киевской козаччины 1855 г. // Киевская старина. 1905. Т. 88. № 1. С. 50.

¹⁰¹⁶ [Лебединцев П.Г., прот.] Записки протоиерея Петра Гавриловича Лебединцева о «козачине» 1855 г. // Киевская старина. 1900. Т. 70. № 7–8. С. 3.

свободными от господских работ»¹⁰¹⁷. (Согласно манифесту от 25 ноября 1741 г., к присяге на верность императору в Российской империи приводились только лица свободных состояний.) 12 марта Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров) получил от священника села Великая Волнянка Таращанского уезда Ивана Мельниковского донесение о том, что он «из ревности к Отечеству собрал от 146 крестьян своего прихода подписки на поступление в ополчение и представил таковые исполняющему должность Киевского военного губернатора»¹⁰¹⁸. По предписанию митрополита Филарета священники Семинский и Мельниковский были немедленно вызваны в Киевскую духовную консисторию для предания суду. Проведенное дознание показало, что они совершили данные поступки без злого умысла – «по недоразумению и неопытности своей» или «по неблагоприятной ревности». В результате оба были переведены на священнические вакансии в другие уезды с взятием у них строгой подписки о воздержании впредь от подобных действий «под опасением лишения священнического сана»¹⁰¹⁹. В том же уезде пресловутые «списки» составили также священник села Федюковка Павел Вышинский и священник села Веселый Кут Лисинский. Вскоре они также были вызваны в Киевскую духовную консисторию и через некоторое время определены в другие, более отдаленные приходы.

Для наведения порядка в Таращанском уезде митрополит Филарет командировал в Таращу члена Киевской духовной консистории протоиерея И. Мациевича (Мициовича), который, согласно данной ему инструкции, по приезде на место должен был вызвать к себе всех уездных благочинных и сделать им «надлежащее наставление», объяснив сущность распоряжений правительства относительно государственного ополчения. Кроме того, для предотвращения появления превратных толков об ополчении в других уездах губернии в течение марта 1855 г. из Киевской

¹⁰¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 391. Л. 11.

¹⁰¹⁸ Там же. Л. 11 об.

¹⁰¹⁹ Там же. Л. 11–12.

духовной консистории по предписанию митрополита Филарета, сделанному по просьбе князя И.И. Васильчикова, во все Духовные правления были трижды разосланы соответствующие предписания. 9 марта епархиальное начальство запретило сельскому духовенству входить в какие бы то ни было рассуждения и объяснения с крестьянами, выражающими готовность встать на защиту Отечества, о возникновении подобных желаний следовало немедленно сообщать местному начальству. 21 марта приходским священникам было предписано при появлении «малейших недоразумений» спокойно объяснять крестьянам, что им следует заниматься обычными работами и соблюдать повиновение помещикам и местным властям, а «если потребует царь стать для защиты Святой Церкви и земли русской, и об этом объявит им начальство», то те из них, которые будут избраны, должны исполнить свой долг «с упованием на Бога и с совершенною готовностью». Священникам строго запрещалось составлять в приходах какие-либо списки, а церковнослужителям – вообще вступать с крестьянами в разговоры об ополчении. Наконец, новый указ из консистории от 23 марта напомнил духовенству вышеупомянутые распоряжения епархиального начальства и подчеркнул, что лица, которые неуместными рассказами подадут повод к недоразумениям, будут отрешены от должности и преданы суду по всей строгости закона¹⁰²⁰.

Однако, несмотря на принятые меры, крестьянские волнения в Таращанском уезде не прекращались. Напротив, толки о начавшейся записи «в казаки» и о приведении к присяге на верность новому императору вскоре дошли до смежных уездов: Васильковского, Звенигородского, Сквирского и Уманского. Более того, по мере распространения превратные слухи, как снежный ком, обрастали все новыми и новыми «фактами». В немалой степени этому способствовала активная деятельность низведенного из дьяконов в дьячки села Федюковка Таращанского уезда Слотвинского. Взяв в церкви указ 1806 г. об

¹⁰²⁰ Там же. Л. 11 об.–12 об.

ополчении, он стал разъезжать по различным селам и представлять его крестьянам как современный царский указ, якобы укрываемый духовным и гражданским начальством. За определенную плату Слотвинский читал и толковал крестьянам указ, а также записывал их «в казаки», беря за каждую запись по 2,5 копейки. Возмутитель общественного спокойствия вскоре был арестован¹⁰²¹. Тем не менее брошенная им идея о существовании «настоящего» царского указа об ополчении (понимавшегося в качестве «указа о вольности»), скрываемого сговорившимися с «панами» священниками, пришлась крестьянам по душе. Они стали толпами приходить к своим приходским священникам с требованием выдать им их «добро» (указ о вольности) и записать «в казаки». Откуда-то взялась информация, что записаться нужно непременно к определенному сроку – к концу Фоминой недели (в 1855 г. Пасха приходилась на 27 марта, следовательно, Фомина неделя продолжалась с 3 по 9 апреля), иначе навсегда останешься в крепостной зависимости. Неуместные шутки некоторых лиц типа «Записывайтесь скорее, а то опоздаете» воспринимались всерьез и только подливали масла в огонь. Началась смута.

Весной 1855 г. крестьянские волнения охватили 9 из 12 уездов Киевской губернии: Таращанский, Васильковский, Сквирский, Каневский, Звенигородский, Киевский, Уманский, Черкасский и Чигиринский, наиболее сильно проявившись в первых четырех. Крупнейшие эпизоды крестьянского движения, в частности, развернулись на территории имений князя П.П. Лопухина (м. Корсунь и ряд других сел Каневского уезда), польского помещика А.С. Понятовского (м. Таганча того же уезда), а также польских графов братьев Браницких. Последнее имение, с административно-хозяйственным центром в селе Белая Церковь, занимало огромную площадь с населением более 100 тыс. человек православного вероисповедания. В него входили 2/3 Васильковского уезда, по 1/3

¹⁰²¹ Там же. Л. 13; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 14–15.

Таращанского и Каневского, 1/4 Звенигородского и значительные части Черкасского и Радомысловского уездов¹⁰²².

В общей сложности в той ли иной степени смута затронула около 500 сел, примерно в 100 из них действия крестьян были направлены непосредственно против священников¹⁰²³. Принцип действия был примерно одинаковым: явившись к священнику, крестьяне требовали выдать им их «добро» и записать «в казаки». Никакие объяснения и уговоры не помогали. Крестьяне отказывались верить, что указа о вольности не существует. Они искали его в домах священников, в храмах. Народное воображение рисовало этот указ написанным золотыми буквами, украшенным крестом и золотыми кистями по углам. В порыве запальчивости крестьяне нередко проявляли по отношению к священникам грубость и неуважение. Так, например, упоминавшегося выше автора патристической заметки Михаила Вышинского прихожане ночью стащили с кровати, разорвав на нем рубаху, выволокли во двор и, «всячески терзая», в течение нескольких часов заставляли предъявить им необходимые документы. Испугавшись за свою жизнь, Вышинский написал заявление на имя исполняющего должность Киевского военного губернатора, что крестьяне села Черкасы, деревень Поправка и Быковая Гребля (его прихожане) желают поступить на военную службу. Отдав эту бумагу крестьянам, священник поспешил уехать в село Белая Церковь¹⁰²⁴.

Предъявление требований часто сопровождалось бранью и угрозами. Священников называли «хриstopродавцами», «кровопийцами», «панскими

¹⁰²² Ясинский М.Н. Указ. соч. С. 18.

¹⁰²³ Фруменкова Т.Г. Православное духовенство в годы Крымской войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 14–15.

¹⁰²⁴ Лебединцев П.Г., *прот.* Указ. соч. С. 7. Позднее Михаил Вышинский привлекался к следствию по делу о беспокорствах, возникших между крестьянами некоторых уездов Киевской губернии. Прямая причастность его к этому делу доказана не была, однако к сведению было принято замечание князя И.И. Васильчикова о том, что «напечатанная за несколько месяцев до означенных происшествий в местных губернских ведомостях статья сего священника о патристическом воодушевлении прихожан его при объявлении войны с Турцией могла иметь некоторое влияние на бывшее впоследствии волнение между крестьянами». В результате М. Вышинский был переведен в другой приход. (РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 43–44.)

попыхачами», «царскими брехунами» (то есть лгушими именем царя, искажающими его слова)¹⁰²⁵. Около десяти священнослужителей, подобно Вышинскому, с испуга дали крестьянам какие-то бумаги. Чаще всего это был ни к чему не обязывающий перечень крестьян села, без какого-либо упоминания о «казачестве» и «вольности». Так поступили, в частности, в Васильковском уезде священники Дмитрий Дьячков (село Кожанка) и Стефан Александровский (село Шкаровка)¹⁰²⁶. Священник села Яблоновка того же уезда А. Руткевич вообще подписал составленный писарем «документ», утверждавший крепостничество: «Мы, крестьяне графа Браницкого, как по настоящее время работали панщину, так и впредь будем работать – мы и наши дети»¹⁰²⁷. Пользуясь неграмотностью прихожан, эти священнослужители старались выиграть время и скрыться. Слухи о таких «добрых священниках», якобы объявивших волю, широко распространялись в крестьянской среде и заставляли остальных еще сильнее терзать своих «упрямцев». По подсчетам историка Т.Г. Фруменковой, 33 служителя Церкви были задержаны восставшими. Их насильственно «брали из домов» и под караулом водили в другие села, где крестьяне уже якобы получили указ о вольности, или, наоборот, запирали в жилищах или в церкви, не давая возможности оттуда выбраться. 19 священнослужителей подверглись избиениям и пыткам¹⁰²⁸.

Одним из наиболее пострадавших был благочинный, протоиерей села Малая Березна Сквирского уезда Василий Сикорский, в течение недели (причем Пасхальной) терпевший побои и издевательства от своих прихожан и крестьян из соседних сел. Позднее он подробно описал свои злоключения¹⁰²⁹. Для наглядности кратко приведем его историю. В канун

¹⁰²⁵ [Ковальский А., *свящ.*] Посмертный рассказ о. Антония Ковальского. (К истории крестьянских волнений в Киевской губернии 1855 г.) // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1. С. 181; Сикорский В., *прот.* Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 г. // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 4. С. 92.

¹⁰²⁶ Лебединцев П.Г., *прот.* Указ. соч. С. 8–9.

¹⁰²⁷ Сикорский В., *прот.* Указ. соч. С. 95.

¹⁰²⁸ Фруменкова Т.Г. Указ. соч. С. 15–16.

¹⁰²⁹ Сикорский В., *прот.* Указ. соч. С. 85–105.

Великой Субботы, 25 марта 1855 г., по просьбе местного исправника отец Василий отправился в село Логвин, чтобы попытаться успокоить возникшие там волнения. Местный священник, принуждаемый крестьянами объявить им их «добро», находился под арестом. Весь день прошел в бесплодных, но мирных переговорах. А когда на следующий день логвинский священник совершил не совсем удачную попытку к бегству (вскоре его поймали), обстановка накалилась еще сильнее. Крестьяне обвинили протоиерея Сикорского в пособничестве, и их предводитель Иван Олейник жестоко избил его, крича при этом: «Я твой кат (палач); не выпущу тебя живым, пока не отдашь нам нашего добра»¹⁰³⁰. В Пасхальную ночь Сикорский вернулся домой. Однако через два дня он был захвачен собственными прихожанами, предъявившими ему те же традиционные требования. В пример отцу Василию крестьяне ставили вышеупомянутого священника села Яблоновка Васильковского уезда А. Руткевича, объявившего своим прихожанам «волю». Никакие уверения, что этого быть не может, не действовали. Домой Сикорского крестьяне не пустили, заперев его на ночь в колокольне. На следующий день он попросил прихожан позволить ему отслужить панихиду по императору Николаю. После некоторых колебаний крестьяне согласились, однако, не дождавшись окончания службы, грубо схватили протоиерея, сорвали с него облачение, свалили на пол, выволокли из церкви и под конвоем повезли в Яблоновку. Там Сикорский увидел текст процитированной выше пресловутой «вольной грамоты». Несмотря на свое удрученное состояние, он не мог не рассмеяться. Особенно горькое впечатление произвело на отца Василия поведение примкнувшего к восставшим его «собрата по сану» – дьякона села Малая Сквирка Бохемского. В присутствии крестьян он обратился к Сикорскому со следующим советом: «Отец благочинный! Пожалейте себя; довольно с Вас, Вы уже не похожи на себя; объявите им их добро, пусть более не мучат Вас! Дайте им грамоту об их вольности».

¹⁰³⁰ Там же. С. 88.

Дьякона поддержал и отставной унтер-офицер, который заявил, что он служил в царском дворце и знает, что указ о воле вышел еще три года тому назад. Вернувшись в свое село, крестьяне вновь заперли протоиерея Сикорского в колокольне. Там он находился в течение пяти дней, мучимый голодом и холодом. Еды ему не давали, угрожая голодной смертью. Вскоре в Березну пришли крестьяне соседних сел – Логвина и Антоновки. Сюда же они привели под конвоем своих священников. Вышеупомянутый Олейник предложил пытать священнослужителей. Их раздели и, привязав к веревке, сначала водили босиком по колючим растениям, а затем три часа продержали в холодной воде, загнав в реку Рось, с которой недавно сошел лед. Такие пытки продолжались в течение трех дней. Даже ночью священникам не давали спать, водя их на веревке по селу, «по колена в грязи». В конце концов, крестьяне решили пытать священников каленым железом и, вероятно, сделали бы это, если бы вовремя не подоспели войска, которые подавили восстание и освободили пленников¹⁰³¹.

Еще одним пострадавшим, оставившим воспоминания, был священник села Мироновка Каневского уезда Антоний Ковальский, исполнявший обязанности благочинного церковей 4-го округа, в который входили 11 сел данного уезда¹⁰³². Так же, как и Василий Сикорский, он подвергался жестоким избиениям, от которых неоднократно терял сознание, унижениям и оскорблениям. По свидетельству Ковальского, в его округе издевательства со стороны прихожан претерпели еще восемь священников: Иоанн Чернодубравский (село Сытники), Рафаил Туробольский (село Сотники), Симеон Смирницкий (село Пишки), Александр Борлевич (село Смородня), Иоанн Загородский (село Выграево), Дмитрий Подгаецкий (село Корниловка), Тимофей Стрижевский (м. Корсунь), Михаил Кудревич (село Гарбузино)¹⁰³³.

¹⁰³¹ Там же. С. 85–105.

¹⁰³² *Ковальский А., свящ.* Указ. соч.

¹⁰³³ Там же. С. 396.

Восстановить порядок гражданское и духовное начальство первоначально пыталось мирными средствами, с помощью объяснения и убеждения. В середине марта 1855 г. князь И.И. Васильчиков, боясь оскорбить патриотизм крестьян и еще не представляя реальную степень возможной опасности, предписал всем исправникам Юго-Западного края: «1) не допускать действий, которые могли бы охладить чувства православного народа, возбуждаемые Высочайшими манифестами, или ослабить исполнение лежащих на них обязанностей к помещикам и собственному хозяйству; действовать спокойно, кротко, без шума, вразумляя крестьян; 2) приобретать доверие крестьян, чтобы можно было руководить их волею по указаниям начальства; 3) останавливать всякое недоразумение по поводу воззвания Святейшего Синода о государственном ополчении, которым жители призываются на защиту Церкви и Отечества; 4) действовать с крайнею осторожностью, отнюдь не допуская крайних мер»¹⁰³⁴. Крайние меры, то есть «употребление воинской силы и вразумление крестьян наказаниями», по мнению Васильчикова, следовало допустить только в том случае, «если бы крестьяне, не слушая вразумлений, оказали сопротивление властям» или проявили «явноеслушание»¹⁰³⁵.

19 марта 1855 г. для опровержения ложных слухов и успокоения крестьян в наиболее волнующиеся уезды князь И.И. Васильчиков командировал две особые комиссии. В Васильковский и Сквирский уезды был направлен генерал-майор корпуса жандармов Белоусов с полномочием, в случае надобности, употреблять строгие полицейские меры. В конце марта в помощь ему были посланы исполняющий должность гражданского губернатора коллежский советник Веселкин и чиновник особых поручений капитан С. Громеко. В Таращанский и Каневский уезды были направлены чиновник особых поручений

¹⁰³⁴ Цит. по: *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 19.

¹⁰³⁵ Там же. С. 21.

подполковник Афанасьев и советник Киевского губернского правления К.К. Янкулио¹⁰³⁶. Обеим комиссиям предписывалось «не охлаждать проявившихся чувств преданности крестьян Государю», но выявить тех, «кои подстрекают крестьян и утверждают их в заблуждении»¹⁰³⁷. В состав второй комиссии по распоряжению митрополита Филарета вошел благочинный и законоучитель Белоцерковской гимназии протоиерей Петр Лебединцев, получивший предписание «мерами кротости и убеждения стараться обратить заблудших к их долгу»¹⁰³⁸. Исполнение этой миссии достаточно подробно описано в воспоминаниях П.Г. Лебединцева¹⁰³⁹. Протоиерей констатирует, что убеждения уполномоченных военным губернатором и митрополитом в ряде мест Таращанского и Каневского уездов подействовали на крестьян положительно, однако во многих селах найти общий язык с ними не удалось. В местечке Таганча Каневского уезда крестьяне даже чуть было не задержали уполномоченных. Почувствовав скрытое недоброжелательство и получив от управляющего имением А.С. Понятовского Беренса предупреждение о намерениях восставших, Афанасьев, Янкулио и Лебединцев поспешили уехать. Необходимо отметить мужество протоиерея Петра Лебединцева. Зная о брожении в народе, он неоднократно спокойно проводил богослужения вместо приходских священников (которые, если не были захвачены прихожанами, старались лишний раз не попадаться им на глаза), произносил проповеди о необходимости соблюдать спокойствие и оказывать повиновение властям. 10 апреля 1855 г. во время восстания в м. Корсунь Каневского уезда на Лебединцева и его спутников (Афанасьева и Янкулио), пытавшихся провести переговоры, набросилась разъяренная

¹⁰³⁶ Ясинский М.Н. Указ. соч. С. 14–15.

¹⁰³⁷ Лебединцев П.Г., *прот.* Указ. соч. С. 21–22.

¹⁰³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 391. Л. 2–3, 13.

¹⁰³⁹ Лебединцев П.Г., *прот.* Указ. соч.

толпа вооруженных дубинами крестьян. Парламентерам с трудом удалось спастись¹⁰⁴⁰.

После первых бесед с крестьянами Лебединцев еще в марте 1855 г. в рапорте на имя митрополита Филарета изложил свои впечатления и их требования (позднее это вошло в его мемуары): 1) крестьяне «не хотят работать барщины и платить податей, под предлогом готовности служить Богу и Государю, и хотят быть вольными казаками в надежде, что им будут даны земли»; 2) «к сему увлекают их ложные слухи и примеры с. Черкас, Кердан и Федюковки, священники которых, по их словам, получили будто крест и звезду за приведение прихожан своих к присяге»; 3) «побуждением решиться идти в казачество послужили притеснения со стороны помещичьих экономий, обременение их разными повинностями, бедность и неудовлетворение их жалоб, а недоверие к священникам происходит от того», что последние «не принимают их жалоб, тогда как при введении инвентарных правил¹⁰⁴¹ объявлено было в церквях гражданскими чиновниками, что крестьяне должны обращаться к священнику в случае недоразумений или излишних требований со стороны помещика, а потому полагают, что священники подкуплены помещиками»¹⁰⁴². В приведенном документе речь идет непосредственно о крестьянах села Шкаровка Васильковского уезда, однако их требования практически совпадали с требованиями крепостных во всех других восставших селениях Киевской губернии. Все крестьяне хотели одного – воли и земли, соглашаясь в обмен на это исполнять по требованию царя военную службу.

Нередко выдвигаемое предводителями восставших требование передать крестьянам *всю* помещичью землю, что в то время не мог

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 42–45.

¹⁰⁴¹ Инвентарные правила, регулировавшие отношения между помещиками и крепостными крестьянами, были введены в действие в Киевской и некоторых других губерниях 26 мая 1847 г. Вторая редакция этих правил была утверждена 29 декабря 1848 г.

¹⁰⁴² Цит. по: *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 6–7.

содержать в себе пресловутый «указ о вольности», даже если бы он действительно существовал, заставляет предположить, что превратные толки о Высочайшем манифесте от 29 января 1855 г. и слухи о проводимой в отдельных местах записи «в казаки» были использованы некоторыми вожаками как повод для того, чтобы поднять восстание и выдать желаемое за действительное. В пользу этого предположения говорит, в частности, еще один эпизод из воспоминаний того же Лебединцева. В Таганче после долгих и бесплодных увещаний о том, что указа о вольности не существует, один «почтенный по виду и добродушный» крестьянин, наклонившись к протоиерею, тихо сказал ему: «Батюшка, мы и сами хорошо знаем, что такого указа нет, но нам хочется, чтобы он был»¹⁰⁴³.

После провала «политики увещания» в ряде районов правительство было вынуждено использовать крайние меры. В советской исторической литературе приводится противоречивая и, на наш взгляд, несколько преувеличенная информация о количестве войск, участвовавших в подавлении крестьянского движения в Киевской губернии. Так, например, А.З. Барабой пишет: «Для подавления выступлений в общей сложности было брошено 9 рот пехоты и 25 эскадронов кавалерии под командованием генерал-майора А.Ф. Бехлия. В конце апреля фельдмаршал П.И. Паскевич направил в помощь этим войскам еще Оренбургский казачий полк»¹⁰⁴⁴. Я.И. Линков утверждает, что в усмирении движения участвовало «16 эскадронов кавалерии, дивизион пехоты, резервный батальон и две роты сапер»¹⁰⁴⁵. Изучение соответствующих документов РГВИА показало, что непосредственно в период волнений (в марте–апреле 1855 г.) «для оказания на крестьян нравственного влияния воинской силы» и для «удержания их в должном порядке» в различных местах Киевской губернии были сосредоточены три дивизиона резервной легкой

¹⁰⁴³ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁴⁴ *Барабой А.З.* О характере крестьянского движения 1855 г. в Киевской губернии // Исторические записки. 1958. Т. 62. С. 245.

¹⁰⁴⁵ *Линков Я.И.* Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853–1856 гг. М., 1940. С. 34.

кавалерийской дивизии, 6-й резервный батальон Белевского егерского полка и пять саперных рот¹⁰⁴⁶. При этом оружие было применено тремя саперными ротами и одной ротой Белевского егерского полка¹⁰⁴⁷.

12 апреля 1855 г. для содействия князю И.И. Васильчикову в деле успокоения волнений, возникших между крестьянами Киевской губернии, по поручению императора Александра II из Петербурга в Киев был командирован состоявший при особе Его Величества генерал-адъютант Н.М. Яфимович. В предписании, данном ему по этому поводу военным министром В.А. Долгоруковым, подчеркивалось, что «действовать на волнующих крестьян» необходимо «преимущественно мерами убеждения, объясняя им, что Государь император, отечески соболезнуя о их заблуждениях, изволил прислать к ним своего генерал-адъютанта, дабы обратить их на путь истины и христианского долга. Только в случае совершенной необходимости обратиться к употреблению вооруженной силы для восстановления порядка; но приступить к сему не иначе, как с достаточным числом войск, дабы навести страх на крестьян, вынудить их к выдаче зачинщиков, коих на местах же подвергнуть, в пример другим, полицейскому взысканию, и лишь при продолжающемся упорстве толпы действовать оружием»¹⁰⁴⁸. Отметим, что Яфимович прибыл в Киевскую губернию, когда волнения там уже практически прекратились.

В ходе усмирения крестьянских выступлений оружие было применено в трех местах – деревне Быковая Гребля Васильковского уезда, селе Березна Сквирского уезда (где терзали несчастного протоиерея Василия Сикорского) и м. Корсунь Каневского уезда. Это была вынужденная мера, ибо во всех трех случаях крестьянские отряды, вооруженные дубинами и топорами, оказали неповиновение воинским частям, более того, пытались напасть на них и разоружить солдат. Последним пришлось стрелять практически в упор.

¹⁰⁴⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5496. Л. 20, 22 об., 31 об., 38, 49.

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 22–23, 25–27, 45–46 об.

¹⁰⁴⁸ Там же. Л. 41–44.

В Быковой Гребле в ходе вооруженного столкновения (1 апреля) 5 крестьян были убиты и 4 ранены¹⁰⁴⁹, в Березне (3 апреля) – 20 крестьян убиты и 40 ранены¹⁰⁵⁰, в Корсуне (10 апреля) – по разным данным, от 11 до 13 крестьян убиты и от 23 до 27 ранены¹⁰⁵¹. В последнем случае погиб также осуществлявший фактическое командование ротой солдат Белевского егерского полка унтер-офицер Сидоров – крестьяне рассекли ему голову топором¹⁰⁵².

В остальных местах обошлось без кровопролития. Чаще всего одного присутствия воинских частей хватило, чтобы крестьяне стали более сговорчивыми, признали свою неправоту и даже выдали зачинщиков волнений. Несколько крестьянских предводителей были арестованы, позднее преданы суду и приговорены к тюремному заключению. Наиболее активные участники волнений были публично высечены розгами, остальные просто распущены по домам. «Вразумление крестьян наказаниями» (то есть сечение розгами) было, в частности, проведено в селах Шкаровка и Трушки Васильковского уезда, в селах Кагарлык, Шубовка, Липовец Киевского уезда, а также в местечке Таганча Каневского уезда. В Таганче экзекуция была одной из самых сильных, после ее проведения 20 человек из 40 наказанных были отправлены для лечения в больницу. В большинстве случаев, где крестьян удалось переубедить, и они добровольно раскаялись, экзекуции не применялись.

Весной 1855 г. всплеск народного движения произошел и в ряде великорусских губерний – Саратовской, Нижегородской, Самарской, Пермской, Воронежской и Симбирской. События повсеместно разворачивались сходным образом. Услышав Высочайший манифест от 29 января 1855 г. и воззвание Синода по случаю ополчения, многие

¹⁰⁴⁹ Там же. Л. 22–23; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 25, 33.

¹⁰⁵⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5496. Л. 26–27; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 35.

¹⁰⁵¹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5496. Л. 46–46 об.; *Ковальский А., свящ.* Указ. соч. С. 390; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 45.

¹⁰⁵² *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 45–46.

крестьяне выражали стремление поступить на службу, надеясь получить за это свободу от крепостной зависимости. В ряде районов, как и в Киевской губернии, крестьяне перестали ходить на барщину, требуя у священников выдачи «указа о вольности». Во всех губерниях, кроме Воронежской, куда были вызваны войска, крестьянские волнения удалось остановить при помощи объяснения и убеждения со стороны представителей полиции и духовенства¹⁰⁵³.

1 июня 1855 г. Святейший Синод, рассмотрев полученные сведения о беспорядках, возникших в ряде епархий «от превратного толкования приходскими священниками Высочайшего манифеста о государственном ополчении и воззвания Синода», и выразив «крайнее прискорбие», что это произошло, несмотря на «столь ясные» наставления Синода о том, как следовало поступать духовенству при обнародовании данных документов, для предупреждения повторения где-либо подобных событий решил сделать всем епархиальным преосвященным ряд предписаний¹⁰⁵⁴. Последние в определенной степени повторяли приведенные выше «распоряжения по Духовному ведомству», в виде инструкции разосланные Синодом во все епархии при соответствующих циркулярных указах от 5 февраля 1855 г., а также предписания, сделанные митрополитом Филаретом (Амфитеатовым) духовенству Киевской епархии в марте, при начале волнений. Большой акцент здесь был сделан на необходимости предельно ясно объяснить крестьянам, что их крепостная зависимость от помещиков ни в коей степени не может быть изменена вследствие их возможной службы в ополчении. Так, например, епархиальным архиереям, прежде всего, предписывалось через благочинных «строжайше обязать всех приходских священнослужителей в помещичьих имениях внушать прихожанам, что первый и священный долг каждого есть строгое послушание законным их властям, то есть местным начальствам и

¹⁰⁵³ Фруменкова Т.Г. Указ. соч. С. 16–17.

¹⁰⁵⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 29 а. Л. 1–2 об.

помещикам; что служба в ополчении не отчуждает их навсегда от помещиков и что те, кои поступят в ополчение, непременно должны будут по окончании сей службы снова возвратиться в те же имения под власть тех же помещиков своих, к домам и семействам своим и к прежним своим обязанностям; что отдача в ратники зависит от помещиков и от утверждения местной власти; что пока нет о сем распоряжения, до тех пор ни от кого и не требуется ничего более, кроме того, чтобы всякий спокойно ожидал, когда ему от помещика ... объявлено будет идти на службу, а между тем в тишине занимался бы обычными работами, строго повинаясь, как велит заповедь Божия, господам своим и местным начальствам». Церковнослужителям вообще запрещалось «объяснять что-либо прихожанам по предмету ополчения». Синод особо подчеркивал, что «если кто-либо из священно- или церковнослужителей, вопреки столь ясному наставлению, неуместными речами или действиями подаст повод к ... беспорядкам, таковой, с лишением места, подвергнется неизбежному наказанию по всей строгости законов». Кроме того, преосвященным предписывалось «обратить бдительнейшее внимание на благонадежность, деятельность и распорядительность благочинных», а также в случае возникновения где-либо беспорядков немедленно командировать туда «самых опытнейших и благонадежнейших духовных лиц». Абсолютно новым было лишь одно предписание: сделать распоряжение по сельским приходам о прекращении повторного чтения в церквях воззвания Синода по случаю ополчения¹⁰⁵⁵.

Поскольку некоторые священнослужители в самом начале волнений совершили необдуманные поступки, приведшие к усилению смуты, то после восстановления порядка в ряде мест и крестьяне, и власти (как гражданские, так и духовные) пытались возложить вину за происшедшее на духовенство. Священники, составившие списки желающих поступить в ополчение, а также наиболее пострадавшие в результате волнений, как

¹⁰⁵⁵ Там же. Л. 2 об.—5.

правило, были переведены в другие, отдаленные от прежнего места приходы. Несколько церковнослужителей, обвиненных в подстрекательстве (в том числе упоминавшийся дьякон Слотвинский) были арестованы и осуждены. Несмотря на допущенные духовенством просчеты, мы полагаем, что вряд ли правомерно всерьез возлагать на него ответственность за происшедшее. Причина смуты коренилась в существовавшей крепостнической системе, заставлявшей крестьян использовать любые слухи как надежду на освобождение и как повод для борьбы за свободу. В Киевской губернии, где крепостное право установилось за полвека до рассматриваемых событий, и где еще свежа была память о казачестве и вольности, крестьянские волнения проявились с особой силой. Терзать священников крестьян заставляли, с одной стороны, отчаяние, а с другой – взгляд на некоторых из них как на панских пособников. По свидетельству современников, в Киевской губернии были священники, которые, несмотря на тяжесть барщины, всячески ухитрялись увеличить лежавшую тогда на прихожанах натуральную повинность для обработки священнических участков, десять лет спустя отмененную по представлению Киевского генерал-губернатора А.П. Безака¹⁰⁵⁶.

Следует подчеркнуть также, что, выступая против барщины и собственных помещиков, крестьяне повсеместно выражали готовность соблюдать верность и служить российскому императору. Поэтому, на наш взгляд, несмотря на несомненное наличие у движения в Киевской губернии национальных, украинских черт (проявлявшихся, прежде всего, в стремлении его участников записаться «в казаки»), нет никаких оснований сомневаться в том, что украинские крестьяне были патриотами России. Подобные сомнения, опиравшиеся на национальную принадлежность крестьян Киевской губернии, выражали ряд советских историков (в

¹⁰⁵⁶ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 42.

частности, Я.И. Линков, С. Шамрай и др.)¹⁰⁵⁷. О несомненном наличии патриотического порыва свидетельствует, на наш взгляд, и отказ крестьян Таращанского уезда в марте 1855 г. поддержать бывшего студента Киевского университета святого Владимира поляка Иосифа Розенталя, предлагавшего им «побить москалей» и освободиться от крепостной зависимости с помощью представителей Франции и Великобритании. Опираясь на внешних врагов России, с которыми в то время велись военные действия, крестьяне не захотели. Они силой отобрали у Розенталя прокламацию, содержащую призыв поднять восстание против русского царя, и передали ее местному начальству. Более того, многие из крестьян затем участвовали в поисках сбежавшего подстрекателя¹⁰⁵⁸. Вскоре Розенталь был задержан в Галиции и выдан России. Суд приговорил его к смертной казни через расстрел, однако по Высочайшей конфирмации приговор был заменен ссылкой на поселение в Сибири.

Из 31 губернии, входившей в район формирования ополчения, крестьянские волнения были отмечены только в шести. В остальных местах созыв ополчения прошел спокойно. Священнослужители при этом выполнили все необходимые обязанности, возложенные на них Синодом. При возвращении дружин ополчения с войны священники организовали их торжественную встречу, отслужили благодарственные молебны по этому поводу и, следуя указу императора Александра II от 3 мая 1856 г., поставили знамена ополчений «для всегдашнего хранения» в кафедральные соборы губернских городов¹⁰⁵⁹.

Таким образом, в годы Крымской войны Русская Православная Церковь внесла определенный вклад в создание государственного ополчения. Сразу после выхода Высочайшего манифеста от 29 января 1855 г. Святейший Синод сделал ряд распоряжений по Духовному

¹⁰⁵⁷ Линков Я.И. Указ. соч.; Шамрай С. Київська козаччина 1855 року (до історії селянських рухів на Київщині). Київ, 1928.

¹⁰⁵⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5496. Л. 29–31, 36–36 об.

¹⁰⁵⁹ ПСЗ-II. Т. 31. № 30463.

ведомству, которые, как правило, успешно выполнялись на местах и были направлены на поддержание в народе религиозно-патриотического настроения. Вместе с тем, не все необходимые меры были приняты Синодом своевременно, часть из них пришлось разрабатывать через несколько месяцев после начала созыва ополчения в связи с различными конкретными вопросами и проблемами, возникающими на местах. Распоряжение Синода о назначении особых священников в дружины ополчения было выполнено далеко не везде. Подобное отношение, на наш взгляд, можно объяснить тем, что Крымская война, в отличие от Отечественной войны 1812 года, не воспринималась в русском обществе как глобальная катастрофа, требующая максимального напряжения моральных и физических сил. (Военные действия велись на окраинах Российской империи, центральным губерниям практически ничто не угрожало). Духовенство ряда тыловых губерний (прежде всего, Киевской) весной 1855 г. подверглось нападению со стороны собственных прихожан, требовавших выдать им несуществующий царский указ о вольности и записать их в ополчение. Благодаря общей твердой патриотической позиции, занятой Русской Церковью во время войны, русское православное духовенство, как и в прежние времена, в целом показало себя в рассматриваемом вопросе вполне достойно, приняв посильное участие в общенародном деле.

3.8. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны

Священнослужители, состоявшие при российских посольствах, дипломатических миссиях и консульствах, занимали особое место в среде русского православного духовенства. Прежде всего, они находились в двойном подчинении – Святейшего Синода и Министерства иностранных дел¹⁰⁶⁰. От приходского духовенства России священники православных

¹⁰⁶⁰ Практически все дела, относившиеся к русским православным церквям за границей, находились в ведении Департамента хозяйственных и счетных дел МИД. Он

заграничных церквей отличались более высоким уровнем образования и получаемого жалования, а также внешним видом (им было разрешено брить бороду и вне стен храма носить светскую одежду).

Возникновение русских посольских церквей связано с установлением стабильных дипломатических отношений между Россией и западными государствами. В первой четверти XVIII в. появились церкви в Стокгольме, Берлине, Лондоне и Париже, затем – во всех крупных европейских столицах. Первоначально «посольская церковь» означала присутствие в стране православного священника, находившегося при российской дипломатической миссии, и наличие помещения для проведения богослужений – как правило, съемной квартиры. Здания православных храмов в основном были возведены в Европе во второй половине XIX – начале XX в.

В XVIII в. священнические места при российских миссиях нередко занимали случайные люди, которые «согласились на долгое время покинуть родину»¹⁰⁶¹. Однако к началу XIX в. правительство пришло к осознанию того, что священник, наряду с членами дипломатического корпуса, является представителем своей страны и, соответственно, должен создавать за рубежом позитивный образ России. С этого времени настоятелями посольских церквей назначаются исключительно выпускники духовных академий, имеющие хорошее воспитание и свободно владеющие французским, немецким или английским языком.

Большинство пребывавших за границей подданных Российской империи регулярно посещали православную церковь. Там можно было встретить соотечественников, узнать последние новости из России, получить от священника не только духовную, но и материальную помощь. По справедливому замечанию исследовательницы М.В. Одеровой,

был образован 10 апреля 1832 г. из бывшего Департамента (отделения) казенных и текущих дел Государственной коллегии, 22 мая 1868 г. переименован в Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД.

¹⁰⁶¹ *Киприан (Керн), архимандрит. Дореволюционное русское духовенство за границей // Православная мысль. Вып. XI. Париж, 1957. С. 104.*

«православная церковь была своеобразным центром, связующим звеном между различными полюсами русской колонии в любой европейской стране»¹⁰⁶².

Во время Крымской войны, после того как члены российских посольств покинули территорию государств-противников, православные священники остались там единственными представителями России. На протоиереев И.В. Васильева в Париже и Е.И. Попова в Лондоне российским МИД было возложено попечение о судьбе русских военнопленных. Несмотря на определенные препятствия со стороны католического духовенства, они с честью справились в этой задаче.

Иосиф Васильевич Васильев (1820–1881) родился в с. Стрельцово Елецкого уезда Орловской губернии, в семье священника. Обучался в Орловской духовной семинарии, затем – в Санкт-Петербургской духовной академии, которую в июне 1845 г. закончил в качестве первого магистра (то есть был официально признан лучшим в своем выпуске). Первоначально Васильев был оставлен в академии в должности наставника, однако уже 9 мая 1846 г. он был рукоположен в священный сан и назначен на вновь учрежденное место второго священника к Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже¹⁰⁶³. Министерство иностранных дел назначило молодому священнику жалованье – 1 524 рубля серебром в год, и поручило российскому посольству в Париже снять для его семьи «приличную квартиру»¹⁰⁶⁴. (В Париж отец Иосиф приехал в сопровождении 17-летней жены Анны Ефимовны; во Франции у них родилось одиннадцать детей: восемь дочерей и три сына¹⁰⁶⁵.) Выбор МИД и Синода пал на Иосифа Васильева

¹⁰⁶² Одерова М.В. Сюртук, под ним – наперсный крест. Русское посольское духовенство в Европе // Родина. 2008. № 2. С. 66.

¹⁰⁶³ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 75–75 об.

¹⁰⁶⁴ Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже // Вестник Московского университета. Серия «История». 2008. № 2. С. 58.

¹⁰⁶⁵ Автономова Л.И. Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В. Васильева // Исторический вестник. 1916. № 8. С. 301–302.

не случайно. Помимо блестящих способностей и свободного владения французским языком, несомненно, сказалось знание им истории и реалий католицизма – его магистерская диссертация была посвящена рассмотрению учения римской церкви «О главенстве папы». Усиление причта посольской церкви в Париже, единственного среди всех европейских, введением должности второго священника рассматривалось в качестве меры, призванной предупредить соращение российских подданных в иноверие. Чрезмерное увлечение проживавших во Франции соотечественников западной культурой, и особенно – частые случаи поступления русской молодежи в парижские католические пансионы вызывали беспокойство российских властей.

Приехав в Париж, отец Иосиф развил кипучую деятельность. Помимо осуществления своих непосредственных обязанностей: совершения богослужений и исполнения треб, он давал уроки Закона Божьего детям русской аристократии, устроил при православной церкви библиотеку, состоявшую из выписанных из России книг религиозного и исторического содержания. Очень скоро он поставил своей главной задачей добиться постройки в Париже «поместительного и благолепного во всех отношениях» настоящего русского храма, соответствующего достоинству Российского государства и могущего свидетельствовать во Франции о подлинной красоте православного богослужения. Осуществить свой замысел священнику удалось только через 15 лет. В 1849 г., после возвращения на родину настоятеля русской посольской церкви в Париже протоиерея Дмитрия Вершинского, отец Иосиф принял на себя обязанности старшего священника. 3 июля 1850 г. Святейший Синод утвердил его в этой должности, а 27 апреля 1853 г. «за ревностную службу и особенно полезные труды по духовной части» возвел в сан протоиерея¹⁰⁶⁶.

¹⁰⁶⁶ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 75 об.

Вступление Франции в Восточную войну и разрыв дипломатических отношений между ней и Россией застали протоиерея Васильева в Бельгии, куда он прибыл «для проведения обрядов крещения и причащения» соотечественников-аристократов. В конце марта – начале мая 1854 г. все члены российского дипломатического корпуса покинули пределы Франции. Генеральный консул Российской империи А.К. Эбелинг, слагая свои полномочия и оставляя французскую столицу одним из последних, по поручению уже выехавшего в Брюссель российского посла Н.Д. Киселева обратился к министру иностранных дел Франции Друэну де Люису с просьбой оставить в Париже, под покровительством Саксонского посланника барона А.Л. Зеебаха, причт русской посольской церкви¹⁰⁶⁷, присутствие которого крайне важно для соотечественников, не имеющих возможности вернуться на родину по состоянию здоровья или каким-либо другим чрезвычайным обстоятельствам. Одновременно Киселев обратился с соответствующей просьбой к А.Л. Зеебаху. Заручившись разрешением своего правительства («мой король, – писал Зеебах Киселеву 19 (31) мая 1854 г., – охотно воспользовался удобным случаем, чтобы предоставить Российскому императору новое доказательство своей симпатии и глубокой преданности»), барон согласился принять на себя эту миссию, подчеркнув при этом, что, согласно указаниям, полученным им от министра иностранных дел Франции, его «посредничество может быть только официальным, и возможность представительства не будет заключать в себе права покровительства в том объеме, какое осуществлялось Российским посольством»¹⁰⁶⁸. Эбелингу Друэн де Люис ответил, что данный вопрос требует согласования с министром внутренних дел Франции. Согласование несколько затянулось – российский генеральный консул покинул Париж, не дождавшись официального ответа. В это время,

¹⁰⁶⁷ В 1854 г. в причт Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже, помимо настоятеля протоиерея Иосифа Васильева, входили также второй священник Афанасий Петров и три причетника: Василий Устюжский, Алексей Копорский и Владимир Зверев.

¹⁰⁶⁸ АВПРИ. Ф. 161, IV-16. Оп. 158. 1854 г. Д. 24. Л. 2–3 об.

в ожидании решения, Васильев писал из Брюсселя директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу: «Если французское правительство поймет истинное значение сего, по-видимому, малого дела, если оно вникнет в благотворительную мысль нашего правительства — доставить возможность нашим единоверцам грекам, славянам, валахам и проч. прибегать к молитве и таинствам в нашей церкви, следовательно, если увидит в этом соответствие с Восточным вопросом, то, без сомнения, будет искать предлога к нашему удалению из Франции. Полиция уже собирает сведения о нашей жизни, образе мыслей, влиянии»¹⁰⁶⁹. Опасения протоиерея, однако, оказались напрасными, вскоре он получил разрешение вернуться в Париж.

В сентябре 1854 г. Министерство иностранных дел России поручило Иосифу Васильеву попечение о русских военнопленных, привезенных на территорию Франции. Согласно данным историка Б.П. Миловидова, общая численность российских пленных за весь период Восточной войны составила 7 852 человека¹⁰⁷⁰. Из них во Францию с сентября 1854 г. по март 1856 г. было доставлено более 1 500 человек¹⁰⁷¹. По решению французских властей две трети пленных были помещены на острове Экс. «Этот плоский дугообразный островок, — пишет современный французский историк Н. Росс, — длиной в 2 километра и шириной в 200—

¹⁰⁶⁹ *Васильев И.В., прот.* Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 гг., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л.К. Бродским. Пг., 1915. С. 162.

¹⁰⁷⁰ В это число включены лица, возвращенные на родину, а также умершие в плену. Здесь не учтены так называемые «невозвращенцы», то есть люди, во время плена перешедшие на сторону противника. Таковых было около 500 человек. (*Миловидов Б.П.* Численность пленных в годы Крымской войны // *Марсово поле*. Вып. 2. СПб., 1997. С. 21.)

¹⁰⁷¹ По данным протоиерея И.В. Васильева, 1 500 русских военнопленных находились во Франции в мае 1855 г. (*Васильев И.В., прот.* Указ. соч. С. 170.) После этого в страну были доставлены еще несколько сотен человек. Например, исследователь Н. Росс сообщает, что «между маем и июлем 1855 г. были привезены в Тулон около 350 пленных», а последней партией стали прибывшие туда же в марте 1856 г. 34 человека, взятые в плен в Петропавловске-на-Камчатке. (*Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 141.)

400 метров, расположен у атлантического берега вблизи международно-известного по телевизионным играм форта Боярд. В XVII в. он был укреплен знаменитым военным инженером Вобаном и с тех пор прикрывал военные порты Ла-Рошель и Рошефор»¹⁰⁷². На острове Экс была помещена вся первая партия русских пленных – 1 054 человека, состоявшая, главным образом, из части гарнизона крепости Бомарзунд на Аландских островах, в августе 1854 г. сдавшегося противнику после упорной обороны. Вместе с гарнизоном находилось незначительное число женщин и детей (семьи отдельных военнослужащих), а также около 50 заключенных, сидевших прежде в Аландской тюрьме. В качестве жилья для пленных были отведены форт Льедо и барачное здание, построенное в 1847 г. для пленных арабов из Алжира. Форт Льедо, насчитывавший 12 казематов, вместил 600 человек, размещенных на соломенных матрасах, положенных на асфальтовый пол. В барачном помещении поселились 430 человек, из них 300 – на походных кроватях, остальные – как в форте, на полу. Наконец, незначительное число пленных было временно размещено в палатках. Надзор за пленными осуществлял французский гарнизон из 200 солдат линейных частей под командованием коменданта острова ротмистра Эриссана. Кроме того, для «обеспечения полицейской службы» на Экс были присланы 24 жандарма¹⁰⁷³. Бывший комендант крепости Бомарзунд генерал-майор Я.А. Бодиско, привезенный во Францию раньше своего гарнизона, в сопровождении семьи и двух офицеров поселился в г. Эвре. Последующие партии пленных помещались, как правило, в Тулоне. Вскоре всем русским офицерам разрешили жить под полицейским надзором в любом месте Франции, за исключением Парижа и приграничных городов. Им выдавалось жалованье в соответствии с чином¹⁰⁷⁴.

¹⁰⁷² Росс Н. Указ. соч. С. 137.

¹⁰⁷³ Там же. С. 137–138.

¹⁰⁷⁴ Первоначально денежное содержание пленных офицеров определялось тарифом 1837 г. Генерал получал 166 франков в месяц, полковник – 100, подполковник – 80,

476

Получив предписание канцлера К.В. Нессельроде «доставить нашим несчастным помощь, назначенную им великодушным и христианским сердцем государя императора», протоиерей Васильев, прежде всего, посетил барона Зеебаха, «прося его посредничества и советов для точного и успешного исполнения дела». Барон устроил ему аудиенцию с военным министром Франции маршалом Ж.-Б.Ф. Вальяном для исходатайствования письменного разрешения на посещение пленных. Об этой встрече, состоявшейся 12 (24) сентября 1854 г., Васильев писал Нессельроде: «Я счел приличным и благоразумным явиться туда в одежде священника, чтобы дать делу истинный его смысл. На вопрос маршала Вальяна: зачем я еду и что намерен там делать? – я отвечал, что цель моей поездки есть подать духовную и материальную помощь пленным. Первая будет состоять в богослужении, в утешении, в преподании таинств больным, в наставлении всех в доброй жизни, послушании, порядке, пристойности. Вторая – в раздании той помощи, сообразно с нуждами, которую по отеческой заботливости назначил им Государь император всероссийский. Маршал Вальян, заметив мимоходом, что все нужды пленных будут удовлетворены, что Франция на сей счет всегда отличалась великодушием и щедростью, присовокупил: “Ваша миссия совершенно евангельская и соответствует характеру одежды, в которую вы облечены, и я сделаю все со своей стороны, чтобы способствовать ее выполнению”»¹⁰⁷⁵.

Уже через день после встречи с военным министром отец Иосиф выехал в Эвре, где навестил генерала Бодиско, вручив ему для нужд его семьи и находившихся с ним офицеров 600 франков. Всего в распоряжении протоиерея имелось 25 тыс. франков, пожертвованных

майор – 75, капитан – 50, низшие офицеры – 29 франков. Стараниями протоиерея Васильева жалованье офицеров было увеличено в среднем до 100 франков в месяц. Декретом от 6 марта 1855 г. французское правительство повысило нормы довольствия военнопленным. Генерал-майор стал получать 250 франков в месяц, штаб-офицер – 200, обер-офицер – 100 франков.

¹⁰⁷⁵ Цит. по: Катанский Н.А. Наши пленные во Франции в 1854–1855 гг. // Исторический вестник. 1916. Т. 146. С. 713.

императором Николаем I и частными лицами. Из Эвре он предпринял путешествие на Экс, где провел восемь дней среди пленных. Впоследствии священник еще несколько раз посетил этот «тюремный остров».

Во время своего первого пребывания на острове протоиерей Васильев подробно ознакомился с условиями жизни наших пленных, осмотрел все казармы, осведомился о нуждах офицеров и солдат. Упомянутое барачное здание он счел «удобным, сухим и здоровым», помещения форта Льеда были менее удовлетворительны вследствие сырости и плохого воздуха. Отведав пищу пленных, отец Иосиф нашел, что она «весьма хорошего качества». Каждый солдат получал ежедневно 1,5 фунта белого пшеничного хлеба, полфунта мяса и 60 граммов турецких бобов для прибавления в суп. Офицерам полагалось по 1,5 солдатской порции в день. Несмотря на то, что порция рядового пленника соответствовала пайку французского солдата, наши воины жаловались на недостаточное количество пищи, и особенно – хлеба. Французский хлеб они называли «бездушным», отмечая, что он «совсем не насыщает за обедом: хорошо бы съесть по куску такого хлеба после обеда для забавы». Многие предлагали даже уменьшить порцию говядины за счет прибавки хлеба¹⁰⁷⁶.

«В самом деле, – писал протоиерей Васильев графу К.В. Нессельроде в упомянутом письме от 4 (16) октября 1854 г., – может ли русский солдат, питавшийся тремя фунтами прекрасного черного хлеба, сытными русскими щами и кашею, может ли он насытиться назначенною во Франции порцией? Тщетно я доказывал им, что белый хлеб питателен, что здешний климат и неподвижная их жизнь требует меньшее количество пищи, мои доводы не действовали на их голодные желудки»¹⁰⁷⁷. Некоторым подспорьем для пленных служило небольшое вознаграждение, получаемое ими за земляные работы. Позднее их стали привлекать также к сельскохозяйственным работам и строительству дорог на материке.

¹⁰⁷⁶ Катанский Н.А. Указ. соч. С. 715.

¹⁰⁷⁷ Там же. С. 716.

Инженер, под руководством которого пленные трудились на острове, поинтересовался отношением священника к данному процессу. Тот ответил, что «умеренные работы полезны, удаляя от праздности и улучшая положение пленных. Без последнего же условия они будут тягостны и прискорбны»¹⁰⁷⁸.

Пытаясь улучшить положение соотечественников, отец Иосиф, по его собственным словам, старался сделать «только необходимое», причем «экономическим образом» и «сколько возможно приблизительно к привычкам русского воина». Прежде всего, он купил 30 фунтов сальных свечей для освещения казарм во время ужина и молитвы. Каждому пленному он выдал по полфунта мыла, а также иголки и нитки для починки одежды. Нуждающиеся получили белье для смены. Купить обувь в магазинах Ла-Рошели протоиерей не решился: по его мнению, «башмаки с гетрами», которые носили французские солдаты, были бы «странными и неудобными» для русских воинов. Узнав, что более двадцати пленников владеют ремеслом сапожника, священник решил обути соотечественников «по родному обычаю». Купив кожу, подошвы и необходимые инструменты, он устроил на острове мастерскую для ремонта старых и пошива новых сапог. При этом сапожникам за производимые работы протоиерей назначил денежное вознаграждение из имевшихся в его распоряжении средств. Впоследствии французское правительство все же обмундировало русских пленников «по странному и неудобному» образцу, выдав им темно-серые шинели, суконные штаны темно-каштанового цвета, солдатские башмаки и деревянные сабо. Эта одежда и обувь, несмотря на несоответствие русским обычаям, выполняла в сложившихся условиях свою главную задачу – предохраняла от холода¹⁰⁷⁹.

Что касается удовлетворения религиозных нужд военнопленных, то свои действия в этом отношении протоиерей Васильев подробно изложил

¹⁰⁷⁸ Там же.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 719–722.

в письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову от 1 (13) декабря 1854 г. Письмо было написано после его второй поездки на остров Экс, в ходе которой он провел там 28 дней. Прежде всего, протоиерей с удовлетворением отметил, что «вера, молитва и все добрые начала православного русского воина не только не ослабели на чужой стороне, но, если то возможно, усилились. По обычаю предков, наши пленники освятили и украсили негостеприимные казармы святыми иконами», и до его прибытия «совершали в них частные молитвы». Избрав «более чистую и просторную казарму», священник ежедневно совершал в ней богослужение, ибо «печальное положение пленников» требовало «обильного утешения веры и молитвы». Певчий Парижской посольской церкви Алексей Копорский, сопровождавший протоиерея Васильева во время его первого пребывания на острове, «похвальным старанием образовал из двенадцати военнопленных довольно согласный хор певчих». «Символ веры» пели все присутствовавшие на службе православного вероисповедания. Сообщая об этом, отец Иосиф эмоционально отметил: «Назидательно и умирительно это православное богослужение в бедной казарме, среди душ простых и верующих, испытанных несчастьем плена!»¹⁰⁸⁰.

После богослужения священник, как правило, обращался к пленным соотечественникам с поучениями, считая их «душеполезным занятием и предметом для дневной взаимной беседы». Он ежедневно навещал в госпитале больных, всех их исповедал и приобщил святых тайн. Кроме того, Васильев совершил заочное отпевание и панихиду по всем павшим во время осады Бомарзунда, а также умершим от ран и холеры по дороге к месту заключения. «Сим случаем, – пояснил протоиерей, – я воспользовался для утешения оставшихся и для внушения подражания благоприятной Богу смерти убиенных на брани за отечество. Текстом моего поучения я избрал слова Христа Спасителя: больше сия любви

¹⁰⁸⁰ *Васильев И.В., прот. Указ. соч. С. 164–165.*

никто же иметь, да кто положит душу свою за други своя»¹⁰⁸¹. Копия этого письма 25 декабря 1854 г. была представлена графом Н.А. Протасовым на «Высочайшее усмотрение» Николая I. Император собственноручно написал на докладе: «Спасибо ему, хорошо действует»¹⁰⁸².

Необходимо отметить, что религиозное утешение действительно имело большое значение для русских военнопленных. Как известно, на войне, в условиях постоянной опасности и близости смерти, вера в Бога являлась для солдат и офицеров мощной духовной поддержкой, давая надежду как на одержание победы, так и на сохранение собственной жизни и спасение души. В плену православие стало для русских воинов важнейшим элементом национальной и культурной самоидентификации. По данным Б.П. Миловидова, те немногие православные пленные, что согласились ради улучшения бытовых условий перейти на службу в Иностранный легион, отказались при этом переменить веру¹⁰⁸³. Поэтому закономерно, что появление среди пленных соотечественников протоиерея Иосифа Васильева было встречено ими с нескрываемой радостью. Например, офицер И. Жуков вспоминал: «После приезда [на остров Экс] священника Васильева из Парижа ... положение наше облегчилось. ... Мы были очень рады его приезду»¹⁰⁸⁴. Копиист Яковлев, содержащийся в Тулоне, отмечал: «Нам было доставлено счастье видеть у себя двух священников»¹⁰⁸⁵ (протоиерея Васильева и второго священника русской посольской церкви Афанасия Петрова).

После возвращения из своей первой поездки на остров Экс отец Иосиф составил подробную записку о положении русских пленных, которую через посредничество барона Зеебаха представил маршалу

¹⁰⁸¹ Там же. С. 165–166.

¹⁰⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 297.

¹⁰⁸³ *Миловидов Б.П.* Русские военнопленные в годы Крымской войны // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки». 2002. № 1. С. 34.

¹⁰⁸⁴ *Жуков И.* Рассказы русского офицера, бывшего в плену во Франции // Отечественные записки. 1856. Т. 106. № 6. С. 482.

¹⁰⁸⁵ Содержание русских в плену. Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок // Современник. 1856. Т. 55. № 1. С. 16.

Вальяну. В ней были изложены некоторые замечания и просьбы. Так, например, он указал на желательность распределения пленных по командам с подчинением их своим же унтер-офицерам и фельдфебелям. Эта мера, предварительно одобренная комендантом острова, была бы, по мнению протоиерея, крайне полезна, как для россиян, так и для французских властей, так как дала бы возможность не только сохранить знакомую для пленных «подчиненность и привычки», но и явилась бы гарантией строгого соблюдения ими дисциплины. Васильев предлагал также отделить от военнослужащих 50 заключенных, захваченных вместе с ними на Аландских островах, «дабы в случае худого поступка арестантов, за которых трудно ручаться, обвинение и бесчестие не падало на честных воинов». Кроме того, он ходатайствовал о некотором улучшении жилищ и об увеличении на полфунта порции хлеба, добавляя при этом, что пленные добровольно соглашались взамен уменьшить на 50 граммов порцию мяса. Наконец, протоиерей просил отправить в Россию за счет имевшихся у него средств 10 человек, не принимавших участия в военных действиях¹⁰⁸⁶.

Священник обратился также к префекту Ла-Рошели с жалобой на жителей острова Экс, которые, пользуясь стесненным положением русских, за гроши скупали их имущество. Префект ввел меры наказания для тех, «кто будет замечен в притязательности и обмане против русских пленных». Военный министр также учел почти все пожелания протоиерея. Пленных разделили на команды, арестантов отделили от военнослужащих, порцию хлеба увеличили на полфунта, при этом мясная пайка осталась прежней. В жилищах поставили печи, которые, правда, не давали много тепла. Что касается отправки на родину указанных отцом Иосифом лиц, то французское правительство сочло возможным освободить лишь троих: вдову Максимову, ее трехлетнюю дочь и политического заключенного

¹⁰⁸⁶ Катанский Н.А. Указ. соч. С. 721; Росс Н. Указ. соч. С. 139.

Арнольда. Всех остальных, по причине невозможности проверки данных, решили оставить во французском плену¹⁰⁸⁷.

В упомянутой записке священника о положении русских пленных, адресованной маршалу Вальяну, обращает на себя внимание одно любопытное замечание: «Военные власти проявляют полную благосклонность, и мне приходится лишь сожалеть о том, что настоятель прихода на острове Экс, ссылаясь на приказания Его Преосвященства епископа г. Ла-Рошель, отказывается от посещения умирающих и от присутствия на тех похоронах, которые уже имели место»¹⁰⁸⁸. Направив выдержку из этой записки министру народного образования и вероисповеданий И. Фортюлю, маршал Вальян от себя прибавил, что «подобные жалобы в религиозных делах всегда досадны» и рекомендовал ему согласовать с епископом Ла-Рошельским свои действия, чтобы «избежать в будущем подобных инцидентов»¹⁰⁸⁹.

Столкновения с католическим духовенством начались у протоиерея Васильева практически сразу после его первого появления на острове Экс. Уже в начале ноября 1854 г. аббат польского происхождения, иезуит Еловицкий, проводивший на острове религиозное окормление поляков, находившихся среди российских военнопленных, в отчете о своих «апостольских трудах» епископу г. Ла-Рошель Клеману Виллекуру выступил с резкой критикой поведения пленных русской национальности, а также посещавшего их православного протоиерея. Аббат требовал отделить поляков от русских, «даже в заключении нисколько не потерявших свою грубость и свои главные недостатки: пьянство, ложь и воровство». Он добавлял, что поляки постоянно преследуются русскими, «которым придает смелость присутствие русского попа, г. Васильева, духовника Российского посольства, иными словами, российского агента, беспрестанно рассказывающего русским, что их царь непобедим и что не

¹⁰⁸⁷ Катанский Н.А. Указ. соч. С. 717, 721–722.

¹⁰⁸⁸ Цит. по: Росс Н. Указ. соч. С. 142.

¹⁰⁸⁹ Там же.

позже как через два месяца он их освободит от заключения. Этот поп совершенно не занимается их духовным образованием: он приезжает с исключительной целью поддерживать отношения с русскими офицерами, которым привозит много денег, совершенно не обращая внимания на простых солдат»¹⁰⁹⁰. Слова Еловицкого абсолютно не стыковались с показаниями коменданта острова Экс ротмистра Эриссана, не имевшего никаких претензий ни к русским воинам, ни к отцу Иосифу, и являлись не чем иным, как обычной клеветой, направленной на то, чтобы нейтрализовать влияние православного священника на военнопленных.

Дело в том, что во время Крымской войны католическое духовенство, особенно выходцы из Польши, часто рассматривали русских пленных, находившихся в разных местах заточения, как прекрасный объект для прозелитизма (настойчивых попыток обращения в католицизм), а также для переманивания на сторону противника. Этот факт зафиксирован в воспоминаниях многих офицеров и солдат. Так, например, прапорщик И. Коровин-Павловский, взятый в плен при осаде Севастополя, вспоминал о своем пребывании на одном из Принцевых островов в Мраморном море: «Нас окружили разного рода бродяги-поляки. ... Между этой сволочью находился и ксендз, бежавший в 1848 г. из Варшавы в Париж. ... Достойный служитель католицизма, как дух тьмы, не отставал ... от раненых русских пленных солдат и офицеров, уговаривая их поступить в формировавшийся польский легион для действия против России. ... Офицеры отправили коллективное письмо в Константинополь к генералу Ларше, чтобы он запретил полякам переманивать русских солдат, а я с подпоручиком Новиковым попросил священника, взятого в плен в Кинбурне, отслужить солдатам обедню и напомнить им о долге присяги царю и отечеству»¹⁰⁹¹. Рядовой П. Таторский, плененный в сражении при Альме, рассказывал, что в Константинопольском госпитале к русским

¹⁰⁹⁰ Там же.

¹⁰⁹¹ *Коровин-Павловский И.* Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. № 12. С. 319–320.

солдатам подходил некий ксендз с предложением исповедаться, а в Тулоне другой католический священник «уговаривал пленных из Царства Польского поступить во французскую службу»¹⁰⁹².

Подобной деятельностью занимался и аббат Еловицкий на острове Экс. По данным Н. Росса, из находившихся там военнопленных к апрелю 1855 г. 183 поляка, в том числе 3 унтер-офицера, перешли на службу во французский Иностранный легион¹⁰⁹³. Неудивительно, что присутствие протоиерея Васильева мешало Еловицкому, и он решил принять меры к его устранению. Клевета, возведенная аббатом Еловицким на отца Иосифа, была передана епископом Ла-Рошельским Клеманом Виллекурм министру народного образования и вероисповеданий И. Фортулю. Последний, в свою очередь, со ссылкой на мнение епископа, передал ее военному министру Ж.-Б.Ф. Вальяну и министру иностранных дел Друэну де Люису. Епископ Ла-Рошельский обвинил протоиерея Васильева в «двуличности», в том, что он «менее занимается исполнением обязанностей своего сана, чем возбуждением среди пленных политических страстей», а также в распространении необоснованных жалоб на тяжелое содержание русских во французском плену¹⁰⁹⁴. Эти обвинения были подхвачены прессой, в частности, газетами «Le Moniteur Universel» и «L'Independance Belge». В результате маршал Вальян запретил священнику доступ к местам содержания российских военнопленных.

Об этом запрещении отец Иосиф узнал из газеты «Le Moniteur Universel». Обоснование решения военного министра – «уверенность, что г. Васильев занимается более политикой, чем религией», разумеется, неприятно поразило протоиерея. 3 (15) февраля 1855 г. он написал Вальяну оправдательное письмо: «В положении, в котором я нахожусь, мне становится невозможным опровергнуть обвинение, глубоко

¹⁰⁹² Восемь месяцев в плену у французов. (После Альмского дела). Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского // Современник. 1855. Т. 53. № 9–10. С. 171, 195.

¹⁰⁹³ *Росс Н.* Указ. соч. С. 138.

¹⁰⁹⁴ Там же. С. 144–146.

затрагивающее мою честь и мое достоинство священника. Несмотря на боль, причиняемую мне этим, я решился бы страдать молча, если бы дело шло только обо мне одном, но клевета, меня поражающая, должна также закрыть мне доступ к моим несчастным соотечественникам, для которых мое присутствие было большим утешением. Таким образом, я обязан, господин маршал, просить Ваше Превосходительство предоставить мне возможность оправдаться и через это получить разрешение возвратиться на остров Экс. Не в моей возможности раскрыть те источники, из которых к императорскому правительству дошли неверные сведения о моем поведении, но я считаю возможным всецело положиться на свидетельство властей острова Экс, которые всегда оказывали мне столь же благожелательный прием, как и Ваше Превосходительство»¹⁰⁹⁵.

Письмо Васильева, а также требования русских пленных допустить к ним православного священника, усиливавшиеся по мере приближения Пасхи, заставили маршала Вальяна вновь вернуться к рассмотрению обстоятельств этого дела. Немаловажное значение имела также позиция российских властей и русской прессы. 13 января 1855 г. в выходившей в Петербурге франкоязычной газете «Journal de Saint-Petersbourg», являвшейся официальным печатным органом российского МИД, была опубликована статья, повествующая о «нравственных притеснениях» русских пленных во Франции. Проект статьи предварительно, 11 января, был представлен канцлером К.В. Нессельроде императору Николаю I и получил его одобрение¹⁰⁹⁶. МИД сообщал, что те из российских пленных, кто по национальности является поляками и евреями, окружены «особым вниманием, с целью привести их к нарушению присяги своему Государю». Запрещение русскому протоиерею общаться со своими соотечественниками, лишаящее их утешений своей веры, а также постоянное присутствие на острове Экс иезуита по имени Еловицкий,

¹⁰⁹⁵ Цит. по: Катанский Н.А. Указ. соч. С. 723–724.

¹⁰⁹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1855 г. Д. 57. Л. 17–20.

эмигрировавшего поляка, несмотря на наличие там приходского священника латинского вероисповедания, по мнению российских властей, свидетельствовало о «кознях иностранного духовенства» и подтверждало «приписываемое членам иезуитского ордена намерение произвести религиозную пропаганду между нашими пленными». «Мы никак не ожидали, – говорилось в заключении, – подобных происков в такой стране, как Франция, где существует по закону свобода вероисповедания и где благородные и великодушные чувствования всегда находили отголосок. Каковы бы ни были материальные лишения, которые нашим пленным соотечественникам пришлось бы терпеть, они, конечно, далеко не возбуждали бы тех горестных чувствований, какие должно внушить всякому благородному сердцу зрелище этого нравственного притеснения, производимого над умами, убитыми тоскою заключения, чтобы побудить их к низкой измене своему Государю, Отечеству и Вере»¹⁰⁹⁷. Эта статья была перепечатана в ряде других изданий, в частности, в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹⁰⁹⁸.

Военные власти острова Экс, на свидетельство которых решил «всецело положиться» отец Иосиф, подтвердили маршалу Вальяну «полную порядочность, самоотверженность и непредвзятость» русского протоиерея, оказывавшего «помощь всем пленным, какого бы они ни были вероисповедания». Вальян сообщил министру вероисповеданий И. Фортюлю, что готов разрешить приезд на остров Экс протоиерея Васильева по случаю Великого поста и Пасхи, при условии «установления неверности или преувеличения в сведениях, поступивших от епископа Ла-Рошели». Понимая, что без согласия монсеньора Виллекура не обойтись, Фортюль передал ему настойчивые просьбы русских пленных и заверил,

¹⁰⁹⁷ Там же; Journal de Saint-Petersbourg. 1855. 13 janvier.

¹⁰⁹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 11. 15 января.

что «г. Васильев строго ограничится той задачей, которая будет ему поручена»¹⁰⁹⁹.

Епископ Ла-Рошельский снизошел до позволения, не удержавшись при этом от пары язвительных замечаний, как в адрес Православной Церкви в целом, так и лично – отца Иосифа: «Я считаю вполне естественным приезд г. Васильева на остров Экс и выполнение им в любом помещении, не относящемся к католической церкви, пожеланий его единоверцев. Дай Бог, чтобы у прочих его поездок не было бы других причин! Я бы высказал то же мнение и в отношении раввина, если бы те несколько евреев, которые находятся среди пленных на острове, пожелали его присутствия. Католическая церковь озабочена лишь чистотой своего вероисповедания и неприкосновенностью своих храмов. Вне этого она придерживается правила не мешать деятельности любых сект, даже наиболее ей недружелюбных»¹¹⁰⁰.

Существует версия, что протоиерей Васильев получил разрешение на возобновление посещений российских военнопленных после личной аудиенции у Наполеона III, устроенной ему бароном А.Л. Зеебахом. Во время этой встречи он якобы «ошеломил» французского императора «блестящей речью» в свою защиту, произнесенной на «литературном французском языке». Эта версия исходит из воспоминаний его дочери Людмилы Автономовой¹¹⁰¹ и повторяется в ряде исторических статей¹¹⁰². Подтвердить ее документально, к сожалению, не удалось. Так или иначе, но к Пасхе отец Иосиф вернулся на остров Экс.

На наш взгляд, столкновения протоиерея Васильева с католическим духовенством происходили далеко не случайно. Они были элементом

¹⁰⁹⁹ Цит. по: *Росс Н.* Указ. соч. С. 146–147.

¹¹⁰⁰ Там же. С. 147.

¹¹⁰¹ *Автономова Л.И.* Указ. соч. С. 308–309.

¹¹⁰² *Катанский Н.А.* Указ. соч. С. 724; Протоиерей Православной церкви при русском посольстве в Париже Иосиф Васильевич Васильев (Биографический очерк) // *Иллюстрация.* 1858. № 42. С. 257; *Одерова М.В.* Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже... С. 61.

общего религиозно-цивилизационного противостояния России и Западной Европы, имевшего место в годы Восточной войны. Как показано выше, данный характер противоборства четко прослеживается в позиции главных руководителей и идеологов этой войны как с русской, так и с французской стороны. Отношение католического духовенства Франции к этой войне как к новому крестовому походу, направленному против Российской империи и православия, несомненно, не могло не осложнять деятельность русского православного протоиерея на французской земле.

Свое пасхальное путешествие на остров Экс отец Иосиф подробно изложил в письме от 18 мая (1 июня) 1855 г. исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевскому. На этот раз протоиерей пробыл среди пленных две недели – Страстную и Светлую. Прежде всего, он считал своим долгом сообщить соотечественникам о кончине российского императора Николая I, состоявшейся 18 февраля 1855 г., и совершить по нему панихиду. Не имея распоряжений российского правительства в отношении приведения пленных воинов к присяге новому императору Александру II, священник ограничился напоминанием им, что они клялись в верности не только почившему Государю, но и его наследнику, и призвал их «свято хранить эту клятву перед Богом». В течение Страстной седмицы он ежедневно проводил службы, с согласия коменданта устроил для пленных «постный стол», исповедал и причастил всех православных (в то время на острове их было 578 человек). Ночное пасхальное богослужение прошло «успешно и благолепно». Помимо россиян, на нем присутствовало около 50 французов. «800 горящих свечей, – сообщал отец Иосиф о царившей атмосфере, – торжество обряда и пения, духовная радость присутствующих, частые единогласные повторения верных “Во истину воскресе!”», лобзание пасхальное – все это не только исполнило торжеством нас, православных, но и сильно благоприятно подействовало на иностранцев». Протоиерей Васильев раздал всем крашеные яйца и куличи. По его словам, «в

христианской радости Светлого праздника войны воскресли и обновились духом, и, полные глубочайшей благодарности, ... в простоте сердца повторяли: “Батюшка, мы точно в России побывали”»¹¹⁰³. Упомянутый выше офицер И. Жуков, ко времени наступления Пасхи уже проживавший в г. Тур, отмечал, что на острове Экс «говели на седьмой неделе [поста] и встречали праздник по-русски, с крашеными яйцами. Для великого поста покойным императором выслано им было восемь бочек гречневых круп»¹¹⁰⁴.

Находясь на острове, Васильев узнал, что за время его отсутствия там скончались два русских солдата, которых похоронили «в отдаленном углу кладбища» без христианского погребения. Местный католический священник, по распоряжению епископа Ла-Рошельского, по-прежнему отказывался совершать какие-либо молитвы над прахом православных. Как видим, на монсеньора Виллекура, в его неприятии православия, не всегда действовали даже увещания министра вероисповеданий Фортуля. Отец Иосиф отправился на кладбище и воздал умершим солдатам последний долг, отслужив панихиду. По его словам, это «исполнило радости сердца всех пленников». «Теперь можно, – говорили они, – умереть и здесь: земля освящена православною молитвою»¹¹⁰⁵.

Пленных, находившихся в Тулоне, в пасхальные дни посетил второй священник русской посольской церкви Афанасий Петров. По свидетельству копииста Яковлева, он «удостоил всех исповедаться и причаститься святых тайн и оделил деньгами»¹¹⁰⁶.

С марта 1855 г., когда, в соответствии с договоренностью, заключенной между российским и союзным командованием, систематически начал производиться размен пленных, протоиерей Васильев регулярно провожал соотечественников на Родину. Пунктами

¹¹⁰³ *Васильев И.В., прот.* Указ. соч. С. 167–169.

¹¹⁰⁴ *Жуков И.* Указ. соч. С. 512.

¹¹⁰⁵ *Васильев И.В., прот.* Указ. соч. С. 170.

¹¹⁰⁶ Содержание русских в плену. Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок... С. 16.

обмена были назначены Одесса и Либава. Отбывавшим туда россиянам священник раздавал деньги на дорогу, служил для них напутственный молебен. Подпоручик (во время составления записок – капитан) Дещинский, проезжавший перед отправкой в Россию через Париж в составе партии из 42 русских офицеров (среди которых находился и генерал-майор Я.А. Бодиско), вспоминал о своем общении с отцом Иосифом: «Он так искренно принял в нас участие, ... перевез в лучший отель, ... выделил каждому по 100 рублей серебром на содержание». Дещинский попал в число семи офицеров, представленных протоиереем и бароном Зеебахом императору Наполеону III во дворце Тюильри. По его словам, французский император разговаривал с ними «ласково» и предложил для всей упоминавшейся партии 2 тыс. франков, однако бывшие пленные вежливо отказались, заявив, что уже получили деньги от своего Государя. Рассказывая о протоиерее Васильеве, Дещинский называет его «доблестным достойным отцом», при встрече с которым радость их «была невыразима»¹¹⁰⁷.

Самоотверженная деятельность священника в годы Крымской войны получила признание российских властей. 4 декабря 1854 г. Министерство иностранных дел от имени императора Николая I объявило ему благодарность¹¹⁰⁸. 20 августа 1855 г. «во внимание к отлично усердной службе и в воздаяние ревностных и истинно человеколюбивых действий при исполнении возложенных поручений касательно оказания пособий русским пленным, находящимся во Франции», протоиерей Иосиф Васильев был награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹¹⁰⁹. Тем же указом, данным императором Александром II Капитулу Российских

¹¹⁰⁷ Записки севастопольца 21-го пехотного Муромского Его Императорского Высочества великого князя Вячеслава Константиновича полка, капитана Дещинского, бывшего у французов в плену // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I. СПб., 1872. С. 374–375.

¹¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 75 об.

¹¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. 161, IV-16. Оп. 158. 1855 г. Д. 12. Л. 4, 10; Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 76 об.

императорских и царских орденов, за те же действия по отношению к русским военнопленным, находившимся в Великобритании, такой же награды был удостоен настоятель Лондонской посольской церкви во имя Успения Божией Матери протоиерей Евгений Попов¹¹¹⁰. Этот священнослужитель, так же, как и отец Иосиф Васильев, является одним из наиболее ярких представителей русского зарубежного духовенства.

Евгений Иванович Попов (1813–1875) родился в г. Данилов Ярославской губернии, в семье священника. В 1835 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, после чего в течение двух лет занимал должность профессора в Тверской духовной семинарии, преподавая там всеобщую историю и французский язык. 27 февраля 1838 г. он был рукоположен в священный сан и назначен к русской посольской церкви в Копенгагене, в марте 1842 г. переведен в Лондон. За границу отец Евгений уехал с молодой женой Анной Яковлевной, там родились все их дети (в 1855 г. у Поповых было шестеро детей – три сына и три дочери)¹¹¹¹. Активная общественная и литературная деятельность священника вскоре снискала ему значительную известность и авторитет, а также способствовала, как в Дании, так и в Великобритании, изменению предубежденного взгляда на русских. 10 января 1847 г. отец Евгений был возведен в сан протоиерея, а 17 июля 1851 г. сопричислен к ордену Св. Анны 3-й степени¹¹¹². В октябре 1853 г. российский посланник в Лондоне барон Ф.И. Бруннов писал директору Департамента внутренних сношений МИД Л.Г. Сенявину, что протоиерей Попов, «исправляя в продолжение десяти лет возлагаемую на него должность в Англии, приобрел здесь общее уважение не только примерным поведением, но и познаниями, вполне ценимыми даже в кругу ученых Оксфордского университета. Во всех отношениях нахождение отца Евгения Попова при

¹¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 161, IV-16. Оп. 158. 1855 г. Д. 12. Л. 4, 9; Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 12 об.

¹¹¹¹ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 11 об.

¹¹¹² Там же.

православной посольской церкви приносит честь службе Его Императорского Величества в Англии»¹¹¹³. Высоко ценил отца Евгения митрополит Московский Филарет (Дроздов). В марте 1848 г. известный славянофил А.С. Хомяков в письме к протоиерею Попову передал лестный отзыв о нем митрополита Филарета, считавшего «особенным счастьем» его пребывание в Лондоне «в теперешнее время»¹¹¹⁴.

Осенью 1854 г. протоиерей Евгений, так же как и отец Иосиф, по поручению российского МИД, начал оказывать духовную поддержку и материальное вспомоществование привозимым в страну его пребывания русским военнопленным. Первая партия таковых (около 600 человек) прибыла в Великобританию с Аландских островов, поскольку после взятия Бомарзунда союзники поделили пленников. По данным Б.П. Миловидова, в сентябре 1855 г. в Великобритании находились 1 440 российских пленных (43 офицера, 1 356 нижних чинов, 18 женщин и 23 ребенка)¹¹¹⁵. Следующая крупная партия (700 рядовых и 16 офицеров) поступила в распоряжение англичан в октябре 1855 г. в связи с взятием Кинбурна¹¹¹⁶. Основными пунктами содержания пленных в Великобритании были Плимут, Ширнес и Льюис. Значительное число российских пленных, захваченных как англичанами, так и французами, было размещено в годы войны на территории Турции, в частности – на Принцевых островах.

Положение пленных в Великобритании в основном было таким же, как и во Франции, хотя и имело некоторые особенности. Офицеры также получали жалованье и жили отдельно от солдат. С них взяли честное слово, что они не убегут, после чего предоставили относительную свободу передвижения. Солдаты находились под строгим надзором. В Ширнесе их содержали на блокшивах – старых, непригодных для плавания кораблях,

¹¹¹³ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 95. Л. 51–52.

¹¹¹⁴ Письмо А.С. Хомякова к Лондонскому священнику Е.И. Попову // Русский архив. 1879. Кн. III. № 11. С. 360.

¹¹¹⁵ *Миловидов Б.П.* Русские военнопленные в годы Крымской войны... С. 30.

¹¹¹⁶ В распоряжение французов тогда поступило 600 нижних чинов, 16 офицеров и комендант. (Там же. С. 29.)

обращенных в казарму, в Плимуте – в военной тюрьме. Солдат И. Загородников так описал место своего проживания в Плимуте: «Нас расположили ... в каменном трехэтажном доме, с таковою же оградой, внутри одного посреди казематов – чугунные подпоры, в окнах – железные решетки, в стенах – отверстые душники, по обеим сторонам – железные кровати, на каждой из них тюфяк, подушки соломенные и белое войлочное одеяло, столы и скамейки средней величины деревянные на железных ножках, чашки деревянные, кружки жестяные, а также фонари для освещения ночью казематов»¹¹¹⁷. Рацион солдат в Ширнесе выглядел следующим образом. Завтрак: полфунта пшеничных сухарей и полкружки шоколада; обед: щи из свежей капусты и порция говядины; ужин: чай. В Плимуте в сутки выдавали 1 фунт пшеничных сухарей, картофельный суп и порцию говядины. «При этом малом и несытном продовольствии, – отмечал Загородников, – каждый русский солдат ежедневно вспоминал черный хлеб, ... вкусные щи и кашу»¹¹¹⁸.

В Великобритании среди российских пленных также велась польская католическая пропаганда, в результате которой на сторону противника перешли около 200 человек. По словам Загородникова, «многие из поляков и евреев радовались нахождению в плену», «порицали царя и говорили, что для них нет его, и они останутся в Англии, поступив на службу». Попытки Загородникова «внушить им их обязанности» и предостеречь от нарушения присяги привели к тому, что один из них плюнул ему в лицо и пригрозил ножом¹¹¹⁹.

Настоящей «нравственной отдушиной» для пленных были регулярные визиты к ним протоиерея Попова. Один из находившихся в Плимуте офицеров, к сожалению, не указавший своего имени при публикации воспоминаний, отмечал: «Кто не был военным, тому, конечно, трудно

¹¹¹⁷ Загородников И. Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде, в 1854 году // Русская старина. 1893. № 10. С. 192.

¹¹¹⁸ Там же. С. 189–190.

¹¹¹⁹ Там же. С. 202–203, 208.

представить себе положение военнопленного в стране своих неприятелей, отделенного тысячами верст от тех биваков и бастионов, где каждый из нас чувствовал свое настоящее место. Это тяжелое нравственное состояние наше понял и почувствовал своей русской душой незабвенный наш пастырь, отец Евгений, и какое отрадное утешение он приносил нам, какую надежду умел он вселить в нас на близкие лучшие времена»¹¹²⁰.

В течение двух военных лет практически каждую субботу и воскресенье протоиерей Попов посвящал пленным: «одну неделю в эти дни он был в Плимуте, другую в Льюисе, а в промежутках находил время и для заключенных в Ширнесе»¹¹²¹. Тот же офицер вспоминал: «В урочный час он совершал всенощную в одной из камер военной тюрьмы, и вряд ли где случалось ему совершать службы для более усердных богомольцев. ... После службы все офицеры собирались в гостинице, где останавливался отец Евгений, и тут наши беседы с ним тянулись иногда за полночь. Он сообщал нам о положении политических и военных дел того времени, и от него первого мы узнали, что военная честь России несколько не пострадала от всех неудач, и что, напротив, никогда русский солдат не стоял так высоко в мнении Европы, как в эту бедственную для нас войну. Конечно, это было для нас великим утешением. От него же мы получали номера “Русского инвалида”»¹¹²².

После совершения богослужений отец Евгений, как правило, произносил проповеди, посредством которых старался поддержать пленных морально, внушить им терпение и укрепить в них надежду на скорое освобождение и возвращение на родину. Слова его благотворно действовали на соотечественников. Например, И. Загородников, впервые увидевший протоиерея Попова в Ширнесе, где он находился в течение месяца перед отправкой в Плимут, отмечал, что речь священника,

¹¹²⁰ Воспоминание русского военнопленного о почившем протоиерее Е.И. Попове // Странник. 1875. Т. 4. № 11. С. 95.

¹¹²¹ Там же.

¹¹²² Там же. С. 95–96.

произнесенная после молебна с окроплением всех присутствовавших на нем святой водой, пробудила «стесненные чувства пленных до того, что многие прослезились и оставили у себя надолго в памяти слова его, “что мы при купели еще отреклись от суетного мира и предались во власть Божию; будучи же в плену, должны терпеливо нести крест свой, во имя святой веры в Господа нашего Иисуса Христа”». При этом отец Евгений подарил солдатам, находившимся на корабле «Девоншир», икону Знамения Божией Матери, сказав: «Этим благословляю вас, воинов, на мужественное терпение и победу врагов внешних». Соотечественников, содержащихся на другом блокшиве, он благословил иконой Святой Троицы¹¹²³. Большое значение для пленных имели также панихиды, которые протоиерей служил по воинам, погибшим в бою и умершим в плену.

Посещая пленных, протоиерей Попов дарил им бронзовые крестики, привозил книги, брал у них письма для отправки родным и близким. Он неоднократно раздавал им деньги, пожертвованные для них российским императором и частными лицами. Интересно, что в октябре 1854 г. русские солдаты, содержащиеся в Плимуте, поднесли отцу Евгению собственное пожертвование – 56,5 шиллингов и 3 рубля 45 копеек серебром, собранное из их скудных средств на украшение образа Успения Божией Матери, хранящегося в русской посольской церкви. Подношение сопровождалось письмом, в котором говорилось, что «сыны Православной Церкви, от искреннего усердия принося дар свой в храм Успения Пресвятой Богородицы, состоящий в Лондоне, ... вызывают к Господу о скорейшем избавлении их из плена»¹¹²⁴. В марте 1855 г. солдаты передали Попову для той же цели еще 100 шиллингов, пожертвованных в их пользу неким «соотечественником, проживающим в Англии»¹¹²⁵.

¹¹²³ Загородников И. Указ. соч. С. 192.

¹¹²⁴ Там же. С. 198.

¹¹²⁵ Там же. С. 206.

Так же, как и протоиерей Васильев, отец Евгений старался предоставить пленным возможность встретить церковные праздники в соответствии с русскими православными традициями. 6 (18) декабря 1854 г., в день святителя Николая Чудотворца (небесного покровителя императора Николая I) он отслужил в здании военной тюрьмы литургию. Поздравив всех присутствовавших с праздником, протоиерей призвал их к молитвам «о продолжении дней жизни императора в благополучии и всего августейшего дома». Он отслужил молебен и раздал всем солдатам по 1 шиллингу, объявив, что деньги пожертвованы «благодетелем-соотечественником, пожелавшим остаться неизвестным». Затем празднование продолжилось уже за пределами тюрьмы. Для русских офицеров священник заказал торжественный обед в лучшей гостинице города. Интересно обратить внимание на звучавшие там тосты (ведь действие происходило во время войны, на территории страны-противника): «За веру отцов наших», «За Государя и августейшую фамилию», «За ополчившееся на врагов отечество». О праздновании дня святителя Николая Чудотворца русскими пленными в Плимуте сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости». Заметка заканчивалась словами: «Все разошлись, счастливые и довольные тем, что и в пределах земли чуждой, среди плена, все снова были душою и мыслью с родными, снова сошлись с ними в общей молитве за Государя и Отечество и в общем желании им славы и благоденствия»¹¹²⁶.

Благодаря отцу Евгению, «по-русски» встретили пленные и Святую Пасху. О значении этого для их духовного состояния красноречиво свидетельствуют слова Загородникова: «Дни Страстной недели были для каждого русского человека ... чувствительны и горестны, ибо вдруг соединилось много различных причин и много трогательных обстоятельств воссылать молитвы к Богу с чистым сердцем, смиренным духом и со слезами: о нахождении нашем в плену, о кончине императора

¹¹²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 7. 11 января.

Николая Павловича и о страдании и погребении Господа нашего Иисуса Христа. ... Светло-Христово Воскресение было для каждого христианина утешением всех скорбей. ... Поцеловав крест и троекратно в уста отца Евгения, с произношением свидетельства об истинном воскресении Христа, каждый солдат ожил духом, встречая праздник, прославляемый на святой Руси. ... Похристосовавшись друг с другом в тюрьме казематного жилища, мы разговелись пасхою, приготовленную заботливостью священника Попова, получив при этом еще по паре окрашенных яиц и по две пшеничные с корицею лепешки»¹¹²⁷.

С началом размена пленных протоиерей Попов, так же, как и его парижский коллега, провожал соотечественников на родину, раздавая им деньги и служа напутственные молебны.

Заключение мира дало возможность настоятелям русских посольских церквей в Париже и Лондоне вернуться к повседневным занятиям, а также активизировать исследовательскую, публицистическую и переводческую деятельность, направленную на ознакомление Запада с историей, религией и культурой страны, которую они представляли. В частности, с ноября 1859 г. протоиерей Иосиф Васильев начал выпуск франкоязычного православного журнала «L'Union Chrétienne» («Христианское единение»), который вскоре стал заметным явлением в европейском богословском мире. Стараниями отца Иосифа в Париже был построен и 30 августа (11 сентября) 1861 г. торжественно освящен православный храм в честь святого благоверного князя Александра Невского, что стало одной из ярких мирных побед русской культуры на Западе и в определенной степени послужило укреплению связей России и Франции, как в культурной, так и в политической сфере. 16 декабря 1861 г. Васильев был награжден золотым наперсным крестом, украшенным бриллиантами. 21 апреля 1862 г. ему была пожалована митра¹¹²⁸.

¹¹²⁷ Загородников И. Указ. соч. С. 206–207.

¹¹²⁸ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 76 об.

Таким образом, настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереи И. Васильев и Е. Попов в середине XIX в. являлись достойными представителями России и Православной Церкви в странах своего пребывания. Их широкое образование и активная общественная деятельность способствовали созданию за рубежом позитивного образа России, поддержанию престижа империи, открытию духовного диалога между членами различных христианских Церквей. В годы Крымской войны Васильев и Попов по поручению российского МИД оказывали моральную поддержку и материальное вспомоществование русским пленным. Особенное значение это имело для солдат, которые, в отличие от офицеров, по своему воспитанию не были интегрированы в европейскую культуру и к тому же находились в более жестких условиях содержания, а потому тяжело переживали оторванность от родины. Священники также старались оказывать противодействие религиозной и политической пропаганде, активно проводимой в годы войны среди русских пленных католическим духовенством польского происхождения. Все это позволяет утверждать, что деятельность настоятелей русских посольских церквей выходила за узкие рамки канонического служения и, по сути, превращала их в практически полноправных представителей российского дипломатического корпуса.

* * *

Таким образом, Крымская война была не только военно-политическим столкновением государств, но также религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы. Среди большого комплекса причин, породивших войну, важное место занимает церковно-политический фактор. Спор о святых местах Палестины, вылившийся в международный кризис, был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Николай I, осознававший Российскую империю как гаранта прав Вселенской Православной Церкви, не мог позволить западной (прежде всего – французской) дипломатии

вытеснить себя с позиции защитника православных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке, ибо от этого напрямую зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе. Православная составляющая занимала важное место в идеологическом обосновании войны, проводимом Николаем I и Русской Церковью. Военный конфликт представлялся как борьба за святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи, а также как противостояние православной России и «неправославного Запада». Востребованным оказалось и обращение к памяти священной войны 1812–1814 гг. Российское общество воспринимало Крымскую войну как очередной этап борьбы Запада против России и проводило ассоциативные параллели с 1812 г. Священный характер войны признавала и Католическая Церковь Франции, представляя ее как крестовый поход католичества против православия. Одним из проявлений религиозно-цивилизационного противостояния стала, в частности, политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством (особенно – польского происхождения) среди российских военнопленных с целью заставить их изменить веру и перейти на службу противнику, а также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов.

Русская Православная Церковь, как и во время войны 1812–1814 гг., приняла активное участие в предпринятом государством военном столкновении. Помимо направленной на укрепление морального духа армии и народа церковной проповеди, в которой давалось духовно-нравственное истолкование причин, целей и смысла войны, духовенство, наряду с другими сословиями, собирало деньги на военные нужды, работало в госпиталях. Военное и морское духовенство вместе с регулярной армией и флотом принимало участие в военных действиях. Некоторые священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на территории, охваченной военными действиями, также оказали

духовную помощь нашим войскам и даже приняли непосредственное участие в отражении неприятеля. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне, оставаясь во время войны в странах-противниках, оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным. Приходское духовенство старалось также поддерживать спокойствие и порядок в помещичьих имениях, хотя весной 1855 г. в нескольких губерниях (главным образом – в Киевской) в связи с неправильным истолкованием царского манифеста об ополчении все же прошли крестьянские волнения, в ходе которых пострадали десятки священников. В годы Крымской войны впервые в мире непосредственно на театре военных действий для ухода за ранеными и больными был применен женский труд. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых стала прообразом Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею.

Вклад православного духовенства в общее дело борьбы с врагом был оценен императором. 26 июня 1856 г. Александр II утвердил проект бронзового наперсного креста на Владимирской ленте в память минувшей войны, по примеру Отечественной войны 1812 года, для православного духовенства, священнодействовавшего в 1853–1856 гг. На лицевой стороне креста под Всевидящим Оком были помещены вензеля императоров Николая I и Александра II и даты «1853–1854–1855–1856», на оборотной стороне – слова «На Тя Господи уповахом, да не постыдимся во веки»¹¹²⁹. В манифесте от 26 августа 1856 г. подчеркивалось, что данный крест является свидетельством того, что «духовенство и в сию новую годину искушения явило себя достойным своего священного сана, достойным своих бессмертных предшественников, столько раз содействовавших спасению государства и усердными, непрестанно воссылаемыми к

¹¹²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 26. Отд. 2. Ст. 2. Д. 27 а. Л. 7–11.

Престолу Господа сил мольбами, и красноречивым, одушевляющим словом, и собственными доблестными деяниями»¹¹³⁰.

С окончанием Восточной войны прекратила существование «Венская система» международных отношений. Ей на смену пришли другие союзы и объединения европейских государств, в частности, уже в ходе Парижского конгресса наметилось русско-французское сближение, зримым воплощением которого вскоре стал совместный ремонт купола храма Гроба Господня. Условия Парижского мирного договора от 18 (30) марта 1856 г. были достаточно тяжелыми для России. Самыми неприятными из них стали фактическая отмена русского «исключительного покровительства» над Дунайскими княжествами и православными подданными султана (статьи 9-я и 22-я)¹¹³¹, что существенно подрывало влияние Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке и понижало ее международный авторитет как великой державы, а также нейтрализация Черного моря, запрещавшая ей содержать там военный флот и иметь военно-морские арсеналы (статьи 11-я, 13-я и 14-я)¹¹³². После войны российское правительство было вынуждено изменить принципы своей внешней и внутренней политики. По образному выражению министра иностранных дел А.М. Горчакова, Россия «сосредоточилась» на своих проблемах, определив среди них наиболее приоритетные. Результатами этого сосредоточения стали реформы в социально-экономической жизни страны, а также выработка нового подхода на ближневосточном направлении внешней политики, состоявшего в формировании сферы собственных интересов в Святой Земле и расширении русского духовного и политического присутствия на Ближнем Востоке.

¹¹³⁰ ПСЗ-II. Т. 31. № 30877.

¹¹³¹ Определенной компенсацией этой вынужденной уступки, сделанной российским императором, стало издание турецким султаном фирмана, которым он уравнивал в правах всех своих подданных, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности.

¹¹³² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XV. СПб., 1909. С. 307–325.

Глава 4

Русская Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

4.1. Православный фактор русской политики на Балканах: церковно-политические предпосылки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Предыстория Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., вызванной новым обострением Восточного вопроса, в историографии, как правило, связывается с Восточным кризисом середины 1870-х гг., главной составляющей которого было широкое развитие национально-освободительной борьбы южнославянских народов против власти Порты (лето 1875 г. – восстание в Боснии и Герцеговине, апрель 1876 г. – восстание в Болгарии, июнь 1876 г. – вступление в войну против Турции Сербии и Черногории). Между тем предпосылки этого международного конфликта уходят гораздо глубже и логически вытекают из последствий Крымской войны 1853–1856 гг. «Сосредотачиваясь» после понесенного поражения, Россия искала пути для восстановления своих позиций на Балканах и Ближнем Востоке. В это время активизировалось движение болгарского народа за национальную автокефальную Церковь (выход из Константинопольского Патриархата), ставшее, по сути, началом борьбы за политическое освобождение Болгарии. Россия, опасавшаяся дальнейшего снижения своего влияния в регионе, прилагала немалые дипломатические усилия для умиротворения противоборствующих сторон и разрешения разгоравшегося конфликта путем разумного компромисса. Развитие греко-болгарской церковной распри вызвало в российском обществе рост панславистских настроений, пик которых пришелся на время Восточного кризиса середины 1870-х гг. и стал одной из причин, в значительной степени повлиявших на решение российского императора Александра II объявить войну Османской империи.

В непростом положении оказалась в это время Русская Церковь, поддержки которой в этой сложной международной ситуации искали как

российский МИД, так и обе противоборствующие стороны. Осторожная, но однозначная позиция русского Святейшего Синода по греко-болгарскому церковному вопросу создала определенную напряженность в его отношениях с Константинопольской Патриархией, что, в свою очередь, несколько осложнило каноническое общение Русской и Болгарской Церквей в ходе и после войны. Рассмотрим русскую политику в греко-болгарском вопросе с акцентом на деятельности церковной дипломатии, а также покажем реакцию на происходившее различных слоев российского общества.

Для понимания сущности церковно-политической жизни на Балканах конца 1850-х – начала 1870-х гг. прежде всего необходимо кратко проследить историю возникновения и развития греко-болгарского церковного спора.

После завоевания Болгарии турками болгары лишились не только своей государственности, но и национальной Церкви (Тырновский Патриархат был подчинен Константинопольскому престолу в 1393 г., Охридская архиепископия – в 1767 г.). Начало борьбы за церковную автокефалию было связано с пробуждением национального самосознания болгарского народа, ярким проявлением которого стало появление и широкое распространение в списках «Истории славяно-болгарской» иеромонаха Паисия Хилендарского (1762 г.), явившейся своеобразным манифестом патриотизма. Как и движение за просвещение болгар, борьба за церковную независимость основывалась на изданных османским правительством реформаторских актах – Гюльханском хатт-и шерифе 1839 г. и хатт-и хумаюне 1856 г., которые уравнили в правах всех подданных султана без различия вероисповедания, но во многом остались «мертвой буквой закона». Болгарский церковный вопрос практически сразу приобрел политический характер, ибо болгары, находившиеся под двойным гнетом – османским и греко-фанариотским, фактически боролись за национальное выживание. Восстановление автокефальной Болгарской

Церкви означало бы официальное признание турецким правительством самобытности болгарского народа и явилось бы шагом к получению им политических прав. Неслучайно в болгарской историографии период борьбы за церковную независимость принято характеризовать как «мирный этап» национальной революции¹¹³³.

Первые народные выступления в болгарских землях были направлены против греческих архиереев и сопровождались требованиями замены их архипастырями из болгар. Поскольку практически все высшее духовенство православного миллета («millet-i Rûm») Османской империи, включая его главу – Вселенского (Константинопольского) патриарха, было греческого происхождения, то многие иерархи в большей или меньшей степени проводили эллинизацию окормляемого населения, крайними формами которой на Балканах нередко становились уничтожение памятников древней славянской письменности и запрещение богослужения на церковнославянском языке¹¹³⁴. Выступление в 1820 г. жителей Врацы, отказавшихся от уплаты «владычнины» греческому епископу Мефодию, стало предвестником греко-болгарской церковной распри¹¹³⁵. В 1825–1830 гг. вспыхнули восстания в Скопие, Самокове, Стара Загоре и Казанлыке, в ходе которых повсеместно были выдвинуты требования о назначении архиереев из болгар и освобождении от непосильных налогов¹¹³⁶.

Важным моментом в истории греко-болгарского церковного конфликта явились события 1840 г., когда делегация от крупнейшей в болгарских землях Тырновской епархии подала султану жалобу на злоупотребления местного греческого митрополита Панарета и обратилась с просьбой о назначении вместо него архимандрита Неофита (Бозвели),

¹¹³³ Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; она же. Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989 и др.

¹¹³⁴ Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889. С. 20–21.

¹¹³⁵ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 155.

¹¹³⁶ Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 36.

одного из лидеров болгарского национального возрождения. По настоянию Константинопольского патриарха Анфима IV турецкое правительство отклонило эту просьбу, и на Тырновскую кафедру вновь был назначен грек – митрополит Неофит (Византиос). Отказ султана вызвал широкие волнения среди населения болгарских городов¹¹³⁷.

В 1844–1845 гг. делегация константинопольских болгар во главе с Неофитом (Бозвели) и Иларионом (в миру – Стоян Стоянов Михайловский) подала султану два ходатайства, содержавшие ряд требований: открытие в Константинополе болгарского храма, направление в епархии, населенные болгарами, архиереев из славян, назначение им жалованья (вместо податей и сборов), право на издание книг на болгарском языке, учреждение народных училищ, назначение в Порту постоянных болгарских представителей и др. Вскоре оба ходатая по ложному обвинению в подготовке восстания против турецких властей были заключены в монастырскую тюрьму Хилендарской обители. Неофит там и скончался, а Илариону через некоторое время удалось выйти на свободу¹¹³⁸.

В конце 1840-х – 1850-х гг., отчасти при помощи российской дипломатии, Патриархия и турецкое правительство все же пошли на некоторые уступки: в октябре 1849 г. в столице Османской империи была освящена болгарская церковь Св. Стефана, ставшая вскоре центром болгарского национально-освободительного движения, в 1850-х гг. было хиротонисано несколько епископов болгарского происхождения, в том числе упоминавшийся Иларион (Михайловский), возглавивший в 1856 г. болгарскую общину Константинополя с титулом епископа Макариопольского¹¹³⁹.

После Крымской войны и издания хатт-и хумаюна 1856 г., гарантировавшего гражданское равноправие всех подданных султана и

¹¹³⁷ Там же. С. 38.

¹¹³⁸ Там же. С. 40–41.

¹¹³⁹ *Скурат К.Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 155–156.

предусматривавшего в частности прекращение сбора податей в пользу церковных иерархов, видинские болгары обратились в Порту и Патриархию со ставшей уже традиционной просьбой о направлении в болгарские епархии епископов и священников из природных славян и назначении жалованья своим архиереям, но, несмотря на содействие русского посланника в Константинополе А.П. Бутенева, получили отказ¹¹⁴⁰.

Вскоре среди болгар оформляется идея о восстановлении автокефалии Болгарской Церкви. На Константинопольском церковно-народном собрании, открывшем свои заседания в 1858 г., болгарские депутаты выдвинули требования об учреждении независимой болгарской иерархии, которая избиралась бы папством и имела представителей в патриаршем Синоде¹¹⁴¹. За работой церковно-народного собрания, продолжавшейся около двух лет, с напряженным вниманием следили из Санкт-Петербурга.

Русский император Александр II искренне сочувствовал болгарам, но в то же время в Восточном вопросе продолжал политику своих предшественников, в основу которой были положены опора на Константинопольский Патриархат и принцип единства православия на Востоке. Дальнейшее развитие греко-болгарской распри и возможное разделение Церкви привели бы к ослаблению не только двух православных народов, проживавших в исламском государстве, но и к снижению влияния России в регионе. «Мне нужно единство Церкви», – трижды повторил император в беседе с архимандритом Петром (Троицким) 8 июня 1858 г. перед его отъездом в Константинополь в связи с назначением настоятелем русской посольской церкви. Положение священнослужителя Александр II назвал «весьма трудным и щекотливым» (надо «почтительно обходиться с

¹¹⁴⁰ Теплов В. Указ. соч. С. 35.

¹¹⁴¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1899. С. 67.

греками и оказывать покровительство славянам») и советовал ему действовать «с осмотрительностью и благоразумием»¹¹⁴².

В Константинополе архимандрит Петр пробыл в течение двух лет. В это время в письмах к обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому (от 8 ноября 1858 г. и 20 июня 1859 г.) он изложил свои наблюдения за греко-болгарским спором, а также свои действия, направленные на его урегулирование (последние, в частности, выражались в «благоразумном вразумлении» болгар и в обсуждении их требований с патриархом). Прежде всего, отец Петр подчеркнул, что положение дел, открывшееся ему на месте, не вполне соответствовало его первоначальным представлениям. Жалобы болгар на притеснения со стороны греков он считал преувеличенными, а препятствия к выполнению отдельных их требований – объективными и труднопреодолимыми. Например, по его словам: в большинстве болгарских епархий (за исключением «не более семи», расположенных в Македонии) богослужение проводилось на церковнославянском языке, а соответствующие запрещения относились скорее к «частным случаям», чем к «общему правилу»; в 1850-х гг. открылось около 80 болгарских народных училищ (в которых, впрочем, недоставало как учебной литературы, так и учителей); в степень архиерейства болгары действительно возводились крайне редко, однако причиной служило практическое отсутствие среди них людей с высшим духовным образованием¹¹⁴³.

Письма архимандрита Петра вызвали у графа А.П. Толстого недоумение и послужили основанием для того, чтобы заподозрить его в пристрастии к грекам. Они были переданы митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) для составления соответствующего отзыва. Внимательно проанализировав эти послания, Филарет нашел в них ряд

¹¹⁴² Аудиенция архимандриту Петру при назначении его в 1858 году настоятелем русской посольской церкви в Константинополе // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. (Январь, февраль, март). С. 491–493.

¹¹⁴³ Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Т. XXV. (Июль, август, сентябрь). С. 274–283.

противоречий и неточностей и пришел к выводу, что архимандрит не смог объективно разобраться в обстановке («мне достался горький труд указывать темные облака на Востоке, где отец Петр хочет видеть только ясный свет»). Предположение о пристрастном отношении настоятеля русской посольской церкви в Константинополе к греческому духовенству Филарет отклонил («он доброжелательно печется о благе и греков, и болгар»), но при этом заметил у него опасное предубеждение против российского посольства, «соединенное с недостойною уважения склонностью к оппозиции». (Причиной послужила фраза архимандрита Петра: «Страшной, уродливой ненавистью к иерархам греческим заражено наше молодое посольство»)¹¹⁴⁴. В 1860 г. отец Петр был переведен в Афины, а его место в Константинополе занял архимандрит Антонин (Капустин)¹¹⁴⁵.

Находясь в Афинах, архимандрит Петр уже «для себя» написал записку, в которой подчеркнул, что в случае «отделения Церкви болгарской от греческой будут обоюдные потери. Теряет Церковь греческая свое величие, силу, массу, — не хочу упоминать о суетных выгодах. Но и имеющая отделиться Церковь болгарская ничего от того не приобретает, теряя вместе с тем и все то, что теряет Церковь греческая: теряет величие, поелику новая не имеет устройства и твердости; теряет силу, поелику не имеет опыта и единомыслия; теряет массу, поелику остается со своей, крайне невежественной». Положение Болгарской Церкви в случае ее выхода из Константинопольского Патриархата он сравнил с ситуацией раскольников в России¹¹⁴⁶.

Между тем на Балканах и в Константинополе события развивались следующим образом. Противостоянием болгар и греков, а также ослаблением позиций России, утратившей после Крымской войны право

¹¹⁴⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. С. 146–156.

¹¹⁴⁵ О пребывании архимандрита Антонина (Капустина) в Константинополе: *Антонин (Капустин), архим.* Донесения из Константинополя (1860–1865). М., 2013.

¹¹⁴⁶ Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю... С. 283–285.

«исключительного покровительства» православным подданным турецкого султана, воспользовались католические миссионеры, с 1856 г. активно проводившие пропаганду на территории болгарских и македонских епархий. В результате летом 1859 г. жители Полянинско-Дойранской (Кукушской) епархии, недовольные своим епископом-греком Мелетием, решили перейти в унию. Неприятный инцидент удалось предотвратить стараниями Илариона Макариопольского, добившегося назначения Полянинским епископом болгарина Парфения Зографского¹¹⁴⁷. Вскоре к унии временно примкнула часть константинопольской болгарской общины.

В феврале 1860 г. закончило работу церковно-народное собрание, отклонившее все требования, выдвинутые болгарскими представителями. Это известие, а также отказ Патриархии назначить на вакантную Охридскую кафедру архиерея-славянина привели к событию, ставшему поворотным пунктом в болгарском церковно-национальном движении. 3 апреля 1860 г. во время Пасхальной литургии в болгарском храме Св. Стефана в Константинополе епископ Макариопольский Иларион по требованию собравшегося народа вместо имени Константинопольского патриарха Кирилла VII помянул «всякое епископство православных», то есть исполнил порядок поминовения, принятый для предстоятелей автокефальных Церквей. Это означало отказ от признания церковной юрисдикции Константинополя. Акция была поддержана митрополитами Велесским Авксентием и Пловдивским Паисием. Весть о происшедшем быстро разнеслась по всей Болгарии. Из разных мест Илариону приходили благодарственные адреса, раздавались призывы провозгласить его «патриархом всей Болгарии», от чего он, однако, отказался¹¹⁴⁸.

¹¹⁴⁷ Поповкин А.А. Московский Славянский комитет и «Кукушская уния» (1859 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2011. № 2. С. 158–161.

¹¹⁴⁸ Теплов В. Указ. соч. С. 40–41.

Пораженный происшедшим, патриарх Кирилл VII подал в отставку. Его преемник Иоаким II, избранный на патриарший престол 4 октября 1860 г., намеревался решить болгарский вопрос «мерами церковной строгости», о чем и заявил российскому посланнику князю А.Б. Лобанову-Ростовскому при одной из первых встреч. В декабре 1860 г. он разослал окружное послание, в котором обличил «произвольное объявление» болгарскими иерархической независимости, произошедшее «без всякой канонической и другой законности» и подчеркнул, что преосвященные Иларион, Авксентий и Паисий, поддавшись гордости и «гнилому мудрованию», «попрали страшные обещания, данные пред Богом при их рукоположении»¹¹⁴⁹. На послание патриарха болгары дали так называемый «краткий ответ», выполненный в не менее резких выражениях и не содержащий ни малейшего намека на сознание своей неправоты¹¹⁵⁰.

Происходившие события вызвали сильное беспокойство российского правительства. 25 января 1861 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков писал митрополиту Филарету, что церковный вопрос, поднятый болгарскими в Константинополе, «дошел ныне до крайних своих пределов» и «может разрешиться только двояким образом: или болгары составят отдельную Православную Церковь, как в былые времена, – Церковь, имеющую во главе своей патриарха, который будет заседать в Цареградском Синоде, признавая первенство Вселенского патриарха, или же они примут унию и подчинятся папе». Горчаков подчеркивал при этом, что «император, признавая необходимость употребить все меры к удержанию болгар в православной вере и предпочитая самостоятельную Православную Церковь Болгарскую переходу болгар под власть Рима, желал бы, чтобы Российская Православная Церковь присоединила свои усилия к настояниям нашего посланника в Константинополе для представления патриарху всей существенной потребности решиться на уступку желаниям

¹¹⁴⁹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. С. 194.

¹¹⁵⁰ Там же. С. 195.

болгар и на прекращение пагубного раздора признанием Болгарской Церкви самостоятельным членом православной семьи»¹¹⁵¹. Отметим, что получение согласия патриарха являлось в данном случае принципиальным вопросом, ибо без этого, явочным порядком болгары не могли создать *канонически законную* национальную Церковь.

Однако митрополит Филарет полагал, что прямое официальное вмешательство российского Синода в греко-болгарскую распрю без соответствующего приглашения патриарха окажется бесполезным и приведет лишь к охлаждению отношений между Русской Церковью и Константинопольским Патриархатом. По его мнению, в данных условиях патриарху можно было лишь осторожно внушать мысль о необходимости определенных уступок болгарам ради сохранения мира и единства православия, причем лучше делать это путем «посреднического, частного, доверенного сношения»¹¹⁵².

Примером проявления такой осторожной политики является послание российского Святейшего Синода Вселенскому патриарху Иоакиму II в ответ на его «грамоту извещения и общения» от 22 октября 1860 г., присланную в Петербург после избрания на патриарший престол. По совету Филарета в этот документ после традиционных приветствий и уверений в братолюбии было добавлено выражение «глубокой скорби», вызванной «внутренними затруднениями великой Церкви» в связи с болгарским движением. Назвав это движение «незаконным и своевольным», Синод вместе с тем аккуратно обратил внимание патриарха Иоакима на то, что предоставление болгарам определенных уступок помогло бы избежать гораздо больших проблем: «не будет ли усмотрено нужным допустить несколько неприятное, чтобы отвратить бедственное, допустив снисходительное удовлетворение некоторых, более или менее

¹¹⁵¹ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900. С. 535–536.

¹¹⁵² Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. С. 174.

благословных, желаний болгар и неправильные их действия покрыв милосердным прощением, чтобы восстановить мир и обезопасить нераздельность вверенной хранению вашему Церкви»¹¹⁵³.

По тем же причинам осенью 1860 г. митрополит Филарет отклонил предложение А.П. Толстого послать в Константинополь епископа российского Святейшего Синода в качестве представителя-миротворца. Подготовить переговоры патриарха Иоакима II и епископа Илариона («проложить мост» над разделявшей их «пропастью»), по мнению святителя, следовало путем конфиденциального, неофициального посредничества духовного лица, которому доверяют обе стороны (например, архимандрита Антонина (Капустина)). При этом Илариону следовало внушить, что он непременно должен не только смягчить свои требования, но и «обратиться к патриарху с особенным смирением, прося его снисхождения и прощения неправильности, им допущенной», ибо «произвольное прекращение болгарскими возношения имени Вселенского патриарха в богослужении есть важное нарушение соборных правил и вообще порядка и законности»¹¹⁵⁴. В конце января 1861 г. митрополит Филарет, ознакомившись с текстами окружного послания патриарха и болгарского ответа и не найдя в них «семян мира», справедливо усомнился в успехе посредничества и во взаимном желании Илариона и Иоакима II вступить в переговоры¹¹⁵⁵. 24 февраля 1861 г. на Константинопольском поместном соборе болгарские архиереи Иларион, Авксентий и Паисий были низложены и лишены сана, а в апреле того же года высланы на Афон¹¹⁵⁶.

Вскоре в греко-болгарскую распрю вмешалась Порта, получившая от болгарских представителей петицию, содержащую ряд новых требований: участие болгар наряду с греками в избрании патриарха, равное

¹¹⁵³ Там же. С. 110–112.

¹¹⁵⁴ Там же. С. 162–165.

¹¹⁵⁵ Там же. С. 194–196.

¹¹⁵⁶ *Лилуаишвили К.С.* Указ. соч. С. 74.

представительство болгарских и греческих архиереев в Синоде и народном совете при патриархе, избрание жителями епархий кандидатов на замещение кафедр. По настоянию турецкого правительства в июле 1862 г. Иоаким II сформировал смешанную греко-болгарскую комиссию для рассмотрения этих вопросов, но ее члены к соглашению не пришли.

Возвращаясь к митрополиту Филарету, отметим, что на протяжении десятилетия (с конца 1850-х гг. по 1867 г.) греко-болгарский спор занимал одно из центральных мест в его мнениях и отзывах по делам Православной Церкви на Востоке, причем с течением времени точка зрения святителя на решение этой проблемы в целом не менялась. Филарет находил необходимым, чтобы болгары получили возможность молиться Богу на родном языке и «иметь единоплеменное духовенство», но отвергал идею о болгарской церковной независимости, особенно об «автокефалии патриаршеской». Выходом из сложившегося положения он считал компромисс, который называл «разделением без разрыва»: предоставить управление болгарскими епархиями митрополиту-болгарину, который назначал бы епископов, но при этом сам рукополагался Константинопольским патриархом¹¹⁵⁷.

Позиция митрополита Филарета практически полностью разделялась Святейшим Синодом. В историографии неоднократно высказывалась точка зрения о том, что у Синода и МИДа существовали противоположные подходы к решению греко-болгарского вопроса¹¹⁵⁸, однако, на наш взгляд, степень разногласий между этими ведомствами была несущественной, оба они, хотя и с неодинаковой активностью, действовали в одном русле –

¹¹⁵⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. С. 98, 158–159.

¹¹⁵⁸ См., например: *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 231; *она же.* «В делах Востока первой заботой нашей должна быть Святая Церковь...». Две записки обер-прокурора Св. Синода А.П. Толстого по греко-болгарскому вопросу с комментариями императора Александра II. 1860 г. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 50.

примирения сторон путем компромисса ради сохранения единства православия на Востоке.

Так, сходные мыслям Филарета идеи о каноническом наделении Болгарской Церкви определенными правами с сохранением ее неразрывной связи с Константинопольской Патриархией и поддержании традиционных дружеских связей последней с Россией были положены в основу программы действий Н.П. Игнатьева, назначенного в 1864 г. российским посланником в Константинополе.

В январе 1867 г. Н.П. Игнатьев предложил проект, предусматривавший создание особого Болгарского экзархата (церковного округа), который бы управлялся Болгарским Синодом под председательством экзарха, утверждавшегося Константинопольским патриархом. Сначала проект не понравился ни Патриархии, ни Порте. 27 июня 1867 г. Игнатьев писал в российский МИД: «Порта страшится имени Болгарии. Она не хотела бы давать политических границ этой провинции. Турецкие министры боятся, чтобы вопрос церковно-административный не послужил орудием к образованию политического общества, с которым ей впоследствии пришлось иметь бы дело»¹¹⁵⁹. Однако постепенно российскому посланнику удалось склонить и Вселенского патриарха Григория VI, и турецкое правительство к принятию идеи о создании Болгарского экзархата. Для определения его границ была сформирована согласительная комиссия, в работе которой камнем преткновения вскоре стал вопрос о включении (или не включении) в создаваемый округ так называемых смешанных епархий (то есть населенных и болгарами, и греками).

12 декабря 1868 г. патриарх Григорий VI обратился к предстоятелям всех автокефальных Православных Церквей с окружным посланием, в котором предложил решить рассматриваемую проблему на Вселенском

¹¹⁵⁹ Цит. по: *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009. С. 199.

соборе. Святейший Синод Русской Церкви в ответном послании от 19 апреля 1869 г. заявил, что не считает греко-болгарский спор вопросом вселенского характера (ибо он не касается вселенской веры и Церкви) и потому признает «созвание сего собора излишним и неудобным»¹¹⁶⁰. Полагая определение характера болгарского церковного управления внутренним делом Константинопольского Патриархата, Синод призвал Григория VI удовлетворить «по возможности» «если не все, то некоторые желания болгар», которые назвал «самыми естественными, основательными и законными»¹¹⁶¹. Другие Православные Церкви в ответных посланиях Константинопольскому патриарху также выразили свое мнение о требованиях болгар: Сербская Церковь, как и Русская, признала их «заслуживающими удовлетворения», Церкви Иерусалимская, Александрийская, Антиохийская и Греческого королевства – «антиканоническими»¹¹⁶².

В 1869 г. была сформирована новая греко-болгарская комиссия, которая выработала очередной вариант проекта создания Болгарского экзархата, однако Патриархия вновь отказалась его принять. Тогда Н.П. Игнатьев посоветовал болгарам добиться утверждения проекта комиссии специальным правительственным распоряжением, обязательным для обеих сторон, и вести дальнейшие переговоры на его основе. Это и произошло с изданием султанского фирмана от 27 февраля 1870 г., которым был учрежден Болгарский экзархат. В последний вошли епархии, где преобладало болгарское население¹¹⁶³. Что касается смешанных

¹¹⁶⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 214–214 об.

¹¹⁶¹ Теплоу В. Указ. соч. С. 70; Филиппов Т.И. Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря. СПб., 1870. С. 103.

¹¹⁶² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 219.

¹¹⁶³ Руссукская (Русенская), Силистрийская, Преславская (Шуменская), Тырновская, Софийская, Врачанская, Ловчанская, Видинская, Нишская, Пиротская, Кюстендилская, Самоковская, Велесская, а также побережье Черного моря от Варны до Кюстендже (кроме Варны и 20 сел, жители которых не были болгарами), Сливенский санджак (округ) без городов Анхиал (совр. Поморие) и Месемврия (совр. Несебр), Созопольская каза (уезд) без приморских сел и Филиппопольская (Пловдивская) епархия без городов Филиппополь (Пловдив), Станимака (совр. Асеновград), 9 сел и 4 монастырей.

областей, то там предполагалось провести опросы («истиямы») среди населения, за подчинение юрисдикции Болгарского экзархата должны были высказаться не менее 2/3 жителей.

Каноническая связь нового округа с Константинопольским Патриархатом определялась фирманом следующим образом: по избрании экзарха Болгарским Синодом Константинопольский патриарх выдает ему подтвердительную грамоту, имя Патриарха должно поминаться за богослужением, по делам вероисповедания Константинопольский патриарх и его Синод оказывают Болгарскому Синоду требуемую помощь, из Константинополя болгары получают святое миро¹¹⁶⁴.

Болгары торжествовали. Многие представители русской общественности (особенно славянофилы), все это время активно обсуждавшие ход греко-болгарской распри в прессе, ликовали. Игнатъев был очень доволен. В донесении в МИД от 3 марта 1870 г. он оценил издание фирмана, создавшего в Османской империи новый славянский центр, как «плод пятилетних усилий посольства и своих лично». «Создана новая национальность, лишенная до этого всех гражданских и политических прав», – писал он¹¹⁶⁵. В письме родителям от 10 марта 1870 г., сообщая об указанном событии, Николай Павлович отмечал: «Не мог я уйти из Константинополя, не решив этого вопроса. Патриарх посердится, и помирятся, а жизнь народная пойдет вперед, и ее теперь уже не остановят ни турки, ни католики, ни протестанты, унии теперь я не боюсь»¹¹⁶⁶. При этом российский посланник понимал, что фирман являлся не окончательным, а лишь переходным этапом в решении церковного спора. Теперь необходимо было добиться канонического признания Болгарского экзархата со стороны Константинопольской Патриархии.

¹¹⁶⁴ Текст фирмана см.: Българската екзархия: сборник документи от архивните фондове на Народна библиотека «Иван Вазов». Пловдив, 2003. С. 43–45; русский перевод его статей см.: *Пальмов И.С.* Болгарская экзархийская церковь: первоначальное и современное ее устройство. СПб., 1896. С. 6–9.

¹¹⁶⁵ Цит. по: *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 203.

¹¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4492. Л. 29.

Между тем патриарх Григорий VI оспорил компетенцию Порты в решении религиозных вопросов и 30 сентября 1870 г. вновь предложил решить болгарский вопрос на Вселенском соборе. Российский Святейший Синод в ответном послании от 2 марта 1871 г. снова не поддержал это предложение, аргументировав свою точку зрения следующим образом: во-первых, настоящий вопрос не носит вселенского характера, так как не касается оснований веры и Вселенской Церкви, а относится исключительно к церковному управлению и, согласно с церковными канонами, может и должен быть решен Поместным собором местной Константинопольской Церкви; во-вторых, ответы частных православных Церквей на первое послание патриарха по болгарскому вопросу ясно показали, что в случае созыва Вселенский собор не сможет принять окончательного (единогласного) решения, а только «представит печальное зрелище открытого разногласия, если не разделения, между Церквями греческими и славянскими». Наконец, обращалось внимание на то, что болгарский церковный вопрос уже решен, хотя и не канонически, турецким правительством, и что в окончательной редакции проекта Болгарского экзархата, утвержденного султанским фирманом, насчитывается лишь четыре несущественных разногласия с требованиями Константинопольской Патриархии. «Каждый беспристрастный, — говорилось в послании, — должен согласиться, что из-за таких незначительных разногласий было бы несправедливо отвергать, отлучать от Церкви и называть раскольниками болгар, когда они заявляют, что не желают совершенно отделяться от Вселенской Патриархии, а, напротив, желают сохранять с нею связь и по делам веры, и иерархическую, и вообще церковную, согласно со священными канонами». В завершение документа члены российского Синода подчеркнули, что усердно молят Бога о том, чтобы Вселенский патриарх «успешно совершил великий подвиг замирения и полного успокоения» своей «столько уже лет мятущейся духовной паствы» и явил миру «новый высокий пример

пастырского самоотвержения, снисходительности и всепрощающей любви»¹¹⁶⁷.

В сентябре 1871 г. на Вселенский престол вступил 82-летний патриарх Анфим VI, поначалу искренне желавший примирения с болгарами. В ходе возобновившихся переговоров, в которых негласное участие принимал Игнатъев, убеждавший греков быть сговорчивее, а болгар – смиреннее, были достигнуты соглашения по всем вопросам, кроме территориальных. Патриарх был готов расширить территорию Болгарского экзархата до 23 епархий, включив в нее часть Фракии и Македонии, за исключением нескольких крупных городов (Филиппополя, Варны и др.)¹¹⁶⁸. Однако болгарские радикалы (среди которых особенно выделялся С.И. Чомаков), подстрекаемые турками, сначала настаивали на включении в состав экзархата 35 епархий, простирающихся, по словам сотрудника российского посольства в Константинополе В.А. Теплова, «до самых почти ворот Царьграда и охватывающих три четверти Македонии», а затем, во время официального обсуждения в патриаршей резиденции проекта Анфима VI, неожиданно потребовали дополнительных уступок, в том числе передачи Филиппополя и Варны¹¹⁶⁹. Н.П. Игнатъев полагал, что «крайняя партия» болгар намеренно старалась сорвать переговоры с патриархом, явно ратуя за создание «раскольнической Церкви», которую «рано или поздно признали бы другие автокефальные Церкви»¹¹⁷⁰. Что касается турок, то они, традиционно действуя в отношении христианского населения по принципу «разделяй и властвуй», в сложившихся условиях предпочитали греко-болгарскому соглашению греко-болгарский разрыв¹¹⁷¹.

¹¹⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 216–225.

¹¹⁶⁸ Теплов В. Указ. соч. С. 99.

¹¹⁶⁹ Там же. С. 97, 100.

¹¹⁷⁰ Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Издание подготовили О.В. Анисимов, К.А. Вах; отв. ред. П.В. Стегний. М., 2015. С. 366.

¹¹⁷¹ Там же. С. 292–293, 372.

Спровоцированная болгарскими радикалами несанкционированная Богоявленская служба, проведенная 6 января 1872 г. в константинопольской церкви Св. Стефана, положила предел миролюбию патриарха Анфима. Несмотря на попытки Н.П. Игнатьева предотвратить крайние меры, архиереи, совершившие богослужение, были подвергнуты строгим церковным наказаниям: митрополиты Пловдивский Панарет и Ловчанский Иларион низложены, а епископ Макариопольский Иларион отлучен от Церкви¹¹⁷². Вскоре Порта санкционировала действия по претворению в жизнь фирмана 1870 г. и разрешила болгарам выборы экзарха. 16 февраля 1872 г. Болгарским экзархом был избран Анфим (Чалыков), митрополит Видинский.

Определенные шаги, направленные на умиротворение сторон, предпринял известный церковный историк А.Н. Муравьев. В частности, 1 марта 1872 г. в письме к экзарху Анфиму I он вспомнил, что в свое время тот был рукоположен в иеромонахи митрополитом Московским Филаретом в Троице-Сергиевой лавре и, ссылаясь на авторитет и пример покойного святителя, посоветовал ему проявить смирение и просить Вселенского патриарха о каноническом посвящении¹¹⁷³. То же самое настоятельно рекомендовал экзарху и Н.П. Игнатьев.

Между тем, несмотря на все старания российской церковной и светской дипломатии, отношения между греками и болгарами продолжали накаляться, все больше приближаясь к окончательному разрыву. В апреле 1872 г. патриарх Анфим VI трижды отказался принять экзарха Анфима I и отклонил все поступившие от него просьбы. Тогда 11 мая 1872 г., в день памяти святых Кирилла и Мефодия, экзарх Анфим I с тремя сослужившими ему архиереями, церковное наказание которых он отказался признать действительным (митрополитами Пловдивским Панаретом и Ловчанским Иларионом и епископом Макариопольским

¹¹⁷² Теплов В. Указ. соч. С. 105; Маркова З. Българската екзархия. 1870–1879. С. 49.

¹¹⁷³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3243. Л. 9–10.

Иларионом), совершил литургию, после чего торжественно зачитал акт о провозглашении Болгарской Церкви автокефальной. Ответ патриарха Анфима VI не заставил себя долго ждать. 13–15 мая 1872 г. на заседании Синода Константинопольской Патриархии экзарх Анфим I был лишен сана и низложен, митрополиты Панарет и Иларион отлучены от Церкви, а епископ Макариопольский Иларион предан вечной анафеме¹¹⁷⁴. Вместе с тем началась подготовка к созыву собора для решения болгарского вопроса. В столице Османской империи проходили манифестации греческого населения. 15 тыс. греков подписали прошение к патриарху об объявлении болгар схизматиками¹¹⁷⁵.

14 августа 1872 г. в письме к Вселенскому патриарху Анфиму VI А.Н. Муравьев выразил сердечную боль из-за происходившего «разрушения единства церковного». «Не оправдываю дерзновения болгар, – писал он, – но могу ли равнодушно смотреть и на чувство национальной неприязни, проникшее в область церковную под оболочкою канонов! До чего дошло это чувство, что и на двор Патриарший врываются с кликами: “Да здравствует схизма!”». Подчеркнув, что «в нынешнюю тревожную эпоху» необходимо не поднимать «народные бури», а «стараться их умиротворить», Муравьев отметил, что полагается «на мудрость стольких святителей, сошедшихся на собор», и молит Бога, чтобы «процвели на нем желанные мир и утверждение»¹¹⁷⁶. В письме к Иерусалимскому патриарху Кириллу II от того же числа А.Н. Муравьев выразил надежду, что «твердое слово трех Патриарших Престолов Александрии, Антиохии и Иерусалима» сможет на предстоящем соборе «умиротворить смятение, возникшее в Великой Церкви»¹¹⁷⁷. Отметим, что на патриарха Иерусалимского А.Н. Муравьев возлагал особые надежды. В письме митрополиту Сербскому Михаилу (Йовановичу) от 30 августа 1872 г. он назвал

¹¹⁷⁴ Теплов В. Указ. соч. С. 111; Маркова З. Българската екзархия. 1870–1879. С. 51.

¹¹⁷⁵ Теплов В. Указ. соч. С. 113.

¹¹⁷⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3243. Л. 5–8.

¹¹⁷⁷ Там же. Л. 11–12.

патриарха Кирилла II «по твердости своей и разуму» «душой всей противоположной партии, осуждающей анафемы Великой Церкви», и выразил надежду на то, что на соборе «перевес и общее мнение будут на его стороне»¹¹⁷⁸.

Константинопольский собор Восточных Православных Церквей начал свои заседания 29 августа 1872 г. 16 сентября он рассмотрел и утвердил постановление о провозглашении Болгарской Церкви схизматической. Отныне она рассматривалась Вселенской Церковью как раскольническая, уклонившаяся в ересь филетизма (принцип племенного различия). От Церкви были отлучены экзарх, все болгарские архиереи, а также все те, кто «находился в духовном общении с ними»¹¹⁷⁹.

Из присутствовавших на соборе иерархов постановление не подписал лишь патриарх Иерусалимский Кирилл II, за два дня до утверждения документа отбывший в Святой Град для встречи великого князя Николая Николаевича старшего, ехавшего на освящение русского Троицкого собора, и для совещания во вопросу о схизме со своим Иерусалимским Синодом¹¹⁸⁰. Отъезд Кирилла II отнюдь не означал его бегства или нежелания открыто отстаивать свое мнение. Последнее он неоднократно выражал еще до начала официальных заседаний собора (все восточные патриархи прибыли в Константинополь заранее). Неслучайно толпы константинопольских греков кричали в его адрес оскорбления: «Иуда!», «Русский шпион!», «Да погибнет Иерусалимский панславист!»¹¹⁸¹. Вспоминая события тех дней и объясняя свою позицию, патриарх Кирилл II в январе 1873 г. писал А.Н. Муравьеву: «...Когда по

¹¹⁷⁸ Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И.Ю. Смирнова. М., 2019. С. 552–553.

¹¹⁷⁹ Маркова З. Българската екзархия. 1870–1879. С. 52; Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. С. 372.

¹¹⁸⁰ Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном Востоке... С. 9.

¹¹⁸¹ Теплов В. Указ. соч. С. 114; Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке... С. 552.

приглашению святейшего Вселенского Патриарха мы прибыли в июле месяце прошедшего года из Иерусалима в Константинополь и узнали дела поближе, мы нашли все умы в большом волнении, возмущенные воплями черни и предвзятыми мнениями, не имеющими ничего более в виду, как только одни национальные антипатии. По сей причине мы не одобрили того неправого пути, на который столь нерассудительно вступила Константинопольская Церковь, и говорили собравшимся святейшим Патриархам и иерархам, что, когда можно было бы мирно решить этот вопрос согласно со священными правилами, не следует нам столь несправедливо и не по-христиански изыскивать предлог для объявления схизмы»¹¹⁸². Патриархи Александрийский и Антиохийский и архиепископ Кипрский сначала разделяли точку зрения патриарха Кирилла II, но затем под влиянием эллинской партии, возглавляемой архиепископом Сирова Александром (Ликургосом), изменили свое мнение¹¹⁸³.

Что касается Русской Церкви, то она уклонилась от участия в соборе и не присоединилась к его приговору, оставив без ответа послание Константинопольского патриарха Анфима VI о провозглашении схизмы. В то же время Святейший Синод со свойственной ему осторожностью не ответил и на послание Болгарского экзарха Анфима I, считавшего несправедливым решение собора и искавшего поддержки предстоятелей Поместных Православных Церквей.

Возвращаясь к патриарху Иерусалимскому Кириллу II, отметим, что своей позиции он остался верен до конца. После отъезда из Святого Града великого князя Николая Николаевича старшего Иерусалимский Синод под давлением Константинопольской Патриархии потребовал от Кирилла II подписать соборное постановление или удалиться на покой¹¹⁸⁴. Патриарх

¹¹⁸² *Муравьев А.Н.* Переписка с восточными иерархами по греко-болгарскому делу. Киев, 1873. С. 39.

¹¹⁸³ *Муркос Г.* Мнение православных арабов о греко-болгарской распри. М., 1880. С. 7.

¹¹⁸⁴ *Дмитриевский А.А.* Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке... С. 10.

наотрез отказался. «Нисколько не уклоняясь отъявленного нами мнения, – писал он А.Н. Муравьеву, – мы решились, по слову Апостола, “повиноваться более Богу нежели людям”, и таким образом с твердостью претерпели воздвигшееся на нас тяжкое гонение»¹¹⁸⁵. В ноябре 1872 г. патриарх Кирилл II был объявлен схизматиком и низложен. Примечательно, что почти вся православная арабская паства Иерусалимской Церкви вместе с белым духовенством поддержала патриарха Кирилла II, которого в подаваемых ему прошениях приравнивала к Марку Эфесскому, отвергшему латинскую ересь на Флорентийском соборе¹¹⁸⁶. Из-за возникших в Иерусалиме смут по распоряжению турецкого правительства Кирилл II под охраной был вывезен в Константинополь. В этой сложной ситуации Россия оказала ему материальную и духовную поддержку. В марте 1873 г. по ходатайству Н.П. Игнатьева император Александр II назначил бывшему патриарху Иерусалимскому ежегодную пенсию в 10 тыс. рублей¹¹⁸⁷. А.Н. Муравьев вообще полагал, что Кириллу II предпочтительнее было бы переехать в Россию. В письме Н.П. Игнатьеву от 21 декабря 1872 г. он рассматривал различные варианты размещения «почтенного старца» на русской земле (ни один из них не состоялся): «...Где же он приютится в Царьграде? На подворье не пустят или засудят. Необходимо ехать ему в Россию, и даже помимо Толстого; напиши прямо царю. ...Мог бы жить в Кишиневе, потому что греки задушат в Одессе. Разумеется, всего бы приличнее в Киеве, если бы оценили и приняли почетно. Дом софийской митрополии свободен; митрополит заходит туда только несколько раз в год после обедни... Ради Бога, не выдай старца, который может служить залогом

¹¹⁸⁵ Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке... С. 570.

¹¹⁸⁶ *Муркос Г.* Указ. соч. С. 3.

¹¹⁸⁷ *Дмитриевский А.А.* Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке... С. 14–15.

примирения и для нас опора»¹¹⁸⁸. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) вплоть до марта 1873 г. (пока не состоялся официальный обмен грамотами между новым патриархом Иерусалимским Прокопием II и российским Святейшим Синодом) воздерживался от общения с «непризнаваемыми» им святогробскими властями и во время богослужений поминал Кирилла как патриарха¹¹⁸⁹.

Позиция Антиохийского Синода относительно решения Константинопольского собора 1872 г. была прямо противоположной той, что занял Иерусалимский Синод. Еще до начала заседаний собора иерархи Антиохийской Церкви направили отправившемуся в Константинополь патриарху Антиохийскому Иерофею коллективное заявление. Подчеркнув, что узнали о его отъезде на собор «из газет» и тем самым недвусмысленно намекнув на несоблюдение им своей обязанности предварительно посоветоваться с Синодом, иерархи изложили свое мнение по поводу греко-болгарской распри как мнение Антиохийской Церкви: «...Наша Церковь, приняв роль посредницы и вестницы мира, должна стараться о мирном решении вопроса, ибо только такое решение угодно Богу, похвально и согласно с христианским вероучением. Раскол же, которого домогаются в Константинополе некоторые крайние сторонники обеих партий, имеющие, по словам Апостола языков, ревность, но не по разуму, — дело ненавистное и дьявольское наущение, достойное проклятия всех будущих христианских поколений. ...Мы считаем несогласным и даже противным основным началам веры признать в расколе с Церковью народ православный и многочисленный»¹¹⁹⁰. Когда же патриарх Иерофей подписал постановление Константинопольского собора о болгарской схизме, антиохийские иерархи, собравшись в Бейруте, особым актом

¹¹⁸⁸ Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке... С. 432–433.

¹¹⁸⁹ *Дмитриевский А.А.* Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке... С. 15–16.

¹¹⁹⁰ Цит. по: *Муркос Г.* Указ. соч. С. 6.

объявили подпись своего патриарха выражением его личного мнения, а не мнения всей Антиохийской Церкви. В результате схизма не была обнародована ни в одном из храмов Антиохийского Патриархата, даже в кафедральном патриаршем соборе в Дамаске¹¹⁹¹.

Болгарская схизма вызвала оживленную дискуссию в русском обществе. 19 ноября 1872 г. историк-славист, секретарь Московского славянского благотворительного комитета Н.А. Попов писал болгарскому публицисту Т. Бурмову в Константинополь: «Отлучение болгар произвело здесь сильное впечатление, которое растет с каждым днем и вызывает журнальное и газетное обсуждение его. Все церковные журналы стоят за болгар; громадное большинство светских также за них, и только один Третий Филиппов в газетке “Гражданин” громит болгар и называет их мятежниками. В общественном мнении возникает раздражение против греков. Константинопольские корреспонденции “Московских ведомостей” читаются нарасхват»¹¹⁹². Отметим, что светский богослов и публицист Т.И. Филиппов, некогда близкий славянофилам, а в 1860–1870-х гг. занимавший прогреческую позицию, конечно, не был одинок в своих взглядах, однако его сторонники (к которым вскоре присоединился и известный философ К.Н. Леонтьев) в развернувшейся полемике составляли явное меньшинство.

Следует отметить, что взгляды К.Н. Леонтьева на греко-болгарскую распрю прошли определенную эволюцию. Поначалу он искренне сочувствовал национальным чаяниям болгар. После Константинопольского собора 1872 г., тяжело переживая произошедший раскол, К.Н. Леонтьев обвинял в филетизме и пренебрежении интересами православия обе стороны распри, при этом все же отдавая предпочтение позиции болгар. Так, в январе 1873 г. в статье «Панславизм и греки»,

¹¹⁹¹ Муркос Г. Указ. соч. С. 7.

¹¹⁹² Цит. по: Воробьева И.Г. Греко-болгарская церковная борьба в работах историка-слависта Н.А. Попова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 82.

отмечая «печальное ожесточение греков и болгар друг против друга», он подчеркивал, что «ум беспристрастный, не подкупленный страстями борьбы, может ... понять и тех и других и, соглашаясь, конечно, что *болгары несравненно правее*, объяснить и даже извинить в некотором смысле отчаяние греков»¹¹⁹³. Больше всего К.Н. Леонтьев опасался, в связи с этим, греко-русского разрыва, что, по его мнению, трагически сказалось бы на положении православия в мире. Вскоре, изучив, по собственному признанию, «дело ближе» (в 1872–1874 гг. К.Н. Леонтьев находился в Константинополе), он кардинально пересмотрел свою точку зрения. Теперь философ полагал, что «болгары не только отложились *своевольно* от Патриарха (то есть вопреки его запрещению), ... но и *преднамеренно* искали *раскола*, преднамеренно всячески затрудняли мирный исход, чтобы произвести больше политических захватов; ... что они бестрепетно готовы потрясти всю Церковь и нарушить весьма существенные и важные уставы ее в пользу своей неважной и, видимо, ни к чему замечательному не призванной народности»¹¹⁹⁴. В 1875 г. в статьях «Византизм и славянство» и «Еще о греко-болгарской распре» К.Н. Леонтьев даже выразил сомнение в общности интересов России и болгар. В 1879 г. он назвал «нашим болгаробесием» российский общественный подъем первой половины 1870-х гг.¹¹⁹⁵, а в 1887 г. признал «ошибкой» России «слишком явное и неосторожное потворство болгарам в их незаконной и неправославной борьбе против Вселенской Патриархии»¹¹⁹⁶. При этом Леонтьев подчеркнул, что «дипломатия наша была гораздо в этом деле сдержаннее,

¹¹⁹³ Леонтьев К. Панславизм и греки (1873 г.) // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). М., 1996. С. 42.

¹¹⁹⁴ Леонтьев К. Дополнение к двум статьям о панславизме (1884 года) // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). С. 81.

¹¹⁹⁵ Леонтьев К. Письма отшельника (1879 г.) // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). С. 166.

¹¹⁹⁶ Леонтьев К. Записки отшельника (1887 г.) // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). С. 448.

осторожнее, через что и *православнее* нашей публицистики. За исключением “Гражданина”, помещавшего тогда статьи Т.И. Филиппова, и позднее “Востока” (Н.Н. Дурново), кто же у нас не рвал и не метал за “братьев-славян” и против греков?». Особенно, по его словам, «гремели против “фанариотов”» «оба столпа нашей патриотической печати, Катков и Аксаков»¹¹⁹⁷.

Среди русских православных иерархов одним из ярых противников признания отлучения болгар выступил архиепископ Литовский и Виленский Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский. В своей записке «Греко-болгарский церковный вопрос и его решение», составленной в 1873 г., он подчеркнул недействительность болгарской схизмы для России: «Определение Константинопольского собора, как поместного, обязательно лишь для тех Церквей, архипастыри которых на нем присутствовали, а для всех прочих самостоятельных Церквей нисколько не обязательно... Мы можем, мы должны признавать и болгар, как и греков, несмотря на совершившийся между ними разрыв, равно нашими братьями по вере и православию»¹¹⁹⁸.

Император Александр II, недовольный решением Константинопольского собора 1872 г. и низложением патриарха Иерусалимского Кирилла II, в 1873 г. наложил секвестр (в пользу казны) на доходы Восточных Патриархатов с бессарабских имений их монастырей. (Греческие епитропы были высланы из бессарабских метохов, а монастыри получали теперь только 2/5 своих доходов через русское посольство в Константинополе и генеральное консульство в Солуни, причем по усмотрению дипломатов эти средства могли удерживаться

¹¹⁹⁷ Там же.

¹¹⁹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 330–332; Макарий, митрополит. Греко-болгарский церковный вопрос и его решение // Православное обозрение. 1891. Т. III. (Ноябрь, декабрь). С. 752–754.

вплоть до решения в пользу русских тех или иных спорных вопросов.)¹¹⁹⁹ Своеобразным противодействием со стороны Вселенской Патриархии стал конфликт, возникший в Русском Свято-Пантелеимонове монастыре на Афоне, находившемся в церковной юрисдикции Константинопольского Патриархата.

Этот конфликт, названный современниками «греко-русским Пантелеимоновским процессом», наметился еще в октябре 1870 г., когда престарелый игумен Свято-Пантелеимонова монастыря Герасим объявил своим «нареченным преемником» русского члена братии – архимандрита Макария (Сушкина), что вызвало недовольство ряда афонских, а вслед за ними и внеафонских монахов-греков. По справедливому замечанию А.А. Дмитриевского, «это одно обстоятельство, взятое само по себе, едва ли бы раздуло издавна тлевшуюся [в обители] искру затаенной вражды греков к русским», если бы к нему «не примешался целый ряд других фактов, с которыми так или иначе связывалось русское имя»¹²⁰⁰. Среди последних важнейшими были «молчаливый отказ» российского Святейшего Синода поддержать решение Константинопольского собора 1872 г. о болгарской схизме и упомянутый выше «бессарабский секвестр». Все это привело к подъему в греческой среде антиславянских и антирусских настроений.

В 1873 г. на Афон прибыли архиепископ Сироса Александр (Ликургос), прямо призвавший греков к крестовому походу против славян, и патриаршая комиссия, получившая предписание изучить обстановку и предложить меры для защиты греческих интересов. По меткому выражению Н.П. Игнатьева, посеянные ими «семена розни» вскоре «принесли плоды» – в монастыре Св. Пантелеимона между греческими и

¹¹⁹⁹ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Серия «Русский Афон XIX–XX веков». Т. 5. Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2015. С. 345.

¹²⁰⁰ *Дмитриевский А.А.* Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 162.

русскими иноками разгорелась ожесточенная внутренняя борьба, воспринимавшаяся противниками России в качестве «отправной точки для греко-русской схизмы»¹²⁰¹. В греческих газетах развернулась антирусская информационная кампания, в ходе которой раздувались национальные и политические страсти: Россия обвинялась в «панславизме» и желании выдавить с Афона греческий элемент, всерьез даже обсуждался вопрос о якобы предстоявшем осуждении русских по примеру болгар¹²⁰².

Притесняемая греками, русская часть братии Свято-Пантелеимонова монастыря была вынуждена поставить вопрос о разделении обители на две общины. В январе 1874 г. игумен Герасим дал на это письменное благословение, подчеркнув, что в предстоявшем разделе «преимущественное право» принадлежит русской братии, выстроившей большую часть монастыря и содержавшей на свои средства все братство¹²⁰³. Греки, желавшие сами управлять всей обителью, не согласились с этим решением.

«Пантелеимоновское дело» довольно долго рассматривалось в Афонском Протате, а затем – в церковном суде Константинопольского Патриархата. Благодаря стараниям Н.П. Игнатьева, рассматривавшего физическое и духовное присутствие своих соотечественников на Афоне как одну из важных опорных точек политики России на Ближнем Востоке, а также прекращению финансирования русскими иноками греческой братии монастыря и стечению иных обстоятельств оппозицию удалось подавить. Переломным моментом стала смерть игумена Герасима, наступившая 10 мая 1875 г., на 103 году жизни. По традиции афонских монастырей, на 10-й день после его кончины в обители состоялись выборы нового игумена, при этом на голосование была поставлена кандидатура

¹²⁰¹ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. С. 381.

¹²⁰² *Дмитриевский А.А.* Русские на Афоне... С. 168–175.

¹²⁰³ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 349–350; *Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М.* История русского Афона. М., 2016. С. 87–88.

«нареченного преемника» – отца Макария, под которой подписалась большая часть братии: 406 русских иноков и несколько греков. Перебаллотировка, устроенная 20 июля 1875 г. по распоряжению патриарха Иоакима II в присутствии уполномоченных, только закрепила результат: за архимандрита Макария высказались 415 человек (по другим данным – 424), против – 118 человек. 15 октября Иоаким II утвердил Макария игуменом и закрепил за монастырем уже существовавшее наименование «Русский». Недовольным грекам было предложено покинуть обитель: 20 человек ушли добровольно, 11 – были высланы. В ноябре 1875 г. Константинопольский патриарх издал особую разрешительную грамоту, в которой отпустил братии монастыря все грехи, совершенные за весь период греко-русской распри¹²⁰⁴. Таким образом, России удалось укрепить свои позиции на Афоне, сохранить целостность Русского Свято-Пантелеимонова монастыря и уклониться от разрыва с Константинопольским патриархом.

В то же время, желая подстраховать русских афонцев на случай возникновения у них новых конфликтов с греками и появления реальной опасности быть все же удаленными со Святой Горы, Н.П. Игнатьев по просьбе старцев Макария и Иеронима исходатайствовал у Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича право основать в Сухумском округе филиальное, но независимое отделение Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне¹²⁰⁵. Для новой обители приехавшими со Святой Горы в Абхазию иноками было выбрано место у древнего храма св. апостола Симона Кананита (где, по преданию, он был

¹²⁰⁴ Подробнее о греко-русском Пантелеимоновском процессе см.: *Дмитриевский А.А.* Русские на Афоне... С. 178–199; *История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года.* С. 346–365; *Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М.* Указ. соч. С. 72–97; *Пахомов П., диакон.* «Высокий делатель христианских добродетелей и великий защитник русских». Граф Игнатьев и Русский Пантелеимонов монастырь // *Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Серия «Русский Афон XIX–XX веков».* Т. 12. Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2016. С. 532–569.

¹²⁰⁵ *Дмитриевский А.А.* Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке... С. 19–20.

погребен). 27 ноября 1875 г. им было отведено 327 десятин земли под усадьбу и угодье, а также особый участок строевого леса. Так возник Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь¹²⁰⁶.

Возвращаясь к народному движению в Болгарии, отметим, что, по справедливому замечанию Н.П. Игнатьева, «провозглашение схизмы вместо того, чтобы обескуражить болгар, разбудило в них мечты о политической независимости»¹²⁰⁷, что вскоре выразилось в подъеме национально-освободительной борьбы.

Таким образом, в греко-болгарском церковном споре, являвшемся в XIX в. одним из ключевых вопросов церковно-политической жизни на православном Востоке, Россия по ряду причин не могла открыто поддержать какую-то одну из конфликтовавших сторон. И светская, и церковная дипломатии были вынуждены действовать достаточно осторожно, добиваясь от противников взаимных уступок и достижения компромисса. Не все запланированное удалось осуществить, тем не менее в сложных международных условиях Россия оказала значительную поддержку болгарскому церковно-освободительному движению, ставшему предвестником борьбы болгарского народа за политическую независимость. В русском обществе греко-болгарская распря, вызвав противоположные мнения, в целом обеспечила рост панславистских настроений. Рассмотрим место Русской Церкви в общественном подъеме, начавшемся в России в период Восточного кризиса 1875–1878 гг., а также проследим, как повлияло решение Константинопольского собора 1872 г. о болгарской схизме на отношение русского духовенства к болгарам во время войны 1877–1878 гг.

¹²⁰⁶ А.Л. [Архим. Леонид (Кавелин)] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. М., 1885. С. 106–107.

¹²⁰⁷ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. С. 376.

4.2. Российское «славянское движение» 1875–1876 гг. и Русская Православная Церковь

Восстание в Боснии и Герцеговине (1875–1877), ознаменовавшее собой начало Восточного кризиса 1875–1878 гг., а затем – сербско-турецкая и черногорско-турецкая войны (1876–1877; 1876–1878) и особенно Апрельское восстание в Болгарии (1876), жестоко подавленное башибузуками, вызвали в российском обществе горячее сочувствие южным славянам, переросшее вскоре в общественный подъем, масштаб и силу которого современники сравнивали с настроением русского народа во время Отечественной войны 1812 года. Так, например, литературовед и публицист А.Н. Пыпин писал в октябре 1876 г.: «Судьба южно-славянских “братьев” никогда не принималась к сердцу русским обществом с такой горячностью, как в эти последние месяцы. ...Движение достигало таких размеров, что даже иностранные наблюдатели находили, что со времен войны двенадцатого года в русском обществе еще ни разу не сказывалось такого одушевления, такого всеобщего порыва»¹²⁰⁸. При этом, как справедливо отметила историк Л.И. Нарочницкая, «движение сочувствия и помощи южным славянам не было инспирировано царским правительством, как это нередко утверждали на Западе, а возникло в России стихийно, как непосредственная реакция на происходившие на Балканах события, на публикуемые в русской печати сообщения о бедствиях “братьев славян” и призывы о помощи со стороны славянских деятелей, воззвания славянских комитетов и т.д.»¹²⁰⁹. Следует подчеркнуть, что в приведенном исследовательницей перечне причин, вызвавших широкий подъем в российском обществе, отсутствует одна, крайне важная для рассматриваемой нами проблемы – соответствующая проповедническая и иная деятельность Русской Церкви.

¹²⁰⁸ А.П. [Пыпин А.Н.] Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса // Вестник Европы. 1876. Кн. 10. С. 876.

¹²⁰⁹ Нарочницкая Л.И. Вступительная статья // Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 / Отв. ред. А.Д. Нарочницкий. М., 1978. С. 10.

Восстание, начавшееся в июле 1875 г. в Герцеговине, а затем в Боснии, сразу столкнулось с упорным сопротивлением, а вскоре и наступлением турецких войск, что вызвало потоки беженцев в Далмацию (в то время – территория Австро-Венгрии), Черногорию и Сербию. Лишенные каких бы то ни было средств к существованию, беженцы оказались на пороге гуманитарной катастрофы. Чтобы оказать им помощь, в Австро-Венгрии, Сербии, Черногории и некоторых других европейских странах были открыты соответствующие подписки по сбору денежных средств. В России с подобной инициативой выступили Славянские комитеты. В середине августа 1875 г. Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета обратился в МИД с просьбой разрешить ему открыть подписку в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине¹²¹⁰. Практически параллельно (20 августа 1875 г.) Одесское славянское благотворительное общество им. Кирилла и Мефодия подало прошение по тому же вопросу Одесскому градоначальнику Н.И. Бухарину¹²¹¹. 25 августа 1875 г. вице-директор Азиатского департамента МИД А.А. Мельников сообщил председателю Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета И.П. Корнилову, что 23 августа император Александр II, до сведения которого было доведено упомянутое намерение возглавляемой им (Корниловым) организации, разрешил открыть предполагаемую подписку «с тем, однако, непременным условием, чтобы собранные деньги были предоставлены исключительно в пользу жертв восстания и никак не в пользу самих инсургентов». А.А. Мельников добавил также, что «Министерство иностранных дел готово со своей

¹²¹⁰ Письмо вице-директора Азиатского департамента МИД А.А. Мельникова председателю Петербургского отдела Славянского комитета И.П. Корнилову о разрешении проводить сбор средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине. 25 августа 1875 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. / Под ред. С.И. Никитина и др. Т. 1: Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961. С. 88.

¹²¹¹ Пршение Одесского славянского благотворительного общества Одесскому градоначальнику Н.И. Бухарину о разрешении сбора средств для герцеговинских беженцев. 20 августа 1875 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 85.

стороны оказать полнейшее содействие к передаче по назначению собранных денег» через российского консула в Рагузе, и что в случае принятия этого предложения средства следует доставлять в Азиатский департамент¹²¹².

Лидер Московского славянского комитета И.С. Аксаков (до декабря 1875 г. – вице-президент, затем, после смерти М.П. Погодина – председатель, или президент), получив сообщение от И.П. Корнилова о разрешении на открытие подписки, немедленно начал таковую в первопрестольной столице, рассчитывая, по его словам, в скором времени «раскачать колокол»¹²¹³.

Уже в августе 1875 г. подписку «в пользу пострадавших в Герцеговине во время восстания славянских семейств» открыла петербургская газета «Русский мир», вскоре к ней присоединились и другие периодические издания¹²¹⁴. В октябре 1875 г. подписку на «пожертвования в пользу герцеговинских и боснийских православных семейств» объявила и редакция «Церковного вестника» – официального печатного органа Святейшего Синода – с обязательством еженедельно публиковать имена жертвователей и внесенные ими суммы, средства же немедленно передавать в Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета для отсылки по назначению¹²¹⁵.

В течение первого месяца (сентября) пожертвования повсеместно поступали слабо: в Москве и Петербурге было собрано по несколько тысяч рублей. И.С. Аксаков считал, что приношений «было бы во сто раз больше, если бы собирали на поддержку восстания, на оружие, а не на лекарства и

¹²¹² Письмо вице-директора Азиатского департамента МИД А.А. Мельникова председателю Петербургского отдела Славянского комитета И.П. Корнилову... С. 88.

¹²¹³ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 276.

¹²¹⁴ Записка III отделения собственной е.и.в. канцелярии об открытии подписки в пользу населения Герцеговины в редакциях петербургских газет // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 89.

¹²¹⁵ Церковный вестник. 1875. № 38. С. 11.

кукурузу»¹²¹⁶. Тем не менее в дальнейшем «раскачать колокол» действительно удалось. В немалой степени этому способствовала активная агитация.

В конце сентября – начале октября 1875 г. в «Церковном вестнике», «Московских епархиальных ведомостях», в ряде светских газет и отдельными листовками были опубликованы воззвание митрополита Сербского Михаила, послание митрополита Черногорского Илариона, а также обращение Московского славянского комитета.

Митрополит Сербский Михаил (Йованович), возглавивший сначала Белградский, а затем – Международный центральный комитет помощи герцеговинцам и боснякам, в своем воззвании к россиянам (от 14 сентября 1875 г.) сравнил пребывание южных славян под властью Османской империи с нахождением русского народа под монголо-татарским игом и красноречиво перечислил претерпеваемые ими «беды и несчастия, какие только может выдумать зверское своеволие безбожных азиатских угнетателей-турок, желающих истребить и уничтожить православный славяносербский народ на Балканском полуострове»: «пени и всевозможных родов налоги», доводящие «до полного нищенства»; «убийства, долголетняя ссылка и каторга в мрачных подземных тюрьмах, ...где ползают змеи и скорпионы»; «обезчещивания женщин»; «убиения невинных грудных детей, или обваривание их кипятком, в насмешку над святым крещением»; «сажание на кол» и т.д. Подчеркнув, что доведенная до крайности «райя» в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии была вынуждена с оружием в руках подняться на защиту своих человеческих прав, митрополит Михаил обратил внимание на тяжелое положение десятков тысяч беженцев («голодных женщин, детей, беспомощных стариков», скитающихся накануне зимы «без крова и приюта») и обратился к россиянам со страстным призывом услышать их «полный мольбы голос» и «во имя славянской национальности, во имя единой

¹²¹⁶ Никитин С.А. Указ. соч. С. 272.

святой православной церкви, наконец, во имя гуманности» «подать посильную помощь» своим «братьям-славянам»¹²¹⁷.

Опубликовав это «написанное кровью и слезами» воззвание, редакция «Церковного вестника» обратилась в свою очередь к русскому православному духовенству: «Пастыри русской Церкви – городские и сельские! Дружно откликнитесь на призыв православного сербского митрополита. Помогите и сами, сколько можете, и употребите все ваше влияние на прихожан, чтобы и они помогли несчастным православным семействам герцеговинцев и босняков. Собранные вами пожертвования высылайте, как можно поспешнее, или на имя редакции “Церковного вестника”, ...или же прямо в Славянский благотворительный комитет – в С.-Петербурге»¹²¹⁸. Редакция «Московских епархиальных ведомостей» рядом с текстом возвания митрополита Сербского Михаила поместила распоряжение митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) «о сборе пожертвований по церквам и приходам города Москвы в пользу жителей Герцеговины и Боснии, потерпевших от восстания», а также о прочтении 5 октября (в день празднования Московских святителей) в храмах первопрестольной столицы упомянутого возвания главы Сербской Церкви¹²¹⁹. (Распоряжение было сделано Иннокентием по просьбе И.С. Аксакова)¹²²⁰.

Послание Черногорского митрополита Илариона (Рогановича) – председателя Цетинского благотворительного комитета – было обращено к российскому Славянскому благотворительному комитету (как Московскому, так и его Петербургскому отделу). В нем сообщалось о нуждах 25 тыс. герцеговинцев, прибывших на территорию Черногории: «Весь этот народ гол, бос и голоден! Все они размещены по домам

¹²¹⁷ Воззвание Сербского митрополита Михаила // Церковный вестник. 1875. № 38. С. 10.

¹²¹⁸ Церковный вестник. 1875. № 38. С. 11.

¹²¹⁹ Московские епархиальные ведомости. 1875. № 40. С. 347.

¹²²⁰ Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 246.

черногорцев; ...но у них нет с собой никакой посуды, никакой одежды, нет постелей, а все это необходимо, как и пища; ...кроме раненых между этими страдальцами много детей, женщин и старцев, немощных и больных». От имени Цетинского комитета Иларион просил помощи «как денежными пожертвованиями, так и предметами первой потребности в домашнем обиходе, бельем, одеянием и т.п.». «Жизнь нескольких тысяч страдальцев зависит от помощи, и притом скорой помощи вашей!» – заключал он¹²²¹.

И.С. Аксаков в своем обращении к соотечественникам, написанном от имени Московского славянского комитета, заявил, что «пособить братьям, пострадавшим за защиту своей славянской народности и Христовой веры, – это для русского общества не только долг кровного родства и единства в вере, не только долг христианского милосердия и человеколюбия, – это долг нашей народной чести». Он подчеркнул, что сбор пожертвований в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине санкционирован императором и намекнул, что именно государственная власть может и должна способствовать освобождению южных славян от власти Порты: «Вопрос политический подлежит решению правительства. Дело общества выразить свое сочувствие в области ему доступной»¹²²².

Русская Церковь всесторонне поддерживала Славянские комитеты. «Церковный вестник» регулярно публиковал информацию о заседаниях этих организаций, вел летопись пожертвований. В ноябре 1875 г. Святейший Синод удовлетворил ходатайство Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета о разрешении производить по епархиям тарелочный сбор в церквях в пользу жертв восстания в Боснии и

¹²²¹ Послание Черногорского митрополита Илариона к славянскому комитету в Москве // Московские епархиальные ведомости. 1875. № 40. С. 347–348; Письмо Цетинского благотворительного комитета Петербургскому славянскому комитету о тяжелом положении герцеговинских беженцев в Черногории. Не ранее 3 (15) августа 1875 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 37.

¹²²² От Славянского комитета // Московские епархиальные ведомости. 1875. № 40. С. 348; Церковный вестник. 1875. № 40. С. 18–19.

Герцеговине, о чем дал знать епархиальным преосвященным для зависящих с их стороны распоряжений¹²²³.

В Москве, благодаря упомянутому выше соответствующему распоряжению митрополита Иннокентия, тарелочный сбор в пользу жертв славянских восстаний начался еще в октябре 1875 г. Так, 21 октября 1875 г. благочинный Сретенского сорока Николай Надеждин направил в Московский славянский комитет 1 390 рублей, собранных в церквях его благочиния после прочтения посланий митрополитов Сербского Михаила и Черногорского Илариона¹²²⁴. По предложению наместника Чудова монастыря архимандрита Вениамина, поддержанному митрополитом Иннокентием, из хранившихся в обители «остаточных сумм, собранных в 1867–1870 гг. на вспоможение бедствующим от турок христианам на Крите», 1 тыс. рублей в конце октября 1875 г. была препровождена преосвященному Илариону для находившихся в Черногории беженцев из Боснии и Герцеговины¹²²⁵.

Редакция «Церковного вестника», выполняя обещание, данное при открытии подписки, еженедельно или один раз в две–три недели публиковала подробные объявления под названием «Пожертвования в пользу герцеговинских и боснийских православных семейств». С июля 1876 г. (после подавления Апрельского восстания в Болгарии и начала сербско-турецкой войны), когда помощь стали оказывать также болгарам и сербам, эти объявления именовались «Пожертвования в пользу славянских семейств и раненых». До начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. через редакцию «Церковного вестника» в помощь южным славянам было собрано 31 037 рублей 28 копеек¹²²⁶.

¹²²³ Письмо обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого председателю Петербургского славянского комитета И.П. Корнилову о разрешении сбора средств в церквях в пользу участников восстания в Боснии и Герцеговине. 20 ноября 1875 г. // Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878. С. 78.

¹²²⁴ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 247.

¹²²⁵ РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 36. Л. 166–166 об.

¹²²⁶ Церковный вестник. 1877. № 12. С. 21.

Пожертвования производились не только по подписке в редакциях периодических изданий и путем тарелочного сбора в церквях, они также присылались непосредственно в Славянские комитеты, собирались в общественных местах в специально установленные кружки. С благотворительной целью устраивались спектакли, концерты и лекции, издавались книги, брошюры и альбомы. Все эти средства стекались в Славянские комитеты, являвшиеся главными центрами помощи южным славянам. Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета с августа 1875 г. по октябрь 1876 г. собрал около 900 тыс. рублей¹²²⁷, Московский славянский комитет – с сентября 1875 г. по апрель 1876 г. – не менее 96 тыс. рублей, с июля по октябрь 1876 г. – еще около 600 тыс. рублей¹²²⁸. При этом, как писал И.С. Аксаков, «две трети пожертвований внес наш бедный, обремененный нуждою, простой народ»¹²²⁹. Важно отметить, что «простой народ» проникался сочувствием к терпевшим бедствия братьям-славянам (а зачастую – и вообще узнавал об их существовании) главным образом благодаря соответствующим проповедям духовенства – как высшего, так и приходского.

Среди церковных иерархов, с самого начала занявших активную позицию в деле оказания помощи южным славянам, был, в частности, архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий). 19 октября 1875 г. после проведенного богослужения он обратился к своей пастве с речью, которая затем была опубликована в газете «Голос» и журнале «Церковный вестник». Обратив внимание слушателей на события, происходившие «в двух турецких областях – в Боснии и Герцеговине, населенных православными славяно-сербам», преосвященный подчеркнул, что «несчастные наши соплеменники и единоверцы пятьсот лет страдают под тяжким мусульманским игом и подвергаются разным

¹²²⁷ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. С. 151.

¹²²⁸ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 232–233.

¹²²⁹ Там же. С. 233.

оскорблениям и кровным обидам», а теперь, решившись на «неравную борьбу с оттоманскими силами», лишились своих жилищ, в результате чего их семейства «рассеялись по разным странам и терпят большое горе на чужбине». Отметив, что сбор пожертвований в пользу жертв восстания разрешен императором и проводится по всей империи, архиепископ Платон напомнил пастве о «христианском долге поделиться с несчастными своим достатком»¹²³⁰. «Насколько убедительна была речь архипастыря, – пишет корреспондент «Церковного вестника», – легко видеть из того, что тарелочный сбор в пользу пострадавших герцеговинцев и босняков, произведенный тотчас после речи, дал сразу около 220 рублей»¹²³¹. Уже через два дня, 22 октября 1875 г., в день празднования Казанской иконы Божией Матери, архиепископ Платон, вспомнив заступничество Богородицы за Москву и Россию при избавлении их от польских захватчиков в 1612 г., вновь призвал слушателей «немедленно оказать необходимую помощь единоверным и соплеменным нам христианам, страдающим ныне от восстания в Боснии и Герцеговине». Он подчеркнул, что это нужно сделать «не только из сострадания к их бедствиям и нуждам, не только по христианской любви к ним и по заповеди Божией, обязывающей помогать *всякому просящему* у нас пособия...; но и *ради Христа* – ради Спасителя нашего, за коего они страдают и который сам в них страждет». «Чрез это вы доставите великое утешение не только этим страдальцам, но и самому Христу, и получите от Него за такое благотворение великую награду в день судный», – заявил преосвященный¹²³².

Настоятель одного из храмов г. Орехова Таврической губернии Стефан Чепиговский, препровождая в редакцию «Церковного вестника» собранные им пожертвования в помощь единоплеменным единоверцам

¹²³⁰ Из герцеговинской летописи // Церковный вестник. 1875. № 44. С. 16.

¹²³¹ Там же.

¹²³² Вторичное обращение Донского архиепископа Платона к пастве своей о вспомоществовании православным славяно-сербам, пострадавшим от восстания в турецких областях – Боснии и Герцеговине // Церковный вестник. 1875. № 48. С. 11–12.

Балканского полуострова, упомянул о произнесенной им при этом соответствующей проповеди и о сочувственном отклике на нее со стороны прихожан, а также заметил, что во многих местах Российской империи «наши христолюбцы могут узнать о том, что делается за тридевять земель», только «от своих приходских священников»¹²³³.

О роли духовенства в просвещении народа по рассматриваемой проблеме и в воодушевлении его на приношения в пользу южных славян свидетельствуют также многочисленные донесения жандармов. Так, например, 26 октября 1876 г. начальник Псковского жандармского управления полковник А.В. Комаров сообщал товарищу начальника III отделения СЕИВК и шефа жандармов генерал-лейтенанту Н.В. Мезенцову: «В марте месяце, по распоряжению местного преосвященного Павла, все крестьянское население, чрез посредство сельских священников, было приглашено к пожертвованиям для облегчения участи страждущих герцеговинцев. Пожертвования посыпались довольно щедро, но при этом крестьяне действовали и действуют совершенно бессознательно, приносят свою лепту охотно потому, что к пожертвованию приглашает их духовный архипастырь и притом с церковного аналоя, а следовательно, по их понятию, жертвы эти угодны Богу и желает их государь и правительство. О герцеговинцах, босняках, сербах решительно никакого понятия не имеет; жертвует своим добром потому, что ему говорят, что турки жгут и режут христиан»¹²³⁴. 12 ноября 1876 г. Н.В. Мезенцов, подытоживая донесения своих подчиненных из разных губерний об отношении различных слоев русского общества к освободительной борьбе южных славян, в частности, сообщил императору Александру II: «Крестьяне, занятые исключительно существенным для них вопросом о заработке необходимых средств на

¹²³³ Письмо священника в редакцию с пожертвованиями герцеговинцам // Церковный вестник. 1875. № 41. С. 21.

¹²³⁴ Донесение А.В. Комарова Н.В. Мезенцову о пожертвованиях в пользу южных славян и об отношении населения Псковской губернии к предполагаемой войне с Турцией. 26 октября 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 468.

уплату повинностей и пропитание своей семьи, первое время оставались в совершенном неведении о совершавшихся событиях. Но когда и духовенство, ...и чиновники, и некоторые влиятельные землевладельцы разъяснили неграмотному сельскому населению, что наши братья – славяне, наши единоверцы, страдают под игом неверных, истязующих христиан и оскверняющих храмы божии, то воодушевление охватило народную массу, и трудовые копейки стали поступать на жертву страждущих братьев, все сами охотно несли свою лепту из глубокого, внутреннего убеждения в святости дела»¹²³⁵.

Агитация (как церковная, так и светская) усиливалась по мере расширения национально-освободительной борьбы южных славян. Ее пик пришелся на лето – осень 1876 г., когда стало известно о жестоком подавлении Апрельского восстания в Болгарии и о вступлении в войну с Турцией Сербии и Черногории.

В мае – июне 1876 г. русские периодические издания наперебой сообщали о кровавых зверствах башибузуков в Болгарии: было убито более 30 тыс. человек, сожжено 80 и полностью разгромлено более 200 населенных пунктов. В июне 1876 г. российское правительство удовлетворило прошение Славянских комитетов о сборе пожертвований в пользу болгар, в связи с чем эти организации вновь обратились к русскому народу с соответствующими воззваниями¹²³⁶. В частности, И.С. Аксаков в воззвании, написанном от имени Московского славянского комитета, охарактеризовал «муки и беды», обрушившиеся на болгарское население, поднявшееся по примеру герцеговинцев на борьбу за независимость и теперь остро нуждавшееся в защите России. Вновь намекнув на то, что действительное освобождение южных славян зависит только от

¹²³⁵ Доклад Н.В. Мезенцова Александру II об отношении различных классов России к освободительной борьбе южных славян и возможной войне России с Турцией. 12 ноября 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 506–507.

¹²³⁶ Письмо А.А. Киреева о разрешении русского правительства на сбор пожертвований в пользу болгар. 22 июня 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 249–250.

русского правительства, лидер славянофилов призвал соотечественников оказать болгарам посильную и разрешенную властями помощь: «Предоставляя разрешение этого вопроса в отношении политическом высшим соображениям, Московский славянский комитет взывает к русской общественной совести и молит о помощи жертвам восстания, казнящимся за грех православия, за грех единоверия и единоплеменности с нами! Пособить мы – общество и народ – можем и право имеем только деньгами». Интересно, что в соратники в деле сбора пожертвований И.С. Аксаков пригласил духовенство, отметив при этом его плодотворную благотворительную деятельность в пользу славян в течение предыдущего года: «С самого начала герцеговинской борьбы русское духовенство на всем пространстве России, от архипастырей до сельских священников, явилось верным и ревностным ходатаем перед русскою землею о нуждах наших славянских братьев и красноречиво доказало, что вместе с чувством христианского милосердия оно хранит в себе неизменно живое народное чувство и верное разумение русского исторического призвания и долга. Да окажет же наше высокочтимое духовенство свое содействие комитету и в настоящем случае и с молитвою о ниспослании нашим братьям победы и одоления на врагов да приступит к новому сбору пожертвований»¹²³⁷.

Духовенство оправдало ожидания Московского славянского комитета. 26 июля 1876 г. редакция «Церковного вестника» с благословения преосвященного Исидора опубликовала воззвание покойного митрополита Московского Филарета (Дроздова), написанное им 3 января 1867 г. по поводу «тождественных» политических обстоятельств – восстания критян против турок. Напомнив читателям о созданном тогда святителем при московском Чудовом монастыре комитете, собравшем со всей России для жителей Крита несколько сотен тысяч рублей, а также о недавних сборах в

¹²³⁷ Воззвание Московского славянского комитета к пожертвованию // Церковный вестник. 1876. № 26. С. 11.

пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине, редакция призвала духовенство к новым благотворительным свершениям, настоятельно рекомендуя при этом не терять присущей ему в этом *руководящей роли*: «Пожертвования русского народа, начавшиеся с самого начала восстания в Боснии и Герцеговине, теперь учетверились. Православное духовенство до сих пор не отставало, а было впереди и предводило христоролюбивым движением в пользу несчастных братьев и сестер своих по вере и крови. ...Архипастыри и пастыри Русской Церкви! Станьте опять руководителями всероссийско-христианского благотворительного порыва: собственным примером и словом зажгите и поддержите святой огонь любви к народам, родным нам по крови и вере, на огромных пространствах России. Вы ближе к народу и ваши живые голоса услышаны будут и в тех глухих местностях, куда не достигнут печатные воззвания славянских комитетов и приглашения столичных газет. Вы имеете за собой в этом деле высокий пример великого московского святителя, который с горних обителей благословляет вас на этот святой подвиг христоролюбия и братолюбия. Организуйте это дело сообразно с местными условиями и высылайте собранные пожертвования на имя редакции «Церковного вестника». ...Поспешите помощью несчастным!»¹²³⁸.

Целый ряд церковных иерархов (архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий), епископы Екатеринославский и Таганрогский Феодосий (Макаревский), Саратовский и Царицынский Тихон (Покровский), Орловский и Севский Макарий (Миролюбов), Харьковский и Ахтырский Савва (Тихомиров), Кишиневский и Хотинский Павел (Лебедев) и др.) выступили с речами и проповедями, призывая духовенство и паству протянуть руку помощи болгарам. В частности, преосвященный Платон говорил 12 июля 1876 г. после совершения литургии: «Теперь восстание не ограничивается уже Боснией и

¹²³⁸ Воззвание покойного митрополита Московского Филарета // Церковный вестник. 1876. № 29. С. 1–2.

Герцеговиной, но открылось и в Болгарии. ... Мы, русские – православные, ... имеем особенный, Богом назначенный нам долг пещись о соплеменниках и единоверных братиях наших, страждущих ныне в турецких областях, и поэтому обязаны без отлагательства оказать им необходимую помощь». Архиепископ особо подчеркнул, что борьба болгар и других славян Балканского полуострова носит не только национально-освободительный, но и религиозный характер: «Ныне православные славяне ведут в означенных областях жестокую войну с турками не за одну свободу и другие человеческие права их, ... но и за крест Христов, за сохранение в их крае святой веры нашей»¹²³⁹.

Епископ Орловский и Севский Макарий в июне 1876 г. организовал в архиерейском доме собрание представителей общественности г. Орла, на котором были разработаны меры, направленные на сбор средств в пользу жертв Апрельского восстания в Болгарии: разослать по всей епархии соответствующие подписные листы, открыть подписку при редакции «Орловского вестника», организовать благотворительные гулянья в городском саду. Присутствовавшие на мероприятии лица тут же собрали 704 рубля¹²⁴⁰.

Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий летом 1876 г. поручил наместнику Чудова монастыря архимандриту Вениамину сбор пожертвований, «какие будут от монастырей в пользу славян Балканского полуострова»¹²⁴¹. Согласно сводной ведомости, направленной Вениамином в ноябре 1876 г. в Московский славянский комитет, монастыри и благочиния первопрестольной пожертвовали на сей предмет 20 594 рубля (в том числе: митрополит Иннокентий – 3 500 рублей (1 тыс. рублей – из личных средств, 2 500 рублей – из сумм московской кафедры), Свято-Троицкая Сергиева лавра и Гефсиманский скит – 1 тыс. рублей,

¹²³⁹ Воззвание архиепископа Платона // Церковный вестник. 1876. № 30. С. 3–4.

¹²⁴⁰ Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 143.

¹²⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 524. Д. 53. Л. 6.

московские монастыри – 3 600 рублей (из них самый крупный вклад сделал Николаевский Перервинский монастырь – 1 тыс. рублей), московские благочиния – 12 494 рубля)¹²⁴².

Подчеркнем, что летом – осенью 1876 г. приношения в пользу жертв славянских восстаний по сравнению с предыдущим годом действительно «учетверились» и даже возросли в большее число раз. Как упоминалось выше, с июля по октябрь 1876 г. Московский славянский комитет собрал в шесть раз больше средств, чем с сентября 1875 г. по апрель 1876 г. (соответственно 600 тыс. рублей и 96 тыс. рублей)¹²⁴³.

Общественный подъем в значительной степени активизировали также продолжавшиеся многочисленные обращения различных представителей балканских славян как к правительственным и общественным организациям России, так и непосредственно к русскому народу. Неизменной целью всех этих обращений была страстная просьба о помощи, причем теперь уже не только гуманитарной, но дипломатической и военной. Наличие и обилие этих обращений, несомненно, свидетельствует о сохранении в этот период политического влияния России на Балканах.

Особое внимание следует обратить на секретное письмо Болгарского экзарха Анфима I митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору (Никольскому) от 11 августа 1876 г., в котором речь идет о положении болгар в ходе и после подавления Апрельского восстания. Оправдывая свое прямое обращение к первенствующему члену российского Синода, несмотря на изоляцию Болгарской Церкви вследствие решения Константинопольского собора 1872 г., Анфим I подчеркнул, что в сложившейся ситуации «дело идет уже не о внешнем порядке установления управления для болгарских епархий, не о принадлежности их к той или другой Церкви, а о существовании в них христианского

¹²⁴² РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 36. Л. 228–229.

¹²⁴³ Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 232–233.

населения». Признав восстание необдуманным и неподготовленным, Анфим I отметил, что турецкие власти использовали его как повод для разорения болгарских сел и деревень, а также для массового уничтожения мирных жителей, что «привело весь болгарский народ в крайнее уныние». «Все, кто может, оставляют родину и отправляются мстить врагу в Сербию или же поселяются в других странах, – писал экзарх. – Остающиеся на своих местах, изнемогая под тяжестью гнета, ищут нередко спасения в принятии мусульманства, успехи коего потому растут изо дня в день. Еще несколько недель страданий – и надежды на помощь и благоприятную христианам перемену дел оставят наиболее крепких верой и духом людей, и тогда христианство наполовину иссякнет в нашей стране». Единственным выходом из создавшегося положения Анфим I считал помощь «единоверной и единоплеменной России». От имени «всей Болгарской Церкви» через посредничество митрополита Исидора он обратился к Александру II с просьбой о защите и покровительстве: «Предстаньте, высокочтимый архипастырь, пред благочестивейшим всероссийским государем в качестве толкователя выражаемой в этом письме всенижайшей просьбы Церкви Болгарской к Его Величеству и соедините свой голос с моим для исходатайствования милости и внимания Его Величества к погибающему христианскому населению, возлагающему ныне всю надежду на защиту государя великой родственной страны. Предстаньте, прошу Вас, во имя Божие, ничем не стесняясь ради спасения, не говорю уже о смерти и страдании, но от вечной гибели тысяч искупленных кровью Христа Бога душ»¹²⁴⁴.

Не менее интересен адрес на имя Александра II, подписанный 31 октября 1876 г. болгарскими эмигрантами в Румынии и через десять дней опубликованный ими в газете «Нова България», выходившей в

¹²⁴⁴ Письмо митрополита Видинского и экзарха Болгарского Анфима митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому и Финляндскому Исидору об Апрельском восстании и с просьбой ходатайствовать о покровительстве Болгарии со стороны России. 11 августа 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 336–338.

Джуржеве. 19 ноября российский генеральный консул в Руссук В.Ф. Кожевников переслал его русский перевод управляющему Азиатским департаментом МИД Н.К. Гирсу со следующим комментарием: «Нет ни малейшего сомнения в том, что выражаемые в этом адресе мольбы и желания угнетенного народа найдут горячее сочувствие во всей болгарской нации»¹²⁴⁵. В документе излагалось «отчаянное положение» болгар и отмечалось их неверие в реформы, обещаемые турецким правительством европейским державам: «Болгарский народ не будет доволен никакими другими правами, кроме полной политической автономии, которая обеспечит мир на Востоке и жизнь болгарина». Умоляя российского императора о покровительстве и защите, болгарские эмигранты имели в виду не что иное, как вооруженное вмешательство: «Могущий православный государь!.. Пошли свое храброе войско и избавь Болгарию, потому что еще немного и болгарский народ исчезнет с лица земли... Миллионы освобожденных рабов будут вечно благословлять тебя. И этого достаточно для монарха, чтобы обессмертить свое имя. Прибавь... к венцу твоего бессмертия еще один драгоценный камень: “Освободитель Болгарии”. Болгарский народ помнит, что некогда русский князь Святослав избавил его от византийцев, а тебя, великий государь Александр Николаевич второй, коленопреклонно умоляет избавить его от несносного турецкого ига»¹²⁴⁶.

Примерно в это же время, в октябре 1876 г., с воззванием к русскому народу обратилось Болгарское центральное благотворительное общество (БЦБО). Эта организация, созданная в Бухаресте 10 июля 1876 г. под видом благотворительной, являлась по своей сути политической и была призвана заменить Болгарский революционный центральный комитет — орган, руководивший освободительным движением болгар и

¹²⁴⁵ АВПРИ. Ф. СПб. ГА. V A2. 1876 г. Д. 770. Л. 249–249 об.

¹²⁴⁶ Обращение болгарских эмигрантов в Румынии к Александру II об освобождении Болгарии от турецкого ига. 31 октября 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 479–481.

разгромленный после подавления Апрельского восстания. Значительную роль в учреждении БЦБО сыграл член Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, бывший чиновник российского МИД В.С. Ионин, избранный почетным председателем Общества. В упомянутом воззвании БЦБО, в частности, говорилось: «Братья наши! Вы никогда не оставляли бедствующих и угнетенных южных славян и всегда спешили подать им руку помощи, руку спасения. Теперь настало время последний раз помочь младшим братьям болгарам, обедневшим до крайности от турецких грабежей, пожаров и немилосердных опустошений. Болгарский народ восстал и дрался отчаянно; ныне, уступая давлению огромной дикой массы азиатских варваров, народ стремится в Сербию, где отчаянно отстаивает свои права, наряду с сербскими, черногорскими и другими славянскими воинами. С наступлением зимы положение несчастных в Балканских горах делается невыносимое... Мы не отчаиваемся потому, что знаем, что братья наши русские не оставят нас и поспешат подать нам руку помощи. Услышите, братья, голос беззащитного, забытого народа и помогите ему воскреснуть и обмыть запущенные раны в душе и теле. На вас теперь осталось надеяться, на старших из славян. Помогите, кто как может и чем может, и да будет благословлено Всевышним радушие ваше и помощь, оказанные погибающему»¹²⁴⁷.

С началом сербско-турецкой войны 1876–1877 гг. в России развернулось добровольческое движение, катализатором для развития которого стал отъезд на театр военных действий русского генерал-майора в отставке М.Г. Черняева, возглавившего сербскую армию. Отъезду Черняева, состоявшемуся с целым рядом предосторожностей во избежание его срыва, содействовал Московский славянский комитет. Предварительно член комитета Н. Дурново, являвшийся заведующим хозяйственным управлением Сербского подворья в Москве, через митрополита Михаила, с

¹²⁴⁷ Воззвание БЦБО к русскому народу с просьбой о помощи болгарам. Октябрь 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 482–483.

которым состоял в переписке, выяснил отношение к этому вопросу со стороны сербского правительства. Последнее, по словам сербского министра иностранных дел И. Ристича, ничего не имея против предложенной кандидатуры, «предпочло бы видеть в Сербии Р. Фадеева», но, узнав, что тот не сможет приехать, дало согласие на прибытие М.Г. Черняева¹²⁴⁸.

Вербовкой и отправкой добровольцев в Москве и Петербурге занимались Славянские комитеты, в других городах – Комиссии по сбору пожертвований, многие из которых вскоре объявили себя отделами столичных Славянских комитетов, а некоторые – самостоятельными комитетами. Из последних существенный вклад в добровольческое движение внес Новочеркасский комитет, который возглавил архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий). Эта организация с 5 сентября по 12 октября 1876 г. отправила в Сербию пять партий общей численностью 299 человек (среди них: 286 рядовых казаков, 11 офицеров, 1 генерал и 1 иеромонах)¹²⁴⁹. Наибольшее число добровольцев отправил Московский славянский комитет – 1 176 человек, его Петербургский отдел – 816 человек. Общее число русских добровольцев по разным данным варьируется от 2,5 тыс. до 5 тыс. человек¹²⁵⁰. В него, по-видимому, входят как те, кто ехал на театр военных действий для борьбы в рядах сербской армии, так и те, кто направлялся туда для помощи раненым в составе санитарных отрядов.

Среди лиц духовного сословия, отправившихся в Сербию, помимо упомянутого выше иеромонаха, был также настоятель Троицкого собора г. Острова Псковской губернии протоиерей Гавриил Алексеевич Малиновский, уехавший в сопровождении жены Клавдии Семеновны. Перед напутственным молебном, отслуженным городским духовенством

¹²⁴⁸ Никитин С.А. Указ. соч. С. 291–292; Дурново Н. К истории сербско-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. Т. II. С. 533–534.

¹²⁴⁹ Никитин С.А. Указ. соч. С. 318.

¹²⁵⁰ Там же. С. 319–320.

накануне их отъезда, отец Гавриил пояснил, что его «побудило ехать в Сербию то же самое сочувствие, какое объяло весь русский народ»¹²⁵¹. Кроме того, с помощью Московского славянского комитета в сербскую армию был отправлен хор певчих, составленный из хористов Чудова монастыря, обученных «сербскому напеву». С ними был заключен договор на шесть месяцев, однако многие из них вернулись на родину раньше, не выдержав тяжести похода и подорвав здоровье, в частности, голоса¹²⁵².

Духовенство неоднократно направляло в возглавляемую М.Г. Черняевым сербскую армию походные церкви (две из них были сооружены в Москве), освящало знамена. Отъезд добровольцев нередко сопровождался общественными демонстрациями. Об одной из таковых, в частности, идет речь в письме Московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова товарищу министра внутренних дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому: «27 августа [1876], в 4 часа пополудни, на станцию Смоленской железной дороги была доставлена назначенная для сербов церковь... В 6 часов прибыли... добровольцы и было привезено укупоренное сербское знамя. Публики на станцию собралось в самое короткое время до 10 тыс. человек, которые пели народный гимн и кричали “ура” государю императору, князю Милану, князю черногорскому, победоносному воинству русскому, воинству сербскому и отъезжающим волонтерам, а также раздавались крики: на турок, смерть туркам. По отправлении поезда толпа народа разного звания... направилась со станции железной дороги по Тверской улице, без шапок, пела народный гимн и кричала “ура”; остановившись у дома генерал-губернатора, пропела молитву “Спаси, Господи, люди Твоя”, народный гимн и кричала “ура”. Дойдя до Иверской часовни, которая была уже заперта, толпа стала молиться Богу на коленях, опять пела гимн, кричала

¹²⁵¹ С.Н.П. Протоиерей и жена его – добровольцы (письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1876. № 36. Ч. Неофиц. С. 11.

¹²⁵² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

“за славян, на турка” и начала расходиться по приглашению полиции»¹²⁵³.
Дополнительные сведения о том же событии и о настроении москвичей в конце августа 1876 г. содержит перлюстрированное письмо одного из очевидцев: «Вчера я был в вокзале, где провожали отряд со знаменем, отправляемым Черняеву. Народа собралось десятки тысяч, и когда тронулся поезд, то грянуло такое “ура” и “живио”, что, я думаю, за 10 верст было слышно! От тесноты поезд должен был останавливаться несколько раз, пока не вышел в поле. В толпе сделали сбор в пользу славян и жертвовали деньгами и вещами. Я сам видел, как многие простые женщины снимали с себя фартуки, платки и отдавали сборщикам, да еще стыдились, что больше ничего не могли дать! Нельзя было смотреть без волнения на эти добрые лица!»¹²⁵⁴. «Объявления войны здесь ожидают каждый день. Какой энтузиазм овладел всеми...! Московское купечество, говорят, составило адрес генерал-губернатору, в котором просит доложить царю, что оно хочет войны. Правительство наше всему свету покажет, что оно есть действительное выражение народной воли, если примет активное участие в деле защиты христиан в Турции»¹²⁵⁵.

Массовое воодушевление отражала и, несомненно, поддерживала периодическая печать. Практически все газеты и журналы писали о событиях в Сербии. Изданий, равнодушных к происходившему на Балканах, не было. Гибель Н.А. Киреева и других русских добровольцев отмечалась в печати особыми некрологами. Многие издания, как консервативного направления («Московские ведомости», «Новое время», «Русский мир», «Гражданин», «Дневник писателя»), так и либерального («Русские ведомости»), энергично обосновывали необходимость

¹²⁵³ Письмо В.А. Долгорукова А.Б. Лобанову-Ростовскому о демонстрации в Москве во время проводов добровольцев и отправки в Сербию церкви и знамени. 28 августа 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 364–365.

¹²⁵⁴ Из перлюстрированного письма «от брата А.» П.А. Шмитцу об отношении различных слоев московского общества к сербско-турецкой войне и о проводах добровольцев в Сербию. 29 августа 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 365.

¹²⁵⁵ Там же.

вооруженного выступления России в защиту балканских славян, оказывая тем самым определенный нажим на правительство.

Мысли о необходимости войны за освобождение славян встречаются в это время и в записках представителей духовного сословия. Так, епископ Феофан (Говоров) 15 декабря 1876 г. писал дипломату и писателю А.В. Рачинскому: «Войны для войны нечего желать; но если без нее нельзя поставить на ноги наших, а только кое-что им доставить, то лучше уж война. ...Слышно, что и в Питере, и у вас в Москве немало лиц, которые не благоволят к войне, и даже к самому заступничеству нашему. Это должно быть выродки какие-нибудь. Ибо я не вижу и не слышу, чтоб хоть где-нибудь было какое колебание в народе и среди всех провинциалов. Есть и тут лица с высшими взглядами; но и это все грошовый народ. Их прозвать надобно башибузуками за то, что, не желая войны, желают братьям нашим оставаться в *status quo*, а это – то же, что оставлять их под тиранством башибузуков»¹²⁵⁶. 8 января 1877 г. епископ Феофан писал тому же адресату: «Война – дело сомнительное, не зная, куда повернет: ибо планы ее настоящие пишутся на небе, и прочитывать их приходится уже по исполнению дела. Война многотрудна, много денег и жертв возьмет. Потому нельзя не отчураться от нее, если окажется возможность. Но судя по тому, что войною можно взять побольше, чем предначертывается без войны, – и столько больше, что можно в силу ее целый народ поставить на ноги; ...я никак не удерживаюсь от желания войны, хоть и от войны мороз по коже подирает. ...Божий покров сильнее всех человеческих средств. Но и Бог чрез людей же действует. Если в Божиих есть намерениях теперь же дать льготу братьям нашим, то, конечно, Он не оставляет дать о том свидетельство среди людей же. Охватившее нас воодушевление не есть ли Божие в нас действие? И сознавая это, не должны ли вместе сознать, что этим движением Бог говорит нам: вам поручаю освободить этих

¹²⁵⁶ Три письма преосвященного Феофана по Восточному вопросу // Православное обозрение. 1877. Т. 1. № 3. С. 603–606.

страждущих? Можем отказаться? Бог никого не нудит. Но будем ли мы безвинны, не вняв Божиим манованиям? Бог найдет и без нас исполнителей Его воли. А нам стыд, если еще не более что. Оставляющий брата сам будет оставлен в час нужный. Все такие мысли прямо ведут к решению: хочешь, не хочешь, – а ступай воевать мать Русь Православная. Пусть даже неудачно будет, если Богу угодно посрамить нас; но мы и пред своей совестью, и пред историей будем оправданы..., что сделали свое дело достойно. Напротив, если мы ничего прочного не доставим братьям, и воевать не станем, нам будет и пред собою стыдно, и пред другими, и пред историей..., и на том свете будет нас преследовать стыд и срам. *Падет Россия без войны ниже, нежели как унизит ее неудача войны*¹²⁵⁷.

Духовенство (в том числе высшее) служило панихиды по погибшим в битвах с турками православным воинам и молебны о даровании победы «славянскому оружию». В частности, 29 августа 1876 г. соответствующие панихиду (в кафедральном соборе) и молебен с коленопреклонением (на площади) отслужил епископ Пензенский Григорий (Медиоланский)¹²⁵⁸. Церковные проповеди, сопровождавшие призывы об оказании помощи южным славянам, имели настолько страстный характер и массовый отклик, что вызывали тревогу представителей местных гражданских властей, сообщавших о происходившем как в Министерство внутренних дел, так и непосредственно императору. Например, 8 августа 1876 г. Санкт-Петербургский градоначальник генерал-адъютант Ф.Ф. Трепов доносил Александру II «о крайне возбужденном настроении общества», которое «поддерживается в то же время и словом, обращаемым в церквях к народу священниками, особенно при напутствовании отправляющихся на войну. Означенные духовные лица, с разрешения епархиального начальства, приглашают народ как к личному участию в борьбе за

¹²⁵⁷ Там же. С. 606–609.

¹²⁵⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 46. Ст. 3. Отд. 2. Д. 179. Л. 6.

христианство, так и к материальным в пользу славян пожертвованиям»¹²⁵⁹. В результате в августе 1876 г. Александр II предписал обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому, чтобы «духовенство, касаясь этого важного в политическом отношении предмета, соблюдало надлежащую, свойственную духовному сану умеренность и воздерживалось от произнесения возбуждающих и неосмотрительных речей», которые считал тогда преждевременными¹²⁶⁰. Преосвященного Григория обер-прокурор попросил впредь проведение «подобных всенародных богослужений» согласовывать с губернским начальством¹²⁶¹.

Особое беспокойство властей вызывали губернии с преобладающим мусульманским населением. Так, в октябре 1876 г. архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) по просьбе местного губернатора был вынужден запретить подведомственному ему духовенству приглашать крестьян к пожертвованиям в пользу славян «вне церкви», а также рассуждать с ними о происходившем на Востоке «на базарах, площадях, улицах и тому подобных местах». Поводом послужило так называемое «дело об угрозах, делаемых татарами русским», возникшее в результате публичного объяснения священником села Шармаш Соколовым поступков турок в присутствии татар¹²⁶².

К мерам, принятым властями с целью погасить чрезмерную народную активность, принадлежит и запрещение публиковать в газетах «предупредительные объявления и извещения» об отправлении на Балканский полуостров санитарных отрядов и волонтеров как служащие «поводом к уличным демонстрациям»¹²⁶³. Чтобы избежать

¹²⁵⁹ Донесение Ф.Ф. Трепова Александру II о проходах офицеров-добровольцев в Сербию и о поддержке духовенством сочувственного отношения народа к борьбе южных славян. 8 августа 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 333.

¹²⁶⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 46. Ст. 3. Отд. 2. Д. 179. Л. 1–1 об.

¹²⁶¹ Там же. Л. 13.

¹²⁶² Там же. Л. 14–16.

¹²⁶³ Отношение В.В. Григорьева председателю Петербургского цензурного комитета А.Г. Петрову о запрещении печатать в газетах объявления об отправлении

«многочисленных сборищ публики» при проводах добровольцев, в Москве, по распоряжению В.А. Долгорукова, последних стали отправлять вместо вечерних дневными поездами, когда «большая часть народа занята работою», а также доставлять их на вокзал не центральными, а глухими улицами¹²⁶⁴.

Таким образом, в начале Восточного кризиса (в 1875–1876 гг.) русское общество и Церковь самостоятельно и очень активно поддерживали национально-освободительную борьбу южнославянских народов, что порой вызывало недовольство государственной власти, но при этом оказывало на нее довольно сильное давление.

Правительство, разумеется, не могло оставаться равнодушным к борьбе южных славян, поскольку Балканы традиционно входили в сферу интересов и влияния России, а русские монархи являлись покровителями христианских подданных турецкого султана (хотя, как показано выше, по условиям Парижского мира 1856 г. это покровительство и перестало быть исключительным). Однако, поскольку страна находилась в процессе крупномасштабных внутренних преобразований, а реорганизация и перевооружение армии еще не были завершены, правительство не спешило открывать военные действия, опасаясь к тому же вмешательства западных держав, как во время Крымской войны 1853–1856 гг. Отношение Александра II к Балканской проблеме как нельзя лучше показывает его разговор (точнее, монолог) с Д.А. Милютиным 15 июля 1876 г., записанный военным министром в дневнике и охарактеризованный им как «искреннее, откровенное излияние занимающих» императора «мыслей и задушевных забот»: «Постоянно слышу я упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким. Спрашиваю тебя, благоразумно ли было бы нам, открыто

добровольцев на Балканы. 3 сентября 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 379.

¹²⁶⁴ Письмо Московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова Н.В. Мезенцову о принятых мерах к пресечению демонстраций в защиту южных славян. 27 августа 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 360–362.

вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедственным последствиям европейской войны? Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но я ставлю выше всего интересы самой России... Конечно, если нас заставят воевать, мы будем воевать; но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне. Вся ответственность падет на тех, которые сделают вызов, и пусть тогда Бог решит дело. Притом не надобно забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией, есть исключительно союз оборонительный; союзники наши обязались принять нашу сторону, если мы будем атакованы; но они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае наступательных наших предприятий, и в этом случае может выйти то же, что было в Крымскую войну – опять вся Европа опрокинется на нас...»¹²⁶⁵. В беседе с министром финансов М.Х. Рейтерном в августе 1876 г. император «не без горечи говорил об агитации славянофильской – о желании некоторых лиц выставить не его представителем интересов России»¹²⁶⁶. Перед лицом широкого общественного движения правительство на какое-то время утратило инициативу и казалось растерянным и беспомощным. По словам П.А. Валуева, именно «растерянность» и «беспомощность» составляли «девиз» власти в 1876 г.¹²⁶⁷

Российская дипломатия пыталась разрешить Восточный кризис мирным путем (организовать совместные действия держав с целью оказать давление на Порту и на восставших с тем, чтобы примирить их на базе определенных уступок со стороны турецких властей в пользу христиан). Императрица Мария Александровна скептически оценивала ее действия. Помимо императрицы, в царской семье мысль о войне встречала сочувствие у цесаревича Александра Александровича и великого князя

¹²⁶⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 90–91.

¹²⁶⁶ Цит. по: Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы, 1801–1917. 2-е изд. М., 1994. С. 206.

¹²⁶⁷ Мамонов А.В. Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 годах // Отечественная история. 2004. № 3. С. 72–73.

Николая Николаевича старшего. Император испытывал колебания, которые все более усиливались по мере срыва миротворческих инициатив России, что, в свою очередь, было вызвано как противоречиями между державами, так и упорством Порты. Проявлением этих колебаний летом 1876 г. стало фактическое отступление Александра II от принципа невмешательства, несмотря на сохранявшееся у него стремление «решить дело без войны». Так, в конце июня 1876 г. в ходе русско-австрийских переговоров, проходивших в Рейхштадте с личным участием императоров, было достигнуто секретное соглашение о нейтралитете Австро-Венгрии в случае войны России с Турцией. Ради этого России пришлось не только согласиться с территориальными претензиями Австро-Венгрии в западном регионе Балканского полуострова и сосредоточить свои интересы преимущественно в его восточной части, но и принять главное требование австрийской стороны – в случае победы «не содействовать образованию на Балканах большого славянского государства»¹²⁶⁸. А 27 июля, в день рождения императрицы, Александр II, к «немалому удивлению» Д.А. Милютина, «открыто объявил в Красном Селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства»¹²⁶⁹. «Таким образом, – записал военный министр в дневнике, – то, что до сих пор допускалось только негласно, на что смотрели сквозь пальцы, обратилось теперь в открытое, официальное разрешение непосредственно от самого императора»¹²⁷⁰. «Этим решением, – вспоминал граф С.Д. Шереметев, – по мнению многих вполне справедливому, предрешалась война»¹²⁷¹.

¹²⁶⁸ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 145–148; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999. С. 186–187.

¹²⁶⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 95.

¹²⁷⁰ Там же.

¹²⁷¹ Цит. по: Мамонов А.В. Указ. соч. С. 70.

Славянофилы с самого начала были убеждены, что Восточный вопрос могла решить только сила русского оружия. В частности, И.С. Аксаков придавал вспомогательное значение добровольческому движению, считая его лишь средством давления на правительство с целью вовлечь Россию в войну с Турцией. В этом смысле показательным его письмо М.Г. Черняеву от 1 ноября 1876 г.: «Решать вопрос славянский Сербии ни в коем случае не в меру, не в пору, не по плечу. Решить вопрос славянский может только Россия, даже не русское общество, хотя бы с сербами всех наименований и болгарами. Россия – то есть в целом своем составе, как государственный организм, с правительством во главе. ...Признаюсь Вам, снаряжая Вас в Сербию и потом отправляя добровольцев, я имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью одних комитетов»¹²⁷². Исследователь Славянских комитетов С.А. Никитин характеризует их работу в 1875–1876 гг. как «широко задуманную военно-политическую провокацию, рассчитанную на то, чтобы вынудить правительство отказаться от мирных попыток и толкнуть его к войне ради решения Восточного вопроса»¹²⁷³.

III отделение СЕИВК, внимательно следившее не только за развитием общественного движения в поддержку борьбы южных славян, но и за отношением различных слоев общества к позиции российского правительства по данному вопросу, в августе 1876 г. представило императору Александру II следующую записку: «Выказываемое во всех частных и общественных собраниях сильное сочувствие к участи борющихся славян с каждым днем становится все решительнее и определеннее относительно тех ожиданий, какие в этом деле возлагаются обществом на правительство; а именно во всех слоях общества прочно сложилось убеждение, что правительство, встречавшее в течение стольких лет полное содействие общества в правительственных реформах и

¹²⁷² Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 234.

¹²⁷³ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 349.

предприятиях, должно в настоящее время в своих политических действиях руководствоваться так определенно выяснившимся общественным мнением. Это мнение проникло даже в среду рабочего и фабричного люда, в среде же учащейся молодежи и вообще в той части общества, которая в последнее время выказала наибольшую склонность к революционной пропаганде, относятся к миролюбию правительства с явным злорадством, основанном на том соображении, что правительство, не приняв деятельного участия в устройстве судьбы славян, тем самым облегчит дело революции, могущей вперед опираться не только на социальные идеи, но также и на идею общего славянского освобождения путем славянской революции»¹²⁷⁴.

Примерно те же наблюдения сделал в это время и князь Д.А. Оболенский: «Общество более и более воодушевляется, помимо правительства, начинает чувствовать свою силу... Восточный вопрос в России теперь мало-помалу выхвачен из рук правительства, и положение его сделалось еще более затруднительным, ибо кроме соображений дипломатических... ему приходится теперь еще сообразовываться с общественным мнением в России. ...А это мнение с каждым днем становится все более и более требовательным»¹²⁷⁵.

4 октября 1876 г. Московская городская дума приняла написанный Аксаковым адрес Александру II, в котором сообщалось, что народ готов на жертвы и желает войны¹²⁷⁶. Это было уже прямым средством давления на правительство.

Впрочем, к тому времени настроения императора уже изменились. Сказалось влияние со стороны собственной семьи, двора, гвардии,

¹²⁷⁴ Записка по III отделению о сочувствии различных кругов русского общества к борьбе южных славян. 9 августа 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 333–334.

¹²⁷⁵ Цит. по: *Мамонов А.В.* Указ. соч. С. 72–73.

¹²⁷⁶ *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 235; Перлюстрированное письмо И.С. Аксакова Т.И. Филиппову о подписании Московской городской думой адреса Александру II. 6 октября 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 440–441.

общества. В ближайшем окружении Александр II впервые заговорил о грядущей войне 3 сентября 1876 г. В начале октября он вызвал к себе в Ливадию М.Х. Рейтерна и приказал ему изыскать средства для предстоящих военных расходов, что повергло в ужас министра финансов, подготовившего денежно-валютную реформу и понимавшего, что в свете новых событий она будет сорвана. Записка Рейтерна, убеждавшая императора отказаться от войны, которая «остановит правильное развитие гражданских и экономических начинаний», составляющих славу его царствования, вызвала только раздражение и неприязнь Александра II, усмотревшего в ней предложение «унизить Россию»¹²⁷⁷. 18 (30) октября 1876 г. Россия в ультимативной форме потребовала от Турции в течение 48 часов заключить перемирие с Сербией, угрожая ей в противном случае разрывом дипломатических отношений. На следующий день перемирие было заключено, что спасло Сербию от полного разгрома. 1 ноября Александр II подписал указ о частичной мобилизации русской армии. Вскоре он произнес в Кремлевском дворце речь, где заявил, что Россия не остановится перед войной во имя защиты южных славян, если не добьется гарантии их прав с помощью предстоявшей конференции великих держав в Константинополе.

«Августейшие слова, произнесенные Вашим Императорским Величеством в Москве, пробудили общий энтузиазм и горячее чувство патриотизма, – докладывал Александру II Н.В. Мезенцов в ноябре 1876 г. – Если это настроение будет поддержано более решительной политикой, то нет никакого сомнения, что правительство может рассчитывать на всеобщее сочувствие коренного русского населения и на посильные материальные пожертвования»¹²⁷⁸. Именно у «коренного русского населения» (великорусских и малорусских губерний), по словам товарища

¹²⁷⁷ Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 207.

¹²⁷⁸ Доклад Н.В. Мезенцова Александру II об отношении различных классов России к освободительной борьбе южных славян и возможной войне России с Турцией. 12 ноября 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 507.

начальника III отделения СЕИВК, «бедствия балканских славян вызвали общее сочувствие, выразившееся значительными денежными пожертвованиями». В остальных местах европейской части империи «сила и характер народного возбуждения» оценивались иначе. (Доклад был составлен на основании донесений начальников губернских жандармских управлений об отношении разных сословий к освободительному движению южных славян и к возможной войне России с Турцией). Согласно прогнозу Н.В. Мезенцова, в случае начала войны всеобщую поддержку правительству должно было оказать также население остзейских губерний (несмотря на то, что до тех пор участие в пожертвованиях принимали лишь проживавшие там русские, а немцы и латыши оставались равнодушными к бедствиям балканских славян); не приходилось рассчитывать «на большие материальные жертвы» со стороны жителей Финляндии (мало сочувствовавших как «славянскому делу», так и «славе русского оружия») и особенно – со стороны польского населения западных губерний, за которым при начале военных действий потребовалось бы даже «усиленное наблюдение»¹²⁷⁹.

Константинопольская конференция, проходившая в декабре 1876 г. – январе 1877 г., не оправдала надежд русской дипломатии. Первоначально Н.П. Игнатьеву удалось добиться принятия великими державами русского проекта, предусматривавшего административную автономию Болгарии (хотя и разделенной на две провинции – западную и восточную), а также одобрения ими рекомендации о предоставлении автономии Боснии и Герцеговине и о территориальном расширении Сербии и Черногории. Однако затем Порты, подстрекаемая Великобританией, неожиданно обнародовала конституцию, содержащую декларацию о политических свободах всех подданных султана, что свело на нет работу международной конференции.

¹²⁷⁹ Там же. С. 506–508.

Параллельно с миротворческими переговорами Россия продолжала дипломатическую подготовку к войне. 3 (15) января 1877 г. Россия и Австро-Венгрия заключили Будапештскую конвенцию, в основу которой было положено Рейхштадтское соглашение. Австро-Венгрия брала на себя обязательство соблюдать нейтралитет в случае войны России с Турцией, а также препятствовать вмешательству в конфликт других держав. Взамен она оставляла за собой право занять Боснию и Герцеговину. Сербия и Черногория объявлялись нейтральной зоной, куда не могли быть введены русские или австрийские войска. Таким образом, для России главной задачей предстоявшей войны становилось освобождение Болгарии, которую она рассматривала отныне как основной оплот своего политического влияния на Балканах. В случае победы над Турцией для Болгарии, Албании и Румелии Будапештской конвенцией предусматривался статус независимых государств, при этом подтверждалось решение, принятое в Рейхштадте, не создавать на Балканах «большого славянского государства»¹²⁸⁰. Принятие такой неопределенной формулировки, предложенной в свое время министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши, по справедливому выражению В.М. Хевролиной, было несомненным «просчетом Горчакова», так как впоследствии позволило ее автору выступить против создания «Большой Болгарии»¹²⁸¹.

Будапештская конвенция, как и Рейхштадтское соглашение, держалась в секрете. Между тем в обществе продолжали накаляться страсти. 6 марта 1877 г. на заседании Московского славянского комитета И.С. Аксаков резко осудил российскую внешнюю политику, отличавшуюся, по его словам, «упрямой кротостью» и «назойливым миролюбием»¹²⁸². Его речь вызвала «крайнее неудовольствие»

¹²⁸⁰ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. С. 149–153; История внешней политики России. Вторая половина XIX века... С. 189.

¹²⁸¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века... С. 187.

¹²⁸² Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 235.

Александра II; номера «Московских ведомостей» и «Современных известий», где она была опубликована, были конфискованы¹²⁸³.

Вскоре Россия предприняла последнюю попытку урегулировать кризис мирным путем. 31 марта 1877 г. по ее инициативе представители шести великих держав подписали Лондонский протокол, содержащий требования к Порте провести реформы в христианских провинциях Османской империи на основе решений Константинопольской конференции. 9 апреля Порта отклонила Лондонский протокол, посчитав его вмешательством в свои внутренние дела. Россия была вынуждена перейти к активным действиям. Отказаться от требуемой обществом войны, когда армия была мобилизована, а Турция отвергла все русские требования, Александр II не мог.

Таким образом, на начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876) Русская Церковь вместе со Славянскими комитетами встала во главе российского «славянского движения», которое, наряду с провалом миротворческих инициатив русской дипломатии, повлияло на решение Александра II начать войну. В сложившихся условиях от этого решения зависели сохранение престижа и влияния России среди балканских народов, а также авторитета императорской власти внутри страны. Помощь православным славянам Балканского полуострова, томившимся под турецким исламским игом, Церковь считала исторической миссией (долгом) России, возложенной на нее Богом.

4.3. Позиция Русской Церкви и российского общества по отношению к начавшейся войне 1877–1878 гг.

12 апреля 1877 г. Александр II подписал манифест «О вступлении российских войск в пределы Турции». В нем прежде всего отмечалось, что «живое участие в судьбах угнетенного христианского населения Турции»

¹²⁸³ Письмо Н.В. Мезенцова И.С. Аксакову о запрещении Московскому славянскому комитету направлять добровольцев в Черногорию и о недовольстве Александра II речью И.С. Аксакова 6 марта 1877 г. 12 марта 1877 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 619.

всегда было присуще политике российского престола и разделялось всем русским народом, «ныне выражающим готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова». Вспомнив «печальные события» в Герцеговине, Боснии и Болгарии, император подчеркнул, что российская дипломатия в течение двух лет пыталась разрешить Восточный кризис мирным путем, однако «высокомерное упорство» Порты, отклонение ею постановлений Константинопольской конференции и отказ присоединиться к Лондонскому протоколу исчерпали миролюбие России и «поставили в необходимость обратиться к силе оружия». Указание Александра II на то, что его решение продиктовано «чувствами справедливости и собственного достоинства», а также выраженное им убеждение в правоте своего дела должны были показать, что для России, взявшей на себя ответственность за объявление войны, противостояние носит отнюдь не захватнический, а справедливый, освободительный характер¹²⁸⁴.

Манифест был подписан в Кишиневе, куда император отправился для смотра и воодушевления российских войск, сосредоточенных на границе с Румынией. (Буквально в преддверии войны, 4 (16) апреля 1877 г., была заключена русско-румынская конвенция, согласно которой Румыния пропускала через свою территорию русские войска, разрешая им пользоваться железными дорогами, почтовой и телеграфной связью, а также оказывала содействие в их снабжении продовольствием и фуражом; Россия возмещала все расходы, обязывалась уважать «политические права Румынского государства» и брала под свою защиту его неприкосновенность и целостность¹²⁸⁵. 9 (21) мая 1877 г. Румыния объявила свою независимость). Александр II выехал из Санкт-Петербурга в Кишинев 8 апреля 1877 г. По пути следования царский поезд несколько

¹²⁸⁴ ПСЗ-II. Т. 52. Ч. 1. СПб., 1879. № 57155.

¹²⁸⁵ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. II. СПб., 1898. С. 234–237; История внешней политики России. Вторая половина XIX века... С. 192.

раз останавливался: 10 апреля в Жмеринке и Бирзуле императору представлялись части 9-го корпуса, 11-го в Тирасполе – части 8-го корпуса. Обращаясь к солдатам и офицерам с напутственными словами, Александр II по-отечески называл их «ребятами» и желал «возвратиться поскорей и со славою». Он отмечал, что медлил с началом войны «доколе было возможно», не желая напрасно проливать русскую кровь, но теперь, когда «честь России затронута», «все до последнего человека» должны постоять за нее. Пожелание успеха император сопровождал традиционным русским возгласом: «С Богом!». Войска реагировали восторженно, отвечая императору громовым «Ура!»¹²⁸⁶.

11 апреля Александр II посетил также румынскую станцию Унгены, где был торжественно встречен митрополитом Молдавским Иосифом (Наниеску) в сопровождении духовенства, а также депутацией граждан г. Яссы. Митрополит обратился к российскому императору с приветственным словом, в котором от лица церковных и светских властей изъявил «благоговение» и поздравил с «благополучным приездом», а также отметил, что Румынская Церковь «с древних времен пользовалась благосклонным покровительством русских монархов»¹²⁸⁷. Отвечая на приветствие, Александр II выразил надежду, что русская армия, вступив на румынскую землю, найдет в местных жителях «дружественные чувства»¹²⁸⁸.

События следующего дня – 12 апреля 1877 г. – ознаменовали собой официальное начало войны. Утром на Рышкановском Скаковом поле (близ Кишинева) выстроились войска, ожидавшие прибытия императора и главнокомандующего. По пути на плац Александр II заехал в Кишиневский кафедральный собор, где его встретило духовенство с крестом и святой водой. Епископ Кишиневский и Хотинский Павел

¹²⁸⁶ Начало летописи освобождения восточных христиан // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Неофиц. С. 12.

¹²⁸⁷ Речь молдавского митрополита // Церковный вестник. 1877. № 16. С. 13–14.

¹²⁸⁸ Начало летописи освобождения восточных христиан. С. 12.

(Лебедев) произнес торжественное приветствие, в котором подчеркнул религиозный смысл начинавшегося противостояния: России предстоит «сокрушительно потрясти в самых основаниях *врата адовы*, горделиво именующие себя Высокою и Блистательною Портою», и спасти «наших братьев по вере и крови» «от жестокого поработителя, избавить их от жизни, исполненной адских мучений, уврачевать их язвы, вдохнуть в них новую жизнь и даровать им человеческие права». Вспомнив знаменитые деяния Александра Благословенного, нареченного Освободителем Европы, епископ Павел пожелал царствовавшему императору, чтобы Господь увенчал его «венцом Освободителя угнетенных христианских народов»¹²⁸⁹.

На Скаковом поле император со свитой занял место в центре позиции, в виду всего фронта войск, выстроенных в две линии. Преосвященный Павел, вскрыв врученный ему пакет, громко и выразительно зачитал Высочайший манифест, а затем отслужил торжественный молебен с коленопреклонением, совершаемый «во время брани против супостатов». После молебна он произнес соответствовавшую моменту речь, в которой особо акцентировал внимание на целях войны, охарактеризовав их как «великий и святой подвиг» — «положить конец тем невыразимым жестокостям и неистовствам, которые варвар-турок уже несколько веков совершает над злосчастными братьями нашими христианами»; «и за Дунаем, и за Балканами водрузить Христов Крест над полумесяцем». Епископ Павел благословил действующую армию, в лице главнокомандующего великого князя Николая Николаевича старшего, иконой Спаса Вседержителя, а квартировавшие в Кишиневе войска, в лице начальника 14-й пехотной дивизии генерал-майора Свиты Его Величества М.И. Драгомирова, — Гербовецкой иконой Божией Матери, считавшейся покровительницей города¹²⁹⁰. (Отметим, что благословение войск произвело на императора особое впечатление. По признанию

¹²⁸⁹ Обнародование манифеста в Кишиневе // Церковный вестник. 1877. № 16. Ч. Неофиц. С. 1.

¹²⁹⁰ Там же. С. 2–3; Начало летописи освобождения восточных христиан. С. 12–13.

преосвященного, на следующий день Александр II поблагодарил его за это, прибавив: «То, что Вы благословили войска иконами, и то чувство, с которым Вы это сделали, всех нас до глубины души растрогало»¹²⁹¹.) В завершение церемонии состоялся марш войсковых частей. Интересно, что в смотре принимали участие и два болгарских батальона, сформированные в Кишиневе из добровольцев, прибывших туда из-за Дуная. Александр II объехал фронт войск, обращаясь к офицерам и солдатам с пожеланиями и напутствиями, на которые они отвечали громкими, восторженными криками, сливавшимися с возгласами собравшегося вокруг народа: «Ура! За братьев! За святое дело! За веру Христову! За свободу славян!»¹²⁹². В тот же день русские войска перешли границу в трех пунктах: Унгенах, Бештанах и напротив Кубея. Освободительный поход начался.

Вскоре Высочайший манифест был обнародован по всей стране. Уже 12 апреля Святейший Синод принял традиционное в таких случаях постановление: напечатать манифест в «потребном числе» экземпляров и разослать «ко всем подведомственным Святейшему Синоду местам и лицам», чтобы, «по предварительном сношении с местными гражданскими начальствами», огласить его в соборах, церквях и монастырях после божественной литургии: «в городах – на следующий по получении день, а в селах – в первый воскресный или праздничный день, с совершением тогда же торжественного молебствия с коленопреклонением»¹²⁹³.

В храмах Санкт-Петербурга и Москвы манифест был прочтен 13 апреля. В Исаакиевском соборе при этой церемонии присутствовали и затем служили соборно молебен все члены Синода. Перед молебном ректор Санкт-Петербургской Духовной академии протоиерей Иоанн Янышев произнес речь, где подчеркнул, что «великое и святое дело», к которому призвана страна императором – освободить христиан Востока от

¹²⁹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1082. Л. 15–15 об.

¹²⁹² Обнародование манифеста в Кишиневе. С. 2–3; Начало летописи освобождения восточных христиан. С. 12–13.

¹²⁹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 189–189 об.

исламского ига, обеспечить им возможность духовного и материального развития, – не только «достойно всевозможных жертв и усилий со стороны всей многомиллионной христианской России», но и «самим Богом возложено именно на наше отечество», о чем свидетельствует «голос русской народной совести». Отметив, что славяне составляют «одну семью» по крови и вере, а также напомнив об исторической связи Русской и Восточных Православных Церквей, отец Иоанн заявил, что в создавшихся условиях объявление Турции войны есть для России не что иное, как исполнение своего долга¹²⁹⁴.

Чтение манифеста везде проходило при большом стечении народа и встречалось криками «Ура!». Атмосферу, царившую в это время в Москве, в частности, передает телеграмма, направленная 13 апреля 1877 г. в редакцию «Церковного вестника»: «Сейчас окончилось молебствие. Между соборами, на площади, собралось до 50 000 народа; верхи кремлевских колоколен унизаны головами зрителей; на парапетах высоких лестниц также толпится народ. По всей Москве гул колоколов; город, до сих пор сонный, ожил. На улицах повсюду толпы народа; встречные поздравляют друг друга. Восторг всеобщий»¹²⁹⁵.

Интересно, что весть о начале войны разнеслась по Москве уже 12 апреля, то есть за день до официального объявления Высочайшего манифеста в Успенском соборе Кремля и других храмах первопрестольной столицы. По сообщению корреспондента газеты «Современные известия», москвичи узнали об этом из «разосланных телеграмм»: в пятом часу пополудни на улицах начали продавать соответствующие «бюллетени», которые раскупались «в драку», «а вечером, когда стало смеркаться, вся Москва уже ликовала *о давно ожидаемой радости*, заключающейся в

¹²⁹⁴ Янышев И., *прот.* Речь, сказанная в Исаакиевском соборе, в среду, 13 апреля, пред молебствием после литургии и по прочтении Высочайшего манифеста о вступлении российских войск в пределы Турции // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Неофиц. С. 1–3.

¹²⁹⁵ Одушевление народа // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Неофиц. С. 13.

объявлении войны Турции»¹²⁹⁶. В тот же день состоялось заседание Московской городской думы, где было принято единогласное решение: «принять на средства города устройство и содержание в Москве, в продолжение всего времени войны, до тысячи кроватей для раненых, по соглашению с Обществом попечения о раненых и больных воинах», а также выделить 1 млн рублей «для употребления на санитарные нужды армии» по указанию императрицы Марии Александровны, покровительницы Общества. Августейшая чета выразила глубокую признательность Московской городской думе «за столь благородный порыв»¹²⁹⁷.

17 апреля 1877 г. в речи на заседании Московского славянского благотворительного комитета И.С. Аксаков назвал начавшуюся войну «желанной, призываемой, выстраданной миллионами сердец». Он заявил, что «война потребна духу России, эта война за веру Христову, эта война за освобождение поработанных и угнетенных народов, эта война – праведная, эта война – подвиг»¹²⁹⁸. Аксаков, разумеется, торжествовал. Главная цель, которую ставили перед собой Славянские комитеты в 1875–1876 гг., была достигнута. Однако необходимо отметить, что именно с началом войны в деятельности комитетов начался резкий спад, обусловленный как изменением их положения (согласно уставу этих организаций, утвержденному 12 апреля 1877 г., они были подчинены Министерству внутренних дел, переименованы в общества и лишены какой бы то ни было самостоятельности), так и сменой приоритетов в русских общественных кругах. В ходе войны усилия Славянских благотворительных обществ были сосредоточены главным образом на участии в формировании и обмундировании дружин Болгарского ополчения, в то время как основное внимание российской общественности

¹²⁹⁶ Там же.

¹²⁹⁷ Там же.

¹²⁹⁸ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 236.

стали занимать нужды русской армии, сражавшейся за свободу славян. Место лидера в организации частной помощи заняло теперь Общество попечения о раненых и больных воинах (подробнее об этом ниже).

Практически все российские периодические издания (как светские, так и церковные) с первых дней противостояния стали подробно описывать военные события, а также проявления горячего сочувствия к происходившему со стороны общества. Следует отметить, что «Церковный вестник» рекомендовал при этом русскому православному духовенству «удержать прежнее *руководящее значение* во всенародном христолюбивом порыве сострадания к бедствующим братьям», которое было ему присуще в течение предыдущих полутора лет¹²⁹⁹. Обращает на себя внимание и название рубрики, появившейся в официальном печатном органе Святейшего Синода для освещения известий с театра военных действий: «Летопись освобождения восточных христиан».

На фоне всеобщей эйфории, царившей в русской прессе в связи с началом войны, контрастно выделялся ежемесячный журнал революционно-демократического направления «Дело», кратко констатировавший открытие военных действий и критично оценивший восприятие этого события обществом. В мае 1877 г. в журнале отмечалось: «Петербург встретил очень спокойно, даже холодно весть о войне: это факт. Хотя мы и читали уже в газетах о необыкновенном восторге, которое проявляет все столичное население, о массах народа, якобы толпящегося на улицах в ожидании свежих телеграмм агентства г. Краевского, но весь этот восторг и все толпы гг. репортеры, кажется, видели во сне»¹³⁰⁰. В одном из следующих номеров «Дела» причины подобной «холодности» объяснялись так: петербургская общественность была якобы «более развитой», чем московская, которая «легко поддавалась на аксаковские агитки»; столичные жители опасались создания международной коалиции

¹²⁹⁹ 12-го апреля 1877 года // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Неофиц. С. 5.

¹³⁰⁰ Калейдоскоп // Дело. 1877. № 5. С. 173.

против России; наконец, слишком долго ожидая войну с Турцией, многие просто «перегорели»¹³⁰¹. Сравнивалось также отношение к происходившему городского и сельского населения: «города высказали несравненно большее одушевление», крестьяне же «во многих губерниях» якобы вообще «не знали о войне, а если и знали, то о ней никогда не говорили»¹³⁰².

Заметим, что оценка общественного мнения, данная в журнале «Дело», противоречит не только публикациям подавляющего большинства органов печати, но также многочисленным свидетельствам мемуаристов и донесениям жандармов. Так, например, помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления отмечал в своем донесении: «Сочувствие всех классов общества к войне громадное»¹³⁰³. Начальник Симбирского жандармского управления писал: «Крестьяне, едва выучившиеся читать по складам, прочитывают все попадающиеся им газетные известия»¹³⁰⁴. Военные события временно отодвинули на второй план так называемые «внутренние вопросы», что, видимо, и спровоцировало приведенные выше желчные выпады недовольных корреспондентов журнала революционно-демократического направления.

Европейская (прежде всего, английская) пресса подняла тревогу, обвиняя Россию в намерении захватить Балканы и овладеть проливами. 19 апреля (1 мая) 1877 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Э. Дерби поручил английскому послу в Санкт-Петербурге А. Лофтусу довести до сведения русского правительства, что Великобритания считает предпринятые Россией действия необоснованными и противоречащими условиям Парижского мирного договора 1856 г. и решениям Лондонской

¹³⁰¹ *Откровенный писатель*. Картины общественной жизни // Дело. 1878. № 1. С. 174.

¹³⁰² Там же. С. 149–150.

¹³⁰³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 162. Д. 125. Л. 23.

¹³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 162. Д. 17. Ч. 1. Л. 158.

конференции 1871 г.¹³⁰⁵ 24 апреля (6 мая) Э. Дерби направил русскому послу в Лондоне графу П.А. Шувалову ноту, в которой от имени британского правительства потребовал от Петербургского кабинета заверений в том, что военные действия России не распространятся на Египет, Суэцкий канал, Персидский залив, проливы Босфор и Дарданеллы. Ответом на эту ноту стали утвержденные Александром II инструкция и письмо А.М. Горчакова П.А. Шувалову от 18 мая 1877 г. В первом документе заявлялось об отсутствии у России намерений блокировать навигацию по Суэцкому каналу и захватить Константинополь, а также «развертывать войну больше, чем этого требует ясно и открыто провозглашенная цель», ради которой взято в руки оружие. Вопрос о проливах предлагалось урегулировать «с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах». Четко давалось понять, что Россия будет «учитывать британские интересы, изложенные лордом Дерби, до тех пор, пока Англия будет соблюдать нейтралитет». Выражалась надежда, что и британское правительство, в свою очередь, учтет «особые интересы России, удовлетворение которых зависит от этой войны», — «положить конец несчастному положению христиан, находящихся под властью турок, и постоянным кризисам, которые из этого вытекают». Подчеркивалось, что «это положение вещей и жестокости, причиной которых оно служит, порождают в России брожение, вызванное глубоким христианским чувством, присущим русскому народу, и общностью веры и расы, объединяющей его с христианским населением Турции. Императорское правительство тем более обязано принять во внимание это брожение, что оно действует на внутреннее и на внешнее

¹³⁰⁵ Послание министра иностранных дел Англии Э. Дерби английскому послу в Петербурге А. Лофтусу об отрицательном отношении английского правительства к объявлению Россией войны Турции. 19 апреля (1 мая) 1877 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. / Под ред. С.И. Никитина и др. Т. 2: Борьба за национальное освобождение Болгарии в период Русско-турецкой войны. 1877–1878. М., 1964. С. 40–42.

положение империи»¹³⁰⁶. Как видим, при обосновании причин начала войны в качестве одного из весомых аргументов правительство официально признавало общественное движение в поддержку «братъев-славян». Во втором документе до сведения Э. Дерби, в частности, предлагалось довести, что в случае соблюдения державами нейтралитета мир был бы заключен «по договоренности» с ними¹³⁰⁷. Все эти заверения удовлетворили Великобританию. Она заявила о своем нейтралитете.

Через несколько дней после объявления войны император Александр II оставил действующую армию и вернулся в Санкт-Петербург. Как и Александр I в 1812 г., по пути из армии в столицу он заехал в Москву, где был встречен с не меньшим восторгом, чем в свое время его знаменитый дядя. Император прибыл в первопрестольную 22 апреля вечером, тогда же туда приехала из Санкт-Петербурга императрица Мария Александровна. К приезду Их Величеств город был иллюминирован и украшен флагами. Следование августейшей четы от вокзала до Большого Кремлевского дворца на всем протяжении сопровождалось несмолкаемыми приветственными возгласами многочисленных жителей. 23-го утром Александр II принял городскую депутацию. Московский губернский предводитель дворянства граф А.В. Бобринский и городской голова Москвы С.М. Третьяков зачитали и поднесли императору всеподданнейшие адреса, в которых подчеркнули справедливый характер начавшейся брани («нет войны праведнее сей») и горячее одобрение обществом долгожданного решения императора («от слова твоего, царь, совесть и честь России вздохнули свободно», «возликовала Русь», «воздух древней столицы восколебался от кликов признательности и

¹³⁰⁶ Инструкция А.М. Горчакова русскому послу в Лондоне П.А. Шувалову об англо-русских переговорах относительно соблюдения интересов обеих стран и о позиции России в вопросах о Суэцком канале и проливах. 18 мая 1877 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 80–82.

¹³⁰⁷ Письмо А.М. Горчакова П.А. Шувалову о готовности русского правительства гарантировать интересы Англии на Востоке и о возможных условиях мирного договора с Турцией. 18 мая 1877 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 83–91.

благословения»), а также выразили готовность дворянства и всех жителей первопрестольной всеми силами содействовать монарху в принятом им на себя «чистом и святом подвиге», в частности – «в духе братской любви служить болящим и раненым воинам нашим»¹³⁰⁸. Александр II поблагодарил «все сословия Москвы от глубины души за их истинно патриотические чувства, которые они доказали уже не одними словами, но делом». «Вся Россия, – сказал император, – откликнулась на мой призыв. Москва первая подала в том пример»¹³⁰⁹.

После приема во дворце Их Величества под восторженные крики переполнявшего Кремль народа проследовали в Успенский собор, у входа в который были встречены митрополитом Московским Иннокентием (Вениаминовым) с двумя викариями и другим духовенством. Приветствуя императора, митрополит Иннокентий назвал начатую им борьбу за освобождение единоверных славян *«великим и святым делом»*. Это определение, точно и просто отражающее значимость и религиозный смысл происходивших событий, и до, и после речи Иннокентия регулярно встречалось в течение войны в церковных документах для характеристики данного противостояния. Владыка отметил, что Москва, встречая царя с «претрепетным восторгом» и «любовью не чуждою скорби» о предстоявших жертвах, вместе со всей Россией молит и будет молить Бога о победе: «да дарует [Господь] Тебе силу и премудрость совершить начатое во славу Божию, во славу Твою и Твоего народа»¹³¹⁰.

24 апреля Александр II, Мария Александровна и сопровождавшие их лица посетили Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Встречая императора при входе в Троицкий собор, митрополит Иннокентий в яркой речи подчеркнул символическое значение этого визита и преемственность

¹³⁰⁸ Пребывание государя императора в Москве и возвращение в Петербург // Церковный вестник. 1877. № 17. Ч. Неофиц. С. 1.

¹³⁰⁹ Там же. С. 2.

¹³¹⁰ *Иннокентий (Вениаминов), митр.* Речь, произнесенная при входе государя императора Александра Николаевича в Успенский собор. 23 апреля 1877 г. // Творения Иннокентия, митрополита Московского / собр. И. Барсуковым. Кн. 1. М., 1886. С. 166.

церковно-государственных, православных традиций России: «Благочестивейший Государь! За пять веков пред сим Твой благочестивый предок, великий князь Димитрий Донской, приходил в обитель преподобного Сергия просить его молитв и благословения на борьбу с неверными. Та же сила веры в молитвы Преподобного привлекала в сию обитель и потомков Димитрия, державных Твоих предшественников. Тою же верою движимый, и Ты... пришел в сию обитель. Благословенно желание сердца Твоего! Благословенно вхождение Твое! Молитвы и благословение преподобного Сергия да сопутствуют Тебе во всех входах и исходах Твоих отныне и до века!»¹³¹¹.

Митрополит Иннокентий и викарий Игнатий отслужили молебен с коленопреклонением и прочли молитву «о победе на супостаты». У мощей преподобного Сергия Радонежского владыка благословил императора древней иконой-складнем «Явление Богоматери преподобному Сергию», почитавшейся в течение нескольких столетий в качестве покровительницы русского воинства. Александр II принял образ с благоговением¹³¹². Как отмечалось выше, эта икона находилась в русской армии во время Отечественной войны 1812 года и в годы Крымской войны. После победы в данном противостоянии к перечню военных походов с участием этой иконы, выгравированному на ее серебряном ковчеге, добавился и «Турецкий поход 1877–1878 гг.».

Кроме древнего складня императору были преподнесены также два списка с него для отправления в Дунайскую и Кавказскую армии. На оборотной стороне одной иконы была сделана надпись: «Во благословение русскому Христолюбивому воинству действующей Дунайской армии с молитвой о победе на врага приносит Сергиевская лавра, 1877 года, апреля

¹³¹¹ *Иннокентий (Вениаминов), митр.* Речь, произнесенная государю императору при входе его в Троицкий собор Сергиевой Лавры. 24 апреля 1877 г. // Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. 1. С. 167.

¹³¹² *Барсуков И.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 754.

24-го дня»; на обороте другой – тот же текст, но вместо «Дунайской» написано «Кавказской» армии¹³¹³.

25 апреля 1877 г. Александр II прибыл в Петербург, где также был встречен всеобщим ликованием. Санкт-Петербургская городская дума, как и Московская, пожертвовала 1 млн рублей на военные нужды, собрание выборных купеческого сословия столицы – 500 тыс. рублей¹³¹⁴.

Отметим, что через месяц, 25 мая 1877 г., Александр II вернулся в армию, на Дунайский театр военных действий, и пробыл там в течение полугода – до 3 декабря 1877 г. Он не командовал войсками, скромно называя себя лишь «братом милосердия»¹³¹⁵, но внимательно наблюдал за происходившим и неоднократно давал советы великому князю Николаю Николаевичу. Граф В.А. Соллогуб, выполнявший при Главной квартире обязанности историографа, так определил роль императора на театре военных действий: «Само же присутствие государя при армии изобличало три значения: сердобольное, одушевляющее и наблюдательное. К первому относились неусыпное посещение и утешение раненых; ко второму – пример личной самоотверженности, объявления войскам подвигов дальних товарищей и щедрые награды за отличия; к третьему – монаршие мероприятия в случаях, превышающих власть главнокомандующего»¹³¹⁶. И хотя военный министр Д.А. Милютин назвал «Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г.», составлявшийся Соллогубом, таким же «пустозвонным, как и большая часть литературных его произведений»¹³¹⁷, необходимо признать, что процитированный нами фрагмент этого сочинения очень близок к истине. По свидетельству многих современников и очевидцев, присутствие

¹³¹³ Пребывание государя императора в Москве и возвращение в Петербург. С. 2–3; Московские епархиальные ведомости. 1877. № 18. С. 162.

¹³¹⁴ Пребывание государя императора в Москве и возвращение в Петербург. С. 3.

¹³¹⁵ Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы... С. 207.

¹³¹⁶ Соллогуб В.А. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878. С. XXXIII–XXXIV.

¹³¹⁷ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 267.

императора в войсках, с одной стороны – несколько «стесняло» главнокомандующего, зато с другой – колоссально воодушевляло солдат и офицеров, находившихся как на передовой, так и в военно-временных госпиталях. В передовых частях с приездом Александра II сразу начинались награждения отличившихся – по словам генерала П.Д. Зотова, «лился дождь Георгиевских крестов»¹³¹⁸. В госпиталях же, по выражению Н.П. Игнатьева, одно появление государя «преобразовывало стонущих, капризных и еле двигающихся страдальцев в улыбающихся молодцов»¹³¹⁹. Пребывание Александра II в армии благотворно действовало и на болгар, твердо надеявшихся на то, что он «возвратит им царство»¹³²⁰. В исторической литературе неоднократно отмечалась любовь болгар к русским царям, выражавшаяся в хранении в домах их портретов и в сложении о них рассказов и легенд¹³²¹. Неудивительно, что к императору постоянно приходили представители балканских беженцев с благодарностью за грядущее освобождение. Как справедливо заметил исследователь С.А. Кочуков, все это укрепляло «имидж» Александра II в восприятии русского общества¹³²².

Что касается Русской Церкви, то одной из первых мер, принятых ею в связи с началом войны, стал указ императора из Святейшего Синода от 19 апреля 1877 г., предписавший подведомственным Синоду «местам и лицам» сделать «немедленное распоряжение о возношении во всех церквах, по прежним примерам, всedневных молитв Господу Богу о победе над врагом»¹³²³. Для этого были напечатаны 50 тыс. экземпляров молитвы.

¹³¹⁸ *Зотов П.Д.* Дневник // Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001. С. 103–104.

¹³¹⁹ *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.М. Хевролиной. М., 1999. С. 139.

¹³²⁰ *Макарова И.Ф.* Русский царь в народных преданиях болгар // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006. С. 151.

¹³²¹ Там же. С. 152–157.

¹³²² *Кочуков С.А.* «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 343–349.

¹³²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 188.

Из них 40,5 тыс. экземпляров при соответствующих указах были разосланы по всем церквам империи, остальные поступили в продажу¹³²⁴.

Так же «по прежним примерам», то есть по существовавшей в России традиции, духовенство начало совершать благодарственные молебны по случаю успешных сражений русской армии с провозглашением многолетия христоробивому воинству. 13 июля 1877 г. Святейший Синод принял постановление о провозглашении в таких случаях также «вечной памяти убиенным воинам»¹³²⁵. Решение было принято по распоряжению Александра II, обратившего внимание обер-прокурора Синода на то, что 16 июня во время благодарственного молебна в Исаакиевском соборе в связи с переходом наших войск через Дунай не было провозглашено вечной памяти павшим в этом деле воинам¹³²⁶. В результате последовало упомянутое определение Синода, в котором, опять же по указанию императора, был оговорен и порядок провозглашения «многолетия и вечной памяти» во время «благодарственных молебствий по случаю особо важных и радостных событий на театре военных действий»: «после многолетия царствующему дому провозглашать вечную память павшим на брани воинам и вслед за сим многолетие христоробивому воинству»¹³²⁷.

В отличие от Отечественной войны 1812 года и Крымской войны 1853–1856 гг. Святейший Синод не составил специального воззвания к народу. Думаем, что объяснить это можно тем, что в указанных случаях (и в 1812 г., и в 1855 г.) воззвания принимались не в связи с началом войны, а в связи с созывом народного ополчения. Поскольку во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ополчение не было создано, то Церковь, как консервативная организация, от подобной меры воздержалась. Тем не менее, несмотря на отсутствие официального воззвания Святейшего Синода, позиция Русской Православной Церкви в отношении

¹³²⁴ Там же; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1082. Л. 41–42.

¹³²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 127.

¹³²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1082. Л. 44–44 об.

¹³²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 127.

рассматриваемого противостояния была заявлена очень четко. Она выражалась в речах церковных иерархов, проповедях приходских и армейских священнослужителей. Многие из этих текстов печатались в «Церковном вестнике» и местных «Епархиальных ведомостях».

Из православных архиереев, помимо епископа Кишиневского Павла и митрополита Московского Иннокентия, речи которых цитировались выше, в первые дни войны к пастве обратился также епископ Астраханский и Енотаевский Хрисанф (Ретивцев). В своей речи он, в частности, показал религиозный характер и важное историческое значение начавшейся войны, которая, по его мнению, должна была не только освободить угнетенных восточных христиан, но и принести несомненную пользу самой России, способствуя единению и нравственному очищению русского народа, преодолению в стране смут и развитию гражданского общества: «Война всегда есть година трудная для народа, но иногда нужная и полезная для оживления и возбуждения тех же народных сил... Кто знает, быть может, Господь судил нам эту брань сколько для пользы наших братьев, столько же и для нас самих. Среди наших стремлений к обновлению гражданской жизни в последние дни много было... и увлечений, и крайнего легкомыслия. Провидение обращает нас к завету предков, требуя брани во имя веры и своей народности. Оно хочет очистить ту... атмосферу, которою мы нравственно дышим. Все доныне бывшие войны и брани наши были нам полезны даже тогда, когда сопровождались лишениями. Огненное испытание под Севастополем – на местах, где впервые явился для нашей страны свет Христовой веры, – было и горнилом нашего нравственного очищения, повело к обновлению нашей жизни. Настоящая брань наша, братие, есть еще первая... после того, как Царь-Освободитель, уничтожив среди нас рабство, призвал нас к самостоятельности, после того как мы стали жить более сознательною народною жизнью. Это – редкая, почти беспримерная война по чистоте и совершенному бескорыстию наших намерений, война во имя одной любви, за нравственные права

человека, за свободу страждущих. Это, наконец, наша священная война, – война за Христа и христианство, за наших братьев, – с нею связаны вопросы и нашей родной веры, и нашей народности, – все самое дорогое для нашего народного чувства»¹³²⁸.

Значительный интерес представляют проповеди на военную тему приходских священников, где на доступном народу языке объяснялись цели и смысл противостояния, а также давались конкретные советы и рекомендации, как изыскать средства, необходимые для внесения посильных пожертвований на военные нужды. Так, например, священник села Высотское Тульской епархии Иоанн Кутепов поучал своих прихожан: «Не для увеличения могущественного и славного царства русского начинается война. Не для приобретения золота и серебра. Нет. Нам не нужно чужих земель. У нас своей земли много. Дать православным славянам свободу жить мирно, возвратить отнятое у них, не дать варварству турок попираť честь человека и христианина, не дать насмехаться над Крестом Спасителя, вот из-за чего объявлена война Турции. Такая война, видите, для нас дело святое, высокий подвиг христианина. ...В теперешнее время... мы должны усилить свой труд, чтобы, от плодов своего труда, облегчить тягость военного времени помощью на раненых и больных воинов и на разграбленных и разоренных турками православных славян. Вот у нас теперь посев яровых хлебов, а братьям нашим славянам и нечем сеять, и работать негде: все у них отнято, разграблено, разорено турками. Положим в душе своей твердое намерение уделить частичку от урожаев, какими благословит Господь настоящие посевы наши. Потрудимся побольше над обработкой земли, получше вспашем и приготовим землю к посеву. Сократим наши расходы по дому, часто не нужные... У нас, например, скоро храмовый праздник. Вместо

¹³²⁸ Речь Его Преосвященства Хрисанфа, епископа Астраханского и Енотаевского, произнесенная 21 апреля, по прочтении Высочайшего манифеста о вступлении российских войск в пределы Турции // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 18. Отдел неофиц. С. 7–10.

того, чтобы угощать вином тех незваных, непрошенных гостей, которые бродят из дома в дом, чтобы напиться допьяна, пожертвуем на раненых и больных воинов и на православных славян»¹³²⁹.

Свое отношение к начавшемуся противостоянию выразили также предстоятели православных Церквей, находившихся на территории Османской империи – Константинопольского Патриархата и Болгарского экзархата. Поскольку сделали они это с прямой подачи турецкого правительства, то официально были вынуждены встать на его сторону. Прежде всего Порта разослала по всем христианским храмам империи для чтения при богослужении молитву об успехе турецкого оружия. В ней содержалась просьба к Богу ниспослать «силу и крепость августейшему и народолюбивому... султану Абдул-Гамиду... и его мужественному и многочисленному воинству», даровать им победу над «наступающим врагом», а также «просветить и укрепить» народы Османской империи жить «в единодушии и чистоте, верно и самоотверженно служа богоучрежденному над ними державному царству и преспевая на всякое дело благо»¹³³⁰. Через пару недель по всем греческим церквям уже от имени Константинопольской Патриархии была разослана молитва о здравии и благоденствии султана с предписанием читать ее в воскресные и праздничные дни: «...Повинуяся убо Твоему божественному слову, молимся Ти в час сей, об Августейшем царе нашем султанине Абдул-Гамиде хане, нашем самодержце, даруй ему совершенное здравие и долгоденствие, утверди его царство, укрепи его воинство, победы дая ему на супротивных, возглаголи в сердце его благая о всех вверенных его отеческому попечению людях, их же просвети, да живут в мире и в братском единении друг ко другу и в вере и преданности к богоучрежденному над ними

¹³²⁹ Кутепов И., *свящ.* Поучение сельским прихожанам по прочтении Высочайшего манифеста // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Неофиц. С. 16–17.

¹³³⁰ Молитва об успехе турецкого оружия // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Неофиц. С. 17.

царству...»¹³³¹. Перепечатав текст этой молитвы из газеты «Византия» («Βυζαντίς») – официального печатного органа Константинопольской Патриархии, редакция «Церковного вестника» отметила, что остается неизвестным, по собственному почину Патриархия ввела эту молитву или по распоряжению Порты, а также взамен разосланной ранее по всем христианским храмам или в дополнение к ней¹³³².

Вскоре помимо молитвенного содействия турецкому оружию Порты потребовала от христиан Османской империи денежных пожертвований на военные нужды. В июне – июле 1877 г. по предписанию турецкого министра иностранных дел Савфет-паши Вселенский патриарх Иоаким II обратился к епархиальным архиереям Патриархата и ко всему подведомственному ему духовенству с окружными посланиями, в которых сообщил об учреждении центрального (в Константинополе) и местных комитетов для сбора со всех подданных султана «ежемесячного воспособления на потребности войны» и распорядился не только направить своих представителей в созданные организации, но и «предрасполагать и склонять своих единоверцев в епархиях не уклоняться от должного с их стороны содействия защите отечества», а «охотно и с полною готовностью» вносить требуемые суммы¹³³³.

Особенно парадоксально выглядело окружное послание Болгарского экзарха Иосифа I, рекомендовавшее болгарам, за освобождение которых по их же просьбе сражались русские войска, оставаться верными турецкому правительству и оказывать ему всевозможное содействие в трудной борьбе с Россией: «Братие! ...В ту минуту, когда Его Императорское Величество султан Абдул-Хамид-хан, наш милостивый повелитель и отец... делает все свои усилия, чтобы утвердить начала равенства, братской любви, покоя, счастья и прогресса своих подданных,

¹³³¹ Молитва за султана // Церковный вестник. 1877. № 22. Ч. Неофиц. С. 12.

¹³³² Там же.

¹³³³ Новые документы Константинопольской патриархии // Церковный вестник. 1877. № 27. Ч. Неофиц. С. 6–7.

без различия расы и религии, царству угрожает враг, который, прикрываясь мотивами, по-видимому, великодушными, хочет положить препятствия его благородным и высоким усилиям, хочет уничтожить их и довести до конца свои разрушительные стремления против царства и его народов. Но... Бог не допустит, чтобы правда была попрана ногами, и чтобы незаконные попытки торжествовали. ...Мы должны все сплотиться около престола Его Императорского Величества, одушевленные чувствами верности и преданности и готовые не щадить никаких жертв. Народ болгарский в особенности имеет эту святую обязанность: в своей беспристрастности и милосердии императоры оттоманские удовлетворяли всегда его законным требованиям»¹³³⁴. Иосиф I призывал свою паству оказывать «полное доверие правительству», «отвергать наущения злых и не слушать их льстивых и вредоносных наветов», жить в мире и согласии с «соседями мусульманами» – детьми того же отечества, а также молиться о здравии султана и о победе «геройских и славных армий оттоманских»¹³³⁵. Необходимо отметить, что предшественник Иосифа I – Анфим I, просивший в 1876 г. помощи у России, 17 апреля 1877 г. был низложен. Его смещение вызвало широкое негодование среди болгарского населения¹³³⁶. Распространился слух, что причиной стала прорусская позиция экзарха, в частности, его отказ подписать окружное послание, направленное против России¹³³⁷.

Вынужденная лояльность Вселенского патриарха Иоакима II и Болгарского экзарха Иосифа I была высоко оценена турецким правительством: на торжественных аудиенциях у султана Абдул-Хамида II они получили награды: первый – орден Османе 1-й степени, второй – орден Меджидие 1-й степени. Сообщая об этом своим читателям, по

¹³³⁴ Окружное послание Болгарского экзарха Иосифа // Церковный вестник. 1877. № 27. Ч. Неофиц. С. 7.

¹³³⁵ Там же.

¹³³⁶ Маркова З. Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989. С. 229.

¹³³⁷ Низложение Болгарского экзарха Анфима // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Неофиц. С. 17–18.

материалам греческой «Византии», редакция «Церковного вестника» спокойно прокомментировала происходившее: «В критических обстоятельствах, в которых находится в настоящее время империя османов, турецкое правительство старается заинтересовать в ее судьбе и христианское население ее, за освобождение которого и предпринята война Россией, и в этих видах всячески ухаживает за духовными вождями этого населения, стараясь привлечь их на свою сторону, а чрез них расположить к себе и самое население»¹³³⁸.

Болгарская исследовательница З. Маркова также констатирует вынужденную двойственность в поведении высшего духовенства Болгарского экзархата в годы войны. Она отмечает, что с окружными посланиями в поддержку турецкого правительства, помимо экзарха Иосифа I, обратились к населению своих епархий даже епископы Левкийский Гервасий и Браницкий Климент, чьи «русофильские убеждения не подлежат сомнению». По ее мнению, «отслужив молебны о здравии и благоденствии султана и его воинства, тот и другой, вероятно, тайно молились за русскую победу»¹³³⁹.

С открытым призывом оказывать всестороннюю помощь освободительным русским войскам уже 12 апреля 1877 г. обратилась к соотечественникам светская организация – упоминавшееся выше БЦБО, находившееся в Бухаресте: «Братья! ...Изнывая под вековым варварским игом, мы не однажды в тяжелые минувшие годы подымали знамя свободы, и еще в прошлом году отчаянною борьбою мы протестовали против векового рабства. Но зверские турецкие полчища в крови потопили наш протест... Целый год несли мы... крест мученика, но в этой юдоли горя и неволи одна светила нам надежда, которая нас укрепляла в наших страданиях. ...Эта надежда была в великой православной славянской России. ...Наступил час и уже скоро победоносные русские знамена

¹³³⁸ Ухаживание за представителями Православных Церквей со стороны турецкого правительства // Церковный вестник. 1877. № 27. Ч. Неофиц. С. 7–8.

¹³³⁹ Маркова З. Българската екзархия. 1870–1879. С. 229.

развернутся в пределах нашей родины, и скоро под сенью этих знамен начнется для нее лучшее будущее. Русские ополчились бескорыстно за наше освобождение, как и прежде ополчились они за свободу сербов, румын и греков. Болгары! Восстанем же все до единого навстречу нашим братьям освободителям и по мере сил и возможности окажем содействие русской армии. Турецкое население вооружено и намерено возобновить свои ужасы; вооружимся же и мы чем можем и соберемся под славные знамена, нас защищающие. Вооружимся сами и своею борьбою сделаем себя достойными свободы и независимости. Наше будущее, само спасение наше, зависит от этого. К оружию же, дорогая родина! И пусть с первым выстрелом русского орудия родная земля окажется готова к великой, священной войне за свободу... Болгары, вперед! С нами Бог и наши братья русские!»¹³⁴⁰.

Русская печать (как церковная, так и светская) регулярно доводила до сведения читателей факты, свидетельствующие о поддержке болгарами русской армии, а также о действиях Болгарского ополчения, подчеркивая тем самым, что жертва, взятая на себя Россией, не была напрасна.

Таким образом, Русская Православная Церковь благословила войну, начатую Александром II «для облегчения участи христиан Балканского полуострова». Духовенство воспринимало и позиционировало эту войну как справедливую и священную брань за освобождение единоверных и единоплеменных народов. С первых дней противостояния Церковь выступила в тесном единстве с государственной властью и обществом. В дальнейшем она предприняла ряд мер, направленных на организацию духовной и материальной помощи как «братьям-славянам», так и сражавшимся за их освобождение русским воинам. Многие из этих мер были связаны с деятельностью Общества попечения о раненых и больных воинах, взявшего под свою эгиду все российские общины сестер

¹³⁴⁰ Воззвание к болгарскому народу // Церковный вестник. 1877. № 18. Ч. Неофиц. С. 15.

милосердия и ставшего главным центром оказания частной помощи на войне.

4.4. Общины сестер милосердия. Общество попечения о раненых и больных воинах

Деятельность общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах, с первых дней своего существования больше известного как «Красный Крест», является одним из наиболее показательных примеров взаимодействия Церкви и общества в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Самоотверженное служение сестер милосердия оказало значительную помощь Военно-медицинскому ведомству и способствовало дальнейшему развитию гуманистического движения по оказанию частной помощи на театре военных действий, взятого незадолго до начала войны под защиту международного права.

Прежде чем перейти к анализу событий, непосредственно связанных с войной 1877–1878 гг., кратко рассмотрим историю возникновения, численность и разновидности российских общин сестер милосердия, а также покажем обстоятельства появления в Российской империи Общества попечения о раненых и больных воинах.

Первая русская община сестер милосердия была учреждена в марте 1844 г. в Санкт-Петербурге членами Российского Императорского Дома – великими княгинями Марией и Александрой Николаевнами, принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским и его супругой Терезией Васильевной. Первоначально община не имела собственного наименования, лишь в 1873 г. она была названа Свято-Троицкой (согласно одноименной домовой церкви Живоначальной Троицы, освященной еще 5 сентября 1844 г., накануне 40-го дня со смерти великой княгини Александры Николаевны). Учредители новой для России организации декларировали, что пользовались примером лютеранских общин диаконис.

Рассматривая устройство Свято-Троицкой общины, послужившей в дальнейшем образцом для большинства российских заведений подобного

рода, А.В. Постернак называет ее «полумонашеской»¹³⁴¹. Л.А. Карпычева оспаривает его мнение, утверждая, что в отличие от своих западных прототипов первые российские общины сестер милосердия «были учреждениями частной и, отчасти, общественной благотворительности, а не церковными организациями»¹³⁴². Безусловно, это так. Из всех российских общин сестер милосердия XIX – начала XX вв. к церковным организациям можно отнести лишь несколько: в рассматриваемый период – Псковскую Иоанно-Ильинскую (1868 г.), Московскую Владычне-Покровскую (1870 г.) и Екатеринославскую Иосифовскую (1873 г.), поскольку они состояли в ведении Святейшего Синода и под местным начальством епархиальных архиереев; из них первые две были приписаны к монастырям (соответственно – Псковскому Иоанно-Предтеченскому и Серпуховскому Введенскому Владычному¹³⁴³), настоятельницами которых управлялись, третья – в 1885 г. была преобразована в нештатный общежительный женский монастырь. Тем не менее, независимо от ведомственной принадлежности, во всех общинах значительное место занимала духовно-религиозная составляющая, что было закономерно в Российской империи, где православие являлось господствующей религией и составляло основу мировоззрения русского народа.

Основатели Свято-Троицкой общины, не желая «подчинять сестер милосердия строгостям монашеских уставов», стремились в то же время «избежать неудобства чисто светского общежития»¹³⁴⁴. Поэтому многие элементы устройства общины (совместные проживание и молитва, безвозмездная работа, строгие правила поведения) были заимствованы ими

¹³⁴¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С. 55.

¹³⁴² Карпычева Л.А. Общины сестер милосердия и Православная церковь // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004–2005. СПб., 2005. С. 120–138.

¹³⁴³ 19 июня 1878 г. Владычне-Покровская община сестер милосердия была отчислена от Серпуховского Введенского Владычного женского монастыря и сделана самостоятельным учреждением. (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 186 об).

¹³⁴⁴ Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Санкт-Петербурге за 50-летие. 1844–1894. СПб., 1895. С. 6.

из уклада православных монастырей. Это спланировало и дисциплинировало коллектив, а самому заведению придавало дополнительный духовный смысл. В общину принимались вдовы и девицы всех сословий в возрасте от 20 до 40 лет. От кандидаток требовались «набожность, милосердие, целомудрие, воздержание, опрятность, снисходительность, скромность, доброта, терпение, безусловное повиновение постановлениям»¹³⁴⁵. В течение года они проходили испытание, во время которого их обучали основам медицины и уходу за больными, а также проверяли их деловые и нравственные качества. По истечении испытательного срока женщины, признанные достойными, получали звание сестры милосердия. При этом они приносили присягу в церкви общины, давая обет «доколе сил достанет» «по долгу христианского милосердия» заботиться «о телесном и душевном здравии болящих». Санкт-Петербургский митрополит торжественно возлагал на каждую из сестер золотой наперсный крест на зеленой ленте, на одной стороне которого помещалось изображение Богородицы с надписью «всех скорбящих радость», а на другой – слово «милосердие». Крест являлся символом исповедания христианства и принадлежности к общине. Эти правила и традиции (с некоторыми вариациями) перешли во все открывшиеся впоследствии общины сестер милосердия.

Согласно уставу, утвержденному императором Николаем I в октябре 1848 г., Свято-Троицкая община находилась под покровительством императрицы Александры Федоровны, которая для управления заведением назначала Комитет во главе с председательницей, а для «сношения с высшими правительственными лицами и присутственными местами» – попечителя. Непосредственное руководство деятельностью общины осуществлялось начальницей, которая избиралась Комитетом из своей среды. «Главным блюстителем заведения в нравственном и религиозном

¹³⁴⁵ Устав Свято-Троицкой общины сестер милосердия // Уставы и правила общин сестер милосердия. СПб., 1879. С. 98.

отношениях» являлся священник, в обязанности которого, в частности, входило «внушение сестрам истинного, на христианском самоотвержении основанного, милосердия»¹³⁴⁶.

Интересно отметить, что еще до утверждения устава императором учредители Свято-Троицкой общины представляли его проект на рассмотрение митрополита Московского Филарета (Дроздова), высказавшего целый ряд замечаний и предложений, не все из которых, однако, были учтены. В частности, иерарх выступал против межконфессионального характера заведения, предупреждая, что разность вероисповеданий станет препятствием для того, чтобы «сгармонизировать общину в духовно-нравственное единство, одушевить одним общим духом и дать ей внутреннюю силу»¹³⁴⁷. Дело в том, что в уставе не было правила, запрещавшего принимать в общину лиц инославного вероисповедания. В 1848 г. в ней состояли 12 православных сестер, 5 лютеранок и 3 католички¹³⁴⁸. При заведении даже действовали две одноименные церкви – православная и лютеранская. Со временем опасения митрополита Филарета подтвердились, и с 1855 г. в общину стали принимать только православных женщин.

Цели Свято-Троицкой общины были достаточно широкими: «попечение о бедных больных, утешение скорбящих, приведение на путь истины лиц, предававшихся порокам, воспитание детей бесприютных и исправление детей с дурными наклонностями»¹³⁴⁹.

Первой общиной, созданной специально для помощи раненым и больным воинам, стала рассмотренная выше Крестовоздвиженская, деятельность которой в годы Крымской войны послужила прообразом

¹³⁴⁶ Там же. С. 105, 109.

¹³⁴⁷ Замечания митрополита Филарета на устав Свято-Троицкой общины сестер милосердия и проект новых правил для общины // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 4. М., 1886. С. 270–273.

¹³⁴⁸ Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Санкт-Петербурге за 50-летие... С. 81.

¹³⁴⁹ Устав Свято-Троицкой общины сестер милосердия... С. 97.

международного движения Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею.

Основателем Красного Креста традиционно считается швейцарский предприниматель и общественный деятель Ж.А. Дюнан, ставший в июне 1859 г. очевидцем страшных бедствий, которые претерпели раненые в Сольферинской битве. В 1862 г. он опубликовал брошюру «Воспоминания о Сольферино», где ярко описал «изнанку войны» и выразил идею создания системы добровольных медицинских обществ для оказания помощи раненым во время военных действий. На эту книгу одним из первых обратил внимание Центральный комитет Женевского общества попечения об общественных пользах и нуждах, назначивший комиссию для изучения вопроса о возможности претворения идей Дюнана в жизнь. Данная комиссия под председательством генерала Г.-А. Дюфура разработала соответствующую программу, для обсуждения которой в 1863 г. в Женеве была созвана международная конференция. Прибывшие на нее представители семнадцати европейских государств (Россию представляли великая княгиня Елена Павловна и великий князь Константин Николаевич) поддержали положение о создании обществ попечения о раненых и больных воинах, а также постановили ходатайствовать перед правительствами о признании нейтральными и неприкосновенными в военное время лазаретов с ранеными, врачебно-санитарного персонала и лиц добровольной помощи. 10 (22) августа 1864 г. уполномоченные двенадцати государств подписали Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, узаконившую отмеченные выше положения и заложившую основу для дальнейшего развития международного гуманитарного права. В качестве «общеизвестной и однообразной» эмблемы, свидетельствующей о международной защите и нейтралитете, конвенция установила «красный крест на белом поле». Его следовало изображать на флагах, помещаемых на полевых лазаретах и транспортах раненых (наряду с национальными

флагами), и на нарукавных повязках врачебно-санитарного персонала¹³⁵⁰. Эта эмблема, являющаяся также символом христианской любви и гуманности, вскоре дала название всему международному движению и национальным обществам, взявшим на себя заботу о раненых воинах.

Постепенно к Женевской конвенции присоединились практически все европейские государства. Россия сделала это в 1867 г.¹³⁵¹ В это же время в стране было учреждено Общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в 1879 г. в Российское общество Красного Креста. Отметим, что еще до переименования Общества как в частных, так и в официальных документах оно часто называлось «Красным Крестом». Инициатором создания организации выступил лейб-медик Ф.Я. Карель, сумевший увлечь своей идеей фрейлину императрицы баронессу М.П. Фредерикс и ее близкую подругу М.С. Сабинину, преподававшую при дворе музыку великому князю Сергею Александровичу и великой княжне Марии Александровне. 15–16 декабря 1866 г. придворные дамы обратились с этим вопросом к императрице, а Ф.Я. Карель – к императору. В результате Александр II поддержал инициативу своего лейб-медика и разрешил приступить к составлению устава Общества, а государыня Мария Александровна согласилась принять учреждаемую организацию под свое покровительство.

3 мая 1867 г. император Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах. Главной целью организации провозглашалось «содействие во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставление им, по мере средств своих, как врачебного, так и всякого рода вспомоществования». Для достижения этой цели следовало накапливать денежные и материальные

¹³⁵⁰ Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг. (Систематический сборник материалов). Т. 1. Киев, 1881. Приложение № 1. С. 1–4.

¹³⁵¹ ПСЗ-II. Т. 42. Ч. 2. СПб., 1871. № 44992. (Указ Сената от 29 сентября 1867 г. о декларации касательно приступления России к заключенной в Женеве 10 (22) августа 1864 г. конвенции об облегчении участи раненых во время войны).

средства (за счет взносов членов Общества и сбора пожертвований), заниматься подготовкой сестер и братьев милосердия, а также «заботиться о приглашении на военное время духовных пастырей разных исповеданий для религиозного пособия и утешения страждущих»¹³⁵².

Все члены Общества делились на несколько категорий: учредители (вносившие в пользу организации ежегодно не менее 10 рублей или единовременно не менее 200 рублей), почетные члены (представители императорской фамилии, а также духовные и светские лица, способствовавшие успешному развитию деятельности Общества), члены-благотворители (сделавшие значительные денежные пожертвования), действительные члены (вносившие ежегодно не менее 3 рублей или единовременно не менее 50 рублей) и соребнователи (жертвовавшие суммы меньшего размера).

Администрация Общества была представлена Главным управлением, находившимся в Санкт-Петербурге и заведовавшим всеми делами организации, и местными управлениями, располагавшимися в столичных и губернских городах и решавшими соответствующие вопросы в пределах своих губерний. Для содействия местным управлениям учреждались также Дамские комитеты¹³⁵³.

Особое участие в становлении Общества попечения о раненых и больных воинах приняла Русская Православная Церковь. В мае 1867 г. с призывом вступать в учреждаемое Общество обратился к россиянам митрополит Московский Филарет (Дроздов). Почетными членами Общества стали несколько церковных иерархов, в том числе митрополиты: Московский – Филарет, Новгородский и Санкт-Петербургский – Исидор (Никольский), Киевский и Галицкий – Арсений (Москвин), Литовский и Виленский – Иосиф (Симашко). Московский Дамский комитет возглавила игуменья Вознесенского монастыря Паисия. Именно этот комитет на базе

¹³⁵² ПСЗ-II. Т. 42. Ч. 1. СПб., 1871. № 44519.

¹³⁵³ Там же.

четырех московских монастырей (Вознесенского, Алексеевского, Страстного и Зачатьевского) начал в 1867 г. процесс подготовки сестер Красного Креста, приняв на свое иждивение 24 изъявивших на то желание женщины¹³⁵⁴.

Почин игуменьи Паисии вскоре был подхвачен другими Дамскими комитетами и местными управлениями. В 1868–1875 гг. обучением сестер милосердия при военных госпиталях, городских и земских больницах занимались уже 32 учреждения Общества (13 Дамских комитетов и 19 местных управлений). Правда, подготовить им удалось лишь 131 сестру Красного Креста¹³⁵⁵.

С конца 1860-х – начала 1870-х гг. Общество попечения о раненых и больных воинах начинает создавать собственные общины сестер милосердия. В 1868 г. в ведение Московского Дамского комитета перешла община «Утоли моя печали», основанная в 1865 г. княгиней Н.Б. Шаховской. В ноябре 1870 г. совместными усилиями 5-го и 2-го Петербургских Дамских комитетов в столице была открыта община Святого Георгия. В дальнейшем были учреждены следующие общины: Мариинская – в Иркутске (1871), Смоленская (1872), Екатерининская – в Новгороде (1873), Мариинская – в Ярославле (1874), Тифлисская (1875), Благовещенская – в окрестностях Ялты (1875) и др. Отметим, что Благовещенская община сестер милосердия была основана стараниями упомянутых баронессы М.П. Фредерикс и М.С. Сабининой. Первая предоставила в распоряжение этого заведения свое имение Джемиет на Южном берегу Крыма, а последняя стала его настоятельницей.

Все эти общины руководствовались собственными уставами или временными правилами, сходными в общих чертах. Управлялись они, как правило, местными Дамскими комитетами, избиравшими начальниц для непосредственного руководства сестрами и для заведывания хозяйством.

¹³⁵⁴ Основание Российского общества Красного Креста... С. 123.

¹³⁵⁵ Там же. С. 126.

Цель заведений заключалась в попечении о раненых и больных воинах в военное время и в уходе за больными в военных госпиталях и гражданских больницах – в мирное.

Всего накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Российской империи насчитывалось не менее 18 общин сестер милосердия¹³⁵⁶. По ведомственной принадлежности все их можно разделить на три категории: находившиеся в ведении Общества попечения о раненых и больных воинах (Красного Креста) – 9 общин¹³⁵⁷; епархиальные (состоявшие в ведении Святейшего Синода и под местным начальством епархиальных архиереев) – 3 общины¹³⁵⁸; «частные благотворительные» (то есть созданные по инициативе и на средства особ из Императорского Дома и знатных дворянских родов) – 6 общин¹³⁵⁹.

Кроме того, общины сестер милосердия различались по характеру деятельности, определявшейся, прежде всего, широтой поставленных перед ними задач. В этом смысле их можно разделить на две группы: преследовавшие общие благотворительные цели (как правило,

¹³⁵⁶ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70; Основание Российского общества Красного Креста... С. 128–147; Сестры милосердия России. СПб., 2005. С. 162. (П.А.Илинский по состоянию на 1879 г. называет еще 10 общин: Никольскую в Москве и 9 общин Красного Креста: в Гельсингфорсе, Тамбове, Ревеле, Пскове, Вильне, Варшаве, Харькове, Одессе (Касперовская) и Киеве. (*Илинский П.А.* Русская женщина в войну 1877–1878 г. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей. СПб., 1879. С. 272.) Однако Московская Никольская община закрылась в середине 1870-х гг. и была восстановлена только в 1914 г.; общины Красного Креста в Варшаве, Одессе и Киеве возникли в 1878 г., после окончания Русско-турецкой войны; в остальных местах существовали либо курсы по подготовке сестер Красного Креста, либо совсем малочисленные общины – 3–4 сестры при местном управлении Общества попечения о раненых и больных воинах).

¹³⁵⁷ Утоли моя печали (Москва, 1865, в ведении Красного Креста с 1868 г.), Александро-Мариинская (Аккерман, 1868), Святого Георгия (Санкт-Петербург, 1870), Мариинская (Иркутск, 1871), Смоленская (Смоленск, 1872), Екатерининская (Новгород, 1873), Мариинская (Ярославль, 1874), Тифлисская (Тифлис, 1875), Благовещенская (Ялта, 1875).

¹³⁵⁸ Иоанно-Ильинская (Псков, 1868), Владычне-Покровская (Москва, 1870), Иосифовская (Екатеринославская губерния, 1873).

¹³⁵⁹ Свято-Троицкая (Санкт-Петербург, 1844), Стурдзовская (Одесса, 1850), Община сестер милосердия Литейной части (Санкт-Петербург, 1853), Крестовоздвиженская (Санкт-Петербург, 1854), Покровская (Санкт-Петербург, 1858), Марии Магдалины (Псковская губерния, 1865).

епархиальные и частные общины) и ориентированные в основном на уход за ранеными и больными воинами (Крестовоздвиженская и общины, находившиеся в ведении Красного Креста). Однако это разделение условно, ибо практически все общины в военное время заботились о раненых воинах, а в мирное – о гражданских больных.

В исторической литературе существует другая классификация, предложенная в свое время П.А. Илинским и повторенная затем А.В. Постернаком и некоторыми другими современными исследователями. Она заключается в разделении общин сестер милосердия на следующие три категории: имевшие широкие благотворительные задачи, военные (то есть ставившие главной целью помощь раненым и больным воинам) и епархиальные¹³⁶⁰. Однако эта классификация представляется нам некорректной, так как в ней отсутствует единый критерий оценки.

Помимо создания общин, в которых сестры милосердия жили и работали в течение многих лет (практически постоянно), Общество попечения о раненых и больных воинах продолжало готовить так называемых сестер Красного Креста, составлявших своеобразный резерв на случай войны. Пройдя соответствующий курс обучения («не более двух лет») и выдержав экзамен («испытание»), сестры Красного Креста могли вернуться к обычному образу жизни или работать в госпиталях и больницах, дав при этом неременное обязательство в случае открытия военных действий «во все время таковых» «прослужить в распоряжении Общества». 31 января 1875 г. «Правила о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами» были официально утверждены министром внутренних дел А.Е. Тимашевым¹³⁶¹.

¹³⁶⁰ Постернак А.В. Указ. соч. С. 100; Белова Е.Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 33–34.

¹³⁶¹ Правила о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами // Основание Российского общества Красного Креста... Приложение № 23. С. 190–196.

Несмотря на все старания Красного Креста, накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оказалось, что Россия не располагает достаточным числом женского медицинского персонала. В ноябре 1876 г. председатель Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах А.К. Баумгартен запросил у Главного военно-госпитального комитета программу ускоренной подготовки сестер. Согласно этой программе, срок обучения сестер Красного Креста был сокращен до 6–8 недель. Они должны были освоить различные виды перевязок, научиться основным принципам ухода за больными и ранеными, познакомиться с разными формами наружных травматических повреждений (ушибами, контузиями, переломами, ранами) и внешними проявлениями внутренних болезней (тифа, рожи, гангрены и др.). Обязательными требованиями к кандидаткам были «терпение и самоотверженность в работе»¹³⁶².

Чтобы оказать содействие Красному Кресту в деле массовой подготовки медицинского персонала, Святейший Синод указом от 24 ноября 1876 г. пригласил все женские монастыри и общины образовывать «из подвижающихся в обителях лиц, способных к правильному уходу за больными и ранеными», отряды «сердобольных сестер» для отправления в случае необходимости в военные лазареты¹³⁶³. Монахини и послушницы многих обителей живо откликнулись на призыв Синода, существенно пополнив ряды сестер милосердия (подробнее об этом ниже). Всего в годы войны ускоренную подготовку в сестры Красного Креста прошли около 3 тыс. женщин разных сословий¹³⁶⁴.

12 апреля 1877 г., в день подписания Александром II манифеста об объявлении войны Турции, императрица Мария Александровна обратилась к Главному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах с рескриптом, в котором подчеркнула, что для Общества «настало время

¹³⁶² См.: Сестры милосердия России. С. 206–207.

¹³⁶³ Определение Святейшего Синода от 24 ноября 1876 г., за № 2065, об изготовлении отрядов сердобольных сестер для отправления в лазареты, имеющие устроиться внутри империи // Церковный вестник. 1876. № 48. Ч. Офиц. С. 211.

¹³⁶⁴ Сестры милосердия России. С. 207.

исполнить святое свое призвание». Она также выразила уверенность в том, что ее подданные окажут Красному Кресту самую широкую поддержку: «Нужды больных и раненых воинов будут велики и многообразны; но я знаю, как велик дух братской любви и благотворительности, искони живущий в русском народе. Я уверена, что и теперь, когда наше храброе войско идет стать грудью против врага, за освобождение порабощенных и угнетенных собратий, не оскудеет дающая рука и горячее чувство народное не ослабеет во всех сословиях и во всех краях нашего обширного отечества. Всякое даяние будет благо, всякое приношение, и великое, и малое, равноценно пред Богом, как жертва любви, всех нас связующей воедино, во имя Христова»¹³⁶⁵.

Императрица оказалась права. Представители всех сословий русского общества в массовом порядке вносили посильную лепту в пользу Красного Креста. Активное участие в этом процессе принимало духовенство, которое не только само совершало пожертвования на военные нужды, но и побуждало к этому своих прихожан. Еще весной 1876 г., в соответствии с указом Святейшего Синода от 4 марта 1876 г., во всех храмах в число кружков для сбора пожертвований, разносимых в православных церквях при богослужениях, были включены кружки для сбора подаяний в пользу Общества Красного Креста. Первоначально, по существовавшим правилам, они обносились по очереди с другими кружками, предназначенными для сбора на иные богоугодные цели (не более одной каждый раз), то есть через довольно значительный промежуток времени, а затем, с конца ноября 1877 г. до окончания войны – без очереди, при каждом богослужении. Это исключение было сделано определением Синода от 23 ноября 1877 г., принятым по ходатайству А.К. Баумгартена,

¹³⁶⁵ Высочайший рескрипт Главному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Офиц. С. 103.

для увеличения сборов на «нетерпящие отлагательства» нужды раненых и больных воинов¹³⁶⁶.

В апреле 1877 г., вскоре после выхода упомянутого рескрипта императрицы Марии Александровны, три архиерея – епископы Харьковский и Ахтырский Савва (Тихомиров), Рязанский и Зарайский Палладий (Раев) и Астраханский и Енотаевский Хрисанф (Ретивцев) – обратились к духовенству своих епархий с окружными посланиями (воззваниями), содержащими призыв «усугубить сбор пожертвований в пользу раненых и больных воинов» как внесением личных денежных средств, так и приглашением к этому своих прихожан¹³⁶⁷. «Пастыри Церкви Христовой должны первые являть пример христианского милосердия к страдальцам», – говорилось, в частности, в воззвании преосвященного Палладия¹³⁶⁸.

6 мая 1877 г. Святейший Синод уже в масштабах всей страны пригласил «к пожертвованиям на санитарные нужды действующей армии, как церкви и приходское духовенство, так, в особенности, ставропигиальные и прочие монастыри». Тем же указом Синод подал живой пример духовенству, препроводив «в распоряжение Главного правления Общества Красного Креста на упомянутый предмет сто тысяч рублей государственными непрерывно-доходными четырехпроцентными билетами из имеющихся в его распоряжении сумм»¹³⁶⁹, за что вскоре получил благодарность императора Александра II¹³⁷⁰, а затем и

¹³⁶⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 170; Определение Святейшего Синода от 23 ноября 1877 г., за № 1791, о разрешении обнашивать в церквах при каждом богослужении кружки для сбора пожертвований в пользу больных и раненых воинов // Церковный вестник. 1877. № 50. Ч. Офиц. С. 212.

¹³⁶⁷ Савва, еп. Пастырское воззвание к духовенству Харьковской епархии // Церковный вестник. 1877. № 19. Ч. Неофиц. С. 10; Воззвания к местному духовенству епархиальных преосвященных // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Неофиц. С. 6–7.

¹³⁶⁸ Воззвания к местному духовенству епархиальных преосвященных. С. 7.

¹³⁶⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 102; Определение Святейшего Синода от 6–9 мая 1877 г. о пожертвованиях по духовному ведомству в «Общество Красного Креста» // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Офиц. С. 143.

¹³⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 115.

императрицы Марии Александровны¹³⁷¹. Через несколько дней, 11 мая 1877 г., члены и присутствующие Святейшего Синода постановили «жертвовать на военные надобности, впредь до окончания настоящей войны России с Турцией», все получаемое ими в Синоде жалованье¹³⁷². Личный пример показали и многие преосвященные: епископ Архангельский и Холмогорский Макарий (Миролюбов) пожертвовал 2 тыс. рублей, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Литовский и Виленский Макарий (Булгаков), епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман (Осецкий) – по 1 тыс. рублей каждый, епископ Псковский и Порховский Павел (Доброхотов) – 1 тыс. рублей от себя лично и столько же от Псковского архиерейского дома, епископ Кишиневский и Хотинский Павел (Лебедев) – 875 рублей, епископы Астраханский и Енотаевский Хрисанф (Ретивцев), Вятский и Слободский Аполлос (Беляев), Харьковский и Ахтырский Савва (Тихомиров) – по 500 рублей¹³⁷³.

16 сентября 1877 г., «принимая во внимание, что продолжающаяся война с Турцией при наступлении зимы потребует новых и больших расходов со стороны Общества Красного Креста», Синод признал необходимым, чтобы «епархиальные архиереи приглашали священников приходских церквей соответствующими поучениями при богослужениях располагать своих прихожан к дальнейшим пожертвованиям на нужды настоящей войны». «Да не оскудевают, но преумножаются эти пожертвования на пользу доблестных воинов России, жертвующих

¹³⁷¹ Там же. Л. 133.

¹³⁷² Там же. Л. 102–102 об.; Определение Святейшего Синода от 11–13 мая 1877 г., за № 738, о пожертвовании, сделанном членами и присутствующими Святейшего Синода на военные надобности // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Офиц. С. 143.

¹³⁷³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1877 год. СПб., 1878. С. 15; РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 129.

здоровьем, кровью и жизнью за освобождение единоверцев наших от мусульманского ига», – говорилось в указе¹³⁷⁴.

Согласно отчетам обер-прокурора Святейшего Синода, духовенство в 1877 г. пожертвовало на военные нужды 600 тыс. рублей (из них 70 тыс. рублей составил кружечный сбор)¹³⁷⁵, в 1878 г. – 120 тыс. рублей¹³⁷⁶. Наибольший вклад внесли две «столичные» епархии: Московская и Коломенская – 104 784 рубля 94,5 копейки¹³⁷⁷, Новгородская, Санкт-Петербургская и Финляндская – 54 561 рубль 28 копеек (в том числе: 40 180 рублей 69 копеек – непосредственно от духовенства, 14 380 рублей 59 копеек – кружечный сбор), 1 150 марок 55 пенни (по Великому княжеству Финляндскому, в том числе: 493 марки 50 пенни – от духовенства, 657 марок 5 пенни – кружечный сбор), 3 361 франк 17 сантимов (от православной церкви в Ницце) и 100 долларов (от православной церкви в Нью-Йорке)¹³⁷⁸. Всего же в России в этот период представителями всех сословий общества в пользу Красного Креста было собрано около 14 млн рублей.

Общество попечения о раненых и больных воинах стало в 1877–1878 гг. главным центром частной помощи на войне. Его уполномоченные находились при штаб-квартире действующей армии. Во время войны Общество взяло на себя следующие функции: снабжение госпиталей хозяйственным и медицинским имуществом, распределение медицинского персонала, формирование летучих отрядов для оказания помощи на перевязочных пунктах во время сражений, устройство эвакуационных пунктов, открытие самостоятельных (не подчиненных военному

¹³⁷⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 139–139 об.; Определение Святейшего Синода от 16 сентября 1877 г., за № 1374, о новых мерах для облегчения нужд больных и раненых воинов // Церковный вестник. 1877. № 39. Ч. Офиц.

¹³⁷⁵ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 18–19.

¹³⁷⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 145–145 об.

¹³⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 62. (В эту сумму помимо денежных пожертвований, отправленных в Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах, вошли также расходы на устройство и содержание в ряде обителей военно-временных госпиталей. Подробнее об этом ниже.)

¹³⁷⁸ Там же. Л. 69–69 об.

ведомству) лазаретов, организацию транспортов и санитарных поездов. Отметим, что во время войны 1877–1878 гг. на средства Красного Креста было устроено внутри Российской империи для эвакуированных больных и раненых воинов 238 лазаретов на более чем 20 тыс. кроватей¹³⁷⁹, на театре военных действий – 30 госпиталей¹³⁸⁰. Что касается санитарных поездов, то первоначально Общество планировало довести их количество до 10, но потом план был перевыполнен, к концу 1877 г. было организовано уже 24 поезда¹³⁸¹. Помимо поездов для эвакуации больных и раненых воинов Красный Крест организовал также санитарную флотилию, ходившую по Дунаю (подробнее об этом пойдет речь ниже). Всего за время борьбы с Турцией Общество израсходовало на военные нужды 16 млн 788 тыс. рублей. На его поездах и судах было перевезено более 100 тыс. больных и раненых воинов. В госпиталях Общества, находившихся на театре военных действий, лечилось около 18 тыс. человек, в лазаретах внутри империи – 116 268 человек¹³⁸².

Под эгидой Красного Креста во время войны находились практически все общины сестер милосердия, независимо от их ведомственной принадлежности. Наиболее подготовленными для оказания квалифицированной медицинской помощи воинам русской армии были крупнейшие общины – Крестовоздвиженская, Святого Георгия, Свято-Троицкая, «Утоли моя печали» и Благовещенская, уже в начале войны направившие свои отряды на театр военных действий.

Первыми отправились в действующую армию 32 сестры Крестовоздвиженской общины. Руководство ими было возложено на старшую сестру Н.А. Щеховскую. В день отъезда, 3 мая 1877 г., в церкви общины состоялся молебен, после которого духовный отец сестер

¹³⁷⁹ Заметки по вопросам, относящимся к деятельности Общества Красного Креста в минувшую войну 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 32.

¹³⁸⁰ Красный Крест, его задачи, деятельность и организация // Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1898 г. СПб., 1898. С. 86.

¹³⁸¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 40. Л. 1 об.; Д. 38. Л. 265.

¹³⁸² Красный Крест, его задачи, деятельность и организация. С. 85–86.

протоиерей Дмитрий Тихомиров благословил отъезжающих иконой Воздвижения Креста Господня и обратился к ним с напутственной речью. Он напомнил о прежних заслугах членов Крестовоздвиженской общины и подчеркнул, что в нынешнюю войну им снова выпал прекрасный жребий пойти на дело милосердия первыми: «Не забывайте же славного прошедшего и держите высоко, крепко свое знамя. Пусть Крестовоздвиженская сестра по своему искусству, терпению и силе любви будет образцом для всех других лиц, которые вслед за вами пойдут на то же дело»¹³⁸³. Провожала сестер и покровительница общины великая княгиня Екатерина Михайловна, благословившая каждую из них иконой Божией Матери. Отметим, что, в отличие от иеромонаха Вениамина (Лукьянова), бывшего духовником Крестовоздвиженской общины во время Крымской войны 1853–1856 гг., протоиерей Дмитрий Тихомиров не отправился вместе с сестрами на театр военных действий. Не встречали мы данных и о том, чтобы духовники других общин в подобных случаях сопровождали своих сестер. Тем не менее это не означает, что во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. раненые и больные русские воины, а также сами сестры были лишены духовного окормления. Эту задачу в госпиталях и лазаретах выполняли прикомандированные к ним полковые священники или специально направленные туда иеромонахи монастырей.

С 11 мая по 12 июня 1877 г. сестры Крестовоздвиженской общины работали в 54-м военно-временном госпитале, расположенном примерно в 10 верстах от Бухареста. Затем их вызвали в Александрию, где они разделились на два отряда: 15 человек во главе с Щеховской служили в 66-м госпитале в Мавродине (через три недели их перевели в 57-й госпиталь в деревне Зимничела), остальные 15 во главе с Надежиной – в 53-м, в местечке Пиатра. Часть сестер из обоих отрядов трижды командировалась для работы на перевязочных пунктах на передовой: 15 июня – при

¹³⁸³ Тихомиров Д. Отправление сестер милосердия на войну из Крестовоздвиженской общины и напутственная речь им // Церковный вестник. 1877. № 18. Ч. Неофиц. С. 18.

переправе русских войск через Дунай, 30 августа – во время третьего штурма Плевны, 12 октября – в ходе сражения под Горным Дубняком¹³⁸⁴.

Изнурительный труд и плохая экология подорвали силы нескольких сестер, заболевших тифом и лихорадкой. Одна из них скончалась, восемь были эвакуированы в Санкт-Петербург. На их место прибыли 10 других Крестовоздвиженских сестер.

В январе 1878 г. сестры общины перешли через Балканы, преодолев Шипкинский перевал. С этого времени до возвращения в Россию в августе 1878 г. почти все они работали в Адрианополе, в 53-м и 69-м госпиталях. Семь сестер вновь заболели тифом, но поправились и возобновили служение. Четыре человека были задействованы для сопровождения раненых на одном из санитарных поездов. По многочисленным отзывам врачей и ординаторов госпиталей, Крестовоздвиженские сестры везде проявляли высокий профессионализм и неиссякаемую работоспособность¹³⁸⁵.

Вслед за ними, 8 мая 1877 г., на театр войны выехал первый отряд общины Святого Георгия, состоявший из 27 сестер во главе с настоятельницей Е.П. Карцевой. Эта самоотверженная женщина еще в 1854–1855 гг. под руководством Н.И. Пирогова ухаживала за ранеными в осажденном Севастополе. В 1870 г. по просьбе председательницы 5-го Санкт-Петербургского Дамского комитета графини Е.Н. Гейден она перешла в Георгиевскую общину, чтобы помочь становлению нового учреждения. Во время Русско-турецкой войны Елизавете Петровне было 54 года; внешне слабая и тщедушная, она обладала огромным запасом нравственных сил. Стойко перенося все невзгоды, она подавала пример своим молодым подопечным. Через месяц после отъезда сестер в подкрепление им в общине Святого Георгия был сформирован и отправлен

¹³⁸⁴ Илинский П.А. Указ. соч. С. 151–152.

¹³⁸⁵ Там же. С. 151–154.

в действующую армию второй отряд из 21 человека во главе со старшей сестрой Рокоссовской.

Первоначально оба отряда работали на 10 пунктах, расположенных вдоль Румынской железной дороги, около станций, назначенных для приема с поездов тяжелобольных и раненых. С переходом русской армии через Дунай эти пункты были упразднены, и сестер распределили между госпиталями, находившимися в Бяле, Рущуке, Разграде, Тырново и Габрове. В Бяле община понесла первую потерю в лице молодой сестры М. Нееловой, скончавшейся от тифа. Из четырех сестер был сформирован летучий отряд, действовавший в августе 1877 г. на перевязочных пунктах в ходе столкновений русских и турецких войск при Аясларе, Езерджике и Карахасан-киой¹³⁸⁶.

Е.П. Карцева с группой из 16 сестер работала в Горном Студене, во время штурмов Плевны они были допущены на передовые позиции. Осенью 1877 г. сестры были переведены в Богот, в 69-й военно-временный госпиталь, принявший на свое попечение массу воинов, раненных под Горным Дубняком и Плевной. Условия, в которых они там жили, и царившее среди них настроение ярко описал очевидец событий: «Весь госпиталь раскинут на вспаханном поле: и потому – грязь непроходная и до того клейкая, что через несколько шагов вы таскаете как-бы страшные кандалы; а при малейшем дожде до того скользко, что двигаешься с постоянным страхом. Зимой со всех сторон занесены снегом палатки госпиталя. Сестры сильно пережыбли, они помещаются доселе в юртах – дырявые стены юрт дают свободный ход всем четырем ветрам, дождь и снег проскальзывают постоянно неожиданными гостями. Пол промерзший; а после полудня или после топки – грязь и слякоть. К утру юрты так стыннут, что нужно отогреть заледеневшие сапоги прежде, чем надеть их. Если ночью была вьюга, то платье выгребают из-под снега и тут

¹³⁸⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 654. Л. 9–9 об; Исторический очерк общины сестер милосердия Святого Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870–1895). СПб., 1895. С. 11–12.

же надевают его. Одна из сестер слегка отморозила себе ноги. Все эти невзгоды переносятся пока бодро и весело, всякий новый сюрприз в юрте, вроде ледяных сосулек, подмокшей постели, застывших сапог, отогреваемых на жаровне, возбуждает смех. Серьезно больных или опустившихся нет, но прихварывают постоянно. Старушка Карцева переносит пока войну героически»¹³⁸⁷.

Интересно заметить, что в октябре–ноябре 1877 г. в Боготе побывал Н.И. Пирогов, получивший поручение императрицы осмотреть санитарные учреждения Общества попечения о раненых и больных воинах в Румынии, Болгарии, Бессарабской губернии и Юго-Западном крае России¹³⁸⁸. На самом деле внимание знаменитого хирурга было направлено на все лазареты, независимо от их ведомственной принадлежности. Он справедливо полагал, что «нельзя изучать работу Красного Креста во время войны без знаний о работе военно-медицинской организации, и обратно», ибо «Красный Крест не должен конкурировать с помощью, которую оказывает военная медицина, они должны действовать совместно»¹³⁸⁹. Что касается 69-го госпиталя, то Пирогов в своих записках также отметил «невообразимо густую и топкую грязь» Богота и холод в палатках, куда заблаговременно не поставили печки. «Даже в юрту, где помещались сестры с Е.П. Карцевой, – пишет он, – я только по личному докладу главнокомандующему едва мог доставить одну железную печку»¹³⁹⁰. По словам Николая Ивановича, его старая знакомая и ее подопечные работали в госпитале «с истинным самоотвержением»¹³⁹¹. Следует сказать, что палатки, в которых во время войны располагались почти все военно-временные госпитали, изначально предназначались для

¹³⁸⁷ Цит. по: *Илинский П.А.* Указ. соч. С. 157–158.

¹³⁸⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 38. Л. 248 об.–250.

¹³⁸⁹ Цит. по: *Плугина Л.П.* Н.И. Пирогов и свобода Болгарии // *За други своя. Россия – Болгария. Ожившие страницы боевого братства.* М., 2013. С. 247.

¹³⁹⁰ *Пирогов Н.И.* Из записок // *Не смолкнет эхо над Балканами. Воспоминания. Письма. Публицистика. Статьи.* М., 1988. С. 250–251.

¹³⁹¹ Там же. С. 250.

теплого времени года, однако с наступлением холодов далеко не всем госпиталям удалось перейти на «зимние квартиры». В условиях большой мобильности войск и климатических особенностей местности, где дерево подчас было на вес золота, возводить бараки было крайне сложно, а возможность получить под лазарет готовое капитальное здание выдавалась не всегда.

В сходных условиях в конце ноября – начале декабря 1877 г. находился, в частности, 62-й военно-временный госпиталь в Тырново. По свидетельству сестры Георгиевской общины, оставившей воспоминания, но скрывшей свое имя за инициалом «О.», после приезда к ним Пирогова, который «изрядно распек госпитальное начальство», были приняты надлежащие меры против холода («шатры окопали снаружи, обложили соломой, устроили в них печи»), после чего «стало сравнительно теплее», но достигнуть желаемого результата все же не удалось из-за нехватки дров («печи есть, а дров не дают»)¹³⁹². Отметим, что в Боготе даже этих мер принять не удалось, так как солома там была в большом дефиците, а окопать палатки землей не успели из-за рано начавшейся грязи¹³⁹³. По мнению автора воспоминаний, в проблемах 62-го госпиталя отчасти был виноват их комиссар, неоднократно уличенный в воровстве. В частности, сестра постоянно «воевала с ним» из-за размера и качества порций еды, выдаваемых больным солдатам. Однажды она попросила дежурного офицера взвесить «куски вареной говядины», показавшиеся ей подозрительно небольшими – вместо положенных 40 золотников в них оказалось всего 16. «По сему случаю комиссару был сделан строгий выговор, но от этого дело не поправилось»¹³⁹⁴. К сожалению, в госпиталях военного ведомства воровство действительно процветало. Поэтому к

¹³⁹² Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. // Русский вестник. 1879. № 2. С. 588.

¹³⁹³ Пирогов Н.И. Из записок... С. 251.

¹³⁹⁴ Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. С. 582–583.

обычным обязанностям сестер, как и во время Крымской войны, как правило, добавлялась еще одна: требовать недоданное.

После падения Плевны Георгиевские сестры работали в Габрове в лазарете, оказавшемся в критическом положении вследствие огромного наплыва раненых, обмороженных и больных, привозимых из-под Шипки. Ситуация еще более осложнилась, когда в город прибыла большая партия пленных турок, многие из которых поступили в лазарет с отмороженными, омертвевшими конечностями. Теснота помещений и зловонная атмосфера спровоцировали повальную эпидемию тифа, поразившую в начале 1878 г. практически всех сестер поочередно. Наиболее измученные и обессиленные были отправлены в Санкт-Петербург, остальные же после выздоровления продолжили работу: 21 сестра во главе с Е.П. Карцевой – в Тырново, в 62-м военно-временном госпитале, и 11 сестер под началом Е.А. Королевой – в Разграде¹³⁹⁵.

В апреле 1878 г. Карцева получила предписание приехать с общиной в Сан-Стефано. 22-го сестры перешли через Балканы, однако перемена места и наступившая весна не принесли им облегчения. На русских передовых позициях близ Константинополя они застали переполненные дивизионные и полковые лазареты (в некоторых полках число больных превышало 1 500 человек) и столкнулись с недостатком всего самого необходимого: палаток, белья, медикаментов. Сестры вновь включились в борьбу с главным бичом этой войны – тифом, снова почти все им переболели, при этом одна из них (Лбова) скончалась. В июне оправившиеся от тифа сестры начали работать в 74-м военно-временном госпитале, служившим главным эвакуационным пунктом. В течение трех месяцев через него прошли 40 тыс. человек. Наконец, в сентябре 1878 г., после 17-месячных

¹³⁹⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 654. Л. 9 об.–10; Исторический очерк общины сестер милосердия Святого Георгия... С. 12–13.

непрерывных трудов, члены Георгиевской общины вернулись в Санкт-Петербург¹³⁹⁶.

Свято-Троицкая община сформировала отряд из 32 человек: 21 сестры и 11 примкнувших к ним дам высшего света, прошедших 8-месячный курс обучения при общине. Среди дам была баронесса Ю.П. Вревская, ставшая народной героиней Болгарии. Уже при отправлении из Санкт-Петербурга отряд разделили на два отдела: первый (12 сестер и 9 дам) во главе с начальницей общины Е.А. Кублицкой-Пиоттух был командирован в Яссы, в 45-й военно-временный эвакуационный барак, второй (9 сестер и 2 дамы) – в лазарет Санкт-Петербургского Дамского комитета, развернутый в Киприановском монастыре в Бессарабии. В октябре 1877 г. после закрытия этого лазарета сестры второго отдела присоединились к своим коллегам, работавшим в Яссах. Члены общины командировались также в учреждения Красного Креста, расположенные во Фратешти, Журжево и других местах Румынии. Кроме того, они сопровождали раненых на санитарных поездах¹³⁹⁷.

Ю.П. Вревская, получив 5 ноября 1877 г. двухмесячный отпуск, вместо запланированной поездки домой отправилась в Болгарию и по собственной инициативе работала в 48-м военно-временном госпитале в Бяле. «Тут уж лишения, труд и война настоящая, щи и скверный кусок мяса, редко вымытое белье и транспорты с ранеными на телегах», – писала она И.С. Тургеневу, являвшемуся ее близким другом¹³⁹⁸. В письмах сестре Наталье Юлия Петровна признавалась, что, несмотря ни на что, ей «по душе» такая жизнь и «по сердцу» работа сестры милосердия. 30 ноября 1877 г. во время сражения при деревне Мечка Вревская была допущена на передовую. Через несколько дней она поделилась с сестрой своими впечатлениями: «Вот я и достигла моего задушевного желания и была на

¹³⁹⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 654. Л. 10; Исторический очерк общины сестер милосердия Святого Георгия... С. 13.

¹³⁹⁷ Илинский П.А. Указ. соч. С. 149–150.

¹³⁹⁸ Вревская Ю.П. Письма из Болгарии // За други своя. Россия – Болгария... С. 261.

перевязочном пункте, то есть в деле... Мы были на самом передовом пункте, но, конечно, в овраге. Я видела издали летящие снаряды, то есть дым, и к нам беспрестанно привозили по 2–3 человека окровавленных солдат и офицеров. Двоих привезли с раздробленными ногами, и им тут же сделали ампутацию их; один из них тут же умер. Сцены были ужасные и потрясающие – мы, конечно, были все в опасности, весь день до глубокой ночи делали перевязки, нас было всего три сестры, другие не успели приехать. Раненых в этот день на разных пунктах было 600 вместе с убитыми; раны все почти тяжелые, и многие из них уже умерли. Победа осталась за нами, как тебе известно»¹³⁹⁹. 4 января 1878 г. Вревская заразилась сыпным тифом и 24-го скончалась. Ее похоронили в Бяле около православного храма вместе с упомянутой выше сестрой Георгиевской общины М. Нееловой, умершей тремя днями позднее.

И.С. Тургенев откликнулся на смерть своей подруги проникновенным стихотворением в прозе «Памяти Ю.П. Вревской». Ей посвятили стихи Я.П. Полонский – «Под Красным Крестом» и В. Гюго – «Русская роза, погибшая на болгарской земле». В 1965 г. в Бяле был установлен памятник Юлии Вревской работы скульптора Д. Радивоевича. Эти произведения искусства сделали имя Вревской широко известным. В культурной памяти России и Болгарии оно постепенно стало обрастать легендами.

По мнению П.А. Илинского, на долю сестер Свято-Троицкой общины «всегда выпадало самое тяжелое время во всех местах их занятий»: например, «в Ясском бараке они начали свою деятельность тогда, когда число доставляемых туда раненых и больных достигало своего максимума» (около тысячи человек в день); во Фратешти и Журжево их командировали в тот период, когда там свирепствовала эпидемия тифа (помимо Вревской, в 1877–1878 гг. от тифа погибли также В. Новикова и М. Долодугина, а переболела им половина отряда); наконец, в результате чрезмерного скопления в бараке воинов, подлежащих эвакуации, сестрам

¹³⁹⁹ Там же. С. 261–262.

пришлось сопровождать их не на комфортабельных поездах Красного Креста, а на простых товарных, «лишенных всякого малейшего приспособления», где на 600–750 больных полагалось всего 2–3 сестры¹⁴⁰⁰.

Как отмечалось выше, в ходе кампании Красный Крест изготовил для эвакуации больных и раненых воинов 24 санитарных поезда. Каждый из них, носивший, как правило, имя одного из членов Российского Императорского Дома, прошел соответствующие испытания и был оборудован всем необходимым. Эти поезда действительно существенно отличались от всех прочих, используемых во время войны для тех же целей. Приведем свидетельство участника событий, священника 9-го гренадерского Сибирского полка, благочинного 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева: «В течение целого дня, который мы здесь простояли (25 сентября 1877 г., деревня Унгены у границы России. – Л.М.), по железной дороге проехало несколько санитарных поездов, между которыми и по наружному их виду, и по внутреннему устройству нельзя не заметить огромной разницы: одни – великолепные, щегольские, со всевозможными приспособлениями; другие – обыкновенные товарные. Первые устроены августейшими членами императорской фамилии или разными обществами и частными лицами; вторые – собраны со всех железных дорог и приспособлены для перевозки больных и раненых... В чем, собственно, состоят эти приспособления – не знаю... В десять–двадцать вагонов я заглядывал и нигде никаких приспособлений не заметил: обыкновенные товарные вагоны, в которых, и то не во всех, настлана солома довольно тонким слоем и на ней в два ряда лежат несчастные страдалцы – вот и все... Значит, и тут счастье или глупая судьба играют свою роль: на какой поезд попадешь...»¹⁴⁰¹. Последнее замечание, как видим, можно отнести не только к раненым, но и к сестрам милосердия.

¹⁴⁰⁰ Илинский П.А. Указ. соч. С. 149–150.

¹⁴⁰¹ Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 3–4.

Членам Благовещенской общины в этом смысле повезло больше. По распоряжению императрицы Марии Александровны они были специально назначены работать на санитарных поездах Красного Креста, перевозивших раненых и больных от Дуная до русской границы. Эта община (131 сестра) во главе с М.С. Сабининой прибыла в Румынию в середине мая 1877 г. До открытия движения санитарных поездов в течение месяца сестры находились в 57-м военно-временном госпитале в Галаце и на перевязочном пункте на берегу Дуная. 12 июня готовые к отъезду и стоявшие в Бухаресте санитарные поезда осмотрел император Александр II в сопровождении цесаревича Александра и великих князей Владимира, Алексея и Сергея Александровичей. На следующий день началась их эксплуатация. Согласно отчету Благовещенской общины, сестры работали во время войны на 16 санитарных поездах в течение 15 месяцев, совершив в общей сложности 330 рейсов и преодолев около 375 тыс. километров¹⁴⁰².

Каждый поезд, вмещавший в себя от 200 до 300 человек, сопровождался шестью сестрами, из которых одна назначалась старшей (перед отправлением в рейс заказывала и получала на складе в Бухаресте все необходимое: чистое белье, продукты и др.), а также одним–двумя врачами (или фельдшерами). В сентябре–октябре 1877 г. несколько сестер общины также делали перевязки и раздавали пищу раненым и больным солдатам, проезжавшим через Бухарест на воинских поездах¹⁴⁰³.

В декабре 1877 г. на попечение сестер Благовещенской общины поступил раненный в ногу главнокомандующий турецкой армией Осман-паша, сдавшийся в плен после взятия Плевны и отправлявшийся на жительство в Россию. Его поместили в отдельный вагон санитарного поезда, устроенный «в турецком вкусе» (с коврами, тахтой и кальяном). Для ухода за ним М.С. Сабина назначила специальную сестру и поездного доктора. По свидетельству баронессы М.П. Фредерикс, которая

¹⁴⁰² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 17. Л. 117–118.

¹⁴⁰³ Там же. Л. 119–120.

вместе с настоятельницей общины навестила Осман-пашу при его отъезде из Бухареста, он остался «очень доволен своим помещением, устройством вагона, вообще всей обстановкой, окружавшей его, и в прочувствованных словах благодарил М.С. Сабину»¹⁴⁰⁴. Указав на свою саблю, висевшую на стене вагона, он подчеркнул, что она была милостиво возвращена ему императором. В апреле 1878 г. «в знак памяти» Осман-паша прислал Сабининой свою фотографию и письмо, полное «бесконечной благодарности» за внимательное и деликатное обращение¹⁴⁰⁵.

В апреле–сентябре 1878 г. сестры Благовещенской общины работали также на санитарной флотилии, перевозившей раненых и больных по Дунаю. Необходимые для этого суда – два реморкера (буксирных парохода) «Александр» и «Мария» и шесть барж – были арендованы Красным Крестом у Императорского Королевского Австрийского Пароходного Общества «Лойд». По поручению главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах П.А. Рихтера Сабинина в марте 1878 г. отправилась в Австро-Венгрию заниматься «внутренним устройством» этой флотилии. В Вене она закупила посуду и постельное белье, в Пеште заказала устройство на судах необходимых приспособлений для размещения больных и раненых. 3 апреля 1878 г. санитарная флотилия прибыла в Журжево и через день начала рейсы. Суда курсировали между Видином, Никоподем, Рущуком, Журжево, Силистрией, Черноводами и Тульчей и доставляли эвакуируемых в Браилов или Рени для передачи их на санитарные поезда. Сестры распределялись по две на каждый реморкер, по шесть – на большие баржи и по четыре – на маленькие. Один пароход и три баржи непрерывно совершали рейсы с 5 апреля по 6 июня 1878 г., остальные суда – с 5 апреля по 3 сентября 1878 г. – день отъезда общины на Родину¹⁴⁰⁶.

¹⁴⁰⁴ Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Русский архив. 1900. № 5. С. 110.

¹⁴⁰⁵ Там же. С. 111.

¹⁴⁰⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 17. Л. 122 об.–123 об.

Кроме специального назначения Благовещенских сестер состоять при эвакуации больных и раненых, часть из них командировалась в военно-временные госпитали: 75-й во Фратешти, 47-й в Зимнице, 56-й в Разграде. С 14 июня по 22 августа 1877 г. несколько сестер поочередно дежурили в бухарестском госпитале «Бранковано» при раненом художнике В.В. Верещагине. В феврале 1878 г. во время развития эпидемии тифа Сабининой и ее подопечным было поручено устройство в Бухаресте нового тифозного лазарета для персонала Красного Креста и по открытии его – уход за коллегами. В конце апреля – начале мая лазарет вместе с персоналом был переведен в Журжево. Из сестер Благовещенской общины во время войны тифом заболели 53, две из них скончались (Е.Н. Горбачева и монахиня Амвросия (Чунихина))¹⁴⁰⁷.

Московская община «Утоли моя печали» снарядила три отряда общей численностью 120 человек, в состав которых вошли не только штатные сестры, но и прошедшие ускоренный курс обучения волонтерки¹⁴⁰⁸. Первый отряд, отправившийся на театр военных действий 18 мая 1877 г., возглавила начальница общины княгиня Н.Б. Шаховская. Сестры, разделенные на несколько групп, работали на территории Румынии и Болгарии в 51-м, 52-м, 63-м, 64-м и 65-м военно-временных госпиталях. Напряженная работа, непривычный климат и господствовавшие эпидемии унесли жизни шести сестер общины, более 40 человек вернулись на родину из-за расстроенного здоровья. При этом 65 сестер после окончания боевых действий по просьбе военного начальства были оставлены еще на несколько месяцев при тех же военно-временных госпиталях, где они служили. Госпитали в это время находились соответственно в Габрове,

¹⁴⁰⁷ Там же. Л. 120–122, 123 об.–124 об.

¹⁴⁰⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 56. По данным П.А. Илинского, община «Утоли моя печали» отправила на войну 128 человек. (Илинский П.А. Указ. соч. С. 162.)

Браилове, Адрианополе, Бухаресте (в больнице Святого Пантелеймона) и Рени близ Галаца¹⁴⁰⁹.

Часть сестер общины заботились о больных и раненых не только на театре военных действий, но и в Москве. Согласно принятой в то время на вооружение и успешно действовавшей «системе рассеивания», в военно-временных госпиталях вблизи мест сражений оставлялись только тяжелораненые, не подлежащие транспортировке, а все остальные после оказания им первой помощи эвакуировались в Россию, где для этой цели были открыты сотни специальных лазаретов и госпиталей. В Москве было организовано 27 госпиталей (8 из них содержались на средства городской думы, 19 – за счет других учреждений и частных лиц). Один из самых больших временных московских госпиталей – Лефортовский, рассчитанный на 200 мест, сформировала община «Утоли моя печали». Интересно заметить, что в него поместили первых доставленных в Москву раненых – солдат Рязского и Рязанского пехотных полков, в ночь с 9-го на 10 июня 1877 г. форсировавших Дунай. Кроме того, община устроила специальный лазарет для тифозных больных¹⁴¹⁰.

Относительно деятельности епархиальных общин сестер милосердия удалось установить следующее. Московская Владычне-Покровская община передала в распоряжение Красного Креста три отапливаемых барака и одну комнату непосредственно в здании самой общины. В этих помещениях был открыт Покровский госпиталь на 100 кроватей, в котором работали 15 сестер. Еще 20 сестер общины были командированы в другие военно-временные госпитали Москвы: 14 человек – в Лефортовский госпиталь, 3 – в госпиталь на Хитровом рынке, 2 – в госпиталь имени князя В.А. Долгорукова за Тверской заставой, 1 – в госпиталь Н.Д. Селезнева на Смоленском рынке¹⁴¹¹. 30 сестер милосердия

¹⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 56–57; *Козловцева Е.Н.* Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. М., 2010. С. 162.

¹⁴¹⁰ *Козловцева Е.Н.* Указ. соч. С. 162–163.

¹⁴¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 35 об.–36, 61–61 об.

Екатеринославской Иосифовской общины под руководством начальницы учреждения инокини Марии ухаживали за больными и ранеными воинами в местных лазаретах¹⁴¹². Сведений о деятельности Псковской Иоанно-Ильинской общины, к сожалению, обнаружить не удалось.

Подобным образом действовали во время войны и члены других общин сестер милосердия, а также сестры Красного Креста, прошедшие ускоренные курсы. Всего в 1877–1878 гг. на театр военных действий было направлено около 1 300 сестер милосердия¹⁴¹³.

Солдаты любили и уважали сестер. Они называли их «сеструшками», «голубками», «нашими родимыми». Сестры не только перевязывали раненых, ассистировали врачам во время операций, раздавали больным лекарства, но и кормили своих подопечных, меняли им белье, содержали в чистоте лазареты, при отправлении транспортов раздавали эвакуируемым теплые вещи, устраивали их поудобнее. Не менее важной была и моральная поддержка. По свидетельству упомянутой выше сестры Георгиевской общины, подписавшей свои воспоминания инициалом «О.», солдаты утверждали, что с сестрами «легче умирать». Один из них перед смертью отдал ей на память свой Георгиевский крест¹⁴¹⁴.

За участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. сестры милосердия получили различные награды. 19 февраля 1878 г., в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, император Александр II учредил знак отличия Красного Креста «в награду особам женского пола, которые, посвятив себя попечению о раненых и больных воинах, своею деятельностью и рвением на сем поприще оказывают особенные заслуги и известны при том своими высокими нравственными качествами»¹⁴¹⁵. Награда жаловалась императрицей с соизволения императора, по их собственному «благоусмотрению» или по представлениям министерств и

¹⁴¹² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 71, 167 об.

¹⁴¹³ Сестры милосердия России. С. 211.

¹⁴¹⁴ Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. С. 581–582, 589.

¹⁴¹⁵ ПСЗ-II. Т. 53. Ч. 1. СПб., 1880. № 58217.

Главных управлений, к ведомству которых принадлежали представляемые лица. Знак имел две степени: 1-я или высшая представляла собой эмалевый красный крест в золотом ободке с круговой надписью: «За попечение о раненых и больных воинах», 2-я – такой же крест в серебряном ободке с той же надписью. Обе степени носились на левой стороне груди, в петлице, на ленте ордена Св. Александра Невского. Знак жаловался последовательно: сначала 2-й степени, потом – 1-й, однако в особых случаях награждение могло производиться сразу знаком высшей степени¹⁴¹⁶. За заслуги в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. знаком отличия Красного Креста были награждены несколько сотен сестер милосердия, в том числе 71 человек – 1-й степени. Кроме того, все сестры милосердия получили знак Красного Креста, учрежденный 13 марта 1879 г. для лиц обоего пола, принимавших участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он представлял собой эмалевый красный крест в овальном серебряном ободке в виде ленты, перевязанной на бант и увенчанной императорской короной. На левой и правой сторонах ленты – выпуклые даты «1877» и «1878». Знак также предназначался для ношения на левой стороне груди¹⁴¹⁷. Наконец, сестры были награждены медалью в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., учрежденной императором Александром II 17 апреля 1878 г. Те, кто находились на передовой и подвергали свою жизнь опасности, получили светло-бронзовую медаль; участвовавшие в войне, но не бывшие в боевых действиях, а также работавшие в регионах России, объявленных на военном положении – темно-бронзовую. На лицевой стороне медали в центре изображен окруженный сиянием православный крест, находящийся над поверженным полумесяцем. Вдоль бортика с двух сторон – даты «1877» и «1878». На обороте – надпись: «Не нам, не нам, а Имени Твоему», обрамленная снизу и с боков двумя лавровыми ветвями,

¹⁴¹⁶ Там же.

¹⁴¹⁷ ПСЗ-II. Т. 54. Ч. 1. СПб., 1881. № 59404.

связанными лентой. Медаль носилась на груди на комбинированной Андреевско-Георгиевской ленте¹⁴¹⁸.

Общинам сестер милосердия, занимавшимся попечением о раненых и больных воинах, как на театре военных действий, так и внутри России, императрица Мария Александровна решила изъять свое особое благоволение. В ноябре 1879 г. «в воспоминание усердных трудов и сердобольного служения во время минувшей войны» она пожаловала девяти из них (Свято-Троицкой, Святого Георгия, Покровской, Крестовоздвиженской, Владычне-Покровской, «Утоли моя печали», Иосифовской, Иоанно-Ильинской и Благовещенской) по честной иконе Спасителя в серебряном позолоченном ободке с изображением Красного Креста и соответствующей надписью¹⁴¹⁹.

Следует подчеркнуть, что тяжелые климатические и походные условия, в которых оказались сестры милосердия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не только существенно осложняли их жизнь и деятельность, но и не позволяли подчас полностью добиться необходимых результатов. Н.И. Пирогов справедливо писал, что «на войне в полудикой и нецивилизованной стране... с первобытными и испорченными путями сообщения, с угнетенным и потому скрытным народонаселением, когда все необходимое для армии должно доставляться издалека..., ни широко организованная частная помощь, ни опытность и самоотвержение врачей и сестер не могут достаточно содействовать к улучшению госпитального быта и тех санитарных условий, которые так необходимы для оказания помощи раненым и больным... Стоит только погоде измениться или развиться эпидемии, и лишения всякого рода и беспомощность делаются неизбежными»¹⁴²⁰. Тем не менее, несмотря ни на что, сестрам милосердия удалось сделать очень многое. Они помогли врачам спасти жизни тысяч солдат и офицеров, а также еще раз доказали

¹⁴¹⁸ ПСЗ-II. Т. 53. Ч. 1. СПб., 1880. № 58413; Т. 53. Ч. 2. СПб., 1880. № 58853.

¹⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 79, 213.

¹⁴²⁰ Пирогов Н.И. Из записок... С. 252–253.

правильность и необходимость применения частной помощи на войне и женского ухода за ранеными. После войны в России возникли десятки новых общин сестер милосердия, а Общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в Российское общество Красного Креста, успешно пройдя «боевое крещение», получило мощный импульс для дальнейшего развития и процветания.

4.5. Православные монастыри России и помощь раненым

Помощь раненым и больным воинам русской действующей армии, широко осуществлявшаяся в России в годы войны под эгидой Красного Креста, тесно затронула и русские православные обители, что соответствовало как общему патриотическому порыву, так и веяниям пореформенного времени, когда благотворительность стала одной из основных форм монастырского служения.

Одной из разновидностей тесного сотрудничества монастырей с Обществом попечения о раненых и больных воинах стала санкционированная Святейшим Синодом подготовка в среде монашества сестер и братьев милосердия. Этот процесс начался практически сразу (сначала в женских, а затем и в мужских обителях) после того, как Общество в преддверии войны приступило к массовой подготовке сестер Красного Креста по ускоренной программе в связи с недостаточным числом медицинского персонала.

Упомянувшимся выше указом от 24 ноября 1876 г. Синод по желанию императрицы Марии Александровны «в виду мобилизации войск действующей армии» благословил все женские монастыри и общины на «новый подвиг служения страждущим», предписав озаботиться немедленной подготовкой, по мере средств, «из подвизающихся в сих обителях лиц, способных к правильному уходу за больными и ранеными», отрядов сестер милосердия, которые, «в случае надобности, могли бы

быть отправлены в военные лазареты»¹⁴²¹. Другим указом от того же числа Святейший Синод по предложению митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского) пригласил «всех монашествующих, послушниц и сестер и вообще лиц, пребывающих в наших женских монастырях и общинах, немедленно и с усердием, достойным подвижниц святых обителей, заняться изготовлением корпии, бинтов, белья и других по возможности лазаретных принадлежностей, потребных для больных и раненых воинов, по указаниям, которые будут даны от Главного правления Общества Красного Креста»¹⁴²².

На призыв Святейшего Синода о создании отрядов сердобольных сестер практически сразу откликнулись монахини и послушницы Калужского Казанского, Костромского Богоявленского Анастасиинского, Ржищевского Спасо-Преображенского, Псковского Старо-Вознесенского, Псковского Иоанно-Предтеченского монастырей и сестры Иоанно-Ильинской и Иосифовской общин. Императрица Мария Александровна выразила благодарность настоятельницам этих монастырей и начальницам общин «за первый поданный ими почин призрения больных воинов»¹⁴²³.

Настроение, возникшее в среде монахинь и послушниц после выхода упомянутого указа Святейшего Синода, ярко характеризует письмо священника Холмогорского Успенского монастыря Захария Колчина, опубликованное в «Церковном вестнике» 1 января 1877 г. По словам священника, 12 насельниц этой обители, горевших желанием помочь «страдающим от жестокостей и бесчеловечия турок славянам», о положении которых они уже знали из «газетных известий», «с радостью»

¹⁴²¹ Определение Святейшего Синода от 24 ноября 1876 г., за № 2065, об изготовлении отрядов сердобольных сестер для отправления в лазареты, имеющие устроиться внутри империи // Церковный вестник. 1876. № 48. Ч. Офиц. С. 211.

¹⁴²² Определение Святейшего Синода от 24 ноября 1876 г., за № 2066, об изготовлении в женских монастырях и общинах разных предметов, потребных для лазаретов, имеющих устроиться внутри империи // Церковный вестник. 1876. № 48. Ч. Офиц. С. 211–212.

¹⁴²³ Высочайшая благодарность женским монастырям и общинам // Церковный вестник. 1877. № 4. Ч. Неофиц. С. 12.

получили благословение игуменьи Ангелины пополнить ряды сердобольных сестер. На предостережение старицы монастыря о грозившей им опасности они с воодушевлением ответили, что в случае гибели получают от Иисуса Христа мученический венец. Даже 70-летняя схимонахиня Антония заявила, что готова «идти на войну», чтобы оказывать воинам посильную помощь: «буду чашки мыть, кушанье готовить – ведь и это также необходимое дело»¹⁴²⁴. Стремление приносить реальную пользу своей стране, активно участвовать в общественной жизни, несмотря на постриг, четко прослеживается также в письмах самих сердобольных сестер Холмогорского монастыря, присланных позднее из мест их нового служения. Так, еще во время обучения в лечебнице Костромского Крестовоздвиженского монастыря одна из них писала в свою обитель: «Приходится иногда трудненько во всех отношениях, и особенно при обмывании смердящих ран, но при помощи Божией не изнемогаю. Утешаюсь тем, что я хотя немного могу быть полезной обществу и ближнему послужить. В моем монашестве не много пользы для души, я не уважаю таковых монахинь как я. В монастырь меня привели маленькую. В мире я ничего не оставила. А мир меня оставил. Поэтому я хочу послужить обществу и от души послужить ближнему. Помолитесь обо мне!..»¹⁴²⁵.

16 апреля 1877 г., то есть практически сразу после объявления войны, «Церковный вестник» сообщал, что уже «300 монахинь изъявили желание поступить в сестры милосердия, и они, во все продолжение войны, будут получать содержание от своих монастырей»¹⁴²⁶.

Отметим, что женщины, поддерживавшие инициативу Святейшего Синода, не составили каких-то особых «отрядов сердобольных сестер».

¹⁴²⁴ Колчин З. Письмо в редакцию. Приготовление монастырок к поступлению в Общество Красного Креста // Церковный вестник. 1877. № 1. Ч. Неофиц. С. 13.

¹⁴²⁵ Колчин З. Сведения о занятиях сестер милосердия – отряда Холмогорского монастыря // Церковный вестник. 1877. № 41. Ч. Неофиц. С. 16–17.

¹⁴²⁶ Сочувствие общества к войне // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Неофиц. С. 13.

Они поступили в распоряжение Общества попечения о раненых и больных воинах, прошли обучение по программе ускоренной подготовки сестер и во время войны в составе санитарных отрядов Красного Креста были распределены по военно-временным госпиталям. Согласно отчету обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого, с конца 1876 г. по конец 1877 г. «из 95 женских монастырей и общин изъявили готовность посвятить себя на это служение 710 лиц, из числа коих значительнейшая часть, по надлежащем приготвлении, и вступила в исполнение святых своих обязанностей»¹⁴²⁷. Следует прокомментировать оговорку Д.А. Толстого относительно «значительнейшей части» насельниц-добровольцев, которые действительно приступили к уходу за ранеными. Дело в том, что некоторые из послушниц не были приняты на курсы по подготовке сестер Красного Креста по причине малограмотности¹⁴²⁸, а несколько десятков насельниц, прошедших соответствующее обучение и выдержавших экзамен, не получили назначения в военно-временные госпитали и были вынуждены вернуться в свои монастыри «до востребования». Так, например, в Московской епархии в 1877 г. были подготовлены 63 сестры из 9 обителей, при этом в госпитали направили лишь половину из них – 30 сестер из 4 монастырей¹⁴²⁹. Это обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в результате широкой общественной активности женщин, видимо, в определенный момент в некоторых районах России «предложение начало опережать спрос», то есть сестер Красного Креста стало больше, чем требовалось. Напомним, что всего в годы войны ускоренную подготовку в сестры Красного Креста прошли около 3 тыс. женщин разных сословий¹⁴³⁰. Часть из них отправилась на театр военных действий, большинство из оставшихся в

¹⁴²⁷ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 21–22.

¹⁴²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 87–87 об.

¹⁴²⁹ Там же. Л. 34–35 об.

¹⁴³⁰ Сестры милосердия России. С. 207.

России работали во внутренних госпиталях. Но, как видим, были и такие, кто остался «не у дел».

Из женских православных обителей, оказавших значительную помощь Красному Кресту, особо следует отметить Костромской Богоявленский монастырь. Еще в 1873 г. по распоряжению императрицы Марии Александровны при нем были открыты две сельские лечебницы «для приготовления женщин к правильному служению больным и раненым»¹⁴³¹. Одна из них располагалась в здании приписного Крестовоздвиженского монастыря, другая – в Назаретской пустыни, в 15 верстах от Костромы¹⁴³². По указанию государыни, Костромское управление Общества попечения о раненых и больных воинах выплачивало Богоявленскому монастырю ежегодное денежное пособие в размере 1 тыс. рублей, так как его лечебницы не только оказывали врачебную помощь нуждавшемуся сельскому населению, но и готовили на своей базе сестер Красного Креста. Видимо, на этом основании в исторической литературе данные лечебницы иногда ошибочно называют Костромской общиной сестер милосердия Красного Креста¹⁴³³. В 1877 г. при Богоявленском монастыре по программе ускоренной подготовки сестер было обучено 66 женщин (49 – монастырского звания и 17 – светского). Из них 24 были монахинями и послушницами Богоявленского монастыря, 13 прибыли для обучения из других обителей Костромской епархии (6 человек – из Троицкого Белбажского монастыря, 3 – из Галичского Николаевского Староторжского, 2 – из Кинешемской Вознесенской общины, 2 – из Боголюбской общины), 12 – из упоминавшегося Холмогорского Успенского монастыря Архангельской

¹⁴³¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 185 об.–186.

¹⁴³² Белова Е.Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 35.

¹⁴³³ Основание Российского общества Красного Креста... С. 146–147; Илинский П.А. Указ. соч. С. 272.

епархии¹⁴³⁴. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. все они служили в военно-временных госпиталях. Отряд из 16 сестер под руководством старшей сестры А.Д. Свербеевой был отправлен на театр военных действий и с мая по сентябрь 1877 г. работал при Александропольском военном госпитале. Остальные сестры ухаживали за больными и ранеными воинами в лечебных учреждениях Кинешмы и Костромы¹⁴³⁵.

Ряды сестер Красного Креста, получивших назначение в госпитали, в частности, пополнили в годы войны также монахини и послушницы следующих монастырей: Нежинского Введенского (60 человек), Рязанского Казанского (21), Покровского Хотькова (12), Саратовского Крестовоздвиженского (10), Серпуховского Владычного (8), Коломенского Успенского Брусенского (6), Старочеркасского Ефремовского (5), Спасо-Бородинского (4), Максаковского Троицкого (3), Нижегородского Крестовоздвиженского (3), Курского Свято-Троицкого, Белгородского Рождество-Богородичного, и трех общин Саратовской епархии: Краишевской (8), Дубовской и Каменно-Бродской Троицкой¹⁴³⁶.

Что касается корпии, бинтов, белья и других лазаретных принадлежностей, то их, по словам обер-прокурора Синода Д.А. Толстого, во время войны было изготовлено женскими обителями «десятки тысяч пудов, сотни тысяч экземпляров» на сумму свыше 300 тыс. рублей¹⁴³⁷.

3 марта 1877 г. по просьбе председателя Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах генерал-адъютанта А.К. Баумгартена и с соизволения императрицы Марии Александровны Святейший Синод предписал епархиальным архиереям и настоятелям ставропигиальных мужских монастырей по мере возможности оказать

¹⁴³⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 22–23; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 9–9 об.

¹⁴³⁵ Белова Е.Е. Указ. соч. С. 36.

¹⁴³⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 152, 154, 159; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 25 об., 35–35 об., 86; Извлечение всеподданнейшего из отчета... С. 22–23.

¹⁴³⁷ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 20.

содействие Красному Кресту в подготовке из монахов и послушников отрядов сердобольных братьев. При этом обращалось внимание на то, что подобная мера, «не чуждая обетам, принятым на себя монашествующими», уже нашла «сочувственное отношение» среди насельниц женских монастырей и общин. В указе Синода, в соответствии с правилами подготовки братьев милосердия, утвержденными 6 ноября 1876 г., излагались требования, предъявляемые к лицам, изъявившим желание посвятить себя уходу за ранеными и больными. Отбираемые добровольцы непременно должны были быть грамотными, надежными, смысленными, добросовестными, крепкими, нетрусливыми, трезвыми и хладнокровными. Так же, как и сердобольным сестрам, им предстояло пройти курс обучения (от 6 до 8 недель) в военных госпиталях, сдать экзамен на присвоение соответствующего звания, после чего поступить в распоряжение Общества попечения о раненых и больных воинах. Содержание сердобольных братьев должны были принять на себя их монастыри, при неимении у обителей средств духовное начальство могло войти в соглашение на сей счет с местными управлениями Общества¹⁴³⁸.

Согласно отчету обер-прокурора Святейшего Синода за 1877 г., «в 43 мужских монастырях изъявили готовность послужить раненым и больным воинам в качестве сердобольных братьев до 200 иеромонахов, монахов и послушников»¹⁴³⁹. Среди них, в частности, были насельники следующих монастырей: Николаевского Угрешского (8 человек), Ростовского Спасо-Яковлевского (4), Валаамского Спасо-Преображенского (4), Троицкого Александро-Свирского (4), Звенигородского Саввино-Сторожевского (3), Коневского Рождественского (3), Коломенского Троицкого Ново-Голутвина (2), Коломенского Богоявленского Старо-Голутвина (2), Коломенского Богородице-Рождественского Бобренева (2), Московского

¹⁴³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 57–57 об.; Определение Святейшего Синода от 3–15 марта 1877 г., за № 328, об образовании в мужских монастырях отрядов сердобольных братьев // Церковный вестник. 1877. № 13. Ч. Офиц. С. 96–97.

¹⁴³⁹ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 21.

Златоустова (1), Староладожского Николаевского (1), Троицкого Белопесоцкого (1), Малоярославецкого Черноостровского Николаевского (1), Лихвинского Покровского Доброго (1) и пустынь: Козельской Введенской Оптиной (8), Калужской Тихоновой (4 человека)¹⁴⁴⁰.

Помимо братьев милосердия, мужские обители неоднократно направляли в военно-временные госпитали иеромонахов для духовного окормления воинов. Так, например, в августе 1877 г. Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах обратилось к митрополиту Московскому и Коломенскому Иннокентию (Вениаминову) с просьбой выделить «несколько лиц из монашествующей братии» для исправления церковных служб и треб в госпиталях Красного Креста, расположенных на Дунае, в Румынии и Болгарии¹⁴⁴¹. В результате этого обращения на театр военных действий в октябре 1877 г. отправились четыре добровольца: иеромонахи Свято-Троицкой Сергиевой лавры Иннокентий, Гефсиманского скита Амфилохий и Махрищского монастыря Паисий, а также иеродиакон Гефсиманского скита Харлампий. Последний, как знающий фельдшерское дело, изъявил желание не только исправлять требы, но и ухаживать за ранеными¹⁴⁴². Из 9 других монастырей Московской епархии в течение 1877 г. были командированы 16 иеромонахов и 12 послушников «для исполнения священно-церковнослужительских обязанностей» при военно-временных госпиталях, сформированных в Московском военном округе: из Чудова кафедрального монастыря – 4 человека, Спасо-Андрониева – 4, Златоустовского – 4, Данилова – 4, Покровского – 4, Сретенского – 3, Знаменского – 2,

¹⁴⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 33–34, 71 об.–72 об., 74 об.; Д. 1413 б. Л. 28–28 об.; РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 100. Л. 13–14, 29, 36; Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12465. Л. 3–4 об.; Братья и сестры милосердия из монастырей // Церковный вестник. 1877. № 29. Ч. Неофиц. С. 12.

¹⁴⁴¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12467. Л. 1.

¹⁴⁴² Там же. Л. 11–11 об.

Московского Богоявленского – 2, Коломенского Богоявленского Старо-Голутвина – 1 человек¹⁴⁴³.

Массовым явлением в годы войны стало призрение раненых и больных воинов непосредственно в стенах монастырей. Поскольку для лазаретов и госпиталей, сотнями открывавшихся в России для эвакуируемых с театра войны раненых, нужны были помещения, Святейший Синод определением от 3 марта 1877 г. выразил готовность в случае необходимости безвозмездно предоставить таковые Обществу попечения о раненых и больных воинах «в тех из мужских монастырей, в коих имеются свободные здания, нередко расположенные вне монастырских стен»¹⁴⁴⁴. А указом от 16 сентября 1877 г., «по случаю наступающего холодного времени и в виду потребности для раненых и больных воинов более теплых и удобных помещений», Синод предписал всем мужским монастырям, «в особенности расположенным по линиям железных дорог или вблизи оных, немедленно передать в распоряжение местных органов Общества Красного Креста, для устройства госпиталей и приютов для выздоравливающих больных и раненых воинов, все свободные или могущие освободиться в монастырских зданиях помещения и по мере средств содействовать к приготовлению и поддержанию сих помещений согласно новому временному их назначению»¹⁴⁴⁵.

Во время войны 1877–1878 гг. помещения для лазаретов предоставили 85 мужских обителей¹⁴⁴⁶. Обратим внимание на то, что некоторые из них сделали это еще до упомянутых распоряжений Святейшего Синода, по собственной инициативе. Так, в Кишиневской епархии, ближайшей к месту военных действий, уже в конце 1876 г. – начале 1877 г. лазареты были размещены в трех мужских монастырях: Гербовецком Успенском (с

¹⁴⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 36 об.–37 об.

¹⁴⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 139.

¹⁴⁴⁵ Там же. Л. 139–139 об.; Определение Святейшего Синода от 16 сентября 1877 г., за № 1374, о новых мерах для облегчения нужд больных и раненых воинов // Церковный вестник. 1877. № 39. Ч. Офиц. С. 181.

¹⁴⁴⁶ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 24.

30 декабря 1876 г. по 2 июня 1877 г. – военно-временный госпиталь № 48 на 215 кроватей, а с 12 июня по 15 октября 1877 г. – Вятский лазарет Общества попечения о раненых и больных воинах на 140 кроватей), Гиржавском Вознесенском (с 21 февраля по 6 июня 1877 г. – военно-временный госпиталь № 50 на 200 кроватей) и Курковском Рождество-Богородичном (с 19 февраля по 5 июня 1877 г. – военно-временный госпиталь № 50 на 200 кроватей). Позднее в этой епархии раненых воинов приняли еще две обители: Фрумошский и Киприановский Успенские монастыри (в первом из них с 12 июня по 15 октября 1877 г. действовал Вятский лазарет Общества попечения о раненых и больных воинах на 60 кроватей, во втором – с 25 июня по 4 октября 1877 г. – 1-й отдел лазарета Санкт-Петербургского Дамского комитета Красного Креста на 150 кроватей)¹⁴⁴⁷. 15 сентября 1877 г. епископ Кишиневский и Хотинский Павел (Лебедев) взял к себе в архиерейский дом «на полное содержание» шесть раненых воинов, лечением которых занялся домашний врач преосвященного¹⁴⁴⁸. По свидетельству епископа Павла, «за учреждение сей больницы» (на 6 кроватей), которую «архиерейский дом предположил содержать на свой счет до окончания войны», в ноябре 1877 г. он получил благодарность «от имени Их Императорских Величеств»¹⁴⁴⁹.

Среди монастырей, передавших свои помещения в ведение местных управлений Общества попечения о раненых и больных воинах, были Киево-Печерская лавра, Минский архиерейский дом, Александро-Невская лавра (в принадлежавших им зданиях в годы войны были устроены лазареты соответственно на 60, 54 и 20 кроватей)¹⁴⁵⁰.

Значительную роль в призрении раненых и больных воинов сыграли мужские обители Московской епархии, семь из которых по собственному желанию решили организовать в своих стенах и полностью содержать на

¹⁴⁴⁷ Там же. С. 24–25; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 б. Л. 3–5.

¹⁴⁴⁸ Прием раненых преосвященным // Церковный вестник. 1877. № 39. Ч. Неофиц. С. 16.

¹⁴⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 б. Л. 5 об.–6.

¹⁴⁵⁰ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 25–26.

свои средства лазареты: Свято-Троицкая Сергиева лавра – на 100 кроватей, Николаевский Угрешский монастырь – на 50, Спасо-Андрониев – на 25, Данилов – на 20, Покровский – на 10, Саввино-Сторожевский – на 12 и Николо-Перервинский монастырь – на 5 кроватей¹⁴⁵¹. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Предложение настоятеля Николаевского Угрешского монастыря архимандрита Пимена устроить в обители «временную военную лечебницу для раненых на 50 человек» поступило и было одобрено митрополитом Московским Иннокентием в середине апреля 1877 г., то есть практически сразу после официального объявления войны. За реализацию задуманного проекта архимандрит Пимен принялся внимательно и энергично, продумав все до мелочей. Как следует из его переписки с митрополитом Иннокентием и Московским генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым, под больницу было отведено здание, в котором некогда находилась монастырская богадельня, переведенная затем в иное место. Для размещения раненых и больных воинов подготовили две просторные палаты в нижнем и верхнем этажах – по 25 кроватей в каждой. В виду предстоявшего нахождения значительного числа людей в одном помещении, палаты измерили, чтобы убедиться в достаточном количестве воздуха: получилось «более 4 кубических сажений» на каждого пациента. Согласно составленной смете расходов, «на приспособление здания к больничному устройству, на обзаведение, на лекарства и врача, на освещение, отопление, пищу и прислугу больных 50 человек в течение года» требовалось 15 500 рублей. Поскольку Николо-Угрешский монастырь мог выделить из своих средств лишь половину этой суммы (7 750 рублей), архимандрит Пимен, как благочинный общежительных монастырей Московской епархии, решил распределить «другую половину» между подведомственными ему обителями, «сообразуясь с их средствами»: Вознесенская Давидова

¹⁴⁵¹ Там же. С. 25.

пустынь должна была предоставить 2 300 рублей, Николаевский Пешношский монастырь – 2 200 рублей, Николаевская Берлюковская пустынь – 1 500 рублей, Гуслицкий Спасо-Преображенский монастырь – 600 рублей, Коломенский Богоявленский Старо-Голутвин монастырь – 500 рублей, Коломенский Троицкий Ново-Голутвин – 400 рублей, Троицкий Белопесоцкий – 150 рублей, Екатерининская пустынь – 100 рублей¹⁴⁵². Настоятели всех перечисленных обителей поддержали архимандрита Пимена и незамедлительно прислали требуемые суммы¹⁴⁵³.

24 мая 1877 г. архимандрит Пимен сообщил В.А. Долгорукову, что временная военная лечебница «совершенно готова и снабжена всем потребным», включая медицинский персонал: для лечения больных и раненых приглашены два врача (хирург С.А. Тяжелов и доктор А.Н. Виноградов), кроме того, имеются два фельдшера и фармацевт¹⁴⁵⁴. Братья милосердия были подготовлены из числа монашествующих. Чтобы облегчить транспортировку будущих пациентов от железнодорожной станции до Николо-Угрешского монастыря, Пимен внес учредительский взнос (200 рублей) в Комитет «Христианская помощь» Общества попечения о раненых и больных воинах, специально созданный для подобных целей¹⁴⁵⁵. Интересно, что Угрешская лечебница получила высокую оценку со стороны двух адъютантов Московского генерал-губернатора: А.Н. Вишневский назвал ее «самой лучшей и образцовой», М.Л. Величковский – «превосходной»¹⁴⁵⁶. Как и многие лазареты, устроенные во время войны различными учреждениями или частными лицами, лечебница Николо-Угрешского монастыря поступила в ведение Общества Красного Креста.

29 июля 1877 г. монастырские братья милосердия, снабженные линейками (повозками) от Комитета «Христианская помощь», встретили

¹⁴⁵² РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 100. Л. 2–4.

¹⁴⁵³ Там же. Л. 5–12, 28, 35.

¹⁴⁵⁴ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁴⁵⁵ Там же. Л. 39.

¹⁴⁵⁶ Там же. Л. 42 об.

на станции Люблино и доставили в обитель первых 50 раненых. На следующий день архимандрит Пимен направил митрополиту Иннокентию подробное донесение об этом событии: «...По прибытии туда (в Люблино. – Л.М.) поезда четверо из числа раненых были положены на носилки и этим способом несены до монастыря, некоторые сели в линейки, а более легко раненые разместились на подводы, бесплатно предложенные для них обывателями ближайших деревень. Когда шествие приблизилось к монастырю, я вышел с крестом встретить раненых у святых ворот и окроплял их святой водой, при пении братией тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя». Раненых православного исповедания оказалось 42 человека, 6 католиков и 2 еврея. Все они были немедленно размещены на приготовленные для них койки и, когда они несколько поотдохнули, напились чаю и пообедали, последовал первый осмотр врачей и совершена перевязка монастырскими наемными фельдшерами и братьями милосердия. Опасных и особенно трудных больных, по милости Божией, нет, хотя и есть несколько человек довольно тяжело раненых. Все без исключения получили раны от огнестрельных орудий при деле 3 июля под Никоподем и 8-го под Плевной, некоторые же только страдают от контузий... В Казанской церкви, сопредельной с верхней палатой, будет совершаемо ежедневное богослужение: литургия в 7 часов утра и всенощная в 7 часов вечера; таким образом, врачуемые от недугов телесных не будут оставлены вместе с тем и без врачества духовного»¹⁴⁵⁷.

Временная военная лечебница при Николо-Угрешском монастыре действовала в течение года (до 27 апреля 1878 г.). За этот период в ней находились на излечении 151 человек (68 раненых и 83 больных), все они принадлежали к нижним чинам. Из них 144 человека выздоровели, пять человек умерли, двое были переведены в другие лечебные заведения¹⁴⁵⁸.

¹⁴⁵⁷ Там же. Л. 32–32 об.

¹⁴⁵⁸ Там же. Л. 45; РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 99. Л. 40–41, 58–61; Д. 102. Л. 80–81.

В Троице-Сергиевой лавре к организации госпиталя для раненых приступили также сразу после выхода Высочайшего манифеста о войне с Турцией от 12 апреля 1877 г. Было принято решение устроить сразу два больничных помещения по 50 кроватей в каждом: в здании Лаврской больницы и в Лаврском доме на Переславской улице Сергиева Посада. Этот дом был куплен потомственным почетным гражданином А.П. Тюляевым и пожертвован Лавре через послушника А.И. Цветкова вместе с 5 тыс. рублей, предназначенными на его ремонт и приспособление под госпиталь. Первоначально планировалось, что Лавра возьмет на себя содержание первых 50 койко-мест, а остальные 50 до конца войны будет финансировать сам Тюляев. Однако вскоре намерение почетного гражданина на сей счет изменилось, и Лавра была вынуждена пригласить к участию в содержании 50 койко-мест, расположенных в доме на Переславской улице, подведомственные ей обители: Спасо-Вифанский и Махрищский монастыри (по 10 кроватей каждый), Гефсиманский скит (25 кроватей), Боголюбскую киновию (2 кровати) и пустынь Святого Параклита (3 кровати)¹⁴⁵⁹. Согласно донесению В.А. Долгорукову членов Учрежденного Собора Троице-Сергиевой лавры от 20 июля 1877 г., все перечисленные обители «изъявили на сие полную патриотическую готовность»¹⁴⁶⁰.

Первые раненые (40 нижних чинов) прибыли в Троице-Сергиеву лавру 4 августа 1877 г. Как и в Николо-Угрешском монастыре, их встретили заботливо и торжественно, с крестом, иконами и церковными песнопениями. 6 августа члены Учрежденного Собора Лавры сообщили митрополиту Иннокентию: «...Санитарный поезд... с ранеными в деле под Плевной воинами... был встречен (на станции Сергиево. – Л.М.) братией Лавры, о. экономом иеромонахом Агафангелом и о. благочинным иеромонахом Афанасием со святым крестом и иконой Преподобного

¹⁴⁵⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12426. Л. 10–11.

¹⁴⁶⁰ Там же. Л. 42 об.

Сергия (писанною на гробовой доске его) при пении лаврскими певчими “Спаси, Господи, люди Твоя!” ...Иеромонахи прошли по всем вагонам и окропили раненых святой водой, после чего они были препровождены в экипажи, а два тяжелораненых, которые не могли держаться на ногах, были перенесены братией на носилках до самой Лаврской больницы... Здесь они встречены были о. наместником архимандритом Леонидом, который благословил каждого из них святой иконой, а равно и сопровождавших их лиц, после чего раненых угостили чаем и ужином. Сердечный прием со стороны братии видимо ободрил страдальцев и наутро о. наместник, посетив их, нашел довольными и бодрыми. Сего дня оба госпиталя, при Лаврской больнице и в доме, пожертвованном г. Тюляевым, осматривал, в сопровождении о. наместника, Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Гедеонов и нашел оные устроенными вполне целесообразно и в надлежащем порядке»¹⁴⁶¹. Точно так же монашествующие Лавры встретили и второй санитарный поезд, доставивший 23 августа в Сергиев Посад еще 50 раненых. 36 из них были размещены в доме на Переславской улице, 14 – в Лаврской больнице¹⁴⁶².

Всего в течение года (с 4 августа 1877 г. по 1 августа 1878 г.) в двух временных госпиталях, устроенных Троице-Сергиевой лаврой, состояло на излечении 300 раненых и больных воинов (159 человек – в Лаврской больнице и 141 – в доме на Переславской улице), из них выздоровели 296, умерли 4 человека. На вещевое снабжение госпиталей, содержание и лечение пациентов Лавра и подведомственные ей обители израсходовали 17 924 рубля 12,5 копеек (в том числе: Троице-Сергиева лавра – 8 040 рублей 97,5 копеек, Гефсиманский скит – 5 360 рублей 9 копеек, Махрицкий монастырь – 1 892 рубля 92,5 копейки, Спасо-Вифанский монастырь – 1 892 рубля 92,5 копейки, пустынь Святого Параклита – 442 рубля 32,5 копейки, Боголюбская киновия – 294 рубля 88,5 копеек).

¹⁴⁶¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12465. Л. 11–12.

¹⁴⁶² Там же. Л. 22–22 об.

Помимо этого, на ремонт дома на Переславской улице Лавра добавила к 5 тыс. рублей, пожертвованным А.П. Тюляевым, 1 504 рубля 10 копеек из собственных неокладных сумм. Таким образом, в общей сложности на устройство и содержание двух Лаврских госпиталей было затрачено 24 428 рублей 22,5 копейки¹⁴⁶³.

В финансировании лазаретов, открытых в Спасо-Андрониеве и Даниловом монастырях, принял участие целый ряд необщежительных обителей Московской епархии – как мужских, так и женских. Мужские монастыри пожертвовали на сей предмет: Богоявленский, Знаменский и Покровский – по 1 тыс. рублей каждый, Златоустовский, Сретенский и Николо-Перервинский – по 300 рублей, Высокопетровский, Можайский Лужецкий Ферапонтов, Серпуховской Высоцкий и Волоколамский Иосифов – по 150 рублей; женские – Алексеевский – 300 рублей, Вознесенский, Новодевичий, Зачатиевский, Никитский и Рождественский – по 100 рублей, Страстной и Всехсвятский единоверческий – по 50 рублей. Спасо-Андрониев монастырь израсходовал на местный госпиталь 936 рублей 4 копейки. Таким образом, устройство и содержание этих двух лазаретов, рассчитанных соответственно на 25 и 20 кроватей, составило 6 336 рублей 4 копейки¹⁴⁶⁴. Установить численность лечившихся в них раненых и больных воинов, к сожалению, не удалось.

Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь содержал свой госпиталь на 12 кроватей, открытый в здании монастырской гостиницы, полностью на собственные средства, «без всякой сторонней помощи». Издержки обители составили 982 рубля 18 копеек¹⁴⁶⁵.

Наконец, Покровский и Николо-Перервинский монастыри оборудовали свои помещения под госпитали для раненых и больных воинов (соответственно на 10 и 5 кроватей), израсходовав в общей

¹⁴⁶³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12527. Л. 72–73.

¹⁴⁶⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 58 об.–59.

¹⁴⁶⁵ Там же. Л. 59 об.–60.

сложности 241 рубль, но пациентов туда не поступило¹⁴⁶⁶, что подтверждает высказанное нами выше замечание о том, что во время войны в некоторых районах России (во всяком случае, в Московской губернии) предложение медицинской помощи раненым опережало спрос на нее.

5 января 1878 г. обер-прокурор Святейшего Синода Д.А. Толстой сообщил митрополиту Московскому Иннокентию, что императрица Мария Александровна повелела благодарить от ее имени Свято-Троицкую Сергиеву лавру, Николаевский Угрешский, Спасо-Андрониев, Данилов, Саввино-Сторожевский, Покровский и Николо-Перервинский монастыри, давшие «помещение для 222 человек раненых воинов», «за теплое участие к деятельности Общества Красного Креста»¹⁴⁶⁷.

Из московских мужских обителей раненых принял также Никольский единоверческий монастырь, передавший в распоряжение Красного Креста четыре свободных помещения (два – для размещения 90 пациентов и по одному – «для конторы и цейхгауза») и лошадь для перевозки грузов. Этот госпиталь содержался за счет средств Общества попечения о раненых и больных воинах, а три иеромонаха монастыря безвозмездно совершали духовные требы и «помогали в хозяйстве своими личными трудами»¹⁴⁶⁸.

В Новгородской, Санкт-Петербургской и Финляндской епархии четыре мужских обители открыли госпитали с содержанием за свой счет: Троице-Сергиева пустынь – на 20 кроватей, Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь – на 10 кроватей, Троицкий Зеленецкий и Староладожский Николаевский монастыри – на 8 кроватей каждый¹⁴⁶⁹.

Некоторые из женских монастырей страны (Московский Иоанновский, Нежинский Введенский, Задонский Богородицкий, Троицкий Виннице-Браиловский, Белгородский Рождество-Богородичный,

¹⁴⁶⁶ Там же. Л. 60.

¹⁴⁶⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12465. Л. 91–91 об.

¹⁴⁶⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 59 об.; Госпиталь для раненых в московском единоверческом монастыре // Церковный вестник. 1877. № 37. Ч. Неофиц. С. 11.

¹⁴⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 71, 74–76.

Костромской Крестовоздвиженский, Назаретская пустынь) предоставили для устройства лазаретов имевшиеся у них здания, находившиеся, как правило, вне монастырских стен¹⁴⁷⁰. В домах, принадлежавших Псковскому Старо-Вознесенскому и Костромскому Богоявленскому монастырям, были устроены склады пожертвований, поступавших в Общество попечения о раненых и больных воинах, и мастерские Красного Креста по изготовлению госпитальных принадлежностей¹⁴⁷¹.

Целый ряд обителей, как мужских, так и женских, выразил готовность принять на содержание и обучение сирот павших воинов: женские общины Саратовской епархии (Дубовская, Вольская, Каменно-Бродская Троицкая, Балашовская – по 10 девочек, Грязнухинская – 3), монастыри Казанской епархии (женский Цивильский Тихвинский и мужской Козмодемьянский Михаило-Архангельский Черемисский – 10 детей), монастыри Рязанской епархии (мужские – Николо-Радовицкий, Рязанский Богословский, Рязанский Солотчинский, Раненбургская Петропавловская пустынь – 15 мальчиков, женские – Рязанский Казанский, Михайловский Покровский, Казанский Касимовский, Сушкинский Никоновский – 15 девочек)¹⁴⁷².

Отдельные женские обители взяли на себя также попечение о детях южных славян. Так, например, в октябре 1876 г. игуменья Покровского Хотькова монастыря Варсонофия, «сочувствуя современному бедственному положению разоренных мусульманами болгарских семейств», в прошении на имя митрополита Московского Иннокентия выступила с инициативой «дать приют и содержание пяти малолетним болгарским девочкам» и «обучить их необходимым предметам и рукоделию»¹⁴⁷³. Юные болгарки прошли в данной обители

¹⁴⁷⁰ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 23, 26–27; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 60 об.

¹⁴⁷¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 26–27; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 11 об.

¹⁴⁷² Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 28–29.

¹⁴⁷³ Цит. по: *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 293.

систематическое обучение по курсу женских прогимназий¹⁴⁷⁴. В Московском Алексеевском монастыре еще в октябре 1871 г. было открыто училище для девиц-славянок, в котором воспитывались и обучались в основном сербские девочки¹⁴⁷⁵.

Монашествующие наряду с белым духовенством сами совершали пожертвования на военные нужды и побуждали к этому приходивших в обители богомольцев. Как упоминалось выше, согласно отчетам обер-прокурора Святейшего Синода, в 1877–1878 гг. духовенство пожертвовало на военные нужды 720 тыс. рублей¹⁴⁷⁶. К сожалению, рапорты преосвященных, послужившие основой для составления этих отчетов, не позволяют выделить из указанной общей суммы точную долю монастырей. Поэтому приведем лишь наиболее крупные вклады некоторых из обителей: Киево-Печерская лавра пожертвовала 10 тыс. рублей¹⁴⁷⁷, Соловецкий монастырь – 6 545 рублей 80 копеек (в том числе 6 тыс. рублей – из монастырских неокладных сумм, остальное – от настоятеля, братии и проживающих в обители богомольцев)¹⁴⁷⁸, Санкт-Петербургский Воскресенский монастырь – 1 500 рублей¹⁴⁷⁹, Валаамский Спасо-Преображенский – 1 300 рублей¹⁴⁸⁰, Свято-Троицкая Сергиева лавра – 1 тыс. рублей¹⁴⁸¹, Псково-Печерский монастырь – 1 тыс. рублей¹⁴⁸², Екатеринбургский Ново-Тихвинский – 1 тыс. рублей¹⁴⁸³. Большинство же обителей жертвовало, как правило, от нескольких десятков до нескольких сотен рублей. Помимо денежных приношений монастыри нередко

¹⁴⁷⁴ Там же.

¹⁴⁷⁵ Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 253–256.

¹⁴⁷⁶ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 18–19; РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 145–145 об.

¹⁴⁷⁷ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 19; РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 б. Л. 17.

¹⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 6–7.

¹⁴⁷⁹ Там же. Л. 76 об.

¹⁴⁸⁰ Там же. Л. 71 об.

¹⁴⁸¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12426. Л. 21.

¹⁴⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 129.

¹⁴⁸³ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413 а. Л. 80.

направляли в действующую армию иконы, крестики, образки. Например, Троице-Сергиева лавра в декабре 1877 г. передала для раненых воинов 2 200 бронзовых крестиков, за что получила благодарность великого князя Михаила Николаевича, состоявшего во время войны 1877–1878 гг. главнокомандующим действующей армией на Кавказском театре военных действий¹⁴⁸⁴.

Особое место в истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заняло Самарское знамя, вышитое монахинями Самарского Иверского монастыря по эскизам художника П.Е. Симакова. Знамя изготовили в 1876 г. от имени города Самары для болгарских повстанцев как символ славянского братства, но из-за быстрого подавления Апрельского восстания вручили его через год, 6 мая 1877 г., дружинам только что сформированного Болгарского ополчения. Знамя представляло собой шелковое прямоугольное полотнище, состоящее из трех горизонтальных полос: алой, белой и синей, с такими же лентами. В центре знамени вышит золотом прямоугольный крест, в середине которого с одной стороны помещено изображение иконы Иверской Божией Матери, с другой – иконы святителей Кирилла и Мефодия. Интересно, что по пути самарской делегации (городской голова Е.Т. Кожевников и гласный думы П.В. Алабин) в Кишинев, главную квартиру Дунайской армии, Самарское знамя в течение трех дней находилось в Московском Чудовом монастыре, где им покрыли раку святителя Алексия (небесного покровителя Самары). Под Самарским знаменем болгарские ополченцы сражались в битвах за Стара-Загору, Шипку и Шейново¹⁴⁸⁵. С 1961 г. этот священный символ боевого содружества русского и болгарского народов хранится в

¹⁴⁸⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 7. Д. 12465. Л. 83.

¹⁴⁸⁵ Гурбанов М. Самарское знамя. Кишинев, 1970; Храмков Л. Самарское знамя на Балканах // Освободительная война 1877–1878 гг. и роль Болгарского ополчения. Сборник докладов и сообщений, прочитанных на юбилейных научных конференциях в Казанлыке, Стара-Загоре и Самаре в 1987–1988 гг. Самара, 1992. С. 15–20; Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С. 162–164, 643–701.

Национальном историческом музее Софии. В 1977 г. в Стара-Загоре был установлен мемориальный комплекс «Защитники Стара-Загоры 1877», главной составной частью которого является изображение Самарского знамени, получившего вместе с Болгарским ополчением в битве за этот город боевое крещение. А в сентябре 2008 г. «круг замкнулся»: точная копия Самарского знамени, выполненная болгарским художником Д. Геновым, была передана в дар Самарскому Иверскому монастырю.

После войны 1877–1878 гг. в память о ней были основаны две женские обители. Уже в 1878 г. отставной подполковник А. Ласточкин предложил епископу Кавказскому Герману устроить «иноческую обитель во славу Господа, даровавшего православному воинству победу над врагами, и во всегдашнее молитвенное поминовение воинов, живот свой положивших на полях брани за веру, царя и отечество»¹⁴⁸⁶. Для реализации этой цели он пожертвовал принадлежавший ему в Терской области земельный участок площадью 332 десятины с 2 домами, службами и хозяйственными принадлежностями, а также 1 тыс. рублей на строительство церкви. На этом месте, в 70 верстах от г. Моздока, в 1885 г. был открыт Георгиевский женский монастырь. Первыми инокинями обители стали сестры, служившие в годы войны раненым под Карсом и Эрзерумом. При учреждении были открыты больница и школа¹⁴⁸⁷. Также вскоре после войны, в 1879 г., на средства жены гвардии полковника Рагозы, пожертвовавшей 100 тыс. рублей и земельный участок площадью 200 десятин, в 14 верстах от Тамбова, при селе Лесном Тулинове, была основана Тулиновская Святой Софии община с приютом для вдов и сирот воинов. В 1880 г. она была переименована в Тулино-Софийский общежительный женский монастырь¹⁴⁸⁸.

¹⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 146–146 об.

¹⁴⁸⁷ Там же; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908. С. 849–850.

¹⁴⁸⁸ *Денисов Л.И.* Указ. соч. С. 811–812.

Таким образом, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. монашество, как и все духовное сословие, выступило в тесном единстве с обществом и государственной властью. основополагающая идея войны – помощь единоверным братьям-славянам, придававшая противостоянию религиозный смысл, и деятельность в пользу раненых и больных воинов, широко развернувшаяся в России в это время, оказались очень близки представителям как белого, так и черного духовенства. В годы войны монашествующие российских монастырей значительно усилили и без того присущую им благотворительность: пополняли ряды сестер и братьев Красного Креста, изготавливали корпию и другие госпитальные принадлежности, делали и собирали пожертвования на военные нужды, предоставляли монастырские здания под военные госпитали, сами организовывали и финансировали лазареты. При этом монастыри не только живо откликались на предложения Святейшего Синода (имевшие, как правило, добровольную основу), но и сами проявляли инициативу, нередко предвзя его распоряжения. Особенную активность проявили женские обители, многим насельницам которых в рассматриваемый период был свойственен феминизм, выражавшийся в стремлении принимать живое участие в общественной жизни, приносить как можно больше пользы своей стране.

4.6. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне: испытание войной

Серьезные волнения и тревоги пришлось пережить во время войны 1877–1878 гг. инокам Русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, оказавшимся на территории враждебного государства. В преддверии противостояния российское правительство попыталось обеспечить их безопасность. Так, 3 апреля 1877 г. российский консул в Солуни Т.П. Юзефович получил телеграмму из МИДа: «Передайте архимандриту Макарию совет, чтобы русские, опасаящиеся оставаться на Афоне, немедленно бы отправились на Кавказ чрез Поты в Кутаис на

наемном французском пароходе, не сходя на берег в Константинополе»¹⁴⁸⁹. Сообщая этот «министерский совет» игумену монастыря, Юзефович подчеркнул, что «война неизбежна», при этом выразил опасение, что оглашение предложения о выезде может вызвать нежелательный переполох на Святой Горе. Предоставив решение этого вопроса на усмотрение отца Макария, консул от себя лично посоветовал «сохранить телеграмму в тайне», а «боящихся» «под благовидным предлогом» отправить не на Кавказ, а на острова архипелага или в Грецию¹⁴⁹⁰.

Телеграммы предостерегающего содержания были получены на Афоне также от управляющих афонскими подворьями в Москве и Константинополе отцов Арсения и Владимира, от брата отца Макария В.И. Сушкина и от советника русского посольства в Константинополе А.И. Нелидова. Последний писал: «Со своей стороны думаю, что Афону вовсе опасность не угрожает, а бежать преждевременно было бы несовместно с монашеским обетом и с достоинством русского имени»¹⁴⁹¹.

Игумен Макарий и духовник обители Иероним решили, что русские монахи не оставят Святую Гору, дабы не утратить позиции, с таким трудом завоеванные в течение последних лет. «Бывшее дело наше¹⁴⁹², – писали они Т.П. Юзефовичу, – еще так свежо, что им примут меры воспользоваться наши сожители (греки. – Л.М.) и, по своей любви к нам, пожалуй мы, по прибытии обратно братства, не найдем и входа в свою обитель». Старцы просили консула в случае его возвращения в Россию поручить монастырь Св. Пантелеимона, Андреевский и Ильинский скиты и «всех вообще русских на Афоне» покровительству «какой-либо державы, имеющей сильное влияние»¹⁴⁹³. 11 апреля, после прекращения дипломатических отношений России с Турцией, Юзефович выехал из

¹⁴⁸⁹ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне... С. 203.

¹⁴⁹⁰ Там же. С. 203–204.

¹⁴⁹¹ Там же. С. 204.

¹⁴⁹² Имеется в виду греко-русский Пантелеимоновский процесс, рассмотренный выше.

¹⁴⁹³ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне... С. 205–206.

Солуни, оставив своих афонских соотечественников на попечение французского консула Малле.

С началом войны в Турции возобновилась информационная кампания, направленная против русских обитателей Святой Горы. Поводом для нее послужило выступление в турецком парламенте депутата из Смирны Енитехерли-хаджи-Амета-эфенди, указавшего «на могущие быть опасности со стороны тех 10 000 русских людей, которые живут на Афоне»¹⁴⁹⁴. Колоссальное преувеличение этого наблюдения бросается в глаза уже приведенной численностью русских. Дело в том, что в то время число всех монашествующих Афона составляло около 10 тыс. человек, при этом среди представителей проживавших там национальностей далеко преобладали греки, русских насчитывалось менее 1 тыс. человек. (К.Н. Леонтьев писал по этому поводу в 1873 г.: «Едва ли на 9 000 монахов афонских найдется две с половиной тысячи *не-Греков*»)¹⁴⁹⁵. Тем не менее ряд константинопольских газет («Фракия», «Неологос» и др.) принялись наперебой раздувать исходящие от русских афонцев «опасности», не выбирая выражений и не стесняясь в возводимых инсинуациях и клевете. В частности, сообщалось, что иноки Свято-Пантелеимонова монастыря состоят в регулярной переписке «со всеми панславистическими комитетами» и готовят восстание болгар и греков в Македонии и Фракии; деньги на это дает игумен Макарий, который прежде якобы был избран настоятели благодаря подкупу. Авторы статей призывали турецкое правительство принять «необходимую меру», вынести «решение мужественное, патриотическое и справедливое, согласно с указаниями долга и пользами Церкви и государства» – выгнать русских с Афона и передать Свято-Пантелеимонов монастырь грекам¹⁴⁹⁶. Клевету, распространявшуюся против русских монахов, подхватила британская

¹⁴⁹⁴ Там же. С. 207.

¹⁴⁹⁵ Константинов Н. [Леонтьев К.Н.] Панславизм на Афоне // Русский вестник. 1873. Кн. IV. С. 686.

¹⁴⁹⁶ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне... С. 208–213.

дипломатия: посол Великобритании в Константинополе А. Лейард со ссылкой на «достоверный источник» повторил ее в своей депеше, попавшей затем на страницы «Синей книги».

Для консультации по данному вопросу на аудиенцию к султану Абдул-Хамиду II был приглашен Константинопольский патриарх Иоаким II, заверивший правителя в абсолютной благонадежности русских. Тем не менее Порта приняла решение о переселении русских иноков с Афона в Анатолию, в монастырь Сумела близ Трапезунда. Патриарх, оскорбленный недоверием правительства к его заверениям, подал прошение об отставке, сопроводив его письмом в оправдание русской братии. Министру иностранных дел он передал конфиденциально, что «русские не пойдут с Афона», так как привлечены туда святостью места, на которое «у православных есть особое воззрение», и, если им предпишут выезд, то они непременно подадут протест в иностранное посольство, что может наделать «много шума»¹⁴⁹⁷. В результате отставка патриарха Иоакима II не была принята, а на Афон для прояснения ситуации была направлена специальная следственная комиссия, в которую вошли министерский чиновник Зивер-бей и митрополит Хиосский Амвросий.

Члены комиссии пробыли на Святой Горе с 8 по 18 сентября 1877 г. и были радушно встречены иноками Свято-Пантелеимонова монастыря. Они осмотрели все постройки обители, взяли списки монашествующих, после чего объехали также ряд других монастырей. Интересно, что находившийся в то же время на Афоне племянник патриарха митрополит Дерконский Иоаким, между прочим, посоветовал отцу Макарию не поминать при богослужении русский императорский дом. Поэтому до окончания войны тексты соответствующих ектений были изменены по форме, но не по сути. Теперь они читались так: «О благочестивых и богохранимых царях и князьях Господу помолимся»; «Еще молимся о милости жизни ктиторов и благодетелей святой обители сей: Александра,

¹⁴⁹⁷ Там же. С. 214–215.

Марии», далее поименно назывался весь царствующий дом¹⁴⁹⁸. 18 сентября в Свято-Пантелеимонов монастырь прибыл также митрополит Гревенский Кирилл, получивший от патриарха ряд поручений, в частности – сбор сведений о русских иноках на Афоне. Оба греческих архиерея провели продолжительные беседы с Зивер-беем. Поскольку в результате проведенных проверок ничего предосудительного выявлено не было, подозрения турецкого правительства утихли, и дело было закрыто. Русские афонцы остались на Святой Горе, и монастырь Св. Пантелеимона не понес никакого ущерба¹⁴⁹⁹.

В гораздо более тяжелой ситуации оказались монахи Солунского подворья Свято-Пантелеимонова монастыря. 29 августа 1877 г. по ложному доносу проигумена Ксиропотамского монастыря Прокопия о якобы подрывной деятельности русских иноков обитель была подвергнута обыску, более походившему на погром. В результате была изъята вся найденная корреспонденция (для перевода на турецкий язык) и арестованы два члена братии: иеродиакон Алексей и схимонах Адам. Вскоре та же участь постигла монаха Гликерия, прибывшего на подворье через несколько дней после происшествия и пытавшегося добиться освобождения своих собратий. Иноки провели в заключении около двух месяцев. Сначала их содержали в Солуни, затем – в Константинополе. Наконец, они были отпущены на свободу благодаря ходатайству патриарха Иоакима II. В ходе проводившегося расследования Солунский паша направил своего сотрудника и на Афон, в Свято-Пантелеимонов монастырь. Там он встретился с упомянутыми выше членами правительственной комиссии и так же, как и они, убедился в невиновности русских иноков¹⁵⁰⁰.

¹⁴⁹⁸ Там же. С. 216–218.

¹⁴⁹⁹ Там же. С. 218–219; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 368.

¹⁵⁰⁰ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне... С. 218–226.

Так закончились злоключения монахов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. После подписания 19 февраля 1878 г. Сан-Стефанского мира они вздохнули свободно и вскоре с радостью и почетом встретили прибывших к ним офицеров русской армии. 16 мая 1878 г. архимандрит Макарий и духовник Иероним написали Н.П. Игнатьеву о происходивших с ними в 1877–1878 гг. событиях и о своем видении ситуации: «...В продолжение времени пред войной, так и во время войны, мы были забросаны газетными и устными клеветами, все усилия исконного врага рода человеческого были направлены на изгнание нас и вообще всех русских со Святой Горы, и веруем, что ходатайство пред Господом Препоблагословенным Владычицы нашей Богородицы и молитвы св. великомученика Пантелеимона и преподобных афонских не пропустили врагам истины восторжествовать. Хорошо также знаем, что Ваше Сиятельство бдительным оком следили за нами и не оставили нас своим внимательным покровительством. Быть может, вследствие Вашего предстательства Великая Церковь защищала нас деятельным образом. Конечно, все это не оставалось без надзора Вашего. Наконец, и мы праздновали как день победы, так и избавления своего в 26 день марта»¹⁵⁰¹.

Несколько слов следует сказать и про филиальное отделение Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, находившееся в Абхазии, – Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Для этой обители, основанной в 1875 г. (17 октября 1876 г. был освящен ее первый храм – Покрова Пресвятой Богородицы), война 1877–1878 гг. стала тяжелым испытанием. В конце апреля – начале мая 1877 г. монастырь был razорен и сожжен высадившимися на побережье близ Сухума турками, к которым присоединились также восставшие абхазцы. Что касается монахов, то почти все они еще в конце ноября 1876 г. по распоряжению властей выехали в Кутаисскую губернию, где на время военных действий

¹⁵⁰¹ Архимандрит Макарий с братией, духовник Иероним – Н.П. Игнатьеву, 16 мая 1878 г. // Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. С. 123.

разместились в Гелатском Богородичном монастыре. В обители вплоть до объявления войны оставались иеромонах Иерон и монах Иоанн, затем и они покинули ее: первый сразу присоединился к братии, а второй задержался в Сухуме, откуда уехал лишь при отступлении из-под города русского отряда под командованием генерал-майора П.П. Кравченко. При этом отцу Иоанну удалось спасти небольшое количество монастырских ценностей, в том числе храмовую икону Покрова Пресвятой Богородицы. 7 из 14 человек братии Ново-Афонского монастыря, уже находясь в Кутаисе, по предложению иеромонаха Арсения (управляющего братством), на время войны поступили в распоряжение Кавказского управления Общества попечения о раненых и больных воинов с сохранением содержания от обители. Они прошли курс обучения в Кутаисском военном госпитале, а затем с 28 октября 1877 г. по 8 сентября 1878 г. работали в Тифлисском военном госпитале, администрация которого засвидетельствовала их «беспримерное усердие», «любовь к делу», «громадные услуги больным и помощь госпитальному персоналу». После окончания войны все монахи вернулись в Абхазию и восстановили разоренные постройки своей обители. 3 февраля 1879 г. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь вновь был освящен¹⁵⁰².

Таким образом, в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. иноки Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, находившиеся на территории Османской империи, не оставили свою обитель, сохранив позиции России на Святой Горе. Покровительство и реальная помощь, оказанные им в это время патриархом Иоакимом II, свидетельствуют о том, что, несмотря на возникшую напряженность и состояние войны между Россией и Турцией, Константинопольский Патриархат в целом поддерживал с Русской Церковью прежние отношения.

¹⁵⁰² Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. 2-е изд. М., 2009. С. 185–192; А.Л. [Архим. Леонид (Кавелин)] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. М., 1885. С. 106–122.

4.7. Военное духовенство в регулярной армии. Война 1877–1878 гг. в записках полковых священников

Накануне Русско-турецкой войны, в 1876 г., в ведомстве военного и морского духовенства состояли 426 человек. Среди них были 74 протоиерея, 263 иерея (священника), 38 дьяконов и 51 псаломщик¹⁵⁰³. В ходе войны, к концу 1878 г., численность военного духовенства увеличилась до 499 человек. Протоиереев стало 108, иереев – 290, дьяконов – 50, псаломщиков – 51 человек¹⁵⁰⁴. Большинство священно- и церковнослужителей принимали участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Так же, как и во время предыдущих войн, они делили с солдатами и офицерами все тяготы походной жизни, отправляли богослужения, исправляли требы, утешали раненых, отпевали умерших, нередко во время сражений вдохновляли солдат своим собственным героическим примером. За проявленные мужество и самоотверженность многие священники были удостоены различных наград.

Согласно отчету обер-прокурора Святейшего Синода императору за 1877 г., в отчетном году «за оказанные отличия» духовные лица военного ведомства получили 83 награды: золотой наперсный крест на Георгиевской ленте – 13 человек, орден Св. Владимира 3-й степени – 5, орден Св. Владимира 4-й степени – 2, орден Св. Анны 2-й степени – 10, орден Св. Анны 3-й степени – 51, наперсный крест, выдаваемый от Святейшего Синода – 1, камилавку – 1 человек¹⁵⁰⁵. В отчете обер-прокурора за 1878 г. этот вопрос больше не поднимается, хотя награждения армейских священников за отличия в военных действиях продолжались.

Опираясь на архивные документы (доклады обер-прокурора Синода императору, формулярные списки военных священников, приказы об их

¹⁵⁰³ *Капков К.Г.* Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 38.

¹⁵⁰⁴ Там же.

¹⁵⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 619. Л. 18 об.

награждениях), а также периодическую печать, удалось установить, что за отличия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были награждены: золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте – 47 полковых священников, орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами – 5, тем же орденом без мечей – 1, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами – 12, орденом Св. Анны 2-й степени с мечами – 22, тем же орденом без мечей – 1, орденом Св. Анны 3-й степени с мечами – 77, наперсным крестом, выдаваемым от Синода – 1, камилавкой – 2, скуфьей – 3, палицей – 2 священника.

Подробный перечень священнослужителей с указанием их заслуг и полученных ими наград дается в приложении к диссертационной работе. В данный список, помимо полковых священников, включены также представители духовного сословия, не принадлежавшие к военному ведомству, но награжденные за служение в военно-временных госпиталях.

Делопроизводственная документация, львиную долю которой составляют послужные списки армейских священников и приказы об их награждениях, является основным видом источников по истории военного духовенства. Все эти документы в силу своей специфики краткие и лаконичные. Источников личного происхождения (писем, мемуаров, дневников), вышедших из-под пера представителей военного духовенства, за весь имперский период известно крайне мало, при этом период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на них наиболее богат. К подобным документам относятся: письма священника 9-го гренадерского Сибирского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего полка, благочинного 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева, записки священника 56-го пехотного Житомирского полка, благочинного 14-й пехотной дивизии Александра Цитовича, дневник священника 19-го пехотного Костромского полка Иоанна Софронова, походный дневник священника 8-го гренадерского Московского Великого Герцога Фридриха

Мекленбургского полка Анатолия Лебедева и воспоминания священника 138-го пехотного Болховского полка Григория Лапшина.

Письма Вакха Гурьева в 1880 г. были опубликованы в журнале «Русский вестник»¹⁵⁰⁶, через три года вышли отдельным изданием¹⁵⁰⁷, в 2007 г. были переизданы Государственной публичной исторической библиотекой России¹⁵⁰⁸. Записки Александра Цитовича дважды публиковались в 1878 г. – в газете «Церковно-общественный вестник» и в Прибавлениях к «Калужским епархиальным ведомостям»¹⁵⁰⁹. Походный дневник Анатолия Лебедева также был издан дважды в том же году – в газете «Современность» и отдельным оттиском из нее¹⁵¹⁰. Дневник Иоанна Софронова был опубликован в 1901 г. в «Сборнике материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове»¹⁵¹¹. Наконец, воспоминания Григория Лапшина были напечатаны в 1892 г. в «Вестнике военного духовенства»¹⁵¹². Несмотря на неоднократную публикацию (все издания вышли без предисловия и научных комментариев), эти документы до сих пор мало используются исследователями Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Что касается их авторов, то о Вакхе Гурьеве можно найти лишь самые краткие сведения в справочной литературе, об Александре Цитовиче, Иоанне Софронове, Анатолии Лебедеве и Григории Лапшине информации в историографии практически нет. Между тем содержащиеся

¹⁵⁰⁶ Гурьев В. Письма священника с похода 1877 и 1878 года // Русский вестник. 1880. Т. 145. С. 648–704; Т. 147. С. 621–664; Т. 148. С. 129–146, 581–611; Т. 149. С. 552–594; Т. 150. С. 120–157, 726–793.

¹⁵⁰⁷ Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 1883.

¹⁵⁰⁸ Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. (Далее ссылки на все цитаты даются по этому изданию.)

¹⁵⁰⁹ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 7. С. 125–129; № 8. С. 147–151.

¹⁵¹⁰ [Лебедев А.] Путевые наблюдения и заметки во время последней турецкой войны. Из походного дневника полкового священника Анатолия Лебедева. СПб., 1878.

¹⁵¹¹ Софронов И. Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–78 гг. // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 20. СПб., 1901. С. 77–93.

¹⁵¹² Лапшин Г., прот. Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. № 13. С. 397–412.

в записках священнослужителей наблюдения за происходившими во время похода событиями являются ценным источником для исследования духовно-религиозной составляющей Русско-турецкой войны. Проанализируем эти документы, а также с помощью архивных исследований попытаемся проследить жизненный путь их авторов.

Вакх Васильевич Гурьев родился 6 октября 1830 г. в слободе Новая Меловатка Богучарского уезда Воронежской губернии, в семье священника. В 1851 г. с отличием («с аттестатом 1-го разряда») окончил Воронежскую духовную семинарию, после чего в течение нескольких лет преподавал сначала в Бирюченском, а затем в Воронежском духовных училищах. 20 декабря 1853 г. он был рукоположен в священники и определен к Благовещенской церкви Новой Меловатки, в сентябре 1854 г. перемещен к Богословской церкви слободы Попасная того же Богучарского уезда¹⁵¹³.

В августе 1856 г. Гурьев переехал в Томск и стал священником городской Знаменской церкви. Природные дарования, отличное образование и старания пастыря вскоре обратили на него внимание Томского епархиального начальства. 27 ноября 1856 г. «за отличную ревность к служению церкви Божией» он был награжден набедренником, а 18 декабря 1858 г. «за составление назидательных Катехизических поучений» получил благословение Томского епископа Парфения (Попова)¹⁵¹⁴. В октябре 1859 г. священник был утвержден в должности законоучителя Томской губернской мужской гимназии, в июне 1861 г. назначен членом Комитета для составления «Церковно-исторического и статистического описания Томской епархии». В сентябре 1863 г. отец Вакх стал также законоучителем Томской Мариинской женской гимназии и с 1867 г. – священником церкви, состоявшей при этом учебном заведении. (От заведования приходом Знаменской церкви он был освобожден в

¹⁵¹³ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 603. Л. 41 об.

¹⁵¹⁴ Там же. Л. 42 об.

1866 г.). За успешное преподавание Закона Божия в двух гимназиях губернская администрация неоднократно поощряла его довольно значительными денежными вознаграждениями. По представлению Святейшего Синода 22 июля 1864 г. священник был награжден скуфьей¹⁵¹⁵. 12 августа 1870 г. по собственному прошению Гурьев был освобожден от всех занимаемых должностей и уволен за штат «для приискания нового места служения», получив при этом в награду 400 рублей серебром «за более чем 10-летнюю усердную и ревностную службу в Томских губернских гимназиях»¹⁵¹⁶.

«Новым местом служения» стало военное ведомство. 19 октября 1871 г. Вакх Гурьев был назначен полковым священником 10-го гренадерского Малороссийского Генерал-Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полка. Уже в новом качестве 8 апреля 1873 г. он получил следующую церковную награду – камилавку, а 21 октября того же года стал благочинным 3-й гренадерской дивизии. 4 июля 1875 г. Гурьев был переведен полковым же священником (с оставлением благочинным) в 9-й гренадерский Сибирский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего полк, с которым и принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.¹⁵¹⁷

В походе Вакх Гурьев находился ровно год: с 20 сентября 1877 г. по 25 сентября 1878 г. Практически все пережитое и пережитое им за это время он регулярно, «по свежим следам» отражал на страницах своих писем. Эта острота впечатлений и несомненный дар слова придали его запискам удивительный колорит. «Куй железо, пока оно горячо, – отмечает Гурьев, – пиши письма, описывай события, предметы, явления, пока все это непосредственно действует на твоё воображение, волнует тебе кровь; пропустишь эти неповторяемые моменты – и многое пропадет. В

¹⁵¹⁵ Там же. Л. 42 об.–45 об.

¹⁵¹⁶ Там же. Л. 45 об.–46 об.

¹⁵¹⁷ Там же. Л. 46 об.

подогретом супе далеко не тот вкус, что в свежем»¹⁵¹⁸. Поскольку все письма (за исключением двух, адресованных врачу А.И. Ваттерну) не содержат имени адресата (встречается лишь обращение «Мой друг»), имеют довольно значительный объем и написаны прекрасным литературным языком, то может показаться, что они не предназначались каким-то конкретным людям, а представляют собой известный в то время прием журналистики. Возможно, что так оно и есть. Тем не менее внимательное изучение текстов писем показывает, что все они написаны одному и тому же человеку женского пола («Будь здорова и храни, яко зеницу ока, святую простоту сердца»¹⁵¹⁹), хорошо знавшему особенности и привычки автора (например, его «боязнь высоты»¹⁵²⁰) и пославшему ему неоднократно упоминаемую пресловутую посылку с пирожками и печеньем, без малого полгода догонявшую своего хозяина¹⁵²¹. Скорее всего, это жена Вакха Гурьева Александра Владимировна. При этом не вызывает сомнений, что перед первыми публикациями, состоявшимися при жизни Гурьева, письма прошли авторскую литературную обработку. Об этом, в частности, свидетельствуют небольшое количество содержащихся в них «личных деталей», а также появившиеся во втором (отдельном) издании деление текста на главы и посвящение книги «Памяти незабвенного царя-освободителя, в Бозе почивающего, государя императора Александра Николаевича».

Во время войны Вакх Гурьев состоял при подвижном дивизионном лазарете, к которому был прикомандирован 8 августа 1877 г.¹⁵²² Поэтому основное внимание священника, разумеется, было приковано к внутренней и внешней жизни лазарета, к проблемам, с которыми постоянно сталкивались персонал и пациенты. Значительная часть этих проблем была вызвана не только объективными трудностями, но также

¹⁵¹⁸ Гурьев В. Указ. соч. С. 57.

¹⁵¹⁹ Там же. С. 232.

¹⁵²⁰ Там же. С. 123.

¹⁵²¹ Там же. С. 92, 112, 234.

¹⁵²² РГИА. Ф. 806. Оп 16. Д. 603. Л. 47 об.

непродуманностью и ошибками, допущенными чиновниками различных тыловых служб. В частности, рассказывая о лазаретном обозе, изготовленном накануне войны в Варшаве, отец Вахх подчеркивает, что, несмотря на презентабельный вид, он имел ряд недостатков: линейки (повозки) были слишком тяжелыми, широкими, громоздкими, неповоротливыми и недостаточно прочными. По словам священника, в походе как нельзя более оправдалась остроумная шутка одного генерала, осмотревшего обоз перед его выступлением: «Нужно будет написать Керим-паше¹⁵²³, чтоб он двигал свои армии только по шоссе-ным дорогам, потому что наши обозы не пригодны для проселочных»¹⁵²⁴. Действительно, по проселочным дорогам лазаретный обоз двигался крайне медленно, застревал в грязи, часто ломался, не укладывался в маршрутное расписание, постоянно отставая от своей воинской части на несколько переходов. Ситуацию осложняло также качество «перевозочных средств», то есть состояние лошадей, многие из которых оказались старыми, с подорванным здоровьем. Тем не менее, несмотря ни на что, в течение трех недель лазарет 3-й гренадерской дивизии преодолел расстояние от г. Люблина до р. Дуная, 10 октября 1877 г. благополучно совершил переправу и 24-го открыл свою деятельность в болгарском селении Трестеник-Семерет, в нескольких верстах от Плевны.

Когда 3-я гренадерская дивизия влилась в состав северо-западного отряда обложения Плевны, осада города была в полном разгаре. Гурьев называет Плевну «ненавистной», «адской геенной, поглотившей столько наших храбрых воинов»¹⁵²⁵, в то же время осознает и подчеркивает несомненную важность происходившего: «Здесь все убеждены, что центр тяжести настоящей войны... здесь, у нас, за Дунаем, около Плевны»¹⁵²⁶.

¹⁵²³ Абдул-Керим-Надир-Паша (1807–1885) – турецкий маршал (с 1876 г.), с начала войны до 23 июля 1877 г. главнокомандующий турецкими войсками на Дунае.

¹⁵²⁴ Гурьев В. Указ. соч. С. 256.

¹⁵²⁵ Там же. С. 28.

¹⁵²⁶ Там же. С. 45.

В течение первого месяца деятельности лазарета его основной контингент составили больные дизентерией, вспышка которой возникла в русской армии в связи с плохой водой и испортившимися в дороге сухарями. До решающего столкновения под Плевной число раненых было невелико, в то время как численность «дизентериков» вскоре в несколько раз превысила допустимое количество мест (лазарет был рассчитан на 83 человека, но уже через неделю в нем находилось 278 больных)¹⁵²⁷. В результате почти сразу сказалась нехватка продовольствия, медикаментов, перевязочных и постельных принадлежностей. Необходимые лекарства поступали в лазарет с большим опозданием, так как по решению полевого военно-медицинского управления аптечный склад располагался в г. Систово, на другом берегу р. Вида, в 70 верстах от Трестеника. В ненастное осеннее время по грязным, размытым дорогам путь туда занимал почти целую неделю.

Отец Вакх регулярно посещал больных, проводил богослужения, исполнял требы. Общение со священником благотворно действовало на моральное состояние пациентов лазарета, помогало им восстановить душевное равновесие. «Посмотрели бы вы, – пишет он, – с какой невыразимой отрадой встречают меня эти недугующие, страждущие! Многие со слезами радости и горячей молитвы прикладываются ко кресту, слабые подползают на коленях, а к самым слабым, не могущим повернуться, сам я подползаю...»¹⁵²⁸.

Нелегкой обязанностью Гурьева было отпевание и погребение умерших. Первые похороны скончавшегося от дизентерии рядового Малороссийского полка Макара Ситниченко поразили священника тем, что прошли без одной из самых необходимых в таких случаях вещей – гроба. Дивизия и лазарет стояли на Дунайской равнине – «среди голой безлесной пустыни», где «на десятки верст кругом ни единого деревца или

¹⁵²⁷ Там же. С. 31, 34.

¹⁵²⁸ Там же. С. 42.

кустика» и «дерево продается чуть не на вес золота». По словам отца Вакха, с большим трудом удалось тогда купить несколько старых досок, однако, по общему соглашению, было «признано более полезным и более человечным оставить их для общей квашни», то есть для печения хлеба больным, ибо «кормить их теми же сухарями, от которых они заболели», было «совершенно немыслимо»¹⁵²⁹. С наступлением холодов, по распоряжению начальства, умерших стали хоронить «не только без гробов, но и безо всякой казенной одежды, в одном белье», так как у многих солдат в полках не оказалось шинелей («растеряли или промотали во время похода»). Такая форма погребения, вызванная необходимостью «раздевать мертвых, чтобы спасти от холода живых», производила на душу Гурьева «тяжелое впечатление»¹⁵³⁰.

Отношения отца Вакха с солдатами и офицерами были доверительными. Несмотря на загруженность в лазарете, где священник, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, оказывал посильную помощь медицинскому персоналу, он регулярно навещал своих подопечных «сибирцев» на бивуаке, прямо под открытым небом проводил богослужения. Солдаты передавали ему на хранение ценные вещи, просили написать родным в случае своей гибели. По словам Гурьева, все они были полны сознания лежавшего на них высокого долга, однако не могли не испытывать определенного морального напряжения, вызванного близкой опасностью. Молитва воинов всегда была «искренней, теплой» и, несомненно, укрепляла их духовно.

Размышляя о значении веры на войне, отец Вакх заметил, что «шипение турецких пуль» и «ужасы кровавой битвы» разбудили религиозное чувство даже в тех, в ком оно было «парализовано до последней степени» (в молодых офицерах – «питомцах известного периода шестидесятых годов», выросших под влиянием идей Д.И. Писарева,

¹⁵²⁹ Там же. С. 32.

¹⁵³⁰ Там же. С. 45–46.

Н.Г. Чернышевского и др.). Гурьев пишет: «Говорят: кто в море не бывал, тот Богу не молился, а мы можем со своей стороны прибавить к этому, только не в отрицательной, а в положительной форме: кто в битве побывал, тот вере в Бога научился! Страшен этот урок, зато и памятен на всю жизнь»¹⁵³¹.

28 ноября 1877 г. под Плевной состоялось решающее сражение: турецкая армия Осман-паши предприняла последнюю отчаянную попытку прорвать осаду, но была разгромлена русскими войсками, занявшими город. В начале сражения Вакх Гурьев наблюдал за происходившим с возвышенности за лазаретом, потом отправился на поле боя, чтобы оказывать помощь раненым. По дороге он узнал, что «наши в Плевне». Представшая взору священника «необозримая картина» изуродованных и мертвых тел заставила его «на несколько минут оцепенеть от ужаса». Кругом стоял «раздирающий душу гул», в который сливались стоны и вопли раненых. До наступления темноты Гурьев бродил по полю битвы, пытаясь хоть как-то «облегчить ужасное положение несчастных страдальцев»: давал им коньяка, хлеба и сыра, накрывал шинелями, которые снимал с убитых, причащал, принимал предсмертные просьбы. Наконец, «невыразимо измучившись душой» и «порядочно устав» физически, отец Вакх «не выдержал и зарыдал»¹⁵³². «За отличие, оказанное в делах с турками при взятии г. Плевны», Гурьев был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁵³³.

После Плевненского сражения дивизионный лазарет переполнился ранеными: в него поступило около 1 тыс. человек¹⁵³⁴. Вновь сказалась острая нехватка всего самого необходимого. В это время Гурьев пишет:

¹⁵³¹ Там же. С. 142.

¹⁵³² Там же. С. 57–65.

¹⁵³³ В послужном списке Вакха Гурьева сказано, что орден Св. Анны был пожалован ему 17 июня 1878 г. (РГИА. Ф. 806. Оп 16. Д. 603. Л. 47 об.), однако письмо священника от 26 марта 1878 г. свидетельствует о том, что это произошло несколько раньше: «Вчера, на Благовещение, мы служили соборне, и в первый раз возложили на себя Высочайше пожалованные нам за Плевну ордена» (*Гурьев В. Указ. соч. С. 198*).

¹⁵³⁴ *Гурьев В. Указ. соч. С. 280.*

«работы свыше сил человеческих», «тяжело ужасно» и «оторваться нельзя»¹⁵³⁵. Врачи («друзья человечества») работали с восьми утра до трех часов ночи. А к обычным обязанностям отца Вакха добавились теперь новые: «уговаривать кричащих, успокаивать стонущих, ободрять приготовляемых к ампутациям, давать вино после тяжких операций, кормить молоком и яйцами безруких, безногих, а в свое время напоить чаем и весь наличный персонал врачей»¹⁵³⁶. Увещания священника действовали на нуждавшихся в ампутации воинов гораздо сильнее, чем аргументы врачей. Поэтому по просьбе хирургов он часто стоял возле операционного стола, находя нужные слова и благословляя тяжелораненых.

В начале ноября неоценимую помощь лазарету оказал летучий отряд Красного Креста, сотрудники которого привезли четыре телеги полезных вещей: белье, фуфайки, шапки, полушубки, сапоги, валенки, байковые одеяла, спирт, коньяк, чай, сахар, консервы, табак, махорку и различные аптечные материалы. «Но что всего важнее, – пишет Гурьев, – Красный Крест привез с собой свое христиански сострадающее, братское сердце, полное самого теплого участия к горькой судьбине наших страдальцев». В результате лазарет «совершенно переродился, просиял»¹⁵³⁷.

Отца Вакха, принявшего на себя хранение и раздачу раненым теплых вещей, «по единогласному заявлению врачей избрали на должность “сестры милосердия” и назвали членом Красного Креста»¹⁵³⁸. Через два года, 9 октября 1879 г., он получил Знак Красного Креста, установленный за участие в деятельности Общества во время войны 1877–1878 гг.¹⁵³⁹

К теме Красного Креста Гурьев обращается на страницах своих писем неоднократно. Он называет его «общим другом и благодетелем русской

¹⁵³⁵ Там же. С. 55.

¹⁵³⁶ Там же. С. 73.

¹⁵³⁷ Там же. С. 281–282.

¹⁵³⁸ Там же. С. 77.

¹⁵³⁹ РГИА. Ф. 806. Оп 16. Д. 603. Л. 65 об.

армии», «великим и святым учреждением»¹⁵⁴⁰. Священник подчеркивает также, что «деятели Красного Креста, раздавая свою щедрую помощь, везде предлагали ее от высочайшего имени государыни императрицы; а это имело громадный, широчайший смысл»¹⁵⁴¹. Что касается непосредственно сестер милосердия, число которых неожиданно для самого себя пополнил священник, то первая встреча с ними, состоявшаяся на вокзале в Яссах в сентябре 1877 г., произвела на него неблагоприятное впечатление. Гурьеву показалось тогда, что «эти барыни» слишком громко смеялись, «не стеснялись двусмысленными фразами, не скупилась на очень выразительные взгляды»¹⁵⁴². Однако в дальнейшем, познакомившись со многими сестрами, послушав лестные отзывы солдат и офицеров о их высоком самоотвержении, отец Вакх заявил, что берет свои слова назад. «Русская женщина в лице сестер милосердия воздвигла себе на полях Болгарии несокрушимый памятник», – вынужден был признать священник¹⁵⁴³.

Дивизионный лазарет, в котором служил Гурьев, пробыл в Плевне до 29 декабря 1877 г. В день выступления стало известно, что накануне, 28-го, русские войска взяли Шипку. Поэтому выступали из города «по окончании торжественного молебна, при всеобщем народном ликовании»¹⁵⁴⁴. Дальнейший путь лежал через Балканы. Преодолев Шипкинский перевал, 13 января 1878 г. лазарет открыл свою деятельность в г. Казанлык, где сразу же принял около 700 раненых, а вскоре начал ожесточенную борьбу с тифом, в ходе которой скончались несколько дивизионных врачей и фельдшеров.

Между тем русская армия разбила последние турецкие части, заслонявшие дорогу на Константинополь. 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, обеспечивший освобождение

¹⁵⁴⁰ Гурьев В. Указ. соч. С. 80, 138, 193, 277.

¹⁵⁴¹ Там же. С. 282.

¹⁵⁴² Там же. С. 4–5.

¹⁵⁴³ Там же. С. 110–111.

¹⁵⁴⁴ Там же. С. 100.

балканских народов от гнета Османской империи. После заключения мира русские войска несколько месяцев ожидали отправки домой. Воинская часть Гурьева долго стояла в г. Чорлу, где 18 апреля 1878 г. встретила Пасху. В конце августа она переместилась в г. Родосто, где вскоре погрузилась на пароходы и отправилась в Россию. 8 сентября гренадеры высадились в г. Николаеве, жители которого устроили им торжественную и вместе с тем теплую встречу, охарактеризованную Гурьевым как «просто прелесть, восторг»¹⁵⁴⁵. Роскошный букет, врученный священнику маленьким гимназистом со словами «Это вам, батюшка, за Плевну!», показался ему не менее дорогим, чем заслуженный орден¹⁵⁴⁶.

Помимо указанных выше наград, за участие в Русско-турецкой войне Вакх Гурьев получил также золотой наперсный крест, пожалованный ему Святейшим Синодом 19 сентября 1879 г.¹⁵⁴⁷ 28 марта того же года он был возведен в сан протоиерея¹⁵⁴⁸.

Александр Иоаннович Цитович родился 19 сентября 1845 г. в семье священника. В 1867 г. после окончания Могилевской духовной семинарии «со званием студента» практически сразу был определен священником в 56-й пехотный Житомирский полк. 14 января 1868 г. он был рукоположен в сан священника и менее чем через три недели приступил к исполнению своих обязанностей в полку. 23 марта 1871 г. за усердную службу отец Александр был награжден набедренником, в 1874 г. – скуфьей. В 1877 г. он был назначен благочинным 14-й пехотной дивизии¹⁵⁴⁹.

Цитович пробыл в походе с апреля 1877 г. по сентябрь 1879 г. Его небольшая по объему «памятная книжка», охарактеризованная им самим как «спешный, походный набросок очерка деятельности священников

¹⁵⁴⁵ Там же. С. 242.

¹⁵⁴⁶ Там же. С. 243.

¹⁵⁴⁷ РГИА. Ф. 806. Оп 16. Д. 603. Л. 66 об.

¹⁵⁴⁸ Там же.

¹⁵⁴⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 674. Л. 1–2; *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.–Белгород, 2012. С. 287.

14 пехотной дивизии во всю настоящую кампанию», явно предназначалась для публикации изначально, что подтверждает финальная фраза сочинения: «В запасе воспоминаний полковых и госпитальных священников найдется много сведений, полных глубокого значения и заслуживающих широкого распространения в обществе в качестве ценного исторического достояния»¹⁵⁵⁰.

Поведение и задачи армейских священников во время похода, при движении войск к Дунаю, отец Александр описывает так: «В походе все священники шли безотлучно в рядах войск своих частей и никогда не позволяли себе отлучаться в обоз, который постоянно отставал от отряда и отдыхал там, где ему вздумается. ... Солдат ежеминутно видел пред собою своего духовного отца, видел в нем пример терпения и радости. Во время похода деятельность священника, как и каждого офицера – невелика; нужно только, чтобы солдат не притворялся больным и не занимал бы таким образом место в лазаретной линейке, не отставал бы от своей части, чрез что растягивается и замедляется движение полка, наконец, чтобы солдат не пил грязной воды. Священник, врачи и дежурный офицер идут позади полка, и на всякого утомленного, отстающего солдата могут действовать нравственно-побудительно: “А ну, братец, крепись, не отставай, вот скоро привал; а там и рюмка водки, и теплый и сытный обед, и двух-трехчасовой отдых тебя ожидают, подтянись, подтянись, братец”»¹⁵⁵¹.

13 июня 1877 г., накануне переправы через Дунай, 14-я пехотная дивизия остановилась на дневку в с. Бей-Румыния, в 18 верстах от Зимницы. Цитович передает духовно-религиозное настроение, царившее в это время в войсках. Он констатирует, что после молебнов, отслуженных священниками во всех полках по приказу командующего дивизией

¹⁵⁵⁰ Цитович А. Указ. соч. // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 8. С. 151.

¹⁵⁵¹ Там же // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 7. С. 125–126.

генерал-майора М.И. Драгомирова, масса «житомирцев» обратилась к нему с просьбой отслужить им молебен «отдельно в каждой роте»: «одна рота просит молебен святителю Николаю, другая – Иоанну-воину, третья – великомученику Георгию-Победоносцу, четвертая – акафист Спасителю, пятая – акафист Пречистой Деве». Во время этого трехчасового священнодействия отец Александр внимательно наблюдал за солдатами: «Каждый переполнен был религиозным воодушевлением и хотел найти успокоение себе в молитве. ... Это задушевное, неподдельное моление тысячи воинов, предназначенных к грозно-кровавому делу, производило невыразимое впечатление. Я сам был растроган до слез; мысли чужды были земле; душа была переполнена самою высокою верою и надеждою на Бога»¹⁵⁵². «В пять часов, – продолжает Цитович, – собрались ко мне все священники дивизии и, словно сговорясь, передали, что при служении молебна настроение духа в полках было нравственное-цельное, глубоко прочувствованное»¹⁵⁵³.

Во время переправы через Дунай и развернувшегося на турецком берегу сражения армейское духовенство находилось на перевязочном пункте. Поскольку все санитары были заняты переноской раненых, а фельдшеры помогали врачам, Цитович распорядился, чтобы церковнослужители «безостановочно» доставляли свежую холодную воду и удовлетворяли жажду пациентов. Священники «первым долгом успокаивали раненых», уверяя, что раны их не смертельны, оперируемых «убеждали быть спокойными». Тяжелораненых, находившихся в сознании, они исповедовали и причащали, безнадежным, пребывающим в «беспамятном уже состоянии», читали отходную молитву. Последующие два дня священники хоронили убитых, «как своих, так и неприятельских»¹⁵⁵⁴. В сентябре 1877 г. «за отличие при переправе через Дунай в ночь с 14 на 15 июня 1877 г.» благочинный 14-й пехотной дивизии

¹⁵⁵² Там же. С. 126–127.

¹⁵⁵³ Там же. С. 127.

¹⁵⁵⁴ Там же. С. 128–129.

Александр Цитович и один из его подчиненных – священник 54-го пехотного Минского полка Доримедонт Твердый были награждены орденами Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁵⁵⁵.

Во время стоянок в Болгарии полковые священники каждый воскресный и праздничный день совершали богослужения «на открытом воздухе в степи», после чего произносили поучения на различные темы: «жить с болгарами дружно, мирно, не обижать, за взятую вещь платить по стоимости, не пьянствовать, на постах быть зоркими, бдительными, не позволять себе заснуть, чтобы таким образом не дать врагу возможности застать нас врасплох»¹⁵⁵⁶.

Самым тяжелым испытанием для отца Александра и подведомственного ему духовенства стало участие в обороне Шипки. 11 августа 1877 г., преодолев накануне в течение суток форсированным маршем более 50 верст «при сильнейшей жаре и недостатке пищи», Житомирский и Подольский полки прибыли на Шипку, а на следующее утро были введены в бой. Это был уже 4-й день ожесточенного шестидневного сражения (9–14 августа), в ходе которого русские войска не позволяли превосходящим силам армии Сулеймана-паши захватить Шипкинский перевал. «Стоял отчаянный бой, – пишет Цитович, – в воздухе слышался один общий гул от тысячного свиста пуль и разрывных гранат; позиции переходили из рук в руки. Раненые громадными массами являлись на перевязочный пункт. Тревожное состояние еще более увеличилось, когда узнали, что ранен начальник дивизии, генерал Драгомиров, и что враг наш далеко превосходит нас своими силами. Действительно с трех сторон мы были окружены турками и только дорога в Габрово была свободна. Бой настолько был ожесточенный и упорный, что подвести сражающимся не только пищи, но даже воды не было возможности. Что войска наши вытерпели в эти дни, один Бог знает. На

¹⁵⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 271.

¹⁵⁵⁶ Цитович А. Указ. соч. // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 8. С. 147.

перевязочном пункте все также ничего почти не ели в дни 12 и 13 августа. Наконец, к нам приехал корпусный интендант. Часа через два после того прислано было 8 пудов сухарей, 2 пуда круп, голова сахару и два фунта чаю. Болгары также привезли от себя ведер 6 водки, ведра два вина, пудов 6 листового табаку. Корпусный хирург обратился ко мне с просьбою принять все это в свое распоряжение и раздавать раненым»¹⁵⁵⁷. Во время сражения священники 14-й дивизии выполняли свои обычные обязанности на перевязочном пункте: «уговаривали раненых, напутствовали умирающих и погребали скончавшихся, кормили, поили и вообще служили при раненых словом и делом. Церковники же заняты были носкою воды»¹⁵⁵⁸. Чтобы облегчить положение утомленных до изнеможения санитаров, отец Александр попросил болгар, из любопытства собравшихся на перевязочном пункте, помочь носить раненых, на что «в ту же минуту» получил их согласие. Во избежание каких-либо неприятных эксцессов священник назначил к каждому носилкам одного русского солдата-санитара и троих болгар, все это значительно ускорило процесс¹⁵⁵⁹. 1 декабря 1877 г. «за отличия во время обороны Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» Александр Цитович был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁵⁶⁰.

По итогам этого сражения обе стороны остались на своих позициях. Началось изнурительное, более чем четырехмесячное «шипкинское сидение», все тяготы которого священники переносили вместе с войсками. «Мы терпели горе и беду с двух сторон: от грозной и суровой балканской погоды и от неприятеля, – отмечает отец Александр. – Гора св. Николая, где стояла наша дивизия, имеет более 500 ф. высоты и потому почти постоянно бывает покрыта облаками, туманом, и слабогрудому просто смерть было здесь жить. С 1 сентября у нас началась отвратительная

¹⁵⁵⁷ Там же. С. 148.

¹⁵⁵⁸ Там же.

¹⁵⁵⁹ Там же. С. 149.

¹⁵⁶⁰ *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. С. 287.

погода: дождь, грязь, слякоть, а с 15 числа даже выпал снег. Жили мы в ложементов, в земле, в постоянной сырости; стены ложементов всегда были покрыты дождевыми каплями, нас окружал холод невыносимый, так как дверей, плотно затворяющих ложементы, нельзя было сделать; при сильном дожде явилась течь самая надоедливая... Перейти из ложемента в ложемент, принести воды или дров каждый из нас совершал с опасностью потерять жизнь... Только ночью мы спокойно выползали из ложементов, чтобы расправить кости и свободнее вздохнуть воздухом. Погребение умерших, а также служение молебнов мы совершали ночью, или же при сильном тумане, когда ничего не видно врагу, что у нас делается. А сколько было несчастных случаев ранения при служении! Бывало, отправляется погребение, вдруг неприятель пускает гранату по собравшейся кучке солдат, и вы слышите команду “ложитесь”, и ложишься в облачении на землю, притаив дыхание... Превосходно один из русских проповедников охарактеризовал Шипку, назвав ее Голгофою, где постоянно проливалась кровь христианская за своих собратий – христиан»¹⁵⁶¹.

На Рождество Христово священники совершили торжественное богослужение на самой позиции, около ложемента командующего дивизией. Турки дважды пустили в сторону молящихся разрывные гранаты, но оба раза они зарылись в снег и не разорвались.

27–28 декабря 1877 г., в дни решающего сражения за Шипку, закончившегося победой русских войск, священникам, по словам Цитовича, пришлось работать в еще более тяжелых условиях: «Перевязочный пункт... устроен был в котловине между тремя вершинами балканских гор, на которых стояли наши батареи. Громадная масса выстрелов, как из наших орудий, так и из турецких, потрясали сарай, в котором он помещался. ... Нужно было бороться с поранениями, с

¹⁵⁶¹ Цитович А. Указ. соч. // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 8. С. 149–150.

трескучим морозом, с недостатком воды для питья и обмывки ран, с недостатком полушубков для укутывания раненых, – словом кругом нас только и были – плач, стоны и смерть. Священники заботились первым долгом согреть раненых полушубками, чаем и поддерживанием костров. Воды совершенно нельзя было принести, а потому церковники набирали в солдатские манерки снег и таяли его для питья»¹⁵⁶². В 1879 г. «за отличие на Шипке 28 декабря 1877 г.» Александр Цитович был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами¹⁵⁶³.

Иоанн Павлович Софронов (Сафронов) родился 11 ноября 1843 г. в семье священника. В июле 1867 г. окончил Курскую духовную семинарию. 21 мая 1868 г. епископом Курским и Белгородским Сергием (Ляпидевским) был рукоположен в священники и определен к Николаевской церкви села Старицы Белгородского уезда Курской губернии. 9 октября 1870 г. по собственному прошению отец Иоанн был назначен священником 4-го Кавказского линейного батальона. 5 сентября 1874 г. он был переведен в 19-й пехотный Костромской полк, с которым и принял участие в войне 1877–1878 гг. Уже после начала военных действий, 17 октября 1877 г., Софронов был назначен благочинным 5-й пехотной дивизии¹⁵⁶⁴.

Согласно послужным спискам Иоанна Софронова, в походе он находился с 12 апреля 1877 г. по 11 июля 1879 г.¹⁵⁶⁵ Его дневник охватывает период с 22 июня по 15 июля 1877 г.

15 апреля 1877 г. 19-й пехотный Костромской полк в составе 9-го армейского корпуса выступил из м. Браилов Каменец-Подольской губернии и через десять дней вступил в Румынское княжество, по которому проследовал к Дунаю. 25 июня «костромичи» переправились

¹⁵⁶² Там же. С. 151.

¹⁵⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133.

¹⁵⁶⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 124. Л. 93–94 об.

¹⁵⁶⁵ Там же. Л. 96 об.

через Дунай¹⁵⁶⁶. 29 июня, находясь в селе Пятикладенцы, они отметили свой полковой праздник. Этот «день, – пишет отец Иоанн, – как великий для полка, начался молитвою. В 9 часов утра, на открытом воздухе, полк построился покоем; посредине, вместо аналая, поставлен был небольшой походный столик, покрытый красным сукном, на который поставлен полковой образ и положены крест и евангелие. К сему времени приехал наш начальник дивизии со своим штабом, полковая музыка заиграла марш, начальник поздоровался с полком, поздравил с праздником, и я начал служить молебствие, на котором пели г.г. офицеры, а по окончании молебствия мною сказана краткая речь, в которой я напоминал своим слушателям, с каким самоотвержением св. покровители полка (святые апостолы Петр и Павел. – *Л.М.*) исполняли свои апостольские обязанности, при распространении св. веры Христовой, и мы, как последователи и защитники св. веры, должны следовать примеру наших покровителей, и проч. По окончании уже богослужения приехал наш корпусный командир, поздоровался и поздравил полк с праздником, он окружил себя г.г. офицерами и солдатами, напомнил о долге и присяге каждого и в заключение сказал, что он своим ходатайством пред государем императором не оставит заслуг, но, в свою очередь, строго будет наказывать за дурные и недостойные поступки русского воина. К немалому удивлению нашему, у командира полка каким-то образом нашлась бутылка шампанского, и вместо бокалов наполнили походные стаканчики и выпили за здоровье государя императора, за главнокомандующего и за полк»¹⁵⁶⁷.

Совершив несколько переходов, 8 июля 1877 г. 19-й пехотный Костромской полк принял участие в сражении под Плевной, где понес колоссальные потери. Отец Иоанн справедливо называет этот день

¹⁵⁶⁶ Там же. Л. 97.

¹⁵⁶⁷ *Софронов И.* Указ. соч. С. 79–80.

«злосчастливым для полка»¹⁵⁶⁸. В начале сражения священник с возвышенности наблюдал в бинокль за происходившим и «мысленно молил Господа, чтобы он даровал нам победу над неприятелем». Затем он спустился к лазаретным линейкам, куда уже «потянулись непрерывною нитью раненые офицеры и солдаты». На перевязочном пункте отец Иоанн утешал раненых «словом и надеждою на Бога, что он поможет им перенести страдания и исцелит их от ран». Желавших (как правило, тех, которые «чувствовали себя очень слабыми») он исповедовал и приобщал святых тайн. Когда лазаретные линейки, до которых уже стали долетать неприятельские пули, отодвинулись на версту назад, Софронов через болгарского архимандрита, знавшего русский язык, обратился к наблюдавшим за сражением болгарам с просьбой помочь переносить русских раненых на перевязочный пункт. Из 300 болгар более 100 человек откликнулись на этот призыв и тут же «бросились бегом, пешие и на ослах, по направлению к Гривице (деревне, где была позиция полка. — Л.М.) спасти наших раненых»¹⁵⁶⁹.

Через несколько часов Иоанн Софронов отправился на позицию и попал под обстрел. «...Едва я поднялся на возвышенность, — пишет священник, — ...как снаряд с шумом пронесся над моею головою и упал в нескольких шагах от меня, поднявши массу пыли, но к великому счастью снаряд не разорвало, только обдало меня пылью. Пули с визгом и каким-то неприятным шипением падали там и сям и расстроили мои нервы до того, что я на несколько минут потерял сознание, то есть как бы не существовал, но, придя в себя, я начал убираться из сферы огня». Вскоре от шедших ему навстречу раненых отец Иоанн узнал, что убит командир полка полковник И.М. Клейнгауз, и что в целом полк понес тяжелые потери. От этих скорбных известий священник расплакался, но быстро взял себя в руки и принялся успокаивать поддававшихся панике воинов. Так, на крик

¹⁵⁶⁸ Там же. С. 83.

¹⁵⁶⁹ Там же. С. 85–86.

раненного в обе ноги унтер-офицера «Батюшка наш родимый, молитвенник ты наш, разбили нас, начальство наше перебили, пропали мы!» отец Иоанн спокойно ответил: «Перекрестись, успокойся, что ты, Господь с тобой! Слышишь выстрелы, наши еще дерутся и добивают турок». От этих простых слов тот «немного пришел в себя и стал усердно креститься»¹⁵⁷⁰.

Иоанн Софронов попытался организовать вынос с поля боя тела убитого командира полка, однако не преуспел в этом. Полковые музыканты, которым он дал это поручение, трусили: сначала «направились к месту побоища», но вскоре «стали удирать и прятаться за стога»¹⁵⁷¹. Впоследствии священник очень сожалел о том, что тело полковника И.М. Клейнгауза, «этого достойного и доброго человека, оставили на поле битвы»¹⁵⁷².

Когда прозвучал сигнал к отступлению, и лазаретные линейки тронулись в путь, отец Иоанн по совету старшего врача Орнацкого обратился к командиру встретившейся им 1-й бригады Кавказской казачьей дивизии полковнику И.Ф. Тутолмину с просьбой прикрыть отход перевязочного пункта и выслать телеги для подбора отставших раненых, а затем, добравшись до обоза, уже по распоряжению и от имени И.Ф. Тутолмина, отправил для этой цели к Плевне еще несколько фур¹⁵⁷³. Отец Иоанн обращает также внимание на то, что полтора десятка повозок (каруц) предоставили для перевозки раненых жители болгарских деревень. Более того, благодаря болгарам, сообщившим русскому командованию о намерении татар из Трестеника передать в Плевну записку о слабом прикрытии русского обоза с ранеными, удалось избежать опасности

¹⁵⁷⁰ Там же. С. 86.

¹⁵⁷¹ Там же. С. 87.

¹⁵⁷² Там же. С. 90.

¹⁵⁷³ Там же. С. 87–88.

нападения турецких войск на лазаретные линейки: злоумышленники были схвачены, обысканы и расстреляны¹⁵⁷⁴.

В сражении под Плевной 8 июля 1877 г. 19-й пехотный Костромской полк потерял убитыми 7 офицеров и более 300 солдат, ранеными – 15 офицеров и более 600 солдат. Через неделю остатки полка прибыли в Никополь. Иоанн Софронов ежедневно навещал раненых, погребал умерших от ран. 11 июля 1877 г. он отслужил панихиду по погибшим воинам и молебн о здравии живых¹⁵⁷⁵.

С прибытием существенно поредевшего полка в Никополь дневник Софронова заканчивается. Согласно послужным спискам отца Иоанна, «костромичи» находились там до 24 ноября 1877 г., в декабре того же года в составе отряда генерал-адъютанта И.В. Гурко они перешли Балканы. 16 января 1878 г. 19-й пехотный Костромской полк вступил в Адрианополь. Позднее он был переведен в Филиппополь, где в составе войск 9-го армейского корпуса находился до окончания оккупации. 10 июля 1879 г. Иоанн Софронов со своими подопечными отбыл из Бургасского порта и на следующий день высадился в Севастополе. 2 августа 1879 г. полк прибыл на постоянные квартиры в г. Глухов¹⁵⁷⁶.

14 июля 1879 г. за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. отец Иоанн был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. В дальнейшем список его наград пополнили также камилавка, полученная им 4 октября 1880 г., и наперсный крест, выданный ему Святейшим Синодом 23 апреля 1884 г. «за отлично-усердную службу»¹⁵⁷⁷.

Наш четвертый герой – Анатолий Андреевич Лебедев родился в 1853 г., также в семье священника. В 1875 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию «со званием студента» и был определен псаломщиком к церкви Таврического дворца. В октябре 1875 г.

¹⁵⁷⁴ Там же. С. 89.

¹⁵⁷⁵ Там же. С. 90–91.

¹⁵⁷⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 124. Л. 97–97 об.

¹⁵⁷⁷ Там же. Л. 94 об.–95 об.

он занял должность учителя в Санкт-Петербургском Александро-Невском духовном училище: в «приготовительном классе» – по всем предметам и в первом классе – по русскому языку. 25 мая 1877 г. Лебедев был рукоположен в духовный сан и назначен священником 8-го Гренадерского Московского Великого Герцога Фридриха Мекленбургского полка. 14 июня 1877 г. отец Анатолий прибыл к своему полку, с которым через три месяца, 16 сентября, отправился на театр военных действий¹⁵⁷⁸. В походе он находился ровно год, до 15 сентября 1878 г. 28 ноября 1877 г. Лебедев принял участие в сражении при падении Плевны, за что 26 марта 1878 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁵⁷⁹.

Отметим, что в походном дневнике отца Анатолия об этом, равно как о военных действиях вообще, ничего не говорится. Основное внимание священника приковано к освобождаемым «братьям» – болгарам, а также к стране, в которой они проживают. Рассмотрим этот важный вопрос, дополнив наблюдения Лебедева сведениями на ту же тему из писем Гурьева, дневника Софронова и воспоминаний Лапшина. В последних речь идет о пребывании 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии после заключения Сан-Стефанского мира (главным образом, о стоянке в Видине), поэтому основными темами являются взаимоотношения однопольчан с местными жителями и их борьба с инфекционными заболеваниями. (Что касается записок Цитовича, то в них болгары упоминаются лишь один приведенный выше раз в связи со сражением за Шипку).

Приступая к анализу восприятия болгар священниками, следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, которое в последние годы уже отмечалось в историографии. Дело в том, что у большинства россиян, до войны слабо представлявших себе реальную жизнь на Балканском полуострове, под влиянием церковных проповедей и

¹⁵⁷⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1238. Л. 1–2.

¹⁵⁷⁹ Там же.

сообщений прессы об Апрельском восстании 1876 г. и турецких экзекуциях в Болгарии сформировался абстрактный образ болгарских «братушек» (нищих, забитых единоверцев, с нетерпением ожидавших русских освободителей и готовых оказать им всевозможное содействие), который при непосредственном знакомстве с ними претерпел определенную трансформацию. В частности, белгородский историк Е.А. Сучалкин показал, что многие современники явно не ожидали увидеть на Балканах сравнительно зажиточное болгарское население, по-разному встречавшее русские войска (наряду с гостеприимством и теплыми приветствиями нередко были проявления сдержанности и корыстного завышения цен на продовольствие), по-разному оценивалось и участие болгар в собственном освобождении: от довольно слабого до существенного¹⁵⁸⁰. Изучив значительный комплекс записок, принадлежавших военнослужащим, волонтерам, врачам, медицинским сестрам и общественным деятелям, Е.А. Сучалкин практически «оставил за кадром» свидетельства полковых священников. Между тем анализируемые нами материалы существенно дополняют характеристику образа болгар в восприятии российских участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ибо содержат ценные наблюдения не только за материальной, но и духовной жизнью болгар: их религиозностью, семейным укладом, положением болгарского духовенства, состоянием местных православных храмов. От внимания священников не укрылись и непростые взаимоотношения болгар с греками, особенно обострившиеся после решения Константинопольского собора 1872 г. о болгарской схизме. Значительное место в записках духовных лиц занимают также факты, свидетельствующие об отношении болгар к русским и туркам в ходе войны. Акцентируем внимание на этих вопросах.

¹⁵⁸⁰ Сучалкин Е.А. Трансформация представлений российских участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. о материальном состоянии болгар // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 140–145; Сучалкин Е.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. С. 88–132.

Первое впечатление, произведенное болгарами на русских священников, было не слишком благоприятным. Анатолий Лебедев пишет: «Наружный вид болгар непривлекателен. Грязное лицо и руки, всклоченные волосы, суровый взгляд, войлоковые или толстые штаны, теплая куртка, по поясу большой красный кушак или просто полотенце, на голове чалма с черной повязкой или, по преимуществу у молодых, красная феска, на ногах сандалии из необделанной бараньей или воловьей шкуры, за поясом нож. Женский пол ходит в рубахах и сарафанах, волоса в одну косу, на ногах башмаки или деревянные сандалии»¹⁵⁸¹. Жилищем болгар в придунайских селениях служили землянки или «небольшие халупы, сделанные из хвороста и глины, с небольшим окошечком». Внутри – земляной пол и нары, «заменяющие мебель и кровать»¹⁵⁸².

Несмотря на непрезентабельный внешний вид жителей болгарских селений и убогую обстановку их домов, отец Анатолий приходит к выводу, что «на самом деле люди здесь вовсе не так бедны». «О земле, – пишет он, – понятно, и речи быть не может: ее с избытком приходится на долю каждого. Производительность почвы богатая; луга роскошные. На них пасутся огромные стада болгарские – овец, баранов, коз и волов. Многие, кроме того, имеют “парички и златицы” (монеты. – Л.М.), как они выражаются. Но все эти богатства у болгар скрыты: живое богатство – скот пасется в горах, металл хранится в земле. И болгарин ни за какие деньги не выдаст вам тайны своего состояния»¹⁵⁸³. По свидетельству священника, привыкшие к поборам болгары поначалу отказывали русским военным в продовольствии («Нема, братушка... Турка забирал!»), а когда убедились, что им предоставляется за это денежная компенсация, «стали с жадностью бросаться на наши златицы», значительно завышая цены. Нередко встречались даже случаи откровенного обмана, когда за одного

¹⁵⁸¹ Лебедев А. Указ. соч. С. 7.

¹⁵⁸² Там же.

¹⁵⁸³ Там же.

вола приходилось платить дважды: настоящему хозяину и подставному лицу, утверждавшему, что животное у него украли и продали русским¹⁵⁸⁴.

Подобные факты вызывали возмущение россиян, составивших о болгарях нехорошее мнение¹⁵⁸⁵. Причинами столь нерадушного отношения «братьев» к своим освободителям Анатолий Лебедев считает их многолетнюю привычку хитрить и обманывать, приобретенную «в рабстве», и неуверенность в завтрашнем дне. «Исход войны, – пишет он, – был неизвестен; болгары не знали, останется ли у них прежний господарь, или будет новый. Нисколько не удивительно, если по нашем уходе отсюда на вымогательства турка братушки будут отвечать ему: “Нема, братушка... Все рус забирал!”»¹⁵⁸⁶. Именно неуверенностью болгар в благополучном исходе войны, а также страхом мести со стороны турок за радушие к русским войскам (как это нередко случалось после прежних войн России с Турцией) объясняли сдержанное и порой недоверчивое отношение местных жителей к своим освободителям и другие участники похода¹⁵⁸⁷.

¹⁵⁸⁴ Там же. С. 7–8.

¹⁵⁸⁵ В частности, генерал-лейтенант П.Д. Зотов писал в своем дневнике: «Ближайшее знакомство с болгарями располагает к ним все менее и менее. Я в этой нации не нахожу никаких симпатических черт: они весьма сходны с евреями, отличительная черта – это страсть к наживе денег, и эксплуатируют они нас же, своих спасителей» (*Зотов П.Д. Дневник // Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001. С. 115*). О недружелюбном и корыстном отношении болгар к российским участникам войны см. также: [*Боткин С.П.*] Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 98, 343, 353–354; [*Верещагин В.В.*] На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. М., 1902. С. 121, 127; [*Волков А.А.*] Война 1877–78: Записки унтер-офицера А.В. СПб., 1902. С. 27, 42; и др.

¹⁵⁸⁶ *Лебедев А.* Указ. соч. С. 8.

¹⁵⁸⁷ Например, С.П. Боткин писал: «Конечно, другой вопрос, кого винить в этой неприветливости; разумеется, всего меньше – болгар; виноваты турки, а потом и мы, с постоянной нашей помощью, которая приносила болгарам пока больше вреда, чем пользы. После какой турецкой войны участь болгар улучшалась? Я не знаю» ([*Боткин С.П.*] Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. С. 354). В.В. Верещагин рассуждал: «Надобно прибавить еще неуверенность, бывшую у болгар в том, что на этот раз русские братушки доведут дело освобождения от господства турок до конца и что снова не случится того, что бывало после прежних наших войн с турками, когда заключивши более или менее выгодные условия для себя и выговоривши на бумаге забвение вин для всех туземцев, зарвавшихся в деле оказания помощи нашим войскам и сопротивления своим – мы уходили, фактически предавая наших сторонников гневу и ярости турок, вымещавших свое бессилие перед нами на них, их семьях, их

Вакх Гурьев объясняет недружелюбие болгар случаями мародерства, иногда имевшими место в румынской и русской армиях, а также неумением военных найти правильный подход к местным жителям: «Неприветливо встречают нас братушки-болгары и по весьма простой и резонной причине: в течение нескольких месяцев проходят здесь чуть не ежедневно и целыми тысячами то русские, то румыны и немилосердно обирают болгар: смотреть за всем нельзя, да в походе и не церемонятся»¹⁵⁸⁸. «Многие укоряют болгар в том, что они припрятали от нас свои продовольственные запасы, — отмечает священник позднее. — Укоризны эти совершенно несправедливы: если с болгарями обходиться ласково, исправно выплачивать стоимость забираемых продуктов звонкою монетой, а не бумажными квитанциями, с которыми они не знают, что делать, то у них всегда можно достать по крайней мере самые важные продукты продовольствия — муку и мясо»¹⁵⁸⁹. Отец Вакх приводит примеры доброжелательного отношения «братушек» к русской армии и цитирует слова одного из жителей Плевны, согласно которым «болгары еще со времен императрицы Екатерины Великой не переставали верить, что Россия рано или поздно непременно освободит их от турецкого ига», «они не теряли никогда своей заветной надежды на братьев-русских» и теперь «твердо убеждены, что час их освобождения скоро пробьет»¹⁵⁹⁰. Священник утверждает, что победы русской армии приводили болгар «в неописанный восторг»¹⁵⁹¹, и с видимым удовольствием описывает бурную оvation, устроенную ему жителями Трестеника после произнесения им в конце Рождественской службы «многолетия всероссийскому, румынскому, сербскому, черногорскому христолюбивому воинству и защитникам своего

имуществах» ([*Верещагин В.В.*] На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. С. 127.)

¹⁵⁸⁸ Гурьев В. Указ. соч. С. 19.

¹⁵⁸⁹ Там же. С. 101.

¹⁵⁹⁰ Там же. С. 99.

¹⁵⁹¹ Там же. С. 104.

многострадального Отечества – болгарским дружинам»¹⁵⁹². «Эта неожиданная овация сильно меня тронула, – признается Вакх Гурьев. – Нет, несправедливы те, кто укоряют болгар в недружелюбии к нам, – это совершенная неправда; нужно только уметь говорить и обращаться с народом, нужно уметь затронуть и вызвать его истинные чувства; а высокомерным отношением, несправедливыми укоризнами, грубостью не вызовешь, конечно, этих истинных народных чувств. И многим нашим неразборчивым укорителям и поносителям болгар мне хотелось бы напомнить изречение: врачу, исцелися сам...»¹⁵⁹³. Иоанн Софронов отмечает, что в конце июня 1877 г. жители Систова отнеслись к пришедшим русским войскам довольно настороженно: они «как бы куда попрятались; правда, изредка на улицу показывался братушка, но он жался к стене и спешил куда-либо скрыться». При этом в «первой же обитаемой болгарами хатке» священника «приняли с неподдельным радушием»¹⁵⁹⁴. Русские воины, в свою очередь, в собственном лагере принимали болгар гостеприимно и оказывали разнообразную помощь тем из них, кто в чем-либо нуждался. Так, отец Иоанн сообщает, что в начале июля 1877 г. во время стоянки 19-го пехотного Костромского полка под Трестеником к ним в лагерь «ежедневно приходили болгары, бежавшие из различных мест от турок, так что их собралось около 200 человек; одни из них с косами, другие с топорами и прочими хозяйственными принадлежностями; в числе этого сборища были и женщины. Солдаты наши, движимые чувством сострадания, питали их своими сухарями и оделяли по возможности горячею пищею»¹⁵⁹⁵. А 7 июля 1877 г. во время стоянки у деревни Згалуицы солдаты полка отбили болгар, мирно убиравших хлеб, у напавших на них черкесов и башибузуков. Восемь раненых болгар были

¹⁵⁹² Там же. С. 95.

¹⁵⁹³ Там же. С. 95–96.

¹⁵⁹⁴ Софронов И. Указ. соч. С. 78.

¹⁵⁹⁵ Там же. С. 81.

принесены в полковой лазарет, где медики обработали и перевязали их раны¹⁵⁹⁶.

После заключения Сан-Стефанского мира болгары относились к русским войскам в основном с благодарностью и радушием. Так, Григорий Лапшин отмечает, что 24 марта 1878 г. жители Видина встретили 138-й пехотный Болховский полк «с большою торжественностью и радушием, весь город украсился флагами и цветами, все жители вышли на берег Дуная, – представители города по славянскому обычаю с хлебом-солью, а духовенство с крестным ходом, громкое “ура” и “живио” не умолкали. В тот же день для офицеров и нижних чинов предложен был радушный и обильный обед»¹⁵⁹⁷. Священник вспоминает, что митрополит Видинский Анфим (бывший экзарх Болгарский) по возвращении из ссылки в свою епархию 7 августа 1878 г. «со слезами на глазах высказал свою радость, видя болгарский народ свободным от ига турецкого, перечислил жертвы, принесенные русским народом за болгар, и именем Божиим и слезно убеждал болгар помнить и вечно благодарить русского императора и русский народ за все эти жертвы, при этом просил все хорошее перенимать и усвоить, – учиться у старшего брата. Вид плачущего старца, его полная убеждения и чувства речь имели поражающее впечатление; с ним плакала почти вся церковь»¹⁵⁹⁸. Накануне выступления 138-го пехотного Болховского полка из Видина, 5 октября 1878 г., болгары «с истинно славянским радушием» угощали солдат и офицеров. После обеда были устроены игры и пляски, в которых принимали участие, как русские, так и болгары. «Глядя на эту оживленную картину, – пишет отец Григорий, – на смешенные группы людей, обнимающихся и целующихся, видно было, что нижние чины полка успели сблизиться и сдружиться с обывателями; и

¹⁵⁹⁶ Там же. С. 83.

¹⁵⁹⁷ *Лапшин Г.* Указ. соч. С. 399–400.

¹⁵⁹⁸ Там же. С. 407–408.

действительно, за все время стоянки полка в Видине не было ни одного случая столкновения или неприятности с местными жителями»¹⁵⁹⁹.

Вакх Гурьев обращает внимание на заботу болгар о могилах русских воинов: «У болгар есть обычай часто посещать особенно свежие могилы, чьи бы они ни были, и поливать их водой, непременно в том месте, где голова умершего... Почти в продолжение целого месяца я ежедневно встречаю на кладбище какую-нибудь старушку-болгарку с большим кувшином свежей воды, и когда осмотрю вчерашние и прежние могилы наших бедных солдатиков, непременно нахожу, что все они политы, и на них наложены сухие васильки или чернобривци-бархатки. До слез меня трогает этот обычай...»¹⁶⁰⁰.

Характеризуя болгар с духовно-нравственной стороны, священники неоднократно подчеркивают их необразованность и «забитость». Анатолий Лебедев довольно резко заявляет: «Наши братушки придунайские и забалканские все сшиты на одну колодку: грубы и необразованы и составляют единое стадо баранов, пастырем которых долгое время был “злой турка”»¹⁶⁰¹. Не отрицая высокие природные задатки болгарского населения, отец Анатолий показывает губительное воздействие турецкого ига на уровень интеллекта большинства его представителей: «В умственном развитии болгарский народ в массе своей ушел весьма недалеко. Он живет среди роскошной природы и тяготеет больше к ней, хотя способности к развитию имеет громадные. Нам попадались крайне необразованные люди, но весьма смышленные. Если бы болгарам даны были средства к образованию, они не замедлили бы на деле доказать способности к развитию»¹⁶⁰².

Вакх Гурьев констатирует, что многовековое проживание в мусульманской стране с наличием некоторых ограничений для

¹⁵⁹⁹ Там же. С. 409.

¹⁶⁰⁰ Гурьев В. Указ. соч. С. 53.

¹⁶⁰¹ Лебедев А. Указ. соч. С. 19.

¹⁶⁰² Там же. С. 8.

отправления собственного религиозного культа несколько притупило в болгарях «сознание того, что они христиане». Неоднократно присутствуя при богослужениях в местных храмах, Гурьев заметил, что даже взрослые болгары не умеют правильно креститься, а молодые «совсем не имеют никакого понятия даже о внешней стороне христианства»¹⁶⁰³. «Болгары посещают свои храмы очень редко, – пишет священник, – неохотно и на самое короткое время, для того только, чтобы поставить свечу и затем поскорее уйти домой, так как в церкви их ничто не привлекает и не интересует»¹⁶⁰⁴. Такому положению вещей, по его мнению, способствовали бедность церквей, отсутствие в большинстве храмов церковного пения, слабое знание болгарскими священниками церковнославянского языка, делавшие службу скучной, монотонной и непонятной. Не случайно богослужения русского духовенства, сопровождавшиеся «стройным, звучным пением наших певчих» и отличавшиеся «громким, отдельным произношением возгласов, молитв и Евангелия», производили на болгар «сильное впечатление и видимо им нравились»¹⁶⁰⁵. О «громадном значении церковного пения в религиозно-народной жизни» свидетельствует, в частности, по мнению отца Вакха, реакция жителей г. Ловча на пение русских певчих во время обедни 1 января 1878 г.: «Наступила минута, раздался стройный аккорд, зазвенел наш Тамберлик¹⁶⁰⁶, и в церкви мгновенно водворилась тишина; бродившие по церкви болгары и болгарки как будто прикипели к месту, и нужно было видеть, с каким удивлением, а потом с каким заметным удовольствием вслушивались они в гармоническое пение, как будто не веря своим ушам. К концу обедни церковь была полна до тесноты, и все стояли как вкопанные...»¹⁶⁰⁷.

¹⁶⁰³ Гурьев В. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁶⁰⁴ Там же. С. 94.

¹⁶⁰⁵ Там же.

¹⁶⁰⁶ Рядовой 11-го гренадерского Фанагорийского полка Шебелов – превосходный тенор, получивший от начальника дивизии прозвище Тамберлик в честь знаменитого в то время итальянского певца Энрико Тамберлика.

¹⁶⁰⁷ Гурьев В. Указ. соч. С. 104.

Любопытно также наблюдение Гурьева, что за Балканами «болгары гораздо религиознее и развитее, нежели по ту сторону, около Дуная»¹⁶⁰⁸. Различие между придунайскими и забалканскими болгарами заметил и Анатолий Лебедев, считавший, что последние были «беднее, добрее и более сочувственно относились к русскому народу, чем северные»¹⁶⁰⁹.

«Братушки во Христе, болгарские священники», называвшиеся в своей стране «попами», привлекали особое внимание Вакха Гурьева и Анатолия Лебедева. Отец Анатолий пишет: «Духовенство, по крайней мере сельское, ничем не отличается от поселянина. Одежда одна и та же; о рясах и подрясниках и помину нет, ни дома, ни в храме... Содержания болгарские священники не получают никакого. Живут пособиями от прихожан» и в большинстве своем «стоят немного выше» паствы: «умеют читать, писать и считать»¹⁶¹⁰. Вакху Гурьеву встречались случаи, когда священники «ужасно путали» во время службы или не могли истолковать «Требник». Для богослужений они, как правило, имели «одну убогую епитрахиль», использовавшуюся и в будни, и в праздники¹⁶¹¹. При этом, по замечанию Лебедева, «в нравственном отношении» болгарские попы стояли выше румынских священников, нередко злоупотреблявших пьянством и попрошайничеством. В отличие от последних, они пользовались большим уважением своего народа и имели на него значительное влияние¹⁶¹².

Православных храмов в Болгарии было немало, однако, по выражению Вакха Гурьева, их главными отличительными чертами были «очень скромные размеры» и «крайнее убожество»¹⁶¹³. Григорий Лапшин также отметил, что болгарские храмы «бедны и неблаголепны, а

¹⁶⁰⁸ Там же. С. 141.

¹⁶⁰⁹ Лебедев А. Указ. соч. С. 19.

¹⁶¹⁰ Там же. С. 8.

¹⁶¹¹ Гурьев В. Указ. соч. С. 44, 95, 103.

¹⁶¹² Лебедев А. Указ. соч. С. 5–6, 8.

¹⁶¹³ Гурьев В. Указ. соч. С. 183.

иконопись в них в совершенно первобытном состоянии»¹⁶¹⁴. Дело в том, что после завоевания турками Балканского полуострова многие находившиеся там знаменитые христианские храмы были разрушены или обращены в мечети. На строительство новых православных церквей (как болгарских, так и греческих) был наложен ряд ограничений: по высоте и форме они должны были соответствовать обычным обывательским домам, наличие куполов и колокольни не допускалось. О том, что это культовое сооружение, а не простой жилой дом, зачастую свидетельствовал только крест, водруженный над алтарем. Особенно много таких церквей русские священники встретили за Балканами¹⁶¹⁵. В придунайской Болгарии храмы чаще всего не отличались «от обычного типа православных церквей», но колоколов, как правило, не имели¹⁶¹⁶. Григорий Лапшин вспоминает, что «очень приятное впечатление» произвело на болгар обновление солдатами Моршанского полка церкви в селе Семенли: полковые столяры сделали иконостас, солдаты-иконописцы написали иконы, а на пожертвования офицеров была приобретена «приличная утварь»¹⁶¹⁷.

Внутри храмов Вакха Гурьева часто поражала «необычайная неряшливость, которую допускает в святом алтаре болгарское и греческое духовенство» («кучи всяческого мусора сваливаются под престол, тут и половые щетки, и тряпки, пустые бутылки, разбитые лампадки, бумажки с поминальными записками и всякий другой хлам»), а также предосудительное поведение священников и прихожан во время богослужения (первые нередко, стоя в алтаре, разговаривали и даже ссорились между собой, а последние не снимали с головы турецкие фески и шапки)¹⁶¹⁸. С горечью наблюдая эти «прискорбные явления», отец Вакх тем не менее надеялся на перемены к лучшему после окончания войны: «Думаю, что церковная дисциплина и благочиние в болгарской церкви

¹⁶¹⁴ Лапшин Г. Указ соч. С. 411.

¹⁶¹⁵ Гурьев В. Указ. соч. С. 189; Лебедев А. Указ. соч. С. 8–9.

¹⁶¹⁶ Лебедев А. Указ. соч. С. 6, 8–9.

¹⁶¹⁷ Лапшин Г. Указ соч. С. 411.

¹⁶¹⁸ Гурьев В. Указ. соч. С. 104, 190.

потребуют от ее представителей коренных мер; настоящие же недостатки и нестроения по этой части вполне извиняются тяжким многовековым положением и самой церкви, и ее паствы»¹⁶¹⁹.

К несомненным положительным чертам духовно-нравственного облика болгар Гурьев относит «прекрасный строй их семейной жизни», в значительной степени определявшийся, по его мнению, постоянной трезвостью болгарских мужчин. «Отсутствие кабаков – это величайшее счастье для болгарина и неизлечимая общественная и семейная язва для нашего русского простолюдина! – восклицает священник. – От этого одного болгарин постоянно сдержан, рассудителен, миролюбив с соседями, а в своей семье – это тип доброты, мягкости, самого гуманного отношения ко всем членам семьи и, вместе с тем, это неизменно-верный супруг, всецело преданный своему домашнему очагу»¹⁶²⁰. У болгарок отец Вакх также нашел целый ряд достоинств: «все они по большей части необыкновенно стройны, красивы, серьезны, даже строги», являются хорошими хозяйками и «известны своим глубоким патриотическим чувством»¹⁶²¹. Анатолий Лебедев к характеристике болгарских женщин добавляет также их целомудрие: «Только в Тырнове проявлялись случаи разврата среди болгарок. Виноваты в этом – “златицы”. Кто деньгам не прельщается! Но женщин, занимающихся открытым развратом, среди болгарок не существует. Их заменяют в Болгарии румынки»¹⁶²².

Полковые священники неоднократно подчеркивают благоприятный климат Болгарии. Анатолий Лебедев отмечает «роскошную природу», большое количество теплых и солнечных дней в году, «богатую производительность земли», позволяющие «без особого труда» выращивать «обильный хлеб: пшено, ячмень и просо», персиковые, миндальные, ореховые и виноградные деревья, а также устраивать розовые

¹⁶¹⁹ Там же. С. 176.

¹⁶²⁰ Там же. С. 96.

¹⁶²¹ Там же. С. 102, 104–105.

¹⁶²² Лебедев А. Указ. соч. С. 8.

плантации¹⁶²³. Вакх Гурьев называет Болгарию «богатейшей житницей» и «благодатной страной»¹⁶²⁴. Именно теплый климат и плодородная земля в сочетании с трудолюбием болгар позволили им достичь того уровня материального благосостояния, который так удивил многих российских участников войны и вызвал у них даже сомнения в необходимости освобождения «братушек». Например, В.В. Верещагин писал: «Велико было, однако, удивление наших войск, когда они нашли всюду сравнительное довольство, благосостояние, и чем дальше, тем больше чистоту, порядок в домах, особенно городских, полные житницы, закрома, набитые всяким добром! Невольно явилась и стала высказываться мысль, что мы напрасно “кроем чужую крышу, когда своя хата течет”»¹⁶²⁵. Сестра милосердия Е.В. Духонина отмечала, что «болгары живут гораздо лучше самых богатых наших крестьян»¹⁶²⁶, а, по мнению полковника М.А. Газенкампа, «в материальном отношении болгарам могли бы позавидовать не только наши, но крестьяне и горожане всей Европы: такое у них изобилие и богатство»¹⁶²⁷. Интересно, что священник Анатолий Лебедев сравнивает болгар не с русскими или европейскими крестьянами, а с их непосредственными соседями – турками и греками. При этом оказывается, что из этих трех населявших Турцию народов болгарский – «самый беднейший по состоянию» и «самый меньший по правам». Особенно это относится к забалканским болгарам, которые, по наблюдению священника, беднее не только турок и греков, но даже «своих придунайских собратий»¹⁶²⁸. Иоанн Софронов заметил к тому же, что и в придунайской Болгарии жители разных (даже соседних) селений могли отличаться в материальном отношении. Так, в селе Ореше, остановившись

¹⁶²³ Там же. С. 13.

¹⁶²⁴ Гурьев В. Указ. соч. С. 39, 149.

¹⁶²⁵ Верещагин В.В. Указ. соч. С. 126.

¹⁶²⁶ Духонина Е.В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. М., 1894. С. 52.

¹⁶²⁷ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877–78 гг. СПб., 1908. С. 359.

¹⁶²⁸ Лебедев А. Указ. соч. С. 14.

в болгарском доме, священник «от души позавидовал их хорошей и привольной жизни: скотоводство у них прекрасно, хлеба изобильно, да и сами по наружности народ крепкий и живой», а на следующий день, побывав в селе Стижаров, отец Иоанн записал в дневнике: «Жители с. Истежор – все болгары и сравнительно с жителями с. Ореше бедны, храм православный разрушен турками»¹⁶²⁹.

Анатолий Лебедев пытается разобраться: почему два православных народа – болгары и греки – чувствуют себя столь различно в мусульманской стране: «на лицах болгар выражается тяжелый гнет, тоска и уныние», а «грек высматривает господином – поважнее самого турка»¹⁶³⁰. Священник приходит к выводу, что греков «от бед своих соседей» предохраняет «природная хитрость», «они держатся правила: “приноравливайся или, вернее, подделывайся ко всяким обстоятельствам”»¹⁶³¹. Более того, Лебедев полагает, что грекам удалось не только приспособиться к привольной жизни в Турции, но и усилить вражду между болгарами и турками. Последнему во многом способствовал выход Болгарской Церкви из Константинопольской Патриархии, повлекший за собой объявление ей схизмы. Греческое духовенство настроило своих прихожан против болгарских «схизматиков»: начались доносы, жалобы и клевета на них туркам. «С того времени, – пишет священник, – забалканским болгарам пришлось терпеть с двух сторон: одни драли шкуру, другие помогали и подстрекали первых»¹⁶³².

Главную причину «крайнего раздражения» греческих иерархов созданием независимого Болгарского экзархата отец Анатолий видит не в духовной, а в материальной сфере: «чрез это они лишились многих златиц, взимаемых за посвящение в священный сан»¹⁶³³. Меркантильность греческого духовенства подчеркивает и Вакх Гурьев, красочно описывая,

¹⁶²⁹ Софронов И. Указ. соч. С. 79.

¹⁶³⁰ Лебедев А. Указ. соч. С. 14.

¹⁶³¹ Там же. С. 16.

¹⁶³² Там же. С. 20–21.

¹⁶³³ Там же. С. 21.

как греческий протосинкел, настоятель монастыря в г. Чорлу настойчиво пытался продать ему и через него – русским солдатам и офицерам «якобы священные предметы»: крестики с поддельными мощами, камешки, привезенные из Иерусалима и др. При этом «любезный фанариот-торгаш» не забыл отметить «великое благочестие русских людей» и «их щедрую благотворительность, которою только живет и поддерживается бедствующая греческая церковь»¹⁶³⁴.

Основным чувством, определявшим отношение большинства болгар к туркам, полковые священники считают страх. Хотя болгары занимали во время войны брошенные турками хорошие дома и даже устраивали храмы в мечетях, они очень боялись возвращения старых хозяев и мести с их стороны. Так, Вакх Гурьев пишет: «В Эски-Загре мы... заходили в мечеть-церковь. Странное впечатление производит она: в куполе и по стенам огромные турецкие надписи из Корана, а в одном углу ничем не покрытый столик и на нем христианская икона и деревянный крест с Распятием; на столике славянские богослужебные книги московской печати, по которым совершается православное богослужение... Мы спросили одного священника, отчего они не уничтожают турецких надписей? Он сконфузился, видимо, растерялся и как-то нерешительно отвечал, что еще не успели этого сделать... А на самом деле они еще боятся турок, еще не верят в благополучный для них исход настоящей войны и оставляют турецкие надписи из опасения, что турки могут снова вернуться и тогда им, болгарам, придется жестоко поплатиться за поругание магометанской святыни»¹⁶³⁵. Анатолий Лебедев, пообщавшись перед отъездом с забалканскими болгарам, пришел к выводу, что они «ожидают удаления русских войск отсюда и возвращения турок как страшного суда Божия»¹⁶³⁶. Страх болгар перед турками и их беспокойство за исход войны отмечает и Иоанн Софронов: «Проходя д. Истежор, из которой две недели тому назад

¹⁶³⁴ Гурьев В. Указ. соч. С. 187–188.

¹⁶³⁵ Там же. С. 175–176.

¹⁶³⁶ Лебедев А. Указ. соч. С. 19.

выступили, мы встретили болгар, как-то не особенно дружелюбно и вместе с боязнью смотревших на наше отступление. Некоторые из братушек спрашивали, далеко ли турки и зачем мы отступаем? Я объяснил любопытным братушкам, что мы идем по приказанию начальства в Никополь, что турки очень далеко и сюда не придут; одни из них успокаивались, но многие недоверчиво относились к моим словам и с каким-то волнением покачивали головами и расходились по домам»¹⁶³⁷.

Итоги войны несколько разочаровали наших героев. Вакх Гурьев сокрушается, что русские войска не взяли Константинополь, считавшийся в российских общественных кругах «программой-максимум», «венцом и конечной целью настоящей войны»: «Еще б один шаг, и Св. София воскресла бы от своего векового, смертоносного усыпления... Другого такого случая для восстановления христианства на Востоке не скоро мы дождемся»¹⁶³⁸. А Анатолий Лебедев искренне сочувствует забalkanским болгарам, получившим меньшую автономию, чем их северные собратья: «Нельзя было не видеть, с какою грустью встретили южные болгары решения Берлинского конгресса, с какою горестью узнали о разделе Болгарии, о счастье придунайских братьев и о своем несчастье... Нельзя не пожалеть их»¹⁶³⁹.

Таким образом, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как и в предыдущие военные кампании, полковые священники показали себя на высоте своего пастырского служения. Они восстанавливали душевное равновесие солдат и офицеров путем совершения богослужений и проведения религиозных бесед, укрепляли их боевой настрой, духовно окормляли больных и раненых воинов, оказывали реальную помощь врачам и медицинским сестрам на перевязочных пунктах и в госпиталях. Записки полковых священников являются ценным источником по истории войны, так как раскрывают перед исследователями не столько ее внешнюю

¹⁶³⁷ Софронов И. Указ. соч. С. 92.

¹⁶³⁸ Гурьев В. Указ. соч. С. 154, 204.

¹⁶³⁹ Лебедев А. Указ. соч. С. 19.

(героическую) сторону, сколько внутреннюю – повседневную и духовно-религиозную, показывают реальную роль и отношение к противостоянию представителей русского духовного сословия. Немаловажно, на наш взгляд, что, несмотря на трудности похода и определенную трансформацию первоначального образа «братушек», русские священники ни разу не усомнились в необходимости достижения высоких целей войны: освобождения единоверцев-славян и укрепления позиций христианства на Востоке.

4.8. Новый диалог МИДа и Синода с Константинопольским Патриархатом по греко-болгарскому вопросу

Русские полковые священники во время похода совершали совместные богослужения как с греческим, так и с болгарским духовенством. В частности, Вакх Гурьев 26 декабря 1877 г. сообщал из Трестеника: «Обедницу и молебен в самый праздник [Рождества Христова] служили мы вместе, втроем, то есть служил-то собственно я, а отцы Нико и Стоян только присутствовали, стоя рядом со мной в своих убогих епитрахиях»¹⁶⁴⁰. Григорий Лапшин также вспоминал, что в Видине «службу в течение страстной недели пришлось исполнять совместно с болгарским духовенством»¹⁶⁴¹. Подобные случаи вызывали неоднократные протесты с греческой стороны.

Так, в конце июля 1878 г. викарий Константинопольского Патриархата митрополит Эфесский Агафангел передал российскому послу в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому послание Святейшему Синоду, в котором от имени Патриархии указал на «незаконные, антиканонические и соблазнительные поступки» священников русской армии, «по неведению искреннему или притворному о схизме» вступающих в Болгарии и Фракии в литургическое общение то с православными (греческими) священниками, то со схизматическими

¹⁶⁴⁰ Гурьев В. Указ. соч. С. 95.

¹⁶⁴¹ Лапшин Г. Указ. соч. С. 401.

иереями Болгарского экзархата, «преступая таким образом существующую между ними преграду», и просил принять надлежащие меры к исправлению их образа действий и к «успокоению смущаемой чрез то совести православных»¹⁶⁴².

Пересылая этот документ в Петербург, 7 августа 1878 г. А.Б. Лобанов-Ростовский писал в своей депеше: «Не предрешая вопроса по существу, я стараюсь при своих сношениях с высшим греческим духовенством дать ему понять, что для армии, временно находящейся в стране, нет возможности делать тонкое различие между священниками православными и так называемыми схизматическими. Это тем более справедливо, что в большей части местностей, на кои указывает Патриархия, нет других священников, кроме тех, которых греки называют схизматическими»¹⁶⁴³.

9 декабря 1878 г. Вселенский патриарх Иоаким III передал А.Б. Лобанову-Ростовскому письмо по тому же предмету, где обвинил российский Святейший Синод в нарушении «постановлений и правил церковных» и заявил, что, если совместное священнодействие русского духовенства с болгарским продолжится, то Великая Церковь «будет вынуждена действовать сообразно с постановлениями святых канонов православной веры, на защиту себя и своих верных чад»¹⁶⁴⁴.

Почувствовав угрозу, А.Б. Лобанов-Ростовский поручил первому драгоману посольства М.К. Ону объясниться с патриархом Иоакимом III. Согласно донесению М.К. Ону князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 18 декабря 1878 г., во время встречи он «начал с вопроса, должны ли мы смотреть на это сообщение как на ультиматум». «Озадаченный и сконфуженный» патриарх ответил, что «был вынужден сделать это вследствие ропота своего Синода», который, кроме того, «составил проект

¹⁶⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 44–44 об.; Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 3–4.

¹⁶⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 2–2 об.

¹⁶⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 17–18; Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 56–57.

циркуляра к епископам Румелийских епархий» о запрещении греческому духовенству иметь общение с теми из русских священников, которые служили с болгарскими иереями. М.К. Ону заручился обещанием патриарха не давать хода этому циркуляру, а также показал практическую невозможность воспретить русским полковым священникам совершать службу в болгарских церквях: «Война 1877 года имела целью спасти Болгарию от турецких жестокостей. Было ли бы разумно требовать, чтобы солдаты, проливавшие свою кровь за болгарское дело, воздерживались от всякого духовного общения со своими совероисповедниками, страданиями коих потрясены сердца всех русских? Сверх того, не нужно забывать, что, если русский Святейший Синод не признал официально и канонически Болгарскую Церковь, то это – по уважению к Великой Церкви Константинопольской; но он отнюдь не одобрил провозглашения схизмы. Было бы справедливо довольствоваться нашею умеренностью и щадить впредь щекотливость русской армии в Румелии». После приведенных М.К. Ону аргументов патриарх «перешел к уверениям в преданности к государю императору и к России» и просил «лишь о том, чтобы оказываемо было беспристрастие по отношению к грекам и болгарам и сохранена была по крайней мере благопристойность», исходя из принципа икономии. По просьбе Иоакима III М.К. Ону объяснился также с членами патриаршего Синода, которые показали себя «более возбужденными, чем патриарх»¹⁶⁴⁵.

Несмотря на то, что Иоаким III и М.К. Ону расстались, по словам последнего, «в лучших отношениях», через несколько дней А.Б. Лобанов-Ростовский получил от патриарха записку, в которой в еще более резких выражениях были повторены жалобы Константинопольской Патриархии на русских полковых священников и фактически содержалось требование к Русской Церкви признать отлучение болгар. Русский Святейший Синод обвинялся в несоблюдении «канонических прав любви и полного

¹⁶⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 68–69 об.

церковного единения в вере по случаю церковной схизмы филетистов», в «безучастии и пристрастии», ему напоминали, что, согласно определению собора 1872 г., схизматиками признаны и все те, «кои стали бы иметь общение со схизматиками-филетистами»¹⁶⁴⁶.

Сообщая об этом в МИД, российский посол в Константинополе подчеркнул, что указанный документ «поставляет наш Святейший Синод в необходимость высказаться по этому делу». «Нужно заметить, – писал он, – что со времени возникновения этой прискорбной греко-болгарской распри наше духовенство в первый раз вызывается к прямому вмешательству в это дело. Доселе нам удавалось держаться в роли примирителей и посредников при сопернических притязаниях греков и болгар. Дело относительно наших священников может видоизменить тот осторожный образ действий, какой мы соблюдаем по отношению к обеим сторонам»¹⁶⁴⁷.

Рассмотрев все эти документы, Святейший Синод в ответном послании, датированном 22 февраля 1879 г., впервые официально и прямо выразил Константинопольской Патриархии свою позицию относительно болгарской схизмы. Проект ответа был составлен архиепископом Макарием (Булгаковым) в духе упоминавшейся выше записки по греко-болгарскому вопросу, написанной им в 1873 г.¹⁶⁴⁸ Прежде всего, Синод заявил, что постановление Константинопольского собора 1872 г., как поместного, не имеет обязательной силы для Русской Церкви, так как ни один из ее епископов не присутствовал на соборных заседаниях. Более того, по мнению Синода, Русская Церковь не может подчиниться решению этого собора также потому, что оно состоялось «не канонически», то есть с нарушением «ясных священных правил»: обвиняемые болгарские архиереи не были призваны на заседания, их осудили и предали анафеме

¹⁶⁴⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 29–30; Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 62–63.

¹⁶⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 52–53.

¹⁶⁴⁸ Там же. Л. 70–74.

заочно, «вместе со всею их духовною паствою»; «между архипастырями, созванными на собор, не было согласия в мнениях», постановление было принято под давлением патриарха Анфима. Синод отметил также, что «болгары ищут и домогаются не чего-либо нового и особенного в Церкви, а того, что они уже имели и чем пользовались в продолжение нескольких веков до 1767 г.», а также подчеркнул, что их желания «совершенно тождественны» стремлениям русских и греков Греческого королевства, просивших себе некогда церковной независимости; «ни русских, ни греков не обвиняли тогда за эти желания ни в филетизме, ни в схизме, напротив, тех и других нашли возможным удовлетворить», «так же следовало бы, по духу христианской любви и справедливости, поступить ныне и с болгарами». Отвергнув само обвинение болгар в филетизме (поднятый ими вопрос касался лишь церковного управления), Синод заявил, что «не может не признавать болгар православными» и «не видит никакого основания прервать с ними церковное общение, в частности, возбранить такое общение и сослужение с болгарским духовенством русским священникам, находящимся ныне на Балканском полуострове при императорской армии». «Единственное исключение», которое Синод нашел возможным сделать в этом отношении, заключалось в том, чтобы русские священники непосредственно «в епархиях Константинопольского Патриархата и вообще в тех епархиях, епископы которых присутствовали на Константинопольском соборе и признали болгар схизматиками, но не в епархиях, принадлежащих к Болгарскому экзархату», не входили в церковное сношение с болгарским духовенством, ибо «духовные лица одной какой-либо страны, когда находятся в другой единой верной стране, обязаны соблюдать с точностью все местные решения и распоряжения той Церкви». В заключение Синод вновь повторил «свой братский совет и просьбу, как греческим, так и болгарским иерархам, чтобы они старались всеми мерами, при взаимных уступках, войти в возможное соглашение и примирение между собою — ко благу своих собственных церковных

округов и на радость нашей общей Матери Святой Христовой Православной Церкви»¹⁶⁴⁹. Император Александр II, ознакомившись с приведенным документом, собственноручно написал на нем карандашом: «Я вполне одобряю проект ответа Святейшего Синода. Сообщить его немедленно Министерству иностранных дел»¹⁶⁵⁰.

Получив твердый и прямой, а потому довольно резкий ответ Синода, МИД, в свою очередь, решил проявить некоторую осторожность. 6 марта 1879 г. управляющий Азиатским департаментом, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс, сообщая обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому о получении документа, присовокупил, что «МИД полагал бы не стеснять посла нашего *в выборе времени* для сообщения Патриарху ответа Святейшего Синода, ибо, если бы он по каким-либо особым местным обстоятельствам ...признал необходимым воздержаться в настоящее время от такового сообщения во избежание новых неминуемых усложнений со стороны Патриархии в церковном вопросе, то, казалось, было бы правильным принять во внимание при этом случае его мнение»¹⁶⁵¹. Тем не менее, судя по всеподданнейшему отчету Д.А. Толстого, ответ Синода в том же 1879 году был доставлен по назначению¹⁶⁵².

Приведенный пример был не единственным случаем выражения протеста с греческой стороны. Во время войны 1877–1878 гг. и Временного русского управления в Болгарии (1878–1879) греческое духовенство неоднократно подавало жалобы на различные злоупотребления болгар, совершаемые якобы под «пристрастным покровительством» русских военных властей. При проверке этих жалоб изложенные в них данные, как правило, оказывались либо сильно преувеличенными, либо умышленно искаженными.

¹⁶⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 35–42 об.; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389 а. Л. 526–533.

¹⁶⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 44.

¹⁶⁵¹ Там же. Л. 50–51.

¹⁶⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 282–283.

Так, например, 27 июля 1878 г. князь А.Б. Лобанов-Ростовский сообщил императорскому российскому комиссару в Болгарии князю А.М. Дондукову-Корсакову о получении им ноты, в которой Порты «ходатайствует за права Вселенского Патриархата и просит принятия соответствующих мер к их ограждению». Суть претензий заключалась в том, что, по словам Патриарха, греческое население городов Румелии, занятых русскими войсками, будто бы подвергалось со стороны болгар притеснениям – «лишению религиозной свободы и даже истязаниям», при этом болгарское духовенство захватывало «самым произвольным и незаконным образом церкви, монастыри и школы, всегда доньше бывшие в ведении греческого духовенства»¹⁶⁵³. Ответ А.М. Дондукова-Корсакова гласил: «Сколько мне известно, нигде ничего подобного не происходило, и потому я склонен думать, что жалоба Вселенского Патриарха есть не более как один из видов беззастенчивой клеветы, пущенной в ход как бы в предупреждение могущих возникнуть со стороны болгар вполне справедливых и основанных на законных документах претензий на принадлежность им некоторых церквей и благотворительных учреждений, произвольно захваченных греками в исключительно свое пользование». Глава оккупационной администрации предложил также запросить у Патриархии «точного указания тех местностей, в которых происходили будто бы упоминаемые бесчинства болгар, а также наименования церквей и школ, отнятых у греков, так как голословные жалобы, не подкрепленные ссылкой на факты, не могут подлежать расследованию»¹⁶⁵⁴.

Главнокомандующий русской армией генерал Э.И. Тотлебен в переписке с А.Б. Лобановым-Ростовским по вопросу об одной из спорных между греками и болгарскими церквями подчеркнул «поразительное различие в отношениях к нам болгарского и греческого, в особенности высшего,

¹⁶⁵³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389 а. Л. 452.

¹⁶⁵⁴ Там же. Л. 453–453 об.

духовенства»¹⁶⁵⁵. Последнее, по его словам, было настроено «далеко не дружелюбно» (по крайней мере, в Адрианополе)¹⁶⁵⁶. Особое внимание он обратил на известного своим туркофильством греческого митрополита Дионисия (будущего патриарха Дионисия V, 1887–1891), служившего в начале войны молебны «о торжестве турецкого оружия, о даровании ему победы над ненавистным врагом», а после вступления русских войск в Адрианополь поставившего себя «в самые враждебные отношения к нашей администрации» и погрузившегося в интриги. Разногласия между болгарами и греками Дионисий неоднократно использовал в провокационных целях, в результате чего, по словам Э.И. Тотлебена, стал «одинаково ненавидим» и теми и другими. Споры, возникшие вокруг храма, ставшего предметом переписки, русский генерал также объяснял «неблаговидными и вредными действиями» греческого митрополита, которые еще более усилились после приезда в Адрианополь поверенного Болгарского экзарха – епископа Стобийского Синесия. Последний, по словам Тотлебена, будучи «человеком весьма благоразумным, сдержанным и осторожным», оказывал «благотворное влияние» на адрианопольских болгар и не давал «ни малейшего повода к каким бы то ни было основательным жалобам» или затруднениям для российской администрации. Э.И. Тотлебен просил А.Б. Лобанова-Ростовского попытаться убедить Вселенского патриарха «отозвать митрополита Дионисия и заменить его лицом более соответствующим и благонамеренным», что считал «истинным благодеянием» даже «для его паствы»¹⁶⁵⁷. В феврале 1879 г. митрополит Дионисий подвергся нападению со стороны толпы местных жителей (согласно судебному разбирательству, как болгар, так и греков), от гибели его спасло только вмешательство

¹⁶⁵⁵ Там же. Л. 498.

¹⁶⁵⁶ Там же. Л. 473–473 об.

¹⁶⁵⁷ Там же. Л. 493–499.

отряда казаков под командованием К.П. Вильчиковского¹⁶⁵⁸. (Из Адрианополя Дионисий был переведен на Никейскую кафедру лишь в ноябре 1880 г., а в январе 1886 г. возвращен обратно. 23 января 1887 г., несмотря на противодействие российской дипломатии, он был избран на Вселенский престол. «Церковный вестник» писал по этому поводу: «Избрание Дионисия адрианопольского не произвело приятного впечатления и у нас в России. Иначе, впрочем, и быть не могло. В бытность свою адрианопольским митрополитом, он заявил себя таким откровенным недоброжелателем России, что она имела твердое основание относиться с недоверием к его избранию и ожидать продолжения его неприязненной относительно ее политики на новом, более влиятельном, месте его служения»¹⁶⁵⁹).

Жалобы со стороны греков поступали и непосредственно на сотрудников русской администрации. Так, в феврале 1879 г. генерал-губернатор Восточной Румелии А.Д. Столыпин был вынужден объясняться с А.Б. Лобановым-Ростовским по поводу обвинений в притеснении местного греческого населения, выдвинутых против председателя Бургасского окружного совета Г. Паркалова (он якобы потребовал от греческих старшин поставить подписи на чистом листе бумаги, а за отказ подверг их тюремному заключению, причем в праздник Рождества Христова). Проверка показала, что обвинения никаких оснований под собой не имели. А.Д. Столыпин предположил, что они исходили от той части греческого населения («полуобразованной городской интеллигенции»), которая «давно пыталась посеять раздор между греками и русской администрацией», причем иногда по подстрекательству высшего духовенства. При этом он заявил, что сельское

¹⁶⁵⁸ Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 244; Теплов В. Указ. соч. С. 182.

¹⁶⁵⁹ Церковный вестник. 1888. № 2. Ч. Неофиц. С. 1.

население и представители рядового греческого духовенства относились к русской оккупации «с сочувствием»¹⁶⁶⁰.

Как видим, вопреки приведенным выше обвинениям, русские военные власти старались одинаково беспристрастно относиться и к грекам, и к болгарам. «Пристрастного покровительства» болгарам не оказывал и МИД. Так, в октябре 1878 г. в Азиатском департаменте была рассмотрена составленная во Временном русском управлении записка «Болгарский церковный вопрос в связи с Берлинским трактатом», в которой отмечалось, что, поскольку 62-я статья трактата «выговорила» в пользу всех вероисповеданий в Турции «полную свободу», то тем самым, по мнению болгар, устранены будто бы и «все доселе существовавшие препятствия» к установлению их церковной самостоятельности. 25 октября 1878 г. Н.К. Гирс ответил А.М. Дондукову-Корсакову, что «МИД не может согласиться с подобным толкованием 62-й статьи Берлинского трактата», поскольку «с точки зрения Вселенской Православной Церкви» она «может относиться только к тем религиозным общинам, самостоятельность которых была уже признана канонически», и полагает, что «образ действий российского правительства» в греко-болгарском церковном вопросе «должен по-прежнему оставаться примирительным». «Мы сделали бы большую ошибку, – писал Н.К. Гирс, – если бы уклонились от такого образа действий и стали бы в ущерб единства Вселенской Церкви потворствовать нынешним стремлениям болгар образовать самостоятельную Церковь без соглашения с Патриархией; ...напротив, мы должны стараться убеждать их в неотложной необходимости подобного соглашения, без которого немислимо признание болгарской иерархии каноническою. Если же в среде болгар будет распространяться мнение, что в силу Берлинского трактата они вправе во всех трех частях Болгарии разорвать всякую связь с Патриархией, то это может повести к самым печальным для Восточной Церкви последствиям. Вместо единения

¹⁶⁶⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389 а. Л. 511–511 об.; 519–521.

Церквей рознь и вражда будут усиливаться и расширяться, и страсти могут увлечь стороны к самым крайним решениям». Особое внимание обращалось на необходимость остерегаться осложнений, которые могли возникнуть из-за поднятого вопроса в отношениях России с Константинополем: «Особенно мы должны избегать подавать Греческой Патриархии повод к предположению, что болгары действуют по нашим указаниям, ...и не допускать во время нашего военного занятия Болгарии со стороны болгар никаких действий, которые клонились бы к возбуждению новых усложнений с Греческой Патриархией. Действуя в примирительном духе, чрез Ваше посредство на болгар, а чрез посредство императорского посольства в Константинополе на Патриархию, мы, может быть, достигнем какого-либо соглашения между сторонами, которое могло бы иметь весьма большое значение в политическом отношении. Буде же все старания Ваши и посла нашего в Константинополе не увенчаются успехом, то для нас было бы удобнее, чтобы окончательное объявление болгарам независимости их Церкви от Патриархии последовало бы уже после выхода нашего из Болгарии». Н.К. Гирс подчеркнул при этом, что изложенные им соображения МИДа удостоились одобрения императора¹⁶⁶¹.

После войны российский Святейший Синод предпринял ряд мер, направленных на преодоление изоляции Болгарской Церкви, однако, принимая во внимание позицию Константинопольского Патриархата и стремясь сохранить с ним прежние отношения, не поддерживал с ней полного канонического общения. В частности, не допускал сослужения российских иерархов с болгарским высшим духовенством. Так произошло, например, в июле–августе 1879 г. во время приезда в Россию болгарской делегации во главе с митрополитом Видинским Анфимом для выражения благодарности императору Александру II за освобождение Болгарии от турецкого ига.

¹⁶⁶¹ Там же. Л. 482–484.

Отметим, что в Константинополе в это время был распространен ложный слух о том, что 27 июля 1879 г., в день рождения императрицы Марии Александровны, в Александро-Невской лавре митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) совершил богослужение совместно с болгарскими архиереями – митрополитом Анфимом и епископом Климентом, и что нечто подобное должно было произойти в Москве во время проезда через нее болгарской делегации. Вселенский патриарх Иоаким III тут же направил соответствующий запрос российскому послу А.Б. Лобанову-Ростовскому, подчеркнув при этом, что полученное известие его «глубоко поразило», погрузив «в печаль и скорбь», и что в случае подтверждения информации он окажется «в большом и безвыходном затруднении»¹⁶⁶². Сообщая об этом в МИД, князь А.Б. Лобанов-Ростовский отметил в своей депеше, что «в Патриархии нет недостатка в личностях, которые выставляют случившееся в Петербурге как скандал и проявление неуважения со стороны нашего высшего духовенства к Вселенскому престолу, ... доходят до того, что побуждают патриарха потребовать объяснений непосредственно от нашего Святейшего Синода»¹⁶⁶³. Российские церковные власти опровергли поступивший слух, заявив, что болгарские архиереи не служили с митрополитом Исидором «ни в Александро-Невской лавре, ни в других церквах Санкт-Петербургской епархии», 27 июля они лишь присутствовали во время молебствия в Исаакиевском кафедральном соборе, «сослужения означенных лиц с русским духовенством не было и в Москве»¹⁶⁶⁴. И хотя товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Н. Смирнов, отправляя этот ответ в МИД, сослался на упоминавшееся послание Синода Константинопольской Патриархии от 22 февраля 1879 г., не запрещавшее в принципе российским священникам совместное священнодействие с болгарскими иереями, мы полагаем, что русские

¹⁶⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 58.

¹⁶⁶³ Там же. Л. 57–57 об.

¹⁶⁶⁴ Там же. Л. 65–65 об.

иерархи далеко не случайно воздержались от литургического общения с членами болгарской делегации.

Подобная практика продолжалась и в дальнейшем. Хотя в особо значимых случаях иногда делались исключения. Так произошло 15 сентября 1902 г. при торжественном освящении храма-памятника Рождества Христова на Шипке (подробнее об этом ниже).

Таким образом, во время и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. МИД и Синод придерживались в греко-болгарском вопросе той же примирительной позиции, которую они заняли в разгар этого конфликта. Несмотря на то, что в начале 1879 г. Синод был вынужден открыто заявить Вселенскому патриарху свою позицию по поводу болгарской схизмы, он все же не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения. Россия по-прежнему не могла «выбрать» какую-то одну из конфликтовавших сторон и порвать отношения с другой. И светская, и церковная дипломатии оказывали поддержку Болгарской Церкви, но делали это очень осторожно, пытаясь добиться *канонического* признания ее независимости. Греко-болгарская распря во время войны не только вызвала напряженность во взаимоотношениях Русской Церкви, Константинопольского Патриархата и Болгарского экзархата, но также поставила в непростое положение представителей Временного русского управления в Болгарии, нередко подвергавшихся ложным доносам со стороны греческого населения, но вынужденных при этом демонстрировать полное беспристрастие.

4.9. Освобождение Болгарии. Церковные памятники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Церковно-политические вопросы входили в том числе и в круг проблем, волновавших русскую дипломатию во время мирных переговоров с Турцией, начавшихся в январе 1878 г. в Адрианополе и завершившихся в Сан-Стефано. Главным требованием России в это время, вопреки предварительным решениям Константинопольской конференции,

стало создание «Большой Болгарии», в состав которой следовало включить и Македонию. Н.П. Игнатьев, представлявший на переговорах русскую сторону, писал, что это было необходимо «для благополучного разрешения церковного вопроса, а также чтобы дать выход в Эгейское море, без чего торговая Болгария никогда развиваться не может»¹⁶⁶⁵. А.М. Горчаков, сразу же получивший возражения по болгарскому вопросу со стороны Австро-Венгрии и Великобритании, но надеявшийся на поддержку Германии, 31 января 1878 г. направил российскому послу в Берлине П.П. Убри меморандум, в котором заявил, что теперь, после всех жертв, принесенных Россией в войне за освобождение Болгарии, «полумеры [Константинопольской] конференции больше не приемлемы»: Россия настаивает на полной автономии и неделимости Болгарии. Канцлер подчеркнул, что искусственное разделение болгарской национальности на две части приведет к тому, что они непреодолимо будут стремиться к соединению, что сохранит почву для новых конфликтов на Балканах¹⁶⁶⁶.

19 февраля (3 марта) 1878 г. между Российской и Османской империями был заключен Сан-Стефанский мирный договор, статьи которого учитывали подавляющее большинство русских требований. Согласно договору, Сербия, Черногория и Румыния, имевшие прежде автономию в пределах Османской империи, получали независимость и расширяли свои границы. Болгария, включавшая Македонию, становилась автономным княжеством, связанным с Турцией вассальной зависимостью, выражавшейся в уплате дани. Болгарский князь избирался населением и утверждался Портой. В течение двух лет в Болгарии оставались русские войска и сохранялось гражданское управление. В христианских провинциях Турции проводились реформы, предложенные Константинопольской конференцией, или вводился регламент. Одна из

¹⁶⁶⁵ *Игнатьев Н.П.* Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 97.

¹⁶⁶⁶ Из меморандума А.М. Горчакова П.П. Убри об условиях Адрианопольского перемирия. 31 января 1878 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 472–479.

статей договора (22-я) укрепляла позиции русских афонских иноков: «три принадлежавших им монастыря» уравнивались в правах и преимуществах с другими монастырями Святой Горы¹⁶⁶⁷. Русские Андреевский и Ильинский скиты на Афоне неосмотрительно были названы монастырями; такое неканоническое повышение их статуса не осталось незамеченным и в дальнейшем повлекло за собой кардинальное изменение этой статьи.

Заключение Сан-Стефанского мира было с восторгом встречено в Болгарии, где день 3 марта до сих пор отмечается как национальный праздник. 10 апреля 1878 г. депутация болгар поднесла главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Николаевичу адрес на имя императора Александра II с выражением глубокой благодарности России за освобождение Болгарии от пятивекового османского ига. Под адресом стояли более 230 тыс. подписей болгарского населения, занявших 4 020 листов¹⁶⁶⁸.

Российское общество также ликовало. «Церковный вестник» писал: «Заключенный мир, будучи торжеством русского народа, есть вместе с тем торжество христианства, торжество света над тьмою, цивилизации над варварством, он есть следовательно торжество всемирно-историческое. Подписанный под стенами Царьграда, в виду Св. Софии, “константинопольский мир” должен сделаться поворотным моментом в жизни славянских народов и России, скрепивших свой союз братской кровью; дай Бог, чтобы этот союз рос и укреплялся и росла бы и укреплялась нравственно и материально, всегда готовая положить душу свою за други своя, святая Русь! День 19 февраля золотыми буквами будет начертан в летописях как русского народа, так и освобожденных от турецкого ига славянских племен. В этот день восшел на всероссийский престол Царь-Освободитель. В этот день в 1861 году евангелие свободы

¹⁶⁶⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 159–175.

¹⁶⁶⁸ Адрес болгарского народа Александру II с благодарностью России за освобождение Болгарии от турецкого ига. 4 апреля 1878 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 564–568.

возвещено было им русскому народу, и в этот же день в нынешнем 1878 году оно возвещено узникам, томившимся в оковах мусульманского ига. Отныне в этот священный день в одновременном праздничном торжестве будут сливаться благодарные сердца на пространстве от Ледовитого океана до Эгейского моря»¹⁶⁶⁹.

Со стороны Великобритании и Австро-Венгрии договор встретил открытые протесты, подкрепленные военными приготовлениями. Основные возражения касались создания «Большой Болгарии», которая рассматривалась как оплот русского влияния на Балканах. Под предлогом защиты решений Парижского конгресса 1856 г. о «целостности» Османской империи европейские державы отстаивали свои собственные экономические и стратегические интересы в регионе. Почувствовав угрозу создания антирусской англо-австрийской коалиции и проведя ряд неудачных сепаратных переговоров, российское правительство, не будучи готовым ввергнуть истощенную войной страну в новое противоборство с более сильным противником, согласилось на пересмотр условий Сан-Стефанского мира на международном Берлинском конгрессе.

Берлинский трактат, подписанный 1 (13) июля 1878 г. уполномоченными России, Турции, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Франции и Италии, изменил ряд важных статей Сан-Стефанского договора. Наибольшие уступки российская делегация была вынуждена сделать в болгарском вопросе. «Большая Болгария», созданная четыре месяца назад, была разделена на пять частей. Северная Болгария (от Дуная до Балкан) с центром в Софии получала политическую автономию. Она объявлялась вассальным княжеством, имеющим свое правительство (во главе с избираемым населением и утверждаемым султаном князем) и национальную армию и выплачивающим Турции дань. Южная Болгария образовывала провинцию Восточная Румелия с центром в Филиппополе и получала административную автономию. Она

¹⁶⁶⁹ Заключение мира // Церковный вестник. 1878. № 8. Ч. Неофиц. С. 3–4.

управлялась христианским генерал-губернатором, назначаемым султаном на пять лет. Македония, имевшая выход в Эгейское море, возвращалась Турции без каких-либо изменений в статусе. Наконец, небольшие территории были переданы Сербии и Румынии. Срок пребывания русских войск в Болгарии был сокращен до девяти месяцев. Договор подтверждал независимость Сербии, Черногории и Румынии. Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину. Статья про афонских иноков в результате внесенной «редакторской правки» лишала русских афонцев дополнительных преимуществ, возвращая их в «первобытное» состояние¹⁶⁷⁰.

Русское общество, не знавшее о том, какой ценой был куплен нейтралитет Великобритании и Австро-Венгрии накануне войны, в большинстве своем было глубоко разочаровано и возмущено решениями Берлинского конгресса, расценивая их как дипломатическое поражение России после победоносных военных действий. Особенно негодовали славянофилы, обвинявшие русскую дипломатию в предательстве интересов славянских народов. И.С. Аксаков, внимательно следивший за газетными корреспонденциями о ходе Берлинского конгресса, еще до окончания его работы, 22 июня 1878 г., произнес по этому поводу свою знаменитую речь, вызвавшую большой резонанс в общественных кругах и повлекшую за собой его высылку из Москвы и закрытие Московского славянского общества: «...Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых как преступница каешься в святых, подъятых тобою трудах, молишь простить тебе твои победы?.. Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией, похваляя твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности,

¹⁶⁷⁰ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 181–206.

подклоняешь под нее свою многострадальную голову! ... Бедный русский солдат, тебе стыдно будет и глаза поднять на твоих “братушек”. ... За что же, благодаря русской дипломатии, будешь ты заклеен в памяти болгарского народа ненавистным названием предателя!». Как и накануне войны, выступая от имени народа, И.С. Аксаков пытался оказать давление на правительство: «Россия не желает войны, но еще менее желает позорного мира. Спросите любого Русского из народа, не предпочтет ли он биться до истощения крови и сил, только бы избежать срама русскому имени, только бы не стать предателем христиан-братьев?»¹⁶⁷¹. (К. Леонтьев позднее довольно язвительно заметил по поводу этой речи: «Я думаю, что Аксаков пылал на него [Берлинский трактат] искренним негодованием, потому что он верил в неиссякаемые родники русского духа и полагал, вероятно, в одушевлении своем, что Россия в силах была после войны с Турцией немедленно выдержать со славой и вооруженное нападение целой коалиции»¹⁶⁷².) Заметим, что в консервативных газетах в то время действительно всерьез обсуждались планы войны с Великобританией и Австро-Венгрией.

Либеральные и церковные издания оценивали происходившее более взвешенно. «Церковный вестник» писал: «Берлинский договор, так или иначе, решил главные политические вопросы, которые серьезно могли угрожать общеевропейскому миру, и тем самым содействовал некоторому успокоению тревожного состояния умов, которые за последние годы возбуждаемы были национальными чувствами и политическими расчетами. Есть, конечно, немало оснований к недовольству решениями этого договора, но это недовольство едва ли в ком-нибудь пересиливает

¹⁶⁷¹ Речь И.С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 г. в Московском славянском благотворительном обществе // *Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886: в 7 т. Т. 1: Славянский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. М., 1886. С. 297–308.*

¹⁶⁷² *Леонтьев К. Записки отшельника (1887 г.) // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). М., 1996. С. 449.*

желание мира и окончания политических смут и раздоров. Если Берлинский договор в некоторых своих статьях и носит признаки «худого мира», то все же, по русской пословице, он должен быть признан лучше ссоры и, по крайней мере, на время мог бы установить род соглашения между заинтересованными сторонами»¹⁶⁷³.

14 июня 1878 г., еще в ходе работы Берлинского конгресса, Д.А. Милютин записал в дневнике слова, которые оказались пророческими: «Я счел уместным высказать [императору] свой взгляд на те уступки, к которым мы ныне вынуждены пред целою Европой: как бы ни были они для нас неприятны, все-таки нельзя никак сказать, что война ведена нами без результата. Если достигнем хоть только того, что теперь уже конгрессом постановлено, то и в таком случае огромный шаг будет сделан в историческом ходе Восточного вопроса... Начатое нами дело несомненно довершится самою силою вещей... Образующая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство»¹⁶⁷⁴.

В честь русских воинов, своей кровью заплативших за свободу Болгарии, на болгарской, русской и турецкой земле были установлены величественные церковные памятники: храм Святого Александра Невского в Софии, храм Рождества Христова в окрестностях города Шипка, храм-памятник Святого великомученика Георгия Победоносца близ Константинополя (ныне – территория Стамбула), больше известный как храм-усыпальница русских воинов «Сан-Стефано», часовня-памятник героям Плевны в Москве и часовня Святого Александра Невского в Москве.

Из них первым по времени появления стала часовня Святого Александра Невского. Она была сооружена в 1882–1883 гг. по инициативе

¹⁶⁷³ Летопись. Последние известия по восточному вопросу // Церковный вестник. 1878. № 27. Ч. Неофиц. С. 18.

¹⁶⁷⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 441.

и на средства Общества поощрения трудолюбия «в память великих событий минувшей войны, завершившихся освобождением миллионов единоплеменных и единоверных России народов», и посвящена небесному покровителю императора Александра II¹⁶⁷⁵. Автором проекта стал архитектор Д.Н. Чичагов. Часовня была выполнена в форме чугунного шатра (пирамиды) с крестом на вершине, ее стены украшали горельефы в виде композиций из воинских доспехов. Рядом с ней с северной и южной сторон стояли парные столбы, увенчанные двуглавыми орлами. Внутри находился большой образ святого Александра Невского, по сторонам от него – образы Спасителя и Богородицы. Закладка часовни-памятника состоялась 31 июля 1882 г. на Моисеевской (ныне Манежной) площади Москвы. 28 ноября 1883 г., в шестую годовщину взятия Плевны, она была торжественно освящена епископом Дмитровским, викарием Московской епархии Алексием (Лавровым-Платоновым) в присутствии Московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова и при большом стечении народа¹⁶⁷⁶. Сообщая об этом событии, «Московские церковные ведомости» отметили, что «часовня эта будет памятником последней русско-турецкой войны и присутствия государя императора в рядах доблестного русского воинства»¹⁶⁷⁷.

По замыслу строителей часовня стала местом сбора пожертвований в пользу двух учреждений, основанных в Москве в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: Александровского убежища для увечных и престарелых воинов и Дома воспитания сирот убитых воинов. В октябре 1922 г. по решению Президиума Моссовета часовня Святого Александра Невского была снесена, став первым в Москве церковным зданием, уничтоженным советской властью.

¹⁶⁷⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 1108. Л. 2–2 об.

¹⁶⁷⁶ Московская хроника // Московские церковные ведомости. 1883. № 49. С. 606; Михайлов К. Поруганная слава. М., 2007. С. 233–238; Романюк С.К. Москва. Утраты. М., 1992.

¹⁶⁷⁷ Московская хроника // Московские церковные ведомости. 1883. № 49. С. 606.

Через четыре года после освящения часовни Святого Александра Невского в Лубянском (ныне – Ильинском) сквере Москвы (на площади Ильинские Ворота) была открыта часовня-памятник героям Плевны. Сразу заметим, что изначально установка в центре первопрестольной двух памятников-часовен, посвященных одному историческому событию, не планировалась. Второй памятник, задуманный русскими гренадерами для увековечения памяти своих товарищей, погибших под Плевной, предполагалось установить в Болгарии, непосредственно на месте сражения, где по просьбе командующего Гренадерским корпусом генерала И.С. Ганецкого Совет Плевненского округа безвозмездно уступил для этой цели «в собственность гренадер» участок земли с курганом Копаная Могила. Однако ухудшение, а затем разрыв дипломатических отношений между Россией и Болгарией, а также желание москвичей оставить памятник в первопрестольной внесли в планы прославленного генерала определенные коррективы.

В феврале 1878 г. среди личного состава Гренадерского корпуса была открыта добровольная подписка на сооружение памятника, к которой позднее присоединились представители других армейских частей и частные лица. К январю 1879 г. сумма собранных средств составила уже около 27 тыс. рублей. В феврале 1880 г. была образована соответствующая Комиссия под председательством начальника Штаба Гренадерского корпуса генерал-майора А.И. Маныкина-Невструева, которая совместно с Московским архитектурным обществом объявила конкурс на составление проекта памятника и выработала предъявляемые к нему требования. На конкурс было представлено десять проектов. Несмотря на то, что первенство среди них было отдано работе архитектора А.И. Вальберга, Комиссия тем не менее решила, что все проекты «не соответствуют величию того события, для увековечения которого сооружается

памятник». По предложению историка И.Е. Забелина к разработке нового проекта был привлечен академик живописи В.О. Шервуд¹⁶⁷⁸.

Первоначальный проект, предложенный В.О. Шервудом, представлял собой часовню высотой более 20 метров, имевшую шатровое завершение, увенчивавшееся маленькой главкой с крестом; по четырем углам памятника, на круглых усеченных колоннах, предполагалось разместить четыре скульптурные группы, прямо выражающие идею монумента. В объяснительной записке автор отметил, что, поскольку «людные пункты и дороги отстоят от места сооружения на значительное расстояние, то необходимо придать памятнику приличную высоту»¹⁶⁷⁹. Сметная стоимость такого монумента составила 70 тыс. рублей, что было гораздо больше собранной суммы. В ноябре 1880 г. Александр II одобрил проект, разрешил объявить частную подписку для сбора недостающих средств и предложил обратиться за помощью к московскому купечеству. К весне 1881 г. собранная сумма увеличилась лишь до 29 тыс. рублей. Новый император Александр III повелел соорудить памятник на имеющиеся средства, поэтому В.О. Шервуд вскоре представил упрощенный вариант, в котором уменьшил размеры монумента и заменил скульптурные группы на горельефы, сохранив «при этом характер и мысль первого проекта». 19 ноября 1882 г. Комиссия утвердила проект и признала необходимым приступить к изготовлению памятника, при этом за неимением средств устройство и отделку часовни внутри него отложить «до более благоприятного времени»¹⁶⁸⁰. Последнее наступило в начале 1884 г., когда московский купец А.И. Кононов пожертвовал 15 тыс. рублей на облицовку внутренней части часовни-памятника майоликовыми изразцами и иконами. Всего же на изготовление памятника героям Плевны было израсходовано 49 тыс. рублей¹⁶⁸¹.

¹⁶⁷⁸ Аникин В.В. Памятник гренадерам, павшим под Плевной. М., 1986. С. 26–29.

¹⁶⁷⁹ Там же. С. 37–38.

¹⁶⁸⁰ Там же. С. 39–41.

¹⁶⁸¹ Там же. С. 42, 49.

27 июля 1887 г. в Лубянском сквере Москвы состоялась закладка памятника, к концу ноября он был смонтирован. Нижняя часть чугунной часовни-памятника представляет собой восьмерик, четыре грани которого украшают горельефы: русский старик-крестьянин, благословляющий иконой стоящего на коленях сына-гренадера; янычар с ятаганом, вырывающий ребенка из рук матери-болгарки; гренадер, повергающий турецкого солдата; умирающий русский воин, последним усилием срывающий цепи с женщины, олицетворяющей Болгарию. Три из оставшихся граней заделаны щитами с горельефными крестами, одна – служит входом в часовню. На восьмерике возвышается восьмигранный шатер, на четырех гранях которого имеются позолоченные надписи: «Гренадеры своим товарищам, павшим в славном бою под Плевной 28-го ноября 1877 года»; «В память войны с Турцией 1877-го, 1878-го года. Плевна, Карс, Аладжа, Хаджи-Вали»; «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя»; «Всяко зерно, падшее на землю, не оживет, аще не умрет». На остальных гранях – оконные проемы с матовыми стеклами-витражами. На шатре расположена малая призма, с четырех сторон ограниченная кокошниками, в которых помещены горельефные изображения святых Александра Невского, Иоанна Воина, Николая Чудотворца, равноапостольных Кирилла и Мефодия. Венчает сооружение позолоченная главка с восьмиконечным крестом, имеющим в подножии полумесяц. В интерьере часовни, отделанном майоликовыми изразцами, помещаются живописные образы тех же святых, что и снаружи, и семь бронзовых плит с именами погибших гренадеров – 18 офицеров и 542 солдат.

28 ноября 1887 г., в день десятилетия битвы под Плевной, состоялось торжественное освящение и открытие часовни-памятника. На церемонии присутствовали генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший, Московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков, командующий войсками Московского военного округа генерал граф

А.И. Бреверн де Лагарди, командир Гренадерского корпуса генерал-адъютант А.Д. Столыпин, бывший командир этого подразделения И.С. Ганецкий и др. Молебен и чин освящения совершил митрополит Московский и Коломенский Иоанникий (Руднев) в сослужении священников всех находившихся в Москве гренадерских полков. В завершение церемонии состоялся парад воинских частей Московского военного округа, принятый великим князем Николаем Николаевичем¹⁶⁸².

После 1917 г. с памятника сняли крест, а часовню закрыли. Большая часть внутреннего убранства, включая бронзовые плиты с именами погибших гренадеров, были утрачены. В конце Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на памятнике восстановили крест и позолотили надписи. В 1959 г. и 1966 г. производился ремонт, в ходе которого сооружение было полностью покрыто консервирующим составом, в результате чего стало сплошного черного цвета. В 1984 г. Исполком Моссовета принял решение о реставрации памятника под наблюдением архитектора Г.Ф. Мелентьева. В декабре 1992 г. часовня была передана Русской Православной Церкви и приписана к храму Святителя Николая в Кузнецкой слободе. 1 марта 1998 г., в ознаменование 120-летнего юбилея освобождения Болгарии и подписания Сан-Стефанского мирного договора, состоялось повторное освящение и открытие часовни-памятника в присутствии патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В настоящее время часовня приписана к храму Воскресения Христова в Кадашах. Дважды в год – 10 декабря, в годовщину взятия Плевны (по н.ст.), и 3 марта, в день подписания Сан-Стефанского мирного договора (по н.ст.), у часовни-памятника героям Плевны проходят российско-болгарские торжества: возлагаются венки, проводятся панихиды по погибшим.

Вскоре после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. у русской стороны возникла также идея увековечить свою победу сооружением

¹⁶⁸² Московская хроника // Московские церковные ведомости. 1887. № 49. С. 637–638.

храма-памятника в Сан-Стефано, где был подписан знаменитый мирный договор. Инициатором выступил военный агент при российском посольстве в Османской империи полковник Н.Н. Пешков. В 1892 г. российское военное министерство с этой целью купило у турецкого правительства участок земли площадью в три десятины, на котором прежде располагался русский военный лазарет, и выделило на строительство храма 300 тыс. рублей (потрачено было 270 тыс. рублей). Храм-памятник изначально был задуман как усыпальница русских воинов. В декабре 1892 г. в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» по этому поводу сообщалось: «Высочайше утвержденный проект памятника представляет собой склеп, на верхней части которого возвышается церковь во имя святого великомученика Георгия... В склеп будут перевезены и похоронены кости воинов, павших во время последней русско-турецкой войны, которые покоятся теперь в общих гробницах Болгарского княжества, Восточной Румелии и Турецкой империи»¹⁶⁸³. В 1894–1898 гг. на упомянутом участке был воздвигнут большой каменный храм-усыпальница русских воинов, получивший в дальнейшем в официальных документах наименование мемориал-усыпальница «Сан-Стефано».

Храм-усыпальница был выполнен по проекту академика архитектуры В.В. Сулова в неорусском стиле. Его высота составляла 22 сажени (46 м), занимаемая площадь – 20 квадратных саженей (42 кв. м). Облицованное гранитом шатровое здание имело восьмигранную форму и насчитывало три яруса. На первом ярусе размещалась крипта (склеп), на втором – церковь, верхний ярус, увенчанный куполом, выполнял функцию колокольни, в основании которой находилась часовня. Вход в здание осуществлялся через резную металлическую дверь, украшенную двумя полукруглыми арками. Рядом с входом возвышались две боковые лестницы, ведущие на устроенную вокруг колокольни террасу, с которой

¹⁶⁸³ Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1892. № 51. С. 1860.

открывался великолепный вид на море и Константинополь. Стену украшала мраморная доска с надписью: «Доблестным воинам Российской армии, за веру, Царя и Отечество в русско-турецкую войну 1877–78 года на поле брани смертью венчавшимся». Росписью храма занимались молодые выпускники Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств: А.Р. Эберлинг, Е.И. Стягов, Г.В. Белощенко, В.А. Плотников и Д.И. Глущенко¹⁶⁸⁴.

В крипте храма нашли упокоение останки 5 тыс. русских солдат и офицеров¹⁶⁸⁵ (по другим данным – около 20 тыс.)¹⁶⁸⁶, еще свыше 5 тыс. русских воинов были позднее похоронены вокруг храма-усыпальницы. В стены крипты вмуровали надгробия с перенесенных могил, в основном братских, и укрепили доски с именами павших офицеров и датами главных сражений.

6 (18) декабря 1898 г. состоялось освящение храма-усыпальницы. Его совершил настоятель российской посольской церкви в Константинополе архимандрит Борис (Плотников). На церемонии присутствовали бывший патриарх Иерусалимский Никодим (проживавший в Константинополе на покое), экзарх Болгарский Иосиф I, представители Вселенского патриарха, великий князь Николай Николаевич младший, члены русского посольства, послы Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Румынии в Турции, высшие турецкие сановники и офицеры русской армии¹⁶⁸⁷. Просуществовал памятник всего лишь 15 лет. Самостоятельного причта при храме не было, в нем служили приезжавшие из Константинополя

¹⁶⁸⁴ Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005. С. 357–358.

¹⁶⁸⁵ Шкаровский М.В. Русские церковные общины на территории Турции (Османской империи) в XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2 (33–34). С. 179.

¹⁶⁸⁶ В. Русский храм-памятник в Сан-Стефано // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1909. № 39. С. 1836.

¹⁶⁸⁷ Освящение храма в память русских воинов близ Сан-Стефано // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1898. № 51–52. С. 2005–2006.

русские иеромонахи: с 1900 г. – иеромонах Павел, а с 1913 г. – архимандрит Иона (Вуколов).

14 ноября 1914 г., через три дня после вступления Османской империи в Первую мировую войну, русский мемориал-усыпальница «Сан-Стефано» был взорван. Подготовка к сносу и сам взрыв были сняты на киноплёнку, став первым документальным фильмом в истории турецкого кинематографа. Этот фильм использовался в пропагандистских целях. По сообщению турецких газет, перед взрывом часть церковных ценностей, хранившихся в храме, была передана департаменту полиции, другая часть – русским монахам¹⁶⁸⁸.

Храмом-памятником, в крипте которого нашли упокоение останки русских воинов, павших за освобождение Болгарии, стал также храм Рождества Христова близ села (ныне – города) Шипка. Храм был воздвигнут на добровольные пожертвования русского народа, по инициативе матери героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерала М.Д. Скобелева О.Н. Скобелевой. Повсеместный в Российской империи сбор пожертвований «на сооружение православной церкви на Шейновском поле в Восточной Румелии» был разрешен императором Александром II 5 сентября 1879 г. «для увековечения в памяти потомства достославных подвигов победоносного нашего воинства в минувшую войну с Турцией на Шипкинских высотах и за Балканами, с тем, чтобы в сказанной церкви возносились ко Всевышнему молитвы за павших на Шипке и за Балканами наших воинов и за всех содействовавших освобождению и возрождению болгарского народа»¹⁶⁸⁹. Почин пожертвованиям положил сам император, пожаловавший для будущего храма 1 тыс. рублей, икону и ризницу. Почти через два года (к 1 июня 1881 г.) в Хозяйственное управление Святейшего

¹⁶⁸⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 179.

¹⁶⁸⁹ РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 92. Л. 109.

Синода для указанных целей со всей страны поступило 205 473 рубля 48 копеек¹⁶⁹⁰.

25 апреля 1880 г. с соизволения императора был образован Комитет по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 годов (сокращенное название – Комитет по постройке храма на Шипке). Председателем Комитета был избран гофмейстер императорского двора П.А. Васильчиков. О.Н. Скобелева и Н.П. Игнатъев вошли в состав членов-учредителей организации¹⁶⁹¹.

22 января 1881 г. на заседании Комитета было принято предложение Н.П. Игнатъева наименовать храм в честь Рождества Христова, поскольку в дни этого праздника на южном склоне Шипкинского перевала прошли последние кровопролитные бои, закончившиеся разгромом и пленением турецкой армии Вессель-паши и открывшие русским войскам дорогу на Константинополь. Северный придел храма было решено посвятить имени святителя Николая Чудотворца, южный – имени святого благоверного великого князя Александра Невского¹⁶⁹². 25 февраля 1881 г. решение Комитета было одобрено императором Александром II, который распорядился также «для увековечения памяти главнейших сподвижников войны иметь в этом храме иконы их тезоименитых святых»¹⁶⁹³.

Вскоре был объявлен конкурс на составление проекта храма-памятника, по итогам которого первая премия была присуждена академику архитектуры А.О. Томишко.

После гибели О.Н. Скобелевой (6 июля 1880 г.) и смерти прославленного «Белого генерала» М.Д. Скобелева (25 июня 1882 г.) Комитет, чтобы «еще теснее соединить» с возводимым храмом их память, постановил «устроить по обеим сторонам боковых приделов, в восточных

¹⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁶⁹¹ Там же. Л. 3 об.

¹⁶⁹² РГИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 137. Л. 15–15 об.

¹⁶⁹³ Там же. Л. 17.

оконечностях предполагаемого вокруг церкви крытого хода, две киоты: одну с изображением Святой Равноапостольной княгини Ольги, а другую – Архангела Михаила»¹⁶⁹⁴.

Место для сооружения храма было выбрано у подножия Балкан, западнее села Шипка, в самом начале перевала. Несмотря на готовность местных жителей безвозмездно уступить этот участок, его оформление затянулось на несколько лет. Турецкое правительство, под властью которого оставались болгарские земли к югу от Балкан (Восточная Румелия), всячески оттягивало решение этого вопроса. Наконец, в 1885 г. была совершена номинальная продажа участка на имя почетного жителя Казанлыка Папазоглу, который затем перевел право собственности на имя П.А. Васильчикова. В том же 1885 г. территория Восточной Румелии была присоединена к Болгарии. Начались подготовительные работы по сооружению храма, однако в 1888–1896 гг. они были приостановлены из-за разрыва дипломатических отношений между Россией и Болгарией¹⁶⁹⁵.

Для Комитета по постройке храма на Шипке наступил восьмилетний период вынужденного бездействия, в ходе которого на заседании 7 марта 1891 г. П.А. Васильчиков даже выразил сомнение в самой возможности осуществления проекта возведения храма-памятника у южного подножия Балкан и поставил принципиальный вопрос: «Не следует ли, в виду ставимых нам там политическими обстоятельствами препятствий, перенести деятельность Комитета на другую, более спокойную почву?»¹⁶⁹⁶.

Против этого предложения решительно выступил Н.П. Игнатьев, заявивший, что Комитет не может «самовольно» отступить от цели, намеченной его учредителями и «бесчисленными жертвователями», что «политические усложнения» не являются «безусловным, непреодолимым

¹⁶⁹⁴ РГИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–3 об.

¹⁶⁹⁵ П.Г. Храм-памятник у подножия Балкан для вечного поминовения православных воинов, павших в русско-турецкую войну 1877 и 1878 гг. // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1902. № 11. С. 370–377.

¹⁶⁹⁶ РГИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 149. Л. 56–58 об.

препятствием», а приостановка строительства храма «не может считаться иначе как временною». Более того, Н.П. Игнатьев заметил, что «временное бездействие Комитета дает ему возможность усилить те средства, которыми он будет располагать, когда наступит пора возобновить строительные работы», а также напомнил о планировавшемся устройстве при храме-памятнике Духовной семинарии и предложил на проценты с капитала Комитета учредить в русских духовных академиях и семинариях стипендию для болгар. Комитет поддержал Н.П. Игнатьева¹⁶⁹⁷.

Строительство храма возобновилось в мае 1897 г. Через год, 1 мая 1898 г., председателем Комитета вместо умершего П.А. Васильчикова был единогласно избран Н.П. Игнатьев¹⁶⁹⁸. Для руководства работами и разработки деталей утвержденного проекта был приглашен профессор архитектуры А.Н. Померанцев. Непосредственное наблюдение за строительством было возложено на архитектора А.Н. Смирнова. В 1902 г. храм был готов к освящению, которое решили приурочить к 25-летию Шипкинского сражения.

Вопрос об освящении храма оказался довольно щекотливым для России из-за продолжавшейся болгарской схизмы. Как упоминалось выше, Русская Церковь старалась не допускать случаев сослужения русского и болгарского духовенства, особенно высшего. Однако значимость предстоявшего события заслуживала того, чтобы сделать исключение. Совместное освящение храма-памятника было крайне важно для болгар. Еще в 1901 г. экзарх Иосиф I заявил русскому послу И.А. Зиновьеву, что «на болгарский народ произведет плохое впечатление, если храм на Шипке будет освящен без участия болгарского духовенства, и это будет чувствительным ударом для Болгарской Церкви. Зиновьев отвечал, что Русская Церковь никогда не считала Болгарскую схизматической; схизма, провозглашенная патриархией, — это злоупотребление властью. Сам он

¹⁶⁹⁷ Там же. Л. 58 об.–62.

¹⁶⁹⁸ РГИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 101. Л. 44.

писал в Петербург и надеется, что освящение будет совершено с участием болгарского духовенства, только до поры до времени это нужно держать в тайне от греков, чтобы они не помешали»¹⁶⁹⁹. В беседе с болгарским посланником в Петербурге Д. Станчовым экзарх Иосиф I также подчеркнул, что при освящении храма на Шипке «очень желательным является совместное служение русского и болгарского духовенства, как происходило во время войны»¹⁷⁰⁰.

Опасаясь нареканий со стороны Константинопольского Патриархата, русская сторона предложила некую полумеру, рассматривая ее как «большую уступку» болгарам: протопресвитер русского военного и морского духовенства освятит один престол, местный болгарский архиерей – остальные два (до или после русского освящения), затем будет отслужена литургия болгарским владыкой в сослужении с русским протопресвитером. Об этом, в частности, 29 августа 1902 г. болгарский министр финансов М.К. Сафаров сообщил митрополиту Варненскому и Преславскому Симеону. В ответном письме от 31 августа 1902 г. Симеон выразил недоумение по этому поводу: «По правде говоря, трудно понять, почему делается подобное предложение. Если дело в схизме, то в таком случае не следовало бы допускать совершение и божественной литургии в сослужении»¹⁷⁰¹. Правильно понимая сложное положение русских между греками и болгарями, митрополит Симеон на следующий день даже написал М.К. Сафарову, что болгарскому духовенству, возможно, вообще следует устраниваться от участия в церемонии: «...По моему личному мнению, следует оставить людей освящать свой храм и служить в нем, без малейших притязаний с нашей стороны вмешиваться в освящение храма и

¹⁶⁹⁹ Герд Л.А. Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 гг. М., 2012. С. 141.

¹⁷⁰⁰ Там же.

¹⁷⁰¹ Там же. С. 142.

их священнодействия; нам следует держаться совершенно в стороне, чтобы не смущать их совесть»¹⁷⁰².

Торжественное освящение храма Рождества Христова состоялось 15 сентября 1902 г. Выяснить, каким именно образом происходило освящение каждого из трех престолов (по приведенному выше плану или нет), к сожалению, не удалось. Однако несомненно то, что сослужение русского и болгарского духовенства имело при этом место. В «Прибавлениях к Церковным ведомостям» о событии сообщалось так: «15-го сентября совершилось освящение храма-памятника, воздвигнутого в память русских воинов, павших на поле брани за освобождение болгар. Чин освящения совершал митрополит Старо-Загорский Мефодий в сослужении протопресвитера военного и морского духовенства о. Желобовского, русского и болгарского духовенства, в присутствии великого князя Николая Николаевича и болгарского князя. После освящения и литургии был совершен молебен за государя императора и за весь царствующий дом»¹⁷⁰³. В состав русской делегации также вошли Н.П. Игнатьев, военный министр А.Н. Куропаткин, ветераны войны – генералы М.И. Драгомиров, Н.Г. Столетов, К.Б. Чилев, М.П. Толстой, многие участники боев на Шипкинском перевале и делегации от 24 воинских частей.

Реакцию болгарской публики на совместное священнодействие представителей Русской и Болгарской Церквей в такой знаменательный для Болгарии день передал в своих воспоминаниях присутствовавший на Шипке писатель и журналист В.А. Гиляровский: «Русское и болгарское духовенство соборно освящают храм. Старо-Загорский митрополит Мефодий и протопресвитер Желобовский, с протоиереями Философовым и Мещерским, в сослужении 14-ти болгарских священников и певчими лейб-гвардии Преображенского полка. И умиляется, и полон радостью

¹⁷⁰² Там же. С. 143.

¹⁷⁰³ Торжество на Шипке // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1902. № 38. С. 1340.

народ болгарский, что русское и болгарское духовенство служат вместе!.. Со слезами умиления высказывали нам эти чувства почтенные люди Болгарии. Светлый, прекрасный храм полон молящимися»¹⁷⁰⁴.

На торжественном обеде, состоявшемся после освящения храма, князь Болгарии Фердинанд (с 1908 г. – царь) подчеркнул «великое значение» свершившегося события: «В том месте, где заблестела заря болгарской свободы, где раздавалось русское “ура!”, где скалы орошены геройской кровью, русский народ воздвиг храм-памятник, откуда звон будет разносить память о великодушии и истинно-христианской любви России»¹⁷⁰⁵.

Как и следовало ожидать, произошедшее не осталось незамеченным в Константинопольской Патриархии. В октябре 1902 г. на заседаниях патриаршего Синода дважды предлагалось заявить протест (сначала – потребовать от российского Синода наказать сослуживших русских клириков в соответствии с решениями Собора 1872 г., затем – доложить в Петербург недоумение Великой Церкви по поводу сослужения), однако оба раза патриарх Иоаким III откладывал обсуждение этого вопроса. Наконец, 19 ноября 1902 г. патриарх доложил на заседании Синода, что сообщил русскому послу И.А. Зиновьеву о «беспокойстве, которое проявляет Великая Церковь по поводу события на Шипке». Тот объяснил случившееся тем, что «два из сослуживших священников были полковыми и поэтому были вынуждены подчиниться военному министру»; протопресвитер же «до последнего момента отказывался служить со Старо-Загорским митрополитом». Иоакиму III пришлось удовлетвориться таким объяснением и отвечать, что «в Константинополе так и думали, что российский Святейший Синод не мог допустить подобных действий без давления со стороны светских властей»¹⁷⁰⁶.

¹⁷⁰⁴ Гиляровский В.А. Шипка прежде и теперь. 1877–1902. М., 1902. С. 34–35.

¹⁷⁰⁵ Торжество на Шипке. С. 1340.

¹⁷⁰⁶ Герд Л.А. Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 гг. С. 143.

Как видим, по сравнению с 1878 г. недовольство Константинопольской Патриархии было выражено в довольно мягкой форме. Тем не менее российский Святейший Синод, в ведении которого находился храм Рождества Христова на Шипке, вновь проявил осторожность и по церковно-политическим соображениям так и не открыл уже построенную при храме Духовную семинарию для болгар.

Здание храма Рождества Христова построено в стиле русских церквей XVII века. Главный кубический объем увенчан пятью золочеными куполами луковичной формы и украшен разноцветными декоративными поясами, а подкровельные карнизы и оконные проемы – кокошниками. С восточной стороны к нему примыкают три полуцилиндрические алтарные апсиды, с западной он соединяется притвором с величественной многоярусной шатровой колокольной. С северной и южной сторон главного корпуса тянутся открытые галереи, по углам которых устроены крылечки с небольшими шатровыми покрытиями. С восточной стороны алтарные выступы окружает ризница одинаковой высоты с галереями. В храм ведут три входа: главный, заключенный между поддерживающими основание колокольни массивными четырехугольными столбами, и два по бокам притвора. Основной цвет здания темно-красный. На этом фоне выделяются белые тройные полуколонны, яркие майоликовые пояса и рисованные орнаменты, изображающие стилизованные растения и птиц. Прорезанные слуховыми окнами шатер колокольни и шатровые покрытия галерей имеют восьмигранную форму и облицованы светло-зелеными и белыми керамическими плитками. Пять куполов храма, а также главки колокольни и шатровых крыш на галереях увенчаны десятью восьмиконечными крестами. Высота главного купола с крестом составляет 47 м, колокольни – 54 м¹⁷⁰⁷.

¹⁷⁰⁷ *Игнатъев А.* Храм-памятник на Шипке // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 10. С. 58–59.

На колокольне храма имеется 17 колоколов, 12 из которых отлиты в Москве на заводе П.Н. Финляндского. Общий вес колоколов составляет свыше 1 300 пудов. На самом большом из них весом 711 пудов помещены барельефные изображения святителя Николая Чудотворца, святого благоверного князя Александра Невского, святой Марии Магдалины и святой мученицы царицы Александры. Пять малых колоколов подарил храму купец Н.И. Оловянишников¹⁷⁰⁸.

Внутри своды храма поддерживают четыре больших столба-пилона. Общая площадь внутреннего пространства храма вместе с притвором – 330 кв. метров. Резные позолоченные иконостасы сделаны по проекту А.Н. Померанцева в мастерской А.Ю. Ягна. 83 иконы для них написаны на кипарисных досках переходным афонским письмом. Они были выполнены по заказу Н.П. Игнатьева в школе живописцев афонского Свято-Пантелеимонова монастыря под руководством иеромонаха Павла. На 16 из них изображены святые, соименные героям Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на 26 – особенно чтимые Болгарской Православной Церковью. На пилонах храма и на стенах размещены иконы, пожертвованные разными лицами¹⁷⁰⁹.

Роспись стен и сводов была начата П.Е. Мясоедовым, а закончена после длительного перерыва в 1958–1959 гг. коллективом русских и болгарских художников под руководством Н.Е. Ростовцева: К. Йордановым, Я. Сорокиным, Г. Белостойневым, П. Сеферовым и М. Маковкиным. Роспись выполнена в древнерусском стиле, в золотисто-синих тонах. На южной стороне храма изображены преимущественно русские, на северной – болгарские святые. Притвор украшают две композиции: «Преподобный Сергей благословляет князя Дмитрия Донского на битву с поработителями татарами в 1380 г.» и «Молитва

¹⁷⁰⁸ Русские храмы и обители в Европе. С. 34.

¹⁷⁰⁹ Там же. С. 35; *Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М.* История Русского Афона. М., 2016. С. 124.

святого благоверного князя Александра Невского и видение воина Филиппа»¹⁷¹⁰.

На внутренних и внешних стенах храма размещены 34 мраморные доски (18 внутри и 16 снаружи), текст которых имеет общее заглавие: «Павшие на Балканском полуострове в войну 1877–1878 гг.». На них золочеными буквами высечены имена офицеров и число рядовых с указанием воинских частей, в которых они состояли. На четырех из этих досок указаны русские и болгарские воины, павшие в рядах болгарского ополчения. Списки погибших были подготовлены в Генеральном штабе в Петербурге, а доски изготовлены в мастерской Н.А. Захарова в Москве.

Согласно итоговому отчету Комитета от 8 июня 1903 г., общая стоимость храма с его внутренней отделкой и убранством составила 449 113 рублей 95,5 копеек, стоимость остальных сооружений (при храме были построены дом для причта и учительского персонала, несколько хозяйственных построек, больница и упоминавшееся выше здание Духовной семинарии) – 213 110 рублей 28 копеек. Итого было затрачено: 662 224 рубля 23,5 копеек¹⁷¹¹.

В 1914 г. в крипте храма по проекту К. Петкова были установлены иконостас и 17 мраморных надгробий в виде наклоненных плит с перенесенными из заброшенных могил останками погибших русских воинов. На плитах высечены наименования воинских частей, к которым принадлежали покоящиеся под ними воины. В том же году состоялось освящение церкви-усыпальницы в честь Всех святых, в Русской и Болгарской Церквях просиявших. В 1967 г. там же были захоронены останки русских освободителей, найденные на Шипкинском перевале.

Первоначально храм Рождества Христова имел статус монастыря и находился в ведении Русской Православной Церкви. Его причт, состоявший из одного иеромонаха и трех псаломщиков, направлялся из

¹⁷¹⁰ *Игнатъев А.* Храм-памятник на Шипке. С. 60.

¹⁷¹¹ РГИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 98 об.

Алекسانдро-Невской, а затем Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавр. В 1934 г. Россия передала храм «в собственность болгарской нации». После Второй мировой войны он был включен в единый парково-музейный комплекс «Шипка–Бузлуджа». 9 февраля 2005 г. храм-памятник Рождества Христова на Шипке перешел в ведение Болгарской Православной Церкви.

Еще одним храмом-памятником Освобождения Болгарии, воздвигнутым на Балканах, стал собор Святого Александра Невского в Софии, сооруженный стараниями уже не русского, а болгарского народа. Решение о его создании было принято 13 апреля 1879 г. на заседании Учредительного Народного собрания, созванного в древней столице Болгарии г. Велико-Тырново. Предложение построить храм в знак признательности русскому народу за освобождение Болгарии от османского ига и посвятить его «русскому святому и герою» Александру Невскому, небесному покровителю императора Александра II, внес известный болгарский политик П.С. Каравелов. Местом для храма-памятника первоначально была избрана вершина холма Царевец в Велико-Тырново, но через год было решено, что им должна стать новая столица Болгарии София. Была сформирована соответствующая Комиссия под председательством епископа Браницкого Климента (Друмева; с 1884 г. – митрополит Тырновский), которая обратилась к болгарскому народу с воззванием о сборе пожертвований на сооружение храма-памятника¹⁷¹².

19 февраля 1882 г. в центре Софии состоялась закладка храма, однако по политическим и иным причинам его возведение затянулось на несколько десятилетий.

Первоначальный проект храма был составлен в 1883 г. русским академиком архитектуры И.С. Богомоловым, а через 12 лет, в течение которых так и не приступили к строительству, он был переработан

¹⁷¹² *Игнатъев А.* Патриарший собор Св. Александра Невского в Софии // Журнал Московской Патриархии. 1964. № 1. С. 34.

А.Н. Померанцевым в соответствии с высказанными ему пожеланиями сделать собор более обширным, величественным и отражающим черты древнеболгарского зодчества. Новый проект был представлен в 1895 г., а его утверждение и заключение договора между А.Н. Померанцевым и болгарским Министерством общественных сооружений состоялись лишь в 1904 г. В том же году начались, наконец, строительные работы, которыми непосредственно на месте руководили помощники А.Н. Померанцева А.А. Яковлев и А.Н. Смирнов. С болгарской стороны в строительстве принимали участие архитекторы П. Момчилов, Ю. Миранов, Я. Шамарджиев, Т. Петров и др. В 1912 г. возведение храма было завершено, однако его освящения пришлось ждать еще 12 лет¹⁷¹³.

За это время собор чуть было не изменил свое наименование. Осенью 1915 г., когда Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Центральных держав (Четверного союза), царь Фердинанд I воспротивился тому, чтобы сооруженный храм носил имя русского святого, и болгарское правительство постановило переименовать его во имя Святых Кирилла и Мефодия. 2 марта 1916 г. решение правительства было одобрено Народным собранием. То, что прения по этому вопросу начались 1 марта, в день гибели Освободителя Болгарии, не слишком остановило депутатов, лишь немногие из которых осмелились отстаивать историческую справедливость и утверждать, что следует избегать всего, что может ухудшить отношения с Россией, добрые чувства к которой сохраняет болгарский народ. Решение болгар о переименовании храма-памятника российские «Церковные ведомости» назвали «великим грехом Болгарии»¹⁷¹⁴. В храме были заменены памятные доски и изменено расположение икон, однако его освящение по-прежнему откладывалось. В 1919 г., когда Фердинанд I отрекся от престола и покинул страну, по

¹⁷¹³ Там же. С. 35.

¹⁷¹⁴ Церковная жизнь за границей // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 12. С. 345.

просьбе Священного Синода Болгарской Церкви правительство вынесло постановление о возвращении собору первоначального наименования.

12 сентября 1924 г., в день празднования памяти святого благоверного князя Александра Невского, митрополитом Пловдивским Максимом (Пеловым) было совершено освящение главного алтаря храма. 13 и 14 сентября были освящены соответственно северный придел во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и южный – во имя святого царя Бориса.

Собор расположен в центре обширной площади Александра Невского. Он представляет собой громадный храм крестово-купольного типа длиной свыше 70 м и шириной 52 м. Высота главного купола – 45 м, купола колокольни – 50 м. Оба они покрыты золотом и увенчаны четырехконечными крестами почти пятиметровой высоты. С восточной стороны собора в двух нижних ярусах выступают три алтарные апсиды, из которых центральная выдвинута вперед и образует полукружие. Над этой апсидой возвышается полукруглый выступ главного корпуса храма, по такому же выступу имеется с южной и северной сторон. Над полукуполами этих выступов покоится главный купол, который опирается на широкий цилиндрический барабан. Подкупольное пространство и выступы храма прорезаны продолговатыми окнами, отделенными друг от друга тройными полуколонками, увенчанными капителями. Другие оконные проемы здания также украшены тройными или одиночными колонками. С западной стороны, над главным входом в притвор храма, возвышается колокольня, купол которой покоится на тройных полуколонках, разделенных большими свободными проемами. В ней находятся 12 колоколов, самый большой из них весит свыше 700 пудов, самый маленький – около пуда. Несколько ниже звонницы, над главным входом, виден мозаичный образ святого Александра Невского. С двух сторон от главного входа находятся два другие, покрытые небольшими позолоченными куполами. С северной и южной сторон имеются также

боковые входы. Ведущие в храм дубовые двери украшены резьбой, исполненной в древнеболгарском стиле. С северной, восточной и южной сторон собор опоясывают крытые галереи, в восточной части которых размещаются ризница и библиотека¹⁷¹⁵.

У главного входа в собор помещены мраморные доски, на которых на русском и болгарском языках высечена следующая надпись: «Сооружен и украшен сей величественный соборный храм св. Александра Невского с престолами свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия и св. царя Бориса по родолюбивому решению Первого Народного Собрания в Тырнове 13 апреля 1879 года усердием и добровольными пожертвованиями всего болгарского народа для увековечения его братской любви и глубокой признательности к великому русскому народу за освобождение Болгарии в 1878 году. Основной камень на этом месте был положен 19 февраля 1882 года. Постройка храма началась в 1904 году и была закончена в 1912 году. Освящение храма состоялось 12–14 сентября 1924 года. Вечная слава павшим за свободу Болгарии русским воинам!».

Внутри собор поражает великолепным художественным оформлением и богатством отделки. В росписи стен и создании икон для иконостасов принимали участие известные русские и болгарские художники: П.Е. Мясоедов, В.М. Васнецов, А.П. Судковский, В.Е. Савинский, Н.А. Бруни, В.Д. Болотнов, А.А. Киселев, А.М. Корин, А.Н. Новосколецев, И. Мрквичка, Х. Тачев, Н. Маринов, А. Белковский и др.

С 1951 г. храм-памятник Святого Александра Невского является патриаршим кафедральным собором. Это один из первых по величине и великолепию храмов на Балканском полуострове.

Таким образом, Сан-Стефанский мирный договор был с восторгом встречен в Болгарии и России, а пересмотр его условий на Берлинском конгрессе вызвал почти всеобщее недовольство, что неизбежно привело к падению авторитета императорской власти. В этой ситуации Русская

¹⁷¹⁵ *Игнатъев А.* Патриарший собор Св. Александра Невского в Софии. С. 37.

Церковь поддержала правительство, акцентируя внимание на положительных сторонах Берлинского договора и подчеркивая необходимость сохранения «общеевропейского мира». Хотя итоги войны 1877–1878 гг. и не позволили России в полной мере выполнить ее внешнеполитическую программу решения Восточного вопроса, Берлинский трактат стал все же значительным этапом в освобождении балканских народов и создал условия для их последующего прогрессивного развития. Осознание русским и болгарским народами значимости итогов и священного характера войны 1877–1878 гг. привело к возникновению на территории России и Болгарии величественных церковных памятников, воздвигнутых в память русских воинов, павших за освобождение Болгарии.

* * *

Таким образом, предысторией Восточного кризиса середины 1870-х гг., вызвавшего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., была греко-болгарская церковная распря, являвшаяся первым этапом борьбы болгарского народа за независимость. В этом церковно-политическом споре Россия, исходя из принципа единства православия на Востоке, не могла «выбрать» какую-то одну из конфликтовавших сторон и порвать отношения с другой. Поэтому и светская, и церковная дипломатии с помощью ряда довольно осторожных шагов старались сначала примирить противников путем взаимных уступок и достижения компромисса, а затем – добиться канонического признания независимости Болгарской Церкви. Болгарская схизма 1872 г. создала определенные предпосылки для Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: вызвав противоположные мнения в российском обществе, в целом она обеспечила в нем рост панславистских настроений, пик которых пришелся на время Восточного кризиса 1875–1878 гг., вылившись в так называемое российское «славянское движение», ставшее одним из факторов, склонивших колебавшегося императора Александра II к вооруженному вмешательству в балканские события.

В 1875–1876 гг., с началом национально-освободительного движения на Балканах, Русская Церковь вместе со Славянскими комитетами встала во главе российского «славянского движения». Священнослужители рассказывали пастве о бедствиях единоверных и единокровных «братьев-славян», томящихся под турецким исламским игом (для крестьян церковная проповедь зачастую являлась единственным источником информации на подобные темы), и призывали к сбору средств в пользу жертв восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии, во время сербско-турецкой войны 1876–1877 гг. принимали участие в добровольческом движении (напутствовали отправлявшихся на Балканы добровольцев, служили молебны о даровании победы «славянскому оружию» и панихиды по погибшим, отправляли в сербскую армию походные церкви и т.д.).

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Церковь, большая часть общества и правительство Российской империи выступили в тесном единстве. Русская Церковь воспринимала и позиционировала начавшуюся войну как справедливую и священную брань за освобождение единоверных и единоплеменных народов, как выполнение Россией своего исторического призвания и религиозно-нравственного долга. Важным вкладом Церкви в общее дело борьбы с врагом стали различные меры, направленные на организацию духовной и материальной помощи русской армии. Многие из этих мер были связаны с деятельностью Общества попечения о раненых и больных воинах, ставшего главным центром частной помощи на войне (духовенство собирало денежные средства на нужды больных и раненых воинов, изготавливало корпию и другие госпитальные принадлежности, пополняло ряды сестер и братьев Красного Креста монашествующими и послушниками, предоставляло под лазареты монастырские здания, организовывало и финансировало госпитали в обителях и т.д.). Особую активность проявляли монастыри, инициатива которых по указанным вопросам нередко предваряла соответствующие распоряжения Синода. Непосредственно на театре войны неопределимую

помощь врачам военно-медицинского ведомства оказали общины сестер милосердия и летучие отряды Красного Креста. Военное духовенство традиционно разделило со своей паствой все тяготы похода, нередко подвергаясь опасности и рискуя жизнью.

Духовная поддержка, оказанная болгарам Русской Церковью во время войны 1877–1878 гг., вызвала напряженность в ее отношениях с Константинопольским Патриархатом. В 1879 г. российский Святейший Синод впервые был вынужден официально заявить Вселенскому патриарху, что не считает болгар схизматиками, однако, опасаясь дальнейшего осложнения межцерковных отношений с Константинополем, на которые во многом опиралась российская внешняя политика на Ближнем Востоке, все же не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения. В свою очередь, Константинопольский Патриархат также стремился сохранить тесные канонические отношения с Русской Церковью, о чем свидетельствуют, в частности, покровительство и реальная помощь, оказанные патриархом Иоакимом II инокам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, оказавшимся во время войны на грани выдворения со Святой Горы.

Итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., несомненно, имели прогрессивное значение, несмотря на то, что они не только не позволили России в полной мере выполнить ее внешнеполитическую программу решения Восточного вопроса, но и способствовали осложнению экономического и внутривнутриполитического положения страны. Несмотря на все уступки, которые Россия была вынуждена сделать западным державам в качестве платы за их нейтралитет в ходе войны, Берлинский трактат стал значительным этапом в освобождении балканских народов и создал условия для их последующего прогрессивного развития.

Заключение

Проведенное исследование показало, что роль Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. определялась прежде всего положением, которое она занимала в государстве, а также отношением христианского вероучения к войне и воинской службе. Анализ текстов Библии и церковных канонов свидетельствует о том, что христианство, считая войну несомненным злом (физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти), а убийство – одним из самых тяжелых грехов, все же не закрывает воинам, убившим врага на поле битвы, путь к спасению души. Рассмотрение канонической и практической позиции Русской Церкви, нашедшей отражение в письменных памятниках (летописях и трудах церковных иерархов), иконографии, агиографии, литургическом творчестве и храмовой архитектуре, показало, что Россия в данном отношении пошла дальше Византии: начиная с XII в., в русской православной традиции не воспроизводилась прямо «византийская модель», а создавалась новая идеология «священной войны», согласно которой воинское служение считалось святым и праведным, войны в защиту православной веры, Отечества и единоверцев признавались священными, а гибель в них приравнивалась к пролитию мученической крови.

Как институт основного исповедания страны Русская Православная Церковь в той или иной мере всегда была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности: социально-политическую, культурно-просветительскую, внешнеполитическую и военную. Особенно ярко это проявлялось в синодальный период: Святейший Синод, фактически включенный в систему государственного управления, был тесно связан с монархической властью общими задачами и приоритетами. Православие являлось идеологической и духовной основой Российской империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Православная вера

традиционно являлась основой национальных особенностей ратного служения. Она санкционировала и определяла правомерность и праведность применения вооруженной силы, а также нормы поведения и духовный облик российского воинства. Задачи духовного окормления и религиозно-патриотического воспитания русских воинов выполнял институт военного и морского духовенства. Духовно стабилизируя каждого солдата и армию в целом, Церковь была серьезной силой в деле обеспечения национальной безопасности.

Все рассмотренные в диссертационном исследовании войны имели ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Во всех этих войнах Русская Церковь принимала активное участие, всем им давала идеологическое обоснование.

Первый крупнейший военный конфликт в истории России XIX в. – война 1812–1814 гг. (особенно – Отечественная война 1812 года) – был не только военно-политическим столкновением государств, но также противостоянием двух цивилизаций: российской и западноевропейской. Россия вела борьбу с наполеоновской Францией, под знаменами которой в 1812 г. находились почти все государства Западной Европы (называемые в церковных кругах «двадесять язык»). Многие современники воспринимали происходившее как противостояние православной России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. Гонения на Церковь и духовенство времен Великой Французской революции, введение республиканского календаря и провозглашение новой религией культа Разума, слишком прагматичная, даже беспринципная церковная политика Наполеона, приведшая его к отлучению от Церкви, создавали ощущение некоего духовно-религиозного мятежа, поднятого Наполеоном против христианства. Великая армия, покрывшая кровью половину Европы, грабившая и осквернявшая русские православные храмы, воспринималась многими как своеобразная темная сила, а ее предводитель сравнивался, а порой и отождествлялся с

Антихристом. В немалой степени подобному восприятию способствовала активная позиция Русской Церкви. В воззваниях Синода, проповедях иерархов и приходских священников отмечался освободительный, священный характер войны, подчеркивалась «безбожная», а порой даже «демоническая» сущность Наполеона и проводилась мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь французского императора, спасти от него Россию и освободить Европу. Религиозная риторика активно использовалась также государственными деятелями, поэтами и публицистами. Церковная и светская пропаганда, формировавшая негативный образ врага, или «черную легенду» о Наполеоне, несмотря на имевшие место преувеличения, опиралась на реальные исторические факты и представляла собой довольно мощное идеологическое оружие. Она стала одной из наиболее эффективных мер, выработанных Церковью и правительством для борьбы с иноземным вторжением, имевшим огромные масштабы и высокую степень опасности. Противопоставление «безбожной» Франции и православной, руководствующейся велениями нравственности России, «красной нитью» проходившее через всю антинаполеоновскую пропаганду, способствовало также тому, что в противовес образу «демона» Наполеона складывался образ «ангела» Александра I, который окончательно оформился в 1814 г., когда российский император, по словам современника Р.М. Зотова, «за разорение Москвы мстил одним милосердием».

Проявлением религиозно-цивилизационного противостояния России и «безбожной» Франции во время войны 1812–1814 гг. стало, в частности, разграбление и осквернение наполеоновскими солдатами русских православных храмов и монастырей, вызванное индифферентным отношением завоевателей к религии. В последнем русские солдаты и офицеры смогли убедиться также во время Французской кампании 1814 г., когда увидели пустующие действующие или разоренные в революционный период и не восстановленные впоследствии французские католические

церкви. Разорение и осквернение солдатами Великой армии русских храмов (особенно – древних московских святынь) вызвало в русском обществе взрыв всеобщего негодования и способствовало расширению движения народного сопротивления, имевшего на территории центральных губерний России огромный размах. В развернувшейся «народной войне» активное участие принимали приходские священники, которые нередко даже организовывали и возглавляли крестьянские отряды самообороны. В западных районах империи (Литве, Белоруссии и Польской Украине), вошедших в состав России за 20–40 лет до войны 1812 года в результате разделов Польши, движение народного сопротивления практически отсутствовало, а часть местных духовных и светских властей открыто перешла на сторону противника. Автор полагает, что это явилось следствием четырехвекового «ополячивания» и «окатоличивания» местного населения, а также сложной политики Александра I и Наполеона в польском вопросе. Важно подчеркнуть при этом, что массовой поддержки со стороны народных масс и рядового духовенства Великая армия Наполеона в Западном крае не получила: местные жители оказывали противнику «пассивное сопротивление», а приходские священники проводили политику невмешательства (за исключением части могилевского духовенства, присягнувшего Наполеону по предписанию архиепископа Варлаама (Шишацкого)).

Крымская война 1853–1856 гг. также была не только военно-политическим столкновением государств, но и религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы. Среди большого комплекса причин, породивших войну, важное место занимает церковно-политический фактор. Поскольку в XIX в. на Ближнем Востоке и в христианской Европе межконфессиональные противоречия зачастую были неотделимы от политических, то внезапно обострившиеся в конце 1840-х – начале 1850-х гг. давние разногласия между католиками и православными Святой Земли относительно контроля за святыми местами,

будучи поддержаны соответственно французской и российской дипломатиями, вскоре вылились в международный кризис. Спор о святых местах Палестины был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Николай I, осознававший Российскую империю как гаранта прав Вселенской Православной Церкви, не мог позволить западной (прежде всего – французской) дипломатии «выдавить» себя с позиции защитника православных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке, ибо от этого напрямую зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе.

С первых дней Крымской войны православная составляющая заняла важное место в ее идеологическом обосновании, проводимом Николаем I и Русской Церковью. Военный конфликт представлялся как борьба за святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи, а также как противостояние православной России и «неправославного Запада». Востребованным оказалось и обращение к памяти священной Отечественной войны 1812 года. Российское общество воспринимало Крымскую войну как очередной этап борьбы Запада против России и проводило ассоциативные параллели с 1812 г., чему способствовал также тот факт, что одним из основных противников снова была Франция, во главе которой вновь стоял Наполеон – племянник знаменитого французского императора. Священный характер войны признавала и Католическая Церковь Франции, представляя ее как крестовый поход католичества против православия. Автор приходит к выводу, что к середине XIX в. во Франции наметился определенный католический ренессанс, выражавшийся не только в попытке Наполеона III возродить былое покровительство католикам Святой Земли, но и в поведении французских солдат на территории России. В отличие от 1812 г., французы уже не грабили в массовом порядке православные храмы и монастыри, а относились к ним с уважением, хотя отдельные случаи вандализма по отношению к святыням все же встречались. Одним из

проявлений религиозно-цивилизационного противостояния России и Западной Европы в годы Крымской войны стала, в частности, политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством (особенно – польского происхождения) среди российских военнопленных с целью заставить их изменить веру и перейти на службу противнику, а также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов.

Религиозная составляющая заняла ключевое место в идеологическом обосновании и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русская Церковь воспринимала и позиционировала эту войну как справедливую и священную брань за освобождение единоверных и единоплеменных народов Балканского полуострова от турецкого исламского ига, как выполнение Россией своего исторического призвания и религиозно-нравственного долга. Предпосылки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в определенной степени были связаны с церковно-политическими вопросами на Ближнем Востоке. Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Россия осторожно попыталась выступить посредником в греко-болгарском церковном споре, в ходе которого болгарский народ вел борьбу за национальную автокефальную Церковь, что стало первым этапом его борьбы за политическую независимость. Опираясь на принцип единства православия на Востоке, усиливавший, по мнению российских властей, позиции как православных народов, проживавших в исламском государстве, так и оказывавшей им покровительство России, русская церковная и светская дипломатия старалась сначала примирить противоборствующие стороны путем взаимных уступок и достижения разумного компромисса, а затем – добиться канонического признания независимости Болгарской Церкви. Развитие греко-болгарской церковной распри (особенно – болгарская схизма 1872 г.), вызвав противоположные мнения в российском обществе, в целом обеспечило в нем рост панславистских настроений, пик которых пришелся на время Восточного

кризиса 1875–1878 гг., вылившись в российское «славянское движение», ставшее одним из факторов, склонивших колебавшегося императора Александра II к вооруженному вмешательству в балканские события. На начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876) Русская Церковь вместе со Славянскими комитетами фактически встала во главе российского «славянского движения», а с началом войны приняла ряд мер, направленных на организацию духовной и материальной помощи русской армии.

Духовная поддержка, оказанная болгарам Русской Церковью во время войны 1877–1878 гг., вызвала напряженность в ее отношениях с Константинопольским Патриархатом, выразившуюся, в частности, в ряде протестов по поводу совместных богослужений русских армейских священников с болгарским духовенством. В итоге российский Святейший Синод впервые был вынужден официально заявить Вселенскому патриарху, что не считает болгар схизматиками, однако, опасаясь дальнейшего осложнения межцерковных отношений с Константинополем, не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения. В свою очередь, Константинопольский Патриархат также был заинтересован в сохранении прежних канонических отношений с Русской Церковью, о чем свидетельствуют как покровительство и реальная помощь, оказанные во время войны патриархом Иоакимом II инокам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, так и неприведение в действие решения Собора 1872 г., согласно которому схизматиками должны были быть объявлены все, вступившие в духовное общение со схизматиками-филетистами.

Во время всех войн Русская Церковь выступала в тесном единстве с государственной властью и народом. Помимо церковной проповеди, в которой давалось духовно-нравственное истолкование причин, целей и смысла войны, что, безусловно, сплачивало общество и поддерживало в нем религиозно-патриотические настроения, Церковь принимала

различные меры, направленные на военные нужды: в 1812 г. и 1855 г. духовенство внесло существенный вклад в организацию народных ополчений (при этом в 1855 г. в определенной мере был использован опыт 1812 г.), в 1877–1878 гг. тесно сотрудничало с Обществом попечения о раненых и больных воинах, ставшем главным центром частной помощи на войне (собирало денежные средства для Красного Креста, изготавливало корпию и другие госпитальные принадлежности, формировало из монашествующих и послушников отряды «сердобольных» сестер и братьев, предоставляло под лазареты монастырские здания, организовывало и финансировало госпитали в обителях) и др.

Непосредственно на театре военных действий находилось военное и морское духовенство, являвшееся духовной опорой и неотъемлемой частью российской армии и флота. Во время всех войн армейские священники и флотские иеромонахи, помимо исполнения своих прямых обязанностей (отправления богослужений, исполнения духовных треб, проведения пастырских бесед, освящения батарей и др.), участвовали в сражениях, где нередко, вставая впереди с крестом в руке, подавали своей пастве примеры героизма и самоотверженности, а также оказывали помощь раненым на перевязочных пунктах. Деятельность военного духовенства имела огромное значение, так как восстанавливала душевное равновесие офицеров, солдат и матросов, укрепляла их боевой дух. В течение рассмотренных в исследовании войн за проявленные отличия 3 военных священнослужителя были награждены орденом Св. Георгия 4-го класса, 174 – другими орденами, 108 – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте; десятки священников получили основные церковные награды: набедренник, скуфью, камилавку, наперсный крест, выдаваемый от Синода (подробнее об этом в приложении). 16 военных священников погибли или умерли от полученных ран.

Во время Отечественной войны 1812 года и Крымской войны священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на

территории, охваченной военными действиями, оказывали духовную помощь русским войскам и нередко принимали непосредственное участие в отражении неприятеля (наиболее яркий пример – оборона Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. от нападения английской эскадры).

Задачей приходского духовенства в годы войн становилось также поддержание спокойствия в помещичьих имениях, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в районах, населенных мусульманами. Иногда действия духовенства в данном направлении не венчались успехом: весной 1855 г. в некоторых губерниях (главным образом – в Киевской) в связи с неправильным истолкованием царского манифеста об ополчении прошли крестьянские волнения, в ходе которых пострадали десятки священников. В 1812 г. имели место антифеодальные крестьянские выступления, хотя они носили эпизодический характер.

Во второй половине XIX в. Церковь сыграла определенную роль в создании общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. – Российское Общество Красного Креста). Становление в России частной медицинской помощи на театре военных действий было тесно связано с религиозными вопросами, о чем ярко свидетельствует опыт Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых, которая стала прообразом Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею. Присутствие священников на перевязочных пунктах и в госпиталях оказывало существенную помощь врачам и сестрам и благотворно действовало на раненых.

В годы военных конфликтов русское духовенство, находившееся на территории стран-противников, старалось по возможности сохранить там свое физическое и духовное присутствие: настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереи И. Васильев и Е. Попов во время Крымской войны остались во Франции и Англии, где оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным; иноки Русского Свято-Пантелеймонова монастыря,

находившегося в юрисдикции Константинопольского Патриархата, но считавшегося российской дипломатией одной из важных опорных точек политики России на Ближнем Востоке, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. не покинули Святую Гору.

Вклад духовного сословия в общее дело борьбы с врагом был высоко оценен государственной властью. Для духовенства, священнодействовавшего во время Отечественной войны 1812 года и в период Крымской войны 1853–1856 гг., были учреждены специальные памятные кресты.

Итоги рассмотренных в диссертационном исследовании войн оказали огромное влияние и на российскую, и на мировую историю. После войны 1812–1814 гг., не случайно называемой в историографии «эпохой 1812 года», по сути, был установлен новый «миропорядок» первой половины XIX столетия. Международный конгресс в Вене, увенчавший череду наполеоновских войн, не только зафиксировал передел границ и новую расстановку сил в Европе, но и ознаменовал собой начало новой, «Венской системы» международных отношений, базировавшейся на правовых основах. Она просуществовала около 40 лет, в течение которых континент не знал крупных войн. Российская империя, сыгравшая ведущую роль в победе над наполеоновской Францией, прочно вошла в орбиту мировой политики в качестве великой державы. По инициативе Александра I монархи Австрии, Пруссии и России подписали акт о Священном союзе, ставший первой в мировой истории попыткой реализовать политическую концепцию «объединенной Европы» – обеспечить мир, стабильность и коллективную безопасность путем совместного решения основных международных проблем. Влияние войны 1812–1814 гг. на внутреннюю жизнь России также трудно переоценить. Она буквально всколыхнула всю страну, вызвала подъем национального самосознания, оказала огромное влияние на развитие поэзии, художественной литературы и искусства. Победа России над наполеоновской Францией была воспринята многими

современниками как победа христианства над европейским «безбожием» и идеями Просвещения XVIII в., породившими Великую Французскую революцию. Война вошла в историческую и культурную память русского народа как священная война. Это нашло отражение в специфике памятников, воздвигнутых в честь победы, в распространении и развитии в русской философии XIX в. мотива национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа. Позднее парадигма *священной Отечественной войны*, сложившаяся в 1812 г., вследствие своего характера неоднократно оказывалась востребованной в периоды новых военных столкновений – в годы Крымской, Первой мировой, Великой Отечественной войн.

Окончание Крымской войны, положившей конец существованию «Венской системы» международных отношений, понизило международный авторитет потерпевшей поражение Российской империи, которая была вынуждена не только «сосредоточиться» на своих внутренних проблемах, но и выработать новый подход на ближневосточном направлении внешней политики, состоявший в формировании сферы собственных интересов в Святой Земле и расширении русского духовного и политического присутствия на Ближнем Востоке. Наиболее тяжелыми для страны условиями Парижского мира 1856 г. стали нейтрализация Черного моря, запрещавшая России содержать там военный флот и иметь военно-морские арсеналы, и фактическая отмена русского «исключительного покровительства» над Дунайскими княжествами и православными подданными султана. Тем не менее России удалось сохранить статус великой державы, а ее пошатнувшееся влияние на Балканах и Ближнем Востоке не было подорвано окончательно, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные просьбы о помощи, обращенные различными представителями южных славян к российскому правительству и русскому народу в начале Восточного кризиса 1875–1878 гг. Как справедливо заметил в 1872 г. А.Н. Муравьев в письме

Н.П. Игнатьеву, «религиозное наше влияние на Востоке... – это единственное наше оружие, против которого ничего не может сделать Запад»¹⁷¹⁶.

В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. России удалось частично выполнить свою внешнеполитическую программу решения Восточного вопроса. Несмотря на пересмотр условий Сан-Стефанского мирного договора, сделанный под давлением западных держав, итоги войны стали значительным этапом в освобождении балканских народов и создали условия для их последующего прогрессивного развития.

В соответствии с русской православной традицией для увековечения памяти воинов, павших в рассмотренных войнах России, а в ряде случаев – главным образом, для выражения благодарности Богу за помощь в одержании победы были сооружены многочисленные церковные памятники (храмы, приделы в храмах, часовни), крупнейшими из которых стали храм Христа Спасителя в Москве, храм Святого Николая в Севастополе и храм Рождества Христова на Шипке. Наибольшее количество церковных памятников было воздвигнуто в честь Отечественной войны 1812 года, занявшей особое место в исторической и культурной памяти русского народа.

В заключение следует подчеркнуть, что роль Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. была очень важной. Она не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в основных военных событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего русского общества. Без учета духовно-религиозной составляющей изучение данных военных конфликтов представляется неполным и не вполне объективным.

¹⁷¹⁶ Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке... С. 431.

Список источников и литературы

Архивные материалы:

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел:

Оп. 469. 1851 г. Д. 158; 1853 г. Д. 19, 21; 1855 г. Д. 57.

Ф. 137. Отчеты МИД России:

Оп. 475. 1853 г. Д. 34.

Ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел:

Оп. 749/4. Д. 47; Оп. 755. Д. 10, 15.

Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив, IV-16.

Оп. 158. 1850 г. Д. 17; 1852 г. Д. 13; 1854 г. Д. 16, 24; 1855 г. Д. 12; 1856 г. Д. 40.

Ф. 161/1. Политические донесения по Ближнему и Среднему Востоку. Санкт-Петербургский Главный архив, V-A 2:

Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522.

Ф. 161/3. Политический отдел Санкт-Петербургского Главного архива:

Оп. 233. 1851 г. Д. 1, 3.

Ф. 180. Посольство в Константинополе:

Оп. 517/1. Д. 4579; Оп. 517/2. Д. 3209, 3210, 3242, 3243, 3381, 3389 а.

Ф. 184. Российское посольство в Лондоне:

Оп. 520. Д. 95.

Ф. 187. Российское посольство в Париже:

Оп. 524. Д. 213, 226, 386, 437.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода. 1707–1918 гг.:

Оп. 93. Д. 565, 627, 634, 635, 672, 781, 790, 1031, 1032. Ч. 1, 6, 8, 9, 13;
Оп. 94. Д. 39, 263; Оп. 95. Д. 789, 812, 1131, 1152; Оп. 96. Д. 347, 448, 573;
Оп. 135. Д. 8, 1217, 1792, 2026; Оп. 136. Д. 291, 391, 1002; Оп. 137. Д. 223;

Оп. 158. Д. 1082, 1413 а, 1413 б; Оп. 159. Д. 920; Оп. 160. Д. 1108; Оп. 205. Д. 460; Оп. 209. Д. 403.

Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода:

Оп. 1. Д. 4419, 4435, 4486, 4488, 4498, 4499, 4572, 4585; Оп. 2. Д. 4720, 4721, 4908, 4912 а; Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368; Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 3, 4, 7, 9; Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16, 34; Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 29 а, 119, 238, 276; Оп. 26. Отд. 2. Ст. 2. Д. 27 а; Оп. 46. Отд. 2. Ст. 3. Д. 179; Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 6, 12, 23, 28, 39, 46, 47, 49, 66, 67, 69, 70, 71, 92, 96, 98, 120, 133; Оп. 96. Д. 324, 332; Оп. 97. Д. 226, 324, 353, 409, 410, 411, 412, 433, 434, 590, 591, 592, 594, 619, 620.

Ф. 799. Хозяйственное управление Святейшего Синода:

Оп. 6. Д. 72.

Ф. 806. Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства. 1800–1919 гг.:

Оп. 1. Д. 1005, 2155, 2156, 2159, 2170, 2206, 2313, 2442, 2445, 2446, 2571, 2586, 3257; Оп. 5. Д. 9047; Оп. 16. Д. 84, 87, 108, 314, 316, 376, 385, 446, 478, 502, 573, 603, 816, 819, 823, 840, 894, 920, 991, 995, 1025, 1063, 1070, 1114, 1130, 1166, 1238, 1265, 1284, 1288, 1302, 1396, 1465, 1520, 1522, 1524, 1640, 1692, 1726, 1847, 1877; Оп. 17. Д. 15, 110, 120, 123, 124, 136, 205, 211, 231, 285, 335, 340, 347, 354, 396, 484, 517, 574, 582, 617, 674, 675, 677, 821, 824, 845, 846, 848, 849, 857, 858; Оп. 18. Д. 979.

Ф. 819. Комитет по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 гг., при Синоде:

Оп. 1. Д. 3, 101, 137, 146–149.

Ф. 832. Филарет (Дроздов В.М.), митрополит Московский и Коломенский. 1812–1867:

Оп. 1. Д. 19.

Ф. 834. Рукописи Святейшего Синода. Коллекция:

Оп. 4. Д. 642.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):

Ф. 69. А.М. Зайончковский:

Оп. 1. Д. 46. Ч. 3.

Ф. 846. Военно-ученый архив (ВУА):

Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10, 11; Оп. 16. Д. 5496, 5829.

Ф. 9196. Южная и Крымская армии (Оп. 11/270 – Управление обер-священника 3, 4 и 5 корпусов Южной армии):

Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11, 12; Св. 3. Д. 4, 15.

Ф. 12651. Главное управление Российского общества Красного Креста.

Оп. 1. Д. 38, 40, 70, 654; Оп. 3. Д. 17.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

Ф. 109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии:

Оп. 162. Д. 17, 125.

Ф. 647. Великая княгиня Елена Павловна:

Оп. 1. Д. 328, 329, 338, 346, 355, 624.

Ф. 730. Игнатьев Николай Павлович:

Оп. 1. Д. 4492, 4494, 4497.

Ф. 1750. Московский славянский благотворительный комитет:

Оп. 1. Д. 80, 108.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 1204. Троице-Сергиева лавра:

Оп. 1. Ч. 7. Д. 12426, 12465, 12467, 12527.

Ф. 1205. Николаевский Угрешский мужской монастырь:

Оп. 1. Д. 99, 100.

Ф. 1207. Чудов мужской монастырь:

Оп. 1. Д. 36.

***Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки
(ОР РНБ):***

Ф. 313. Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический:

Оп. 1. Д. 44.

Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии:

Оп. 1. Д. А I /76.

***Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА
Москвы):***

Ф. 203. Московская духовная консистория. 1725–1929 гг.:

Оп. 524. Д. 53, 80; Оп. 525. Д. 7, 8; Оп. 526. Д. 17; Оп. 531. Д. 2;
Оп. 527. Д. 3, 4; Оп. 529. Д. 33.

Ф. 421. Московский Донской монастырь:

Оп. 1. Д. 5331.

Ф. 574. Можайский Лужецкий монастырь:

Оп. 1. Д. 202.

Архив города Севастополя (АГС):

Ф. Р-567. Коллекция документов по истории г. Севастополя:

Оп. 6. Д. 94.

***Библиотека Императорского Православного Палестинского
Общества (Библиотека ИППО):***

Письма [разных лиц] к игумену Вениамину, [члену Русской Духовной Миссии в Иерусалиме]. 1846–1884 (шифр: И. П. П. О. Б. IV. № 888).

Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (АРДМ; Израиль):

П. 16. Д. 309.

Опубликованные документы и архивные материалы:

1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собр. Гос. Ист. музея / Сост.: Ф.А. Петров и др. – М.: Мысль, 1991. – 475 с.

1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников / Сост.: Н.Н. Акоповой, В.В. Бережкова. – М.: Правда, 1987. – 510 с.

1812–1814: Реляции, письма, дневники: Из собр. Гос. Ист. музея / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: А.К. Афанасьев и др. – М.: «Терра», 1992. – 510 с.

1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собр. Гос. Ист. музея / Сост.: Ф.А. Петров и др. – М.: «Терра», 1992. – 512 с.

[Августин (Виноградский)]. Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. – СПб.: Кораблев и Сиряков, 1856. – 239 с.

Автономова Л.И. Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В. Васильева // Исторический вестник. 1916. № 8. С. 299–330; № 9. С. 596–613; № 10. С. 26–48; № 11. С. 299–317.

Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886: в 7 т. Т. 1: Славянский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. – М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1886. – 791 с.

Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года: в 3 т. / Под ред. К.А. Военского. СПб.: тип. А.Ф. Штольценбурга, 1909–1912.

[Алферьев В.П.] На нынешнюю войну // Северная пчела. 1854. № 37.

Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост.: И.Ю. Смирнова. – М.: Индрик, 2019. – 608 с.

Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем Герое / Пер. с нем. – М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1803. – 114 с.

Антонин (Капустин), архим. Дневник. 1851–1855 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. – М.: «Индрик», 2015. – 534 с.

Антонин (Капустин), архим. Дневник. 1856–1860 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. – М.: «Индрик», 2017. – 711 с.

Антонин (Капустин), архим. Донесения из Афин. 1851–1860 / Подг. текста, вступ. ст., комм. Л.А. Герд. – М.: Индрик, 2018. – 272 с.

Антонин (Капустин), архим. Донесения из Константинополя (1860–1865). – М.: Индрик, 2013. – 222 с.

Арендт С.А. Воспоминания сестры милосердия. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7. С. 85–122, № 8. С. 377–418.

[Арндт Э.М.] Глас истины / Пер. с нем. // Сын Отечества. 1812. № 1. С. 7–9.

Аудиенция архимандриту Петру при назначении его в 1858 году настоятелем русской посольской церкви в Константинополе // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. (Январь, февраль, март). С. 491–493.

Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860 гг.) // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 132–176, № 4. С. 511–556, № 5. С. 55–105, № 6. С. 578–617.

Барсов Н. Письма разных лиц к преосвященному Иннокентию // Христианское чтение. 1888. Т. I. С. 199–227; Т. II. С. 833–853.

Берг Н.В. Записки об осаде Севастополя: в 2 т. – М.: тип. Каткова и К°, 1858.

Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. – СПб.: тип. Военного министерства, 1812. – 16 с.

Богоявленский М. В Тарусское духовное правление [рапорт протоиерея] // Родина. 1992. № 6–7. С. 166.

Борсук Н.В. Растопчинские афиши: Текст с примеч. и предисл. – СПб.: т-во А.С. Суворина «Новое время», 1912. – 99 с.

[Боткин С.П.] Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1893. – 374 с.

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным: в 10 ч. – М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897–1908.

Буров В. Письма-донесения Соловецкого архимандрита Александра в Синод о военных событиях 1854–1855 гг. на Белом море // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. 2004. Вып. 3. С. 79–97.

Васильев И.В., прот. Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 гг., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л.К. Бродским. – Пг.: типо-лит. М.П. Фроловой, 1915. – 323 с.

Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического: Собр. воспоминаний о нем с прил. избр. проповедей. – М.: тип. Захарова, 1864. – 268 с.

[Верещагин В.В.] На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. – М.: т-во И.Д. Сытина, 1902. – 317 с.

Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Т. XXV. (Июль, август, сентябрь). С. 274–283.

Виноградов Н. К юбилею двенадцатого года. Материалы для истории церквей, причтов и приходов Московской епархии в эпоху Отечественной войны 1812 года // Московские церковные ведомости. 1912. № 14. С. 345–346; № 26–27. С. 566–570.

Воззвание к жителям Москвы преосвященного Августина, епископа Дмитровского // Сын Отечества. 1812. Ч. II. С. 237.

Воззвание от Святейшего Правительствующего Синода к чадам Православной Российской Церкви по случаю государственного ополчения // Христианское чтение. 1855. Ч. 1. С. 245–251.

[Волков А.А.] Война 1877–78: Записки унтер-офицера А.В. – СПб.: типо-лит. А.А. Лейферта, 1902. – 86 с.

Восемь месяцев в плену у французов. (После Альмского дела).
Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского // Современник. 1855. Т. 53. № 9–10. С. 161–201.

Воспоминание русского военнопленного о почившем протоиерее Е.И. Попове // Странник. 1875. Т. 4. № 11. С. 94–97.

Воспоминания графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1878. № 11.

Воспоминания епископа Буткевича о вторжении французов в Россию в 1812 году // Русская старина. 1875. Т. XIV. № 12. С. 595–616.

Вот каковы Бонапарте и народ французский / Сочинено в Англии. – СПб.: тип. И. Глазунова, 1807. – 203 с.

Вревская Ю.П. Письма из Болгарии // За други своя. Россия – Болгария. Ожившие страницы боевого братства. М.: Изд-во ИКАР, 2013. С. 261–262.

Высочайший рескрипт, данный на имя преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: тип. Департамента уделов, 1871. Вып. II. С. 130–131.

Газенкампф М.А. Мой дневник 1877–78 гг. – СПб.: В. Березовский, 1908. – 624 с.

Герд Л.А. «В делах Востока первой заботой нашей должна быть Святая Церковь...». Две записки обер-прокурора Св. Синода А.П. Толстого по греко-болгарскому вопросу с комментариями императора Александра II. 1860 г. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 49–61.

Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 годе): в 2 ч. М.: тип. Н. Степанова, 1839.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год: в 8 ч. М.: тип. С. Селивановского, 1816.

Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Изд. подг. О.В. Анисимов, К.А. Вах; отв. ред. П.В. Стегний. – М.: Индрик, 2015. – 840 с.

Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. – М.: Гос. публичная ист. б-ка России, 2007. – 286 с.

Дело о священниках Мурзакевиче и Соколове и протоиерее Поликарпе Звереве. (Из архива Смоленской Духовной Консистории, № 50/994, на 181 листе) // Смоленская старина. Вып. 2: 1812–1912. Юбил. изд. Смоленск. учен. арх. комис. / Под ред. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. Смоленск: тип. П.А. Силина, 1912. С. 227–320.

Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // *Державин Г.Р.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. СПб.: Имп. Акад. наук, 1866. С. 137–164.

Державин Г.Р. Персей и Андромеда: Кантата на победу французов русскими 1807 года. – СПб.: Императорская тип., 1807. – 6 с.

Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского. – М.: Русский раритет, 2015. – 231 с.

Донесение Святейшему Синоду настоятеля ставропигиального Соловецкого монастыря архимандрита Александра от 10 июля 1854 г. // Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым. Кн. XIV. Разд. II: Военные известия. Известия из Беломорского края. СПб.: тип. Эдуарда Веймара, 1855. С. 17–22.

Допрос помощника консисторского секретаря Н. Великанова в консистории 26 декабря 1812 г. // Смоленская старина. Вып. 2: 1812–1912. Юбил. изд. Смоленск. учен. арх. комис. / Под ред. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. Смоленск: тип. П.А. Силина, 1912. С. 250–253.

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). – СПб.: Имп. Акад. наук, 1882. – 691 с.

Дух Наполеона Бонапарте, или Жизнь и ужасные деяния его, начиная со дня рождения до 1814 года / Собрано с показаний очевидцев и достовернейших политических иностранных и отечественных авторов. Вновь испр. и доп.: в 3 ч. СПб.: тип. Департамента внешней торговли, 1814.

Духонина Е.В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. – Варшава: тип. Окр. штаба, 1885. – 102 с.

Евгенов П., свящ. Мои воспоминания о Севастопольской обороне и о даровании крестьянам свободы. – М.: тип. И.И. Радзевича, 1897. – 33 с.

Ермолов А.П. Записки. 1798–1826 гг. – М.: Высш. шк., 1991. – 462 с.

Жизнь и подвиги Буонапарте, начиная с первых его успехов в воинском искусстве до совершенного покорения Египта, с присовокуплением описаний похода его в Сирию, осады Акры и с изображением характера и свойств Буонапарте, с портретом / Пер. с франц. 2-е изд. – М.: Сенат. тип. у Селивановского, 1801. – 164 с.

Жуков И. Рассказы русского офицера, бывшего в плену во Франции // Отечественные записки. 1856. Т. 106. № 6. С. 467–520.

Загородников И. Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде, в 1854 году // Русская старина. 1893. № 10. С. 185–212.

Записки графа Ф.В. Ростопчина // Русская старина. 1889. Т. 4. С. 718.

Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского Учебного Округа. Т. II. Вильна, 1867. Приложения. С. I–CI.

Записки иеромонаха Ионы о пребывании французов в Москве в 1812 году // Старина и новизна. 1905. Кн. 10. С. 268–273.

Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года: Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий / Подг. текста,

вступит. статья и коммент. В.М. Хевролиной. – М.: РОССПЭН, 1999. – 332 с.

Игнатъев Н.П. Сан-Стефано. – Пг.: тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. – 359 с.

Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Русский архив. 1900. № 5. С. 110–112.

Из воспоминаний очевидца о 1812 году // Московские епархиальные ведомости. 1872. № 24.

Из дневника П.В. Победоносцева. 1812–1813 гг. Москва после нашествия французов // Русский архив. 1895. Кн. 1. № 2. С. 213–224.

Из записок, веденных в Москве 1812 года, при занятии оной врагами. Протоиерея Петра Симеонова // Исторический, статистический и географический журнал. 1826. Ч. II. С. 101–107.

Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. // Русский вестник. 1879. Т. 139. № 2. С. 553–601.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1875 г. – СПб.: Синод. тип., 1876. – 283, 125 с.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1876 г. – СПб.: Синод. тип., 1877. – 292, 125 с.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1877 г. – СПб.: Синод. тип., 1878. – 296, 125 с.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 г. – СПб.: Синод. тип., 1879. – 289, 125 с.

Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1854 год. – СПб.: Синод. тип., 1855. – 100, 109 с.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слова и речи высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, произнесенные по случаю настоящей войны // Москвитянин. 1855. № 5. Кн. 1. С. 1–32.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слова и речи, произнесенные высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Москвитянин. 1855. Кн. 1–2. № 13–14. С. 3–33.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слова, произнесенные высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, в симферопольском Александро-Невском и феодосийском Александро-Невском соборах // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: тип. Департамента уделов, 1872. Вып. III. С. 167–181.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слово высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, в одесском кафедральном Преображенском соборе в великий четверток, 8 апреля, при появлении пред Одессою неприятельского флота // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: тип. Департамента уделов, 1871. Вып. II. С. 40–44.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Слово, произнесенное преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, в одесском кафедральном соборе 10 апреля 1854 года, в великую субботу, в день бомбардирования г. Одессы соединенным флотом англо-французов // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: тип. Департамента уделов, 1871. Вып. II. С. 61–64.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-

Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим: в 2 т. Одесса: тип. А. Брауна, 1855–1856.

[Иннокентий (Борисов), архиеп.] Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. – СПб.-М.: Изд. М.О. Вольфа, 1874. – 303 с.

История первого консула Бонапарте со времени его рождения, до заключения Люневильского мира / Пер. с франц. – СПб.: тип. Шнора, 1802.

К пятидесятилетию бомбардировки г. Одессы англо-французским флотом. (Письмо архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) барону М.А. Корфу от 9 апреля 1854 г.) // Херсонские епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 196–198.

Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. М.: Университет. тип., 1814. С. 214–215.

Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. – Смоленск: Смядынь, 1991. – 372 с.

Коровин-Павловский И. Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. Т. 82. № 12. С. 287–326.

Крестная сила. Духовенство в Отечественной войне. Публ. В. Цвиркуна // Родина. 1992. № 6–7. С. 83.

Крупская А. Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины // Военный сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 417–448.

Лаврентий. Записка очевидца о сохранении драгоценностей Николаевского Перервинского монастыря и о достопамятных событиях в сей обители в 1812 году // Маяк. 1842. Т. 2. Кн. 4. С. 53–67.

Лапишин Г., прот. Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. № 13. С. 397–412.

[Лебедев А.] Путевые наблюдения и заметки во время последней турецкой войны. Из походного дневника полкового священника Анатолия Лебедева. – СПб.: тип. журн. «Странник», 1878. – 27 с.

Лебединцев А.Г., прот. Из дневника священника в осажденном Севастополе. – М.: Синод. тип., 1908. – 33 с.; То же: [Лебединцев А.Г., прот.] Из заметок священника, жившего в осажденном Севастополе // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: тип. Департамента уделов, 1874. Вып. V. С. 437–470.

[Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время одиннадцатимесячной осады Севастополя. – Киев: тип. «Корчак-Новицкого», 1896. – 185 с.

[Лебединцев П.Г., прот.] Записки протоиерея П.Г. Лебединцева о «козащине» 1855 г. // Киевская старина. 1900. Т. 70. № 7–8. С. 1–50.

Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). – М.: Республика, 1996. – 798 с.

Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов / Сост.: Р.Е. Альтшуллер, А.Г. Тартаковский – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 161 с.

Любецкий С.М. Рассказы из Отечественной войны 1812 года. От начала войны до вступления союзных войск в Париж с описанием празднеств и увеселений в Москве по случаю взятия Парижа союзными войсками в 1814 году, марта 19-го. Патриотические песни, анекдоты и описание карикатур того времени. – М.: А.Л. Васильев, 1880. – 484 с.

[Макарий, митрополит]. Греко-болгарский церковный вопрос и его решение. Записка покойного Макария, митрополита Московского // Православное обозрение. 1891. Т. III. (Ноябрь, декабрь). С. 720–755.

Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец: Изд-во ГП «Малоярославец. тип.», 1994. С. 57–97.

Малышкин С.А. Отечественная война 1812 года в воспоминаниях духовенства Смоленской губернии // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец: Изд-во ГП «Малоярославец. тип.», 1997. С. 39–49.

Мансветов Г.И. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. 3-е изд. – СПб.: Синод. тип., 1828. – 160 с.

Материалы для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского. Изд. Н.И. Барсов. В 2 вып. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1884–1888.

Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. Т. II. Вып. 1: Ополчение 1812 года. – СПб., 1912. – 452 с.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея: в 5 вып. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб.: тип. Департамента уделов, 1871–1874.

Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I: в 2 кн. / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 113. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1902.

Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2009. – 704 с.

Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815. (Серия «Рукописные памятники». Вып. 6). – СПб.: Изд-во РНБ, 2001. – 400 с.

Молитва русских при опоясании на брань // Русский вестник. 1812. № 7. С. 81.

Московский Новодевичий монастырь в 1812 г. Рассказ очевидца – штатного служителя Семена Климича. Сообщ. Н.П. Гилярова-Платонова // Русский архив. 1864. № 4. С. 416–434.

Московское дворянство в 1812 году. – М.: Изд-во Моск. дворянства, 1912. – 509 с.

Муравьев А.Н. Ответ господину Э. Боре на вопрос о святых местах. Пер. с франц. и подг. к печати З.И. Платоновой // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. М., 2005. С. 106–129.

Муравьев А.Н. Переписка с восточными иерархами по греко-болгарскому делу. – Киев: Губ. тип., 1873. – 44 с.

Мурзакевич Н.А. Дневник. 1776–1834 гг. // *Мурзакевич Н.А.* История города Смоленска. Юбил. издание Смоленского губернского статистического комитета / Под ред. И.И. Орловского. Смоленск: тип. П.А. Силина, 1903. С. 45–79.

Мысли Наполеона при вступлении в Москву, или Разговор Совести с различными его страстями, 5 сентября 1812 года. – СПб.: тип. Департамента внешней торговли, 1813. – 48 с.

На нынешнюю войну: рисунки художника Боклевского. – М.: Литогр. Мартынова, 1855. – 8 с.

Наполеон Бонапарте и народ французский: в 2 ч. / Пер. с нем. – М.: Университет. тип., 1806.

Наполеон в России глазами русских. – М.: Захаров, 2004. – 318 с.

Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Сборник документов и материалов. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. – 828 с.

Не смолкнет эхо над Балканами. Воспоминания. Письма. Публицистика. Статьи. – М.: Молодая гвардия; София: Нар. младеж, 1988. – 317 с.

Некоторые замечания о первых годах Бонапарте. Собранные и выданные на аглинском одним из его соучеников / Пер. с франц. – М.: Губ. тип., у Андрея Решетникова, 1802. – 81 с.

Никанор, иером. К материалам для истории 1812 года // Московские церковные ведомости. 1912. № 2. С. 44–49; № 5. С. 135–141; № 7. С. 193–195.

Никольский П. Выдержки из летописи Покровской, что на Филях, церкви Московского уезда о 1812 годе // Московские церковные ведомости. 1911. № 15–16. С. 377–379.

[*Новиков С.*]. Видение наяву и разговор Н... с С... после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. 2-е изд. – СПб.: тип. Департамента внешней торговли, 1813. – 32 с.

Оболенский Д.А., князь. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3. С. 503–528.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. / Под ред. С.И. Никитина и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961–1967.

Остен-Сакен, граф. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. 1861. Т. XX. № 7. С. 131–138.

Ответ архимандрита Филарета А.Н. Оленину на письмо, которым предложено было написать рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 223–235; № 33. С. 3–15.

Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I: в 21 т. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1900–1914.

Палимпсестов И. Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском. – СПб.: тип. журн. «Странник», 1888. – 224 с.

Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 652 с.

[Пирогов Н.И.] Севастопольские письма Н.И. Пирогова 1854–1855 гг. – СПб.: Рус. хирург. об-во Пирогова, 1907. – 231 с.

Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1900. – 722 с.

Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического к разным лицам. Сообщ. Н. Барсов // Христианское чтение. 1886. Т. I. С. 226–248.

Письма Макария, митрополита Московского к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому. Сообщ. Н. Барсов // Христианское чтение. 1884. Т. I. С. 798–817.

Письма митрополита Московского Филарета к А.Н.М. [А.Н. Муравьеву]. 1832–1867 гг. – Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1869. – 692 с.

Письма разных лиц знаменитому архиепископу Иннокентию Борису. Материалы для истории России текущего столетия. Собраны Н.И. Барсовым. – М.: Университет. тип., 1885. – 67 с.

Письменное наставление Наполеона своему историографу, как он должен писать его историю. Найдено на дороге во время путешествия Наполеона из Лейпцига в Париж 1813 года. – М.: Университет. тип., 1814. – 50 с.

Письмо аббата Сюрюга, настоятеля Московской Римско-Католической церкви, к своему другу аббату Николу, от 10 ноября 1812 г. // Русский архив. 1882. Кн. 2. М., 1882. С. 191–204.

Письмо А.Н. Оленина к архимандриту Филарету // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 219–222.

Письмо А.С. Хомякова к Лондонскому священнику Е.И. Попову // Русский архив. 1879. Кн. III. № 11. С. 358–360.

Письмо главнокомандующего российскими армиями генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского старшему протоиерею Казанского собора Иоанну Петровичу Сирохнову // Сын Отечества. 1813. № 3. С. 141–142.

Письмо митрополита Московского Платона к императору Александру I от 14 июля 1812 года // Северная почта. 1812. № 61.

Письмо (ответ) императора Александра I митрополиту Платону // Северная почта. 1812. № 61.

Письмо (благодарное) митрополита Платона на ответ к нему императора Александра I // Северная почта. 1812. № 66.

Письмо современника о вторжении французов в 1812 году в Московский Симонов монастырь // Душеполезное чтение. 1863. № 10. С. 59–63.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е: в 45 т. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: в 55 т. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885.

Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Т. 7. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 445 с.

Посмертный рассказ отца Антония Ковальского. (К истории крестьянских волнений в Киевской губернии 1855 г.) // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1. С. 174–192; № 2. С. 386–396.

Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года. Публ. С.А. Малышкина и В.И. Цвиркуна // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. V. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 1994. С. 85–96.

Пушкин А.С. Воспоминания в Царском Селе // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1959. С. 9–13.

[*Пыпин А.Н.*] Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса // Вестник Европы. 1876. Кн. 10. С. 876–898.

Радужицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год: в 4 т. М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1835.

Рассказ священника Успенского собора И.С. Божанова // Русский архив. 1899. Кн. 3. № 10. С. 256–267.

Рассказ Смоленского дьякона о нашествии 1812 года // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. Воспоминания. М.: Русская книга, 2002. С. 118–125.

Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 1; № 3; № 4, № 6.

Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 годов. Сообщ. Т. Толычева // Русский вестник. 1880. Т. 149. № 9. С. 181–205.

Романовский А.М. Французы в Чаусах в 1812 году (Из воспоминаний очевидца – сына священника) // Русская старина. 1877. Т. 20. № 12. С. 688–696.

Россия в Святой Земле: документы и материалы: в 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового. М.: Международные отношения, 2000.

Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: Индрик, 2008. – 446 с.

Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 / Отв. ред. А.Д. Нарочницкий. – М.: Наука, 1978. – 455 с.

Рукописи о Севастопольской обороне, собранные государем наследником цесаревичем: в 3 т. 2-е изд. СПб.: тип. В.П. Воленса, 1876.

Русские и Наполеон Бонапарте. М.: тип. С. Селивановского, 1813.

Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания / Сост. Н.В. Ильина, Л.Я. Саэт. – М.: РОССПЭН, 2001. – 213 с.

Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М.: тип. М.П. Захарова, 1862. – 332 с.

[*Савва (Тихомиров)*]. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 5. (1874–1879 гг.). – Свято-Троицкая Сергиева лавра, собств. тип., 1904. – 942 с.

Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Сост. Т. Барсов. Т. 1. – СПб., 1885. – 663 с.

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / Под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – 462 с.

Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н.И. Путиловым: в 33 кн. СПб.: тип. Эдуарда Веймара, 1854–1859.

Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 97 вып. СПб.: изд. Военно-исторической комиссии Главного штаба, 1898–1911.

Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. СПб.: тип. и литогр. А. Траншеля, 1872–1873.

Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском (1784–1867) // Странник. 1868. Т. III. № 7. С. 29–61.

Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1: Основные государственные законы. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.

Сикорский В., прот. Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 г. // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 4. С. 85–105.

Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. – СПб.: Морская тип., 1816. – 212 с.

Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. – СПб.: Синод. тип., 1899. – 396 с.

Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 4. – М.: Синод. тип., 1886. – 626 с.

Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных. 2-е изд. – СПб.: Морская тип., 1865. – 88 с.

Содержание русских в плену. Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок // Современник. 1856. Т. 55. № 1. С. 1–17.

Соллогуб В.А. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. – СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1878. – 325 с.

Сорокалетие вступлению русских в Париж, 19 марта 1814 года. – М.: тип. Вед. Московской гор. полиции, 1854. – 39 с.

Софронов И. Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–78 гг. // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 20. СПб.: изд. Военно-исторической комиссии Главного штаба, 1901. С. 77–93.

Сюрюг А. Москва во время пожара. Журнал священника церкви святого Людовика Французского // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1892. Т. 7. № 5. С. 80–84.

Тайная история нового французского двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудского Кабинета в Париже: в 3 ч. / Пер. с франц. СПб.: Имп. акад. наук, 1807.

Творения Иннокентия, митрополита Московского: в 3 кн. / Собр. И. Барсуковым. М.: Синод. тип., 1886.

Тихомиров Н.И. О 1812 годе. (Воспоминания из рассказов современников и очевидцев). – М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. – 16 с.

Толстой М.В. Хранилище моей памяти. – М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. ставропиг. монастыря, 1995. – 317 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. – М.: Университет. тип., 1912. – 54 с.

Три письма преосвященного Феофана по Восточному вопросу // Православное обозрение. 1877. Т. 1. № 3. С. 602–609.

Три рассказа Одесского протоиерея А.А. Соловьева в передаче А.И. Рубановского // Херсонские епархиальные ведомости. 1904. № 9. С. 263–267.

Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте. – СПб.: тип. Ф. Дрехслера, 1814. – 52 с.

Усов П. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1882. № 2.

Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. – 114, 138 с.

Уставы и правила общин сестер милосердия. – СПб.: тип. А. Траншеля, 1879. – 217 с.

Фельдмаршал Кутузов: документы, дневники, воспоминания. – М.: Археографический центр, 1995. – 528 с.

[Филарет (Дроздов)]. Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к Высочайшим особам и разным другим лицам. – Тверь: тип. Губ. правл., 1888. – 207, 342 с.

Филарет [(Дроздов)], святитель, митрополит Московский. Письма к Преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867: в 3 т. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.

Филарет [(Дроздов)], святитель, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. Т. V. 1849–1867 гг. М.: Новоспасский монастырь, 2007.

Французы в Вене, или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений, обманов и грабительств, начавшихся с самого их вступления в Вену / Пер. с нем. – СПб: Имп. Акад. наук, 1807. – 76 с.

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 3 ч. М.: Задруга, 1912.

Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба: в 4 т. Вильно: изд. при содействии Штаба Вилен. воен. окр., 1900–1907.

Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления к епархиальным ведомостям. 1878. № 7. С. 125–129, № 8. С. 147–151.

Черты старинного дворянского быта. Воспоминания М.С. Николевой // Русский архив. 1893. № 10.

Шавельский Г.И. Служение священника на войне // Христоролюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. (Российский военный сборник). 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2006. С. 283–307.

[Шаховской А.А.] Двенадцатый год. Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. Кн. 3. № 11. С. 372–402.

Штейнгель В.И. Записки, касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813

годах с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига: в 2 ч. М.: тип. В. Плавильщикова, 1814–1815.

Българската екзархия: сборник документи от архивните фондове на Народна библиотека «Иван Вазов». – София: Иван Вазов, 2003. – 419 с.

Българската Православна Църква и освобождението на България от Османско робство. Документален сборник по случай 110-години от Освобождението. – София: Синодално изд-во, 1989. – 119 с.

Brett-James A. 1812. Eyewitness accounts of Napoleon's Defeat in Russia. – L.; N.Y.: St. Martin's Press, 1966. – 312 p.

Popoff A., prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXe siècle. 2 vol. SPb., 1910–1911.

Réponse à la brochure de M. Eugène Boré intitulée question des Lieux-Saints. – Constantinople, 1851. – 242 p.

Röder von Bomsdorff O.W. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. – Leipzig: W. Engelmann, 1816. – 200 p.

Исследования:

Агафонов Н.В. Ратные подвиги православного духовенства. – Самара: Офорт, 2017. – 350 с.

Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии: в 6 ч. М.: Синод. тип., 1807–1815.

Аникин В.В. Памятник гренадерам, павшим под Плевной. – М.: Московский рабочий, 1986. – 60 с.

Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. – М.: Индрик, 2014. – 416 с.

Антонова И.А., Бабинов Ю.А. Православные священнослужители в обороне Севастополя // Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя: Материалы международной научной конференции. Севастополь, 1994. С. 18–20.

Антушев Н. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. – М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1885. – 128 с.

Артоболевский С. Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. Кн. VI. С. 671–680.

Архангельский М. Патриотизм православного духовенства // Журнал Московской патриархии. 1944. № 1. С. 23–26.

Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857) // Богословские труды. Сб. 31. М.: Московская Патриархия, 1992. С. 69–85.

Архипов С.В. Благотворительность Русской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 3. С. 125–133.

Архипов С.В. Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2016. – 26 с.

Архипов С.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в церковной периодической печати (по материалам газеты «Московские епархиальные ведомости») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 4. С. 86–94.

Архипов С.В. Церковная благотворительность Московской епархии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. 2015. № 5. С. 29–33.

Бабинов Ю.А. Героизм православных священников в обороне Севастополя (1854–1855 гг.) // Крымский архив. 1997. № 3. С. 121–136.

Бабинов Ю.А. Православное духовенство в Крымской войне // Историко-археологический альманах / Армавир. краевед. музей. М., 1996. С. 220–221.

Багдасарян В.Э., Толстой С.Г. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 258 с.

Барабой А.З. О характере крестьянского движения 1855 г. в Киевской губернии // Исторические записки. 1958. Т. 62. С. 245–252.

Барсов Н.И. Архиепископ Иннокентий Борисов, по новым материалам для его биографии. – СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 45 с.

Барсов Н.И. К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Христианское чтение. 1883. Т. II. С. 629–656; 1884. Т. I. С. 188–224, Т. II. С. 99–161.

Барсов Н.И. Протоиерей Иосиф Васильевич Васильев // Русская старина. 1882. Т. 1. С. 527–530.

Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. – СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1879. – 168 с.

Барсуков И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. – М.: Синод. тип., 1883. – 819 с.

Бартошевич В.В. В борении с Наполеоном. Нумизматические очерки. – Киев: Купола, 2001. – 210 с.

Безотосный В.М. Наполеоновские войны. – М.: Вече, 2010. – 383 с.

Белова Е.Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 33–37.

Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 г. – М.: Воениздат, 1956. – 464 с.

Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. – М.: Кучково поле, 2011. – 702 с.

Белякова Е.В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Наука, 2003. С. 39–61.

Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной греко-русской церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1888. – 294 с.

Бережанский Н. Памятник-храм 1812 г. в Псково-Печерском монастыре // Русский паломник. 1912. № 50. С. 790–791.

Бестужев И.В. Крымская война 1853–1856 гг. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 174 с.

Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. (Развитие обер-прокурорской власти в Синодальном ведомстве): Опыт исторического исследования. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 430 с.

Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг.: в 4 т. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1876.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 3 т. СПб.: тип. Торг. дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859–1860.

Боголюбов А.А. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 год. – СПб.: тип. «Артиллерийского журнала», 1901. – 186 с.

Браиловский С.Н. «Могилевская церковная смута» // Исторический вестник. 1893. № 10. С. 231–244.

Буткевич Т., свящ. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. – СПб.: И.Л. Тузов, 1887. – 422 с.

Бухаров В.Г. Усыпальница семьи Раевских – памятник истории и архитектуры // Семья Раевских в истории и культуре России XVII–XIX веков. Материалы I Елизаветградских Международных историко-литературных чтений. Кировоград – Разумовка – Каменка, 20–22 мая 2004 г. Кировоград: КОД, 2004.

Бушуева С.В. Проблема святых мест в ближневосточной политике Российской империи XIX века: автореф. дис... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999. – 18 с.

Василенко В.О. Офицеры в рясах (Духовенство в царской армии). – М.: тип. «Красный пролетарий», 1930. – 112 с.

Василий Григорьевич Рагузин, причетник-герой 1812 года // Душеполезное чтение. 1868. № 8.

Венедиктов В.Ю. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2008. – 21 с.

Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент». К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права: в 2 т. Ростов-на-Дону: Скл. изд. у авт. и в кн. маг. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916.

Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. – М.: Мысль, 1978. – 295 с.

Виноградов В.Н. «Святые места» и земные дела (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 136–152; № 6. С. 129–144.

Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. – М.: тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1912. – 60 с.

Воробьева И.Г. Греко-болгарская церковная борьба в работах историка-слависта Н.А. Попова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 74–89.

Востоков Н.М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1878. Т. 21. № 2. С. 193–204, Т. 21. № 4. С. 547–572, Т. 23. № 11. С. 367–398; 1879. Т. 24. № 1–4. С. 651–708.

Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. – София: София-пресс, 1979. – 241 с.

Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 200 с.

Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. – М., 1978. – 434 с.

Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). – М.: Индрик, 2006. – 448 с.

Герд Л.А. Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 гг. – М.: Индрик, 2012. – 319 с.

Герд Л.А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 1901–1914 гг. // Исторические записки. 2010. Т. 13 (131). С. 225–273.

Герд Л.А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 80–90-е годы XIX века // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 2004. С. 304–375.

Гильтебрандт П.А. Расстриженный архиепископ Варлаам Шишацкий // Древняя и Новая Россия. 1879. № 12. С. 586–588.

Голикова Л.В. «Иди во град сей и поучись у первого из братьев твоих» // Крымский архив. 1999. № 5.

Голицын Н.С. Спасо-Бородинский женский монастырь. – СПб.: тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1879. – 26 с.

Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. – М.: Воениздат, 1955. – 520 с.

Горайнов А. Соловецкий монастырь и англичане // Русский инвалид. 1854. № 190.

Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. (Серия «Русский Афон XIX–XX веков». Т. 12.) – Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2016. – 697 с.

Григорович Н. Обзор учреждения в России архиерейских православных кафедр и способов содержания их, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1886). Историческая записка. – СПб.: Синод. тип., 1866. – 34 с.

Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1884). – М.: Наука, 1980. – 336 с.

Грунский Н.К. Наполеон I в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. Т. 40. № 3–4.

Гурбанов М. Самарское знамя. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1970. – 76 с.

Давыдов А.Н. Два колокола времен Крымской войны (К истории легенды о «чудесном» спасении Соловецкого монастыря) // Русский Север и Россия в годы Крымской войны. Вологда: Вологод. ГПИ, 1979. С. 64–83.

Даниил (Сычев), иером. Вязьма. Очерки истории. – М., 1997. – 79 с.

Даниил (Сычев), иером. Монашество, духовенство и духовные святыни Смоленского края – память о войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9–11 сентября 2002 г. М.: Калита, 2003.

Даниил (Сычев), иером. Смоленская икона Божией Матери в войне 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск: Можайск-Терра, 2000. С. 103–112.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): в 2 т. / Пер. с франц. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947.

Действия Дорогобужского уезда села Негашева священника Федора Павлинова при приближении неприятеля // Московские ведомости. 1813. № 2. С. 30.

Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1 105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. – М.: изд. А.Д. Ступина, 1908. – 984 с.

Детлов К.К. На могилах Кульнева // Русская старина. 1887. Т. 53. № 3. С. 644–647.

Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архим. Антонину Капустину). – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1909. – 79 с.

Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеймоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). – СПб.: тип. С. Добродеева, 1895. – 422 с.

Добровольский К.Н. История с ксендзом // Русская старина. 1911. Т. 145. № 3. С. 636–637.

Добронравов Г. Отражение войны 1812 года в проповедях и других произведениях духовных лиц того времени // Московские церковные ведомости. 1912. № 49. С. 1073–1080.

Домонтович М.А. Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. – СПб.: Гос. тип., 1900. – 156 с.

Дробышев А.В. Православная Церковь и русская армия в XIX веке: автореф. дис... канд. ист. наук. – Тамбов, 2018. – 24 с.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб.: тип. тов-ва «Общественная польза», 1900.

Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. – СПб.: Рус. Симфония: Библиотека академии наук, 2005. – 347 с.

Дурново Н. К истории сербско-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. Т. II. С. 533–534.

Епанчин Н.А. Освободительная война 1877–1878 гг. – СПб.: типо-лит. В.В. Комарова, 1902. – 28 с.

Еще нечто о конкордате // Сын Отечества. 1813. № 19. С. 317–324; № 20. С. 19–24.

Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки: в 2 т. М.: Университет. тип., 1896.

Жизнеописание (история) священника Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска». Составлено сыном его, протоиереем Иоанном Мурзакевичем. В селении Маньковке 1856 года октября 15 дня. // Смоленская старина. Вып. 2: 1812–1912. Юбил. изд. Смоленск. учен. арх. комис. / Под ред. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. Смоленск: тип. П.А. Силина, 1912. С. 178–226.

Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 2–10.

Забелин И.Е. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. – М.: тип. А.И. Мамонтова, 1893. – 192 с.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб.: тип. Эксп. загот. гос. бумаг, 1908–1813.

Зайончковский А.М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий исторический очерк с иллюстрациями. – СПб.: тип. Эксп. загот. гос. бумаг, 1904. – 78 с.

Заметки из истории Киевской козаччины 1855 г. // Киевская старина. 1905. Т. 88. № 1. С. 48–65.

Заметки по вопросам, относящимся к деятельности Общества Красного Креста в минувшую войну 1877–1878 гг. – СПб.: тип. А. Траншеля, 1879. – 80 с.

Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы, 1801–1917. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1994. – 397 с.

Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. – М.: Рейттаръ, 2001. – 286 с.

Знаменский П.В. История Русской Церкви. (Серия «Материалы по истории Церкви». Кн. 10.) – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 474 с.

Знаменский П.В. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1885. – 248 с.

Золотарев О.В. Стратегия духа армии. Армия и Церковь в русской истории, 988–2005 гг. Антология: в 2 кн. Челябинск: Социум, 2006.

Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Русское слово, 1999. – 309 с.

Игнатъев А. Патриарший собор Св. Александра Невского в Софии // Журнал Московской Патриархии. 1964. № 1. С. 34–40.

Игнатъев А. Храм-памятник на Шипке // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 10. С. 56–62.

Илинский П.А. Русская женщина в войну 1877–1878 г.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей. – СПб.: типо-лит. П.И. Шмидта, 1879. – 280 с.

Историко-статистическое описание г. Мглина Черниговской губернии. Сост. И. Токмаков. – Киев: тип. Д.С. Повальского, 1888. – 119 с.

Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря. – М.: тип. В. Готье, 1872. – 170 с.

Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря / Сост.: иером. Никифор. – М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. – 81 с.

Исторический очерк общины сестер милосердия Святого Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870–1895). – СПб., 1895. – 205 с.

Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Санкт-Петербурге за пятидесятилетие. 1844–1894. – СПб.: паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1894. – 129 с.

Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. – М.: Университет. тип., 1865. – 98, 40 с.

История XIX века / Пер. с франц. / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. I. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 583 с.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). – М.: Международные отношения, 1997. – 383 с.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Международные отношения, 1995. – 448 с.

История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906 гг.: в 4 т. / Сост.: С.А. Гулевич. СПб.: Экономическая типо-литография, 1906–1907.

История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. (Серия «Русский Афон XIX–XX веков». Т. 5.) – Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. – 802 с.

История флотского духовенства / Сост.: А.Б. Григорьев. – М.: Андреевский флаг, 1993. – 79 с.

Каверзнев С. «С нами Бог!» – Саратов: тип. Союза печ. дела, 1912. – 16 с.

Казанский собор: Исторический очерк строительства и церковной жизни. – СПб.: «АРТДЕКО», 2001. – 272 с.

Каллистов Н., прот. Историческая записка о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия // Вестник военного духовенства. 1904. № 14. С. 439–447; № 15. С. 469–480; № 16. С. 496–504; № 17. С. 529–540; № 18. С. 559–568.

Кандидов Б.П. Религия в царской армии. 2-е изд. – М.: «Безбожник», 1929. – 92 с.

Капков К.Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. – М.: «Летопись», 2008. – 752 с.

Капков К.Г. Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. – М.-Белгород: «Летопись», 2012. – 868 с.

Карпычева Л.А. Общины сестер милосердия и Православная церковь // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004–2005. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2005. С. 120–138.

Катанский Н.А. Наши пленные во Франции в 1854–1855 гг. // Исторический вестник. 1916. Т. 146. С. 710–727.

Киприан (Керн), архим. Дореволюционное русское духовенство за границей // Православная мысль (La pensée orthodoxe): Труды Православного богословского института в Париже. Вып. XI. Париж: YMCA-press, 1957.

Козловцева Е.Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. – 208 с.

Козловцева Е.Н., Ефимушкина Е.В., Постернак А.В. Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. – 607 с.

Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881): Исторические очерки. – М.: журн. «Русская мысль» (т-во тип. А.И. Мамонтова), 1909. – 263 с.

Корсунский И.Н. Святитель Филарет, митрополит Московский. Его жизнь и деятельность на Московской кафедре по его проповедям, в связи с событиями и обстоятельствами того времени (1821–1867 гг.). – Харьков: тип. Губ. правления, 1894. – 1053 с.

Котков В.М. Военное духовенство России: Страницы истории: в 2 т. СПб.: Нестор, 2004.

Кочуков С.А. Деятельность сестер милосердия в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (по материалам визуальных источников) // XXV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 218–221.

Кочуков С.А. «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. – 298 с.

Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2012. – 49 с.

Красный Крест, его задачи, деятельность и организация // Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1898 г. СПб., 1898. С. 77–101.

Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. – СПб.: тип. «Сел. вестн.», 1912. – 36 с.

Краткое описание Нижегородских церквей, монастырей и часовен / Сост.: М. Добровольский. – Нижний Новгород: тип. Губ. правл., 1895. – 80 с.

Крестьянников В.В. Награды и памятные медали в честь первой обороны Севастополя // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: Арефьев, 2006. С. 44–47.

Крестьянников В.В. Роль митрополита Агафангела (Тибальдо) в возрождении Балаклавского Георгиевского монастыря // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: Арефьев, 2006. С. 23–28.

Крестьянников В.В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников

Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: Арэфьев, 2006. С. 18–23.

Крылов Н.С. Армейское духовенство в войне 1812 года // Бомбардир. 2000. № 10. С. 75–79.

Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль: в 2 т. М.: Патриот, 1995.

Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. – 330 с.

Курляндский И.А. Митрополит Иннокентий и помощь братским славянским православным народам, страдающим от турецкого ига // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 61–68.

Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Т. 8: Французская революция 1789–1799. – М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1903. – 919 с.

Лавровский Л.Я. Подневольный муниципал // Исторический вестник. 1902. Т. 89. С. 404–421.

Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). – СПб.: т-во худож. печати, 1900. – 151 с.

Левашев П. Историческое сказание о Смоленской иконе Божией Матери Одигитрии, шествовавшей в рядах русской армии в Отечественную нашу войну 1812 г. // Душеполезное чтение. 1912. № 7–8.

Левитский И.В. Летопись московской церкви святых отец Седьмого Вселенского собора, что у Новодевичьего монастыря. – М.: Русская печатня, 1912. – 39 с.

Левитский И.В. Храм святых отец Седьмого Вселенского собора как один из первых церковных памятников Отечественной войны 1812 года. – М.: Русская печатня, 1912. – 8 с.

Левитский Н. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Душеполезное чтение. 1902. Ч. II. С. 282–297, 575–583; Ч. III. С. 46–55, 307–319, 466–475.

[Леонид (Кавелин), архим.] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. – М.: тип. В.Ф. Рихтер, 1885. – 143 с.

Леонид (Кавелин). Историческое описание Боровского Пафнутиева монастыря. – М.: тип. В. Готье, 1859. – 184 с.

Леонид (Кавелин). Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – М.: типо-лит. И. Ефимова, 1903. – 176 с.

Летбридж А. Соловки: история и ассоциации. Отрывки из книги «Новая Россия от Белого моря до Сибирской степи» (Нью-Йорк, 1915). Пер. с англ. И.Е. Тришкан // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск, М.: ТСМ, 2004. Вып. 3. С. 98–107.

[Ливанов Ф.В.] «Георгиевский монастырь» в Крыму (что близ Севастополя и Балаклавы). Историческое описание составлено и издано для путешественников Ф.В. Ливановым. – М.: тип. «Современные известия», 1874. – 25 с.

Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2012. – 679 с.

Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1978. – 220 с.

Линков Я.И. Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853–1856 гг. – М.: МГУ, 1940. – 112 с.

Линькова Е.В., Болливье М. де. Влияние Крымской войны 1853–1856 гг. на эволюцию взаимного восприятия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2016. Т. 15. № 3. С. 84–89.

Линькова Е.В., Болливье М. де. Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2020. Т. 19. № 1. С. 240–253.

Лисовой Н.Н. Вениамин // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 626–627.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. – М.: Индрик, 2006. – 512 с.

Лисовой Н.Н. Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода. – М.: Индрик, 2016. – 566 с.

Лисовой Н.Н. Чудотворные иконы: Обретение, чудотворения, молитвы. – М.: ОЛМА-пресс, 2002. – 270 с.

Лисовой Н.Н., Назаренко А.В., Мельникова Л.В., Смирнова И.Ю. Империя и Церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX вв.) // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова и Е.А. Пивневой. М.: Российская акад. наук, 2018. С. 70–97.

Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке. – М., СПб.: Нестор-История, 2015. – 775 с.

Лубченков Ю. «Вооружите словом истины...» // Слово. 1992. № 11–12.

Макарий (Булгаков), еп. Биографическая записка о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Ученые Записки второго отделения Императорской Академии Наук. Кн. V. СПб., 1859. С. XXXVIII–LIV.

Макарова И.Ф. Русский царь в народных преданиях болгар // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006. С. 151–157.

Мамонов А.В. Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 годах // Отечественная история. 2004. № 3. С. 60–77.

Маркин А.С. Часовня памяти 1812 года в Павловском Посаде. История создания и гибели // К предстоящему восстановлению часовни в Павловском Посаде в память войны 1812 года. Павловский Посад: Фонд культуры «Посад», 1996.

Маслов П. Участие русской церкви и духовенства в событиях Отечественной войны. (Извлеч. из: «Таврические епархиальные ведомости». 1912. № 34–36). – Симферополь, 1913. – 33 с.

[Мелетий, архим.] Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. – М.: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1881. – 315 с.

Мельникова Л.В. Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина. 2012. № 6. С. 74–76.

Мельникова Л.В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память / Под ред. А.В. Чудинова. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 162–178.

Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. – М.: Кучково поле, 2007. – 416 с.

Мельникова Л.В. Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 95–112.

Мельникова Л.В. Болгария и болгары глазами полковых священников – участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Церковь в истории России. Сб. 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2016. С. 244–257.

Мельникова Л.В. Великая княгиня Елена Павловна и Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых в годы Крымской войны // Military Крым. Военно-исторический журнал. 2011. Спец. выпуск № 3 (К 155-летию окончания Крымской (Восточной) войны (1853–1856 гг.)). Украина, Симферополь. С. 9–20.

Мельникова Л.В. Вклад православного духовенства в организацию и деятельность народного ополчения в 1812 году // Церковь в истории России. Сб. 5. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. С. 114–126.

Мельникова Л.В. Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 52–58.

Мельникова Л.В. «Вознесся выше он главою непокорной Наполеонова столпа». Два императора, две колонны // Родина. 2013. № 11. С. 14–17.

Мельникова Л.В. Государственная измена Могилевского архиепископа Варлаама (Шишацкого) в 1812 году // Родное и Вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Изд. Паломнического центра Московского Патриархата, 2006. С. 238–250.

Мельникова Л.В. Два спорных документа 1813 года (К вопросу о церковной пропаганде в эпоху наполеоновских войн) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2004. № 12. С. 42–49.

Мельникова Л.В. «За братьев славян!»: Церковь, общество и государственная власть Российской империи во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения / Отв. ред. В.В. Яковлев. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 262–275.

Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Церковь в истории России. Сб. 9. М.: Кучково поле, 2010. С. 125–151.

Мельникова Л.В. «Киевская казатчина» и православное духовенство в годы Крымской войны. К вопросу о крестьянских волнениях в Киевской губернии // Российская история. 2011. № 5. С. 134–147.

Мельникова Л.В. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного креста // Российская история. 2009. № 5. С. 119–134.

Мельникова Л.В. Московская епархия в Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 10. С. 84–90.

Мельникова Л.В. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121–137.

Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история. 2010. № 5. С. 165–182.

Мельникова Л.В. Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 28–45.

Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38.

Мельникова Л.В. Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 73–88.

Мельникова Л.В. Православная Россия против «безбожной» Франции: священная война императора Александра I // Российская история. 2012. № 6. С. 103–116.

Мельникова Л.В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х – 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161.

Мельникова Л.В. Рукопись неизвестного автора «Церковные памятники войны 1812 года» // Церковь в истории России. Сб. 6. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2005. С. 121–146.

Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2002. – 240 с.

Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 280–300.

Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. – М.: Кучково поле, 2012. – 392 с.

Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – М.: Изд. центр «Воевода», 2020. – 400 с.

Мельникова Л.В. Русские монастыри во время Отечественной войны 1812 года // Долг и судьба историка: Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 204–222.

Мельникова Л.В. Русские монастыри и монашество во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2019. С. 181–196.

Мельникова Л.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Вакха Гурьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 54–58.

Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75.

Мережковский Д.С. Наполеон. – М.: Республика, 1993. – 319 с.

Миловидов Б.П. Русские военнопленные в годы Крымской войны // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки». 2002. № 1. С. 28–36.

Миловидов Б.П. Численность пленных в годы Крымской войны // Марсово поле: Санкт-Петербургский военно-исторический сборник. Вып. 2. СПб.: Третья Россия, 1997. С. 19–23.

Митрошенкова Л.В. Из истории Малоярославецкого духовенства. 1812 год // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 34–44.

Михайлов К. Поруганная слава. – М.: Яуза: ЭКСМО, 2007. – 396 с.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года: в 4 ч. 3-е изд. СПб.: тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1843.

Можаровский А. Настроение русского общества во время Севастопольской обороны. Стихотворения того времени // Русский архив. 1905. Кн. 2. № 8.

Москва в ее прошлом и настоящем: в 12 т. М.: Образование, 1910–1912.

[Муравьев А.Н.] Подвиги Соловецкой обители. 11-е изд. – СПб.: Синод. тип., 1912. – 86 с.

Муркос Г.А. Мнение православных арабов о греко-болгарской распре. – М.: Университет. тип., 1880. – 9 с.

Мысли Русского о конкордате // Сын Отечества. 1813. № 12. С. 281–290.

Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза: в 5 т. Рига: Изд. книгопродавца Киммеля, 1886–1892.

Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – М.: Наука, 1979. – 144 с.

Невзоров Н.К. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. – СПб.: тип. Ф.Г. Елеонского и А.И. Поповицкого, 1875. – 101 с.

Недоходовский Я. 1812 год: дело под Медынью и Медынский памятник // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. 1812–1912. Вып. 1. Калуга, 1912. С. 147–148.

Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 3–77.

Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 362 с.

Никольский А. Где в 1812 году, в нашествие неприятелей на Москву, имела пребывание находящаяся в Московской Казанском соборе

чудотворная икона Казанской Божией Матери и о некоторых проявлениях чудодейственной силы Божией от сей святой иконы в это время. – М., 1909. – 16 с. (То же // Московские церковные ведомости. 1911. № 22–23. С. 491–503).

Никольский А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году. – М.: т-во типо-лит. И.М. Машистова, 1912. – 195 с. (То же отдельными очерками: Московские церковные ведомости. 1911. № 39. С. 900–905; № 44. С. 1027–1031; № 45. С. 1052–1055; № 48. С. 1119–1121; № 49. С. 1141–1143; 1912. № 2. С. 43–44; № 4. С. 103–106; № 5. С. 129–131; № 10. С. 282–285; № 11. С. 306–311; № 12. С. 328–332; № 13–14. С. 350–354; № 15. С. 389–396; № 16. С. 410–413; № 17. С. 432–439; № 18. С. 463–465; № 19. С. 478–480; № 20–21. С. 503–506).

Никольский А. Московский Казанский собор в 1812 году (К материалам для истории Казанского собора). – М.: Русская печатня, 1911. – 15 с. (То же // Московские церковные ведомости. 1911. № 40. С. 917–922; № 41. С. 942–948).

Никольский В.А. Христианство, патриотизм, война // Православный собеседник. 1904. № 4. С. 608–621; № 5. С. 765–786; № 6. С. 868–887; № 7–8. С. 147–165; № 10. С. 549–572.

[Никон, архим.] Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. Описано настоятелем монастыря архимандритом Никоном. – Чернигов: тип. Ильин. монастыря, 1862. – 23 с.

Новгородов В.Е. Золотой венец старого Харькова. Успенский собор – памятник архитектуры XVIII в. Историко-архитектурный очерк. – Харьков: Прапор, 1990. – 45 с.

Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже // Вестник Московского университета. Серия «История». 2008. № 2. С. 57–68.

Одерова М.В. Сюртук, под ним – наперсный крест. Русское посольское духовенство в Европе // *Родина*. 2008. № 2. С. 65–67.

Онисим Боровик, обер-священник Молдавской армии, впоследствии Онисифор, архиепископ Екатеринославский († 1828 г.) // *Вестник военного духовенства*. 1913. № 11–12. С. 415–416.

Описание обороны Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря от нападения англичан 6 и 7 июля 1854 г. – Архангельск: типолит. С.М. Павлова, 1905. – 44 с.

Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 9 т. СПб.: Воен.-ист. комис. Глав. штаба, 1899–1914.

Описание, что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года // *Русский архив*. 1891. Кн. 3. № 10. С. 265–269.

Орлик О.В. Представители прогрессивной интеллигенции России – участники русско-турецкой войны 1877–1878 годов // *Вопросы истории*. 1978. № 4. С. 79–95.

Орлов А.А. «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). – М.: МПГУ, 2019. – 302 с.

Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 366 с.

Орловский И. Дьячок-партизан 1812 года // *Исторический вестник*. 1902. № 10.

Осинин И.Т. Протоиерей Евгений Иванович Попов. Некролог // *Русская старина*. 1875. Т. 14. № 12. С. 737–741.

Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг. (Систематический сборник материалов) / Сост.: И.Ф. Тупица. Т. 1. – Киев, 1881. – 597 с.

Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / Мельникова Л.В. (рук. авт. кол.), Секиринский С.С., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н. – М.: Кучково поле, 2012. – 446 с.

Очерк 25-летней деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. – СПб.: тип. В.И. Грацианского, 1879. – 86 с.

Павловский И. К правде относительно архиепископа Варлаама // Волынские епархиальные ведомости. 1879. № 10.

Павловский И. Крамольная присяга. К биографии Архиепископа Варлаама Шишацкого // Церковно-общественный вестник. 1879. № 61.

Пальмов И.С. Болгарская экзархийская церковь: первоначальное и современное ее устройство. – СПб.: скоропечатня и лит. И.Ф. Пухира, 1896. – 91 с.

Памятники Отечественной войны, находящиеся в городе Малоярославце // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. 1812–1912. Вып. 1. Калуга, 1912.

Пассек В.В. Историческое описание Московского Симонова монастыря. – М.: тип. С. Селивановского, 1843. – 237 с.

Патриотический поступок благочинного местечка Чечерска (Могилевской губернии) Герасима Курганского при вступлении неприятеля в Могилевскую губернию // Московские ведомости. 1813. № 37. С. 1037–1038.

Петровский С., прот. К 10-летию смерти кафедрального протоиерея Арсения Гавриловича Лебединцева. Биографический очерк с приложениями, составленный на основании новых документов. – Одесса, 1908. – 42 с.

Петровский С., прот. Н.И. Пирогов в Севастополе. К 100-летию со дня рождения. – Одесса: «Слав.» тип. Е. Хрисогелос, 1910. – 32 с.

Платонова З.И. А.Н. Муравьев и вопрос о святых местах Палестины в канун Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. М., 2005. С. 102–105.

Плугина Л.П. Н.И. Пирогов и свобода Болгарии // За други своя. Россия – Болгария. Ожившие страницы боевого братства. М.: Изд-во ИКАР, 2013. С. 244–249.

Погодин М. Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения // Московские ведомости. Литературный отдел. 1854. № 97.

Подвиг В.Г. Рагузина, причетника и героя 1812 года // Душеполезное чтение. 1868. № 8.

Подвиг священника 19-го егерского полка, Васильковского, 12-го октября 1812 г., в Малоярославецком сражении // Московские ведомости. 1813. № 30.

Подвиг священника села Новоспасского Смоленской губернии // Русский вестник. 1817. Ч. III. № 23–24.

Подлесный Н.П. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и общественное мнение России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1963. – 22 с.

Поляков Г., прот., Шавшин В.Г. За веру и Отечество: Свято-Николаевский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская война 1853–1856 гг. – М.: ТИИЦ, 1997. – 407 с.

Полянский М. Нападение англичан на Соловки 6 и 7 июля 1854 г. // Военный сборник. 1904. № 9. С. 37–41.

Пономарев С.И. Всероссийская усыпальница (Церковь Святителя Николая и кладбище севастопольских героев). – Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1869. – 32 с.

Попов А.И. Партизаны и народная война в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск: Можайск-Терра, 2000. С. 172–208.

Попов А.И. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001. С. 193–212.

Поповкин А.А. Московский Славянский комитет и «Кукушская уния» (1859 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2011. № 2. С. 158–161.

Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2001. – 225 с.

Протоиерей Е.И. Попов (некролог) // Странник. 1875. Т. 4. № 11. С. 92–94.

Протоиерей Православной церкви при русском посольстве в Париже Иосиф Васильевич Васильев (Биографический очерк) // Иллюстрация. 1858. № 42. С. 257–258.

Проценко Н.Ф. Монастыри в России и соборы в Москве с обзором их истории, описанием почивающих в них мощей, чудотворных икон и других святынь и хранящихся в оных древностей и богатств. – М.: тип. П.А. Глушкова, 1863. – 71 с.

Пуцко В.Г. Калужское духовенство в Отечественной войне 1812 года // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Персоналии. Памятники. Малоярославец: Малоярославец. тип., 1998. С. 108–114.

Разумовский В.И. Н.И. Пирогов, как научный деятель и профессор хирургии // Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным Комитетом съезда, под ред. докт. П.Н. Булатова. Т. I. СПб., 1911. С. 13–18.

Ренненкампф А. Отлучение Наполеона от Церкви папою Пием VII // Сын Отечества. 1813. № 13.

Речменский А.И. Походная церковь императора Александра I. – М.: Изд. А.А. Бахрушина. 1912. – 153 с.

Римский С.В. Русская Православная Церковь в XIX веке. – Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. – 384 с.

Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч. III. Кн. 2. – М.: Синод. тип., 1871. – 450 с.

Розанов Н.П. Московские святыни в 1812 году. – М.: Изд. Церковной комиссии по чествованию юбил. событий 1612, 1613 и 1812 гг., 1912. – 69 с.

Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. – Киев: тип. Г.Л. Фронцкевича, 1886. – 299 с.

Романюк С.К. Москва. Утраты. – М.: ПТО «Центр», 1992. – 333 с.

Росс Н.Г. Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 318 с.

Рудницкая Е.Л., Лисовой Н.Н. Миротворческая парадигма русской мысли // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Наука, 2003. С. 4–27.

Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. – СПб.: Лики России, 2005. – 400 с.

Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. 2-е изд. – М.: Подворье Русского на Афоне Св.-Пантелеимонова монастыря в Москве, 2009. – 327 с.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы / Балканские исследования. Вып. 4. – М.: Наука, 1978. – 280 с.

Сазонова Л.И. Сказание о Наполеоне-Антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42–61.

Севастопольские герои. (Серия: Народная библиотека «Кормчего». Кн. 45). – М.: типо-литогр. И. Ефимова, 1903. – 16 с.

Сергеева Е. С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. 1995. № 2. С. 118–120.

Сестры милосердия России. – СПб.: Лики России, 2005. – 391 с.

Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей: в 2 т. М.: АНС, 1994.

Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 120–174.

Смирнов А.А. Герой Малоярославецкого сражения отец Василий Васильковский // От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославецкого сражения / Сост. Котлякова Н.В., Назарян Е.А. Калуга: Золотая аллея, 2002.

Смирнов А. С крестом в руке впереди полка // Наука и религия. 1991. № 9. С. 30–32.

Смирнова И.Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. – М.: РОССПЭН, 2016. – 590 с.

Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. – М.: РОССПЭН, 2014. – 454 с.

Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. – М.: Индрик, 2015. – 395 с.

Смоленск и его губерния в 1812 году. Юбил. изд. (1812–1912 г.) / Сост. В.И. Грачев. – Смоленск: тип. П.А. Силина, 1912. – 293 с.

Смоленская старина. Вып. 2: 1812–1912. Юбил. изд. Смоленск. учен. арх. комис. / Под ред. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. – Смоленск: тип. П.А. Силина, 1912. – 421 с.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. VIII. Ч. I. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. – 798 с.

Снегирев И.М. Жизнь Московского митрополита Платона: в 2 ч. М.: тип. Вед. Моск. гор. полиции, 1856.

Снегирев И.М. Очерки жизни Московского архиепископа Августина. – М.: Полиц. тип., 1848. – 130, 104 с.

Снегирев И.М. Пятидесятилетие 1812 года // Душеполезное чтение. 1862. № 10. С. 199–220.

Соболев М.И. Собор Христа Спасителя в Москве, как памятник о великой милости Божией и доблестных деяниях предков, явленных в спасении России в тяжкую годину 1812 года // Московские церковные ведомости. 1911. № 21. С. 458–460; № 24. С. 516–519; № 25. С. 534–537; № 26–27. С. 562–565; № 37. С. 848–851; № 38. С. 866–873; № 39. С. 890–893; № 42. С. 968–970; № 43. С. 990–992; № 44. С. 1016–1020; № 46. С. 1064–1067; № 47. С. 1090–1095.

Сорок сороков: в 4 т. М.: АО «Книга и бизнес», 1992–1995.

Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XIII: Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. Исторический очерк. / Сост. А.А. Желобовский. – СПб.: тип. тов-ва М.О. Вольф, 1902. – 130 с.

Студитский И.М. Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года. – Кострома: тип. М.Ф. Риттер, 1912. – 22 с.

Суворов Н.С. Конспект церковного права. – М.: Основа, 1909. – 127 с.

Сулоцкий А. Архиерей-патриот 1812 года // Душеполезное чтение. 1874. № 6. С. 181–186.

Сучалкин Е.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2013. – 26 с.

Сучалкин Е.А. Трансформация представлений российских участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. о материальном состоянии болгар // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 140–145.

Сырцов И., прот. Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. Исторический очерк. – М.: Университет. тип., 1904. – 35 с.

Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М. История русского Афона. – М.: Индрик, 2016. – 463 с.

Танков А. Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812–1814 гг. (К столетнему празднованию великих событий борьбы против нашествия на Россию Наполеона I) // Курские епархиальные ведомости. 1911. № 51–52; 1912. № 17. С. 399–402; № 24. С. 553–557; № 28. С. 716–720; № 30. С. 809–813; № 31. С. 862–867.

Тарле Е.В. Город русской славы: Севастополь в 1854–1855 гг. – М.: Воениздат, 1954. – 216 с.

Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. М.-Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1950.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 284 с.

Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. – М.: Мысль, 1967. – 222 с.

Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 т. 2-е изд. СПб.: А.С. Суворин, 1911.

Тейлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 644 с.

Теплов В.А. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. – СПб., 1889. – 245 с.

Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. – М.: Мысль, 1988. – 348 с.

Филиппов Т.И. Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря. – СПб.: Печатня В. Головина, 1870. – 110 с.

Флоринский Н.И. Жизнеописание Соловецкого архимандрита Александра // Душеполезное чтение. 1885. Июнь–июль. С. 154–178.

Фомин А.М. Европейские державы в борьбе за «Святую землю»: религиозный аспект ближневосточной политики России и Франции от Крымской войны до начала XX века // Вестник Московского государственного университета. Серия «История». 2006. № 3. С. 72–91.

Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. – М.: Учпедгиз, 1950. – 180 с.

Фролова М.М. Военное духовенство в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (на Балканском фронте) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 85–101.

Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. – 184 с.

Фруменкова Т.Г. Православная Церковь и классовая борьба в России в период кризиса крепостничества (30–50-е годы XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 18 с.

Фруменкова Т.Г. Православное духовенство в годы Крымской войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 13–18.

Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. – М.: Квадрига, 2009. – 369 с.

Хевролина В.М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 21–33.

Хойнацкий А.Ф. Варлаам Шишацкий, бывший архиепископ Могилевский. (Из истории 1812 года) // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 522–543.

Хойнацкий А.Ф. Правда об архиепископе Варлааме, бывшем первом епископе Волынском, а потом архиепископе Могилевском, скончавшемся в звании простого монаха, и другие некоторые сведения, необходимые для истории Волынской семинарии // Волынские епархиальные ведомости. 1879. № 8. С. 323–329.

Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина по поводу одного окружного послания Парижского архиепископа // Хомяков А.С. Сочинения. Т. II. М.: Моск. филос. фонд: Медиум, 1994. С. 72–129.

Храм Христа Спасителя. – М.: Столица, 1996. – 287 с.

Храмков Л. Самарское знамя на Балканах // Освободительная война 1877–1878 гг. и роль Болгарского ополчения. Сборник докладов и

сообщений, прочитанных на юбилейных научных конференциях в Казанлыке, Стара-Загоре и Самаре в 1987–1988 гг. Самара: Сам. ун-т, 1992. С. 15–20.

Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. (Российский военный сборник). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2006. – 544 с.

Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке. – Владимир: Посад, 2000. – 319 с.

Цветков И. Памятники Отечественной войны, находящиеся в городе Малоярославце // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. 1812–1912. Вып. 1. Калуга, 1912.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 264 с.

Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 154–189.

Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Историко-статистическое описание: в 2 ч. Пятигорск: типо-лит. А.П. Нагорова, 1913.

Чантурия В.А. Архитектурные памятники Белоруссии. – Минск: Полымя, 1982. – 223 с.

Чернатов В.М. Памятники воинской славы на Белорусской земле (XIX – начало XX вв.). – Минск: Полымя, 1976. – 36 с.

Чернатов В.М. Сынам Отчизны. Мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии. – Минск: Вышэйш. школа, 1980. – 135 с.

Чернышев С.Н. Православно-русское духовенство в его служении церкви и государству в эпоху Отечественной войны. – Киев: тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1913. – 73 с.

Чимаров С.Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. – СПб.: Нестор, 1999. – 272 с.

Шабатин И.Н. Русское православное духовенство в Великой Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской патриархии. 1944. № 5. С. 32–36.

Шавельский Г.И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. – М.: т-во И.Д. Сытина, 1912. – 32 с.

Шавшин В.Г. Балаклава. Исторические очерки. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 264 с.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897–1898.

Шингарев В. Русское духовенство в Отечественную войну // Рижские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 527–541; № 18. С. 568–581. (То же // Минские епархиальные ведомости. 1912. № 16. С. 570–587; № 17. С. 624–640).

Шкаровский М.В. Русские церковные общины на территории Турции (Османской империи) в XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2 (33–34).

Шмидт Г. Памятники «Битве народов» под Лейпцигом и их интерпретация в современном обществе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всероссийской научной конференции. Бородино, 3–5 сентября 2001 г. М.: Калита, 2002. С. 246–248.

Щебикова Е.А. «...И вечной памятью Двенадцатого года» // От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения / Сост. Котлякова Н.В., Назарян Е.А. Калуга: Золотая аллея, 2002. С. 272–273.

Юбилей дружбы. Сборник статей, посвященных 90-летию освобождения Болгарии. – Кишинев, 1969. – 96 с.

Юхименко Е.М. Московские старообрядцы в 1812 году: мифы и факты // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы

Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 320–329.

Яковлев Н.Н. Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян 1876–1878 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1964. – 45 с.

Яковлев О.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1980. – 14 с.

Яковлев П.П. Влияние веры на военное дело в нашей и в иностранных армиях. – М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. – 68 с.

Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи: 1830-е – начало XX века. – М.: Индрик, 2013. – 534 с.

Якушев М.И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245–288.

Якушев М.И. Конфликт из-за Святых мест Палестины как казус белли Крымской (Восточной) войны // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М.: Вост. лит., 2004. С. 437–487.

Бонева В.П. Българското църковнонационално движение. 1856–1870. Велико Търново: За буквите – О писменехъ, 2010. – 1132 с.

Бошнаков Н. Юлия Петровна Вревская 1841–1878 гг. – Плевен, 1958. – 19 с.

Генов Ц. Осветяването на Самарското знаме в гр. Пловещ през 1877 г. 6 май и славата на българските опълченци и поборници. София, 1958.

Георгиев Г., Топалов В. Кратка история на Освободителната война, 1877–1878: (Преглед на военните действия). – София: Българската Комунистическа партия, 1958. – 516 с.

Димитров Б. Руско-турската война, 1877–1878: хроника. 2-е изд. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2002. – 118 с.

Димитров Г.Г. Руско-българската бойна дружба през Освободителната война, 1877–1878 г. – София: БЗНС (Български земеделски народен съюз), 1958. – 71 с.

Дойчев Л. Манифестът на свободата. – София: Изд-во на Нац. съвет на Отечествения фронт, 1967. – 78 с.

Кирил, патр. Български. Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. – София: Синод. изд-во, 1958. – 567 с.

Кирил, патр. Български. Екзарх Антим (1816–1888). – София: Синод. кн-во, 1956. – 956 с.

Кирил, патр. Български. Паисий, митрополит Пловдивски, в църковно-народната борба, 1810–1872. Пловдив, 1948.

Кирил, патр. Български. Панарет, митрополит Пловдивски (1805–1883). София, 1950.

Маринов М., Узунов Х. Руско-турската Освободителната война. София, 1978.

Маркова З. Българската екзархия. 1870–1879. – София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1989. – 395 с.

Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. – София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1976. – 220 с.

Митев Й. Пътят на Самарското знаме. – София: Национален съвет на Отечествения фронт, 1962. – 76 с.

Освобождението на България и руската общественост / Летопис на дружбата. Т. 6. – София: Изд. на Отечествен. фронт, 1977. – 359 с.

Симеонов Ц.Р. Блокада и освобождение на Плевен (13.09.–10.12.1877 г.). Плевен, 1960.

Шамрай С. Київська козащина 1855 року (до історії селянських рухів на Київщині). – Київ: Всеукраїнська АН, 1928. – 127 с.

Baker V. War in Bulgaria: a narrative of personal experiences. 2 vol. London: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1879.

Bapst E. Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854. – Paris: C. Delagrave, 1912. – 514 p.

Chappuis, J-P. 1854–1855. Croisade en Crimée. La guerre qui arrêta les Russes. – Paris: Société de Production Littéraire, 1978. – 261 p.

Curtiss J.Sh. Russia's Crimean War. – Durham: Duke univ. press, 1979. – 597 p.

Ferbalier, M. de. Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. – Paris: Madame veuve Desbleds Librairie, 1854.

Goldfrank D.M. The Origins of the Crimean War. – London: Longman, 1994. – 344 p.

Gorce, de la P. Histoire du Second Empire. 7 vol. Paris: E. Plon, Nourrit et C-ie, Imprimeurs-Editeurs, 1894–1905.

Gouttman A. La Guerre de Crimée: 1853–1856: la première guerre moderne. – Paris: Perrin, 2006. – 438 p.

[*Jomini A.*] Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856). Par un ancien diplomate. 2 vol. SPb.: Librairie de la Cour Impériale H. Schmitzdorff, 1878.

Kingston W.H.G. Our Sailors. Gallant Deeds of the British Navy during Victoria's Reign. Project Gutenberg eBook. London, 2007. Release Date: May 9, 2007 [EBook #21402].

Lecat Bazancourt, C. Cinq mois au camp devant Sébastopol. – Paris: Amyot, 1855. – 250 p.

Lecat Bazancourt, C. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient. 2 vol. – Paris: Amyot, 1856.

Lieven D. Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. – London: Penguin UK, 2009. – 656 p.

MacKenzie D. The Serbs and Russian Pan-slavism. 1875–1878. – New York: Cornell university press, 1967. – 365 p.

Melnikova L. A Guerra Pátria de 1812: natureza do conflito e causas da vitória russa // 1812: A campanha da Rússia. Bicentenário. Lisboa: Biblioteca Nacional de Portugal. 2012. P. 13–19.

Melnikova L. L'Église orthodoxe russe durant la guerre de 1812 // *Slavica Occitania*. № 39: Confrontations impériales (1812–1814). Évolution de l'identité et de l'image de la Russie dans le contexte européen. Toulouse, 2014. P. 187–194.

Melnikova L. La France et les Français du point de vue des Russes en 1814 // *Les Russes en France en 1814. Des faits, des imaginaires et des mémoires* / sous la direction de Marie-Pierre Rey. Paris: Editions de la Sorbonne / Histoire contemporaine, 2019. P. 121–128.

Melnikova L. Orthodox Russia against «Godless» France: The Russian Church and the «Holy War» of 1812 // *Russia and the Napoleonic Wars*. Edited by Janet M. Hartley, Paul Keenan and Dominic Lieven (Series «War, Culture and Society, 1750–1850»). London: Palgrave macmillan, 2015. P. 179–195.

Rich N. Why the Crimean war? A Cautionary tale. – Hanover, 1985. – 258 p.

Rousset C. Histoire de la guerre de Crimée. 2 vol. – Paris: Hachette, 1878.

Rüştü Halil. 1877–1878 Osmanli-Rus Seferinde Osmanli kumandanlari. – Istanbul, 1914. – 260 p.

Sumner B.H. Russia and the Balkans, 1870–1880. – Oxford: Clarendon press, 1937. – 724 p.

Vovchenko D. Containing Balkan Nationalism. Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. – Oxford University Press, 2016. – 343 p.

Ziya Şakir. İkinci Sultan Hamit. Şahsiyeti ve Hususiyetleri. – Istanbul, 1943. – 376 p.

Приложение
Православные священнослужители,
удостоенные наград за отличия, оказанные
во время войны 1812–1814 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. и
Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹⁷¹⁷

А

Агафангел, иеромонах Троице-Сергиевой лавры. Выполнял духовные требы в госпиталях Симферополя. 12 июля 1856 г. был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества¹⁷¹⁸.

Александр (Павлович Андроник Иванович), архимандрит, настоятель Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. 4 августа 1854 г. «за отличное исполнение своих обязанностей» во время неприятельского нападения на Соловецкий монастырь (6–7 июля 1854 г.) награжден золотым наперсным крестом с алмазами на Георгиевской ленте¹⁷¹⁹. (Предыдущие награды: скуфья (1838), набедренник (1841), камилавка (1846), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1850), палица (1851)).

Альбов Михаил Стефанович, в годы Крымской войны – старший священник Углицкого егерского полка, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – протоиерей 11-го пехотного Псковского генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка, благочинный 3-й пехотной дивизии. Участник сражений: при Альме (8 сентября 1854 г.), Инкермане (24 октября 1854 г.). 3 июля 1855 г. награжден скуфьей,

¹⁷¹⁷ В данный список включены священнослужители, награды которых установлены автором диссертации по архивным документам и опубликованным источникам. В числе наград не указываются наперсные кресты в память Отечественной войны 1812 года и Крымской войны 1853–1856 гг., медали «За защиту Севастополя», в память Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поскольку их получили все священнослужители, принимавшие участие в данных событиях.

¹⁷¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 174–175; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 61.

¹⁷¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 4–5; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 67.

26 августа 1856 г. – наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁷²⁰. 6 мая 1878 г. «за отличие при взятии Ловчи 22 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁷²¹. (Прочие награды: камилавка (1860), орден Св. Анны 3-й степени (1864), сан протоиерея (1870))¹⁷²².

Алхимович Павел, протоиерей Минского резервного пехотного полка, благочинный 14-й пехотной дивизии, участник обороны Севастополя. 14 апреля 1858 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷²³.

Анастасий, иеромонах Троице-Сергиевой лавры. В июне 1855 г. был назначен ординатором двух госпиталей г. Симферополя. За ревностное исполнение обязанностей одновременно врача и духовного пастыря, в частности – за самоотверженные труды на перевязочном пункте во время и после сражения 4 августа 1855 г. при речке Черной, 15 декабря того же года был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества¹⁷²⁴. 28 декабря 1855 г. умер от тифа.

Анатолий (в миру – **Поянский** Алексей), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 1845 г. по 1855 г.), участник обороны Севастополя. 18 августа 1855 г. за отличие, оказанное во время военных действий, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷²⁵.

¹⁷²⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 7, 25.

¹⁷²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 163; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 47. Л. 12.

¹⁷²² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 47. Л. 7–8.

¹⁷²³ *Каллистов Н.* Историческая записка о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия // Вестник военного духовенства. 1904. С. 536.

¹⁷²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 218–219; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 2.

¹⁷²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

Андреевский Иоанн, священник 20-го пехотного Галицкого полка. 11 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при Плевне 30 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷²⁶.

Андрианов Василий, протоиерей лейб-гвардии Литовского полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1814 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁷²⁷.

Антониади, иеромонах, состоявший при Легионе императора Николая I. 29 июня 1856 г. «в воздаяние самоотвержения и мужества, оказанных при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷²⁸.

Антоний, иеромонах, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷²⁹.

Аргириди Антоний Николаевич, протоиерей Балаклавского Греческого пехотного батальона. 28 сентября 1854 г., через две недели после занятия неприятелем г. Балаклавы благодаря ходатайству перед главнокомандующим английскими войсками лордом Рагланом, вручившим священнику открытый лист на беспрепятственный выход из города, вывел из Балаклавы в Бахчисарай около 200 жителей, освободив их тем самым из плена. 16 апреля 1855 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁷³⁰.

Арсений (в миру – **Тыднев** Алексей), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 13 февраля 1854 г. по ноябрь 1855 г.), участник обороны Севастополя. С 5 октября 1854 г. по 1 января 1855 г. находился при 36-м флотском экипаже на Малаховом кургане и при 3-м перевязочном пункте. 2 февраля 1855 г. на Корниловском бастионе

¹⁷²⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

¹⁷²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4912 а. Л. 12.

¹⁷²⁸ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 72.

¹⁷²⁹ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 502; *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белгород, 2012. С. 272.

¹⁷³⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1.

получил ранение в голову, приведшее к потере зрения левого глаза. 18 августа 1855 г. за отличие, оказанное во время военных действий, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷³¹.

Архангельский Николай, священник Модлинского резервного пехотного полка. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷³².

Афименский Василий Дорофеевич, священник Московского драгунского полка, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден камилавкой¹⁷³³.

Б

Баккаревич Иаков, священник 48-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817)).

Бакулин Николай Павлович, священник Резервной бригады 13-й пехотной дивизии. С 13 сентября 1854 г. до 27 августа 1855 г. находился в Севастополе. 17 апреля 1854 г. награжден скуфьей¹⁷³⁴, в 1856 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷³⁵. (Предыдущая награда: набедренник (1848))¹⁷³⁶.

Бекаревич Василий Матвеевич, старший священник Эриванского отряда, состоящий при 3-й сводной кавалерийской дивизии. 8 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками в июне 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁷³⁷. (Предыдущие награды: скуфья, орден

¹⁷³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁷³² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

¹⁷³³ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 108.

¹⁷³⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 3–3 об.

¹⁷³⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 19 об.

¹⁷³⁶ Капков К.Г. Указ. соч. С. 266.

¹⁷³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 219; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 71. Л. 11.

Св. Анны 3-й степени, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте (1873))¹⁷³⁸.

Белевский Константин, священник, прикомандированный к 5-й дружине Болгарского ополчения. 30 октября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷³⁹; 12 декабря 1877 г. – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁷⁴⁰; 2 мая 1879 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁴¹.

Белин Иоанн Васильевич, старший священник Колыванского пехотного полка. С 22 октября 1854 г. по 27 августа 1855 г. находился в Севастопольском гарнизоне. Неоднократно совершал богослужения на бастионах, дежурил на перевязочном пункте и в госпиталях. 26 августа 1856 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁴². (Последующие награды: скуфья (1862), камилавка (1866), орден Св. Анны 3-й степени (1875))¹⁷⁴³.

Белицкий Андрей Семенович, протоиерей Селенгинского пехотного полка, благочинный 11-й пехотной дивизии, с июля по сентябрь 1855 г. – обер-священник Южной армии и военно-сухопутных и морских сил в Крыму находящихся. 31 декабря 1853 г. «за отличное исполнение своих обязанностей во время сражения с турками при Ольтенице» (23 октября 1853 г.) награжден орденом Св. Анны 2-й степени с императорской короной¹⁷⁴⁴. Участвовал в Инкерманском сражении (24 октября 1854 г.), где «под страшным огнем неприятеля неустрашимо исполнял христианские требы, как на самом месте боя, так и на перевязочном пункте»; в обороне Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за отличие, оказанное во время военных действий.

¹⁷³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 71. Л. 2 об.

¹⁷³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 315–315 об.

¹⁷⁴⁰ Там же. Л. 348.

¹⁷⁴¹ *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белгород, 2012. С. 301.

¹⁷⁴² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 24.

¹⁷⁴³ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 266.

¹⁷⁴⁴ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 10.

(Предыдущие награды: набедренник (1827), скуфья (1828), камилавка (1831), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1832), орден Св. Анны 3-й степени (1843), орден Св. Анны 2-й степени (1851))¹⁷⁴⁵. По некоторым данным, в 1855 г. за отличие в Восточной войне был награжден также золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁴⁶. Умер 8 сентября 1855 г.

Белкин Иосиф, священник драгунского Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича полка. 17 апреля 1854 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁷⁴⁷. 17 апреля 1857 г. «за отлично-усердную службу» награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷⁴⁸.

Белявский Симеон Иоаннович, протоиерей 1-го уланского Санкт-Петербургского Его Величества Короля Баварского полка, благочинный 1-й кавалерийской дивизии. 11 ноября 1878 г. «за отлично-усердную службу и труды во время минувшей войны» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁷⁴⁹; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁵⁰. (Прочие награды: набедренник (1850), скуфья (1856), камилавка (1860), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1865), сан протоиерея (1870), орден Св. Анны 3-й степени (1874), орден Св. Владимира 4-й степени (1883), орден Св. Владимира 3-й степени (1892))¹⁷⁵¹.

¹⁷⁴⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 23; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 70.

¹⁷⁴⁶ Капков К.Г. Указ. соч. С. 262.

¹⁷⁴⁷ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 3–3 об.

¹⁷⁴⁸ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 47.

¹⁷⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

¹⁷⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13.

¹⁷⁵¹ Капков К.Г. Указ. соч. С. 302.

Беневоленский Николай, священник 122-го пехотного Тамбовского полка. 20 ноября 1878 г. «за отличие при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁵².

Благовещенский Иоанн, священник гусарского Принца Фридриха Гессен-Касальского полка. 17 апреля 1854 г. награжден камилавкой¹⁷⁵³.

Богоявленский Сергей Филиппович, священник 4-го гренадерского Несвижского генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полка. 15 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 1, 2 и 3 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁵⁴. (Предыдущие награды: камилавка (1871)).

Бойков Илларион Григорьевич, священник 33-го пехотного Елецкого полка, благочинный 9-й пехотной дивизии. С 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г. находился в Севастопольском гарнизоне, участвуя в обороне города. 12 июня 1855 г., напутствуя раненых на бастионах, от разорвавшейся рядом с ним бомбы получил контузию в шею, 17 августа 1855 г. во время освящения батареи вновь был контужен в левое бедро. В 1856 г. за мужество, проявленное при обороне Севастополя, был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁵⁵. (Прочие награды: скуфья (1852), камилавка (1857))¹⁷⁵⁶. Умер 15 июля 1859 г.

Борщ Дамиан Амвросиевич, старший священник Азовского пехотного полка, с ноября 1855 г. – старший священник Шлиссельбургского егерского полка и благочинный 4-й пехотной дивизии. С октября 1854 г. по 27 августа 1855 г. находился под Севастополем, участвовал в обороне города. Принимал участие в сражениях: Инкерманском (24 октября 1854 г.), у реки Черной (4 августа 1855 г.); находился с полком во время отражения неприятеля в лощине между 4-м и 5-м бастионами Севастопольской оборонительной линии (с 1 по 6 мая

¹⁷⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 339–339 об.

¹⁷⁵³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 3–3 об.

¹⁷⁵⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 222; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 69. Л. 14–14 об., 16.

¹⁷⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 19 об.

¹⁷⁵⁶ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 268.

1855 г.), 27 августа 1855 г. был в бою при штурме неприятелем Севастополя и переходе Севастопольского гарнизона на Северную сторону. 8 мая 1855 г. был контужен ядром в правое бедро. 18 августа 1855 г. за отличие, оказанное во время военных действий под Севастополем, награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества¹⁷⁵⁷. 22 сентября 1855 г. по представлению главнокомандующего Южной армией и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму находящимися «за отлично-усердное исполнение своих обязанностей под неприятельскими выстрелами» награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷⁵⁸. В 1856 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁵⁹. (Последующие награды: скуфья (1862), мечи к ордену Св. Анны 3-й степени (1862), камилавка (1864), орден Св. Анны 2-й степени с мечами (1869), орден Св. Владимира 4-й степени (1887), орден Св. Владимира 3-й степени (1891), митра (1895), орден Св. Анны 1-й степени (1896))¹⁷⁶⁰.

Брижовский Феокист, священник подвижного лазарета 19-й пехотной дивизии. 8 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками в июне 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁶¹. (Предыдущие награды: скуфья (1876))¹⁷⁶².

Бриллиантов Феодор Александрович, священник 36-го пехотного Орловского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полка. 8 октября 1877 г. «в воздаяние мужества и храбрости в деле против турок в июле 1877 г. по исполнению духовных треб» при занятии Шипкинского перевала награжден орденом Св. Анны 3-й степени

¹⁷⁵⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁷⁵⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 180–180 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 9–9 об., 11.

¹⁷⁵⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 594. Л. 19 об.

¹⁷⁶⁰ Капков К.Г. Указ. соч. С. 271.

¹⁷⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 219; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 71. Л. 11.

¹⁷⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 71. Л. 8 об.

с мечами¹⁷⁶³; 21 сентября 1877 г. «в воздаяние мужества и храбрости в деле с турками при обороне Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁶⁴; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁷⁶⁵. (Последующие награды: набедренник (1891), скуфья (1891), камилавка (1895), сан протоиерея (1898)).

Бытачевский Максим Прокофьевич, священник 28-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1818))¹⁷⁶⁶.

В

Валичинский Владимир Петрович, в 1875–1878 гг. – священник Шемахинской местной команды, в 1876 г. – командирован в подвижной лазарет 39-й пехотной дивизии, в 1878–1888 гг. – священник 74-го пехотного Ставропольского полка. 30 октября 1877 г. «за отличия 4 и 5 мая 1877 г. при взятии штурмом крепости Ардагана» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁶⁷; 15 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 1, 2 и 3 октября 1877 г.» – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁶⁸; в 1879 г. «за отличие при блокаде г. Эрзерума» – скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1882), сан протоиерея (1892), орден Св. Анны 2-й степени (1896), палица (1907), орден Св. Владимира 3-й степени (1915))¹⁷⁶⁹.

Вардиев Николай Исакович, священник 1-й пешей Грузинской дружины. 4 марта 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками летом 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁷⁰.

¹⁷⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 287.

¹⁷⁶⁴ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 284.

¹⁷⁶⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 19–19 об.

¹⁷⁶⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 314.

¹⁷⁶⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 316–316 об.

¹⁷⁶⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 222; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 69. Л. 14–14 об., 16.

¹⁷⁶⁹ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 285.

¹⁷⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 77; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 23. Л. 11.

Варнава, иеромонах Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. 4 августа 1854 г. «за отличное исполнение своих обязанностей» во время неприятельского нападения на Соловецкий монастырь (6–7 июля 1854 г.) награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁷¹.

Вартминский Симеон, священник Литовского уланского полка, благочинный 4-й кавалерийской дивизии, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1818)).

Васильев Василий, священник Рождественской церкви Звенигородской округи Московской губернии. В 1813 г. награжден камилавкой за то, что во время Отечественной войны 1812 года «с особенной ревностью поучениями и наставлениями своими утверждал прихожан в вере, в повиновении законной власти и в любви к Отечеству»¹⁷⁷².

Васильев Иосиф Васильевич, протоиерей, настоятель Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже. 20 августа 1855 г. «во внимание к отлично усердной службе и в воздаяние ревностных и истинно человеколюбивых действий при исполнении возложенных» на него «поручений касательно оказания пособий русским пленным, находящимся во Франции», награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁷⁷³.

Васильевский Борис Васильевич, младший священник Могилевского пехотного полка, участник обороны Севастополя. Около 1857 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁷⁴.

¹⁷⁷¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 4–5; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 67.

¹⁷⁷² РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 10.

¹⁷⁷³ АВПРИ. Ф. 161, IV-16. Оп. 158. 1855 г. Д. 12. Л. 4, 10; Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 76 об.

¹⁷⁷⁴ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 276.

Васильковский Василий, священник 19-го егерского полка. За подвиг в сражении под Витебском (15 июля 1812 г.), где священник находился с крестом в руке впереди полка, был ранен в щеку, ногу и контужен в грудь, в ноябре 1812 г. был награжден камилавкой¹⁷⁷⁵. За новый подвиг в сражении под Малоярославцем (12 октября 1812 г.), где священник вновь встал впереди полка с крестом в руках, «своим наставлением и примером мужества» поощряя солдат «поражать врагов и умирать бесстрашно за веру и Государя», и был ранен в голову, в марте 1813 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса¹⁷⁷⁶. Умер 24 ноября 1813 г.

Велихов Петр, старший священник егерского Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавского Графа Паскевича-Эриванского полка, участник обороны Севастополя. По представлению главнокомандующего Южной армией и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму находящимися 22 сентября 1855 г. награжден камилавкой «за отлично-усердное исполнение своих обязанностей под неприятельскими выстрелами»¹⁷⁷⁷.

Вениамин (в миру – **Лукьянов** Василий Иванович), иеромонах Русского Ильинского скита на Афонской горе. Выполнял обязанности духовника Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых. 18 февраля 1856 г. «за примерное усердие и самоотвержение, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя» награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷⁷⁸, а 26 августа того же года – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁷⁷⁹.

Вениамин (1-й, Белгородский; в миру – **Ершов** Василий), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 1853 г. по 1856 г.). 16 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за

¹⁷⁷⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2159. Л. 3–6.

¹⁷⁷⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 3; Д. 2446. Л. 1.

¹⁷⁷⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 180–180 об.

¹⁷⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 137. Д. 223. Л. 7; АРДМ. П. 16. Д. 309; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 29.

¹⁷⁷⁹ АРДМ. П. 16. Д. 309.

примерное благочестие и присутствие духа», с которыми, находясь на корабле «Три Святителя», «ободрял раненых» во время Синопского боя 18 ноября 1853 г.¹⁷⁸⁰ В 1854–1855 гг. участвовал в обороне Севастополя, находясь при 32-м флотском экипаже на 4-м бастионе. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий¹⁷⁸¹. (Предыдущая награда: набедренник (1851))¹⁷⁸².

Вениамин (Святогорский; в миру – **Поздняков** Василий), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 1853 г. по 1 сентября 1855 г.). Участвовал в обороне Севастополя, находясь на Малаховом кургане при 44 флотском экипаже и на батарее № 4 Северной стороны. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время военных действий¹⁷⁸³. (Прочие награды: набедренник (1849), ордена Св. Анны 3-й и 2-й степени, ордена Св. Владимира 4-й и 3-й степени (после 1855 г.), палица (1863), орден Св. Анны 1-й степени (1877))¹⁷⁸⁴.

Виноградов Василий, священник Брянского пехотного полка, участник обороны Севастополя. Во время богослужения в Михайловской артиллерийской церкви был контужен в голову осколками гранаты. 14 апреля 1858 г. «за примерное исполнение христианских треб под выстрелами неприятеля над ранеными и убитыми воинами при крепости Силистрии в 1854 г. и в г. Севастополе» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁸⁵. (К 1892 г., оставаясь на службе, имел также награды:

¹⁷⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

¹⁷⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁷⁸² *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 234.

¹⁷⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁷⁸⁴ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 255.

¹⁷⁸⁵ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 503, 536.

скуфью, камилавку, орден св. Владимира 4-й степени с бантом и надписью «25 лет» (за беспорочную выслугу 25 лет))¹⁷⁸⁶.

Виноградов Петр, священник Санкт-Петербургского ополчения, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден камилавкой.

Виноградский Павел, старший священник Волынского пехотного полка, благочинный 14-й пехотной дивизии. 3 июля 1855 г. награжден камилавкой¹⁷⁸⁷.

Виссарион (в миру – **Прядкин** Василий), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 17 апреля 1852 г. по ноябрь 1858 г.). 16 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за примерное благочестие и присутствие духа», с которыми, находясь на корабле «Ростислав», «ободрял раненых» во время Синопского боя 18 ноября 1853 г.¹⁷⁸⁸

Виссарион, иеромонах Боровичского Свято-Духова монастыря. В ноябре 1855 г. награжден набедренником за отличное усердие и самоотвержение, с которыми исполнял свои обязанности на фрегате «Цесаревич» во время бомбардирования неприятельским флотом крепости Свеаборг 28–29 июля 1855 г. Находясь на фрегате, Виссарион «совершал молебн и постоянно обходил палубы с крестом и святой водой, одушевляя нижних чинов»¹⁷⁸⁹.

Вифлеемский Василий Андреевич, старший священник Ладожского егерского полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден камилавкой «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»¹⁷⁹⁰.

Вознесенский Яков Дмитриевич, священник 12-го гренадерского Астраханского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича

¹⁷⁸⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 385.

¹⁷⁸⁷ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 7.

¹⁷⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

¹⁷⁸⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 276. Л. 1, 27.

¹⁷⁹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

полка. 17 июня 1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁷⁹¹.

Волошинский Антоний Григорьевич, священник Псковского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. (по другим данным – в 1813 г.) был награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))¹⁷⁹².

Воскресенский Александр, старший священник Охотского егерского полка, участник обороны Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий¹⁷⁹³. 26 августа 1856 г. награжден скуфьей¹⁷⁹⁴.

Воскресенский Василий Никанорович, младший священник Белевского егерского полка. С марта 1854 г. по ноябрь 1855 г. участвовал в походах в Азиатской Турции, в том числе в сражениях при с. Кюрук-Дара (24 июля 1854 г.) и крепости Карс. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий¹⁷⁹⁵. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁷⁹⁶. (Последующие награды: скуфья (1862), камилавка (1865), мечи к ордену Св. Анны 3-й степени (1867), набедренник (1874), орден Св. Анны 2-й степени (1881), орден Св. Владимира 4-й степени (1883))¹⁷⁹⁷.

¹⁷⁹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.

¹⁷⁹² РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 446; Оп. 1. Д. 2442. Л. 1–2.

¹⁷⁹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 26; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁷⁹⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25 об.

¹⁷⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 30 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁷⁹⁶ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

¹⁷⁹⁷ Капков К.Г. Указ. соч. С. 243.

Выкидановский Стефан Стефанович, священник Рыльского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей¹⁷⁹⁸.

Вышеславов Иоанн, старший священник Томского пехотного полка, благочинный 10-й пехотной дивизии, участник обороны Севастополя. 26 августа 1856 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁷⁹⁹.

Г

Гаврилов Антип Гаврилович, священник лейб-гвардии Измайловского полка, участник войны 1812–1814 гг. 18 апреля 1813 г. (по другим данным – 13 января 1814 г.) награжден камилавкой, 20 мая 1814 г. (по другим данным – 31 августа 1814 г.) – наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁸⁰⁰.

Гаврилов Василий, священник церкви Грузинской иконы Божией Матери на Воронцовом поле в Москве. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, за сохранение чудотворной Грузинской иконы Божией Матери и всей утвари своей церкви¹⁸⁰¹.

Гаврилов Григорий, священник церкви священномученика Ианнуария в Запасном дворце в Москве. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, за сохранение утвари своей и других церквей¹⁸⁰².

Галабутский Андрей Андреевич, старший священник Замосцкого егерского полка, с 1854 г. – благочинный 15-й пехотной дивизии. За подвиг, совершенный 11 марта 1854 г. при переправе через Дунай, где священник постоянно находился в цепи с застрельщиками, ободряя их словами утешения и назидания, 23 мая 1862 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Предыдущие награды:

¹⁷⁹⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 376.

¹⁷⁹⁹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25.

¹⁸⁰⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4912а. Л. 6, 13; Ф. 806. Оп. 16. Д. 478.

¹⁸⁰¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 9–9 об.

¹⁸⁰² Там же. Л. 10.

набедренник (1848), орден Св. Анны 3-й степени (1849), скуфья (1853), камилавка (1857))¹⁸⁰³.

Гапанович Георгий, священник Полоцкого егерского полка, участник обороны Севастополя. 14 апреля 1858 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени, 6 апреля 1865 г. – орденом Св. Анны 2-й степени с императорской короной.

Гапанович Павел, протоиерей 33-го пехотного Елецкого полка, благочинный 9-й пехотной дивизии. 11 ноября 1878 г. «за отличие в делах с турками при Эски-Загре и Джуранлы 18 и 19 июля 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁰⁴; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами¹⁸⁰⁵. (Предыдущие награды: камилавка, наперсный крест, выдаваемый от Синода)¹⁸⁰⁶.

Георгиевский Александр Николаевич, священник 8-го уланского Вознесенского Его Высочества Принца Александра Гессенского полка. 21 января 1878 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁰⁷; 24 марта 1879 г. «за отличия в разновременных делах с турками» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁰⁸. (Прочие награды: набедренник (1868), скуфья (1875), камилавка (1884), сан протоиерея (1888), орден Св. Владимира 4-й степени (1890), орден Св. Анны 2-й степени (1892), палица (1899))¹⁸⁰⁹.

Георгиевский Михаил Матвеевич, священник 48-го пехотного Одесского полка. 23 декабря 1878 г. «за отличие в деле с турками 7 ноября 1877 г. у селения Пиргос» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с

¹⁸⁰³ Столетие военного министерства (1802–1902). Т. XIII: Управление церквами и православным духовенством военного ведомства / Сост. А.А. Желобовский. СПб., 1902. С. 84; *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 478; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 279.

¹⁸⁰⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

¹⁸⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 18.

¹⁸⁰⁶ Там же. Л. 14.

¹⁸⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 10.

¹⁸⁰⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 66–66 об.

¹⁸⁰⁹ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 301.

мечами¹⁸¹⁰; 9 августа 1880 г. «за усердную службу и труды, понесенные в бывшей действующей армии со времени заключения мира до возвращения в пределы империи», – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1874), скуфья (1886), камилавка (1889), сан протоиерея (1892), орден Св. Владимира 4-й степени (1892), палица (1897), орден Св. Владимира 3-й степени (1905))¹⁸¹¹.

Георгиевский Николай Николаевич, священник 67-го пехотного Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка. 9 июня 1879 г. «за отличие, оказанное в деле с турками под г. Базарджиком 14 января 1878 г.», награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸¹²; 9 августа 1880 г. «за усердную службу и труды, понесенные в бывшей действующей армии со времени заключения мира до возвращения в пределы империи», – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. (Прочие награды: набедренник (1873), скуфья (1885))¹⁸¹³.

Георгиевский Николай Симеонович, старший священник Белевского егерского полка. С мая 1854 г. по 1856 г. участвовал в боях против турок, в том числе в сражении под с. Кюрук-Дара (24 июля 1854 г.). 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий¹⁸¹⁴. (Последующие награды: скуфья (1865), камилавка (1872))¹⁸¹⁵.

Георгий, игумен Балаклавского Георгиевского монастыря (с 21 февраля 1853 г.), благочинный над духовенством Черноморского флота, состоял на корабле «12 апостолов», входившем в состав эскадры вице-адмирала П.С. Нахимова. В 1854–1855 гг. находился на бастионе 38-го флотского экипажа в Севастополе. По представлению Нахимова 3 июля

¹⁸¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 369–369 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 120. Л. 4.

¹⁸¹¹ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 307–308.

¹⁸¹² РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 502. Л. 47 об.; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 301.

¹⁸¹³ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 502. Л. 44 об., 53 об., 87 об.

¹⁸¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 29 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸¹⁵ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 250.

1854 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁸¹⁶. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий¹⁸¹⁷.

Герасим, иеромонах, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸¹⁸.

Герман (в миру – **Колмаков** Григорий), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 20 июля 1850 г. по 1855 г.), участник обороны Севастополя. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий¹⁸¹⁹. (Предыдущая награда: набедренник (1841)).

Гиацинтов Николай Алексеевич, протоиерей 158-го пехотного Кутаисского полка, благочинный 40-й пехотной дивизии. 29 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 2 и 3 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами¹⁸²⁰; 27 сентября 1878 г. «за отличия под крепостью Карсом, пред штурмом и при штурме оной в ночь с 5 на 6 ноября 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸²¹. (Предыдущие награды: орден Св. Анны 3-й степени (до 1877), орден Св. Анны 2-й степени (1877)). Умер 6 мая 1878 г.¹⁸²²

Гловацкий Лазарь, священник Севастопольского адмиралтейского собора. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий.

¹⁸¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 176–177.

¹⁸¹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 25 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸¹⁸ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 502; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 272.

¹⁸¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸²⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 232; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 70. Л. 9–9 об.; 10.

¹⁸²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 287.

¹⁸²² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 70. Л. 3–4, 21.

(Предыдущие награды: камилавка (1832), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1839))¹⁸²³.

Голубев Иоанн Матвеевич, младший священник Тарутинского егерского полка, участник обороны Севастополя. Для исполнения духовных треб был прикомандирован к Севастопольскому военно-сухопутному госпиталю. «За примерно-ревностное исполнение своих обязанностей» в дневное и в ночное время, причем не только в госпитале, но также на пристани, при снятии с баркасов тяжелораненых, в январе 1856 г. был представлен администрацией госпиталя к награждению орденом Св. Анны 3-й степени¹⁸²⁴.

Голубинский Александр Андреевич, священник 74-го пехотного Ставропольского полка. 8 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками в июне 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸²⁵; 25 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками по дороге на Караван-Сарайский перевал 15 сентября 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸²⁶. (Последующие награды: скуфья (1880), набедренник (1886))¹⁸²⁷.

Горбов Карп, старший священник Селенгинского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 10 августа 1855 г. во время напутствия раненых и умирающих на бастионе № 3 был ранен осколками гранаты в правый бок и правую руку, 27 августа во время дежурства на перевязочном пункте контужен ядром в левое колено. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во

¹⁸²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 25; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸²⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 17–22.

¹⁸²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 219; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 71. Л. 11.

¹⁸²⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 344–344 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 92. Л. 17–17 об.

¹⁸²⁷ Канков К.Г. Указ. соч. С. 294–295.

время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁸²⁸.

Гордиевский Феодот Мефодиевич, священник 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка. 17 июня 1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸²⁹.

Гороховский Лев Васильевич, священник церкви Аральского укрепления. По представлению командира отдельного Оренбургского корпуса 30 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за отличное исполнение обязанности своего сана во время осады и взятия крепости Ак-Мечети» в 1853 г.¹⁸³⁰

Гошкевич Василий, священник Ямбургского драгунского (с 17 декабря 1812 г. уланского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден камилавкой.

Гощицкий Георгий Яковлевич, младший священник Костромского егерского полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»¹⁸³¹.

Грамаховский Андрей, священник 4-го уланского Харьковского Ея Императорского Высочества великой княгини Александры Петровны полка. 22 апреля 1878 г. «за отличие в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸³²; 11 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при Плевне 30 августа 1877 г.» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁸³³; 9 декабря 1878 г. «за отличие против турок при Кюстендиле и

¹⁸²⁸ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

¹⁸²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.

¹⁸³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 31.

¹⁸³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

¹⁸³² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 137; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 39. Л. 10–10 об.

¹⁸³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

Джумае в декабре 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸³⁴.

Гратинский Михаил Андреевич, протоиерей Кавалергардского полка. Участвовал в Бородинской битве (26 августа 1812 г.), в сражениях под Кульмом (17–18 августа 1813 г.) и при Фер-Шампенуазе (13 марта 1814 г.). В оккупированной Москве проводил богослужения в церкви Св. Евпла. 30 декабря 1812 г. награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества, в 1813 г. – орденом Св. Анны 2-й степени¹⁸³⁵.

Греков Иоанн Иоаннович, старший священник Ряжского пехотного полка. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за отличие в сражении под с. Кюрук-Дара (24 июля 1854 г.)»¹⁸³⁶. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁸³⁷. (Предыдущие награды: скуфья (1839), набедренник (1849))¹⁸³⁸.

Гречко Виктор Иоаннович, священник 81-го пехотного Апшеронского Его Императорского Высочества великого князя Георгия Михайловича полка. 15 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 1, 2 и 3 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸³⁹. (Предыдущие награды: набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, выдаваемый от Синода (все до 1877)).

Григорьев Иоанн, священник Лубенского гусарского полка, участник войны 1812–1814 гг. 13 января 1814 г. награжден скуфьей¹⁸⁴⁰.

Грязнов Григорий, протоиерей Санкт-Петербургского гренадерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 20 января 1813 г. (по другим данным

¹⁸³⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 355; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 297.

¹⁸³⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 573. Л. 1–2.

¹⁸³⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 29 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸³⁷ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

¹⁸³⁸ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 252–253.

¹⁸³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 222; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 69. Л. 14–14 об., 16.

¹⁸⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 263.

– 13 января 1814 г.) награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1815))¹⁸⁴¹.

Гурьев Вакх Васильевич, священник 9-го гренадерского Сибирского Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича старшего полка, благочинный 3-й гренадерской дивизии. 17 июня 1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁸⁴²; 22 августа 1879 г. «за обложение Плевны» – Румынским железным крестом¹⁸⁴³; 19 сентября 1879 г. «за отлично усердную и ревностную службу во время минувшей войны» – наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁸⁴⁴. (Предыдущие награды: набедренник, скуфья, камилавка)¹⁸⁴⁵.

Д

Дарчий Романоз Харитонович, священник 1-й пешей Гурийской дружины. 4 марта 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками летом 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁴⁶.

Датадзе Александр Петрович, священник 1-го пехотного Пластунского батальона, прикомандированный к подвижному дивизионному лазарету 41-й пехотной дивизии. 18 февраля 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками летом 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁴⁷. (Предыдущие награды: набедренник (1875))¹⁸⁴⁸.

Демьянович Александр, священник Севастопольской Петропавловской церкви. 17 мая 1855 г. «за отличное усердие и

¹⁸⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 5–6; Ф. 806. Оп. 1. Д. 3257.

¹⁸⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.; Ф. 806. Оп. 16. Д. 603. Л. 47 об.

¹⁸⁴³ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 603. Л. 65 об.

¹⁸⁴⁴ Там же. Л. 66 об.

¹⁸⁴⁵ Там же. Л. 41 об.

¹⁸⁴⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 77; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 23. Л. 11.

¹⁸⁴⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 63; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 12. Л. 11.

¹⁸⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 12. Л. 4 об.

самоотвержение», проявленное во время обороны Севастополя, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁴⁹.

Демьянович Антоний Петрович, протоиерей Севастопольского адмиралтейского собора. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий. (Предыдущие награды: скуфья (1834), камилавка (1840), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1844))¹⁸⁵⁰.

Дмитриев Андрей, священник Новгородского ополчения, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден скуфьей.

Дмитриев Исидор, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в доме княгини Голицыной в Москве. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, за отправление богослужений в оккупированной наполеоновской армией Москве¹⁸⁵¹.

Добронравов (Добронравин) Александр Андрианович, священник лейб-гвардии Гренадерского полка, в 1877 г. – священник лазарета 2-й пехотной дивизии. 25 февраля 1878 г. «за отличие, оказанное в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.», награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами¹⁸⁵²; 3 февраля 1879 г. «за отличие при переходе через Балканы в декабре 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁵³. (Прочие награды: скуфья (1854), камилавка (1856), сан протоиерея (1858), набедренник (1858), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1861), орден Св. Анны 3-й степени (1864), орден Св. Анны 2-й степени (1867), орден Св. Анны 2-й степени с императорской короной (1870), орден Св. Владимира 4-й

¹⁸⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 100–101; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 45.

¹⁸⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 24 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸⁵¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 10.

¹⁸⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 67.

¹⁸⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.

степени (1873), золотой наперсный крест с украшениями из Кабинета Его Императорского Величества (1886))¹⁸⁵⁴.

Доброхотов Иоанн, священник 9-го пехотного Староингерманландского полка. 27 мая 1878 г. «за отличия в делах с турками при взятии Тетевеля и Троянского перевала» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁵⁵.

Дорогунцев Никанор Андреевич, младший священник Тульского егерского полка. Участвовал в сражениях под с. Кюрук-Дара (24 июля 1854 г.) и при блокаде крепости Карс. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий¹⁸⁵⁶.

Дородницын (Дородницкий) Александр Леонтьевич, священник 129-го пехотного Бессарабского полка. 1 декабря 1877 г. «за отличие в деле с турками 24 августа 1877 г. при с. Аблаве» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁵⁷; 6 января 1879 г. «за отличие в деле с турками 14 ноября 1877 г. у с. Трестеник в составе войск Рушукского отряда» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1870), скуфья (1880), камилавка (1884), сан протоиерея (1889), орден Св. Владимира 4-й степени (1890), орден Св. Анны 2-й степени (1895), палица (1904), орден Св. Владимира 3-й степени (1907), орден Св. Анны 1-й степени (1909), митра (1913))¹⁸⁵⁸.

Дорошкевич Константин Кириллович, священник егерского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка (в 1854–1855 гг.), затем (в 1855–1867 гг.) – священник Владимирского пехотного полка, участник обороны Севастополя. Во время осады города постоянно находился на бастионах оборонительной линии, воодушевляя

¹⁸⁵⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С. 298–299.

¹⁸⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 175.

¹⁸⁵⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 30 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸⁵⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 329.

¹⁸⁵⁸ Капков К.Г. Указ. соч. С. 297–298.

солдат и напутствуя раненых. 3 июля 1855 г. «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁸⁵⁹. В сентябре 1856 г. пожалован золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁶⁰. (Прочие награды: набедренник (1847), скуфья (1852), мечи к ордену Св. Анны 3-й степени (1862), орден Св. Анны 2-й степени (1862), камилавка (1870), императорская корона к ордену Св. Анны 2-й степени (1873), орден Св. Владимира 4-й степени (после 1873 г.))¹⁸⁶¹.

Думбадзе Соломон, священник, прикомандированный ко 2-й пешей Грузинской дружине. 4 марта 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками летом 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁶².

Дьяконов Алексей, священник 140-го пехотного Зарайского полка. 21 января 1878 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁶³.

Дюков Андрей, священник уланского Его Императорского Высочества Эрц-герцога Австрийского Карла Фердинанда полка. В августе 1854 г. награжден набедренником за «усердие, ревность и самоотвержение, оказанные им во время бомбардирования неприятельским флотом г. Одессы»¹⁸⁶⁴. 26 августа 1856 г. пожалован скуфьей¹⁸⁶⁵.

Е

Евнитский, старший священник Якутского пехотного полка. 31 декабря 1853 г. «за отличное исполнение своих обязанностей во время сражения с турками при Ольтенице» (23 октября 1853 г.) награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁸⁶⁶.

¹⁸⁵⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 26 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸⁶⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 24.

¹⁸⁶¹ Капков К.Г. Указ. соч. С. 267.

¹⁸⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 77; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 23. Л. 11.

¹⁸⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 10.

¹⁸⁶⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 9.

¹⁸⁶⁵ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25 об.

¹⁸⁶⁶ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 10.

Евфимий, иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с ноября 1853 г. по 25 ноября 1855 г.), участник обороны Севастополя. Находился на 3-м бастионе при 45-м флотском экипаже. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время военных действий¹⁸⁶⁷.

Егоров Симеон Егорович, священник 3-го егерского (с 3 апреля 1813 г. гренадерского егерского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 20 августа 1813 г. награжден скуфьей, 27 апреля 1814 г. – камилавкой¹⁸⁶⁸.

Еланский Петр Иоаннович, священник Севастопольского адмиралтейского собора. Находясь на одном из бастионов, получил ранение и контузию. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: скуфья, камилавка (до 1859 г.))¹⁸⁶⁹.

Ермаковский (Ярмаковский) Феодор Сафронович, священник Брестского пехотного полка, благочинный 17-й пехотной дивизии, участник войны 1812–1814 гг. 8 сентября 1814 г. награжден камилавкой. (Прочие награды: скуфья (1809), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1818))¹⁸⁷⁰.

Ефремов Федор Елизарович, священник Кексгольмского пехотного (с 13 апреля 1813 г. гренадерского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 26 февраля 1813 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))¹⁸⁷¹.

Ж

Жуковский Василий, протоиерей драгунского Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавского Графа Паскевича-Эриванского полка, (в 1856 г. – протоиерей драгунского Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича полка, благочинный 1-й

¹⁸⁶⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸⁶⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 47–49.

¹⁸⁶⁹ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 503; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 277.

¹⁸⁷⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 87.

¹⁸⁷¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 848.

драгунской дивизии), участник обороны Севастополя. 3 июля 1855 г. за отличие, оказанное во время военных действий, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. (Предыдущие награды: скуфья (1834), камилавка (1843), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1853))¹⁸⁷². 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁸⁷³.

3

Зверев Виктор Павлович, священник лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества батальона. 22 апреля 1878 г. «за отличие в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁸⁷⁴; 3 февраля 1879 г. «за отличие под Филиппополем 3, 4 и 5 января 1878 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁷⁵.

Звягинцев Андрей Афанасьевич, старший священник Олонецкого пехотного полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»¹⁸⁷⁶.

Зеленский Давид, священник Костромского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 13 января 1814 г. награжден камилавкой¹⁸⁷⁷.

Зилитинкевич Иоанн Викторович, старший священник Алексапольского егерского полка. С апреля по август 1855 г. находился в составе Севастопольского гарнизона. 16 апреля 1855 г. награжден скуфьей¹⁸⁷⁸. (К 1880 г., оставаясь на службе, имел также награды: камилавку, сан протоиерея, наперсный крест от Святейшего Синода,

¹⁸⁷² РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 23 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 70.

¹⁸⁷³ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

¹⁸⁷⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 137; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 39. Л. 10–10 об.

¹⁸⁷⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 300.

¹⁸⁷⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2.

¹⁸⁷⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 816.

¹⁸⁷⁸ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1.

благословение Святейшего Синода, ордена Св. Анны 3-й степени, Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени)¹⁸⁷⁹.

Зиновьевский Петр Алексеевич, протоиерей Преображенского всей гвардии собора; с 1877 г. – благочинный 1-й гвардейской пехотной дивизии. В 1877 г. командирован в подвижной лазарет. 25 февраля 1878 г. «за отличие, оказанное в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.», награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами¹⁸⁸⁰; 3 февраля 1879 г. «за отличие при переходе через Балканы в декабре 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁸¹. (Прочие награды: набедренник (1849), скуфья (1851), камилавка (1854), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1856), орден Св. Анны 3-й степени (1859), сан протоиерея (1863), орден Св. Анны 2-й степени (1866), орден Св. Анны 2-й степени с императорской короной (1869), орден Св. Владимира 4-й степени (1875), палица (1878), митра (1887), золотой наперсный крест с украшениями из Кабинета Его Императорского Величества (после 1887), орден Св. Анны 1-й степени (1891), орден Св. Владимира 2-й степени «к 50-летию священства» (1896))¹⁸⁸².

Знойко Николай Алексеевич, старший священник пехотного Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка, участник обороны Севастополя. 26 августа 1856 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁸⁸³. (К 1878 г., оставаясь на службе, имел также награды: скуфью, камилавку, ордена Св. Анны 3-й и 2-й степени)¹⁸⁸⁴.

И

Иванов Алексей, священник московской церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Стрелке. В 1813 г. награжден наперсным

¹⁸⁷⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 819.

¹⁸⁸⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 67.

¹⁸⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.

¹⁸⁸² Капков К.Г. Указ. соч. С. 293–294.

¹⁸⁸³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25 об.

¹⁸⁸⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 840.

крестом, выдаваемым от Синода, за отправление богослужений в оккупированной наполеоновской армией Москве¹⁸⁸⁵.

Иванов Игнатий, священник московской церкви Максима Блаженного на Варварке. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, за отправление богослужений в оккупированной наполеоновской армией Москве¹⁸⁸⁶.

Иванов Петр Петрович, протоиерей 47-го пехотного Украинского полка, благочинный 12-й пехотной дивизии. 25 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при селе Мечке 30 ноября 1877 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁸⁸⁷; в 1880 г. «за труды, понесенные в бывшей действующей армии со времени заключения мира до возвращения в пределы Российской империи», – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. (Прочие награды: набедренник (1858), скуфья (1862), камилавка (1869), сан протоиерея (1877), орден Св. Анны 2-й степени (после 1882), орден Св. Владимира 4-й степени (после 1882))¹⁸⁸⁸.

Измайлов Александр Петрович, священник 31-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 13 января 1814 г. награжден камилавкой, 27 апреля 1814 г. – наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁸⁸⁹.

Иннокентий, иеромонах Боровичского Свято-Духова монастыря, флотский благочинный, состоял на корабле «Россия». 28 октября 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное 28–29 июля 1855 г. во время бомбардирования неприятельским флотом крепости Свеаборг. Находясь на корабле, Иннокентий «совершал молебны и постоянно обходил палубы с крестом и святой водой, одушевляя нижних чинов»¹⁸⁹⁰.

¹⁸⁸⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 9.

¹⁸⁸⁶ Там же. Л. 9.

¹⁸⁸⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 344–344 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 92. Л. 17–17 об.

¹⁸⁸⁸ Капков К.Г. Указ. соч. С. 295.

¹⁸⁸⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 894.

¹⁸⁹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 197.

Иннокентий, иеромонах Бахчисарайского Успенского скита. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях», награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода¹⁸⁹¹.

Иоанникий (1-й, в миру – **Добротворский** Иоанн), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 8 февраля 1848 г. по 1 октября 1855 г.). 18 ноября 1853 г. на фрегате «Кулевчи» участвовал в Синопском сражении. В 1854–1855 гг. принимал участие в обороне Севастополя, находясь при 44-м морском (флотском) батальоне и Корниловском бастионе. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время военных действий. Во время осады Севастополя постоянно находился в траншеях, ежедневно обходил батареи. В ночь со 2 на 3 марта 1855 г. во время неприятельского обстрела находился среди солдат «с крестом в руке, ободрял их своим примером, побуждая вслед за офицерами устремляться на неприятеля», утешал и укреплял раненых¹⁸⁹². 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁸⁹³.

Иоанникий (2-й, в миру – **Ровинский** Иннокентий Федорович), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 24 февраля 1853 г. по 23 ноября 1855 г.). 16 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за примерное благочестие и присутствие духа», с которыми, находясь на корабле «Императрица Мария», «ободрял раненых» во время Синопского боя 18 ноября 1853 г.¹⁸⁹⁴ С 15 сентября

¹⁸⁹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

¹⁸⁹² РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 6–6 об., 31; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸⁹³ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

¹⁸⁹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

1854 г. по 28 августа 1855 г. участвовал в обороне Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий¹⁸⁹⁵. 14 августа 1856 г. получил набедренник¹⁸⁹⁶.

Иоанникий (3-й, или младший, **Савинов**), иеромонах Бахчисарайского Успенского скита, состоял в 45-м флотском батальоне. Неоднократно отличился во время обороны Севастополя. За подвиг, совершенный в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. во время вылазки войск отряда генерал-лейтенанта С.А. Хрулева с 3-го отделения оборонительной Севастопольской линии для разрушения неприятельских траншей, когда священник возглавил атаку солдат с крестом в руках, а потом помог вернуть батальоны обратно, 15 мая 1855 г. был награжден орденом Святого Георгия 4-го класса¹⁸⁹⁷. 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Волынский и Камчатский редуты был ранен пулей в ногу с раздроблением кости. Ногу ампутировали, но 9 июня 1855 г. священник умер¹⁸⁹⁸.

Иоаннов Иоанн, священник лейб-гвардии егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 26 февраля 1813 г. награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1815))¹⁸⁹⁹.

Иов (в миру – **Сиволодский** Иосиф), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с 18 декабря 1845 г. по июль 1855 г.). 16 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за примерное благочестие и присутствие духа», с которыми, находясь на

¹⁸⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁸⁹⁶ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 232.

¹⁸⁹⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9047. Л. 4 об.–5; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

¹⁸⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 73; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 4. Л. 16.

¹⁸⁹⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3257; Оп. 16. Д. 920. Л. 5–6.

корабле «Великий князь Константин», «ободрял раненых» во время Синопского боя 18 ноября 1853 г.¹⁹⁰⁰ В 1854–1855 гг. участвовал в обороне Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий¹⁹⁰¹. (Предыдущая награда: набедренник (1844)).

Иозефович Николай Иаковлевич, младший священник Мингрельского егерского полка и священник крепостной Шушинской церкви. С ноября 1853 г. по апрель 1854 г. участвовал в походах против турецких войск. 17 апреля 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за отличие в сражении против турок на Баш-Кадыкларских высотах 19 ноября 1853 г. (Прочие награды: скуфья (1853), камилавка (1859))¹⁹⁰².

Иона (Голубцов), иеромонах Александро-Невской лавры, состоял на фрегате «Аврора». 18 декабря 1854 г. по представлению командира фрегата капитан-лейтенанта И. Изыльметьева награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличное исполнение своих обязанностей во время военных действий, при нападении соединенной англо-французской эскадры на Петропавловский порт в августе 1854 г.¹⁹⁰³

Иосиф (Хмельницкий), иеромонах, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁰⁴.

Ипатов Афанасий, священник церкви Казанской иконы Божией Матери села Коломенского Московского уезда. В 1812 г. совершал богослужения и исправлял требы один при пяти церквях, находившихся в окрестных селениях, сохранил свой храм от разграбления, претерпел

¹⁹⁰⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

¹⁹⁰¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹⁰² Капков К.Г. Указ. соч. С. 238.

¹⁹⁰³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 292.

¹⁹⁰⁴ Каллистов Н. Указ. соч. С. 502; Капков К.Г. Указ. соч. С. 274.

истязания от неприятеля. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁹⁰⁵.

Исайя, архимандрит, эконо́м Санкт-Петербургского архиерейского дома. 4 октября 1878 г. «за заслуги, оказанные по устройству в Лавре госпиталя для раненых воинов и содержанию оно́го», награжден орденом Св. Владимира 4-й степени¹⁹⁰⁶.

Истомин Евстафий, священник уланского Вознесенского полка, участник обороны Севастополя. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁹⁰⁷.

К

Каменицкий Иоанн, протоиерей 7-го пехотного Ревельского полка, благочинный 2-й пехотной дивизии. 20 ноября 1878 г. «за отличие при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁰⁸.

Канашевич Исидор Артемьевич, протоиерей 13-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей¹⁹⁰⁹.

Канцевич Николай Матвеевич, священник Муромского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))¹⁹¹⁰.

Карышев Алексей Андреевич, протоиерей Екатеринославского кирасирского полка, участник войны 1812–1814 гг. 14 октября 1813 г. награжден скуфьей, 30 марта 1814 г. – золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества¹⁹¹¹.

¹⁹⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 10.

¹⁹⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 230.

¹⁹⁰⁷ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 536; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 95.

¹⁹⁰⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 339–339 об.

¹⁹⁰⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1070.

¹⁹¹⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 849.

¹⁹¹¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 991.

Каховский Иоанн Прохорович, священник Каргопольского драгунского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей¹⁹¹².

Кирилл (в миру – **Векшин** Дмитрий), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря. 16 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за примерное благочестие и присутствие духа», с которыми, находясь на корабле «Париж», «ободрял раненых» во время Синопского боя 18 ноября 1853 г.¹⁹¹³ В 1854–1855 гг. участвовал в обороне Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий¹⁹¹⁴. (Предыдущая награда: набедренник (1846))¹⁹¹⁵.

Кирножицкий Иоанн Дмитриевич, священник Азовского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден камилавкой¹⁹¹⁶.

Ключарев Иосиф, священник гусарского Генерал-фельдмаршала графа Радецкого полка. 17 апреля 1854 г. награжден скуфьей¹⁹¹⁷, 26 августа 1856 г. – камилавкой¹⁹¹⁸.

Кмита Григорий Александрович, священник Крымского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 14 февраля 1813 г. (по другим данным – 13 января 1814 г.) награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))¹⁹¹⁹.

¹⁹¹² РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 995.

¹⁹¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

¹⁹¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 28 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹¹⁵ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 235.

¹⁹¹⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 1005.

¹⁹¹⁷ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 3–3 об.

¹⁹¹⁸ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25 об.

¹⁹¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 17–18; Ф. 806. Оп. 16. Д. 1025.

Ковалевский Павел, протоиерей резервного Люблинского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 26 августа 1856 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁹²⁰.

Козловский Иоанн, священник 55-го пехотного Подольского полка. 21 ноября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹²¹; 23 июня 1979 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹²².

Коллегов Михаил, священник Камчатского Петропавловского собора. 31 января 1855 г. за отличие, оказанное 18–27 августа 1854 г. при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт, награжден скуфьей¹⁹²³.

Колтуновский Иоанн Андреевич, священник Малороссийского гренадерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден камилавкой. (Предыдущие награды: скуфья (1812))¹⁹²⁴.

Копецкий Арсений Андреевич, священник 159-го пехотного Гурийского полка. 29 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 2 и 3 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹²⁵. (Предыдущие награды: набедренник (1875)).

Копытовский Андрей, старший священник Кременчугского егерского полка, участник обороны Севастополя. 16 апреля 1855 г. награжден камилавкой¹⁹²⁶.

Корчин-Чепурковский Иаков Гаврилович, священник Староингерманландского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 13 января 1814 г. награжден скуфьей, 8 сентября 1814 г. – камилавкой.

¹⁹²⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25.

¹⁹²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 326.

¹⁹²² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 302.

¹⁹²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 5–5 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 16.

¹⁹²⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1063.

¹⁹²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 232; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 70. Л. 9–9 об.; 11.

¹⁹²⁶ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1.

(Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1818))¹⁹²⁷.

Косьма, архимандрит, настоятель Киприановского монастыря Кишиневской епархии. 18 ноября 1878 г. «за оказанные услуги при устройстве лазарета для раненых и больных воинов» награжден орденом Св. Владимира 4-й степени¹⁹²⁸.

Кохановский Иоанн Григорьевич, священник Полтавского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 12 февраля 1813 г. (по другим данным – 13 января 1814 г.) награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1817))¹⁹²⁹.

Крамарев Георгий Сильвестрович, священник 8-го гусарского Лубенского Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Карла Людвига полка, благочинный 8-й кавалерийской дивизии. 21 января 1878 г. «за отличие при Карахасан-киой 18 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹³⁰; 25 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при дер. Амур-киой 28 ноября 1877 г.» был ошибочно награжден тем же орденом, вследствие чего полученные вторично орденские знаки пришлось вернуть¹⁹³¹. (Предыдущие награды: набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, выдаваемый от Синода (1875)).

Кропотов Василий Онисимович, старший священник Тобольского пехотного полка. С 20 октября 1854 г. по 27 августа 1855 г. состоял в Севастопольском гарнизоне. Напутствовал раненых под неприятельскими выстрелами на бастионах (№ 4 и № 5) и на главном перевязочном пункте. 3 июля 1855 г. награжден скуфьей¹⁹³², в сентябре 1856 г. – золотым

¹⁹²⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3257; Оп. 16. Д. 1114.

¹⁹²⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 336.

¹⁹²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 9–10; Ф. 806. Оп. 16. Д. 1130.

¹⁹³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 10; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 92. Л. 36–36 об.

¹⁹³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 92. Л. 17–17 об., 19, 35.

¹⁹³² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 7.

наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹³³. (Прочие награды: набедренник (1849), камилавка (1859), орден Св. Анны 3-й степени (1866))¹⁹³⁴.

Круглевский Александр Васильевич, старший священник Муромского пехотного полка. Участник похода в Молдавию и Валахию. 7 марта 1855 г. прибыл с полком в Севастополь. 26 мая 1855 г. получил контузию осколком бомбы в грудь и руку. Во время одного из штурмов неприятелем Волынского и Селенгинского редутов с крестом в руке возглавил солдат своего полка, которые, бросившись вперед, вновь завладели Забалканской батареей. (К 1877 г., оставаясь на службе, имел награды: скуфью, камилавку, наперсный крест от Святейшего Синода, сан протоиерея, ордена Св. Анны 3-й и 2-й степени)¹⁹³⁵.

Крюков Евстафий Васильевич, протоиерей лейб-гвардии Семеновского полка. 22 апреля 1878 г. «за отличие в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁹³⁶; 2 декабря 1878 г. «за отличия в делах с турками в ноябре и декабре 1877 г.» – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами¹⁹³⁷; 3 февраля 1879 г. «за отличие при переходе через Балканы в декабре 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹³⁸.

Кудрявцев Дмитрий, протоиерей пехотного Принца Карла Прусского полка, благочинный над духовенством войск Балтийского корпуса. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁹³⁹.

¹⁹³³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 24.

¹⁹³⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С. 265.

¹⁹³⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1166.

¹⁹³⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 137; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 39. Л. 10–10 об.

¹⁹³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 350–350 об.

¹⁹³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.; Капков К.Г. Указ. соч. С. 298.

¹⁹³⁹ Каллистов Н. Указ. соч. С. 533; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

Кузнецов Алексей, священник 118-го пехотного Шуйского полка. 11 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при Плевне 30 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁴⁰.

Кузнецов Василий, священник Оренбургского драгунского (с 17 декабря 1812 г. уланского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 14 июля 1813 г. награжден скуфьей¹⁹⁴¹. (Последующие награды: камилавка (1818)).

Кузьминский Михаил Лукич, протоиерей Одесского егерского полка, участник сражения при Ольтенице (23 октября 1853 г.), обороны Севастополя, сражения на реке Черной (4 августа 1855 г.). 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий. (Предыдущие награды: скуфья (1830), камилавка (1836), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1846))¹⁹⁴². Во время дальнейшей службы, с 1855 г. по 1861 г., был награжден также мечами к ордену Св. Анны 2-й степени, орденом Св. Анны 2-й степени с императорской короной и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁴³.

Кулевский Александр, священник Аландской полковой церкви. По представлению Аландского коменданта генерал-майора Я.А. Бодиско 31 июля 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за «примерно ревностное исполнение своих обязанностей» и оказание духовной поддержки войскам Аландского гарнизона «со дня объявления Аланда в осадном положении» и «во время бомбардирования неприятелем с 9 на 10 июня Аландских укреплений»¹⁹⁴⁴.

¹⁹⁴⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

¹⁹⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 41–43.

¹⁹⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 24; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹⁴³ Капков К.Г. Указ. соч. С. 278.

¹⁹⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 194–195.

Кучинский Петр, священник 34-го пехотного Севского Его Императорского Высочества Наследного Принца Австрийского полка. 11 ноября 1878 г. «за отличие в делах с турками при Эски-Загре и Джуранлы 18 и 19 июля 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁴⁵; 23 июня 1979 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁴⁶.

Л

Лаврентий, иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (в 1852–1858 гг.), участник обороны Севастополя. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время военных действий¹⁹⁴⁷.

Лапшин Григорий, священник 138-го пехотного Болховского полка. 1 декабря 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁴⁸.

Лашенков Иоанн, старший священник Екатеринбургского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий. (Предыдущая награда: скуфья (1852))¹⁹⁴⁹.

Лебедев Анатолий Андреевич, священник 8-го гренадерского Московского Великого Герцога Фридриха Мекленбургского полка. 17 июня 1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁵⁰.

Лебедев Василий, протоиерей лейб-гвардии Павловского полка. 3 февраля 1879 г. «за отличие при переходе через Балканы в декабре

¹⁹⁴⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

¹⁹⁴⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 302.

¹⁹⁴⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 329.

¹⁹⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.

1877 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁵¹. (Предыдущие награды: камилавка, наперсный крест, выдаваемый от Синода, орден Св. Анны 2-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени (1876))¹⁹⁵².

Лебедев Иоанн Сергеевич, священник 12-го пехотного Великолуцкого полка. 6 мая 1878 г. «за отличие при взятии Ловчи 22 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁵³.

Лебедев Полиевкт Стефанович, священник 164-го пехотного Закатальского полка. 18 февраля 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками летом 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁵⁴; 5 декабря 1881 г. «за усиленные труды, понесенные в Приирионском крае в 1877–1878 гг.», – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Последующие награды: скуфья (1885), камилавка, сан протоиерея (1894), орден Св. Владимира 4-й степени (1896), орден Св. Анны 2-й степени (1899))¹⁹⁵⁵.

Лебединцев Арсений Гаврилович, протоиерей, настоятель Севастопольской Петропавловской церкви, благочинный церковью Севастопольского округа. Выполнял обязанности духовника Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых. 17 мая 1855 г. «за отличное усердие и самоотвержение», проявленное во время обороны Севастополя, награжден золотым наперсным крестом с алмазами на Георгиевской ленте¹⁹⁵⁶.

¹⁹⁵¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 298.

¹⁹⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 4 об.

¹⁹⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 163; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 47. Л. 12.

¹⁹⁵⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 63; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 12. Л. 11.

¹⁹⁵⁵ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 311.

¹⁹⁵⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 100–101; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 45.

Левицкий Авраамий Артемьевич, священник Северского драгунского (с 17 декабря 1812 г. конно-егерского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей¹⁹⁵⁷.

Левицкий Александр, протоиерей, настоятель Севастопольского адмиралтейского собора. Награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁵⁸.

Левицкий Афанасий, благочинный 31-й пехотной дивизии. 5 ноября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁹⁵⁹.

Левковский Симеон Васильевич, протоиерей Томского егерского полка, с 21 февраля 1854 г. по март 1855 г. – обер-священник войск 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов (затем – Южной армии и военно-сухопутных и морских сил в Крыму находящихся). Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, наперсным крестом, выдаваемым от Синода, орденом Св. Владимира и орденом Св. Анны 2-й степени (последний орден был на 1 января 1855 г.)¹⁹⁶⁰.

Легонин Георгий, священник московской церкви Живоначальной Троицы. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, за отправление богослужений в оккупированной наполеоновской армией Москве¹⁹⁶¹.

Леонтович Иоанн, старший священник Екатеринбургского пехотного полка. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁹⁶².

¹⁹⁵⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1265.

¹⁹⁵⁸ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 497, 532; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 275.

¹⁹⁵⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 319.

¹⁹⁶⁰ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 497, 532; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 275.

¹⁹⁶¹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 25.

¹⁹⁶² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

Лепешинский Василий Осипович, священник Виленского военного госпиталя. 23 мая 1813 г. (по другим данным – 13 января 1814 г.) награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1818))¹⁹⁶³.

Летницкий Петр Дамианович, протоиерей Орденского кирасирского полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1816 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени. (Предыдущие награды: камилавка (1803), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1808))¹⁹⁶⁴.

Лиханский Лука Осипович, священник Казанского драгунского полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1813 г. (по другим данным – 27 апреля 1814 г.) награжден камилавкой¹⁹⁶⁵.

Логинов Александр, священник Камчатского Петропавловского собора. 31 января 1855 г. за отличие, оказанное 18–27 августа 1854 г. при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт, награжден скуфьей¹⁹⁶⁶.

Логинов Георгий, священник Камчатского Петропавловского собора. 31 января 1855 г. за отличие, оказанное 18–27 августа 1854 г. при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт, награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁹⁶⁷.

Лукашевич Кондрат, священник Шлиссельбургского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. В январе 1817 г. был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за отличия в сражениях при Лейпциге, когда с крестом в руках повел за собой солдат, Гольдберге и блокаде Суассона в 1813 г., где получил сильную контузию в левую ногу с повреждением кости»¹⁹⁶⁸.

¹⁹⁶³ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 35–37; Ф. 806. Оп. 16. Д. 1284.

¹⁹⁶⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1288. Л. 1–2.

¹⁹⁶⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 1–2; Оп. 16. Д. 1302.

¹⁹⁶⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 5–5 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 16.

¹⁹⁶⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 5–5 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 16.

¹⁹⁶⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 582.

Лызлов Петр, священник Белостокского пехотного полка (с 1856 г. – старший священник Подольского пехотного полка), участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁶⁹.

Лысков Петр, священник с. Лямцы Онежского уезда Архангельской губернии. 13 ноября 1855 г. награжден скуфьей за участие в двукратном отражении вооружившимися местными крестьянами попытки англичан высадиться на берег, происшедшем 27–28 июня 1855 г.¹⁹⁷⁰

Львов Павел, протоиерей гусарского Его Королевского Высочества принца Фридриха Вильгельма Прусского полка, участник обороны Севастополя. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁹⁷¹.

М

Мазюкевич Дмитрий Алексеевич, протоиерей, старший священник Шлиссельбургского егерского полка, благочинный 4-й пехотной дивизии, с ноября 1855 г. – обер-священник Южной армии и военно-сухопутных и морских сил в Крыму находящихся. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей» награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁹⁷². 26 августа 1856 г. «за долговременную беспорочную службу и отличное исполнение обязанностей при обороне Севастополя» награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁹⁷³.

Марков Алексей, священник московской церкви Вознесения Господня. В 1812 г. сохранил от расхищения утварь своей церкви, претерпел побои от неприятельских солдат, которые к тому же подвергли

¹⁹⁶⁹ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 497; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 276.

¹⁹⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 198; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 97.

¹⁹⁷¹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 95.

¹⁹⁷² РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2.

¹⁹⁷³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 27; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

его оскорблению, обрив ему голову и бороду. После выхода наполеоновской армии из Москвы представил епископу Дмитровскому Августину (Виноградскому) слитки серебра весом 4 пуда 3 фунта. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁹⁷⁴.

Матвеев Стефан Петрович, священник Тенгинского пехотного полка, затем – Таврического гренадерского полка, благочинный 1-й гренадерской дивизии, участник войны 1812–1814 гг. 8 сентября 1814 г. награжден камилавкой. (Прочие награды: скуфья (1812), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1818))¹⁹⁷⁵.

Матфей, иеромонах, наместник Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. 4 августа 1854 г. «за отличное исполнение своих обязанностей» во время неприятельского нападения на Соловецкий монастырь (6–7 июля 1854 г.) награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁷⁶.

Мацкевич Петр Михайлович, протоиерей Владимирского пехотного полка, с февраля по июль 1855 г. – старший благочинный над духовенством военно-сухопутных и морских сил в Крыму находящихся. В 1854–1855 гг. участвовал в обороне Севастополя. 18 августа 1855 г. за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Предыдущие награды: скуфья (1834), камилавка (1838), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1848), орден Св. Анны 3-й степени (1852))¹⁹⁷⁷. Во второй половине 1850-х гг. был награжден также орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й и 3-й степени¹⁹⁷⁸.

¹⁹⁷⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 9 об.

¹⁹⁷⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1396.

¹⁹⁷⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 4–5; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 67.

¹⁹⁷⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 28 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹⁷⁸ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 263.

Меглицкий Евгений, старший священник Якутского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий¹⁹⁷⁹.

Мезецкий Михаил, протоиерей уланского Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича полка. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁹⁸⁰.

Мерцалов Василий Григорьевич, в 1873–1878 гг. – священник Санкт-Петербургского гренадерского Короля Фридриха Вильгельма III полка, в 1878–1889 гг. – священник 6-го Таврического гренадерского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 2 декабря 1878 г. «за отличия в делах с турками в ноябре и декабре 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁸¹; 30 апреля 1878 г. – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами; 3 февраля 1879 г. «за отличие под Филиппополем 3, 4 и 5 января 1878 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁸². (Прочие награды: скуфья (1868), камилавка (1872), германский орден Короны 4-й степени (1874), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1875), сан протоиерея (1889))¹⁹⁸³.

Мещерский Александр Дмитриевич, священник 130-го пехотного Херсонского полка, благочинный 33-й пехотной дивизии. 28 ноября 1877 г. «за подвиг в бою при селе Аблаве 11 августа 1877 г. в составе войск Рущукского отряда» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте; 25 марта 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками в 1877 г.», – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁸⁴; 8 мая 1878 г. – золотым наперсным крестом с драгоценными камнями от

¹⁹⁷⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 26; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

¹⁹⁸⁰ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 531, 535; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 95.

¹⁹⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 350–350 об.

¹⁹⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.

¹⁹⁸³ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 299.

¹⁹⁸⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 90; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 28. Л. 7.

великого князя Владимира Александровича. (Прочие награды: набедренник (1867), скуфья (1871), камилавка (1875), орден Св. Анны 2-й степени с мечами (1880), сан протоиерея (1880), орден Св. Владимира 4-й степени (1887-?), орден Св. Владимира 3-й степени (1891), палица (1894))¹⁹⁸⁵.

Мещерский Стефан, священник подвижного лазарета 3-й гвардейской пехотной дивизии. 20 ноября 1878 г. «за отличие при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁹⁸⁶.

Мизеровский Симеон, священник Вильманstrandского пехотного полка, затем – Сумского гусарского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: камилавка (1810)).

Миловидов Александр Павлович, старший священник Вологодского пехотного полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»¹⁹⁸⁷.

Митрофан, иеромонах, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁸⁸.

Митрофан (Голуппа), иеромонах, священник Кавказской Казачьей бригады. 11 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при Плевне 30 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁸⁹.

Михаил, иеромонах, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁹⁰.

¹⁹⁸⁵ Капков К.Г. Указ. соч. С. 286.

¹⁹⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 339–339 об.

¹⁹⁸⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

¹⁹⁸⁸ Каллистов Н. Указ. соч. С. 502; Капков К.Г. Указ. соч. С. 274.

¹⁹⁸⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

¹⁹⁹⁰ Каллистов Н. Указ. соч. С. 502; Капков К.Г. Указ. соч. С. 274.

Михайлов Феодор Матвеевич, священник 160-го пехотного Абхазского полка. 11 февраля 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками 20, 21 и 22 сентября 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁹⁹¹; 18 марта 1878 г. «за отличие в сражении с турками 2 и 3 октября 1877 г. на Аладжинских высотах» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте¹⁹⁹²; 30 июня 1878 г. «за отличие при Карсе», где был контужен пулей в левую руку, – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами; после 1878 г. «за отличие при блокаде г. Эрзерума» – саном протоиерея. (Предыдущие награды: набедренник (1846), скуфья (1856), камилавка (1863), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1867), орден Св. Анны 3-й степени (1873))¹⁹⁹³.

Михайловский Алексей, священник 157-го пехотного Имеретинского полка. 11 февраля 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками 20, 21 и 22 сентября 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁹⁴.

Михайловский Никифор Васильевич, протоиерей Великолуцкого пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 29 сентября 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, 8 сентября 1814 г. – камилавкой¹⁹⁹⁵.

Мищенко Иоанн, старший священник Литовского егерского полка. По представлению командующего отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта Н.А. Реада 9 апреля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени за «отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей во время сражения с турками 4 июня 1854 г. за рекой Чолоком». Находился под картечным огнем, успокаивал и ободрял раненых, исповедовал умиравших¹⁹⁹⁶.

¹⁹⁹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 60.

¹⁹⁹² Там же. Л. 86; РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 6. Л. 4, 6.

¹⁹⁹³ Капков К.Г. Указ. соч. С. 288–289.

¹⁹⁹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 60.

¹⁹⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 65–67; Ф. 806. Оп. 16. Д. 1465.

¹⁹⁹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 82–83.

Моджугинский Павел, протоиерей 40-го егерского полка, с 17 июня 1813 г. – полевой обер-священник Резервной армии, участник войны 1812–1814 гг. 3 июля 1814 г. награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1815))¹⁹⁹⁷.

Можайский Александр, священник 9-го гусарского Киевского Его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича полка. 30 октября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами¹⁹⁹⁸.

Моисеев Крискент, старший священник Тульского егерского полка. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий¹⁹⁹⁹.

Молчанов Митрофан Иоаннович, священник 151-го пехотного Пятигорского полка. 8 апреля 1878 г. «за отличие в сражении 11 и 12 июня 1877 г. при Кабулетском отряде» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁰⁰; 30 июня 1878 г. «за отличие при штурме Карса с 5 на 6 ноября 1877 г.» – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами; 9 июля 1878 г. – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами. (Прочие награды: набедренник (1867), камилавка (1883))²⁰⁰¹.

Молявинский Роман, протоиерей кирасирского принца Алберта Прусского полка. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени²⁰⁰².

Москевич Захария, священник Павловского гренадерского (с 13 апреля 1813 г. лейб-гвардии) полка, участник войны 1812–1814 гг. 26 февраля 1813 г. награжден камилавкой, 20 мая 1814 г. – наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: скуфья (1809)).

¹⁹⁹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4585. Л. 17–18.

¹⁹⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 315.

¹⁹⁹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰⁰⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 127.

²⁰⁰¹ Капков К.Г. Указ. соч. С. 289.

²⁰⁰² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 95.

Мурзакевич Никифор Адрианович, священник смоленской Одигитриевской церкви. По представлению генерал-майора И.Ф. Паскевича в 1818 г. награжден скуфьей за то, что во время Смоленского сражения (4–5 августа 1812 г.) находился на городской крепостной стене, исповедовал и причащал раненых, духовно наставлял и ободрял сражавшихся. (Представление о награждении было сделано сразу после сражения, однако награда получена лишь через 6 лет – после вторичного ходатайства Паскевича).

Н

Надпорожский Порфирий Васильевич, священник 96-го пехотного Омского полка, благочинный 24-й пехотной дивизии. 2 декабря 1878 г. «за отличие при обороне Шипкинского перевала 30 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁰³. (Предыдущие награды: набедренник (1866), скуфья (1871), камилавка (1875))²⁰⁰⁴.

Назаревич Иоанн Иоаннович, священник Павлоградского гусарского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден камилавкой. (Прочие награды: скуфья (1804), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1817))²⁰⁰⁵.

Назаров Василий Антипович, священник лейб-гвардии Гренадерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 8 сентября 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))²⁰⁰⁶.

Наумов Александр Федорович, священник Воронежского пехотного полка, затем – гренадерского графа Аракчеева полка, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1817))²⁰⁰⁷.

Наумов Симеон Федорович, протоиерей лейб-гвардии Семеновского полка, участник Отечественной войны 1812 года. 26 февраля 1813 г.

²⁰⁰³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 350–350 об.

²⁰⁰⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1520. Л. 23–24.

²⁰⁰⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1522.

²⁰⁰⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1524.

²⁰⁰⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3257. Л. 56–57; Оп. 18. Д. 979. Л. 21–22.

награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Последующие награды: камилавка (1817))²⁰⁰⁸.

Невский Александр Николаевич, младший священник Нижегородского пехотного полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²⁰⁰⁹.

Немировский Герасим, священник Житомирского пехотного полка, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰¹⁰.

Никандр, иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря. 16 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за примерное благочестие и присутствие духа», с которыми, находясь на корабле «Чесма», «ободрял раненых» во время Синопского боя 18 ноября 1853 г.²⁰¹¹ С сентября 1854 г. по 21 августа 1855 г. участвовал в обороне Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий²⁰¹². После 1856 г. был награжден также орденом Св. Анны 2-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и набедренником²⁰¹³.

Никитин Алексей, священник лейб-гвардии Драгунского полка. 22 апреля 1878 г. «за отличие в делах с турками при Горном Дубняке и

²⁰⁰⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3257. Л. 49–51.

²⁰⁰⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

²⁰¹⁰ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 497; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 276.

²⁰¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

²⁰¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰¹³ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 235.

Телише 12 и 16 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰¹⁴.

Николай, архимандрит, настоятель Бахчисарайского Успенского скита. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях» награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁰¹⁵.

Николай (Воронежский), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря (с марта 1853 г. по 1855 г.), участник обороны Севастополя. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время военных действий²⁰¹⁶.

Николай, иеромонах Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. 4 августа 1854 г. «за отличное исполнение своих обязанностей» во время неприятельского нападения на Соловецкий монастырь (6–7 июля 1854 г.) награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰¹⁷.

Никольский Афанасий, старший священник Углицкого егерского полка. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий²⁰¹⁸.

Никольский Дмитрий, священник гусарского принца Эмилия Гессенского полка, участник обороны Севастополя. В 1862 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁰¹⁹.

²⁰¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 137; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 39. Л. 10–10 об.

²⁰¹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

²⁰¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰¹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1. Д. 7. Л. 4–5; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 67.

²⁰¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 26 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰¹⁹ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 536.

Никольский Иоанн, младший священник Тобольского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 6 июня 1855 г. получил контузию и ранение в голову, грудь и бедро. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁰²⁰.

Новиков Аполлон Андреевич, священник Сухумского военного госпиталя. 10 июня 1878 г. «за отличие во время штурма укрепленного турецкого лагеря у селения Зивин 13 июня 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰²¹.

Новицкий Василий, протоиерей лейб-драгунского Его Величества полка. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с императорской короной «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий. (Предыдущие награды: скуфья (1831), камилавка (1831), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1843), орден Св. Анны 3-й степени (1845), орден Св. Анны 2-й степени (1853))²⁰²².

Новоселов Илия Петрович, священник Ахтырского гусарского Принца Фридриха Карла Прусского полка, благочинный 12-й кавалерийской дивизии. 9 августа 1880 г. «за труды, понесенные в бывшей действующей армии со времени заключения мира по день возвращения в пределы империи», награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1865), скуфья (1865), камилавка (1875), сан протоиерея (1886), орден Св. Анны 3-й степени (1889), орден Св. Владимира 4-й степени (1890))²⁰²³.

²⁰²⁰ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

²⁰²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 198; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 66. Л. 9.

²⁰²² РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 24; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰²³ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 307.

Новоселов Николай, протоиерей лейб-гвардии Литовского полка. 23 декабря 1878 г. «за отличие в делах с турками под Филиппополем 3, 4 и 5 января 1878 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²⁰²⁴.

Носович Иоанн Максимович – священник 119-го пехотного Коломенского полка, благочинный 30-й пехотной дивизии. 24 марта 1879 г. «за примерно-усердную службу в продолжение минувшей войны и особое отличие при Плевне с 26 по 30 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Владимира 3-й степени²⁰²⁵; в том же году «за отличия, оказанные в делах с турками во время форсированного движения от Балкан до заключения перемирия», – палицей; 4 июля 1880 г. «за отличия в разновременных делах в войне с Турцией» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Предыдущие награды: набедренник (1843), скуфья (1847), камилавка (1852), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1857), орден Св. Анны 3-й степени (1861), сан протоиерея (1867), орден Св. Анны 2-й степени (1870), орден Св. Владимира 4-й степени (1875))²⁰²⁶.

О

Овсянкин Дмитрий, протоиерей гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка, благочинный 6-й легкой кавалерийской дивизии. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий²⁰²⁷. (Прочие награды: скуфья (1841), камилавка (1845), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1852), орден Св. Анны 2-й степени (1858), орден Св. Анны 2-й степени с короною и мечами (1861), орден Св. Владимира 4-й степени (1871)).

Овчинников Прокопий Иоаннович, протоиерей Гродненского гусарского полка, полевой обер-священник армии П.Х. Витгенштейна,

²⁰²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 369–369 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 120. Л. 4.

²⁰²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 66–66 об., 68.

²⁰²⁶ Капков К.Г. Указ. соч. С. 306.

²⁰²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 25 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, 8 сентября 1814 г. – камилавкой²⁰²⁸.

Олейников Лев, старший священник Минского пехотного полка. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁰²⁹.

Ольховский Николай Васильевич, старший священник пехотного Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²⁰³⁰.

Орлов Иоанн Владимирович, священник 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества великого князя Сергея Михайловича полка. 30 октября 1877 г. «за отличие 4 и 5 мая 1877 г. при взятии штурмом крепости Ардагана» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰³¹; 13 сентября 1878 г. «за отличие в делах с турками 23 и 28 октября 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰³²; в 1879 г. «за отличие при блокаде г. Эрзерум» – скуфьей. (Прочие награды: набедренник (1874), камилавка (1887), сан протоиерея (1894), орден Св. Владимира 4-й степени (1895), палица (1897), орден Св. Анны 2-й степени (1902), орден Св. Владимира 3-й степени (1905))²⁰³³.

Орловский Иоанн, священник Севастопольского адмиралтейского собора. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий.

²⁰²⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1640.

²⁰²⁹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

²⁰³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

²⁰³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 316–316 об.

²⁰³² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 279.

²⁰³³ Канков К.Г. Указ. соч. С. 291.

(Предыдущие награды: скуфья (1830), камилавка (1842), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1848))²⁰³⁴.

Орловский Никита Иоаннович, священник Апшеронского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))²⁰³⁵.

Охромеев Иоанн Иоаннович, священник Грузинского линейного № 4 батальона. С марта 1854 г. по ноябрь 1855 г. участвовал в походах против турок, в том числе в сражении на Чингильских высотах (17 июля 1854 г.). 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий²⁰³⁶. В 1857 г. получил скуфью.

II

Павлович Гавриил, протоиерей 120-го пехотного Серпуховского полка. 20 ноября 1878 г. «за отличие при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰³⁷.

Павловский Леонид, протоиерей Владимирской церкви г. Санкт-Петербурга. 21 октября 1878 г. за содействие «усилению средств Санкт-Петербургского Лазаретного Дамского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах» награжден орденом Св. Владимира 4-й степени²⁰³⁸.

Паксимаде Николай, протоиерей, настоятель Бахчисарайского собора. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских

²⁰³⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 25; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰³⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1692.

²⁰³⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 30; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 339–339 об.

²⁰³⁸ Там же. Л. 317.

и окрестных госпиталях», награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода²⁰³⁹.

Палладий, иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁴⁰.

Парадиев Николай Михайлович, священник 75-го пехотного Севастопольского полка, с 1878 г. – благочинный 19-й пехотной дивизии. 30 октября 1877 г. «за отличие в деле с неприятелем 16 июня 1877 г. на Ахалшенских высотах и при взятии г. Ардануча» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁴¹. (Прочие награды: набедренник (1866), скуфья (1871), камилавка (1875), орден Св. Анны 3-й степени (1884), сан протоиерея (1889), золотой наперсный крест с украшениями (1894), орден Св. Анны 2-й степени (1895))²⁰⁴².

Парамовский Евстафий Иванович, младший священник Галицкого егерского полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²⁰⁴³.

Парфений, иеромонах Свято-Николаевской церкви г. Новороссийск (с 1854 г. по 1858 г.). Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за отличия во время обороны Новороссийска с 28 февраля по 4 марта 1855 г., когда под обстрелом неприятеля неотлучно исповедовал и причащал раненых и отпевал погибших воинов». (Прочие награды: набедренник (1848), наперсный крест от Святейшего Синода (1857))²⁰⁴⁴.

²⁰³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

²⁰⁴⁰ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 502; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 263.

²⁰⁴¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 316–316 об.

²⁰⁴² *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 285–286.

²⁰⁴³ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

²⁰⁴⁴ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 264–265.

Патенков Алексей, священник резервного егерского полка 13-й пехотной дивизии. С 19 января по 27 августа 1855 г. находился в Севастополе. 10 июня 1855 г. во время напутствия раненых получил контузию осколком гранаты в левую ногу, однако своего места не оставил. 17 апреля 1857 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁰⁴⁵.

Пашин Евгений, священник 18-го пехотного Вологодского Его Королевского Высочества Принца Оранского полка. 23 июня 1879 г. «за отличия в делах с турками под Филиппополем» – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁴⁶.

Переспелов Иустин, священник Александропольского военного госпиталя. 11 февраля 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками 20, 21 и 22 сентября 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁴⁷.

Песоцкий Петр, священник Санкт-Петербургского ополчения, участник войны 1812–1814 гг. Награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода.

Петриченко Иоанн, священник гусарского Гросс-герцога Саксен-Веймарского полка. 26 августа 1856 г. награжден камилавкой²⁰⁴⁸.

Пивоваров Антоний, младший священник Белостокского пехотного полка. В 1854 г. награжден набедренником²⁰⁴⁹.

Погонялов Александр Петрович, протоиерей, полевой обер-священник Действующей армии. По представлению главнокомандующего Действующей армией 17 апреля 1854 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²⁰⁵⁰.

²⁰⁴⁵ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 47.

²⁰⁴⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 19–19 об.

²⁰⁴⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 60.

²⁰⁴⁸ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25 об.

²⁰⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 16.

²⁰⁵⁰ Там же. Л. 2.

Подгурский Александр Яковлевич, священник 162-го пехотного Ахалцихского полка. 13 мая 1878 г. «за отличия в делах с неприятелем с 20 мая по 21 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁵¹. (Предыдущие награды: набедренник, скуфья, камилавка (1871)).

Подольский Наум Васильевич, священник Арзамасского драгунского (с 17 декабря 1812 г. конно-егерского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))²⁰⁵².

Покровский Алексей, священник 123-го пехотного Козловского полка. 20 ноября 1878 г. «за отличие при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁵³.

Покровский Емельян Алексеевич, священник Тифлисского егерского полка. С ноября 1853 г. по январь 1854 г. участвовал в походах против турок. 9 января 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за сражение с турками на Баш-Кадыкларских высотах 19 ноября 1853 г.». (Прочие награды: набедренник (1850), скуфья (1853), камилавка (1858), орден Св. Анны 3-й степени (1862), орден Св. Анны 2-й степени (1873))²⁰⁵⁴.

Покровский Илья Павлович, священник 1-го лейб-драгунского Московского Его Величества полка. 11 ноября 1878 г. «за отлично-усердную службу и труды во время минувшей войны» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁵⁵; 2 декабря 1878 г. «за отличие при занятии г. Адрианополя» – орденом Св. Владимира 4-й степени с

²⁰⁵¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 168; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 49. Л. 10.

²⁰⁵² РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 5–6; Оп. 16. Д. 1847.

²⁰⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 339–339 об.

²⁰⁵⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С. 237.

²⁰⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

мечами²⁰⁵⁶; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²⁰⁵⁷.

Полубинский Андрей Иоаннович, священник Полоцкого егерского полка, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Предыдущая награда: набедренник (1850))²⁰⁵⁸.

Полянский Василий, протоиерей Днепровского пехотного полка, участник Отечественной войны 1812 года. 19 июня 1814 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода²⁰⁵⁹.

Попов Евгений Иванович, протоиерей, настоятель церкви во имя Успения Божией Матери при российском посольстве в Лондоне. 20 августа 1855 г. «во внимание к отлично усердной службе и в воздаяние ревностных и истинно человеколюбивых действий при исполнении возложенных» на него «поручений касательно оказания пособий русским пленным, находящимся в Великобритании», награжден орденом Св. Анны 2-й степени²⁰⁶⁰.

Поповицкий Доримедонт, священник 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. 12 октября 1878 г. «за отличие при занятии нашими войсками 27 сентября 1877 г. селения Суботана», где был ранен в грудь навылет, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами²⁰⁶¹.

Предтеченский Иоанн Алексеевич, протоиерей 68-го лейб-пехотного Бородинского Его Величества полка. 9 июня 1879 г. «за отличие под Хаджи-Оглу-Базарджиком 14 января 1878 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами; 9 августа 1880 г. «за особые труды,

²⁰⁵⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 350–350 об.

²⁰⁵⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 19–19 об.

²⁰⁵⁸ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 497; *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 275.

²⁰⁵⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1877.

²⁰⁶⁰ АВПРИ. Ф. 161, IV-16. Оп. 158. 1855 г. Д. 12. Л. 4, 9; Ф. 159. Оп. 749/4. Д. 47. Л. 12 об.

²⁰⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 311; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 96. Л. 5–6.

понесенные со времени заключения мира до возвращения в пределы империи», – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: скуфья (1855), камилавка (1856), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1861), орден Св. Анны 3-й степени (1869), сан протоиерея (1872), набедренник (1872), палица (1883))²⁰⁶².

Преображенский Николай Иоаннович, священник 155-го пехотного Кубинского полка. 13 сентября 1878 г. «за отличие в делах с турками 23 и 28 октября 1877 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁶³; в 1879 г. «за отличие при блокаде крепости Эрзерум» – скуфьей. (Прочие награды: набедренник (1877), камилавка (1886))²⁰⁶⁴.

Прокливитантов Гавриил, благочинный 13-й пехотной дивизии, старший священник Брестского пехотного полка. По представлению командующего отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта Н.А. Реада 9 апреля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени за «отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей во время сражения с турками 4 июня 1854 г. за рекой Чолоком». Находился под картечным огнем, успокаивал и ободрял раненых, исповедовал умиравших²⁰⁶⁵.

Прокопиев Алексей Прокопиевич, священник Финляндского линейного № 10 батальона. По представлению Аландского коменданта генерал-майора Я.А. Бодиско 31 июля 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за «примерно ревностное исполнение своих обязанностей» и оказание духовной поддержки войскам Аландского гарнизона «со дня объявления Аланда в осадном положении»

²⁰⁶² *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 306–307.

²⁰⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 279.

²⁰⁶⁴ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 291.

²⁰⁶⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 82–83.

и «во время бомбардирования неприятелем с 9 на 10 июня Аландских укреплений»²⁰⁶⁶.

Прокопий, иеромонах Бахчисарайского Успенского скита. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях», награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода²⁰⁶⁷.

Пузанов Павел Ефремович, священник драгунского Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полка. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий²⁰⁶⁸. (Последующие награды: орден Св. Анны 3-й степени (1859), скуфья (1866))²⁰⁶⁹.

Путиловский Иоанн Петрович, старший священник лейб-егерского Бородинского Его Величества полка (с 24 мая 1854 г.; до того – младший священник Тарутинского егерского полка). Участвовал в сражениях: при Альме (8 сентября 1854 г.), Инкермане (24 октября 1854 г.), у реки Черной (4 августа 1855 г.). В октябре 1854 г. находился в Севастополе во время его осады. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий²⁰⁷⁰. (Прочие награды: набедренник (1854), орден Св. Анны 3-й степени (1854), камилавка (1860), орден Св. Анны 2-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени с мечами (1879), орден Св. Владимира 3-й степени (1883))²⁰⁷¹.

²⁰⁶⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 194–195.

²⁰⁶⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 412. Л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

²⁰⁶⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 30; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰⁶⁹ Капков К.Г. Указ. соч. С. 249.

²⁰⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 29; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰⁷¹ Капков К.Г. Указ. соч. С. 252.

Пхакадзе Филипп, священник 2-й Кутаисской пешей дружины. 13 мая 1878 г. «за отличия в делах с неприятелем с 20 мая по 21 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁷².

Пятибоков Иоанн Матвеевич, старший священник Могилевского пехотного полка и благочинный 7-й пехотной дивизии. За подвиг, совершенный 11 марта 1854 г. во время кровопролитного штурма турецких батарей на Дунае, где священник возглавил атаку солдат и «в передних рядах взошел на стены» турецкого укрепления, получив при этом контузию в грудь, 26 августа 1854 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса²⁰⁷³. (Прочие награды: скуфья (1850), орден Св. Анны 2-й степени (1875), орден Св. Владимира 4-й степени (около 1878 г.))²⁰⁷⁴.

Пятибоков Петр Матвеевич, протоиерей 125-го пехотного Курского полка, благочинный 32-й пехотной дивизии. 25 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при селе Мечке 30 ноября 1877 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁷⁵; 20 января 1879 г. «за отличие под селением Чаир-киой 9 сентября 1877 г.» – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами; 17 марта 1879 г. «за отличие под Плевной 18 июня 1877 г.» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. (Прочие награды: скуфья (1862), орден Св. Анны 3-й степени с мечами (1866), камилавка (1870), сан протоиерея (1873), орден Св. Владимира 3-й степени (1883), палица (1887))²⁰⁷⁶.

Р

Радугин Николай Александрович, старший священник 73-го пехотного Крымского Его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича полка. 8 июля 1878 г. «за отличие против турок

²⁰⁷² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 168; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 49. Л. 10.

²⁰⁷³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 1–1 об., Д. 12. Л. 2; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9047. Л. 4.

²⁰⁷⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С. 193.

²⁰⁷⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 344–344 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 92. Л. 17–17 об.

²⁰⁷⁶ Капков К.Г. Указ. соч. С. 296.

на Драмдагских высотах 4 июня 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁷⁷; 6 января 1879 г. «за отличия против турок 23 и 28 октября 1877 г. в составе войск Эриванского отряда» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1867), скуфья (1872), сан протоиерея (1883), орден Св. Владимира 3-й степени (1898), палица (1906))²⁰⁷⁸.

Раевский Феодор Дмитриевич, протоиерей Ахтырского гусарского полка, участник войны 1812–1814 гг. 8 сентября 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817), золотой наперсный крест на Георгиевской ленте (1818))²⁰⁷⁹.

Ржевский Василий Иоаннович, священник Севастопольского морского госпиталя. Исполнял пастырские обязанности не только в госпитале, но также на бастионах, редутах и люнетах. 18 августа 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁸⁰.

Рождественский Петр, священник 16-го гренадерского Мингрельского Его Императорского Высочества великого князя Димитрия Константиновича полка. 10 июня 1878 г. «за отличие во время штурма укрепленного турецкого лагеря у селения Зивин 13 июня 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁸¹. (Предыдущие награды: набедренник (1872))²⁰⁸².

Розанов Александр, священник 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка. 1 декабря 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁸³.

Романов Феофилакт Дмитриевич, священник 77-го пехотного Тенгинского полка; в 1877 г. командирован в действующую армию с

²⁰⁷⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 219; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 71. Л. 11.

²⁰⁷⁸ Капков К.Г. Указ. соч. С. 297.

²⁰⁷⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 15; Оп. 1. Д. 3257. Л. 16–17.

²⁰⁸⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 30; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 198; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 66. Л. 9.

²⁰⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 66. Л. 4 об.

²⁰⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 329.

дивизионным подвижным лазаретом. В 1878 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами; в 1879 г. – камилавкой; 12 апреля 1880 г. «за отличие против турок» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1870), скуфья (1876), орден Св. Анны 2-й степени (1886), сан протоиерея (1891), орден Св. Владимира 4-й степени (1897), палица (1905), орден Св. Владимира 3-й степени (1910))²⁰⁸⁴.

Романский Михаил Антонович, младший священник лейб-егерского Бородинского Его Величества полка. С 1 сентября 1854 г. по 1 января 1855 г. находился в Севастополе. 18 августа 1855 г. за отличие, оказанное во время военных действий, награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества²⁰⁸⁵.

Романский Павел, священник 124-го пехотного Воронежского полка. 11 ноября 1878 г. «за отличие в деле с турками при Плевне 30 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁸⁶.

Роневский Василий, священник Севастопольской госпитальной церкви, 16 апреля 1855 г. награжден скуфьей²⁰⁸⁷.

Ростовецкий Василий, священник лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1813 г. награжден камилавкой, 12 февраля 1814 г. – наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: скуфья (1809))²⁰⁸⁸.

С

Савинич Петр, благочинный 4-й кавалерийской дивизии. 17 апреля 1857 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с короной²⁰⁸⁹.

²⁰⁸⁴ Канков К.Г. Указ. соч. С. 305.

²⁰⁸⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²⁰⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 329–329 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 98. Л. 10–11 об.

²⁰⁸⁷ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1.

²⁰⁸⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 1–2; Ф. 797. Оп. 96. Д. 332. Л. 15.

²⁰⁸⁹ Каллистов Н. Указ. соч. С. 533.

(Предыдущие награды: орден Св. Анны 3-й степени (1845), орден Св. Анны 2-й степени (1851)).

Самборский Софроний, протоиерей Николаевского морского госпиталя. Присутствовал на перевязочных пунктах во время сражений, напутствуя и утешая раненых. 17 апреля 1857 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени²⁰⁹⁰. (Предыдущие награды: орден Св. Анны 2-й степени (1843), тот же орден с императорской короной (1850)).

Санжаревский Иоанн Михайлович, протоиерей 76-го пехотного Кубанского полка. 13 мая 1878 г. «за отличия в делах с неприятелем с 20 мая по 21 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²⁰⁹¹. (Предыдущие награды: орден Св. Анны 3-й степени (1874))²⁰⁹².

Санонаревский Павел, священник уланского Генерала от кавалерии графа Никитина полка. 16 апреля 1855 г. награжден скуфьей²⁰⁹³.

Сахаров Николай Петрович, священник 3-го гренадерского Перновского Короля Фридриха Вильгельма IV полка. 15 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 1, 2 и 3 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁹⁴; 27 сентября 1878 г. «за отличие под крепостью Карсом, пред штурмом и при штурме оной в ночь с 5 на 6 ноября 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁰⁹⁵. (Прочие награды: скуфья (1873), камилавка (1876), сан протоиерея (1880), орден Св. Анны 2-й степени (1885), орден Св. Владимира 4-й степени (1893))²⁰⁹⁶.

Свинцов Алексей Иванович, священник 149-го пехотного Черноморского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 7 сентября 1878 г. «за отличие во время военных

²⁰⁹⁰ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 47.

²⁰⁹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 168; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 49. Л. 10.

²⁰⁹² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 49. Л. 3 об.

²⁰⁹³ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 1.

²⁰⁹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 222; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 69. Л. 14–14 об., 16.

²⁰⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 287.

²⁰⁹⁶ Канков К.Г. Указ. соч. С. 292–293.

действий Марухского отряда» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²⁰⁹⁷. (Предыдущие награды: скуфья, камилавка (1873))²⁰⁹⁸.

Святенков Нестор Семенович, священник Нежинского драгунского (с 17 декабря 1812 г. конно-егерского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 26 февраля 1813 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))²⁰⁹⁹.

Святенков Павел Семенович, священник 33-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 29 сентября 1813 г. (по другим данным – 5 апреля 1815 г.) награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1818))²¹⁰⁰.

Семенов Евстафий Константинович, священник 10-го гренадерского Малороссийского генерал-фельдмаршала графа Румянцева Задунайского полка. 17 июня 1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁰¹.

Семенов Егор, священник московской церкви Живоначальной Троицы. В 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, за отправление богослужений в оккупированной наполеоновской армией Москве²¹⁰².

Семенов Петр, протоиерей московской церкви Преображения Господня на Глинищах. В 1812 г. отправлял богослужения и исправлял требы в оккупированной наполеоновской армией Москве, понес тяжелые раны от врагов. В 1813 г. «за усердие и за ревность к служению своему» награжден золотым наперсным крестом, украшенным алмазами²¹⁰³.

Сенаторский Андрей, старший священник Московского пехотного полка (в 1856 г. – старший священник Якутского пехотного полка),

²⁰⁹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 265, 273; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 22, 24, 25.

²⁰⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 23 об.

²⁰⁹⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 136.

²¹⁰⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 59–61; Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 20–21.

²¹⁰¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.

²¹⁰² РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 9.

²¹⁰³ Там же. Л. 2–2 об., 8.

участник обороны Севастополя. По представлению главнокомандующего Южной армией и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму находящимися 22 сентября 1855 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, «за отлично-усердное исполнение своих обязанностей под неприятельскими выстрелами»²¹⁰⁴. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», пожалован орденом Св. Анны 3-й степени²¹⁰⁵.

Сендецкий Иоанн Кириллович, священник 42-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 2 мая 1813 г. (по другим данным – 13 января 1814 г.) награжден камилавкой²¹⁰⁶.

Сеперович Иоанн, протоиерей 16-го драгунского Нижегородского Его Величества Короля Виртембергского полка, благочинный Кавказской кавалерийской дивизии. 5 декабря 1877 г. «за отличие, оказанное в ночь с 17 на 18 мая 1877 г. при селении Бегли-Ахмет» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²¹⁰⁷.

Серафим (Воронежский), иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря. С 18 декабря 1854 г. по 13 февраля 1855 г. находился в Севастопольском гарнизоне. 18 августа 1855 г. за отличия, оказанные во время военных действий, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁰⁸. (Предыдущая награда: набедренник (1851))²¹⁰⁹.

Силинин Василий, священник 46-го пехотного Днепровского полка. 23 декабря 1878 г. «за отличие 23 августа 1877 г. под Красным и 7 ноября у селения Пиргос» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹¹⁰.

²¹⁰⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 180–180 об.

²¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

²¹⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 31–32; Ф. 806. Оп. 1. Д. 2586.

²¹⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 337–337 об.

²¹⁰⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²¹⁰⁹ Канков К.Г. Указ. соч. С. 260.

²¹¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 369–369 об.; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 120. Л. 4.

Сильванский-Павлов Василий, протоиерей пехотного Генерал-фельдмаршала графа Дибича Забалканского полка. 17 апреля 1854 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода²¹¹¹.

Симчевский Иоаким, священник 23-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 13 января 1814 г. награжден скуфьей, 8 сентября 1814 г. – камилавкой.

Синадский Михаил, священник Владимирского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 17 апреля 1857 г. «за отлично-усердную службу» награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹¹².

Сицилинский Василий Яковлевич, священник Новгородского кирасирского полка, затем (с 11 ноября 1814 г.) – лейб-гвардии Финляндского полка, участник войны 1812–1814 гг. 20 мая 1814 г. «за торжественное молебствие в Париже» награжден камилавкой. (Последующие награды: наперсный крест, выдаваемый от Синода (1820), орден Св. Анны 3-й степени (1826), орден Св. Владимира 4-й степени (1839), палица (1840), орден Св. Анны 2-й степени (1844), орден Св. Владимира 3-й степени (1848))²¹¹³.

Сицилинский Иаков (Яков) Степанович, священник Алексопольского пехотного полка, участник Отечественной войны 1812 года. 8 сентября 1814 г. награжден камилавкой. (Предыдущие награды: скуфья (1810))²¹¹⁴.

Скляревский Василий Михайлович, священник Серпуховского драгунского (с 17 декабря 1812 г. уланского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 17 сентября 1813 г. (по другим данным – 12 января 1817 г.) награжден камилавкой, 8 сентября 1814 г. – скуфьей²¹¹⁵.

Скобеев Иоанн Никифорович, священник Рождественского собора г. Вереи Московской губернии, в 1812 г. возглавлял крестьянский отряд

²¹¹¹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 4.

²¹¹² Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 47.

²¹¹³ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 26–33.

²¹¹⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 205.

²¹¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 39. Л. 53–55; Ф. 806. Оп. 17. Д. 211.

самообороны. 19 июля 1813 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹¹⁶.

Скородумов Павел Петрович, священник 8-го драгунского Астраханского Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича старшего полка. 30 октября 1877 г. «за сражение при Эски-Загре и Джуранлы 18–19 июля 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹¹⁷; 4 июля 1879 г. «за различные отличия в прошедшую войну» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹¹⁸.

Скотинский Иоанн, священник 32-го егерского полка, участник Отечественной войны 1812 года. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей²¹¹⁹.

Славинский Иоанн, старший священник Севского пехотного полка. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹²⁰.

Славинский Феодор, священник гусарского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. В июне 1854 г. «за отлично-ревностную и полезную службу» награжден набедренником²¹²¹, 26 августа 1856 г. – скуфьей²¹²².

Сломский Тарасий Семенович, священник Либавского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1813 г. (по другим данным – 19 июня 1814 г.) награжден камилавкой. (Предыдущие награды: скуфья (1810))²¹²³.

Слупский Иоанн Николаевич, священник 12-го драгунского Стародубовского Его Императорского Высочества Принца Петра

²¹¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 2, 8 об.; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 18–19.

²¹¹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 315.

²¹¹⁸ Капков К.Г. Указ. соч. С. 303.

²¹¹⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2445. Л. 3–5.

²¹²⁰ Каллистов Н. Указ. соч. С. 534; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

²¹²¹ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 2. Д. 11. Л. 6–6 об., 14–14 об.

²¹²² РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 25 об.

²¹²³ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 1–2; Оп. 17. Д. 231.

Ольденбургского полка. 21 сентября 1877 г. «за пастырские подвиги на поле брани при Кацелево и Аблаве 23 и 24 августа 1877 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте; в 1880 г. «за усердную службу и труды, понесенные в бывшей действующей армии со времени заключения мира до возвращения в пределы империи», – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. (Предыдущие награды: набедренник (1854), скуфья (1868), камилавка (1874))²¹²⁴.

Смелов Феодор Иоаннович, протоиерей лейб-гвардии Уланского полка. 25 февраля 1878 г. «за отличие, оказанное в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.», награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами²¹²⁵; 27 сентября 1880 г. «за отличие при переходе через Балканы в декабре 1877 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1851), скуфья (1856), камилавка (1858), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1863), сан протоиерея (1866), орден Св. Анны 3-й степени (1869), орден Св. Анны 2-й степени (1872), орден Св. Владимира 4-й степени с мечами (1875), палица (1888), золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества «за 50-летнее служение в священном сане» (1895))²¹²⁶.

Смирнов Иоанн Васильевич, протоиерей 61-го пехотного Владимирского полка, благочинный 16-й пехотной дивизии. 24 марта 1879 г. «за примерно-усердную службу в продолжение минувшей войны и особое отличие при Плевне с 26 по 30 августа 1877 г.» награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹²⁷. (Прочие награды: набедренник, скуфья, камилавка,

²¹²⁴ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 284.

²¹²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 67.

²¹²⁶ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 308.

²¹²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 66–66 об., 68.

сан протоиерея, орден Св. Анны 3-й степени с мечами, орден Св. Анны 2-й степени, палица (1885))²¹²⁸.

Смолич Симеон, протоиерей, в 1877 г. – главный священник Действующей армии. 13 декабря 1877 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами²¹²⁹.

Соколов Афанасий, священник Ахтырского гусарского Его Королевского Высочества Принца Фридриха-Карла Прусского полка. 17 апреля 1857 г. «за отлично-усердную службу» награжден орденом Св. Анны 2-й степени²¹³⁰.

Соколов Герасим Семенович, протоиерей Фанагорийского гренадерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 20 мая 1814 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени²¹³¹.

Соколов Иоанн, младший священник Севского пехотного полка. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹³².

Соколов Михаил Никифорович, старший священник Тарутинского егерского полка (в 1856 г. – старший священник Московского пехотного полка), участник обороны Севастополя. Принимал участие в Инкерманском сражении (24 октября 1854 г.), в бою у реки Черной (4 августа 1855 г.). 5 мая 1854 г. был награжден скуфьей, 18 августа 1855 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹³³. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих

²¹²⁸ Канков К.Г. Указ. соч. С. 300–301.

²¹²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 344.

²¹³⁰ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 47.

²¹³¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 285.

²¹³² Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99. У Каллистова этот священник назван фамилией Соловьев. См.: Каллистов Н. Указ. соч. С. 534.

²¹³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 29–29 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

обязанностей во время обороны Севастополя», пожалован орденом Св. Анны 3-й степени²¹³⁴.

Соколов Николай, священник 1-го Пластунского пешего батальона. 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» награжден камилавкой²¹³⁵.

Соколов Павел Тимофеевич, священник 5-го гренадерского Киевского Его Величества Короля Нидерландского полка. 17 июня 1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹³⁶.

Соловьев Александр, младший священник Ладожского егерского полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией в 1854 г. награжден набедренником «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²¹³⁷.

Соловьев Андриан Данилович, старший священник Суздальского пехотного полка. Участвовал в сражениях: при Альме (8 сентября 1854 г.), Инкермане (24 октября 1854 г.), находился в Севастопольском гарнизоне. В 1854 г. был награжден набедренником²¹³⁸, 3 июля 1855 г. – орденом Св. Анны 3-й степени («в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей»)²¹³⁹, 14 августа 1858 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте («за оказанные подвиги самоотвержения при защите Севастополя и за отлично-усердную и ревностную службу»)²¹⁴⁰. (Последующие награды: мечи к ордену

²¹³⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

²¹³⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13.

²¹³⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.

²¹³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

²¹³⁸ Там же. Л. 16.

²¹³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 26 об.; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²¹⁴⁰ Канков К.Г. Указ. соч. С. 277.

Св. Анны 3-й степени (1862), скуфья (1865), камилавка (1871), орден Св. Анны 2-й степени (1875))²¹⁴¹.

Соловьев Иаков, священник 9-го драгунского Казанского Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Леопольда полка. 30 октября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁴².

Соловьев Петр, священник Гельсингфорского военного госпиталя. По представлению командующего войсками, расположенными в Финляндии, 28 октября 1855 г. награжден камилавкой «за отлично-усердное исполнение своих обязанностей во время бомбардирования англо-французским флотом Свеаборга». 28 июля, во время бомбардирования, находился на Ульрикасборгской батарее, где по случаю праздника 22-го Флотского экипажа отслужил под неприятельскими выстрелами молебен с водоосвящением и окропил святой водой батарею и находившихся на ней воинских чинов. 28–29 июля находился на перевязочных пунктах, утешая и напутствуя раненых²¹⁴³.

Соловьевич Гавриил Васильевич, священник 12-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей²¹⁴⁴.

Сорочинский Симеон Федорович, священник Житомирского драгунского (с 17 декабря 1812 г. уланского) полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден камилавкой²¹⁴⁵.

Софронов Гервасий, священник 3-й роты греческих волонтеров. 25 апреля 1857 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте «за ревностное исполнение своих обязанностей под неприятельскими выстрелами во время осады крепости Силистрии»²¹⁴⁶.

Софронский Петр Федорович, священник Витебского егерского полка, участвовал в обороне Севастополя. 31 июля 1855 г. во время

²¹⁴¹ Капков К.Г. Указ. соч. С. 277.

²¹⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 315.

²¹⁴³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 196–197.

²¹⁴⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 335.

²¹⁴⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 123, 340.

²¹⁴⁶ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 41.

напутствия раненых и умирающих на перевязочном пункте получил ранение осколком бомбы в спину, в результате чего был вынужден отправиться в 3-й подвижной госпиталь для излечения. В 1857 г. ему была пожалована пенсия из Инвалидного капитала 245 руб. в год. К 1872 г. имел награды: скуфью, камилавку, наперсный крест от Святейшего Синода²¹⁴⁷.

Спекторский Александр, священник 3-го учебного стрелкового полка. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹⁴⁸.

Сперанский Феодор Петрович, священник Тобольского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1817))²¹⁴⁹.

Стахийев Василий, священник Новгородского ополчения, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден скуфьей.

Степанов Алексей, священник Введенской церкви села Першино Звенигородской округи Московской губернии. В 1813 г. награжден камилавкой за то, что во время Отечественной войны 1812 года «с особенной ревностью поучениями и наставлениями своими утверждал прихожан в вере, в повиновении законной власти и в любви к Отечеству»²¹⁵⁰.

Стратонович Евгений, протоиерей, обер-священник полевой 1-й армии. 26 августа 1856 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени²¹⁵¹.

Страхович Иосиф, священник придворной церкви Его Императорского Высочества главнокомандующего. 13 декабря 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁵².

Стрелецкий Савва Федорович, протоиерей Мариупольского гусарского полка, затем (с 28 октября 1813 г. по 18 февраля 1815 г.) –

²¹⁴⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 347.

²¹⁴⁸ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 535; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 95.

²¹⁴⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 354.

²¹⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 10.

²¹⁵¹ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 533; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 95.

²¹⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 344.

Нарвского драгунского полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1814 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: скуфья (1806), камилавка (1809), набедренник (1811))²¹⁵³.

Судковский Гавриил Дионисиевич, священник Очаковского Никольского крепостного собора. 20 ноября 1854 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное 22 сентября 1854 г. при отражении 4 неприятельских паровых судов от Николаевской батареи близ г. Очакова. Во время сражения находился на батарее, «под выстрелами благословлял защитников и сам участвовал в зарядении орудий калеными ядрами». (Очаковский крепостной собор в то время находился в епархиальном ведомстве, но вскоре после описанных событий по предложению военного министра «по случаю возобновления тамошних укреплений» был вновь переведен в военное ведомство)²¹⁵⁴. Со 2 декабря 1855 г. по 25 мая 1856 г. исправлял требы при Очаковском военно-временном госпитале № 54. (Прочие награды: набедренник (1845), скуфья (1853), камилавка (1862), орден Св. Анны 3-й степени (1869), палица (1874), орден Св. Анны 2-й степени (1878), орден Св. Владимира 4-й степени (1888), золотой наперсный крест с украшениями из Кабинета Его Императорского Величества «в память об участии в обороне Севастополя» (1902-?), орден Св. Анны 1-й степени «в ознаменование 60-летней пастырской деятельности и ввиду проявленных во время Севастопольской кампании подвигов мужества» (1902))²¹⁵⁵.

Судковский Григорий, младший священник Литовского егерского полка. По представлению командующего отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта Н.А. Реада 9 апреля 1855 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за «отлично-усердное и

²¹⁵³ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 396.

²¹⁵⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 410. Л. 274–275.

²¹⁵⁵ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 244.

ревностное исполнение своих обязанностей во время сражения с турками 4 июня 1854 г. за рекой Чолоком»²¹⁵⁶.

Сущинский Андрей, священник Казанского пехотного полка, участник обороны Севастополя. 14 апреля 1858 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹⁵⁷.

Т

Тарасов Иаков, священник Новгородского ополчения, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден скуфьей.

Твердый Доримедонт Георгиевич, священник 54-го пехотного Минского полка. 3 сентября 1877 г. «за отличное мужество и храбрость, оказанные при переправе через реку Дунай у г. Зимницы в ночь с 14 на 15 июня 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁵⁸; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²¹⁵⁹; 16 мая 1881 г. «за отличия в Русско-турецкую войну» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. (Прочие награды: набедренник (1877), скуфья (1885), камилавка (1889), сан протоиерея (1897), орден Св. Владимира 4-й степени (1897), палица (1907), орден Св. Владимира 3-й степени (около 1908), орден Св. Анны 1-й степени (1908), орден Св. Владимира 2-й степени (1912), митра (1915))²¹⁶⁰.

Терлецкий Иоанн, протоиерей, настоятель Севастопольского адмиралтейского собора. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени за примерное исполнение своих обязанностей во время военных действий. (Предыдущие награды: скуфья (1830), камилавка (1834), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1850))²¹⁶¹.

²¹⁵⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 82–83.

²¹⁵⁷ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 535.

²¹⁵⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 271.

²¹⁵⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 19–19 об.

²¹⁶⁰ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 309.

²¹⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 24 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

Тополев Михаил Григорьевич, священник 15-го гренадерского Тифлисского Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича полка. 30 октября 1877 г. «за отличия, оказанные 4 и 5 мая 1877 г. при взятии штурмом крепости Ардагана» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁶²; 5 декабря 1877 г. «за отличие при штурме 13 июня 1877 г. укрепленной неприятельской позиции при Зивине» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁶³; в 1878 г. «за отличия 23–28 октября 1877 г. при штурме укреплений горы Деве-Бойну» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²¹⁶⁴.

Торопогрицкий Алексей Алексеевич, протоиерей Преображенского всей гвардии собора, полевой обер-священник 1-й Западной армии, участник войны 1812–1814 гг. В 1814 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени и митрой²¹⁶⁵.

Торопогрицкий Иоанн, священник лейб-гвардии Гусарского полка, участник войны 1812–1814 гг. 26 февраля 1813 г. награжден камилавкой, 20 мая 1814 г. – золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества²¹⁶⁶.

Тредьяковский Дмитрий Петрович, священник 20-го егерского полка, участник войны 1812–1814 гг. Награжден орденом Св. Анны 1-й степени. (Предыдущие награды: скуфья, камилавка, наперсный крест, выдаваемый от Синода (1810))²¹⁶⁷.

Троицкий Петр Васильевич, священник 7-го гренадерского Самогитского полка. В 1877 г. состоял в подвижном лазарете. 17 июня

²¹⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 316–316 об.

²¹⁶³ Там же. Л. 337–337 об.

²¹⁶⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С. 287–288.

²¹⁶⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4912 а. Л. 12.

²¹⁶⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 12–13.

²¹⁶⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 484. Л. 1–6.

1878 г. «за отличие в деле с турками при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁶⁸.

Трофимов Дмитрий, младший священник Одесского егерского полка (по другим данным – старший священник Украинского егерского полка), участник обороны Севастополя. 3 июля 1855 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий²¹⁶⁹.

Турцевич Тит Якимович, священник Белостокского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 8 сентября 1814 г. награжден скуфьей. (Последующие награды: камилавка (1818))²¹⁷⁰.

У

Успенский Иоанн, священник 4-го пехотного Копорского Его Величества короля Саксонского полка. 25 марта 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками в 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁷¹. (Предыдущие награды: скуфья (1872))²¹⁷².

Успенский Николай Иванович, протоиерей, старший священник гусарского Ея Императорского Высочества великой княгини Ольги Николаевны полка, благочинный 2-й легкой кавалерийской дивизии. По представлению главнокомандующего Действующей армией 17 апреля 1854 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с императорской короной «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²¹⁷³.

Ф

Федоров Ксенофонт, старший священник Днепровского пехотного полка. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при

²¹⁶⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 201; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 67. Л. 17–17 об.

²¹⁶⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 2. Д. 238. Л. 27; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.

²¹⁷⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 517.

²¹⁷¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 90; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 28. Л. 7.

²¹⁷² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 28. Л. 2 об.

²¹⁷³ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2.

исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя», награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹⁷⁴.

Федюшин Евгений Петрович, священник 44-го пехотного Камчатского полка. С 8 декабря 1854 г. по 27 августа 1855 г. находился в Севастопольском гарнизоне. За отличное и неустрашимое исполнение своих обязанностей в осажденном городе в сентябре 1856 г. награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁷⁵. (Последующие награды: скуфья (1859), камилавка (1868), орден Св. Анны 3-й степени (1879))²¹⁷⁶.

Феодоров Иоанн Федорович, священник Курляндского драгунского полка, затем (с декабря 1812 г.) – Санкт-Петербургского драгунского полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1813 г. (по другим данным – 19 июня 1814 г.) награжден камилавкой²¹⁷⁷.

Феодосий, иеромонах, участник обороны Севастополя. Награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁷⁸.

Филаретов Александр Григорьевич, священник лейб-гвардии Измайловского полка. 25 февраля 1878 г. «за отличие, оказанное в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.», награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁷⁹; около 1878 г. – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами; после 1878 г. – палицей. (Прочие награды: набедренник (1851), скуфья (1856), камилавка (1858), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1861), сан протоиерея (1864), орден Св. Анны 3-й степени (1867), орден Св. Анны 2-й степени (1870), орден Св. Владимира 3-й степени «за 50-летнее служение в

²¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 26; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.

²¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 15. Л. 24.

²¹⁷⁶ Капков К.Г. Указ. соч. С. 268.

²¹⁷⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 1–2; Оп. 17. Д. 574.

²¹⁷⁸ Каллистов Н. Указ. соч. С. 502; Капков К.Г. Указ. соч. С. 274.

²¹⁷⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 67.

священном сане» (1891), золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества с украшениями (1898))²¹⁸⁰.

Философов Иоанн Антонович, священник 6-го гренадерского Таврического Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка, благочинный 2-й гренадерской дивизии. 20 мая 1878 г. «за отличие в деле при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁸¹; в 1879 г. – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. (Прочие награды: скуфья (1872), камилавка (1875), сан протоиерея (1886), орден Св. Владимира 3-й степени (1897), золотой наперсный крест с украшениями из Кабинета Его Императорского Величества (1899), митра (1905), орден Св. Анны 1-й степени «за 50-летнее служение в священном сане» (1910))²¹⁸².

Флоровский Николай, священник 35-го пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка. 21 ноября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁸³; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²¹⁸⁴.

Фомин Гавриил Львович, священник Низовского пехотного полка, участник Отечественной войны 1812 года. 27 апреля 1814 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: камилавка (1812))²¹⁸⁵.

Фрусевич Иоанн, священник Александрийского гусарского Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полка, участник обороны Севастополя. 17 апреля 1857 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени²¹⁸⁶.

²¹⁸⁰ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 289–290.

²¹⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 172.

²¹⁸² *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 290.

²¹⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 326.

²¹⁸⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 19–19 об.

²¹⁸⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 617.

²¹⁸⁶ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1857. № 47; *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 535.

Х

Химуля Николай Иванович, старший священник Галицкого егерского полка. По представлению главнокомандующего Действующей армией 5 мая 1854 г. награжден скуфьей «за отлично-усердное и ревностное исполнение своих обязанностей»²¹⁸⁷.

Хорошавин Константин Алексеевич, протоиерей лейб-гвардии Московского полка. 22 апреля 1878 г. «за отличие в делах с турками при Горном Дубняке и Телише 12 и 16 октября 1877 г.» награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами²¹⁸⁸; 3 февраля 1879 г. «за отличия при переходе через Балканы в декабре 1877 г. и в битве под Филиппополем 3, 4 и 5 января 1878 г.» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁸⁹. (Предыдущие награды: скуфья (1856), камилавка (1860), наперсный крест, выдаваемый от Синода (1863), орден Св. Анны 3-й степени с мечами (1863), сан протоиерея (1866), орден Св. Анны 2-й степени (1871), орден Св. Владимира 4-й степени (1875))²¹⁹⁰.

Хуциев Евстафий, священник 156-го пехотного Елисаветпольского полка, благочинный 39-й пехотной дивизии. 14 ноября 1879 г. «за отличие при блокаде Эрзерума» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁹¹.

Ц

Цветков Василий Алексеевич, протоиерей 14-го гренадерского Грузинского Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича полка, благочинный Кавказской гренадерской дивизии. 10 июня 1878 г. «за отличие во время штурма укрепленного турецкого лагеря у селения Зивин 13 июня 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами²¹⁹²; 15 июля 1878 г. «за отличие в делах с турками 1, 2 и

²¹⁸⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 368. Л. 2 об.

²¹⁸⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 137; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 39. Л. 9.

²¹⁸⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 46. Л. 56–56 об.

²¹⁹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 39. Л. 7.

²¹⁹¹ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 304.

²¹⁹² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 198; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 66. Л. 9.

3 октября 1877 г.» – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами²¹⁹³; 14 ноября 1879 г. «за отличие при блокаде Эрзерума» – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁹⁴. (Предыдущие награды: набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, выдаваемый от Синода, орден Св. Анны 3-й степени (1874))²¹⁹⁵.

Цитович Александр Иоаннович, священник 56-го пехотного Житомирского полка, благочинный 14-й пехотной дивизии. 3 сентября 1877 г. «за отличие при переправе через Дунай в ночь с 14 на 15 июня 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²¹⁹⁶; 1 декабря 1877 г. «за отличия во время обороны Шипки с 9 по 14 августа 1877 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²¹⁹⁷; 23 июня 1879 г. «за отличие в деле против турок на Шипке 28 декабря 1877 г.» – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами²¹⁹⁸. (Предыдущие награды: набедренник (1871), скуфья (1874)).

Цитович Григорий Семенович, протоиерей Нижегородского пехотного полка, благочинный 26-й пехотной дивизии, участник Отечественной войны 1812 года. 13 января 1814 г. награжден камилавкой. (Предыдущие награды: скуфья (1804))²¹⁹⁹.

Цитович Иосиф Семенович, протоиерей Белорусского гусарского полка, участник войны 1812–1814 гг. 19 июня 1814 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: скуфья (1806), камилавка (1808))²²⁰⁰.

Ч

Черняговский Сала, священник, прикомандированный к 17-му драгунскому Северскому Его Величества Короля Датского полку. 5

²¹⁹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 222; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 69. Л. 14–14 об., 15.

²¹⁹⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С. 304.

²¹⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 66. Л. 2 об.

²¹⁹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 271.

²¹⁹⁷ Капков К.Г. Указ. соч. С. 287.

²¹⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13, 18.

²¹⁹⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 675.

²²⁰⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 677; Д. 858. Л. 32–35.

декабря 1877 г. «за отличие, оказанное в ночь с 17 на 18 мая 1877 г. при селении Бегли-Ахмет» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²²⁰¹.

Чичкевич Анисим Иванович, священник Брянского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 27 апреля 1814 г. награжден камилавкой²²⁰².

Ш

Шавладзе Иоанн, священник 2-й пешей Гурийской дружины. 4 марта 1878 г. «за отличия, оказанные в делах с турками летом 1877 г.», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²²⁰³.

Шашкевич Алексей, священник Санкт-Петербургского ополчения, участник войны 1812–1814 гг. Награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. В октябре 1814 г. скончался.

Шеметов Гавриил, протоиерей Смоленского уланского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. (Награды: орден Св. Анны 3-й степени (1861), орден Св. Анны 2-й степени (1864), орден Св. Анны 2-й степени с императорской короной (1870))²²⁰⁴.

Шеметов Николай, священник 9-го уланского Бугского Его Королевского Высочества Принца Августа Виртембергского полка. 20 ноября 1878 г. «за отличие при взятии Плевны 28 ноября 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами²²⁰⁵.

Ю

Ювеналий, иеромонах, благочинный Александро-Невской лавры. 4 октября 1878 г. «за заслуги, оказанные по устройству в Лавре госпиталя для раненых воинов и содержанию оногo», награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода²²⁰⁶.

Я

²²⁰¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433. Л. 337–337 об.

²²⁰² РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 858. Л. 36–37.

²²⁰³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 77; Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 23. Л. 11.

²²⁰⁴ *Каллистов Н.* Указ. соч. С. 534.

²²⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 339–339 об.

²²⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 434. Л. 230.

Якубинский Петр, священник Копорского пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. 26 февраля 1813 г. награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода. (Предыдущие награды: камилавка (1810))²²⁰⁷.

Якубович Симеон Васильевич, протоиерей Нашебургского пехотного полка, участник кампаний 1805–1807 гг. и войны 1812–1814 гг. 27 сентября 1807 г. «за отличие в сражении при Прейсиш-Эйлау 26–27 января 1807 г.» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. В 1813 г. награжден камилавкой. (Предыдущие награды: скуфья (1806))²²⁰⁸.

Яновицкий Иоанн Евстафиевич, священник ополчения 3-го округа, с 20 февраля 1814 г. – полевой обер-священник Польской армии. Награжден орденом Св. Аны 2-й степени²²⁰⁹.

Яновский Моисей Васильевич, священник 4-го драгунского Екатеринославского полка. 23 июня 1879 г. «за отличия в делах с турками под Филиппополем» награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²²¹⁰; 14 июля 1879 г. «за отличие при переходе через Балканы» – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами; 5 ноября 1880 г. «за отличную службу во время оккупации Болгарии» – орденом Св. Анны 2-й степени. (Последующие награды: скуфья (1880), камилавка (1885), сан протоиерея (1890), палица (1895))²²¹¹.

Ящуринский Иоанн Алексеевич, протоиерей Олонецкого пехотного полка, участник войны 1812–1814 гг. В 1814 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени. (Прочие награды: скуфья (1812), камилавка (1815))²²¹².

²²⁰⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 12–13.

²²⁰⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 821. Л. 7–8.

²²⁰⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 824.

²²¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 3. Ст. 4. Д. 133. Л. 12–13.

²²¹¹ *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 303.

²²¹² РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 845. Л. 1–3.